

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Учебник раскрывает как фундаментальные основы, так и прикладные аспекты технико-юридического оформления нормативных, интерпретационных, правореализационных государственных решений. Юридическая техника выступает мощной организационно-управленческой системой, влияющей не только на форму, но и на содержание правовых предписаний.

Книга состоит из 27 разделов. Представляет собой попытку развернутого системного изложения основных средств юридической техники, реализация которых иллюстрируется новейшими достижениями правовой практики. Содержит учебные задания, вопросы для самоконтроля, тесты и литературу, которые могут быть предметно использованы в процессе обучения.

Учебник адресован студентам и преподавателям юридических вузов. Может быть интересен депутатскому корпусу всех уровней, работникам правовых управлений и отделов органов исполнительной государственной власти и всем, кого беспокоит качество правовой основы жизни общества.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

JURIDICAL TECHNIQUES

Учебник

Под редакцией

доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ

В. М. Баранова

Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 651-62-62
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

JURIDICAL TECHNIQUES

Учебник

Под редакцией

доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ
В. М. Баранова

Рекомендовано

*Учебно-методическим отделом высшего
образования в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по юридическим направлениям*

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2021

УДК 340.13(075.8)
ББК 67.022.14я73-1
Ю70

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Рецензенты:

Власенко Н. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Юридического института РУДН, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, член экспертного совета ВАК при Минобрнауки по праву;

Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых;

Сенякин И. Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

Под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации **В. М. Баранова**.

Ю70 Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — 648 с.

ISBN 978-5-392-34005-7

Учебник раскрывает как фундаментальные основы, так и прикладные аспекты технико-юридического оформления нормативных, интерпретационных, правореализационных государственных решений. Юридическая техника выступает мощной организационно-управленческой системой, влияющей не только на форму, но и на содержание правовых предписаний.

Книга состоит из 27 разделов. Представляет собой попытку развернутого системного изложения основных средств юридической техники, реализация которых иллюстрируется новейшими достижениями правовой практики. Содержит учебные задания, вопросы для самоконтроля, тесты и литературу, которые могут быть предметно использованы в процессе обучения.

Законодательство приведено по состоянию на декабрь 2020 г.

Учебник адресован студентам и преподавателям юридических вузов. Может быть интересен депутатскому корпусу всех уровней, работникам правовых управлений и отделов органов исполнительной государственной власти и всем, кого беспокоит качество правовой основы жизни общества.

УДК 340.13(075.8)
ББК 67.022.14я73-1

Учебное издание

Баранов Владимир Михайлович и др.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Учебник

Подписано в печать 25.01.2021. Формат 60×90^{1/16}.

Печать цифровая. Печ. л. 40,5. Тираж 1000 (1-й завод 150) экз. Заказ №

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-34005-7

© Коллектив авторов, 2021
© ООО «Проспект», 2021

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	5
Введение. Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании	7
Раздел 1. Юридическая техника как наука и учебная дисциплина	16
Раздел 2. Понятие, виды и значение юридической техники	38
Раздел 3. Юридические документы	60
Раздел 4. Техника легализации юридических документов	83
Раздел 5. Техника иерархического построения источников права	111
Раздел 6. Преамбула нормативного правового акта	129
Раздел 7. Юридическая терминология	156
Раздел 8. Юридическая терминологическая система	184
Раздел 9. Законодательные дефиниции	200
Раздел 10. Законодательный стиль	225
Раздел 11. Правовые символы	239
Раздел 12. Идея и концепция законопроекта	268
Раздел 13. Юридические конструкции и правовые аксиомы	290
Раздел 14. Правовые презумпции и правовые фикции	311
Раздел 15. Примечания в праве	333
Раздел 16. Перечень в правотворческих актах	353

Раздел 17. Общая характеристика приложений в праве.....	373
Раздел 18. Исключения в праве как технико-юридический инструментарий.....	380
Раздел 19. Оформление проекта нормативного правового акта.....	405
Раздел 20. Правовая экспертиза проекта нормативного правового акта.....	427
Раздел 21. Юридическая техника электронных нормативных правовых актов.....	463
Раздел 22. Интерпретационная юридическая техника.....	486
Раздел 23. Правореализационная и правоприменительная юридическая техника.....	522
Раздел 24. Правовой мониторинг.....	557
Раздел 25. Договорная юридическая техника.....	583
Раздел 26. Юридическая аргументация: сущность, техника, эффективность.....	602
Раздел 27. Систематизация законодательства и ее техника.....	619
Ключи к тестовым заданиям.....	636

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Баранов Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (введение, раздел 1, 2 — в соавторстве с Давыдовой М. Л., 6, 12, 15, 16, 17, 18 — в соавторстве с Суменковым С. Ю.);

Баранова Марина Владимировна — доктор юридических наук, профессор (раздел 9);

Губаева Тамара Владимировна — доктор юридических наук, профессор (раздел 10);

Давыдова Марина Леонидовна — доктор юридических наук, профессор (раздел 1, 2 — в соавторстве с Барановым В. М., 11, 13, 14);

Исаков Владимир Борисович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (раздел 21);

Каргин Константин Васильевич — кандидат юридических наук, доцент (раздел 3, 26);

Конев Андрей Николаевич — кандидат юридических наук, доктор технических наук, доцент (раздел 4);

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист РФ (раздел 19, 20, 24 — в соавторстве Черниковым В. В.);

Парфенов Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент (раздел 22);

Плетников Виктор Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент (раздел 23 — в соавторстве с Шабуровым А. С.);

Сивицкий Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор (раздел 27);

Суменков Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, доцент (раздел 18 — в соавторстве с Барановым В. М.);

Толстик Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор (раздел 5, 7);

Туранин Владислав Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент (раздел 8);

Черников Валерий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (раздел 19, 20, 24 — в соавторстве с Москальковой Т. Н.);

Шабуров Анатолий Степанович — доктор юридических наук, профессор (раздел 23 — в соавторстве с Плетниковым В. С., 25).

Введение

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗОВСКОМ ПРАВОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Юридическая техника — сложное, противоречивое, динамичное единство правовой теории и практики. Естественно, что на каком-то этапе развития того или иного государства возможна технико-юридическая дисгармония между декларируемой правовой идеологией, теоретико-методологическими постулатами и реальной практикой нормотворчества. Но в целом история свидетельствует о постоянном совершенствовании технико-юридического инструментария, о реальном обогащении средств и приемов юридической техники, о развитии ее стратегии и тактики. Можно констатировать, что ныне сложился своеобразный технико-юридический разум, который находит проявление в самых разных формах. Бесперспективно резкое разведение некоторыми исследователями юридической техники и технологии. В реальной правотворческой практике эти феномены неразделимы. Юридическая техника — относительно самостоятельный элемент правовой технологии и вполне может рассматриваться обособленно, что и демонстрирует предлагаемый учебник. Процессуальная форма — неременный компонент всех средств и приемов юридической техники.

О возрастающей актуальности совершенствования юридической техники свидетельствует Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 г. и обсуждение его перед единогласным принятием в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Вот лишь один фрагмент по этому поводу из вышеназванного документа: «Анализ особенностей используемой законодательной техники показывает наличие двух взаимоисключающих тенденций: в одних сферах законодательства используемые **юридические конструкции становятся более цельными и продуманными**, в других увеличивается количество **непрофессионального использования терминологии**, плохо проработанных, половинчатых юридических конструкций, которые

не отражают фактические запросы общества и принимаются под влиянием сиюминутных запросов или событий»¹.

Академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Т. Я. Хабриева в своем содержательном выступлении при обсуждении Отчета критично отметила: «... Качество законов, которые принимаются Государственной Думой, тем не менее, до необходимого уровня не дотягивает, связано это чаще всего и главным образом с несоблюдением правил законотворческой техники». Она, подчеркнув, что нельзя сводить законодательную технику только к формальному структурированию текста, к использованию тех или иных лексических единиц, констатировала: «Есть ведь фундаментальные требования законодательной техники — требование выбора предмета правового регулирования, выбора оптимальных средств правового воздействия»². Не менее важен вывод Т. Я. Хабриевой о необходимости последовательной и полной реализации принципа сохранения баланса отраслей законодательства.

Предлагаемый учебник по юридической технике — очередной, хочется надеяться, инновационный этап дидактического оснащения сравнительно новой учебной дисциплины. В последние годы в России появилось немало учебников по юридической технике. Конечно, их научный и методический уровни различны, но есть у них и общая черта: они освещают, как правило, основы юридической техники, предлагают элементарные определения и самые простые характеристики наиболее распространенных технико-юридических приемов.

Предлагаемый учебник — не набор устоявшихся тезисов и определений: авторы стремились вовлечь обучающихся в сложнейший процесс познания, в мыследеятельность, в приобретение навыков формирования самостоятельной правовой позиции. Именно для этого во многих разделах приводятся различные научные точки зрения, спорные практические казусы — обучаемый имеет возможность сравнивать и выбирать по собственному усмотрению.

Жанр учебника предполагает значительно большую свободу преподавания, усиленную, если можно так выразиться, проблемность изложения материала. Становление профессионального мышления правоведа немислимо без знания конкретных приемов и средств юридической техники, без понимания трудностей реализации их в постоянно меняющемся правовом пространстве.

¹ Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году. М.: Издание Государственной Думы, 2014. С. 68.

² URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4196/>.

«Дисциплина, в которой существует большой разрыв между тем, что происходит на исследовательском фронте, и тем, что преподается студентам, — это дисциплина, находящаяся в кризисе»¹ — констатирует известный американский политолог Иэн Шапиро.

Учебник по юридической технике — не цель, а средство развития профессиональных и креативных качеств правоведа. При этом предлагаемое учебное издание — лишь элемент существующей системы юридического образования.

Предлагаемый вниманию читателей учебник — попытка коллективными усилиями преодолеть имеющийся разрыв между теорией, практикой и техникой правотворчества, толкования и реализации юридических норм.

Высокозначимой целью учебника является такое представление материала, чтобы будущие правоведа-профессионалы осознали: юридическая техника — не набор неких формальных приемов и средств, а мощная организационно-управленческая система, способная влиять (позитивно либо негативно) на содержание правовых предписаний.

Профессиональная подготовка современных юристов немыслима без освоения юридической техники, без приобретения навыков и умений правильного применения ее приемов, без поиска путей модернизации имеющихся технико-юридических средств.

Содержание учебника базируется на традиционных элементах юридической техники, но каждый из них подается не как схема, а в качестве постоянно развивающейся системы технико-юридического оформления.

Не менее значимой целью учебника выступает внедрение в профессиональное сознание будущих юристов понимания управленческой ценности юридической техники. Любой правоведа призван не только быть представителем государства, но и уметь строить его, уметь улучшать его функциональные возможности.

Третья специальная цель учебника состоит в демонстрации неоправданности консервативного стереотипа — юридическая техника относится к компетенции и профессиональному интересу лишь правотворческих органов, а правоприменители должны четко реализовывать их. Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» и временный творческий коллектив из числа профессорско-преподавательского состава Нижегородской академии МВД России более 20 лет ведут разработку проблем совершенствования технико-юридического оформления юридически значимых видов правовой деятельности. За это время опубликовано

¹ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках: пер. с англ. М., 2011. С. 356.

четыренадцать объемных ежегодных журналов «Юридическая техника» (их содержание размещено на сайте jurtech.org), 11 сборников статей о законотворческой технике, дефинитивных предписаниях, правовых презумпциях, кодификации законодательства, правотворческих ошибках, конкретизации законов, преемственности в праве, юридической аргументации, компромиссах в праве, технике государственно-правовых закономерностей, технике повышения эффективности юридических процедур. В 2020 г. московское издательство «Прспект» опубликовало двухтомное издание автора введения: «Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и жанре дискуссионного клуба (1999–2019).

В 2010 г. в московском издательстве «ЮНИТИ-ДАНА» автором введения опубликован ретроспективный библиографический указатель «Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение», содержащий список источников по 51 тематическому разделу, которые максимально широко обрисовывают технологию правотворческой, интерпретационной и правореализационной деятельности. В 2015 г. Нижегородская академия МВД России и Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» переиздали эту библиографию в расширенном варианте — она содержит 65 разделов. Издания могут оказаться хорошим подспорьем для желающих углубить свои знания в области юридической техники и усовершенствовать навыки технико-юридического оформления управленческих решений.

Кроме того, в 2015 г. Нижегородская академия МВД России опубликовала избранные труды автора настоящего введения (Баранова В. М.) «Очерки техники правотворчества», где в исторической ретроспективе прослеживаются основные тенденции технико-юридического обеспечения нормосозидания. Конкретизируя предыдущие рассуждения в **методическом ракурсе**, считаю важным подчеркнуть следующее.

Предлагаемый вниманию читателя учебник сочетает в себе черты классического и новаторского подходов. С одной стороны, он отражает все общепризнанные, устоявшиеся на сегодняшний день положения науки, связанные с понятием юридической техники, системой ее средств и основных видов. Они излагаются в доступной манере с соблюдением традиционных методических правил и приемов (четкая структура каждого вопроса, списки заданий для самоконтроля (тесты) и рекомендуемой литературы по темам). С другой стороны, в освещении каждой темы намеренно сохранен проблемный автор-

ский подход: анализируются спорные позиции, обосновываются гипотезы и идеи, требующие вдумчивого самостоятельного анализа. Это делает учебник пригодным для решения различных учебно-методических задач, в зависимости от того, на каком этапе формирования будущего юриста учебным планом предусмотрено изучение юридической техники.

Потенциальную аудиторию книги составляют студенты-юристы: бакалавры (потому что в учебнике есть все основное, что будущему практику следует знать о юридической технике), магистры (потому что поисковый характер издания оставляет простор для научного творчества, необходимый начинающему исследователю) и даже аспиранты (потому что позиции членов авторского коллектива — ведущих отечественных специалистов по технико-юридической проблематике — представляют собой своеобразный срез сегодняшнего состояния данного направления правовой науки).

Целями освоения представленного учебник являются следующие.

1. Формирование у студентов целостного представления о юридической профессии, о средствах, приемах, способах профессиональной юридической деятельности, а также о правилах и требованиях, выступающих критериями оценки профессионального мастерства юриста.
2. Развитие практических навыков подготовки и оформления нормативных, правоприменительных, договорных и других правовых актов, осуществления иной юридической деятельности.

Задачи учебника:

- развитие у обучающегося специфических черт юридического мышления, позволяющих выявлять юридически значимые признаки реальных жизненных обстоятельств путем соотнесения фактических явлений с их нормативной моделью, закрепленной правовой нормой;
- усвоение обучающимися комплекса знаний о системе юридических документов, используемых в процессе регулирования правовых отношений;
- уяснение основных правил, приемов и средств юридической техники, требований к их использованию при разработке и оформлении таких документов;
- закрепление и систематизация теоретических знаний о праве;
- усиление интереса к различным видам юридической практики, заинтересованности в повышении профессиональной квалификации.

Не будучи закрепленной в федеральных государственных образовательных стандартах в качестве обязательной дисциплины, юридическая техника в настоящее время преподается во многих отечественных

вузах, обеспечивая формирование важнейших общекультурных и профессиональных компетенций. Так, в процессе изучения юридической техники формируются компетенции, предусмотренные ФГОС по направлению подготовки «Бакалавр юриспруденции». Помощь в решении вышеозначенных задач обучаемому могут оказать материалы международной, междисциплинарной дискуссии, опубликованной в книге «Нормрайтер как профессия» (М.: ПГ-Пресс, 2019. — 376 с.).

В результате изучения учебника «Юридическая техника» студент должен:

знать

- смысл и значение юридической профессии, характеристику основных видов юридической деятельности, профессиональные требования, средства и правила, обеспечивающие качество основных видов юридической деятельности;
- понятие, виды, структуру нормативно-правовых актов, требования к их разработке; правила подготовки концепции нормативно-правового акта и правила составления его текста;
- виды, значение и содержание экспертиз нормативно-правовых актов; особенности проведения юридической и антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов; основные дефекты проектов нормативно-правовых актов, выявляемые в ходе юридической и антикоррупционной экспертиз;
- технико-юридические приемы толкования нормативно-правовых актов и индивидуальных правовых актов;
- технико-юридические требования к осуществлению властных и невластных форм реализации права, правила осуществления юридической квалификации, способы разрешения нетипичных ситуаций в правоприменительной деятельности;
- общие формальные, содержательные, языковые, реквизитные требования к составлению юридических документов; видовые характеристики различных юридических документов и требований к ним; общие и отраслевые правила составления и оформления различных видов юридических документов,

уметь

- объяснить социальную значимость юридической профессии и каждого вида профессиональной юридической деятельности, охарактеризовать ее содержание; оценить профессиональную деятельность юриста с точки зрения социальной значимости профессии и оптимального использования технико-юридических средств;

- оценить качество нормативно-правового акта, соблюдение требований к его разработке; составлять концепцию и текст нормативно-правового акта; готовить различные виды концепций, составлять проекты разных по объему и юридической силе нормативно-правовых актов;
- дать общую характеристику видов, значения и содержания экспертиз нормативно-правовых актов; провести анализ текста нормативно-правового акта с точки зрения требований юридической и антикоррупционной экспертиз; практически применять методику проведения юридической и антикоррупционной экспертиз, выявлять дефекты нормативно-правовых актов и давать рекомендации по их устранению;
- различать способы толкования, давать характеристику видам толкования права; применять существующие приемы и способы толкования к анализу текста любого правового акта (нормативного акта, договора, судебного решения и т.п.);
- определять форму реализации права, подходящую к конкретной жизненной ситуации, отраслевую принадлежность норм материального и процессуального права, подлежащих реализации; использовать базовые юридические конструкции действующего права для анализа конкретных правовых ситуаций, которым необходимо дать юридическую оценку; использовать правовые презумпции, фикции, правила разрешения юридических коллизий, правила применения права по аналогии;
- составлять и оформлять типовые юридические документы, соблюдать общие требования к ним; выявлять ошибки в соблюдении правил составления и оформления различных видов юридических документов,

владеть

- общими представлениями о смысле, содержании и социальной значимости юридической профессии; способностью раскрыть и объяснить смысл, содержание и социальную значимость каждого вида профессиональной юридической деятельности; навыками оценки качества профессиональной деятельности;
- навыками анализа текста нормативно-правового акта на предмет его соответствия требованиям правотворческой техники; навыками разработки концепций и проектов разных по объему и юридической силе нормативно-правовых актов;
- общими представлениями о сути и содержании экспертиз нормативно-правовых актов; навыками оценки качества нормативно-правового акта с точки зрения требований юридической и антикоррупционной экспертиз; навыками применения экс-

- пертных методик, выявления дефектов нормативно-правовых актов и разработки рекомендаций по их устранению;
- навыками уяснения и разъяснения смысла нормативно-правового акта с помощью всех существующих способов толкования; навыками уяснения и разъяснения смысла любого правового текста;
 - навыками выбора правовой нормы, подлежащей реализации в конкретной жизненной ситуации; навыками анализа нормативного текста и практического использования юридических конструкций в процессе юридической квалификации фактических обстоятельств; навыками разрешения сложных ситуаций в правоприменительной деятельности;
 - навыками составления и оформления различных, в том числе типовых юридических документов с соблюдением общих формальных, содержательных, языковых, реквизитных требований к ним; навыками самостоятельного поиска требований и правил составления отдельных видов документов.

Одна из особенностей учебника заключается в том, что при общем признании ценности юридической техники, общей вере в постоянное возрастание ее практических возможностей авторы не были ограничены в выражении своих взглядов и правовых позиций. Внесенные в 2020 году высокоценные, разноплановые изменения в Конституцию Российской Федерации предполагают на ближайшую перспективу не только разработку и принятие 100 законов (а возможно и больше). Не менее важно обеспечить их инновационность и приблизить к базовым характеристикам законодательных актов. Более того, требуется кардинальное развитие, усовершенствование технологии приведения всего массива действующего законодательства в соответствие с обновленной Конституцией России. Авторы учебника, имея в виду это обстоятельство, особый акцент при раскрытии технико-юридической стороны правотворческой реальности делают на гармонизацию действующего законодательства.

Острая потребность в гармонизации законодательства¹ на новой конституционной основе обусловлена целями поиска инновационных и одновременно перспективных средств укрепления государственности, институтов гражданского общества, гарантированности прав и свобод граждан, дальнейшего развития местного самоуправления.

И последнее. Приведение законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с новой редакцией Конституции

¹ Подробно см.: *Баранов В. М., Пишеничнов М. П.* «Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства». Юридическая техника. — 2013. — № 7 (часть 2). — С. 71–77.

России, без сомнения, обогатит правовую действительность новыми юридическими конструкциями, самобытными законодательными дефинициями, оригинальными примечаниями, приложениями, необычными формами систематизации актов, новаторскими компьютерными технологиями. Их оценку обучающимся желательно соотносить с доктринальными позициями сопредседателей рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ, принимавшими непосредственное участие в проектировании Основного закона¹.

В. М. Баранов,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
президент Нижегородского исследовательского
научно-прикладного центра «Юридическая техника»,
помощник начальника Нижегородской академии МВД России
по инновационному развитию научной деятельности*

¹ См.: *Хабриева Т. Я., Клишас А. А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Раздел 1

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Предмет науки «Юридическая техника» и история его развития

Вопрос об объектно-предметной области — наиважнейший и наитруднейший для юридико-технической науки. Попытки ответа на него представляют собой «палитру» самых разных мнений. Некоторые исследователи полагают, что науки о юридической технике не было, нет и быть не может. Другие ученые исходят из того, что такая наука, возможно, и нужна, но пока ее нет. Есть мнение, что наука о юридической технике есть, но она еще «не устоялась», не имеет своего четко определенного «лица». Имеется доктринальная позиция, согласно которой наука о юридической технике существует, но находится в начальной стадии развития. Наконец, немало специалистов, которые уверены: наука о юридической технике не только «родилась», она давно прошла начальную стадию своего становления и ныне находится на очередном, новом этапе развития. Эта констатация существующего положения науки юридической техники ближе всего к истине, и мы ее разделяем.

Так писал И. Кант: «Когда нужно представить какое-нибудь познание как *науку*, то, прежде всего, должно в точности определить ту отличительную особенность, которую оно не разделяет ни с каким другим познанием, и которая, таким образом, исключительно ему свойственна; в противном случае границы всех наук сольются, и ни одну из них нельзя будет основательно изложить сообразно с ее природой»¹. Целый ряд отличительных особенностей имеется и у предмета науки «юридическая техника».

¹ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки: пер. с нем. М., 1993. С. 21; Н. Луман подчеркнул: «... Для того, чтобы могли проводиться какие-либо исследования, должен наличествовать какой-то “предмет”, которому оно могло бы относиться; ибо в противном случае постоянно говорили бы сразу о многом и всегда — по-разному». Луман Н. Реальность массмедиа: пер. с нем. М., 2005. С. 120.

Предмет науки «юридическая техника» — некий «суммарный» феномен, который образовался на «стыке», пересечении многих научных дисциплин. Общий статус юридической техники можно определить как организационно-управленческую гуманитарную научную дисциплину, имеющую интегральный характер.

По мнению коллектива ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, «Технико-юридический инструментарий — важная составляющая так называемых “метатеорий” (теории правотворчества, теории толкования, теории правоприменения и др.), а не отдельная отрасль научного знания»¹. Такой подход представляет собой возврат в прошлое и не учитывает в полной мере качественные интегративные процессы развития техники правотворчества, интерпретации и реализации. Кстати, логика, уровни и результаты исследования нормотворческой юридической техники, представленные авторами одноименной книги, свидетельствуют о существовании не «зачаточного состояния» науки «Юридическая техника», а цельной, относительно самостоятельной, активно функционирующей отрасли гуманитарного знания.

Понятие юридической техники входит в категориальный аппарат европейской юридической науки на рубеже XIX—XX вв. на волне популярности юридического позитивизма, привлекшего внимание исследователей к вопросам языка права, качества законодательных текстов, другим технико-юридическим проблемам и ставшего теоретической базой формирования и исследования самого понятия юридической техники.

Особенности континентальной правовой семьи обусловили тот факт, что теоретические исследования в данной области первоначально касались преимущественно техники законодательной.

Предпосылками формирования теории правотворческой техники были многочисленные идеи о качестве законов, требованиях, предъявляемых к ним, и правилах их создания, встречающиеся в трудах Платона, Аристотеля, М. Т. Цицерона, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Ч. Беккариа, Ф. Бэкона, Г. В. Ф. Гегеля, И. Бентама. Последнего иногда называют основоположником теории законодательной техники, ведь именно он предложил создать *номографию* — науку о законодательном искусстве². В XIX в. работы по юридической технике издаются в Германии (Р. Иеринг, А. Вах), в Швейцарии (К. Штос), во Франции (Ф. Жени), в Англии (К. Ильберт). Данная проблематика освещается также в работах Р. Штаммлера, Л. Гюнтера, Г. Еллинека.

¹ Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. М., 2011. С. 8, 16.

² См.: *Bentham J. Nomography or the art of inditing*. 1843. Vol. 3. P. 233–283.

Значительное внимание, уделяемое в литературе проблемам юридической техники, обусловило формирование нескольких различных подходов к ее исследованию. По классификации бельгийского ученого Ж. Дабена в западноевропейской науке выделяются пять основных подходов к решению вопроса о сущности и назначении юридической техники¹.

Первый подход (И. Колер, Ж. Рипер) состоит в противопоставлении юридической техники и юридической науки. Наука изучает абстрактные принципы, а техника — это искусство воплощения этих принципов в жизнь через правотворчество, толкование и судопроизводство (правоприменение).

Второй подход (Р. Штаммлер, Р. Салейль) видит назначение юридической техники в развитии правовых концепций и в логической систематизации правовых норм. Таким образом, понятие юридической техники охватывает и юридическую науку, и юридическую практику.

Третий подход (Л. Дюги, Р. Демог) сопоставляет юридическую технику не с наукой или практикой, а с самим правом. Юридическая техника рассматривается как совокупность средств и процедур, призванных обеспечить реализацию целей права, его защиту. Технические (вспомогательные) нормы обеспечивают осуществление основных правовых норм.

Четвертый подход (Р. Иеринг, Ф. Жени) связывает юридическую технику с потребностями общества. В ней видится средство перевода социальных потребностей на язык права, средство создания норм, необходимых для поддержания порядка в обществе. Сама техника при таком подходе отождествляется с формой права, которая противостоит содержанию, относительно самостоятельна от него и способна к саморазвитию.

Пятый подход (М. Ориу) построен на отрицании самой необходимости понятия юридической техники. Суть этой точки зрения состоит в том, что понятие юридической техники не адекватно важности и значимости права. Отождествление права и техники приводит к опощлению права.

В дореволюционной российской науке вопросы юридической техники вызвали значительный интерес. Их затрагивали в своих работах М. М. Сперанский², П. И. Люблинский³, Б. Н. Чиче-

¹ См.: Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) // Правоведение. 2000. № 1. С. 16–17.

² См.: Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833.

³ См.: Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного законодательства. Пг., 1917.

рин¹, Г. Ф. Шершеневич², С. А. Муромцев³, Г. С. Мэн⁴, Д. И. Мейер⁵, А. А. Башмаков⁶, П. Д. Колмыков⁷ и др. Значительное влияние на развитие теории юридической техники в России оказали публикации трудов западных юристов: Р. Иеринга⁸, К. Ильберта⁹, Ф. Жени¹⁰.

В советском правоведении вопросы юридической техники стали разрабатываться во второй половине 1920-х гг. Абсолютное большинство работ (статей), изданных в 1920–1930 гг., было посвящено технике законотворчества (М. Винавер¹¹, М. Гродзинский¹², И. Елизаров¹³, И. Перетерский¹⁴ и другие) и проблемам языка закона (А. Луначарский¹⁵, А. Лаптев¹⁶, М. Президент¹⁷, К. Равич¹⁸ и другие). Вероятно, на этом этапе круг исследуемых проблем определялся не столько влиянием официальной доктрины, сколько практической необходимостью создания новой системы советского законодательства. Термин «*юридическая техника*» в этот период никем из авторов, за исключением Л. Успенского¹⁹, не использовался.

¹ См.: Чичерин Б. Н. О народном представительстве. 2-е изд. М., 1899.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Законодательство в России // Общая теория права. М., 1911. Вып. 2. С. 420–431; *Он же*. История кодификации гражданского права в России. Казань, 1888.

³ См.: Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 58–70.

⁴ См.: Мэн Г. С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873.

⁵ См.: Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854.

⁶ См.: Башмаков А. А. Законодательная техника и народное право // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 2. С. 176.

⁷ См.: Колмыков П. Д. Символизм права вообще и русского в особенности. СПб., 1839.

⁸ См.: Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905.

⁹ См.: Ильберт К. Техника английского законодательства // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 9.

¹⁰ См.: Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 8.

¹¹ См.: Винавер М. Законодательная техника // Право и жизнь. 1926. № 2–3.

¹² См.: Гродзинский М. М. Законодательная техника и уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. 1928. № 19, 20. С. 558–563.

¹³ См.: Елизаров И. Как писать законы // Советская юстиция. 1930. № 17.

¹⁴ См.: Перетерский И. С. «Примечания» в законе (один из вопросов законодательной техники) // Советское право. 1928. № 2.

¹⁵ См.: Луначарский А. О языке закона // Известия. 1931. 24 марта.

¹⁶ См.: Лаптев А. Язык закона // Власть советов. 1929. № 52.

¹⁷ См.: Президент М. Язык законов (о четкости и общедоступности языка законов) // Советское строительство. 1931. № 4.

¹⁸ См.: Равич К. Б. О языке законов // Советская юстиция. 1934. № 6.

¹⁹ См.: Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927.

В послевоенный период публикуются работы Л. И. Дембо¹, И. Л. Брауде², М. М. Гродзинского³, Л. С. Явича⁴, В. Н. Иванова⁵. Воздействие официальной идеологии на технико-правовые исследования на этом этапе становится более заметным. Говоря о законодательной технике, многие авторы подчеркивают, что она имеет классовое содержание, которое определяется сущностью соответствующего типа государства и права (Л. И. Дембо, Л. С. Явич). Сама техника рассматривается либо как уровень мастерства законодателя, степень совершенства законодательства (Л. С. Явич), либо как учение о законодательной системе, ее структуре и методах построения (Л. И. Дембо), совокупность правил, определяющих содержание закона и его место в системе законодательства (М. М. Гродзинский). Наиболее широкий подход к понятию законодательной техники в этот период предложил И. Л. Брауде. В его трактовке законодательная техника основывается на теории права, и правовая наука входит в законодательную технику как неотъемлемая часть. Техника должна решать такие вопросы, как классификация нормативных актов, разграничение отраслей права, способы и формы опубликования актов и т.п.

Все предлагавшиеся подходы имели своим предметом технику правотворчества, не затрагивая другие аспекты понятия юридической техники. В первую очередь, это связано с господством позитивистской концепции правопонимания, которая предопределяла проблематику технико-юридических научных исследований на протяжении всего советского периода.

Новый (и по интенсивности технико-юридических исследований, и по содержательной их направленности) этап приходится на 60–80-е гг. XX в. Рассуждения о классовом характере юридической техники и ее обусловленности сущностью соответствующего типа государства и права в этот период уходят на второй план. В противоположность им обосновывается мысль о том, что средства и приемы юридической техники сами по себе не имеют классовой направленности и безразличны к общественным классам⁶. Именно этот взгляд получил наибольшее

¹ См.: Дембо Л. И. Проблема кодификации советского права // Вестник Ленинградского государственного университета. 1947. № 4.

² См.: Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8; Он же. Очерки законодательной техники. М., 1958.

³ См.: Гродзинский М. Об усовершенствовании законодательной техники // Социалистическая законность. 1957. № 1.

⁴ См.: Явич Л. С. Советское право регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957.

⁵ См.: Иванов В. Н. Законодательная техника и новое уголовное законодательство СССР // Советское государство и право. 1959. № 9.

⁶ См.: Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Серия Гражданское право. Свердловск, 1961. Т. 4. С. 121.

признание отечественных ученых¹, позволив вывести технико-юридические исследования из-под давления официальной идеологии.

Нужно сказать, что постулат о полной автономии вопросов юридической техники от идейного содержания правовых актов предполагал сведение юридической техники лишь к внешней, формальной стороне права и тем самым существенно упрощал понятие юридической техники. Сегодня исследователи снова пришли к необходимости констатировать, что юридическая техника выполняет определенные идейно-политические функции, не являясь нейтральным идеологическим инструментом, потому что не только содержание правовой нормы, но и форма ее адекватно или дефектно отражают демократические либо тоталитарные начала, коллективистские либо индивидуалистические ценности, общегосударственные либо корпоративные интересы².

Но тогда констатация идеологической нейтральности юридической техники сыграла исключительно положительную роль, облегчив гнет официальной идеологии и обусловив огромную популярность «политически безопасной» технико-юридической проблематики³.

Период 60-х — 80-х гг. XX в. стал наиболее плодотворным в развитии советской теории юридической техники. Преимущественным направлением исследований по-прежнему оставалась законодательная техника, которая получила всестороннее освещение в трудах Д. А. Керимова⁴, И. С. Самощенко⁵, С. Н. Братуся⁶, А. А. Ушакова⁷, А. Нашиц⁸, Л. Ф. Апт⁹, С. В. Полениной¹⁰, А. С. Пи-

¹ См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 2. С. 270; *Пиголкин А. С.* Подготовка проектов нормативных актов: (Организация и методика). М., 1968. С. 7.

² Подробнее см.: *Баранов В. М.* Проблемы идеологической нейтральности юридической техники // Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 178—179. См. также: *Лазарев В. В.* Юридическая техника и воля нормоустановителя // Там же. С. 167—177.

³ Во многом поэтому, несмотря на шелуху бесконечных цитат из партийных документов, работы советских классиков законодательной техники сохраняют свою научную ценность, в то время как множество других книг, написанных тогда, безнадежно морально устарело.

⁴ См.: *Керимов Д. А.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962.

⁵ См.: Система советского законодательства / под ред. И. С. Самощенко, И. Ф. Казьмина, Р. М. Романова. М., 1980.

⁶ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1988.

⁷ См.: *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

⁸ См.: *Нашиц А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974.

⁹ См.: *Апт Л. Ф.* Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.

¹⁰ См.: *Поленина С. В.* Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко. М., 1987.

голкина¹, Д. А. Ковачева², Ю. А. Тихомирова³, Л. М. Бойко⁴ и других авторов⁵. В этих работах законодательная техника чаще всего трактуется как совокупность правил, необходимых для совершенствования системы права или системы законодательства. В литературе высказывались предложения о создании самостоятельной и целостной отрасли правовой науки — номологии, или законоведения, т.е. теории совершенствования законодательства (Х. Рандалу, А. А. Ушаков).

Параллельно с этим изучению подвергались отдельные приемы и средства юридической техники: правовые аксиомы (Г. И. Манов, А. А. Ференс-Сороцкий), презумпции (В. К. Бабаев, В. А. Ойгензихт, З. М. Черниловский), юридические конструкции (А. Ф. Черданцев). Активно исследовались отдельные виды юридической деятельности: толкование права (А. С. Пиголкин, А. Ф. Черданцев, Н. Н. Вопленко, Т. Я. Хабриева), правоприменение (П. Е. Недбайло, В. В. Лазарев, В. Н. Карташов, И. Я. Дюрягин, Ю. С. Решетов), систематизация права (Д. А. Керимов, С. Н. Братусь, И. С. Самощенко). Все эти разработки создали научную основу современного понимания юридической техники.

«Забытое» понятие «юридическая техника» используют в рассматриваемый период немногие авторы. При этом далеко не все из тех, кто употреблял данный термин, акцентировали внимание на различиях между техникой юридической и законодательной. В этой связи следует особо отметить работы О. А. Красавчикова, который рассматривал юридическую технику в единстве трех видов: правотворческой, правоприменительной и правооуществительной техники⁶, а также С. С. Алексеева, выделившего два вида юридической техники: правотворческую и технику индивидуальных актов⁷.

¹ См.: *Пиголкин А. С.* Подготовка проектов нормативных актов: (Организация и методика). М., 1968.

² См.: *Ковачев Д. А.* Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории. М., 1977.

³ См.: *Тихомиров Ю. А.* Теория закона. М., 1982.

⁴ См.: *Бойко Л. М.* Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. Ташкент, 1988.

⁵ См., например: *Научные основы советского правотворчества* / отв. ред. Р. О. Халфина. М., 1981; *Правотворчество в СССР* / под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974.

⁶ См.: *Красавчиков О. А.* Юридическая техника и вопросы дальнейшего совершенствования советского гражданского законодательства // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Л., 1961. С. 39.

⁷ См.: *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 139; *Он же.* Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 272.

Развитие новой российской науки и коренное обновление отечественной правовой системы обусловили наступление нового этапа в становлении теории юридической техники. Началом его можно считать проведение в 1999 г. в Нижнем Новгороде научно-методического семинара «Юридическая техника»¹, участники которого, во-первых, констатировали недопустимость сведения юридической техники к технике правотворчества; во-вторых, признали теорию юридической техники относительно обособленным разделом общей теории права.

Огромная популярность, завоеванная после этого технико-юридической проблематикой, привела к постепенному превращению ее в междисциплинарное направление научных исследований. На сегодняшний день в развитии этого направления можно выделить следующие тенденции:

1) признание абсолютным большинством исследователей широкого подхода к понятию юридической техники: никто из современных авторов уже не отождествляет ее с техникой законодательной, а работы, в которых различия между этими явлениями демонстрируются недостаточно явно, подвергаются неизменной критике²;

2) всеобщая и постоянно нарастающая популярность технико-юридической проблематики. К примеру, в 1993 г. В. К. Бабаев замечал, что такие важные для правового регулирования средства юридической техники, как аксиомы, юридические конструкции, правовые символы, презумпции и фикции, обойдены вниманием научной литературы³. За время, прошедшее с этого момента, ситуация коренным образом изменилась: каждый из названных правовых феноменов уже неоднократно становился самостоятельным предметом общетеоретических и отраслевых монографических исследований. В итоге, если на предыдущих этапах развития этого направления правовых исследований еще можно было попытаться упомянуть всех или хотя бы большинство видных специалистов, то сегодня перечислить тех, кто занимается теоретическими, историческими, отраслевыми аспектами теории юридической техники, просто не представляется возможным.

Поэтому, заранее прося прощения у всех ученых, не упомянутых нами, считаем правильным отослать читателя к наиболее полному современному библиографическому указателю, содержащему хроноло-

¹ См.: Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

² См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника или законодательная техника? // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 171–172; *Баранов В. М.* «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 560–567.

³ См.: *Бабаев В. К.* Правовая система общества // Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 100.

гически и тематически классифицированный перечень отечественных источников по проблемам юридической техники¹;

3) в потоке современной научной литературы все сложнее оказывается не пропустить интересную новую идею, выбрать стоящее из множества проходящих изданий. Поэтому сегодня в развитии актуальных научных направлений существенную роль стали играть не только отдельные публикации, но и наличие постоянной площадки для обсуждения проблемы. В качестве примера подобной площадки, помимо Нижегородского НПЦ «Юридическая техника», стоит упомянуть Кемеровский центр «Юрислингвистика»², ежегодно публикующий одноименные сборники³. В работе таких центров не всегда даже важно, встречаются ли ученые лично или общаются в режиме интернет-конференции⁴. Главное, что на подобных площадках постоянно аккумулируются и проходят апробацию наиболее интересные современные исследования по проблемам юридической техники;

4) несмотря на общепризнанность широкого подхода к понятию юридической техники, законодательная техника по-прежнему остается наиболее исследованным ее разделом. Это подтверждается и количеством научных разработок по данной проблематике, и их содержанием. Причины подобного «перекоса» в сторону техники правотворчества представляются вполне объективными. Во-первых, это принадлежность российской правовой системы к романо-германской правовой семье и вытекающее из нее господствующее положение закона в системе источников права. В результате разработка конкретных правотворческих приемов и средств обусловливается практическими нуждами создания и совершенствования права. Во-вторых, в силу особенностей советского периода развития отечественной науки законодательская техника может считаться традиционным предметом теоретико-правовых исследований. Техника юридическая, в отличие от нее, самостоятельному изучению стала подвергаться относительно недавно, поэтому исследования в этой области не имеют столь же серьезной

¹ См.: Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / сост. В. М. Баранов. М., 2010.

² См.: Автономная некоммерческая организация лингво-юридических экспертиз и консультаций «Юрислингвистика», г. Кемерово. См.: URL: <http://kemerovo.siberia-expert.com/>.

³ Начиная с 1999 г., под руководством профессора Н. Д. Голева в Барнауле и Кемерове опубликовано 10 ежегодных сборников «Юрислингвистика», издается одноименный журнал. Тексты этих и многих других изданий представлены на официальном сайте Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов. См.: URL: <http://siberia-expert.com>.

⁴ См.: Интернет-конференция по юрислингвистике «Право как дискурс, текст и слово» (тексты докладов, материалы обсуждения). См.: URL: http://konferencija.siberia-expert.com/news/konferencija_2010/1-0-1.

научной традиции. К примеру, научный коллектив Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ занимается изучением проблем правотворчества на протяжении всей своей 85-летней истории¹. Неудивительно, что издаваемые здесь книги по-прежнему являются лидерами данного научного направления²;

5) постепенное становление категориального аппарата теории юридической техники проявляется, в частности, в дискуссии о наименовании той сферы правовой жизни, которую традиционно принято так называть. Ведется речь о том, что термин «юридическая техника» неточен, глубоко противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции³.

Действительно, термин «техника» многозначен. Н. Н. Тарасов говорит, например, о трех философских дискурсах техники: технократическом, естественнонаучном и социокультурном, каждый из которых в той или иной мере находит свое проявление в теории права⁴. На уровне обывденного восприятия наиболее явно выступают два значения: 1) техника как совокупность средств (машин, механизмов, инструментов) и 2) техника как мастерство, искусство. Традиционное использование понятия «юридическая техника» исходит из второго значения, большинство же критических соображений в адрес данной категории основывается на первом.

В качестве решения проблемы предлагаются различные пути.

Первый состоит в том, чтобы все то, что в правовой науке принято обозначать понятием «юридическая техника», называть «юридическая технология». Последний термин, как более определенный, должен в этом случае заменить многозначное слово «техника».

Второй способ решения рассматриваемой проблемы заключается в том, чтобы признать право на существование обеих категорий, дифференцировав их значения. Так, В. Н. Карташов вместо прежнего понятия «юридическая техника» выстраивает цепочку научных категорий: «юридическая техника» (средства юридической деятельности) — «юридическая тактика» (методы и приемы этой деятельности) — «юри-

¹ См.: Рахманина Т. Н., Иванюк О. А. Исследование юридической техники в Институте законодательства и сравнительного правоведения // Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 118–148.

² См.: Доктринальные основы нормотворческой техники / под ред. Н. А. Власенко. М., 2011; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2019; Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019.

³ См.: Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 11.

⁴ См.: Тарасов Н. Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 8.

дическая стратегия» (конечные цели и концептуальные направления деятельности) — «юридическая технология» (категория, объединяющая все звенья этой цепи)¹. В свою очередь, Н. А. Власенко рассматривает технику как часть технологии и условие ее функционирования. Он пишет: «Если юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные операции, то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов, каких средств должны осуществляться те или иные технологические операции, действия»². Пытаясь разграничить рассматриваемые понятия, Т. В. Кашанина предлагает выделять в структуре юридической техники две части: 1) *собственно юридическую технику* (средства), 2) *юридическую технологию* (приемы, способы, методы)³.

К сожалению, все эти модели соотношения категорий «юридическая техника» и «юридическая технология» имеют один общий недостаток: они совершенно не облегчают понимание проблемы и не упрощают ее исследование. Фактически предлагается взять всем известный термин («юридическая техника») и заменить его устоявшееся значение на новое, а кроме этого дополнительно ввести еще одно близкое, но не тождественное понятие («юридическая технология»). Как только дело доходит до анализа конкретных технико-юридических аспектов правотворчества или правореализации, сторонники таких сложных терминологических конструкций, как правило, и сами перестают подчеркивать различия между техникой и технологией, используя эти понятия как синонимы.

Если вернуться к идее замены одного термина на другой, то следует признать, что понятие «технология», возможно, действительно точнее отражает содержание соответствующего явления, однако на сегодняшний день более чем столетняя традиция использования в данном значении категории «юридическая техника» достаточно сильна. Несмотря на многообразие и дискуссионность научных подходов к определению юридической техники, общие границы этого понятия и сфера его применения прочно устоялись в сознании юристов.

Поэтому, даже признавая обоснованность терминологических разногласий, большинство исследователей по-прежнему называют сферу, охватывающую профессиональное искусство юриста, *юридической техникой*.

¹ См.: *Карташов В. Н.* Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // *Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 16–24; *Его же.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // *Проблемы юридической техники* / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 20.

² *Власенко Н. А.* Юридическая техника как комплексная система знаний // *Доctrинальные основы юридической техники* / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 163.

³ См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М., 2011. С. 91.

Помимо названия данной сферы, серьезные дискуссии у специалистов вызывает вопрос о научном статусе *теории юридической техники*, т.е. направления, исследующего юридическую технику как явление правовой действительности. Одни рассматривают ее как уже сложившуюся юридическую науку, относящуюся к группе прикладных. Другие считают констатацию подобного статуса юридической техники преждевременной, указывая, что правильнее говорить о ней не как о самостоятельной отрасли знания, а как об относительно обособленном прикладном разделе общей теории права.

Сторонники последней позиции исходят из того, что количественного критерия (объем публикаций, степень популярности и интенсивности технико-юридических исследований) для самостоятельного статуса науки мало. Кроме того, в случае обособления теории юридической техники от общей теории права из последней будет изъят слишком большой блок традиционно теоретических вопросов, что негативно отразится на предмете самой теории права¹.

Как нам представляется, само по себе количество публикаций или конференций по той или иной проблеме не является основанием для выделения ее в самостоятельное научное направление. Но количество это может свидетельствовать об определенном общественном запросе, о том, что практика в данный момент нуждается в исследованиях данного направления. И именно подобный запрос может стать причиной корректировки традиционной системы юридических наук. А в этом случае аргумент о том, что появление новой науки губительно для структуры старой, теряет свою убедительность.

Характеристика теории юридической техники как науки требует описания ее предмета и метода.

Предмет теории юридической техники составляют закономерности профессиональной деятельности по созданию, толкованию и реализации права. Закономерности традиционно выступают предметом многих наук, в частности, теории права. В литературе подчеркивается, что, в отличие от общей теории, предмет которой составляют фундаментальные закономерности (закономерности функционирования и развития права в целом), предмет теории юридической техники преимущественно образуют закономерности эмпирические. Они характеризуют процессы создания, интерпретации, конкретизации, применения, систематизации права и формулируются двумя способами:

- в результате обобщения позитивного опыта (правотворческого, интерпретационного, правореализационного и т.п.);

¹ См.: *Власенко Н.А.* Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2010. С. 154–155.

- в результате конкретизации различных теоретических положений применительно к специфике того или иного вида юридической деятельности¹.

С точки зрения масштаба действия² технико-юридические закономерности могут быть как глобальными (например, взаимообусловленность юридической техники особенностями правовой системы, историческая связь юридической техники с правом и т.д.), так и локальными (специфика юридической техники в конкретной правовой семье, например, преобладание правотворческой техники в странах романо-германского права). По времени действия закономерности юридической техники могут быть и постоянными, и временными. Если первые связаны с самой природой юридической техники и действуют поэтому на протяжении всей истории, то вторые формируются на отдельных стадиях ее развития и определяются уровнем совершенства права, достигнутым на данном этапе.

Рассматривая сферу действия технико-юридических закономерностей, можно заключить, что в их числе явно преобладают не столько общие, сколько специальные закономерности, касающиеся отдельных правовых явлений: правотворчества, системы законодательства, правоприменительного процесса.

Исследование технико-юридических закономерностей имеет достаточно конкретную цель, связанную с прикладным характером самой юридической техники. Эта цель заключается в совершенствовании профессиональной деятельности юриста. Обеспечить такое совершенствование должны разработанные на основе выявленных закономерностей правила³.

Методы теории юридической техники включают все научные методы, используемые общей теорией права, как общие (анализ, синтез, классификация и т.д.), так и частные (формально-юридический, сравнительно-правовой). Эти методы образуют сложную систему,

¹ См.: *Сырых В. М.* Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. / под ред. В. М. Баранова.* Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 11. Автор исследует предмет науки применительно к законодательной технике, но его выводы вполне могут быть распространены на юридическую технику в целом.

² *Ветютнев Ю. Ю.* Государственно-правовые закономерности (Введение в теорию) / под ред. А. Я. Рыженкова. Элиста, 2006. С. 54–55.

³ Возможно, правила юридической техники, наряду с ее закономерностями, следовало бы включить в предмет данной науки (об этом см.: *Давыдова М. Л.* Закономерности как основа предмета теории юридической техники // *Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика.* Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 323–336).

подробная характеристика строения которой в данном случае представляется излишней, так как принципиально важны для нас лишь два момента: 1) юридическая техника сформировалась как часть общей теории права, поэтому имеет в основе своей ту же научную методологию; 2) все эти методы играют исследовательскую, познавательную роль, служат средством формирования теоретических представлений о юридической технике.

Специфика научной методологии юридической техники заключается в меньшей доле абстрактности, теоретизированности. По сравнению с общей теорией права, в теории юридической техники шире применяются конкретно-социологические методы, чаще используются методы моделирования, эксперимента, а также специальные методы, разработанные другими науками: логические, языковые.

Не следует смешивать *научные методы юридической техники* и собственно *техничко-юридические методы*, т.е. приемы рациональной практической деятельности в области права. Эти методы (правотворческие методы, методы толкования, реализации права, методы систематизации и учета правовых актов и т.д.) разрабатываются самой юридической техникой либо теми разделами общей теории права, которые можно отнести к предмету юридической техники и которые имеют не столько теоретическое, сколько практическое значение — выступают научной основой совершенствования действующего права. Если метод изначально не соответствует предмету науки юридической техники, то он никогда не выведет ее на новый уровень, не обеспечит реальный прирост знаний к новым определениям. Переопределение метода в такой же степени обуславливает усложнение предмета науки юридической техники, как и наоборот. Речь идет о том, что должно быть *соответствие* предмета и метода науки юридической техники.

Рассматривая юридическую технику как относительно самостоятельную научную дисциплину, уместно поставить вопрос о ее *взаимодействии с другими науками*. Если обратиться к юридическим наукам, то наиболее явно прослеживается связь теории юридической техники с общей теорией права. Причем связь эта включает в себя генетические, методологические, понятийные аспекты, позволяющие говорить об общей теории права как базовой, основополагающей дисциплине по отношению к теории юридической техники.

Что касается отраслевых юридических наук, по нашему мнению, определить их соотношение с юридической техникой можно, обратившись к данным о взаимодействии отраслевых дисциплин с теорией права. Общеизвестно, что теория «снабжает» юриспруденцию правовыми понятиями и категориями, получая взамен эмпирический материал для своих обобщений, однако помимо сугубо теоретических выводов общая теория права, обобщив эмпирические данные, формулирует и конкретные практические рекомендации по совершенство-

ванию правотворческой, правоприменительной, интерпретационной иной деятельности. Эти практические рекомендации, разработанные общей теорией права на базе материала отраслевых наук, и составляют в основе своей юридическую технику. Связь теории с отраслевыми дисциплинами проявляется, таким образом, двояко: с одной стороны, эта связь выражается в разработке правовых понятий и категорий (методолого-теоретическая связь), с другой — в разработке направлений и средств совершенствования права во всех его проявлениях (практическая связь — юридическая техника).

Итак, юридическая техника выступает связующим звеном между общей теорией права и отраслевыми дисциплинами, представляя собой тот редкий феномен, где налицо сплав высокой юридической теории и сугубо прикладных проблем. Разумеется, отраслевые науки не ограничиваются теми практическими рекомендациями, которые разрабатывает для них теория права. Профессиональные приемы и средства, составляющие отраслевую юридическую технику, дополняют, конкретизируют, развивают положения общей юридической техники, наполняют их конкретным практическим содержанием. Примером могут служить техника заключения сделки, техника ведения судебного заседания, техника квалификации преступления.

Прикладные юридические науки, как правило, взаимодействуют с общей теорией права лишь опосредованно. Но юридическая техника, в силу собственного прикладного характера, вступает и с ними в прямые связи. По большому счету, вопросы, решаемые многими прикладными науками, могут быть включены в предмет юридической техники. К примеру, тактика проведения следственных действий, методика расследования преступлений имеют своим назначением рационализацию юридической деятельности, достижение целей правового регулирования наиболее эффективными способами.

С другой стороны, методы и приемы, разрабатываемые судебной медициной или судебной бухгалтерией, не только имеют сугубо специальную неюридическое содержание, но и адресованы, в первую очередь, неюристам-специалистам в иных областях. Вероятно, граница между юридической техникой и другими прикладными науками должна проводиться в зависимости от того, чья деятельность основывается на тех или иных правилах. Поскольку прикладные науки образуют преимущественно на стыке юриспруденции с иными областями знания, постольку многие из разработанных ими технических приемов и методов предназначены для специалистов в соответствующих сферах. Юридическая техника (*техника юриста*) именно его снабжает приемами и методами рациональной юридической деятельности. Но это вовсе не означает, что юридическая техника включает в себя все науки, затрагивающие профессиональное искусство юриста. Предмет данной дисциплины не безграничен. Она призвана дать целостное

системное представление о профессиональном юридическом мастерстве, об инструментальной стороне юридической профессии.

Развитие юридической техники обусловлено ее взаимодействием, помимо юридических, с иными науками. К ним относятся, в первую очередь, логика (наука о законах человеческого мышления), филология (наука о языке), герменевтика (философское учение об интерпретации). В литературе в число дисциплин, взаимосвязанных с юридической техникой, включают также праксеологию (науку о правильно организованной, эффективной деятельности), кибернетику (теорию информации).

Итак, **юридическая техника** — теоретико-прикладная юридическая наука, предметом изучения которой являются закономерности рациональной юридической деятельности по созданию, толкованию, реализации, систематизации права.

В системе юриспруденции она решает задачу систематизации знаний о методах и приемах осуществления юридической деятельности, вырабатываемых общей теорией права, отраслевыми и прикладными юридическими науками.

1.2. Юридическая техника как учебная дисциплина

Исходя из вышеизложенного представления о юридической технике как науке, обоснованным представляется вывод о том, что соответствующая *учебная дисциплина* должна рассматриваться как *методическая основа* формирования профессиональной компетенции будущего юриста. Даже те ученые, которые не считают теорию юридической техники самостоятельной наукой, безоговорочно признают необходимость существования такой учебной дисциплины.

В практике современных российских вузов существует два подхода к построению учебного курса «Юридическая техника». Первый, *теоретический*, подход к преподаванию юридической техники выполняет задачу систематизации и обобщения теоретико-правовых и отраслевых знаний о приемах и средствах профессиональной юридической деятельности. Юридическая техника рассматривается здесь в связи с понятиями права, правовой системы, правотворчества, правореализации. Целью подобного общетеоретического курса является формирование у студентов представления о профессиональной юридической деятельности в целом и о юридической технике как ее инструментальной основе. Не секрет, что, начиная изучать юриспруденцию, далеко не все студенты в достаточной мере понимают возможности практического применения получаемых знаний, не знают, пригодятся ли знания по конкретному предмету в будущей профессиональной деятельности и что эта деятельность вообще собой представляет. Задачу создать в сознании студента четкий образ профессии и требуемого для нее уров-

ня и содержания профессионального мастерства призвана выполнить учебная дисциплина «Юридическая техника», связывающая в единую систему знания, умения и навыки, необходимые будущему юристу.

Общетеоретическую направленность имеют многие из существующих на сегодняшний день программ по данной дисциплине. Подобный подход был избран, к примеру, составителями инициативной программы спецкурса «Юридическая техника», предложенной в 1999 г. для обсуждения участникам научно-методического семинара «Юридическая техника» в Нижнем Новгороде. Сама программа и результаты ее обсуждения были опубликованы¹ и впоследствии оказали определенное влияние на структуру и содержание учебных курсов, преподаваемых во многих вузах России и других постсоветских стран. В частности, логика деления учебного курса на общую и особенную части авторами последующих методических разработок была, вероятно, воспринята именно отсюда.

Явный общетеоретический акцент в изложении проблем юридической техники делает в своем учебнике и Т. В. Кашанина. Практически все основные темы курса теории государства и права автор учебника рассматривает в технико-юридическом контексте. По структуре работа делится на общую и особенную части. В первой освещается история развития юридической техники (в соответствии с основными стадиями развития права), дается характеристика особенностей юридической техники в различных типах правовых систем (и, соответственно, характеристика самих правовых систем), рассматриваются понятие, классификация и общие правила юридической техники. В особенной части раскрывается содержание отдельных видов юридической техники: правотворческой, техники опубликования нормативных актов, техники систематизации, интерпретационной, правореализационной и правоприменительной техники. Характеристика каждого вида предваряется описанием соответствующей юридической деятельности — правотворческой, систематизационной, интерпретационной и др. Техничко-юридические правила включают как собственно технические, так и процессуальные требования. Изучение подобного курса может, таким образом, быть направлено не только на формирование системного представления о юридической технике, но и на повторение, обобщение знаний по общей теории права².

Учебник «Юридическая техника: общая часть» (Давыдова М. Л., М., 2014) также базируется на общетеоретическом подходе, однако включает лишь такие темы, которые не изучаются в курсе теории государства

¹ См.: Баранов В. М., Варьяс М. Ю., Салыгин Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

² См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008.

и права: понятие, виды, состав юридической техники, система ее средств (юридический язык, нормативные предписания, правовые предположения, правовые символы и т.п.). Такое построение учебного курса связано с тем, что времени на изучение этой дисциплины, как правило, выделяется не так много, чтобы дублировать уже рассмотренные ранее теоретические положения. Та же логика лежит и в основе настоящей работы.

Второй из возможных методических подходов носит *прикладной* характер. Изучение юридической техники преследует в данном случае цель формирования конкретных практических навыков: оформления юридических документов, устного выступления в суде, совершения юридически значимых действий, заключения сделки. Значение их чрезвычайно велико. К сожалению, на сегодняшний день высшее юридическое образование в нашей стране избыточно теоретизировано, оторвано от практики. Даже преподавание отраслевых дисциплин часто бывает ориентировано скорее на изучение теоретических конструкций, чем на практическое применение соответствующих знаний (хотя сложно спорить с тем, что именно в ходе изучения отраслевых дисциплин студенты должны приобретать начальные технико-юридические навыки¹).

В результате многие студенты, окончив вуз, оказываются не готовы к профессиональной деятельности.

Следует отметить, что первоначально преподавание юридической техники в нашей стране шло именно по такому сугубо прикладному пути. Данная дисциплина рассматривалась как факультативный курс, дающий навыки поиска информации, подготовки юридических документов, письменной и устной аргументации переговорного процесса, техники собеседования². Подобные прикладные спецкурсы далеко не всегда охватывают весь спектр технико-юридических проблем, бывают они и более конкретными. Так, часть дисциплин, преподаваемых во многих вузах и относящихся по своей проблематике к предмету «Юридическая техника», касаются навыков составления письменных документов: «Документоведение», «Документационное обеспечение юриспруденции». Некоторые из подобных курсов, наоборот, привязаны к устной речи юриста: «Основы ораторского искусства», «Риторика юриста», «Стилистика деловой речи», «Судебная лингвистика». Некоторые охватывают весь круг языковых проблем юриспруденции: «Язык и право», «Юрислингвистика». Помимо сугубо филологической направленности, технико-юридические спецкурсы могут иметь отраслевую специфику: «Техника договорной работы», «Законотворческая тех-

¹ См.: *Тарасов Н. Н.* О некоторых проблемах определения места юридической техники в структуре профессиональной подготовки юристов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 40.

² См.: Факультативный курс «Юридическая техника» // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 63.

ника», «Процессуальные документы» или ориентироваться на конкретные юридические специальности: «Техника судебной деятельности», «Нотариальная техника», «Основы профессионального мастерства».

К сожалению, подобные узкоспециализированные курсы, выполняя очень важную, но частную задачу формирования конкретных практических навыков, не дают системного целостного представления о юридической профессии как объективно обусловленной и социально фиксированной сфере человеческой деятельности, как системе действий, основанных на юридической квалификации¹. Такую роль играет именно общий курс «Юридическая техника», который призван не только дать представление о юридической профессии, но и показать, чему должен научиться, что именно должен уметь юрист, чтобы достичь успеха в своей профессиональной деятельности. Подобный курс может конкретизироваться, развиваться прикладными отраслевыми спецкурсами (например, изучаемыми по выбору студента или в рамках специализации), но не должен подменяться ими. Такое построение учебного процесса позволяет, в том числе, и четко обозначить, укрепить междисциплинарные связи в системе юридических наук.

Проблема выбора подхода к преподаванию юридической техники чрезвычайно сложна и вряд ли может быть разрешена однозначно. «С одной стороны, понятно, что научить технике, рассказывая о ней, невозможно, с другой — профессиональное владение техникой предполагает, в том числе, понимание способов ее формирования и роли в профессиональной деятельности, что предполагает знаниевый уровень подготовки, который и должны обеспечивать теоретики»². Думается, путь к решению этой проблемы лежит через одновременное углубление теоретических разработок в области юридической техники и накопление эмпирического материала по внедрению соответствующей дисциплины в учебный процесс.

Нам представляется, что по своему статусу, степени разработанности, положению в системе юриспруденции, значению в формировании профессиональной компетентности будущего юриста юридическая техника вполне может претендовать на роль одной из базовых, основополагающих дисциплин в системе высшего юридического образования. Признание ее таковой позволяет построить систему обучения юриста на принципах, отвечающих запросам современной юридической практики.

Структура предлагаемого учебника как раз и рассчитана на решение этой амбициозной научно-методической задачи.

¹ Соколов Н. Я. Юридическая профессия: понятие, сущность, содержание // Государство и право. 2004. № 9. С. 22.

² Тарасов Н. Н. О некоторых проблемах определения места юридической техники в структуре профессиональной подготовки юристов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 41.

Вопросы для самоконтроля

1. Подготовьте аннотацию одной из классических работ по юридической технике российского или зарубежного автора (по выбору преподавателя или студента).
2. Оформите в виде таблицы характеристику основных этапов развития отечественной теории юридической техники.
3. Перечислите причины, обусловившие, по вашему мнению, преобладающее внимание отечественных ученых к технике правотворчества.
4. Приведите примеры закономерностей, образующих предмет теории юридической техники.
5. Изобразите схематически систему научных методов юридической техники.
6. Объясните на конкретных примерах, в чем заключается взаимодействие теории юридической техники с общей теорией права, отраслевыми и прикладными юридическими науками.
7. Назовите не менее семи-восьми неюридических научных дисциплин, развитие которых способно оказать влияние на теорию юридической техники. Укажите, в чем заключается это влияние.
8. Приведите собственные аргументы в обоснование того, что теория юридической техники (не) является или (не) должна стать самостоятельной научной дисциплиной.
9. Назовите разделы, которые, по вашему мнению, обязательно должны входить в курс юридической техники, чтобы он охватывал все основные профессиональные навыки юриста.

Тестовые задания

- 1) Для большинства исследований советского периода характерно:
 - а) широкое цивилистическое понимание юридической техники
 - б) отождествление юридической и правотворческой техники
 - в) полное игнорирование технико-юридической проблематики
- 2) Найдите соответствия:

Сперанский М. М. (1)	Символизм права вообще и русского в особенности (а)
Люблинский П. И. (2)	Юридическая техника (б)
Мейер Д. И. (3)	Обозрение исторических сведений о Своде законов (с)
Колмыков П. Д. (4)	Техника, толкование и казуистика уголовного законодательства (д)
Иеринг Р. (5)	Номография или искусство изложения законов (е)
Бентам И. (6)	О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях (ф)

3) Найдите соответствия:

отсутствие фундаментальных исследований, разработка практических руководств по технике правотворчества и языку закона (1)	первое десятилетие XXI в. (a)
признание политической и нравственной нейтральности юридической техники, активное исследование проблем правотворчества, кодификации, систематизации права (2)	20-е – 30-е гг. XX в. (b)
формирование теории юридической техники как самостоятельного научного направления междисциплинарных исследований (3)	вторая половина 40-х – 50-е гг. XX в. (c)
поиск классового содержания юридической техники (4)	60-е – 80-е гг. XX в. (d)

4) Найдите соответствия в примерах закономерностей, составляющих предмет теории юридической техники:

- (1) историческая взаимосвязь права и языка – это пример закономерности
 - a) глобальной или
 - b) локальной?
- (2) стремление права к формальной определенности – это пример закономерности
 - a) постоянной или
 - b) временной?
- (3) влияние византийского права на юридическую технику Русской Правды – это пример закономерности
 - a) глобальной или
 - b) локальной?
- (4) расширение цифровизации юридической деятельности – это пример закономерности
 - a) постоянной или
 - b) временной?

5) Найдите лишнее в перечне учебных дисциплин:

- a) «Профессиональные навыки юриста»
- b) «Риторика юриста»
- c) «Стилистика деловой речи»
- d) «Техника договорной работы»
- e) «Судебная лингвистика»
- f) «Корпоративное право»
- g) «Законотворческая техника»
- h) «Процессуальные документы»
- i) «Информационные технологии в правотворчестве и правоприменении»

- 6) Структура учебного курса «Юридическая техника», как правило, предполагает деление на:
 - a) общую и особенную часть
 - b) теоретическую и прикладную часть
 - c) устную и письменную юридическую технику
- 7) Вычеркните лишнее:

Юридическая техника как учебная дисциплина:

 - a) базируется на научных методах и категориях общей теории права,
 - b) тесно взаимосвязана с отраслевыми и прикладными юридическими дисциплинами,
 - c) активно использует данные логики, герменевтики, лингвистики, риторики, документоведения, информатики, других неюридических дисциплин,
 - d) формирует у студентов концептуальное представление о профессиональной юридической деятельности,
 - e) является единственной дисциплиной, направленной на формирование практических профессиональных навыков юриста

Рекомендуемая литература

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд. – М., 2008.
2. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: общая часть / М.Л. Давыдова. – М., 2014.
3. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001.
4. *Иеринг Р.* Юридическая техника / Р. Иеринг; сост. А.В. Поляков. – М., 2008.
5. *Калина В.Ф.* Юридическая техника / В.Ф. Калина. – М., 2014.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника / Т.В. Кашанина. – М., 2007.
7. *Муромцев Г.И.* Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) / Г.И. Муромцев // Правоведение. – 2000. – № 1.
8. *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части / К. Осакве. – М., 2002.
9. Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
10. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. – М., 2000. – Т. 1: Элементный состав.
11. Юридическая техника: Ежегодник. – 2009. – № 3: Специальный выпуск «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования».

Раздел 2

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

2.1. Понятие юридической техники

Юридическая техника — система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания.

Несмотря на многочисленные дискуссии, большинство ученых сходятся в том, что под юридической техникой следует понимать профессиональное мастерство, профессиональное искусство юриста, средства, приемы, навыки — образно говоря, «инструментарий», который позволяет ему рационализировать свою деятельность, оптимальным путем достичь ее целей. Профессиональный успех юриста, помимо глубоких знаний в области действующего законодательства, обусловлен множеством факторов: наличием развитого креативного правового мышления (аналитического склада ума), ораторскими и коммуникативными навыками, владением правилами делопроизводства, искусством аргументации и умением грамотно выразить свою мысль. Все эти и многие другие компетенции характеризуют практическую, инструментальную часть юридической деятельности, т.е. относятся к сфере *юридической техники*.

Не оспаривая практическую значимость феномена юридической техники, ученые ведут активные теоретические дискуссии по поводу определения ее понятия, выясняя, кто и как применяет правила юридической техники и на что преимущественно направлено их применение.

В самом общем виде существующие научные споры можно разделить на две большие группы, сконцентрированные на следующих вопросах:

- а) что совершенствуют правила и средства юридической техники (спор об объекте юридической техники);
- б) кто применяет эти правила и средства (спор о субъекте юридической техники).

Рассмотрим их по порядку. Спор об объекте юридической техники нередко упирается в дилемму: это документы либо деятельность.

Оба подхода к решению этого вопроса имеют своих авторитетных сторонников. Первый, *документационный* подход объединяет тех авторов, которые связывают технико-юридические правила исключительно с необходимостью создания *письменных документов* — правовых актов. Юридическая техника рассматривается ими как техника выработки и систематизации правовых актов (С. С. Алексеев), подготовки, составления, оформления юридических документов (А. Ф. Черданцев), их рассмотрения, принятия и обнародования (И. Д. Шутак).

Второй подход — *деятельностный* — наиболее последовательно сформулирован В. Н. Карташовым, определившим юридическую технику как совокупность средств, с помощью которых достигаются необходимые цели юридической практики¹. Сфера применения средств и правил юридической техники при таком подходе значительно расширяется, так как включает в себя, помимо подготовки письменных юридических документов, осуществление любой деятельности (письменной или устной, официальной или неофициальной), требующей владения специальными юридическими средствами, приемами, навыками. Юридическая техника предстает как инструментальная часть любой юридической практики², как совокупность правил и приемов наиболее оптимального правового регулирования общественных отношений³.

Каждый из этих подходов основывается на вполне убедительных аргументах. Сторонники документационного подчеркивают, что из всех видов юридической деятельности ведущую роль играют именно правотворчество и правоприменение, которые реализуются через издание соответствующих правовых актов. Именно через эти акты право находит свое внешнее выражение и прилагается к конкретным жизненным ситуациям, поэтому технику, используемую при выработке текстов этих актов, и следует именовать юридической техникой⁴.

Не возражая против положения о том, что издание правотворческих и правоприменительных актов является наиболее важным элементом юридической деятельности, подчеркнем следующее.

Во-первых, помимо правотворчества и правоприменения существуют и другие сферы, требующие использования специальных

¹ См.: *Карташов В. Н.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 18.

² См. там же.

³ *Бабаев В. К.* Правовая система общества // Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 100.

⁴ См.: *Деревнин А. А.* О понятии юридической техники // Академический юридический журнал. 2001. № 3 (5).

юридических знаний, приемов и навыков: правоинтерпретационная, правоконкретизирующая, правосистематизирующая, контрольная, надзорная. Большинство из них воплощаются в определенных письменных документах, так как язык права, в первую очередь, — письменный язык. Но «большинство» не охватывает *все* возможные сферы применения профессиональных юридических навыков. Публичное выступление в суде или устная консультация по сложным юридическим вопросам также требуют владения специальными юридическими средствами и приемами.

Во-вторых, правотворчество, правоприменение и любая деятельность, результатом которой является правовой акт, как правило, не может быть полностью сведена к этому акту: способы толкования права не сводятся к способам оформления интерпретационного акта, применение права — это не только издание индивидуально-правового акта, но и исследование фактических обстоятельств, выбор применяемой нормы, квалификация дела. Многие из средств и приемов, используемых в ходе этих стадий, не связаны непосредственно с тем актом, который станет итогом соответствующего процесса, и лишь косвенно влияют на его качество. Их назначение — оптимизация, рационализация юридической деятельности. Благодаря им, многие этапы правотворческого, правоприменительного, интерпретационного процессов проходят незаметно для непрофессионала, автоматически. Степень владения этими «незаметными» приемами и характеризует уровень профессионализма юриста. Весь этот профессиональный юридический инструментарий и охватывается понятием «юридическая техника», которое наилучшим образом подходит для того, чтобы охватить техническую сторону *всей* юридической деятельности, а не только важнейших ее элементов — издания правотворческих и правоприменительных актов.

В-третьих, при более подробном рассмотрении противоречия между рассматриваемыми подходами не выглядят слишком принципиальными. Правовой акт и юридическая деятельность представляют собой две стороны одной медали. Результатом юридической *деятельности* в абсолютном большинстве случаев становится письменный официальный документ — правовой *акт*, а процесс подготовки, создания *акта* — это всегда *деятельность*. Различия между подходами не затрагивают, таким образом, сущность феномена юридической техники, а обусловлены лишь углом зрения на нее. Так как деятельностный подход открывает при этом более широкие исследовательские возможности, то выбор должен быть сделан в его пользу.

Не менее интересен в споре об объекте юридической техники вопрос о соотношении в ней формы и содержания.

Сторонники *формального* направления включают в юридическую технику только правила внешнего оформления правовых актов, придания им надлежащей формы. В такой трактовке технико-юридические

правила отвечают за язык, стиль, нумерацию, рубрикацию акта, не затрагивая его содержания (как правило, применительно к формальному направлению речь ведется только о правовых актах).

Содержательное направление рассматривает юридическую технику в качестве средства совершенствования права, как по форме, так и по содержанию. При таком понимании она призвана обеспечить не только внешнюю «красоту» правовых актов и юридически значимых действий, но и их соответствие жизненным реалиям, адекватное отражение общественных потребностей.

Следует заметить, что строго формальные определения юридической техники в литературе можно встретить крайне редко, как, впрочем, и чисто содержательные. По нашему мнению, это связано с тем, что обе крайности являются ошибочными. С одной стороны, формальные аспекты юридической техники более наглядны, бросаются в глаза. Употребляя термин «техничко-юридический», ученые часто подразумевают именно внешние, формальные, технические свойства акта. С другой стороны, степень совершенства формы может быть оценена только с учетом того, насколько адекватно эта форма отражает содержание, поэтому проблемы содержательной стороны правового акта или юридической деятельности хотя бы косвенно всегда затрагиваются в процессе совершенствования их формы. К примеру, требование полноты акта, отсутствия в нем искажений реальной действительности не могут быть соблюдены благодаря выполнению исключительно формальных правил.

Спор о субъекте юридической техники напрямую связан с феноменом «властность».

Первый, *публично-правовой «властный» подход* в основе своей имеет традиционное и на сегодняшний день устаревшее представление о юридической технике как технике правотворческой (или еще уже — законотворческой). Подобная трактовка юридической техники была характерна для отечественной юриспруденции советского периода, особенно 1960—1980-х гг. Как справедливо замечает по этому поводу Г. И. Муромцев, из логики отрицания частного права неминуемо следовала необходимость отказа от понятия юридической техники в его западноевропейском, т.е., прежде всего, частноправовом смысле. В результате формируется публично-правовой подход к данной проблеме, при котором понятие «юридическая техника» вытесняется понятием «законодательная техника»¹. Следует отметить, что отголоски этой трактовки встречаются в научных публикациях до сих пор.

Современный вариант публично-правового подхода значительно расширяет сферу применения юридической техники: помимо *правотворчества* в нее включается *правоприменение*, а также *толкование*

¹ См.: Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) // Правоведение. 2000. № 1. С. 17—18.

права (в данном контексте обычно подразумевается исключительно официальное толкование). В итоге юридическая техника предстает как техника составления различных правовых актов (осуществления различных видов деятельности) *органами государства*. Две основные и во многом специфические сферы приложения средств юридической техники выделяет Л. Д. Воеводин: правотворчество и правоприменение¹. В свою очередь, И. Д. Шутак определяет ее как «совокупность приемов и способов подготовки... нормативно-правовых, правоприменительных, интерпретационных актов»².

Частноправовой «невластный» подход к понятию юридической техники является значительно более широким и охватывает технику составления *любых юридических документов*, исходящих как от государства, так и от граждан и негосударственных организаций. Наиболее подробно рассматриваемая точка зрения развивается А. Ф. Черданцевым, который определяет юридическую технику как правила подготовки юридических документов³, давая при этом подробнейшую классификацию последних. В данной классификации автор перечисляет, наряду с нормативно-правовыми и правоприменительными актами, договоры, доверенности, жалобы, заявления и другие документы, составляемые различными субъектами.

Подход этот также не является новым для отечественной юридической науки: в 1960–1980-е гг. он обосновывался О. А. Красавчиковым и С. С. Алексеевым. Тем не менее в советский период должного развития данный подход получить не мог просто потому, что частноправовой сфере не уделялось и не могло уделяться значительного внимания в рамках официальной правовой доктрины. Ныне сфера частного права, наоборот, вызывает значительный интерес исследователей. Договоры, локальные нормативные акты и другие юридические документы, исходящие не от государственных органов, а от частных лиц (организаций и граждан), становятся не только важной частью правовой системы, но и предметом тщательного научного исследования. В результате, очевидным стал тот факт, что составление *любых* юридически значимых документов требует учета определенных правил, наличия и использования специальных приемов и навыков. Толкование договора осуществляется с помощью тех же основных способов толкования, которые в советской теории права рассматривались исключительно как способы толкования правовых норм; подготовка и составление устава юридического лица невозможны без применения классических правил правотворческой техники.

¹ См.: Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1997. № 3. С. 4–7.

² Шутак И. Д. Теория и практика оговорок в праве: система понятий: Терминологический словарь. СПб., 2001. С. 8.

³ См.: Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 366.

Безусловно, публично-правовой аспект преобладает в юридической деятельности, прежде всего, в силу определяющего значения правотворчества и правоприменения. Более того, технико-юридические требования, предъявляемые к правотворческим и правоприменительным актам, гораздо более детально и жестко регламентируют их форму и содержание. Для документов, составляемых невластными субъектами, особенно гражданами, технико-юридические требования вообще сводятся к минимуму, однако и соблюдение минимального набора требований часто вызывает сложности у людей, не имеющих специальной юридической подготовки. Именно поэтому развитие частноправового сектора российской правовой системы повлекло за собой резкое повышение спроса на юристов — людей, *владеющих юридической техникой*, и, следовательно, превращение юриспруденции в одну из наиболее популярных профессий.

Все это свидетельствует о том, что частноправовой подход к понятию «юридическая техника» в наибольшей мере соответствует потребностям современной юридической практики. Еще раз подчеркнем, что этот подход не противопоставляется публично-правовому, а включает его в себя, существенно расширяя сферу применения юридической техники. Подобное расширение, с одной стороны, открывает широкие исследовательские перспективы, но, с другой стороны, таит в себе опасность гиперболизации значения юридической техники, потери четких границ этого явления. А это требует постановки еще одного вопроса: *юрист или не только юрист?*

В правовой жизни современного общества участвует множество различных субъектов, от деятельности которых во многом зависит технико-юридический облик всей правовой системы. Так, содержание и качество законов является результатом деятельности политиков, ученых, государственных и общественных деятелей, значительная часть которых не является профессиональными юристами. Предполагает ли их деятельность владение правилами юридической (правотворческой) техники?

С другой стороны, в сфере частного права целый ряд юридически значимых действий (составление различных документов, заключение договоров и т.п.) осуществляют люди, не имеющие юридического образования (предприниматели, руководители предприятий, граждане, защищающие свои права). Если их практических навыков хватает, чтобы достичь своих целей, не обращаясь за помощью к юристу, можно ли считать, что они сами владеют юридической техникой?

По нашему мнению, юридическая техника — это лишь один из факторов, от которых зависит качество правовых актов, юридической деятельности и всей правовой системы. Необходимо четко разграничить роль и пределы влияния этих факторов.

Правовая политика (А. В. Малько), или *юридическая стратегия* (В. Н. Карташов), определяет концептуальные направления развития

правовой системы, включая вопросы перспективного планирования и прогнозирования, долгосрочные программы развития юридической практики, направленные на создание эффективного механизма правового регулирования, оптимизацию правового развития всей страны. Задача политиков, таким образом, состоит в том, чтобы выявить наиболее острые социальные проблемы и определить общие пути их решения. Представления о конкретных средствах достижения целей при этом могут быть достаточно туманными. Нередко практические предложения государственных и общественных деятелей по совершенствованию правового регулирования сводятся к заявлениям в стиле: «необходимо принять федеральный закон о...» или «необходимо ужесточить уголовную ответственность за...». И хотя ни то ни другое не является универсальным средством решения всех проблем, принципиально важным здесь является иное. Политика призвана *выявить* то, что волнует общество, что мешает нормальному развитию, и *понять*, как необходимо устроить общественную жизнь. Другими словами, она *устанавливает конечные цели*, достижение которых обеспечит совершенство правовой системы в целом.

Юридическая техника отвечает за реализацию этих идей и стратегических задач с помощью специальных юридических средств. Именно квалифицированные юристы должны выбрать методы и средства правового регулирования, подобрать оптимальную форму правового акта, выстроить его содержание таким образом, чтобы конкретная задача, решаемая этим актом, работала на достижение стратегической цели, установленной правовой политикой государства. Для этого уже недостаточно знания социальных проблем, необходимо понимание того, как работают различные правовые механизмы (запреты и дозволения, поощрения и ответственность, презумпции и фикции, примечания и оговорки) и какие из них окажутся наиболее эффективными в достижении цели. Юридическая техника, таким образом, отвечает за качество отдельного взятого элемента правовой системы (конкретного правового акта и действия) и лишь опосредованно — за совершенство системы в целом.

Правовая культура общества — еще один высокозначимый фактор, влияющий на юридическую технику. Из множества аспектов этого понятия в данном случае следует обратить внимание на следующий. Чем выше уровень правовой и общей культуры общества, тем большее количество элементарных приемов и навыков юридической техники используется гражданами самостоятельно, без обращения к юристу. Составить по образцу договор или исковое заявление, подготовить документы, необходимые для регистрации права, найти в справочной правовой системе ссылку на нужный закон может сегодня практически любой образованный человек.

Другой вопрос, становится ли он от этого юристом, т.е. лицом, владеющим *профессиональной техникой*? Нам представляется, что

нет. Естественно, в реальной жизни критерии профессионализма и непрофессионализма довольно условны, и порой опытный предприниматель может оказаться более квалифицированным в решении своих юридических проблем, чем вчерашний выпускник юрфака, но для того, чтобы научно определить границы понятия юридической техники, важно подчеркнуть общее правило: *владение юридической техникой, профессионализм юриста базируется на фундаментальных юридических знаниях, на специальной подготовке*, обеспечивающей, в первую очередь, формирование профессионального правового мышления, усвоение системы юридических ценностей и аксиом, понимание принципов действия различных правовых механизмов. Только на этой основе возможно квалифицированное использование правил и средств практической юридической деятельности. Интуитивное применение этих правил, естественно, возможно. Но оно не является *профессиональной юридической техникой*, так же как умение оказать первую медицинскую помощь не делает из человека врача.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что юридическая техника:

- представляет собой *профессиональную* технику;
- охватывает как публичную, так и частноправовую сферы;
- обеспечивает совершенство права по форме и по содержанию;
- используется при осуществлении юридической деятельности, как требующей, так и не требующей письменного, документального оформления.

С понятием юридической техники традиционно связывается и вопрос о ее *составе*, т.е. о наборе того юридического инструментария, с помощью которого обеспечивается достижение целей юридической деятельности. Исследователи относят к такому инструментарии правила, приемы, средства, требования, способы, методы, дискутируя, как правило, о значении данных категорий и их соотношении между собой (С. С. Алексеев, Н. А. Власенко, В. Н. Карташов, Т. В. Кашанина, Ю. А. Тихомиров и другие). Не останавливаясь на деталях соответствующей научной полемики, предложим в качестве рабочего варианта свое видение этой проблемы.

Состав юридической техники образуют два уровня технико-юридических инструментов. Высший, наиболее сложный (и в то же время абстрактный) уровень образуют технико-юридические *правила* (или *требования*), представляющие собой *разработанные наукой и (или) официально установленные нормативы, соблюдение которых в процессе юридической деятельности выступает критерием ее качества*.

Среди наиболее общих правил юридической техники можно выделить *внешние*, устанавливающие определенные критерии оценки *результата* юридической деятельности (справедливость, демократизм, законность, гуманизм и т.п.), и *внутренние*, характеризующие

процесс осуществления юридической деятельности (экономичность, обоснованность, целесообразность, рациональность и др.). Все эти требования предъявляются к любым правовым актам и юридически значимым действиям и позволяют оценить правильность выбора и использования средств юридической техники в ходе решения тех или иных профессиональных задач.

Второй уровень в составе юридической техники представлен ее *средствами* (или *приемами*), т.е. специфическими инструментами профессиональной юридической деятельности, обеспечивающими достижение ее целей. Наиболее значимые общие средства юридической техники могут быть объединены в две группы:

1) *общесоциальные* средства по природе своей не имеют юридической специфики, однако незаменимы в качестве идеальной и материальной основы деятельности юриста. К этой группе, в первую очередь, относятся все *языковые средства*, а также различные знаки, цифры, символы, социальные нормы, используемые в профессиональной работе юриста;

2) *юридические* средства вырабатываются правовой наукой и практикой. Они могут носить *доктринальный* характер, выступая теоретической основой юридической деятельности (юридические конструкции), или получать *нормативное* закрепление (правовые дефиниции, декларации, презумпции, фикции и другие разновидности нормативно-правовых предписаний).

2.2. Виды юридической техники

Переходя к вопросу о *классификации юридической техники*, выделим лишь наиболее важные основания деления.

Юридическая техника — это профессиональная техника, поэтому дифференциация ее на виды может проводиться по профессиональному критерию.

В зависимости от *вида (специальности) юридической профессии*, можно говорить о таких видах техники, как полицейская, судебная, следственная, нотариальная, прокурорская, адвокатская, регистрационная, лицензионная, экспертная, консультационная, фискальная и др.

Каждая юридическая профессия требует специальных знаний и навыков, так как она:

- а) основывается на особой нормативной базе;
- б) обслуживает конкретную сферу общественных отношений;
- в) характеризуется набором строго определенных полномочий;
- г) связана с подготовкой специфических правовых документов;
- д) предполагает наличие определенных процедур, в рамках которых осуществляются юридически значимые действия.

Все это требует от юриста не просто самосовершенствования, а развития своего профессионального мастерства в конкретной области.

Именно для этой цели разрабатываются многочисленные практические пособия и справочники, ориентированные на представителей конкретных юридических специальностей. Не меньшее (если не большее) значение имеют и накопленный опыт, обыкновения, выработанные в практике функционирования конкретного органа или организации. В литературе подчеркивается, что с точки зрения теоретической и исторической основным признаком, позволяющим отнести то или иное лицо к юридической профессии, является не наличие знаний, а осуществление специфической деятельности¹. Именно в практике приобретается и совершенствуется мастерство.

К сожалению, жесткая специализация, помимо всего прочего, имеет и негативные последствия, в частности, влечет профессиональные деформации. Так, в качестве серьезной проблемы в науке рассматривается то обстоятельство, что предшествующий назначению на должность судьи опыт профессиональной деятельности является значимым психологическим фактором, который может негативным образом влиять на характер отправления обязанностей судьи². Сходные проблемы связаны и с влиянием профессиональных деформаций на другие виды юридической деятельности.

Например, полицейский по роду своей деятельности постоянно сталкивается с правонарушителями и преступлениями. Все это действует на психику, но не должно формировать одностороннего взгляда на нашу действительность, породить в работе подозрительность и агрессивность.

Юридическая техника охватывает как публичную, так и частноправовую сферы. Не вызывает сомнений, что в каждой из них профессиональная деятельность юриста подчиняется особым правилам и требует специфических навыков. Отсюда следует вторая классификация.

По субъектам юридической деятельности, точнее по наличию у них *властных полномочий,* юридическая техника делится на два вида: *техника властной и невластной юридической деятельности.*

Техника властной юридической деятельности. Ее носителями являются юристы, которые служат в государственных органах и занимаются правотворчеством, правоприменением, официальным толкованием права и другими видами деятельности, требующими обладания властными полномочиями. Этот вид техники характеризуется, в первую очередь, особыми требованиями, предъявляемыми к субъектам и качеству их деятельности как со стороны государства, так и со стороны общества. Важнейшими критериями оценки их профессиональной

¹ См.: Соколов Н. Я. Юридическая профессия: понятие, сущность и содержание // Государство и право. 2004. № 9. С. 24.

² См.: Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008. С. 56; Нешатаева Т. Суд и защита прав и свобод граждан Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 131.

деятельности являются законность (не только соблюдение закона, но и защита его от нарушения всеми субъектами), обеспечение интересов человека, общества, государства.

Вся правотворческая, правоприменительная деятельность должна быть нацелена на то, чтобы граждане могли реализовать свои права, как можно реже прибегая к помощи государства, а тогда, когда эта помощь необходима, затрачивая на это минимум сил, времени и средств. Профессионализм чиновника заключается в его умении построить работу таким образом, чтобы его собственная значимость уходила на второй план по сравнению с интересами и задачами государственной службы. Само понятие «механизм государства» предполагает готовность каждого его представителя осознать себя «винтиком», необходимым для слаженной работы всей системы.

Техника невластной юридической деятельности охватывает профессиональные приемы работы в частноправовой сфере: заключения договоров, подготовки нормативных и индивидуальных правовых актов локального характера, оказания юридической помощи частным лицам¹.

Критериями оценки профессионализма здесь являются эффективность, конкурентоспособность, прибыльность, индивидуальная успешность, инициативность. Совершенно очевидно, что насколько в сфере властной юридической деятельности важна способность сдерживать личные амбиции, настолько здесь они уместны и необходимы.

Различия между властной и невластной сферами юридической деятельности проявляются и в наборе используемых юристом правовых средств, и в ментальной сфере. При этом соответствующие приоритеты, целевые установки, профессиональные компетенции закладываются и проявляются уже на стадии обучения юриста. Из этого следует, что еще в вузе будущему юристу необходимо получить четкое представление о сферах профессиональной деятельности и выбрать ту из них, где его личностные качества, установки, способности окажутся наиболее востребованными.

Юридическая техника обеспечивает совершенство права по форме и по содержанию.

В зависимости от *ориентации технико-юридических приемов и правил на внутреннюю или внешнюю стороны права* имеет смысл говорить о двух видах юридической техники:

- *техника совершенствования формы права* (языковые, стилистические, графические правила составления документов; способы повышения эффективности юридических процедур, средства обеспечения понятности и доступности права);

¹ Подробнее см.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество). М., 2009.

- *техника совершенствования содержания права.* Эта часть юридической техники «отвечает» за выбор оптимальных средств и способов правового регулирования, адекватное установление предмета регламентации, отсутствие в праве пробелов и коллизий, согласование интересов сторон правоотношения, эффективное разрешение юридических конфликтов.

Провести четкую границу между данными сторонами юридической техники на практике так же сложно, как отделить форму явления от его содержания, однако в теоретическом плане подобная классификация необходима, так как она позволяет продемонстрировать логику, последовательность осуществления той или иной профессиональной юридической деятельности: содержательные технико-юридические правила и средства всегда предшествуют формальным. Последние призваны закрепить эффект, заложенный в процессе применения первых.

Юридическая техника используется при осуществлении юридической деятельности как требующей, так и не требующей письменного, документального оформления. Из этого положения вытекает целый ряд практически значимых классификаций.

По форме юридической деятельности необходимо выделить:

- письменную технику;
- устную технику.

Если документационный подход позволяет говорить только о письменной юридической технике, т.е. о технике составления различных документов, то в рамках деятельностного подхода появляется возможность изучить специальные средства и приемы таких разновидностей юридической деятельности, которые не получают или только частично получают воплощение в соответствующих правовых актах. Примерами могут служить техника заключения сделки, техника выступления в суде, техника ведения преддоговорных споров, техника управления дорожным движением.

Понятие «устная техника» для данного вида условно и призвано, в первую очередь, подчеркнуть отсутствие письменной формы. На практике соответствующие средства и правила могут касаться аспектов юридической деятельности, выражающихся в словесной, символической, конклюдентной форме. «Письменная техника», в свою очередь, может предполагать фиксацию соответствующего содержания не только на бумажном носителе, но и в иной форме, например электронной. Деление юридической техники на письменную и устную, таким образом, характеризует не столько способ выражения правового содержания, сколько степень «жесткости» его фиксации.

Безусловно, преобладающая роль принадлежит письменной юридической технике. Она, в свою очередь, может быть подвергнута дальнейшему делению в зависимости от того, какой документ (или правовой акт) выступает результатом юридической деятельности.

Одним из наиболее важных и устоявшихся в науке является деление юридической техники с точки зрения *юридической природы составляемого акта* на два вида:

- технику нормативно-правовых актов;
- технику индивидуально-правовых актов.

К первой группе следует относить не только технику подготовки законов и подзаконных нормативных актов, но и приемы создания актов официального нормативного толкования права, локальных актов общего характера, нормативных договоров — всех актов, характеризующихся признаком нормативности (т.е. общим характером); а ко второй — различных правоприменительных и правореализационных актов.

В зависимости от *способа издания* целесообразно различать:

- а) технику актов, принимаемых коллегиально:
 - односторонних (например, законов, судебных решений и т.п.);
 - совместных (договорных) актов;
- б) технику актов, принимаемых единолично (от указов президента до протокола об административном правонарушении, составленного в пределах своей компетенции полицейским).

Не вызывает сомнения, что различия между данными видами юридической техники заключаются далеко не только в особенностях оформления соответствующих актов, но, в первую очередь, в самом характере их подготовки, способах принятия решения, согласования позиций участвующих субъектов.

По *масштабу действия правовых актов* можно выделить технику: международных актов; федеральных актов; региональных актов; муниципальных актов; локальных актов.

В зависимости от *стадии создания правового акта*, на которой они используются, технико-юридические приемы и средства делятся на следующие группы:

- техника формулирования идеи акта;
- техника создания концепции акта;
- техника осуществления правотворческой инициативы;
- техника планирования правотворческой деятельности;
- техника составления текста акта;
- техника его обсуждения и принятия;
- техника проведения экспертизы;
- техника санкционирования, утверждения, регистрации;
- техника опубликования правового акта, введения его в действие;
- техника обжалования, опротестования, пересмотра правового акта;
- техника учета, внесения изменений и дополнений;
- техника мониторинга правового акта.

Каждый вид правовых актов требует для своего создания определенного набора стадий и, соответственно, определенного набора технико-юридических приемов.

Из предложенного широкого подхода к понятию юридической техники вытекает и еще одно положение: *юридическая техника «обслуживает» все отрасли права, проявляет себя на всех уровнях его существования*. Отсюда возможны следующие классификации.

По *отраслевой принадлежности* юридическую технику можно разделить на два основных вида:

а) *общая юридическая техника*, включающая правила и приемы, применимые во всех отраслях права. Например, Т. В. Кашанина в качестве таковых рассматривает общие правила составления юридических документов¹. Сюда же можно отнести единые для всех отраслей стадии правоприменительного процесса (изучение фактической основы дела, выбор правовой нормы, принятие решения). Законотворческая техника в значительной мере состоит из общих правил и приемов, хотя и здесь много отраслевой специфики;

б) *отраслевая юридическая техника*, которая, в свою очередь, делится на:

- *материально-правовую* (конституционно-правовая техника, гражданско-правовая, уголовно-правовая, административно-правовая, налоговая, экологическая и т.д.);
- *процессуально-правовую* (техника в конституционном, гражданском, арбитражном, уголовном и административном процессе).

Следует подчеркнуть, что хотя процесс (процессуальное право) не является составной частью юридической техники, технико-юридическая составляющая любой процессуально-урегулированной деятельности довольно значительна. Специфика процессуальной техники проявляется как на нормативном уровне (наличие преюдиций, презумпций и других специфических нормативных положений), так и на уровне реализации права (например, техника ведения судебного заседания, техника осмотра места дорожно-транспортного происшествия сотрудниками ГИБДД).

В зависимости от *содержания юридической деятельности* могут быть выделены следующие виды юридической техники:

- правотворческая;
- правоприменительная;
- интерпретационная;
- конкретизирующая;
- систематизирующая;
- техника невластной реализации права;
- договорная.

¹ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество). М., 2009. С. 100–103.

Говорить обо всех этих видах с точки зрения документационного подхода было бы неправильно, так как далеко не все названные виды деятельности находят свое отражение в форме самостоятельных правовых актов. Так, казуальное толкование чаще всего осуществляется в процессе правоприменения, поэтому его результаты излагаются в правоприменительном акте. Конкретизация и систематизация права могут производиться в процессе правотворчества и, следовательно, также не воплощаться в отдельных юридических документах.

Данная классификация юридической техники наиболее популярна в отечественной юридической литературе и приводится большинством исследователей в качестве основной. Число видов, выделяемых различными авторами, неодинаково, но общая идея о специфике профессиональной юридической деятельности, связанной с разными этапами бытия права — от создания правовых велений до воплощения их в жизнь, имеет безусловную научную ценность.

Помимо всего прочего, посредством классификации мы можем определить те аспекты юридической техники, которые имеют преобладающее значение *в различных типах правовых систем*.

Так, юридическая техника в странах *англо-саксонской* семьи — это, прежде всего, техника судоговорения. Право здесь носит прецедентный характер, средством его формирования выступает судебный процесс. Соответственно, развитие юридической техники в этих странах изначально предполагало совершенствование форм судопроизводства, методов рассмотрения дела, способов доказывания.

В *романо-германской* правовой системе преобладающим видом юридической техники является техника нормотворчества, так как источником права преимущественно выступает деятельность законодателя. Развитие технико-юридических приемов шло здесь, в первую очередь, по линии совершенствования способов изложения воли законодателя, оформления текстов нормативных актов, их систематизации, кодификации, построения логически цельной системы законодательства.

Для *мусульманского* права наиболее характерна техника интерпретации права. В рамках мусульманской правовой системы задача *создания права* не является первостепенной. Право *уже существует* в виде религиозных установлений Корана. Развитие права предполагает познание сути божественного замысла, его *интерпретацию*, поэтому преобладающим источником этого права становится доктрина¹, а развитие юридической техники характеризуется, прежде всего, совершенствованием интерпретационных приемов.

Выделенные особенности различных типов правовых систем вовсе не означают, что иные виды юридической техники неразвиты или отсутствуют в конкретной стране. Существующая система форм права лишь

¹ См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / под ред. В.А. Туманова. М., 2003. С. 299.

обуславливает приоритетные направления в развитии рассматриваемого феномена. Несмотря на различия в содержании и непосредственной роли в той или иной правовой системе, *юридическая техника сохраняет свое значение в рамках любого типа правового регулирования.*

2.3. Значение юридической техники

Один из родоначальников теории юридической техники Р. Иеринг выделил две главные цели (и одновременно значения) данного явления: 1) возможно большее количественное и качественное упрощение права; 2) достижение практичности права¹. Говоря современным языком, речь идет, в первую очередь, о создании законов, доступных для понимания, и об их качественном применении и действии. Современные ученые, выделяя аналогичные цели, формулируют их несколько шире. Так, А. Ф. Черданцев в качестве целей юридической техники называет: 1) достижение ясности, простоты, краткости и унифицированности юридических документов; 2) рационализацию юридической деятельности². В самом общем виде эти положения говорят о том же: о *простоте и практичности* действующего права, т.е. о его высоком качестве. Названные цели характеризуют *инструментальное, прикладное* значение юридической техники. Значение это, как было показано выше, не ограничивается сферой правоворчества и правоприменения. Являясь неотъемлемым элементом правовой системы, юридическая техника проявляет себя на всех ее уровнях: на *нормативном* (как средство построения системы права и системы законодательства); на *социологическом* (как средство повышения эффективности действия права); на *доктринальном* (как часть правовой науки); на *идеологическом* (как технико-правовое мышление).

Последнее, как уже отмечалось, свойственно лишь профессиональному правосознанию. Действительно, обыденное правосознание, как правило, сводится к правовой психологии (чувствам, эмоциям, переживаниям), профессиональное же правосознание характеризуется высокоразвитым *когнитивным компонентом*³. В большинстве случаев граждане именно поэтому обращаются за профессиональной юридической помощью, что у них недостаточно специальных *знаний и навыков* реализации права, другими словами, потому что они *не владеют юридической техникой*.

Юридическая техника, по справедливому утверждению А. С. Александрова, — это техника коммуникации в юридической среде⁴. Вла-

¹ См.: Иеринг Р. Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. С. 35.

² См.: Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 336.

³ См.: Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. С. 20–21.

⁴ См.: Александров А. С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 102.

дение ею может рассматриваться как грамотность юриста, основа его профессионализма. Деятельность юриста состоит в том, чтобы достигать поставленной цели *юридическими средствами*. Насколько он владеет этими средствами, насколько он технически искусен — настолько и успешен в своей профессиональной деятельности.

Сами эти средства вырабатывались и совершенствовались в течение всей юридической истории человечества: через накопление эмпирического материала, апробацию, «естественный отбор» и отработку в юридической практике, осмысление и доведение до совершенства правовой доктриной. Являясь одновременно следствием и средством правовой преэминентности, юридическая техника выступает одним из *достижений мировой цивилизации*. Как правило, чем выше уровень развития правовой системы того или иного общества, тем совершеннее используемые в нем приемы создания, толкования, применения, систематизации правовых норм.

Уровень юридической техники является *показателем качества правовой культуры общества*. От того, насколько профессионально работают юристы, а следовательно, насколько совершенны нормативно-правовые акты, отлажены юридические процедуры, эффективны различные правовые механизмы, зависит и уровень правосознания граждан, и качество правомерного поведения, и состояние всей правовой системы.

В тоже время необходимо подчеркнуть, что юридическая техника имеет далеко не только инструментальное (прикладное) значение. Задачи, которые решаются с ее помощью (ясность и понятность правовых актов, эффективность правовых процедур), служат более *фундаментальному предназначению* — установлению и поддержанию правопорядка. Именно правопорядок можно рассматривать в качестве целеполагающего основания юридической техники¹.

Особое значение эта фундаментальная роль юридической техники приобретает на переходных этапах развития общества². Если в сложившихся, стабильно развивающихся обществах назначение юридической техники состоит, прежде всего, в том, чтобы поддерживать право как систему в «рабочем состоянии», то в переходном обществе она становится средством преобразования самого права, его системы

¹ См.: *Артемов В. М.* Правопорядок как целеполагающий ресурс развития законодательной техники в современном обществе // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 68.

² Об этом см.: *Муромцев Г. И.* О некоторых особенностях законотворческой техники и методологии ее исследования в современной России // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 76–77.

и структуры. Она не только обеспечивает качество правовых актов, но непосредственно участвует в построении новой правовой системы, создает, формирует новый правопорядок.

В начале XX в., говоря о подобных особенностях юридической техники, А. Башмаков связывал их не с переходным этапом в жизни общества, а с самой природой современного западного общества. В традиционных «неподвижных» обществах задача юридической техники состоит лишь в сборе материала (изучении сложившихся отношений, окружающей правовой действительности и адекватном отражении их в правовых актах). В современных же обществах техника выполняет сразу две цели. С одной стороны, она должна уловить и выразить незыблемые, устойчивые черты правовой жизни, ее фундамент; с другой стороны — справедливо отнестись к назревающим потребностям новой жизни¹. Обеспечивая динамизм права, юридическая техника при этом препятствует неоправданным революционным изменениям и обуславливает эволюционность правового развития. «Она позволяет правоприменителю искусно использовать достоинства юридической формы. Умелое применение нормативных обобщений, оценочных понятий, оговорок в тексте нормативно-правового акта создает условия, при которых правоприменитель (прежде всего судья) сможет принимать решение по конкретному делу с учетом действующей в этот период правовой парадигмы, не выходя за пределы правового регулирования»².

Конечно, сама техника не порождает право, так же как люди стали носить одежду не потому, что появились портные, но конкретные предметы одежды — это всегда результат профессионального мастерства портного. И так же, как портные шьют одежду, юристы «ткут правовую материю», создавая право в процессе своей профессиональной (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной, договорной) деятельности, определяя облик современной правовой системы.

Таким образом, *фундаментальное назначение юридической техники* заключается:

- в поддержании права как системы в рабочем состоянии, обеспечении стабильности, устойчивости его развития;
- в эволюционном преобразовании самого права, обеспечении его качества и соответствия меняющимся общественным запросам.

¹ См.: Башмаков А. Законодательная техника и народное право // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 2. С. 176.

² Шаханов В. В. Правовые парадигмы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 21.

Вопросы для самоконтроля

1. Приведите примеры предлагаемых в научной литературе определений юридической техники. Обоснуйте, сторонниками каких подходов являются их авторы.
2. Какие из признаков юридической техники являются наиболее значимыми? Попробуйте предложить свою систему признаков юридической техники.
3. Объясните, каким образом решение вопроса о сущности права влияет на научные представления о юридической технике.
4. Объясните (желательно, с использованием словаря), в чем заключается разница между понятиями «правила», «требования», «методы», «средства», «приемы», «способы».
5. Какие явления могут выступать в качестве общесоциальных средств юридической техники? Приведите собственные примеры таких средств.
6. Изобразите схематически систему инструментария, входящего в состав юридической техники.
7. Проиллюстрируйте примерами известные вам классификации юридической техники.
8. Назовите как можно больше юридических специальностей. В чем проявляются их технико-юридические особенности?
9. Проанализируйте классификацию техники в зависимости от содержания юридической деятельности. Какие виды, по вашему мнению, необходимо и достаточно выделить в рамках этой классификации?
10. Каковы аргументы «за» или «против» того, чтобы рассматривать технику юридического обучения в качестве разновидности юридической техники?

Тестовые задания

- 1) Сторонниками какого научного подхода являются авторы определений юридической техники:
 - (1) «юридическая техника – это совокупность правил и приемов наиболее оптимального правового регулирования общественных отношений» –
 - a) документационный или
 - b) деятельностный подход?
 - (2) «юридическая техника – это разработанные наукой практические рекомендации и правила подготовки и составления юридических документов» –
 - a) публично-правовой или
 - b) частно-правовой подход?
 - (3) «юридическая техника – это профессиональный инструментарий правотворческой и правоприменительной деятельности» –
 - a) публично-правовой или
 - b) частно-правовой подход?
 - (4) «юридическая техника – это техника подготовки, составления, оформления правовых актов» –
 - a) документационный или
 - b) деятельностный подход?

- 2) Общесоциальным средством юридической техники является:
- юридическая конструкция
 - юридический язык
 - юридическая норма
- 3) Средства, приемы, правила и другие инструменты профессиональной юридической деятельности в совокупности образуют юридической техники
- 4) Найти соответствие между критерием классификации и видом юридической техники:

по форме юридической деятельности (1)	техника интерпретации права (а)
по специальности юридической профессии (2)	устная юридическая техника (b)
по способу издания правового акта (3)	техника обсуждения законопроекта (с)
по стадии создания правового акта (4)	адвокатская юридическая техника (d)
по содержанию юридической деятельности (5)	техника односторонних актов (е)

- 5) К какому виду юридической техники можно отнести технику оглашения приговора:
- по форме юридической деятельности:
 - устная юридическая техника
 - письменная юридическая техника
 - по специальности юридической профессии:
 - следственная юридическая техника
 - нотариальная юридическая техника
 - судебная юридическая техника
 - адвокатская юридическая техника
 - прокурорская юридическая техника
 - по юридической природе составляемого акта:
 - техника нормативных актов
 - техника индивидуальных актов
 - по стадии создания правового акта:
 - техника обоснования идеи правового акта
 - техника составления текста правового акта
 - техника обсуждения и принятия правового акта
 - техника проведения экспертизы правового акта
 - техника опубликования правового акта
 - по содержанию юридической деятельности:
 - правотворческая юридическая техника
 - правоприменительная юридическая техника
 - техника толкования права
 - договорная юридическая техника
 - по сфере применения:
 - общая юридическая техника
 - отраслевая юридическая техника

- б) К какому виду юридической техники можно отнести технику составления устава акционерного общества:
- (1) по форме юридической деятельности:
 - а) устная юридическая техника
 - б) письменная юридическая техника
 - (2) по юридической природе составляемого акта:
 - а) техника нормативных актов
 - б) техника индивидуальных актов
 - (3) по стадии создания правового акта:
 - а) техника обоснования идеи правового акта
 - б) техника составления текста правового акта
 - с) техника обсуждения и принятия правового акта
 - д) техника проведения экспертизы правового акта
 - е) техника опубликования правового акта
 - (4) по содержанию юридической деятельности:
 - а) правотворческая юридическая техника
 - б) правоприменительная юридическая техника
 - с) техника толкования права
 - д) договорная юридическая техника
- 7) Фундаментальное назначение юридической техники заключается в следующем (вычеркнуть лишнее):
- а) обеспечение правопорядка в обществе
 - б) повышение качества юридических документов
 - с) поддержание права как системы в рабочем состоянии
- 8) Прикладные цели юридической техники включают (выберите несколько вариантов):
- а) борьба с преступностью
 - б) рационализация юридической деятельности
 - с) унификация юридических документов
 - д) простота и ясность юридического языка
 - е) совершенствование механизма правового регулирования
 - ф) повышение качества правотворчества и правоприменения
- 9) Юридическая техника (выберите несколько вариантов):
- а) проявляет себя на всех уровнях правовой системы,
 - б) является показателем качества правовой культуры общества
 - с) отражает классовую природу права
 - д) тесно связана с обыденным правосознанием
 - е) является достижением мировой цивилизации

Рекомендуемая литература

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд. – М., 2008.
2. *Воеводин Л.Д.* Юридическая техника в конституционном праве / Л.Д. Воеводин // Вестник МГУ. – Серия 11: Право. – 1997. – № 3.
3. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М.Л. Давыдова. – Волгоград, 2009.

4. *Деревнин А.А.* О понятии юридической техники / А.А. Деревнин // Академический юридический журнал. – 2001. – № 3 (5).
5. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. – М., 2010.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника / Т.В. Кашанина. – М., 2017.
7. Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
8. *Соколов Н.Я.* Профессиональная культура юристов и законность / Н.Я. Соколов. – М., 2011.
9. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. – М., 2012.
10. Юридическая техника: вопросы теории и истории: материалы межвузовской научно-технической конференции / под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб., 2005.

Раздел 3

ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

3.1. Понятие юридического документа

Современное общество трудно представить без документооборота. Значительную его часть составляет юридический документооборот. Момент рождения ребенка фиксируется свидетельством о рождении; учреждения юридического лица — свидетельством о государственной регистрации. На протяжении своей жизни каждый человек может столкнуться с целым рядом юридических документов: получить паспорт, заключать договоры, выдавать доверенности, составлять завещание, подавать иски и т.д. Массив юридических документов огромен.

В общей теории права исследованию юридических документов в целом и отдельных их разновидностей уделяется все больше внимания. С философской точки зрения юридический документ выступает конкретной¹ категорией в противовес праву, норме права. Такой вывод можно сделать из того, что юридический документ представляет собой видимое и осязаемое явление, создаваемое непосредственно самим человеком и предназначенное для хранения правовой информации.

Многочисленные юридические энциклопедии не содержат определения понятия «юридический документ». Одним из первых данную проблематику стал разрабатывать А. Ф. Черданцев. Он², а вслед за ним Е. С. Шугрина³ и Т. В. Кашанина⁴, понимают юридический документ как документ, содержащий правовую информацию. Думается, что такое понимание существенно расширяет объем понятия «юридический документ». Безусловно, каждый юридический документ содержит правовую информацию, но далеко не каждый документ, в котором присутствует правовая информация, можно признать

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1999. С. 218.

² См.: Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Т. 2. С. 364; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2003. С. 323.

³ См.: Шугрина Е. С. Техника юридического письма. М., 2001. С. 11.

⁴ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 72.

юридическим. Правовая информация включает в себя как «знания, сообщения, сведения о велениях, правилах, имеющих характер общеобязательных норм, так и данные о правотворчестве, практике применения правовых норм, результатах научных исследований»¹. Так, правовую информацию может содержать и статья в газете, журнале.

Авторские определения понятия «юридический документ» в курсе собственных исследований дают и другие представители юридической науки. Так, А. В. Никитин под юридическим документом понимает письменный документ установленной формы, предназначенный для фиксации идеальных объектов, имеющих юридическое значение и типично символическую природу легитимации². По мнению Е. Ю. Жаровой, правовой (юридический) документ — это имеющий юридическое значение, исходящий от официальных органов и учреждений документ, содержащий правовую информацию, характеризующийся общеобязательностью для адресатов и направленный на регулирование и упорядочивание общественных отношений³. И снова мы видим сужение понятия. Во-первых, юридические документы могут составляться и на электронных носителях. Во-вторых, они исходят не только от официальных органов и учреждений, но и от участников правовых отношений, не имеющих подобного статуса. Например, договор дарения квартиры может быть заключен физическими лицами между собой.

Рассмотрим, какие признаки характеризуют понятие «юридический документ».

Во-первых, *юридический документ — это разновидность документа*. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»⁴, *документ* — материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁵ не содержит

¹ См.: Москвин С. С. Правовая информация — разновидность социальной информации // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. М., 1975. Вып. 13. Цит. по: Гаврилов О. А. Курс правовой информатики. М., 2000. С. 14.

² См.: Никитин А. В. Правовые символы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.

³ См.: Жарова Е. Ю. Программа как правовой документ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 1, ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5497.

⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ст. 3448.

определения понятия «документ», но использует определение «документированная информация», под которой понимается зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

Своеобразие документа как объекта состоит в следующем. Во-первых, документ — это всегда результат целенаправленной человеческой деятельности. Во-вторых, сам документ фиксирует какой-либо элемент, фрагмент окружающего мира (события, явления, процессы, человека и т.д.) или определенные сведения о чем-то, а нередко и то и другое вместе. В-третьих, фиксация производится различными способами на основе применения в той или иной мере специальных знаний, навыков, умений, технических средств. В-четвертых, запечатление отображаемого объекта осуществляется на каком-либо материальном носителе.

В настоящее время при определении документа используются различные подходы. Согласно одному из них, первичным в определении документа является материальный носитель информации. В соответствии с другим, первичной выступает сама информация, зафиксированная на материальном носителе. Если признать первичным сам носитель информации, то к числу документов нельзя будет отнести такие, в которых материальный носитель не связан неразрывно с записанной на нем информацией, и в силу этого информация не может существовать отдельно от материального носителя. Юридический документ может быть составлен в электронном виде, поэтому более правильным будет определять документ как информацию, зафиксированную на материальном носителе. Вместе с тем документ необходимо рассматривать в единстве формы и содержания и не отрывать информацию от материального носителя.

Во-вторых, *юридический документ всегда содержит в себе правовую информацию*. С. С. Москвин рассматривает правовую информацию как «используемые в общественной практике знания, сообщения сведения о правовой сфере жизни общества, о явлениях и процессах, происходящих в этой сфере»¹. Данный признак является общим для всех юридических документов, но должен ограничиваться иными признаками. Скажем, частное письмо может содержать правовую информацию о судебном разбирательстве, но не обязательно будет являться юридическим документом.

В-третьих, *юридический документ имеет юридическое значение*. Юридическое значение — это та роль, которую играет документ в юри-

¹ См.: Москвин С. С. Теоретические проблемы системы правовой информации в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1977. С. 7.

дической практике. Значение юридических документов разнообразно в зависимости от вида и может состоять в следующем:

- регулирование правовых отношений;
- закрепление правового статуса субъектов правовых отношений;
- фиксация действий и решений участников правовых отношений;
- разрешение спорных юридических ситуаций и др.

В-четвертых, *юридический документ — это документ, вовлеченный в процесс правового регулирования*. Под правовым регулированием понимается осуществляемое при помощи правовых средств воздействие на общественные отношения¹. Как отмечает А. В. Поляков, «правовое регулирование осуществляется, прежде всего, через различные правовые тексты как первичные (текстуальные источники права), так и через тексты вторичные (тексты реализации права, юридической практики), а также через тексты правовой культуры (правовой идеологии, правовой политики и т.д.)»². Данный признак позволяет отнести к юридическим документам в том числе и документы-доказательства. В соответствии с п. 37 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», сотрудники полиции обязаны изымать у граждан и должностных лиц документы, имеющие признаки подделки. Это могут быть имеющие признаки подделки документы, удостоверяющие личность, ценные бумаги и т.д.

В-пятых, *юридические документы становятся таковыми в результате практической деятельности участников правовых отношений*. Ряд юридических документов создается в результате собственно юридической деятельности как проявления воли субъекта права или обязанности, направленной на удовлетворение правовой цели³. Вместе с тем некоторые документы, изначально не являясь юридическими, к примеру, личные, медицинские, экономические, становятся таковыми благодаря их вовлечению в процесс правового регулирования через юридическую деятельность участников правовых отношений, например, частные письма, амбулаторная карта и др.

Синтезируя выделенные признаки, мы получим следующее определение: *юридический документ — это имеющий юридическое значение и содержащий правовую информацию документ, вовлеченный в процесс правового регулирования посредством практической деятельности участников правовых отношений*.

¹ См.: *Бабеев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А.* Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2003. С. 195.

² *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб., 2004. С. 632.

³ См.: *Шапсугов Д. Ю.* Теория права и государства. Ростов н/Д, 2003. С. 34.

3.2. Функции юридических документов

При рассмотрении проблематики юридических документов важно применить функциональный подход, так как он позволяет взглянуть на юридический документ как на действующий феномен¹. Функции отражают основные направления воздействия определенного явления, процесса на существующие общественные отношения. Большинство функций юридического документа проявляется именно в процессе его реализации, т.е. воплощения в жизнь или использования положений, зафиксированных в нем. Тем не менее юридические документы могут и не оказывать *правового воздействия* на общественные отношения, если их функционирование происходит в рамках сохранения накопленной правовой информации и историко-культурной функции. Например, утратившие силу нормативные правовые акты (Закон «О милиции»). Приведенные положения позволяют говорить о *функциях юридического документа* не только как о направлениях воздействия, но и как о внешних проявлениях его свойств в системе общественных отношений.

Следует отметить, что функции юридического документа необходимо рассматривать не только как функции информации, которая зафиксирована на материальном носителе, но и как функции, свойственные самому материальному носителю. Функциями информации являются, например: правоустановительная, правореализационная, правоохранительная и др. Функциями, свойственными материальному носителю, являются функция сохранения информации и функция передачи информации.

Юридическому документу присущи функции различного характера. Это не только функции правовой направленности. В зависимости от того, присущи функции всем документам, их части (в том числе и юридическим документам) или только юридическим документам, функции делятся на общие, частные и собственно юридические.

Функции, которые выполняют все документы, в том числе юридические, так как они являются разновидностью документов, называются *общими*. К ним относятся следующие функции: 1) информационная; 2) историко-культурная; 3) коммуникативная; 4) социальная.

Информационная функция заключается в том, что юридический документ является источником юридически значимой информации. Он создается для накопления, сохранения, передачи информации во времени и пространстве, многократного обращения к ней.

Историко-культурная функция состоит в способности юридического документа, как действующего, так и утратившего силу, служить источником определенного опыта по его применению на практике.

¹ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 20.

Коммуникативная функция — проявление способности юридического документа являться средством общения участников правовых отношений. Например, при помощи различных заявлений, ходатайств, жалоб, запросов, повесток, постановлений, определений участники правовых отношений получают не только необходимую информацию, но и общаются с теми, кто данную информацию может предоставить, а также вовлекают некоторых из этих лиц в юридический процесс.

Социальная функция заключается в возможности юридических документов выступать в качестве средства удовлетворения социальных потребностей общества, а также отдельных его членов. Например, внесенная в часть 6 статьи 75 Конституцию РФ поправка установила, что в России формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год. Федеральный закон «О полиции» устанавливает гарантии социальной защиты сотрудника полиции (гл. 8).

Функции, которые выполняют не только юридические документы, носят название *частных функций*.

К частным функциям юридических документов относятся: 1) политическая; 2) идеологическая; 3) символическая; 4) воспитательная; 5) объяснительная; 6) управленческая; 7) доказательственная.

Политическая функция состоит в том, что юридические документы могут определять политическую структуру общества, организацию государственных и муниципальных органов власти, основы внутренней и внешней политики. Безусловно, данная функция, как и многие другие, свойственна не всем юридическим документам. О политической функции Конституции РФ пишет А. В. Петрова¹.

Многие юридические документы проводят в жизнь идеологические взгляды, убеждения, что позволяет говорить об *идеологической функции*. Идеология — это система взглядов и идей, в которых выражается отношение к той или иной действительности². В статье 67 Конституции РФ нашла отражение поправка, несущая важнейший идеологический смысл: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»

Символическая функция ряда юридических документов состоит в том, что им придается особая значимость, формируется уважение, обеспечиваемое правовой защитой. Она присуща, скажем, паспорту

¹ См.: Петрова А. В. Функции Конституции России // Закон и право. 2003. № 6. С. 22.

² См.: Политология: энциклопедический словарь / сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 113.

гражданина Российской Федерации, удостоверению сотрудника полиции и другим документам.

Воспитательная функция юридических документов заключается в формировании путем их реализации уважения к праву и закону, привития системы ценностей, нравственных качеств.

Объяснительная функция свойственна многим юридическим документам. Она проявляется не просто в предоставлении информации, а в разъяснении в них адресатам определенного вопроса. Так, когда следователь готовит постановление о назначении экспертизы, он указывает, в связи с чем возникла такая необходимость.

Управленческая функция, в свою очередь, заключается в том, что юридический документ выступает инструментом в управлении, способствует координации деятельности членов общества и оптимально ее организует. Например, приказ о зачислении гражданина в образовательное учреждение высшего образования по очной форме по результатам прохождения вступительных испытаний является управленческим актом и выполняет управленческую функцию.

Следующей является *доказательственная функция* юридического документа. Она состоит в том, что юридический документ может являться доказательством по делу либо фиксировать доказательства. Данная функция свойственна протоколам допроса, обыска, выемки, осмотра места происшествия, а также заключениям эксперта и иным документам.

Функции, которые выполняются только юридическими и никакими другими документами, носят название *собственно юридических функций*. К ним относятся функции: 1) правоустановительная; 2) правореализационная; 3) правоохранительная; 4) удостоверительная; 5) учредительная; 6) контрольно-надзорная.

Правоустановительная функция юридических документов свойственна нормативным правовым актам. Она заключается в том, что их положения становятся общеобязательными для их реализации. Никакие юридические документы, кроме тех, которые являются источниками права, не могут содержать нормы права, т.е. быть правоустанавливающими.

Основной функцией, присущей юридическому документу, является *правореализационная функция*. Юридические документы составляются во исполнение положений, которые закреплены в нормативных правовых актах. Тем самым происходит реализация правовых норм. Реализация правовых норм — это практическое осуществление их предписаний в правомерном поведении людей (граждан и их объединений), должностных лиц и других субъектов права¹.

¹ См.: Кожевников С. Н. Реализация права, юридическое толкование, законность. Н. Новгород, 2005. С. 7.

Правоохранительная функция юридических документов заключается в том, что они призваны обеспечивать нормальный режим действия права, его независимость от внешних воздействий. При этом ряд юридических документов имеет превентивное значение (направлены на недопущение правонарушений), а ряд определяет наказание за такие деяния. Например, представление прокурора и приговор суда.

Удостоверительная функция заключается в том, что юридический документ подтверждает личность или статус какого-либо лица, удостоверяет определенные события. Такими документами являются паспорт, свидетельства о рождении, о вступлении в брак, о смерти, удостоверения, военный билет, аттестаты, дипломы, свидетельства и др.

В результате юридической деятельности учреждаются различные организации, поэтому некоторые юридические документы выполняют *учредительную функцию*. К ним относятся уставы, учредительные договоры, положения о деятельности юридических лиц. Данные юридические документы наделяют субъектов права правами и определяют круг их обязанностей, ответственность.

Контрольно-надзорная функция юридических документов имеет различные проявления. Документы в деятельности ОВД обеспечивают возможность контроля законности и эффективности их деятельности, т.е. служат источником контроля¹. Например, акты прокурорского надзора направлены в том числе на предупреждение правонарушений, их устранение.

Юридические документы полифункциональны. Они выполняют не одну, а несколько различных функций.

3.3. Классификация юридических документов

Повышение роли права на современном этапе развития общества привело к увеличению количества юридических документов. Чтобы не потеряться в их огромном массиве, необходимо прибегнуть к их классификации как одному из видов деления понятий. В основе классификации юридических документов по определенным критериям лежат методы наблюдения, сравнения и обобщения. Под *классификацией юридических документов* необходимо понимать прием юридической техники, состоящий в делении юридических документов на отдельные классы по наиболее общим признакам их сходства и различия.

Существует множество классификаций как юридических документов в целом, так и их видов. С определенной долей условности Е. С. Шугрина делит все юридические документы на четыре большие группы: 1) нормативные акты; 2) акты правоприменения;

¹ См.: Башарин С. М., Чемпосов П. М. Основы делопроизводства в органах внутренних дел. Н. Новгород, 1998. С. 28–33.

3) договоры; 4) иные виды юридических документов¹. Недостаток данной классификации — отсутствие критерия деления.

По мнению Е. В. Романовой, юридические документы можно разделить на четыре группы: 1) нормативные документы; 2) правоприменительные документы; 3) документы-подтверждения; 4) деньги и ценные бумаги².

Все множество документов, составляемых в ОВД, А. Г. Маркушин классифицирует по следующим признакам: 1) по направлениям деятельности ОВД; 2) по участию заинтересованных лиц; 3) по количеству отражаемых вопросов; 4) по степени ограничения доступа; 5) по месту возникновения³.

Основными критериями классификации юридических документов являются: 1) характер правовой информации; 2) отраслевая принадлежность; 3) характер официальности; 4) соответствие закону; 5) срок действия; 6) территория действия; 7) круг лиц; 8) вид носителя информации; 9) категория доступа; 10) название.

По характеру правовой информации юридические документы одним из первых классифицировал А. Ф. Черданцев. Он делит их на нормативные документы; документы, содержащие решения индивидуального характера; документы, фиксирующие юридические факты; деньги и ценные бумаги; документы, фиксирующие факты-доказательства⁴. Кроме предложенных пяти групп юридических документов, полагаем, можно выделить еще несколько самостоятельных групп юридических документов.

Группу *нормативных документов* составляют документы, содержащие нормы права или разъяснения норм права: нормативные правовые акты; договоры нормативного содержания; документы, фиксирующие административные и судебные прецеденты; документы, принятые на референдуме; другие источники права, имеющие форму юридического документа; акты толкования норм права.

Более объемную группу составляют *документы, содержащие решения индивидуального характера*. К ним относятся решения, постановления и определения судов, приказы руководителей различных организаций, постановления и определения должностных лиц, в том числе должностных лиц органов внутренних дел, и другие документы.

Наиболее многочисленной группой юридических документов являются *документы, фиксирующие юридические факты*. К ним относятся:

¹ См.: Шугрина Е. С. Техника юридического письма. М., 2001. С. 11.

² См.: Романова Е. В. Экзамен по основам техники юридического письма. М., 2005. С. 10.

³ См.: Маркушин А. Г. Основы управления в органах внутренних дел. Н. Новгород, 1996. С. 88.

⁴ См.: Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 362–364.

паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверение сотрудника полиции, свидетельства о регистрации актов гражданского состояния (рождения, смерти, заключения и расторжения брака), товарно-транспортные накладные и т.д.

Документами, фиксирующими факты-доказательства, являются: протоколы, составляемые в процессе следствия и дознания (допроса свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; очной ставки; следственного эксперимента; проверки показаний на месте; осмотра места происшествия), заключения эксперта, протоколы судебных заседаний.

Самостоятельную крупную группу юридических документов образуют *деньги и ценные бумаги*. Разновидностями ценных бумаг являются облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, коносамент, акции, приватизационные ценные бумаги и др.

Отдельную группу юридических документов составляют *документы, фиксирующие обращения правового характера*. Это могут быть обращения в форме предложений, заявлений и жалоб, составляемых в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», исковые и иные заявления, ходатайства, жалобы, подаваемые в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством РФ (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ и т.д.)

Документами, фиксирующими правовые договоренности ненормативного характера, являются многочисленные правовые договоры: гражданско-правовые договоры, брачные контракты, трудовые договоры и т.д.

Юридическими документами-доказательствами являются поддельная кредитная карточка, поддельный паспорт, предсмертная записка, рукопись, авторство которой оспаривается, и др.

Юридические документы можно классифицировать *по отраслям права*. Каждой отрасли права присущ свой круг юридических документов. Гражданскому праву свойственны договоры купли-продажи, подряда, аренды, поставки, хранения, страхования и т.д. В семейном праве — это брачный договор, свидетельства о рождении, смерти, регистрации брака. Для трудового права характерны трудовой договор, трудовая книжка, должностная инструкция. Уголовное процессуальное право располагает такими документами, как протоколы следственных действий, обвинительные акты, заключения, приговоры суда и т.д. Вместе с тем одни и те же документы могут быть присущи разным отраслям права.

По характеру официальности юридические документы могут быть классифицированы на *официальные* и *неофициальные документы*. По мнению Е. Ю. Жаровой, официальными будут являться три группы документов: 1) те, которые исходят от официальных органов; 2) те, которые удостоверены в соответствии с установленным порядком; 3) те,

обеспечение исполнения которых осуществляется официальным органом¹. Неофициальным будет, к примеру, договор физических лиц, не нуждающийся в государственной регистрации или нотариальном заверении.

С точки зрения соответствия закону юридические документы можно разделить на *законные* и *незаконные*. Законные документы соответствуют всем требованиям, которые зафиксированы по отношению к ним в нормативных правовых актах, а незаконные — это такие документы, содержание и форма которых не соответствуют закону. Они могут быть поддельными и подложными.

В зависимости от срока действия юридические документы могут быть:

1) бессрочные, т.е. документы, в отношении которых срок действия не установлен. К ним относятся нормативные правовые акты, например, Конституция РФ, деньги, брачный договор;

2) срочные, т.е. документы, в которых установлен срок их действия, либо этот срок установлен в нормативном правовом акте для всей группы этих документов. К таким документам относятся нормативные правовые акты, в которых установлен срок их действия, индивидуальные правовые акты срочного характера, гражданско-правовые договоры, удостоверения сотрудников правоохранительных органов;

3) срочно-бессрочные юридические документы, т.е. документы, для которых срок может устанавливаться, а может и не устанавливаться, например, трудовые договоры;

4) разовые юридические документы. Это документы, которые исполняются сразу же после их составления и не имеют никаких сроков: разовая доверенность, приказ о приеме на работу, приказ о приостановлении действия лицензии.

В зависимости от территории, на которой действует тот или иной юридический документ, их можно разделить: 1) на действующие на территории Российской Федерации; 2) действующие за пределами территории Российской Федерации. Юридические документы, действующие на территории России, можно классифицировать так: действующие на всей территории страны; действующие на территории региона; действующие на территории субъекта Российской Федерации; действующие в масштабах муниципального образования; локальные юридические документы.

Юридические документы можно делить на группы *по кругу лиц*, в отношении которых принят тот или иной документ. В связи с этим критерием классификации юридические документы делятся на: 1) документы, действующие в отношении неопределенного круга лиц (до-

¹ См.: Жарова Е. Ю. Программа как правовой документ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 28–29.

кументы общего действия); 2) документы, действующие в отношении определенного круга лиц (специальные юридические документы).

Юридические документы содержатся на разных носителях и, соответственно, могут различаться *по виду носителя*. Наибольшее количество юридических документов зафиксировано на бумажном носителе при помощи естественного языка. Но есть и документы на электронных носителях, созданные машинописным путем.

По категории доступа юридические документы можно классифицировать на: 1) общедоступные документы; 2) документы с ограниченным доступом. Документы с ограниченным доступом подразделяются на отнесенные к государственной тайне и конфиденциальные юридические документы.

Наиболее объемной является классификация юридических документов *по названию*. По данному критерию можно выделить: законы, указы, постановления, решения, распоряжения, представления, простаты, уставы, положения, протоколы, постановления, определения, доверенности, договоры, инструкции, приказы, исковые заявления, исполнительные листы и другие юридические документы. Каждому названию юридического документа соответствует определенный смысл. Так, приказ — это юридический документ, издаваемый руководителем организации, действующим в целях разрешения задач, стоящих перед этой организацией¹.

3.4. Технология работы с юридическими документами

Юридический документ — это результат деятельности участников правовых отношений; он создается по определенной технологии. Ей соответствуют следующие стадии: 1) создание юридического документа; 2) исполнение; 3) контроль за исполнением юридического документа; 4) хранение юридического документа.

Под *технологией работы с юридическим документом* следует понимать основанный на определенных принципах, планах, прогнозах и рекомендациях процесс создания юридического документа, его исполнения, контроля за исполнением и хранения, в ходе которых используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности.

В зависимости от разновидности юридических документов процедура создания может быть различной. Несмотря на это, есть общие для большинства юридических документов стадии работы по созданию юридического документа, есть и такие, которые присущи отдельным разновидностям юридических документов.

¹ См.: Справочник по подготовке и оформлению официальных документов. М., 1995. С. 159.

Первая стадия работы с юридическим документом — это его создание.

Два этапа создания юридического документа называет Е. С. Шугрина: подготовительный этап и этап оформления юридического документа¹. На наш взгляд, следует выделять *три этапа*: подготовительный этап, этап оформления юридического документа и этап введения юридического документа в действие.

На *подготовительном этапе* юридический документ еще не создается. В силу каких-либо факторов возникает необходимость в создании юридического документа. В результате, в сознании участника правовых отношений формируется *замысел по составлению юридического документа* и представление о том, какой документ необходим и как он должен быть оформлен. Затем *определяется цель его создания*. После определения целей создания юридического документа начинается *сбор информации* самого различного характера. Деятельность по сбору информации сопровождается ее последовательным *анализом*. Отбрасывается ненужная и устаревшая информация. По итогам подготовительного этапа в сознании разработчика юридического документа *формируется модель* будущего юридического документа.

Второй этап — это непосредственно *этап оформления юридического документа*. Та модель, которая существует в сознании у разработчика юридического документа, становится формально закрепленной, наполняется определенным содержанием. Юридический документ создается на бумажном или электронном носителе. Реже юридические документы составляются на иных носителях.

Первоначально осуществляется *составление проекта юридического документа* как воплощение замысла по его созданию. При этом разработчиком должны учитываться все требования к правильности составления соответствующего юридического документа.

Затем следует *проверка его правильности*. Она осуществляется самим лицом, которое разрабатывает юридический документ. Фактически проверка правильности создания юридического документа должна быть подобна юридической экспертизе и включать в себя правовую оценку формы документа, его целей и задач, компетенции органа, порядка создания, соответствия его требованиям законодательства, наличия необходимых реквизитов, соответствие требованиям юридической техники.

После проверки правильности оформления юридического документа возможна *процедура его согласования*. Ее отличие от проверки в том, что осуществляется она не тем лицом, которое подготовило данный документ. Согласование юридического документа может быть внутренним (проводиться внутри организации) и внешним. Внутрен-

¹ См.: Шугрина Е. С. Техника юридического письма. М., 2001. С. 40–42.

нее согласование обычно оформляется визированием проекта юридического документа. Примером внешнего согласования является обсуждение закона, принятого Государственной Думой на заседании Совета Федерации.

Новой процедурой согласования федерального или федерального конституционного закона является проверка конституционности соответствующего закона, принятого и одобренного в установленном Конституцией порядке, но не подписанного Президентом РФ (часть 3 статьи 107 Конституции РФ) и обращающегося с запросом о проверке конституционности в Конституционный Суд РФ.

Доработка юридического документа включает мероприятия по введению его в соответствие с указанными замечаниями или возражениями. В случае, когда нет необходимости учета указанных замечаний и возражений, документ может быть подготовлен в том виде, в каком его задумал сам разработчик. По окончании согласования юридического документа и его доработки — при наличии такой необходимости — он передается на *удостоверение*.

Третий этап работы по созданию юридического документа — это *этап введения юридического документа в действие*. Именно на данном этапе юридический документ становится таковым и приобретает юридическую силу. Разные юридические документы получают статус юридического документа по завершении одной из операций по введению документа в действие. К таким операциям можно отнести удостоверение юридического документа, опубликование юридического документа, регистрацию и нотариальное удостоверение, консульскую легализацию юридических документов.

Удостоверение юридических документов является формой выражения ответственности за их содержание и законность. Основными способами удостоверения являются подписание, утверждение юридического документа и проставление печати.

Утверждение — это особый способ удостоверения документа после его подписания, санкционирующий распространение действия документа на определенный круг учреждений, должностных лиц и граждан. Юридический документ, подлежащий утверждению, приобретает юридическую силу лишь с момента его утверждения. Утверждение юридического документа может происходить путем издания распорядительного документа (постановления, решения, приказа) в тех случаях, когда введение утверждаемого документа в действие требует дополнительных действий и предписаний.

Одной из операций по введению юридического документа в действие является *опубликование*. Данный способ введения в действие юридического документа свойственен нормативным правовым актам в тех случаях, когда в самом документе содержится ссылка на вступление его в действие с момента опубликования.

Введение юридического документа в действие происходит также путем *нотариального удостоверения и государственной регистрации*, причем необязательно, что эти два способа применяются одновременно. Регистрация возможна в отношении нормативных правовых актов, индивидуальных правовых актов, договоров, доверенностей, завещаний и других документов. От государственной регистрации следует отличать нотариальное удостоверение юридического документа. Нотариальная форма отличается от простой письменной только тем, что на юридическом документе нотариусом ставится удостоверительная надпись.

Кроме вышеописанных способов введения в действие юридических документов можно обозначить специфические операции, присущие юридическим документам, выходящим за пределы России, — *консульскую легализацию и проставление апостиля*.

Безусловно, далеко не каждый юридический документ создается с учетом всех вышеназванных операций.

Вторая стадия работы с юридическим документом — это его исполнение. После выполнения операций по введению юридического документа в действие он направляется на исполнение. Исполнение может осуществляться путем реализации положений данных документов, причем как поэтапно, так и разовыми действиями. Например, Указ Президента РФ о назначении министра будет исполнен одним актом. Если же мы говорим о реализации договора поставки, аренды, то она может осуществляться через комплекс последовательно проводимых мероприятий. При этом договор может продляться на новых или тех же самых условиях.

Контроль за исполнением юридических документов — третья стадия процесса работы с ними, однако следует подчеркнуть, что контроль может носить текущий характер и в таком случае будет использоваться на стадии исполнения. Он может способствовать выявлению допущенных в юридических документах ошибок, а также показать, исполнены ли предписания юридического документа на практике, и если не исполнены, то найти причины этого.

Как отмечает Н. М. Поликарпова, контроль исполнения документов свойственны следующие стадии: 1) постановка документа на контроль; 2) формирование массива контрольных документов; 3) проверка своевременного доведения документа до исполнения; 4) предварительный контроль; 5) предупредительный контроль; 6) аналитический контроль (учет и обобщение результатов контроля исполнения документов); 7) снятие документа с контроля¹.

¹ См.: Поликарпова Н. М. Контроль исполнения документов // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2003. № 11. С. 65.

Четвертая стадия работы с юридическими документами — их хранение. Эта деятельность не носит правового характера. Несмотря на это, в рамках данной стадии также возможны свои этапы. При подготовке документов на хранение может создаваться комиссия, которая проводит комплексное изучение документа. В результате могут приниматься следующие решения: 1) документ предназначается для хранения; 2) документ подлежит уничтожению; 3) документ необходим для дальнейшего использования.

Уже в текущей работе с документами начинается их подготовка к последующему хранению и использованию, отбору документов на постоянное хранение, которая включает в себя экспертизу научной, практической и исторической ценности документов, оформление дел, обеспечение сохранности документов, передачу в архив.

3.5. Требования к юридическим документам

Юридический документ, будучи вовлеченным в правовое регулирование, должен отвечать ряду требований, выполнение которых направлено на повышение его качества. *Требования к юридическому документу* — это закрепленные в законодательстве и разработанные в ходе юридической практики правила, обеспечивающие законность и наибольшую целесообразность использования юридических документов и способствующие их своевременному и точному исполнению, эффективному воздействию на правовую ситуацию. Их выполнение важно всеми участниками правовых отношений.

Все *требования*, предъявляемые к юридическим документам, *можно разделить на две группы*: 1) выработанные на практике и не имеющие нормативного закрепления; 2) нормативно установленные требования.

К требованиям, выработанным на практике, относятся: достоверность, точность, полнота, авторитетность и аутентичность, своевременность и оперативность, доступность и ясность и некоторые другие требования, которые в единстве содержания и формы непосредственно характеризуют юридический документ.

Требование достоверности предполагает, что каждый юридический документ должен содержать сведения, соответствующие действительности. Если протокол осмотра места происшествия содержит неправильные данные о месте или времени совершения преступления, он является недостоверным юридическим документом.

Требование точности означает адекватность данных в юридическом документе. Точность отражает воспроизводство самих сведений надлежащим образом. От того, как точно следовательно, дознаватель, иное лицо отразят в протоколе допроса свидетеля его показания, может зависеть результат расследования.

Важным требованием к юридическому документу является его *полнота*. Отсутствие в форме или в содержании юридического документа каких-либо важных сведений делает юридический документ недостаточным, неполноценным. Так, С. В. Дегтярев приводит пример составления протокола осмотра места происшествия с неполным отражением данных. В связи с фактом смертельного травмирования гражданина в протоколе было записано, что на расстоянии 1,5 м от стены дома обнаружен труп мужчины. Координаты местонахождения трупа от начала и конца дома указаны не были. В дальнейшем это упущение лишило возможности установить точное место падения льда, а так как дом обслуживался двумя ЖКО, то невозможно стало определить, руководителем какого именно ЖКО допустил халатность и кто должен оплачивать материальный ущерб семье погибшего¹.

Ко многим юридическим документам предъявляются *требования авторитетности и аутентичности*. *Авторитетность* юридического документа следует понимать как требование составления юридического документа только тем лицом, которое имеет на это полномочия. С требованием авторитетности юридического документа неразрывно связано требование *аутентичности*, которое означает, что юридический документ должен быть подготовлен непосредственно тем лицом, которое указывается в юридическом документе.

Необходимым требованием к юридическому документу является требование его *своевременной разработки*. Это касается и многих нормативных правовых актов, и правоприменительных документов. С требованием своевременности принятия (издания) юридических документов согласуется требование *оперативности*, заключающееся в как можно более быстрой разработке юридического документа и введении его в юридический документооборот.

Требованием, которое нередко не исполняется самими участниками юридической практики, разрабатывающими юридические документы, является требование *доступности и ясности*. Под ним понимается правило, по которому содержание юридического документа должно быть понятно лицу, в отношении которого этот документ подготовлен.

Наряду с рассмотрением требований к юридическим документам, выработанным на практике, необходимо обратиться к *требованиям, вытекающим из нормативных правовых актов*. Все их можно разделить на три крупные группы: 1) требования к оформлению; 2) требования к структуре; 3) требования к содержанию.

При разработке юридических документов необходимо исходить из специфики *их оформления*. Оформление юридического документа представляет собой учет тех реквизитов, отсутствие которых делает

¹ См.: Дегтярев С. В. Тактика следственного осмотра: практическое пособие для следователей. Н. Новгород, 1996. С. 38.

его несоответствующим требованиям законодательства Российской Федерации.

Особенности разработки разновидностей юридических документов связаны и с *их структурой*. Юридические документы настолько многообразны, что привести их к единому знаменателю в отношении внутреннего строения вряд ли удастся. И все же во многих юридических документах можно выделить три структурные части: вводную, основную и заключительную. Во вводной части фиксируются название документа, стороны и идентифицирующие их данные, а также нередко место и дата составления документа. Основная часть включает собственно юридическое содержание — правовую информацию. Для нормативных правовых актов — нормы права, для правовых договоров — договоренности сторон, для обращений — юридическое описание событий и требования, предложения или просьбы и т.д. Заключительная часть содержит легализующие документ реквизиты — подписи, печати и прочее.

Требования к структуре некоторых юридических документов установлены в нормативных правовых актах. Гражданско-процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержат предписания относительно частей таких юридических документов, как решения суда. Согласно ч. 1 ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), приговор суда должен состоять из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной.

Кроме юридических документов, которые имеют внутреннюю логичную структуру, включающую введение, основную часть и заключение, существует множество исключений из этого правила, например, некоторые юридические документы имеют иную схему построения: деньги, трудовая книжка, удостоверение.

При подготовке юридического документа его составитель обязательно должен учесть требования к содержанию. Отсутствие необходимой информации в исковом заявлении, в гражданско-правовом договоре, в протоколе об административном правонарушении позволяет говорить не только о недостаточном уровне квалификации его составителя, но и о неполноценности самого документа. Так, например, согласно ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, в случае, если исковое заявление подано в суд без соблюдения требований, установленных в ст. 131 и 132 ГПК РФ, выносится определение об оставлении заявления без движения.

Требования к содержанию отдельных разновидностей юридических документов фиксируются в нормативных правовых актах. Их исполнение осуществляется по-разному:

1) в нормативном правовом акте имеется специальная статья, посвященная требованиям к содержанию той или иной части конкретного юридического документа. Например, УПК РФ включает ст. 304

«Вводная часть приговора», ст. 307 «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора» и ст. 308 «Резолютивная часть обвинительного приговора»;

2) в нормативном правовом акте имеется специальная статья, посвященная требованиям к содержанию всего юридического документа. Например, в УПК РФ это ст. 213 «Постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования», ст. 220 «Обвинительное заключение», ст. 225 «Обвинительный акт», ст. 259 «Протокол судебного заседания». В Кодексе об административных правонарушениях РФ (далее — КоАП РФ) это ст. 27.4 «Протокол об административном задержании», ст. 28.2 «Протокол об административном правонарушении», ст. 29.10 «Постановление по делу об административном правонарушении» и др.;

3) в нормативном правовом акте имеется специальная статья, посвященная требованиям к содержанию целой совокупности юридических документов. Таким примером является ст. 166 УПК РФ. Она включает требования к содержанию таких юридических документов, как протоколы допроса, протоколы обыска, протоколы выемки, протоколы осмотра и освидетельствования и др.;

4) в нормативном правовом акте нет статьи, где были бы зафиксированы требования к содержанию конкретного юридического документа, но некоторые из них можно установить, анализируя комплекс юридических норм;

5) в нормативном правовом акте нет положений о требованиях к содержанию конкретного юридического документа, но имеются формы их бланков, которыми должен руководствоваться разработчик.

Наряду с закреплением требований, предъявляемых к оформлению, структуре и содержанию некоторых юридических документов, в нормативных правовых актах иногда предусматриваются последствия невыполнения этих требований. Такими последствиями, в частности, являются:

1) ничтожность доверенности в случае, если в ней не указана дата ее совершения (ч. 1 ст. 186 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ));

2) возвращение протокола об административном правонарушении (п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ);

3) возвращение искового заявления в случае, если исковое заявление не подписано или исковое заявление подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд (п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ);

4) подача частной жалобы на решение суда в случае, если в нем имеются описки или явные арифметические ошибки (ст. 200 ГПК РФ);

5) возвращение уголовного дела в случае, если обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ (ч. 1 ст. 237 УПК РФ);

6) привлечение к ответственности.

Вопросы для самоконтроля

1. Может ли признак наличия правовой информации быть присущим не только юридическим, но и иным документам?
2. Какие признаки характеризуют правовую природу юридического документа?
3. Что понимается в юридической науке под юридическим документом, и существуют ли легальные дефиниции данного понятия?
4. С какими юридическими документами сталкиваются в своей деятельности сотрудники полиции?
5. Назовите собственно юридические функции юридических документов.
6. Какие критерии классификации юридических документов вам известны?
7. По каким стадиям происходит подготовка юридического документа?
8. Используются ли какие-либо специальные процедуры в системе органов внутренних дел, направленные на защиту служебных документов от подделки?
9. Назовите требования к юридическим документам, выработанные на практике и направленные на повышение их качества.
10. Каковы последствия невыполнения требований к юридическим документам?

Тестовые задания

- 1) Признаком, расширяющим понятие «юридический документ» является следующий:
 - а) наличие правовой информации
 - б) бумажный носитель
 - в) официальный характер
 - г) вовлеченность в процесс правового регулирования
- 2) В каком нормативном правовом акте присутствует легальная дефиниция понятия «юридический документ»?
 - а) Федеральном законе от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»
 - б) Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»
 - в) Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»
 - г) в действующем законодательстве легальные дефиниции понятия «юридический документ» отсутствуют
- 3) Выберите определение понятия «юридический документ», наиболее точно отражающее объем и содержание данной правовой категории:
 - а) юридический документ – это имеющий юридическое значение, исходящий от официальных органов и учреждений документ, содержащий правовую информацию, характеризующийся общеобязательностью для адресатов и направленный на регулирование и упорядочивание общественных отношений

- b) юридический документ – это документ, содержащий правовую информацию
 - c) юридический документ – это имеющий юридическое значение и содержащий правовую информацию документ, вовлеченный в процесс правового регулирования посредством практической деятельности участников правовых отношений
 - d) юридический документ – это бумажный носитель правовой информации с реквизитами, позволяющими его идентифицировать
- 4) Функции, которые свойственны как юридическим, так и некоторым, но не всем документам, носят название:
- a) общие функции
 - b) частные функции
 - c) собственно юридические функции
 - d) универсальные функции
- 5) Доказательственная функция юридических документов относится к:
- a) общим функциям юридических документов
 - b) собственно юридическим функциям юридических документов
 - c) частным функциям юридических документов
 - d) нет правильных ответов
- 6) Направление воздействия юридического документа на общественные отношения, проявляющееся в осуществлении при его помощи субъективных прав и юридических обязанностей, носит название:
- a) правореализационная функция юридического документа
 - b) удостоверительная функция юридического документа
 - c) правоустановительная функция юридического документа
 - d) доказательственная функция юридического документа
- 7) К какой группе юридических документов относится Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа (принят 9 июля 2004 г.; подписан 12 августа 2004 г.):
- a) юридическим документам, фиксирующим юридические факты
 - b) юридическим документам, содержащим решения индивидуального характера
 - c) юридическим документам, фиксирующим правовые договоренности ненормативного характера
 - d) нормативным юридическим документам
- 8) Какой из нижеприведенных документов не является официальным юридическим документом?
- a) паспорт
 - b) приказ о приеме работника на работу
 - c) расписка гражданина в получении денежных средств
 - d) завещание гражданина
- 9) Какой юридический документ относится к документам, содержащим обращения правового характера?

- a) исковое заявление
 - b) договор купли-продажи транспортного средства
 - c) приговор суда
 - d) протокол обыска
- 10) Не является этапом стадии создания юридического документа:
- a) подготовительный этап к созданию юридического документа
 - b) этап оформления юридического документа
 - c) этап введения в действие юридического документа
 - d) этап направления юридического документа заинтересованным лицам
- 11) Укажите способ введения в действие договора аренды, предусматривающего отчуждение недвижимого имущества под выплату аренды:
- a) подписание договора сторонами
 - b) нотариальное удостоверение договора
 - c) нотариальное удостоверение договора с государственной регистрацией
 - d) государственная регистрация договора
- 12) Какой юридической операции соответствует деятельность Президента РФ по подписанию федерального закона, принятого Государственной Думой и одобренного Советом Федерации?
- a) удостоверению юридического документа
 - b) утверждению юридического документа
 - c) промульгации юридического документа
 - d) нет правильных ответов
- 13) Требование к юридическому документу, в соответствии с которым он должен содержать сведения, соответствующие действительности, носит название:
- a) требование допустимости
 - b) требование доступности
 - c) требование достоверности
 - d) требование достаточности
- 14) Без включения какого реквизита в юридический документ он будет являться анонимным и не имеющим юридической силы?
- a) даты документа
 - b) названия документа
 - c) места составления документа
 - d) подписи
- 15) Требование к договору о необходимости отражения в нем существенных условий о предмете договора, условий, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также всех тех условий, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, относится к:
- a) требованиям к содержанию договора
 - b) требованиям к форме договора
 - c) требованиям к структуре договора
 - d) требованиям к оформлению договора

Рекомендуемая литература

1. *Башарин С.М.* Основы делопроизводства в органах внутренних дел: учеб. пособие / С.М. Башарин, П.М. Чемпосов. – Н. Новгород, 1998.
2. *Власенко Н.А.* Теория государства и права: научно-практическое пособие / Н.А. Власенко. – М., 2009.
3. *Волков В.М.* Делопроизводство в системе органов внутренних дел: учеб. пособие / В.М. Волков, И.В. Борисова, Т.Е. Митина, М.Н. Никитин. – М., 2004.
4. *Каргин К.В.* Юридические документы: вопросы разработки и применения: учеб. пособие / К.В. Каргин; под ред. В.А. Толстика. – Н. Новгород, 2006.
5. *Каргин К.В.* Юридические документы: монография / К.В. Каргин. – М., 2008.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М., 2008.
7. *Романова Е.В.* Экзамен по основам техники юридического письма / Е.В. Романова. – М., 2005.
8. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. – М., 2003.
9. *Шугрина Е.С.* Техника юридического письма / Е.С. Шугрина. – М., 2001.

Раздел 4

ТЕХНИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

4.1. Понятие легализации юридических документов

Словосочетание «легализация документов» прочно закрепилась как в нормативных правовых и правоприменительных актах, так и в научной литературе. Определение легализации дается в Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 г.¹ В ст. 2 данного акта под *легализацией* подразумевается только формальная процедура, используемая дипломатическими или консульскими агентами страны, на территории которой документ должен быть представлен, для удостоверения подлинности подписи, качества, в котором выступало лицо, подписавшее документ, и, в надлежащем случае, подлинности печати или штампа, которыми скреплен этот документ.

В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»², «*документы иностранных граждан и лиц без гражданства, выданные компетентными органами иностранных государств и предъявленные для государственной регистрации актов гражданского состояния, должны быть легализованы...*»³. Согласно ч. 4 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ⁴, «*документ, полученный в иностранном государстве, признается письменным доказательством в суде, если не опровергается его подлинность, и он легализован в установленном порядке*»⁵.

Анализ нормативных правовых актов показывает, что легализации документов соответствуют минимум такие признаки, как ее осуществ-

¹ См.: Бюллетень международных договоров. 1993. № 6. С. 13–17; Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 15–19.

² См.: Собрание законодательства РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

³ Там же.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

⁵ Там же.

вление: 1) в установленном порядке; 2) соответствующими органами. Что же касается придания юридической силы — это вопрос весьма спорный, так как документы, представленные на такую легализацию, уже имеют юридическую силу, она им была дана изначально компетентными субъектами и не аннулировалась. Значит, более точно говорить о подтверждении юридической силы документов применительно именно к консульской легализации. Наряду с этим мы видим, что в законодательстве отсутствует легальная дефиниция понятия «легализация юридических документов».

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса»¹ в разделе VII «О легализации» указано, что «арбитражный суд принимает в качестве доказательств *официальные документы* из другого государства *при условии их легализации* дипломатическими или консульскими службами Российской Федерации».

В нескольких значениях понимается легализация документов в справочной литературе: 1) как засвидетельствование консулами подлинности подписей на документах, исходящих из иностранных учреждений, а равно и соответствия этих документов законам страны пребывания консула²; 2) как придание документу законной силы³; 3) как подтверждение подлинности и юридической силы документа, выданного в другом государстве⁴. Как следствие, в юридической науке оформились два подхода к пониманию легализации собственно юридических документов.

С точки зрения *узкого понимания (специального понимания)* легализация юридических документов — это деятельность уполномоченных органов публичной власти государства, направленная на установление, удостоверение, подтверждение подлинности имеющихся на документах печатей и подписей компетентных должностных лиц и соответствие требованиям закона страны их происхождения⁵. Легализация состоит в установлении и засвидетельствовании подлинности подписей на документах, компетентности выдавшего, составившего или заверившего их органа и в целом соответствия их законам государства, от которого они исходят⁶. Именно данный подход к понятию

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 8.

² См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 478.

³ См.: Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М., 2006. С. 346.

⁴ Там же.

⁵ См.: Манько Д. Г. Легализация как правовая процедура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 2010. С. 23.

⁶ См.: Бобылев Г. В., Зубков Н. Г. Основы консульской службы. М., 1986. С. 179; Соловьев Э. Я. Основы консульского права. М., 2005. С. 22.

«легализация документов» отражен в настоящее время в нормативных правовых и правоприменительных актах.

Широкому пониманию легализации юридических документов соответствует представление о ней как о процедуре придания им юридической силы. По этому поводу А. Ф. Черданцев пишет следующее: «Легализация документов — это придание им юридической силы, юридического значения. Легализация документов, обращающихся внутри государства, осуществляется посредством реквизитов, определяемых законом. В ряде случаев, кроме того, требуется их нотариальное удостоверение и регистрация»¹. Из этого представления исходит и В. М. Дуэль, говорящий о наличии правил легализации (или реквизитных правил) подготовки правоприменительных актов. По его мнению, каждый индивидуальный акт должен иметь необходимые реквизиты, отражающие его юридическое предназначение, юридическую силу, регулятивные свойства и пределы действия².

Рассматривая *легализацию юридических документов как общеправовое*, а не узкоспециальное явление юридической действительности, следует исходить из широкого ее понимания. В таком случае правильно будет обозначить легализацию документов, выходящих за пределы государства, как вид легализации юридических документов.

Итак, что же понимается под легализацией юридических документов?

Наиболее распространенным способом является определение через ближайший род и видовое отличие. Ближайшим родовым понятием для понятия «легализация юридических документов» является понятие «*легализация*».

Рассмотрим, как осуществляется консульская легализация. Так пишет А. Ф. Черданцев: «В этом случае документ в подлиннике или копии документов, не подлежащих вывозу за границу (трудовые книжки, военные билеты, удостоверения личности), удостоверяются нотариусом. Подпись нотариуса удостоверяется органом Министерства юстиции. Далее подпись должностного лица органа Министерства юстиции и печать удостоверяются должностным лицом консульской службы МИД РФ. После этого документ легализуется в дипломатическом представительстве или консульстве того государства, на территории которого будут использованы документы, путем удостоверения подписи должностного лица МИД РФ и печати»³. Как мы видим, консульская легализация представляет собой последовательность (*порядок совершения*) определенных действий и операций.

¹ Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Т. 2: Теория права. С. 376.

² Проблемы теории государства и права / под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 397.

³ Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Т. 2: Теория права. С. 377.

То же самое можно сказать и о легализации юридических документов, не выходящих за пределы Российской Федерации. Например, договор ренты составляется в письменной форме путем подготовки соответствующего документа и подписывается лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными лицами (ст. 160 ГК РФ). Дополнительно возможно скрепление сделки печатью. Согласно ст. 584 ГК РФ договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации.

Нотариальное удостоверение будет осуществляться путем совершения на документе удостоверительной надписи нотариусом или другим должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие (ст. 163 ГК РФ). В соответствии со ст. 165 ГК РФ несоблюдение нотариальной формы, а в случаях, установленных законом, — требование государственной регистрации сделки влечет ее недействительность.

Следовательно, для того чтобы договор ренты стал действительным, имел юридическую силу, необходимо выполнить всю последовательность действий по его легализации, как минимум, подписание сторонами и нотариальное удостоверение. При этом данный порядок действий не может быть нарушен.

Иная ситуация — составление договора в простой письменной форме. Легализация будет осуществляться путем его подписания сторонами. Последовательность подписания может быть различной, и, если такой договор не предполагает скрепления печатями, он будет наделен юридической силой с момента его подписи вторым, третьим или каждым последующим участником. Бывают ситуации, в которых стороны заключают договор на заранее подготовленном бланке, где уже имеются реквизиты одной из них, включая подпись и печать. Вторая сторона добавляет свои реквизиты и ставит подпись. И в том, и в другом случае порядок легализации будет иметь место, ибо действия осуществляются последовательно, друг за другом, но их порядок может быть альтернативным. Таким образом, и внутригосударственная легализация юридических документов есть *порядок совершения юридически значимых действий*.

Вышеизложенное позволяет нам выделить первый признак легализации юридических документов — это *правовая процедура, представляющая собой определенный порядок совершения юридически значимых действий*.

Вторым признаком, конкретизирующим легализацию, является *наличие определенного объекта, которым выступают юридические документы*.

В науке юридический документ понимается в широком и узком смысле. В широком смысле *юридический документ* — это имеющий

юридическое значение документ, вовлеченный в процесс правового регулирования посредством практической деятельности участников правовых отношений. Данное определение, по мнению автора, позволяет относить к категории «юридический документ» даже такие документы, которые составляются вне юридического процесса¹.

В узком смысле юридический документ — это имеющий юридическое значение и соответствующий определенным требованиям документ, подготовленный в процессе юридической деятельности участниками правовых отношений².

Понимание юридического документа *в широком смысле* наиболее точно соответствует вкладываемому нами смыслу в понятие легализации юридических документов. Дело в том, что правовое значение юридического документа находится в прямой связи с его легализацией. Не будет осуществлена легализация — и документ не будет иметь юридического значения. Аналогичный итог может иметь и легализация, проведенная с нарушениями.

Кроме того, некоторые документы, являющиеся личными, медицинскими, научными, могут создаваться вне юридической деятельности, однако затем, в силу деятельности участников юридического процесса, они могут вовлекаться в процесс правового регулирования. В таком случае они становятся юридическими документами. Речь идет о доказательствах по делу³. Здесь мы видим одну важную особенность — легализация документа, не являющегося юридическим документом при его создании, возводит его в ранг юридического документа — доказательства по делу. Следовательно, возможна и легализация неюридических документов.

Третий признак легализации юридических документов *состоит в придании и (или) подтверждении юридической силы юридического документа*.

В правоведении понятие «юридическая сила» имеет несколько значений. Во-первых, юридическая сила понимается как сопоставимое свойство, выражающее степень подчиненности данного нормативного акта актам вышестоящих органов, а значит, и его место в иерархической структуре законодательства⁴.

Во-вторых, юридическая сила понимается как свойство правовых актов реально действовать, фактически порождать юридические последствия⁵. В этом смысле говорят о вступлении в действие, приоста-

¹ См.: Каргин К. В. Юридические документы / науч. ред. В. А. Толстик. М., 2008. С. 43.

² См. там же. С. 44.

³ См. там же. С. 35, 36.

⁴ См.: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционно-го права. Саратов, 1967. Вып. 1. С. 70.

⁵ См.: Теория государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 317.

новлении действия, прекращении действия конкретного нормативного правового акта или его части.

Вместе с тем нормативные правовые акты — это лишь одна из разновидностей юридических документов. И здесь следует обратить внимание на немаловажную деталь. Представление о юридической силе как о требовании соответствия одних нормативных правовых актов другим не будет работать применительно ко всей массе юридических документов, так как между многими из них не существует связей соподчиненности. Именно поэтому о юридической силе применительно к легализации юридических документов в целом следует говорить как о свойстве порождать определенные правовые последствия. Данная точка зрения прочно укрепилась как в теории документообращения, так и в действующем законодательстве.

Для чего же наделяется юридический документ юридической силой? На наш взгляд, для того, чтобы, будучи примененным в практической юридической деятельности, породить определенные правовые последствия. Без легализации или при несоблюдении процедуры легализации юридический документ не будет порождать правовых последствий. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка *не влечет юридических последствий*, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Согласно ст. 168 ГК РФ сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения. Следовательно, если договор ренты, подлежащий нотариальному удостоверению на основании ст. 584 ГК РФ, не был удостоверен нотариусом, то он не породит никаких правовых последствий, даже если подписан получателем ренты, плательщиком ренты, скреплен печатью плательщика ренты, ибо эта сделка не соответствует требованиям закона.

Легализация юридических документов заключается: 1) в *придании юридической силы*; 2) в *подтверждении юридической силы* юридического документа.

Придание юридической силы — это одно или несколько юридических действий, после совершения которых уполномоченным на то субъектом правовых отношений юридический документ является действующим, законным, может быть применен участниками правовых отношений и породить определенные правовые последствия.

Термин «придание юридической силы» прочно закрепился в законодательстве. Согласно ч. 1 ст. 12 «Условия *придания юридической силы* документам, подготовленным с использованием системы ГАС «Выборы»» Федерального закона от 10 января 2003 г. «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»»¹

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 2, ст. 172.

документ на бумажном носителе, подготовленный с использованием ГАС «Выборы» в соответствии с федеральными законами, приобретает юридическую силу *после его подписания* соответствующими должностными лицами.

Статья 25 Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»¹ гласит: «Заключение общественной экологической экспертизы приобретает юридическую силу *после утверждения* его федеральным органом исполнительной власти в области экологической экспертизы или органом государственной власти субъекта Российской Федерации. В случае *придания юридической силы* заключению общественной экологической экспертизы на руководителе и членов экспертной комиссии общественной экологической экспертизы распространяются требования статей 30–34 настоящего Федерального закона».

Придание юридической силы осуществляется посредством таких юридических действий, как подписание и утверждение юридического документа. Так, согласно ч. 1 ст. 53 ГПК РФ полномочия представителя должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом. Часть 3 ст. 53 устанавливает, что доверенность от имени организации выдается *за подписью* ее руководителя или иного уполномоченного на это ее учредительными документами лица, *скрепленной печатью* этой организации. Часть 2 ст. 53 предусматривает возможность *удостоверения* доверенностей, выданных гражданами *в нотариальном порядке*. Часть 4 ст. 131 ГПК РФ требует, чтобы искковое заявление *подписывалось* истцом или его представителем.

Подтверждение юридической силы — это одно или несколько юридических действий, совершенных уполномоченными на то субъектами правовых отношений, которыми осуществляется засвидетельствование наличия юридической силы юридического документа и его подлинности. Таким образом, юридический документ уже имеет юридическую силу, и в целях устранения возможных обоснованных сомнений в ее наличии он проходит процедуру легализации. Вместе с тем данная легализация является *дополнительной* по отношению к уже состоявшейся *основной легализации*. Юридический документ не приобретает вновь юридической силы. Именно подтверждение юридической силы имеет место при консульской легализации. При этом удостоверяться может и подлинный документ, и его копия².

Легализация юридических документов осуществляется уполномоченными на то субъектами правовых отношений. Это четвертый признак, характеризующий ее правовую природу.

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 48, ст. 4556.

² См.: Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Т. 2: Теория права. С. 377.

Полномочие в публичном праве — это право и одновременно обязанность соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом¹. Как подчеркивает Ю. А. Тихомиров, публичная сфера предполагает соединенность прав и обязанностей в формулу «полномочия» как правообязанность, которую нельзя не реализовать в публичных интересах². В частной сфере наделение юридической силой юридического документа может являться только правом, например, доверителя при выдаче доверенности, а может и правом, и обязанностью, например, нотариуса при ее удостоверении. Тем не менее уполномоченное лицо обязано выполнить все необходимые процедурные действия для того, чтобы легализовать конкретный юридический документ, иначе он не будет иметь юридической силы.

Наиболее типичные полномочия отражаются через термины «руководит», «управляет», «решает», «участвует», «нормирует», «организует», «разрабатывает», «указывает», «координирует», «контролирует», «запрещает»³. Правда, применительно к легализации юридических документов, это будут иные терминологические конструкции, а именно:

1) *подписывает*. Так, согласно ч. 1 ст. 310 УПК РФ после подписания приговора суд возвращается в судебное заседание и председательствующий провозглашает приговор;

2) *удостоверяет*. Например, доверенности лиц, находящихся в местах лишения свободы, удостоверяются начальником соответствующего места лишения свободы (ч. 2 ст. 53 ГПК РФ);

3) *регистрирует*. В соответствии с ч. 3 ст. 574 ГК РФ договор дарения недвижимого имущества подлежит государственной регистрации;

4) *утверждает*. На основании п. 5. Положения о департаменте правового обеспечения администрации г. Нижнего Новгорода⁴ директор департамента утверждает положения о подразделениях департамента и т.д.

Обратим внимание на следующий аспект. Правовые предписания могут фиксировать, а могут и не фиксировать положение о том, кто является уполномоченным субъектом правовых отношений, имеющим право осуществить легализацию юридического документа.

Уполномоченный субъект, имеющий право легализовать юридический документ, может быть:

¹ См.: Юридическая энциклопедия. М., 2000. С. 331.

² См.: Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М., 2004. С. 56.

³ Там же. С. 57.

⁴ Об утверждении Положения о департаменте правового обеспечения администрации г. Нижнего Новгорода: постановление администрации г. Нижнего Новгорода от 27 марта 2019 года № 861 <http://docs.cntd.ru/document/465589023> (дата обращения 01.10.2020)

- 1) *абсолютно конкретизирован*. Это, например, директор департамента правовой работы администрации г. Нижнего Новгорода;
- 2) *условно конкретизирован*. Как, скажем, суд, нотариус, начальник места лишения свободы;
- 3) *не конкретизирован*. Таковыми являются истец, ответчик, заявитель. Это может быть любое лицо.

На основе анализа признаков легализации юридических документов можно сформулировать следующее определение. *Легализация юридических документов* — это правовая процедура, состоящая в придании уполномоченными на то субъектами правовых отношений юридической силы юридическим документам, а также в подтверждении юридической силы уже действующих юридических документов.

4.2. Виды легализации юридических документов

Много веков назад сложилось убеждение, что понять тот или иной предмет — значит узнать, из чего он состоит. Представители философии полагают, что познать целое — значит познать его части¹. Таковую возможность дает осуществление классификации анализируемого явления, в нашем случае — легализации юридических документов.

В теории государства и права классификация определяется как прием юридической техники, состоящий в разделении юридических явлений на группы, виды, разделы². Исследователи в области права Франции отмечают, что «классификация позволяет установить логический порядок, четкое разграничение, при необходимости — формальную иерархию понятий, феноменов и ситуаций в праве»³.

Исходя из существующих представлений о классификации, под *классификацией легализации юридических документов* следует понимать выделение видов легализации юридических документов.

В зависимости от количества приемов легализации применительно к определенному юридическому документу легализация может быть *простой и сложной*.

Простая легализация имеет место при наделении юридического документа юридической силой (или ее подтверждении) при помощи одного приема легализации. Например, в соответствии с ч. 7 ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия подписывается следователем и лицами, участвующими в следственном действии. В случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или иного лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол след-

¹ См.: Спиркин А. Г. Основы философии. М., 1988. С. 221.

² См.: Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2003. С. 89.

³ Сандевуар П. Юридические процедуры во французском праве. М., 1994. С. 45.

ственного действия следователь вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписями защитника, законного представителя, представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии (ч. 1 ст. 167 УПК РФ). Итак, в данной ситуации используется лишь *один прием легализации юридических документов — подписание*.

Сложная легализация предполагает применение нескольких приемов легализации применительно к конкретному юридическому документу. Согласно п. 2 ч. 4 ст. 36 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ глава муниципального образования *подписывает и обнародует* нормативные правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования. Часть 3 ст. 44 данного Закона относит принятие устава муниципального образования к полномочиям представительного органа. Часть 6 ст. 44 дополнительно требует, чтобы устав муниципального образования прошел *государственную регистрацию* в органах юстиции в порядке, установленном федеральным законом. Наконец, в соответствии с ч. 8 ст. 44 устав муниципального образования *подлежит официальному опубликованию (обнародованию)* после государственной регистрации и вступит в силу после официального опубликования (обнародования). Здесь мы видим пример сложной легализации, в рамках которой используется несколько приемов: *подписание, государственная регистрация и опубликование устава муниципального образования*. Если хотя бы одно из этих юридических действий не выполнено, устав не будет иметь юридической силы.

По *составу субъектов легализации юридических документов* она может быть с одним субъектом (индивидуальная) и с несколькими субъектами (коллективная).

Индивидуальная легализация — это такой вид легализации юридических документов, при которой весь спектр приемов легализации осуществляется одним лицом. Например, согласно абз. 1 ч. 5 ст. 185 ГК РФ доверенность от имени юридического лица выдается за подписью его руководителя или иного лица, уполномоченного на это его учредительными документами, с приложением печати этой организации. Здесь мы видим наличие двух приемов легализации: подписания и скрепления подписи печатью. И оба эти действия может осуществить руководитель юридического лица.

Коллективная легализация — это такой вид легализации юридических документов, при которой один и тот же или разные приемы легализации осуществляются более чем одним лицом. В приложении

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

к ранее приведенному абз. 1 ч. 5 ст. 185 ГК РФ может применяться абз. 2, где указано, что доверенность от имени юридического лица, основанного на государственной или муниципальной собственности, на получение или выдачу денег и других имущественных ценностей должна быть подписана также главным (старшим) бухгалтером этой организации. В этом случае легализация производится двумя субъектами — руководителем организации и главным (старшим) бухгалтером.

Коллективная легализация может быть *одноуровневой* и *разноуровневой*. *Одноуровневая легализация* предполагает, что ее субъекты имеют равный объем прав и обязанностей при легализации, независимо от того, один или несколько приемов легализации каждый из них использует. В соответствии с ч. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами. При этом даже если одной из сторон является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель без образования юридического лица, а другой — физическое лицо, стороны при заключении договора равны, и не важно, что первая сторона осуществляет легализацию двумя приемами: подписанием и скреплением подписи печатью, а вторая — только подписанием договора.

При *разноуровневой легализации* ее субъекты имеют неодинаковый объем прав и обязанностей с четким определением того, какие приемы каждый из них применяет. Так, согласно ст. 584 Гражданского кодекса РФ договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации. Здесь мы видим наличие как одноуровневой легализации при подписании договора ренты, так и разноуровневой легализации: первый уровень — получатель ренты и плательщик ренты, второй уровень — нотариус, третий уровень — орган, осуществляющий государственную регистрацию.

По *соответствию субъекта, от которого исходит юридический документ, субъекту, осуществляющему легализацию*, последняя может быть *авторской, делегированной и комбинированной*.

Авторская легализация — это легализация юридических документов, производимая субъектом, от которого непосредственно исходит данный документ. В соответствии со ст. 75 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ итоговое решение Конституционного Суда РФ подписывается всеми судьями, участвовавшими в голосовании. То есть решение Конституционного Суда РФ легализуется каждым судьей. Авторской будет и одноуровневая легализация договоров, доверенностей, подписание искового заявления, указа или распоряжения Президентом РФ, главой субъекта Российской Федерации и т.д.

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

Делегированная легализация — это легализация юридических документов, осуществляемая субъектом, специально наделенным таким полномочием, от которого непосредственно данный документ не исходит. Так, согласно ч. 1 ст. 107 Конституции РФ принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется Президенту РФ для подписания и обнародования. Президент РФ в течение 14 дней подписывает федеральный закон и обнародует его (ч. 2 ст. 107). Здесь мы видим, что федеральный закон непосредственно исходит от иного субъекта — Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а его легализацию осуществляет Президент РФ.

Право Президента РФ подписывать принятые Государственной Думой и одобренные Советом Федерации федеральные законы у большинства специалистов сомнений не вызывает. Интересную точку зрения высказал Г. Т. Чернобель: «Кто должен подписывать принятый парламентом закон? Элементарная конституционная логика подсказывает, что законодательный акт должен письменно удостоверяться... законодательным органом государственной власти, принявшим (издавшим) его»¹. То есть ученый выступает именно за авторскую легализацию такого юридического документа, как федеральный закон. Думается, что данная точка зрения имеет право на существование. Тем не менее делегированную легализацию осуществляют и главы субъектов Российской Федерации в отношении законов субъектов Российской Федерации, и главы муниципальных образований в отношении муниципальных правовых актов, принятых представительным органом.

Примером делегированной легализации является и консульская легализация, так как консульства подтверждают наличие юридической силы у юридического документа, которому она уже придана автором — субъектом легализации.

Комбинированная легализация — это легализация юридических документов, осуществляемая как непосредственно их авторами, так и дополнительно иными субъектами, наделенными полномочиями по осуществлению юридических действий по легализации. Например, договор ренты, исходя из положений ст. 584 Гражданского кодекса РФ, легализуют как сами авторы — стороны договора (получатель ренты и плательщик ренты), так и как минимум нотариус путем предоставления удостоверительной надписи, а при отчуждении недвижимого имущества под выплату ренты — еще и орган, осуществляющий государственную регистрацию.

В зависимости от типа носителя юридического документа легализация может быть *письменной* и *электронной*. Юридические документы содержатся на разных носителях, но наибольшее их количество все же зафиксировано на бумажном носителе при помощи естественного языка.

¹ Законодательная техника / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 116.

Письменная легализация — это наделение юридической силой (ее подтверждение) документа на бумажном носителе путем проставления на нем специальных отметок легализации: подписи, печати, штампа, грифа утверждения, регистрационного номера, апостиля и других, а также опубликованием юридического документа в установленном порядке. Письменная легализация имеет место в отношении нормативных правовых актов (законов, указов, постановлений, приказов и т.д.), правоприменительных актов (распоряжений, приказов, определений, постановлений и т.д.), актов толкования норм права, договоров (гражданско-правовых, трудовых, брачных) и многих других документов.

Электронная легализация осуществляется в отношении электронных документов путем проставления электронной цифровой подписи, позволяющей идентифицировать ее автора. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»¹ электронный документ — это документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.

Электронная цифровая подпись — это реквизит электронного документа, предназначенный для защиты его от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе. С юридической точки зрения электронная цифровая подпись в электронном документе равнозначна собственноручной подписи на бумажном носителе.

Как указывают С. Г. Чубукова и В. Д. Элькин, в отличие от рукописной подписи электронная цифровая подпись имеет не физическую, а логическую природу — это последовательность символов, которая позволяет однозначно связать лицо, подписавшее документ, содержание документа и владельца электронной цифровой подписи. Логический характер электронной подписи делает ее независимой от материальной природы документа. С ее помощью можно подписывать документы, имеющие электронную природу (исполненные на магнитных, оптических, кристаллических и иных носителях, распределенные в компьютерных сетях)².

Электронная легализация имеет место применительно к таким юридическим документам, как договоры, векселя, акции, и другим документам, существующим в электронно-цифровой форме.

По последствиям и роли, которые имеет легализация для правовых отношений, ее можно разграничить на основную и производную.

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 127.

² См.: Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики / под ред. М. М. Рассолова. М., 2004. С. 208.

Основная легализация — это легализация, состоящая в придании юридической силы юридическому документу. Основное назначение легализации именно в том, чтобы юридический документ действовал и использовался субъектами правовых отношений. Следовательно, подписание подготовленного и согласованного договора — форма основной легализации.

Производная легализация — это легализация, которой лишь подтверждается юридическая сила юридического документа, уже действующего и используемого в юридической практике. Речь идет о консульской легализации, назначение которой имеет лишь производный характер. Целый ряд юридических документов (военный билет, удостоверение личности) не подлежит вывозу за рубеж, и задача консула подтвердить, что они имеют юридическую силу, подтвердить законность подписей на этих документах с целью дальнейшего использования легализованных копий.

Легализация осуществляется в определенном порядке, при котором действия по легализации следуют одно за другим. *В зависимости от необходимости выполнения определенных действий по легализации* последняя может быть с *обязательным порядком* и с *альтернативным порядком* придания юридической силы (ее подтверждения) юридическому документу.

Легализация с обязательным порядком действий — это легализация, при которой субъект, придающий или подтверждающий юридическую силу, обязан выполнить все действия, прямо предусмотренные в законодательстве.

В соответствии с п. 2 ст. 41 Семейного кодекса РФ¹ брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Следовательно, лица, вступающие в брак или уже являющиеся супругами, во первых, сами обязаны подписать брачный договор, и, во вторых, обязательным является его нотариальное удостоверение. Стороны при заключении брачного договора не обладают альтернативой относительно удостоверения или отказа от удостоверения брачного договора нотариусом.

Легализация с альтернативным порядком действий — это легализация, при которой автор юридического документа обладает правом выбора порядка легализации данного документа.

Примером является ситуация, связанная с действием подп. 2 п. 2 ст. 163 Гражданского кодекса РФ. В нем указано, что нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась. Гражданский кодекс РФ не требует нота-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16.

риального удостоверения договоров купли-продажи, аренды, страхования, подряда и многих других, однако, если стороны договора пожелают удостоверить его нотариально, данный прием легализации может иметь место. То есть стороны обладают альтернативой по выбору приемов легализации. При этом простая легализация может, соответственно, стать сложной с точки зрения количества приемов легализации.

Легализацию с альтернативным порядком действий следует отличать от легализации с альтернативой субъекта легализации. Таким образом, альтернатива может также касаться выбора субъекта легализации. Согласно ч. 2 ст. 53 Гражданского процессуального кодекса РФ доверенности, выдаваемые гражданам, могут быть удостоверены в нотариальном порядке либо организацией, в которой работает или учится доверитель, жилищно-эксплуатационной организацией по месту жительства доверителя, администрацией учреждения социальной защиты населения, в которой находится доверитель... Доверитель, которым является гражданин, может выбрать, будет ли его доверенность удостоверена нотариально или же иным лицом, обладающим на это соответствующим правом.

Будучи правовой процедурой, легализация юридических документов протекает в определенном временном отрезке. Нормативными правовыми актами могут устанавливаться сроки осуществления тех или иных действий по легализации. В зависимости от *закрепления требования осуществления приема легализации в пределах определенного срока* легализация может быть *с установленным сроком* и *без установленного срока* осуществления приемов легализации.

Легализация с установленным сроком имеет место в тех случаях, когда в нормативных правовых актах применительно к конкретному приему легализации либо четко дан временной промежуток для его осуществления, либо фиксируется требование его осуществления в определенный момент времени.

Примером легализации с четко установленным временным интервалом осуществления определенного приема является следующий. Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований»¹ решение о государственной регистрации устава муниципального образования принимается в 30-дневный срок со дня его представления для государственной регистрации.

Рассмотрим иную ситуацию. В соответствии со ст. 199 Гражданского процессуального кодекса РФ решение суда принимается немедленно после разбирательства дела. Составление мотивированного реше-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2005. № 30, ст. 3108.

ния суда может быть отложено на срок не более чем пять дней со дня окончания разбирательства дела, но резолютивную часть решения суд должен объявить в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела. Объявленная резолютивная часть решения суда должна быть подписана всеми судьями и приобщена к делу. Здесь мы видим указание на момент времени, в рамках которого должна быть осуществлена легализация. Судьи обязаны подписать резолютивную часть решения в том же заседании, в котором завершилось разбирательство дела.

Легализация без установленного срока — довольно частое явление. Не устанавливаются сроки для подписания договоров, многих нормативных правовых актов и правоприменительных актов и иных документов. Например, по ст. 61 Трудового кодекса РФ трудовой договор вступает в силу со дня его подписания работником и работодателем. Срок же легализации не оговорен, так как стороны могут и вовсе не подписать данный договор. Это их право, а не обязанность. В данной связи имеет значение следующий критерий классификации легализации юридических документов.

В зависимости от того, является ли легализация возможным или должным актом поведения, она может быть *легализацией-правом* и *легализацией-обязанностью*.

Легализация-право предполагает необходимость выражения согласия субъектом легализации на акт легализации и проистекает из предписаний законодательства. Так, если согласно ст. 40 Семейного кодекса РФ¹ брачный договор — соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, то и наличие данного соглашения выражается через подписание брачного договора указанными лицами. Это пример легализации юридического документа в *частноправовой сфере*.

Легализация-право может иметь место не только в частноправовой сфере, но и в *публично-правовой*. Статья 32 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² установила, что граждане *имеют право на индивидуальные и коллективные обращения* в органы местного самоуправления. Письменное обращение подписывается гражданином индивидуально или коллективом граждан, что и будет являться примером легализации конкретного документа.

Легализация-обязанность проистекает из требования должного, а не возможного поведения субъекта легализации. Должностные лица местного самоуправления *обязаны дать письменный ответ* по существу обращений граждан в органы местного самоуправления в те-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

ние одного месяца (ч. 2 ст. 32 Федерального закона 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹). Из этого предписания следует и обязанность легализации соответствующего юридического документа.

Легализация-право может трансформироваться в легализацию-обязанность. В соответствии с ч. 13 ст. 35 Федерального закона 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»², нормативный правовой акт, принятый представительным органом муниципального образования, направляется главе муниципального образования для подписания и обнародования. Глава муниципального образования, являющийся главой местной администрации, *имеет право отклонить нормативный правовой акт*, принятый представительным органом. Данная норма предполагает легализацию-право главы муниципального образования, т.е. он может подписать, а может отклонить нормативный правовой акт. Вместе с тем далее ст. 13 указывает, что если при повторном рассмотрении указанный нормативный правовой акт будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей от установленной численности депутатов представительного органа муниципального образования, он *подлежит подписанию главой муниципального образования* в течение семи дней и обнародованию. Здесь мы видим уже легализацию-обязанность.

4.3. Приемы легализации юридических документов

Легализация юридических документов включает одно или несколько последовательно совершаемых действий по приданию или констатации наличия юридической силы.

Прием легализации юридического документа — это отдельное юридическое действие, которым придается (подтверждается) юридическая сила правового документа. Следует также учитывать, что одни документы наделяются юридической силой при помощи одного приема, в то время как другие — при помощи либо нескольких однородных приемов (подписание договора двумя его участниками), либо нескольких разнородных приемов (подписание, скрепление печатью, нотариальное удостоверение одного договора). К. В. Каргин, анализируя технологию работы с юридическим документом, в качестве третьего этапа работы называет введение юридического документа в действие. Именно на данном этапе, по мнению автора, юридический документ становится таковым и приобретает юридическую силу. Далее им обозначены операции по введению юридического документа в действие:

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

² См. там же.

удостоверение юридического документа, опубликование, регистрация, нотариальное удостоверение, консульская легализация. Способами удостоверения являются подписание, утверждение юридического документа и проставление печати¹.

Все вышеизложенные операции и есть приемы легализации юридических документов. Рассмотрим их.

Подписание — это прием, состоящий в скреплении юридического документа подписью уполномоченного на то лица (лиц). Как отмечает Е. С. Шугрина, если юридический документ подписывается не уполномоченным на то лицом (не имеющим необходимого статуса или доверенности), документ считается ничтожным, т.е. не вызывает юридических последствий².

Подпись — обязательный реквизит каждого юридического документа. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 17 Закона Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8 «О нормативных правовых актах Нижегородской области» закон области обязательно должен иметь подпись Губернатора области, включающую полное наименование его должности, его личную подпись (только на подлиннике закона), его инициалы и фамилию. То есть как реквизит, подпись — не только совокупность символов, отражающих фамилию, имя и отчество лица, подписывающего документ.

По форме носителя подпись может быть электронной цифровой и рукописной. Рукописная подпись, в свою очередь, классифицируется на собственноручную и факсимильную. Если собственноручная подпись ставится на любых юридических документах, то факсимильная — лишь на тех, для которых собственноручная подпись не требуется.

Юридические документы могут содержать подписи как одного, так и нескольких лиц. Например, протокол осмотра места происшествия должен быть подписан следователем (дознавателем), его составившим, понятыми и потерпевшим. А значит, подписание — прерогатива не обязательно автора юридического документа. Более того, автор нередко устраняется от подписания документа и утрачивает право авторства на него, скажем, при подписании закона.

В международном праве существует несколько видов подписания. Специфическими являются *парафирование* и *подписание adreferendum*. Парафирование текста международного договора осуществляется путем проставления инициалов уполномоченного на подписание лица. Оно удостоверяет аутентичность текста, после чего уполномоченные

¹ См.: Каргин К. В. Юридические документы / науч. ред. В. А. Толстик. М., 2008. С. 113, 114.

² См.: Шугрина Е. С. Техника юридического письма: учебно-практическое пособие. М., 2001. С. 33.

лица уже не могут вносить в него изменения¹. Подписание *ad referendum* (до одобрения), т.е. отложенное подписание². Оно предполагает, исходя из положений подпункта «b» п. 2 ст. 12 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.³, подтверждение подписания данного международного акта правительством государства, от лица которого произведено первоначальное подписание до одобрения.

Все ли юридические документы должны быть подписаны? Отвечая на данный вопрос, мы можем обратиться к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. Она была принята на референдуме Российской Федерации и исходит от народа России. Ее легализация осуществлена путем опубликования в официальном издании, и Конституция РФ не имеет подписи какого-либо лица, легализующего ее, в отличие, например, от всех федеральных конституционных и федеральных законов. Следовательно, не все юридические документы имеют такой реквизит, как подпись.

Скрепление печатью — это прием дополнительного удостоверения документа, состоящий в заверении подписи управомоченного лица путем проставления печати. Печати имеют юридические лица, индивидуальные предприниматели без образования юридического лица. При этом печати могут быть разными (по содержанию, форме, размеру и т.д.). По содержанию печати бывают гербовые и простые. Важнейшие юридические документы скрепляются гербовой печатью, но ее имеют далеко не все субъекты правовых отношений. Печать ставится в свидетельстве о рождении, паспорте, аттестате об образовании, дипломе, свидетельстве о регистрации брака, трудовой книжке, удостоверениях личности, договорах (но, безусловно, не всех) и других документах. Как пишет Т. Н. Бондырева, применение гербовой печати необходимо во всех случаях удостоверения прав физических и юридических лиц, установления фактов, вызывающих расходование денежных средств и материальных ценностей, а также на уставах (положениях) учреждений, доверенностях и т.д.⁴

Ряд наиболее значимых для регулирования правовых отношений юридических документов печатью не скрепляется, например, федеральные законы. В этом нет и особой необходимости. Они проходят сложную процедуру принятия, подписываются управомоченным лицом и подлежат официальному опубликованию. Не скрепляются печатью и многие документы, пусть и не подлежащие опубликованию, но подготовленные на бланках определенной формы, позволяющие идентифицировать организацию, от которой они исходят.

¹ См.: Лукашук И. И. Международное право: особенная часть. М., 2005. С. 107.

² См.: Каламкарян Р. А. Фактор времени в праве договоров. М., 1989. С. 60.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37, ст. 772.

⁴ См.: Бондырева Т. Н. Секретарское дело: практическое пособие. М., 1989. С. 208.

За подделку, изготовление или сбыт поддельных печатей ст. 327 УК РФ установлена уголовная ответственность. Таким образом, государство придает особое значение законности юридического документооборота.

Утверждение — это особый прием легализации юридического документа, санкционирующий распространение его действия на определенный круг организаций, учреждений, предприятий, их должностных лиц, иных сотрудников и граждан. Юридический документ, подлежащий утверждению, приобретает юридическую силу лишь с момента его утверждения¹.

Юридические документы утверждаются соответствующими органами или должностными лицами, к компетенции которых отнесено осуществление данного юридического действия. Так, согласно п. 2 ст. 114 ГК РФ учредительным документом предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения, является его устав, утверждаемый уполномоченным на то государственным органом или органом местного самоуправления. В соответствии с п. 2 ст. 115 ГК РФ учредительным документом казенного предприятия является его устав, утверждаемый Правительством РФ.

Утверждаются, как правило, следующие виды документов: положения и уставы (организаций, учреждений, предприятий, их структурных подразделений, совещательных органов и т.д.); структура и штатное расписание; текущие и перспективные планы; акты контрольно-ревизионного характера; акты приема в эксплуатацию объектов, зданий, сооружений; отдельные разновидности протоколов и т.д.² Не все из них являются юридическими документами.

Гриф утверждения включает следующие реквизиты: слово «Утверждаю», наименование должности лица, утверждающего документ (включая наименование организации), личную подпись, ее расшифровку и дату. В утвержденные документы не допускается внесение каких-либо исправлений и дополнений иным лицом, нежели утвердившим данный юридический документ.

Нотариальное удостоверение — это прием легализации юридического документа, осуществляемый специальным субъектом и состоящий в свидетельствовании удостоверительной надписью на документе наличия какого-либо факта в действительности. Под специальным субъектом понимается не только нотариус, но и любое другое лицо, уполномоченное в соответствии с законодательством осуществлять нотариальное удостоверение. Так, согласно ст. 37, 38 Основ законода-

¹ См.: Каргин К. В. Юридические документы / науч. ред. В. А. Толстик. М., 2008. С. 115.

² Бондырева Т. Н. Секретарское дело: практическое пособие. М., 1989. С. 211.

тельства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г.¹ такие действия, как удостоверение завещания, доверенности, свидительство подлинности подписи на документах, могут осуществлять должностные лица органов исполнительной власти и консульских учреждений Российской Федерации. Последние также имеют право удостоверять сделки, факты нахождения гражданина в живых и т.д.

Удостоверительная надпись излагается на лицевой или оборотной стороне документа и может быть как написана от руки, так и выполнена с использованием технических средств. Она включает дату совершения нотариального действия; фамилию, имя, отчество нотариуса; наименование нотариального округа; слова о содержании самого нотариального действия (например, свидетельствую верность этой копии с подлинником документа). Обязательно ставится гербовая печать нотариуса и его подпись. Если нотариальное действие совершено вне нотариальной конторы, в удостоверительной надписи также указывается место совершения нотариального действия².

В соответствии со ст. 11 Основ законодательства РФ о нотариате нотариус имеет личную печать с изображением Государственного герба РФ, указанием фамилии, инициалов, должности нотариуса и места его нахождения или наименования государственной нотариальной конторы, *штампы удостоверительных надписей*, личные бланки или бланки государственной нотариальной конторы.

Существуют различные виды удостоверительных надписей:

- 1) удостоверительная надпись на завещании;
- 2) удостоверительная надпись на договоре;
- 3) удостоверительная надпись на доверенности; и т.д.

Нотариальное удостоверение всегда является дополнительным приемом легализации юридического документа и имеет либо императивный мандат (обязательно должно быть осуществлено применительно к данному документу, ибо так этого требует закон), либо диспозитивный мандат (может быть осуществлено по соглашению сторон).

Важным и так же, как и нотариальное удостоверение, дополнительным приемом легализации юридических документов является их *государственная регистрация*. Регистрация документов — это запись учетных данных о документе по установленной форме, фиксирующая факт его создания, отправления или получения³. Обязательная регистрация, по мнению А. Ф. Черданцева, не только является условием

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10, ст. 357.

² См.: Настольная книга нотариуса: учебно-методическое пособие: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 209.

³ См.: Стенюков М. В. Документы. Делопроизводство. М., 2001. С. 141.

их юридической силы, но и позволяет проверить при регистрации их законность, а в последующем — и их подлинность¹.

Регистрации подлежат учредительные документы юридических лиц (уставы, положения), многие гражданско-правовые договоры (продажи недвижимости, продажи предприятия, ренты с отчуждением недвижимого имущества и др.), нормативные правовые акты (например, уставы муниципальных образований).

Так, М. В. Кротов понимает ее как процедуру приема документов, необходимых для государственной регистрации, правовую экспертизу документов и законности совершаемой сделки, установление отсутствия противоречий между заявленными требованиями о регистрации и уже зарегистрированными правами на данный объект, внесение информации о совершенных сделках в Единый государственный реестр и совершение надписей на правоустанавливающих документах².

Итак, *государственная регистрация юридического документа* — это прием легализации, осуществляемый специально на то уполномоченным государственным органом, состоящий в проверке соответствия данного документа и всех процедур, осуществляемых с ним, требованиям законодательства, в присвоении государственного регистрационного номера и выдаче свидетельства о государственной регистрации.

Ратификация — это также прием легализации, но лишь отдельной группы юридических документов — международных договоров. Она представляет собой утверждение договора высшим органом государственной власти, в результате чего он приобретает обязательную для этого государства юридическую силу³, однако мы рассматриваем ратификацию отдельно от утверждения, так как эта процедура имеет иной характер и не предполагает грифа утверждения на международном договоре. В этом случае значение имеет ратификационная грамота.

Согласно ст. 11 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено ратификацией. При этом по ст. 14 согласие государства на обязательность для него договора выражается ратификацией, если:

- а) договор предусматривает, что такое согласие выражается ратификацией;
- б) иным образом установлено, что участвующие в переговорах государства договорились о необходимости ратификации;

¹ См.: Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2002. Т. 2: Теория права. С. 508.

² См.: Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1999. Ч. 1. С. 243.

³ См.: Международное публичное право / отв. ред. К. А. Бекашев. М., 2004. С. 251.

в) представитель государства подписал договор под условием ратификации;

г) намерение государства подписать договор под условием ратификации вытекает из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров.

В Российской Федерации ратификация международных договоров осуществляется в форме федерального закона. Статья 106 Конституции РФ определила, что Государственная Дума России принимает федеральные законы о ратификации международных договоров. Вместе с тем в ратификации участвуют также Совет Федерации (он одобряет федеральный закон о ратификации) и Президент РФ (подписывает данный закон).

При ратификации в форме федерального закона Государственная Дума РФ выступает в ином качестве, нежели при принятии какого-либо иного федерального закона. Она лишь дает согласие на обязательность международного договора, в разработке и принятии которого участия не принимала, для своего государства. Но субъектами легализации будут и Совет Федерации, и Президент РФ.

Опубликование. По мнению Ю. А. Старилова, правовые акты управления начинают действовать, т.е. *приобретать юридическую силу* с момента их *издания* (принятия, утверждения) или *опубликования* в установленном порядке и действуют до момента их официальной отмены (или изменения). Важнейшими условиями вступления акта управления в юридическую силу являются его подписание уполномоченным лицом и *официальное опубликование*¹.

Под *опубликованием* нормативных актов Т. В. Кашанина понимает действие, заключающееся в доведении нормативных актов до сведения всех граждан, кому они адресованы². Следует заметить, что опубликование может являться как самостоятельным приемом легализации юридического документа (так была легализована Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.), так и дополнительным приемом.

В силу того, что юридическая сила у ряда юридических документов может возникнуть лишь при их опубликовании, данное действие также следует относить к приемам легализации юридических документов. Однако далеко не все юридические документы подлежат опубликованию, а лишь те, которые должны быть известны для всех, и быть общедоступными. К ним относятся нормативные правовые акты, ряд правоприменительных и интерпретационных актов. Тем не менее возникновение юридической силы даже при необходимости опубликова-

¹ См.: Бахрах Д. Н. Административное право / Д. Н. Бахрах, Б. Н. Россинский, Ю. А. Старилов. М., 2005. С. 361, 362.

² См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 299.

ния может быть не связано с данным действием. Например, согласно ст. 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» постановления и заключения Конституционного Суда РФ подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации («Собрании Законодательства Российской Федерации» и «Российской газете»). Решения Конституционного Суда РФ публикуются также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации». Но в соответствии со ст. 79 данного Закона решение Конституционного Суда РФ окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения. То есть вступление в силу данного документа не связывается с датой официального опубликования.

Применительно к целому ряду нормативных правовых актов работает принцип *«не опубликован — не действует»*, а значит, и не обладает юридической силой. Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»¹ федеральные конституционные законы, федеральные законы подлежат официальному опубликованию в течение семи дней после дня их подписания Президентом РФ. Федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания РФ *вступают в силу* одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении 10 дней *после дня их официального опубликования*, если самими законами и актами палат не установлен иной порядок.

В соответствии со ст. 43 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»² постановления Правительства РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, *вступают в силу ранее дня их официального опубликования*. Иные постановления Правительства РФ вступают в силу со дня их подписания, если самими постановлениями Правительства РФ не предусмотрен иной порядок их вступления в силу.

Кроме того, согласно п. 10 Указа Президента РФ от 25 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»³ нормативные правовые акты федеральных органов исполни-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 8, ст. 801.

² См.: Собрание законодательства РФ. 1997. № 51, ст. 5712.

³ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 22, ст. 2663.

тельной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний.

В соответствии с ч. 1 ст. 251 ГПК РФ гражданин, организация, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица нарушаются их права и свободы, гарантированные Конституцией РФ, законами и другими нормативными правовыми актами, а также прокурор в пределах своей компетенции вправе обратиться в суд с заявлением о признании этого акта противоречащим закону полностью или в части.

По запросу гражданина С.Д. Смердова Конституционный Суд РФ рассмотрел норму ч. 1 ст. 251 ГПК РФ на предмет ее соответствия Конституции РФ в связи с тем, что она предусматривает оспаривание только официально опубликованных нормативных правовых актов. Нарушать же права и свободы граждан может и неопубликованный нормативный правовой акт.

По данному делу Конституционный Суд РФ вынес Определение от 3 марта 2006 г. № 58, в котором указал, что граждане не могут быть лишены возможности восстановления нарушенных прав посредством обращения в компетентный суд, рассматривающий дела по оспариванию нормативных правовых актов, по причине несоблюдения органом, издавшим акт, правил обязательного опубликования нормативных правовых актов. Суды при рассмотрении подобных дел не вправе ограничиваться формальным требованием того, прошел ли обжалуемый нормативный правовой акт государственную регистрацию и опубликован ли он в установленном порядке. Выяснив, что нормативный правовой акт федерального органа исполнительной власти, содержащий нормативные положения, затрагивающие права и законные интересы граждан, не зарегистрирован и не опубликован в установленном порядке, суды должны признавать его недействующим.

Итак, основными приемами легализации юридических документов являются: подписание документа, скрепление печатью, утверждение, нотариальное удостоверение, государственная регистрация, ратификация, опубликование. Что же касается консульской легализации — она не является приемом, а выступает сочетанием целого ряда приемов легализации.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под легализацией юридических документов?
2. На какие виды подразделяется легализация юридических документов?
3. Чем основная легализация юридических документов отличается от производной?
4. Как можно определить понятие «прием легализации юридического документа»?
5. В чем особенности следующих приемов легализации юридических документов: подписание документа, скрепление печатью, утверждение, нотариальное удостоверение, государственная регистрация, ратификация, опубликование?

Тестовые задания

- 1) Какие ключевые признаки составляют основу понятия легализации юридических документов?
 - a) необходимость установленного порядка
 - b) наличие компетентного органа
 - c) оба указанных признака
- 2) Какая формулировка соответствует «широкому» понятию легализации юридических документов?
 - a) действия, направленные на установление подлинности документа
 - b) процедура придания документу юридической силы
 - c) специальная юридическая экспертиза по установлению фактических и предпосылок появления юридического документа
- 3) Какая формулировка соответствует «узкому» понятию легализации юридических документов?
 - a) действия, направленные на установление подлинности документа
 - b) процедура придания юридической силы
 - c) специальная юридическая экспертиза по установлению фактических и предпосылок появления юридического документа
- 4) В чем заключается сущность процедуры легализации юридических документов?
 - a) придание юридической силы новому документу
 - b) подтверждение юридической силы имеющегося документа
 - c) оба признака в равной мере отражают сущность легализации
- 5) Какой ключевой признак отличает простую легализацию юридических документов от сложной?
 - a) количество субъектов легализации
 - b) количество приемов легализации
 - c) сроки легализации
 - d) все указанные признаки
- 6) Укажите наиболее точное определение понятия комбинированной легализации:
 - a) комбинированная легализация — это легализация юридических документов, осуществляемая как при помощи комплекса приемов

- легализации, так и группой субъектов, наделенных полномочиями по осуществлению юридических действий по легализации
- b) комбинированная легализация – это легализация юридических документов, осуществляемая как непосредственно их авторами, так и дополнительно иными субъектами, наделенными полномочиями по осуществлению юридических действий по легализации
 - c) комбинированная легализация – это легализация юридических документов, осуществляемая специально уполномоченными субъектами, наделенными комплексными полномочиями по осуществлению юридических действий по легализации и имеющих право утверждения и ратификации документов
- 7) Назовите форму основной легализации юридического документа, необходимую для использования документа субъектами правовых отношений
- a) подписание подготовленного и согласованного документа
 - b) подтверждение юридической силы документа
 - c) скрепление печатью юридического документа
 - d) утверждение юридического документа
- 8) Какой характер имеет «консульская легализация» документа?
- a) характер основной легализации
 - b) характер производной легализации
 - c) характер комплексной легализации
- 9) Какое определение приема легализации юридических документов является наиболее точным?
- a) это комплекс юридических действий, которыми придается (подтверждается) юридическая сила правового документа
 - b) это отдельное юридическое действие, которым придается юридическая сила правового документа
 - c) это отдельное юридическое действие, которым придается (подтверждается) юридическая сила правового документа
- 10) Что такое ратификация?
- a) прием легализации международных договоров
 - b) прием легализации документов, выданных иностранным гражданам
 - c) прием легализации документов об образовании, выданных учебными заведениями иностранных государств
- 11) Какой перечень приемов легализации является наиболее точным?
- a) подписание документа, скрепление печатью, утверждение, нотариальное удостоверение, государственная регистрация, ратификация, опубликование, консульская легализация
 - b) подписание документа, скрепление печатью, утверждение, нотариальное удостоверение, государственная регистрация, ратификация, опубликование
 - c) подписание документа, скрепление печатью, утверждение, нотариальное удостоверение, государственная регистрация, ратификация, опубликование, ситуативная интерпретация

Рекомендуемая литература

1. *Бобылев Г.В.* Основы консульской службы / Г.В. Бобылев Н.Г. Зубков. – М., 1986.
2. *Бондырева Т.Н.* Секретарское дело: практическое пособие / Т.Н. Бондырева. – М., 1989.
3. *Ельцов А.Н.* Легализация документов: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Н. Ельцов. – Тамбов, 2009.
4. Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2000.
5. *Каргин К.В.* Юридические документы / К.В. Каргин; науч. ред. В.А. Толстик. – М., 2008.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника / Т.В. Кашанина. – М., 2008.
7. *Конев А.Н.* Легализация юридических документов: монография / А.Н. Конев. – Н. Новгород, 2012.
8. *Манько Д.Г.* Легализация как правовая процедура: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.Г. Манько. – Одесса, 2010.
9. *Соловьев Э.Я.* Основы консульского права / Э.Я. Соловьев. – М., 2005.
10. *Стенюков М.В.* Документы. Делопроизводство / М.В. Стенюков. – М., 2001.
11. *Шугрина Е.С.* Техника юридического письма: учебно-практическое пособие / Е.С. Шугрина. – М., 2001.

Раздел 5

ТЕХНИКА ИЕРАРХИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

5.1. Понятие иерархии источников права

В соответствии с Большой советской энциклопедией термин «иерархия» был введен не ранее второй половины V в. Дионисием Псевдо-Ареопагитом в трактатах «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии»¹ и до XIX в. употреблялся для характеристики организации христианской церкви. Заметим, что категоричность утверждения, касающегося как момента возникновения, так и употребления термина «иерархия», вполне может быть оспорена в том случае, если он будет обнаружен в более ранних работах. Вместе с тем нет никаких сомнений, что рассматриваемый термин имеет теологическое происхождение. Этимологически слово «иерархия» означает «священная власть» (греч. *hierarchia*, от *hieros* — священный и *arche* — власть).

Однако и при характеристике организации церковной власти, и при использовании в различных науках термин «иерархия» употребляется не в своем этимологическом значении, а в ином смысле — как расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему².

Именно в этом значении со второй половины XIX в. понятие иерархии стало разрабатываться учеными. Сегодня оно широко применяется в различных областях современной науки.

В социологии многочисленные исследования посвящаются иерархии престижа, иерархии богатства, иерархии власти и контроля как

¹ «Ареопагитики» — сочинение религиозно-философского характера, включающее трактаты «О божественных именах», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «Таинственное богословие» и 10 писем. «Ареопагитики» были подписаны именем первого афинского епископа Дионисия Ареопагита (отсюда название). Заметим, что подлинность «Ареопагитиков» ставится под сомнение (БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1970. Т. 2. С. 188–189).

² См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1983. С. 476.

выражения социальной стратификации общества, общественного неравенства.

В марксистской философии получила развитие идея качественно несводимых структурных уровней материи.

В этике иерархия ценностей является решающим фактором для их выбора¹.

В общей теории организации иерархия характеризует принцип управления, обеспечивающий эффективное функционирование организации²; в лингвистике различают иерархию уровней (ярусов) языка; в теории графов — иерархически построенный граф (так называемое дерево)³.

С появлением в XX в. общей теории систем понятие иерархии стало применяться для описания любых системных объектов.

Достаточно широко термин «иерархия» используется и в юриспруденции. В литературе справедливо обращено внимание на то, что «вертикальные» аспекты получают свое самостоятельное освещение и разработку в юридической науке⁴.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в работах по проблемам теории государства и права государство определяется как иерархическая организация, осуществляющая государственную власть⁵.

В системе ветвей государственной власти принцип иерархического построения наиболее ярко проявляется в подсистеме исполнительных органов. Принцип иерархичности системы управления во все времена являлся одним из организационных принципов государственного управления⁶.

Не менее отчетливо иерархия проявляется в организации и деятельности контрольно-надзорных органов государства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О Прокуратуре Российской Федерации» «Прокуратура Российской Федерации составляет единую федеральную централизованную систе-

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 171.

² В классическом труде Дж. Марча и Г. Саймона (*March J. G., Simon H. A. Organizations*. N. Y., 1958.) иерархия связывается с тем, что составляющие систему элементы (блоки принятия решений) обладают ограниченной «решающей способностью» (или «ограниченными интеллектуальными возможностями»), поэтому возникает необходимость в разбиении цели на подцели так, что достижение общей цели равносильно достижению совокупности целей.

³ См.: БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1970. Т. 10. С. 123.

⁴ См.: *Тихомиров Ю. А.* Публичное право. М., 1995. С. 45, 212–215.

⁵ См.: Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 1999. С. 565.

⁶ См.: Аппарат управления социалистического государства: в 2 ч. М., 1976. Ч. 1. С. 162; *Чиркин В. Е.* Государствоведение: учебник. М., 2000. С. 293.

му органов (далее — органы прокуратуры) и **организаций** и действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации»¹.

Законодательная и судебная ветви государственной власти не столь иерархизированы, как исполнительная, но и здесь есть место для применения принципа иерархии.

Следует обратить внимание на два важных аспекта. Во-первых, термин «иерархия» применим исключительно для характеристики системных объектов и явлений. Там, где нет системы, нет и не может быть иерархии. Во-вторых, иерархия применима не в любой системе, а лишь в той, которая является многоуровневой или, по крайней мере, двухуровневой. Одноуровневые системы не иерархичны.

Сущность иерархической системы состоит в зависимости, подчиненности, неравенстве образующих ее структурных элементов. В иерархической системе один структурный элемент (субъект, источник и т.п.) находится в определенном подчинении другому структурному элементу. Отсюда иерархия представляет собой систему подчинения, зависимости элементов, находящихся на нижестоящих уровнях, от элементов, находящихся на вышестоящих уровнях.

Любое право иерархично по своей природе, причем иерархичность эта возрастает по мере развития и усложнения той или иной системы права. Только наиболее примитивную правовую систему можно представить себе неиерархичной, «правом в одной плоскости». Все же более или менее развитые системы права являются многоуровневыми, многоструктурными, т.е., в конечном счете, иерархическими по своему существу².

При анализе иерархии источников права большое значение имеет выяснение соотношения категорий «иерархия норм права» и «иерархия источников права». С точки зрения единства формы и содержания, рассматриваемые категории имеют тождественное значение. Подобным образом дело обстоит и в тех случаях, когда говорят: некто нарушил закон, хотя очевидно, что речь идет о нарушении закрепленных в нем норм права. Следовательно, когда говорится об иерархии норм права, имеется в виду иерархия источников, в которых закреплены соответствующие нормы.

Система источников права любого современного государства является многоуровневой, т.е. иерархичной. Для таких систем иерархичность является свойством (атрибутом), без которого она не может ни существовать, ни мыслиться. При этом иерархия — это не специфическое свойство, а общее, не случайное, а необходимое, не внешнее,

¹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

² См.: *Миронов Н. В.* Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980. С. 25.

а внутреннее. Несомненно, общетеоретическое осмысление такого свойства системы источников права, как иерархичность, служит познанию ее качества.

Являясь свойством системы источников права, свое правовое проявление иерархия находит в системе многообразных взаимных связей, существующих между источниками, расположенными на различных уровнях.

Теоретическое и практическое значение имеет выяснение соотношения иерархии с иными близкими по смыслу и значению понятиями: субординацией, приоритетом, соподчиненностью.

В научной литературе термины «иерархия» и «субординация» в большинстве случаев употребляются как тождественные понятия. Понятно, что для этого существуют весомые основания. В соответствии с толковыми словарями и та и другая категория определяются как система подчинения нижестоящих уровней вышестоящим. Субординация и иерархия, в отличие от координации, представляют собой вертикальную упорядоченность, подчинение и соподчинение компонентов различных уровней.

Говорить о различии этих категорий можно весьма условно, наполняя ту или иную особым содержанием в зависимости от круга явлений, особого функционального предназначения и других обстоятельств.

Таким образом, термины «иерархия» и «субординация» применительно к характеристике вертикальной структуры источников права вполне оправданно использовать как синонимы. Во всех остальных случаях целесообразно делать соответствующие оговорки.

Более сложным представляется соотношение категорий «иерархия» и «приоритет». В соответствии со своим этимологическим значением приоритет означает первенство в осуществлении какой-либо деятельности, преобладающее значение какого-либо нормативного правового акта¹.

С нашей точки зрения, приоритет и иерархия должны рассматриваться как пересекающиеся понятия.

С одной стороны, приоритет — более широкое понятие, чем иерархия. В данном случае речь идет о правоприменительном приоритете, или, иначе говоря, выборе из двух или более противоречащих друг другу норм той, которая подлежит применению в данном конкретном случае. Именно в этом смысле можно говорить об иерархическом приоритете, т.е. приоритете вышестоящих норм по отношению к нижестоящим, однако приоритет может быть не только иерархическим (вертикальным). Он существует и в горизонтальной плоскости. Такие традиционные юридические категории, как соотношение

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1983. С. 1057.

общих и специальных норм, позднее и ранее принятых, генеральных и локальных норм или соотношение запрещающих и разрешающих, категорических (повелительных) и диспозитивных норм и так далее, наряду с иерархией норм, также являются важными средствами определения подлежащих применению норм, однако, в отличие от них, иерархический приоритет есть юридическая первооснова логической систематизации и теории применения правовых норм вообще¹.

С другой стороны, иерархия — более широкое понятие, чем приоритет. Дело в том, что последний касается исключительно правоприменительной сферы. Иерархия, напротив, не ограничивается сферой правоприменения. Она предполагает наложение вполне определенных обязательств и на субъектов правотворчества.

При рассмотрении соотношения категорий «иерархия» и «приоритет» обращается внимание на то, что и то и другое понятие применимо к характеристике лишь тех ситуаций, когда имеет место реальная, а не мнимая иерархическая или горизонтальная коллизия. При этом важно подчеркнуть, что коллизия в данном случае рассматривается не как любое противоречие между нормами права, а как расхождение в содержании двух или более норм права, регулирующих одно и то же общественное отношение, на одной территории, распространяющееся на одних и тех же субъектов права и применительно к конкретной жизненной ситуации.

Если та или иная норма в силу каких-либо причин не применима к данной ситуации, то в таком случае нет и иерархической коллизии, поскольку нет проблемы выбора нормы, подлежащей применению, так как к данной конкретной ситуации может быть применена только одна норма. При таком понимании коллизии за рамками правоприменительного аспекта категории «иерархия» и, соответственно, «приоритета» оказываются все случаи с так называемыми псевдоколлизиями, т.е. мнимыми, ложными коллизиями.

Одним из примеров такой псевдоколлизии являются ситуации, когда противоречия возникают между нормативными правовыми актами, нормы одного из которых в принципе не применимы к данным отношениям. Так, в ч. 3 ст. 2 ГК РФ говорится, что «к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством». Это означает, что независимо от юридической силы актов, которые находятся в мнимой коллизии по отношению друг к другу, применению будет подлежать тот, нормы которого уста-

¹ См.: *Миронов Н. В.* Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980. С. 48.

новлены для регулирования именно этих отношений. Аналогичные ситуации возникают и в тех случаях, когда речь идет об особой разновидности коллизий — коллизиях компетенции, которые возникают в случае превышения тем или иным органом своей нормотворческой компетенции. Такие коллизии приводят к псевдоколлизиям нормативных правовых актов, поскольку норма права, принятая за пределами компетенции, не должна применяться к данному правоотношению. Приведем два типичных примера. В первом случае — Федеральное Собрание РФ принимает федеральный закон по вопросам, которые относятся к исключительному ведению субъектов Российской Федерации. Во втором случае — законодательный орган власти субъекта Российской Федерации принимает закон по вопросам, отнесенным к исключительному ведению Российской Федерации. И в первом, и во втором случае имеет место коллизия компетенции и, соответственно, псевдоколлизия соответствующих законов. Очевидно, что ни Федеральное собрание, ни соответствующий орган законодательной власти субъекта Российской Федерации не вправе вторгаться в «чужую» сферу регулирования. При этом акты, принятые в нарушение компетенции, не должны применяться. Именно поэтому и в данном случае речь не может идти ни об иерархии, ни о приоритете.

В несколько упрощенном виде в литературе рассматривается соотношение категорий «иерархия» и «соподчиненность». Подавляющее большинство авторов их, по сути, отождествляет. Причиной этому является отождествление понятий «подчинение» и «соподчинение». По нашему мнению, такое отождествление не вполне обоснованно. Для того чтобы в этом убедиться, приведем словарные значения рассматриваемых терминов. Приставка со- служит для образования существительных, прилагательных и глаголов, означая общее участие в чем-нибудь, совместность¹. Соподчинить — одновременно, на равных основаниях подчинить кому-чему-нибудь². Подчинить — поставить в зависимость от кого-чего-нибудь, заставить действовать соответственно чему-нибудь³.

Приведенные значения позволяют сделать вывод, что «подчинить» и «соподчинить» соотносятся как целое и часть. Последнее охватывает лишь те случаи подчинения, которые, с одной стороны, включают лишь два иерархических уровня, поскольку на равных основаниях могут подчиняться только акты одной юридической силы; с другой стороны, речь идет о подчинении многих актов одному акту. В этом смысле говорить о соподчинении обоснованно лишь применительно

¹ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 739.

² См. там же. С. 748.

³ См. там же. С. 545.

к подчинению ряда актов конкретного иерархического уровня (федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента и т.п.) Конституции РФ. Аналогичная соподчиненность актов имеет место между нормами Гражданского кодекса и нормами гражданского права, содержащимися в других законах (ст. 3 ГК РФ); между актами федерального министерства и одноименных министерств; и т.д. В других случаях буквальное употребление термина «соподчиненность» непригодно, так как для любых иных двух уровней характерно наличие многих актов на каждом из них.

Следовательно, в силу того, что иерархическая структура законодательства любого государства является многоуровневой и на каждом уровне размещается, как правило, большое количество нормативных правовых актов, для ее характеристики должен использоваться термин «подчинение», а не «соподчинение». Только в этом случае можно будет говорить о системе в целом, о зависимости любого нижестоящего акта от любого вышестоящего акта.

Подводя краткий итог анализу понятия «иерархия источников права», приведем ее признаки и сформулируем дефиницию.

Признаки иерархии:

1. Иерархия — это свойство (атрибут) системы источников права.
2. Сущность иерархии состоит в подчинении источников нижестоящего уровня источникам вышестоящего уровня.
3. Иерархия проявляется во взаимных связях, существующих между источниками, расположенными на различных уровнях.
4. Иерархия обусловлена определенной совокупностью факторов, посредством которых теоретически обосновывается необходимость придания одним актам (их видам) более высокой юридической силы, чем другим.
5. Иерархия выражается посредством особых правовых форм, благодаря которым теоретически обоснованный приоритет становится нормативно закрепленным.
6. Иерархия представляет собой размещение (расположение) источников права на различных уровнях вертикальной структуры законодательства.

Иерархия источников права — это обусловленное совокупностью факторов, выраженное в правовой форме и проявляющееся во взаимных связях расположение источников права на соответствующих уровнях вертикальной структуры законодательства.

5.2. Факторный анализ иерархии источников права

Основная задача факторного анализа иерархии источников права состоит в том, чтобы познать природу иерархической зависимости, существующей между различными нормативными правовыми актами.

До настоящего времени в юридической литературе господствующим является представление о том, что иерархия нормативных правовых актов детерминируется, прежде всего, иерархией государственных органов и их правотворческой компетенцией. Неизменное первенство этому фактору отдают практически все ученые, которые в той или иной мере затрагивали анализируемую проблему. Влияние иных факторов рассматривается либо как второстепенное, дополнительное, либо как исключение.

Вне всякого сомнения, иерархия государственных органов является весьма существенным фактором, оказывающим влияние на построение иерархической структуры законодательства, однако абсолютизация зависимости между иерархией актов и иерархией государственных органов, точно так же, как и любая иная абсолютизация, не позволяет дать ответы на целый ряд очевидных, но при этом весьма существенных вопросов. В частности, чем обусловлена иерархия федеральных законов; почему нормы международных договоров должны иметь приоритет перед нормами федеральных законов; на каком основании законам придается приоритет перед подзаконными актами; и т.п. Список вопросов можно продолжить, но уже этих достаточно для того, чтобы убедиться в сложности проблемы и необходимости ее более основательного осмысления.

Иерархическая структура законодательства детерминируется самыми различными факторами, совокупное влияние которых в конечном счете и определяет их субординационную архитектуру. Критическое изменение факторного воздействия влечет за собой изменение и в нормативно определенной иерархической структуре законодательства.

По нашему мнению, основными факторами (наряду с иерархией государственных органов), оказывающими влияние на построение иерархической структуры законодательства, являются следующие:

- 1) степень непосредственности выражения воли народа;
- 2) степень общности (абстрактности) норм права;
- 3) значимость (важность) регулируемых общественных отношений;
- 4) кодифицированный характер акта;
- 5) делегирование нормотворческих полномочий;
- 6) надведомственный характер компетенции (для актов, принимаемых федеральными органами исполнительной власти и соответствующими органами субъектов Российской Федерации);
- 7) совместное нормотворчество.

Рассмотрим каждый из указанных факторов и сформулируем выводы (правила), которые необходимо учитывать при построении теоретической модели иерархии источников права.

Анализ фактора «степень непосредственности выражения воли народа» позволяет выделить следующие положения:

- нормативный правовой акт, принятый в порядке непосредственной демократии (на референдуме), должен иметь приоритет перед актом, принятым в порядке опосредованной демократии, однако этому выводу не должен придаваться универсальный, всеобъемлющий характер. В данном случае должно действовать правило: акт, принятый на референдуме, имеет приоритет перед актом, принятым представительным органом соответствующего уровня, но уступает акту, принятому представительным органом вышестоящего уровня;
- в рамках непосредственной демократии применительно к государственному устройству Российской Федерации выделяются три уровня: федеральный, субъектов Федерации, местного самоуправления. Соответственно, акт, принятый на каждом вышестоящем уровне (референдуме), должен иметь приоритет перед актами, принятыми на нижестоящих уровнях (референдумах);
- применительно к актам, принятым выборными представительными органами, т.е. в порядке опосредованной демократии, степень непосредственности выражения воли народа, по общему правилу, будет снижаться по мере снижения выборного уровня. Соответственно, акты, принятые вышестоящими представительными органами, должны иметь приоритет перед актами, принятыми нижестоящими представительными органами;
- степень непосредственности выражения воли народа предполагает, что акты, принимаемые представительными органами, должны иметь приоритет перед актами, принимаемыми исполнительными органами соответствующего уровня. Очевидно, что исключениями из этого правила должны являться те случаи, когда речь идет об актах, принятых на разных уровнях. Так, акт исполнительного органа более высокого уровня (например, акт Президента) не должен быть иерархически подчинен акту представительного органа нижестоящего уровня (например, закону субъекта Федерации), поскольку степень непосредственности выражения воли народа в первом акте выше, чем во втором.

Рассматривая фактор «степень общности (абстрактности) норм права», следует сделать вывод, что между степенью общности (абстрактности) норм права и их иерархией должна существовать прямолинейная зависимость. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы не закреплять в нижестоящих нормативных правовых актах более общих норм, чем в вышестоящих, и наоборот.

Фактор важности, прежде всего, может быть использован как для иерархической дифференциации внутри отдельных законов (речь идет о Конституции РФ и конституциях субъектов Российской Фе-

дерации), так и между различными видами законов и подзаконных актов. Кроме того, он является ключевым при решении вопроса о демаркации законов и подзаконных нормативных правовых актов.

Вместе с тем между важностью общественных отношений и иерархией нормативных правовых актов не существует абсолютной зависимости. Поэтому иерархию важности общественных отношений следует рассматривать в качестве вспомогательного фактора, влияющего на построение вертикальной структуры законодательства.

Иерархический приоритет кодифицированных актов обосновывается следующими выводами:

- иерархический приоритет кодифицированных актов по отношению к актам текущего законодательства обусловлен структурно-содержательными признаками, присущими первым;
- по общему правилу, иерархическим приоритетом должны обладать только законодательные акты, как на уровне федеральных законов, так и на уровне законов субъектов Российской Федерации. Исключением могут быть те случаи, когда речь идет о подзаконных актах, посредством которых осуществляется первичное правовое регулирование;
- установление иерархического приоритета между кодифицированными актами, обладающими различным масштабом сводности, представляется нецелесообразным, прежде всего, по технико-юридическим причинам;
- с точки зрения требований юридической техники, для кодифицированных актов, наделенных иерархическим приоритетом по отношению к актам текущего законодательства, должны устанавливаться особые наименования (кодекс, основы, устав, правила, регламент, положение).

Общий вывод, вытекающий из фактора «делегирующие нормотворческих полномочий», состоит в том, что нормативный правовой акт, принятый в рамках делегированных полномочий, по общему правилу, должен наделяться юридической силой, равной силе актов, принимаемых делегирующим органом.

Фактор «надведомственность» используется для иерархической дифференциации актов, принимаемых на одном уровне государственных органов, в частности, на уровне федеральных органов исполнительной власти.

Надведомственность означает, что при регулировании конкретных вопросов соответствующее ведомство стоит «поверх» других, а следовательно, и решения, которые принимаются таким ведомством в пределах своих надведомственных полномочий, должны быть юридически обязательными для всех иных ведомств.

При рассмотрении совместного нормотворчества как фактора, влияющего на иерархическое место соответствующих актов в верти-

кальной структуре законодательства, значимыми являются следующие выводы:

- совместно принятые нормативные правовые акты должны иметь иерархический приоритет по отношению к актам, принимаемым отдельно, автономно, самостоятельно участником (участниками) совместного нормотворчества;
- при принятии нормативных правовых актов вышестоящим и нижестоящим государственными органами юридическая сила совместного акта определяется местом, которое занимает вышестоящий орган государственной власти в иерархии органов государства;
- иерархический приоритет совместно принятых актов обуславливается принятием взаимных обязательств по одностороннему неизменению, дополнению или отмене таких актов и вследствие этого распространяется исключительно на субъектов совместного нормотворчества;
- совместное нормотворчество не порождает иерархического приоритета совместных актов по отношению к актам, принимаемым органами, не участвовавшими в таком нормотворчестве;
- иерархический приоритет совместно принятых актов не может ставиться в зависимость от количества участников совместного нормотворчества;
- установление иерархического приоритета для актов, принимаемых по согласованию, обосновано лишь в тех случаях, когда они принимаются государственными органами, находящимися на одном иерархическом уровне.

Завершая факторный анализ, следует обратить внимание на то, что при построении иерархической структуры законодательства необходимо исходить не из автономного влияния каждого из рассмотренных факторов, а из их совокупного действия.

5.3. Правовые формы выражения иерархической зависимости источников права

Любое теоретическое обоснование иерархического приоритета одних нормативных правовых актов по отношению к другим есть не более чем рекомендация законодателю установить нормативный приоритет. Задолго до принятия ныне действующей Конституции РФ С. В. Поленина и Н. В. Сильченко обратили внимание на то, что «до тех пор, пока более высокая юридическая сила акта не имеет своего правового обоснования, таковой у него нет и не может быть»¹.

¹ См.: Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987. С. 63.

Это означает, что абсолютная, непререкаемая иерархическая зависимость между нормативными правовыми актами может существовать только при прямом указании на это закона. Любое теоретическое обоснование, не прописанное в законе, нельзя рассматривать, с одной стороны, в качестве факта существования двух иерархических уровней, с другой — в качестве правовой основы применения иерархического принципа для разрешения соответствующих коллизий.

Под правовыми формами выражения иерархии понимаются формулировки, логико-языковые конструкции, при помощи которых законодатель устанавливает иерархическую зависимость между различными источниками права.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить ряд правовых форм выражения иерархической зависимости.

Первой и наиболее распространенной формой является прямое указание закона на недопустимость противоречия между нормативными правовыми актами. Законодатель употребляет слова *«не могут противоречить»*, *«не должны противоречить»*. Эта форма широко используется и в Конституции РФ, и в других источниках права. Содержание и правовые последствия данной формы состоят в следующем:

1) формулировки возлагают обязанность на соответствующего субъекта правотворчества не устанавливать в принимаемых им нормативных правовых актах положения, противоречащие вышестоящему акту;

2) используя рассматриваемую формулу, следует иметь в виду, что законодатель, устанавливая иерархический приоритет на нижестоящих уровнях, как правило, не дает перечисления всех вышестоящих нормативных правовых актов. Он лишь указывает на необходимость непротиворечия акту вышестоящего уровня. *«Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам»*. Думается, что причина этому — нормативная экономия. Вместе с тем очевидно, что в каждом таком случае предполагается недопустимость противоречия нижестоящего акта любому вышестоящему, а не только тому, о котором прямо сказано в законе;

3) в тех случаях, когда возникает противоречие между вышестоящей и нижестоящей нормой, рассматриваемые формулировки предполагают автоматическое возникновение у субъекта правотворчества активной юридической обязанности привести акт, обладающий меньшей юридической силой, в соответствие с актом большей юридической силы;

4) рассматриваемые формулировки дают правовое основание вышестоящему органу или иному уполномоченному органу отменить противоречащую норму, приостановить действие или признать ее не соответствующей Конституции РФ (вышестоящему акту), что,

по сути, с точки зрения юридических последствий должно приравниваться к отмене;

5) эта форма предполагает, что любой субъект правоприменения, столкнувшись с фактом противоречия вышестоящего и нижестоящего актов, должен применять норму вышестоящего акта.

Иногда законодатель не использует формулу «не может противоречить», но при этом устанавливает правоприменительный приоритет одного акта перед другим посредством иной формулы. Так, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ говорится: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». В такой ситуации данную формулу можно рассматривать в качестве самостоятельной формы выражения иерархического приоритета между соответствующими актами, поскольку именно посредством нее и установлена иерархическая зависимость, однако, с точки зрения юридической техники, рассматриваемый вариант весьма существенно уступает формулам: «*не могут противоречить*» или «*не должны противоречить*». Дело в том, что, являясь типичной коллизионной нормой, рассматриваемая формула адресована исключительно правоприменителю. Что касается субъекта правотворчества, то на него формально не возлагается никаких обязанностей (не устанавливать иные правила, приводить их в соответствие, если они установлены, и т.п.). Поэтому в Конституции РФ применительно к аспекту установления иерархического приоритета международных договоров перед законами целесообразно было бы использовать формулу: «*законы не должны (не могут) противоречить международному договору*».

В ряде случаев, для того чтобы подчеркнуть иерархический приоритет одних актов по отношению к другим, законодатель использует формулу «должны соответствовать» или «принимаются в соответствии». Так, в ч. 2 ст. 3 ГК РФ говорится: «Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, *должны соответствовать* настоящему кодексу»¹. В контексте проводимого анализа интерес представлял ответ на вопрос, существует ли какое-либо отличие между формулами «*не должны противоречить*» и «*должны соответствовать*» (*принимаются в соответствии*)? По нашему мнению, в рассматриваемых законодательных контекстах данные формулы используются как синонимы. Соответствовать — значит не противоречить. Не противоречить — значит соответствовать. И та и другая формула порождают одинаковые юридические последствия как для законодателя, так и для правоприменителя. Поэтому данную формулу нет оснований рассматривать в качестве самостоятельной формы выражения иерархиче-

¹ Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

ской зависимости. Более того, с позиций унификации нормативного регулирования соответствующего вопроса, от этой формулы вообще следовало бы отказаться.

Говоря о том, что в случае противоречия между вышестоящим актом и нижестоящим должен действовать вышестоящий акт, нельзя обойти вниманием еще один аспект. Речь идет о правовой оценке ситуации в период существования противоречия между такими актами. Здесь как минимум возникают два вопроса, на которые в литературе и, тем более, в законодательстве нет убедительных ответов. С одной стороны, в высшей степени принципиальным является ответ на вопрос, должен ли действовать (применяться) нижестоящий акт до его формальной отмены или приведения в соответствие с вышестоящим актом? С другой — должен ли существовать какой-либо нормативно установленный срок для приведения нижестоящего акта в соответствие с вышестоящим?

Казалось бы, ответ на первый вопрос должен быть простым и однозначным — во всех подобных случаях должен применяться иерархический принцип, в соответствии с которым норма, имеющая высшую юридическую силу, имеет приоритет перед нормой меньшей юридической силы (*lex superior derogat legi inferiori*), однако это общее правило, из которого, как известно, всегда бывают исключения. Причем они касаются не только граждан, но и правоприменительных органов, в том числе и суда. Речь идет о периодах, которые условно можно назвать «отложенным приоритетом». Иначе говоря, в этот период приоритетом пользуются нижестоящие нормативные правовые акты.

Второй формой выражения иерархического приоритета является установление особого порядка принятия, внесения изменений, дополнений или отмены нормативного правового акта или его части.

Посредством этой формы установлен иерархический приоритет между различными главами Конституции РФ. Не иначе как особым порядком отмены, внесения изменений может быть обоснован иерархический приоритет между законом, принятым на референдуме, и иным федеральным законом. **В ч. 4 ст. 83 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации» говорится: «Решение, принятое на референдуме, может быть отменено или изменено не иначе как путем принятия решения на новом референдуме (выделено нами. — В. Т.), если в самом решении не указан иной порядок отмены или изменения такого решения»¹.**

Посредством установления особого порядка для **внесения** изменений, дополнений или отмены решается и проблема придания иерархического приоритета совместно принимаемым актам.

¹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 27, ст. 2710.

Третьей самостоятельной формой выражения иерархического приоритета является установление обязательности одних актов по отношению к другим актам, в том числе принятым органами одного иерархического уровня. Эта форма используется для установления иерархической зависимости между актами Президента РФ и актами субъектов Российской Федерации, между актами федеральных органов исполнительной власти, принятыми в порядке надведомственных полномочий и иными актами соответствующих органов, и в целом ряде иных случаев.

По своим правовым последствиям формула «*обязательные для выполнения*» в конечном счете совпадает с формулой «*не должны противоречить*», однако последняя формула в силу своей большей определенности и убедительности представляется более целесообразной. Поэтому законодателю для установления иерархической зависимости между указанными актами следует использовать именно ее.

Четвертая особая форма выражения иерархического приоритета международного договора по отношению к актам внутригосударственного права предполагает специфику международного договора как основного источника норм международного права, особенности их включения в правовую систему Российской Федерации. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ приоритет международных договоров закреплен в наиболее общей форме. При этом очевидно, что не любой международный договор должен иметь приоритет перед федеральным законом. Международные договоры различны по своему статусу и юридической силе. Соответственно, вводя их в правовую систему Российской Федерации, законодатель размещает их на различных иерархических уровнях нормативной системы.

От чего в каждом конкретном случае зависит иерархический уровень, на который должен быть помещен тот или иной источник международного права? С нашей точки зрения, от способа выражения согласия на обязательность международного договора для России. Общая закономерность здесь такова: иерархическое место каждого конкретного источника международного права в системе законодательства Российской Федерации должно предопределяться местом органа государственной власти в иерархии органов и (или) формой акта, посредством которого выражено согласие на обязательность для России соответствующего источника международного права. Так, над уровнем федеральных законов будут находиться международные договоры, согласие на обязательность которых для Российской Федерации выражено в форме федерального закона, над уровнем указов Президента будут находиться те, которые опосредованы Президентом, далее — Правительством и, наконец, — федеральными органами исполнительной власти.

Пятой формой выражения иерархического приоритета в большинстве случаев в статусном законодательстве является четкое определе-

ние видов нормативных правовых актов, которые вправе принимать тот или иной орган государственной власти.

Вместе с тем существует целый ряд нормативных правовых актов, утверждаемых постановлениями палат Федерального Собрания, указами Президента, постановлениями Правительства, актами федеральных органов исполнительной власти. Такими актами являются: положения, уставы, правила, инструкции, наставления, регламенты и др. Для определения иерархического места указанных актов необходимо выяснить, каким органом государственной власти он утвержден. В случае противоречия приоритетом будет пользоваться тот, который утвержден вышестоящим органом.

Шестой формой, посредством которой выражается иерархическая зависимость между нормативными правовыми актами, является установление перечня источников права в статьях, в которых перечисляются источники соответствующего законодательства.

Следует обратить внимание на то, что такие перечни выполняют двоякую роль. Во-первых, посредством них определяется круг источников права, относящихся к соответствующей отрасли законодательства. Во-вторых, законодатель стремится к тому, чтобы все источники в таких перечнях были расположены в порядке уменьшения их юридической силы, однако стремление законодателя обеспечить строгую иерархию в ряде случаев не может быть реализовано в полной мере в силу того, что отдельные источники, включаемые в такие перечни, могут иметь различную юридическую силу, соответственно, они должны быть расположены на различных ступеньках иерархической лестницы. К таким источникам, прежде всего, относятся международные договоры Российской Федерации, которые в одном случае должны располагаться перед федеральными законами, в другом — перед указами Президента РФ, в третьем — перед постановлениями Правительства РФ, в четвертом — перед актами федеральных органов исполнительной власти.

Сформулируем ряд выводов:

- иерархическая зависимость между нормативными правовыми актами может существовать только в том случае, когда она выражена в соответствующей правовой форме;
- существующее многообразие правовых форм выражения иерархической зависимости представляется не вполне обоснованным и нуждается в унификации;
- различные формы выражения иерархической зависимости нормативных правовых актов, в свою очередь, должны находиться в определенной иерархической зависимости. С нашей точки зрения, в иерархии рассматриваемых форм на высшем уровне должна быть формула «не должен противоречить».

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под иерархией источников права?
2. Каким образом иерархия источников права соотносится с понятиями «субординация», «приоритет» и «сподчиненность»?
3. Какие факторы оказывают влияние на построение иерархической структуры законодательства?
4. Чем обосновывается иерархический приоритет кодифицированных актов?
5. Каковы основные правовые формы выражения иерархической зависимости?

Тестовые задания

- 1) Сущность иерархической системы состоит:
 - a) в подчинении элементов нижестоящего уровня элементам вышестоящего уровня
 - b) в подчинении элементов вышестоящего уровня элементам нижестоящего уровня
 - c) во взаимодействии элементов нижестоящего и вышестоящего уровней
- 2) Иерархия и приоритет источников права соотносятся как:
 - a) равнозначные понятия
 - b) подчиненные понятия
 - c) пересекающиеся понятия
- 3) Какой орган государственной власти принимает акты, обладающие высшей юридической силой?
 - a) Президент Российской Федерации
 - b) Федеральное Собрание Российской Федерации
 - c) Правительство Российской Федерации
- 4) К факторам, влияющим на иерархию источников права, относятся:
 - a) правовая культура, правовое сознание, правовое воспитание
 - b) экономика, политика, религия
 - c) совместное нормотворчество, кодифицированный характер акта, надведомственный характер компетенции
- 5) Степень непосредственности выражения воли народа предполагает, что:
 - a) нормативный правовой акт, принятый в порядке непосредственной демократии (на референдуме), должен иметь приоритет перед актом, принятым в порядке опосредованной демократии
 - b) нормативный правовой акт, принятый в порядке непосредственной демократии (на референдуме), должен уступать акту, принятому в порядке опосредованной демократии
 - c) нормативный правовой акт, принятый в порядке непосредственной демократии (на референдуме), должен иметь одинаковую юридическую силу с актом, принятым в порядке опосредованной демократии
- 6) Иерархический приоритет совместно принятых актов обусловлен:
 - a) принятием субъектами такого нормотворчества взаимных обязательств по одностороннему неизменению совместно принятых актов

- b) особым порядком принятия таких актов
 - c) особой важностью актов, принятых совместно
- 7) Правовые формы выражения иерархии это:
- a) логико-языковые конструкции, при помощи которых законодатель устанавливает иерархическую зависимость между различными источниками права
 - b) процедуры принятия тех или иных источников права
 - c) внутренне строение системы законодательства
- 8) Для установления иерархического приоритета акта, принятого на референдуме, используется следующая правовая форма:
- a) не должен противоречить
 - b) установление обязательности одних актов по отношению к другим актам
 - c) установление особого порядка внесения изменения
- 9) Юридическая сила международного договора производна от:
- a) количества государств, принимавших участие в заключении международного договора наряду с Российской Федерацией
 - b) предмета международного договора, участником которого является Российская Федерация
 - c) способа выражения согласия на обязательность международного договора для Российской Федерации

Рекомендуемая литература

1. *Зивс С.Л.* Источники права / С.Л. Зивс. – М., 1981.
2. Иерархия и моделирование систем: философский и естественно-научный анализ: межвузовский сборник научных трудов. – Казань, 1989.
3. Иерархия моделей для управления развитием энергетики и методы согласования их решений / отв. ред. А.А. Макаров. – Иркутск, 1984.
4. *Месарович М.* Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – М., 1973.
5. *Миронов Н.В.* Международное право: нормы и их юридическая сила / Н.В. Миронов. – М., 1980.
6. *Поленина С.В.* Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С.В. Поленина, Н.В. Сильченко. – М., 1987.
7. *Тихомиров Ю.А.* Правовые акты: учебно-практическое и справочное пособие / Ю.А. Тихомиров, И.В. Котелевская. – М., 1999.
8. *Саати Т.* Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати. – М., 1993.
9. *Толстик В.А.* Иерархия российского и международного права / В.А. Толстик. – М., 2001.
10. *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права / В.А. Толстик. – Н. Новгород, 2002.

Раздел 6

ПРЕАМБУЛА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

6.1. Понятие и элементы преамбулы нормативного правового акта

Необходимость относительно самостоятельного лекционного ос­вещения преамбулы нормативного правового акта (далее — ПНПА)¹ обусловливается целым рядом объективных и субъективных факторов.

Налицо резкий рост числа нормативных правовых актов, которые содержат преамбулы. При этом их технико-юридическое оформление содержит существенные дефекты, а реальное применение неоптимально. Не только граждане, но и нормодатели слабо представляют при­роду ПНПА, их возможности в правовой системе общества.

В юридической науке и практике сложилась совершенно неоправданная недооценка роли и организационно-творческих возможностей преамбул нормативных правовых актов. Многие исследователи и практикующие юристы стоят на позиции — преамбула нормативного правового акта представляет собой его вспомогательный малозначи­мый элемент.

В недопустимо резкой форме и совершенно бездоказательно выступил по этому поводу И. В. Табарин. «Догматики дружно считают хорошим изобретением преамбулу к нормативно-правовым актам. Однако, как правило, в таком предисловии содержится именно лозунги, общие декларации, ничем не подкрепленные заявления, — пишет он. — Как доказательство бесполезности этого новообразования служит тот факт, что нет ни одного судебного решения, в котором суд сослался бы на преамбулу нормативно-правового акта». Конечный вывод автора обескураживает своей безапелляционностью: «Таким образом, преамбула фактически является лишним тестом, засоряю­щим документ и затрудняющим комплексное восприятие содержания

¹ В лекции использованы материалы монографии «Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики)», опубликованной автором совместно с Л. К. Лутовой в 2012 г. в Нижнем Новгороде.

всего нормативно-правового акта»¹. О глубокой ошибочности мнения этого «исследователя» свидетельствует, например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8 по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова², в котором при формулировании своих правовых позиций **четырежды** делается ссылка на преамбулы Конституции РФ, Конвенции о защите прав человека и основных свобод³, Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁴.

Нельзя забывать, что именно преамбулы нормативных правовых актов призваны нормативно отразить систему идеологических и ценностных оснований российской государственности. Речь не идет о формировании какого-то официального исчерпывающего перечня высших и конкретных ценностей. Имеется в виду практическое воплощение ценностей общества, личности и государства на уровне современной правовой политики. Преамбулы нормативных правовых актов — одна из высокозначимых форм реального выражения «ценностного пакета», обеспечивающего жизнеспособность государства и открывающего перспективы улучшения ценностного состояния российского общества. При этом преамбулы правовых актов позволяют адекватно отразить мировой юридический опыт формирования ценностных потенциалов государства. Нельзя забывать, что ПНПА — «канал» фиксации политики государства, субъектов Российской Федерации и иных участников правотворческого процесса.

Преамбула нормативного правового акта выступает своеобразным средством правового воспитания, методом повышения юридической культуры, и от того, как «сконструирован» этот технико-юридический элемент, зависит правовая активность граждан и их законных объединений, должностных лиц и органов государства.

ПНПА являются своеобразными вспомогательными «клапанами», которые при определенных обстоятельствах могут выступить средством преодоления юридических конфликтов, снизить социальную напряженность, усилить систему сдержек и противовесов, обеспечивающую баланс властей и облегчающую диалог государства с гражданским обществом.

Вызывает недоумение то обстоятельство, что многие крупные имеющие огромное социальное значение нормативные правовые акты, в том числе новейшие федеральные законы, кодексы, по непонятным

¹ Табарин И. В. Современная теория права: новый научный курс. М., 2008. С. 275.

² См.: Российская газета. 2012. 13 апреля.

³ См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 163.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 29, ст. 2757.

причинам не имеют преамбул. Неоправданно отсутствие преамбул у Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Водного кодекса РФ, Градостроительного кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, Кодекса торгового мореплавания, Таможенного кодекса РФ.

На этом фоне нонсенсом выглядят огромные по размеру и насыщенности самой разноплановой информацией преамбулы некоторых ведомственных нормативных правовых актов. Так, преамбула постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 21 октября 2010 г. № 133 «Об оптимизации противоэпидемической работы и утверждении формы акта эпидемиологического расследования очага инфекционной (паразитарной) болезни с установлением причинно-следственной связи»¹ занимает почти половину достаточно объемного документа.

ПНПА — одно из мощных и пока по-настоящему не оцененных *средств сохранения и обогащения* содержания права.

ПНПА может быть охарактеризована через систему следующих существенных для этого феномена признаков.

Первое. Преамбула — относительно самостоятельная *часть* структуры нормативного правового акта. И это не учебно-аксиоматичное суждение. Речь идет об уровне и качестве структурирования «материи» нормативного правового акта. Преамбула — не глава, не раздел, не статья, а именно часть документа, именуемого нормативным правовым актом.

Преамбула — особая часть нормативного правового акта не только потому, что она обладает относительной самостоятельностью в системе его элементов. Преамбула находится на одном структурном уровне с общей и особенной частями нормативного правового акта (там, где они выделяются). Даже в тех случаях, когда в нормативном правовом акте особенная часть не выделяется, преамбула сохраняется *на уровне макроэлементов* и никогда «не снижается», «не опускается» до уровня *микроэлементов* (разделов, статей, пунктов).

Второе. Преамбула нормативного правового акта — не просто и не только относительно самостоятельная часть документа — это *вводная часть*.

Коль скоро преамбула нормативного правового акта — вводная часть, то она должна иметь одинаковое отношение *ко всем остальным элементам* юридического документа, распространяться *на все* ее содержание, включая заключительные положения и даже реквизиты.

Нормодателю есть резон тщательно изучить роль введений и прединсловий в других сферах деятельности — литературе, журналистике, в системах связи и коммуникации — и попытаться обнаружить

¹ См.: Российская газета. 2010. 1 декабря.

то позитивное, что можно использовать для формирования преамбулы нормативного правового акта.

Третье. Преамбула — необходимый и потому обязательный элемент структуры нормативного правового акта. Качество нормативного правового акта напрямую зависит не только от содержания, но и от его структуры.

Считаем, что преамбула должна сопровождать каждый нормативный правовой акт. В частности, совершенно неоправданно отсутствие преамбулы у Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»¹. Закон представляет значительный общественный интерес, вызывает много дискуссий, и в преамбуле акта вполне можно было представить правовую позицию государства.

Неприемлемо официально выраженное мнение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, сотрудники которого утверждают, что преамбула законопроекта не является обязательной, не содержит самостоятельные нормативные предписания, легальные дефиниции, предмет регулирования и может быть структурной единицей только Конституции РФ².

Рекомендации Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ для всех «аппаратчиков» и депутатов представительных органов власти в субъектах Федерации традиционно расцениваются, как непререкаемый «закон», и, как правило, принимаются к исполнению.

В постановлении Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»³ установлено, что «положения нормативного характера в преамбулу не включаются». Сходную редакцию имеют многие региональные законы о нормативных правовых актах.

При таком подходе отношение законодателей к формулированию преамбул к федеральным законам и региональным нормативным правовым актам оказывается вполне предсказуемым, а если быть точным — поверхностным и несерьезным. При подготовке законодательного акта разработчики, формулируя преамбулу, нередко ограничиваются самыми общими, шаблонными положениями. Зачастую преамбула выглядит инородным «телом» в структуре нормативного правового акта, оторванным не только от «буквы», но и от «духа» закона.

¹ Российская газета. 2010. 3 декабря.

² Комментарий к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. М., 2005. С. 11.

³ Собрание законодательства РФ. 1997. № 33, ст. 3895.

Четвертое. Преамбула — такая необходимая и обязательная часть юридического документа, которая обладает *нормативностью*.

В действующем законодательстве России и зарубежных государств функционирует немало преамбул юридических актов, которые содержат конкретные правовые нормы. Чаще всего в преамбуле нормативного правового акта «размещаются» общие юридические нормы, на основе которых затем возникают и функционируют общие правоотношения, конструкция которых детально разработана Н. И. Матузовым и некоторыми другими учеными. В преамбулах нормативных правовых актов фиксируется немало и конкретных юридических норм.

Целая серия разноплановых конкретных юридических норм содержится в преамбуле совместного приказа Министерства экономического развития РФ, Министерства промышленности и торговли РФ, Министерства финансов РФ от 24 декабря 2010 г. № 678/1289/184 «О внесении изменений в порядок, определяющий понятие “промышленная сборка” моторных транспортных средств и устанавливающий применение данного понятия при ввозе на территорию Российской Федерации автокомпонентов для производства моторных транспортных средств товарных позиций 8701–8705 ТН ВЭД, их узлов и агрегатов»¹. С технико-юридической точки зрения, эта преамбула интересна тем, что содержит отсылку к приложению приказа, где дана развернутая дефиниция понятия «промышленная сборка» с четким императивом — понятие определяется согласно приложению № 2 к Порядку. Кроме того, преамбула приказа устанавливает детальные условия применения этой дефинитивной нормы. Можно спорить о целесообразности помещения этих юридических норм в особые приложения, но данный приказ именно таким образом нормативно изменил абзацы второй и третьей преамбулы документа.

Следующим прямым доказательством нормативности преамбул рассматриваемого вида актов является то, что их содержание и форма часто подвергаются самым разным *изменениям*.

Широко распространена практика изменений нормативных правовых актов посредством *изложения преамбулы в новой редакции*. Существуют разные способы обновления преамбул, но оптимальный вариант — представление новой цельной вводной части вместо «точечных вкраплений» отдельных фрагментов.

Дополнение преамбулы нормативного правового акта отдельными словами, словосочетаниями, цифровыми данными — еще одна высокозначимая разновидность ее изменения в актах как отечественного, так и международного права.

Замена слов и словосочетаний — интересная и перспективная форма изменения содержания преамбул нормативных правовых актов. На-

¹ Российская газета. 2011. 4 февраля.

пример, ст. 1 Федерального закона РФ от 28 ноября 2009 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Всероссийской переписи населения”» гласит: «Внести в Федеральный закон от 25 января 2002 г. № 8 “О Всероссийской переписи населения”¹ следующие изменения: 1) в преамбуле слова “федеральных информационных ресурсов, касающихся” заменить словами “официальной статистической информации, касающейся”»².

В данном случае налицо не просто и не только замена юридически значимого словосочетания: законодатель скорректировал, уточнил, какая именно информация имеется в виду при переписи населения. Он императивно сузил объем этой информации — вместо слишком широкого, почти необъятного понятия «федеральные информационные ресурсы» ввел более конкретную категорию «официальная статистическая информация».

Исключение из содержания преамбулы нормативных правовых актов тех или иных понятий и суждений также выступает доказательством реальной регулятивной силы рассматриваемого феномена.

О нормативности преамбул нормативных правовых актов убедительно свидетельствуют отнюдь не редкие факты официальной проверки их на соответствие Конституции РФ или федеральному законодательству. Например, решение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № АКПИ13–1165, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № АПЛ 14–66, имеет характерное название — «Преамбула постановления Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 “Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации” признана не противоречащей федеральному законодательству»³.

Неоспоримым и безусловным *практическим доказательством* нормативности преамбул нормативных правовых актов является уникальное в своем роде дело, рассмотренное Верховным Судом РФ, который 11 марта 2009 г. четко выразил свою правовую позицию и создал высокозначимый прецедент. Формулировка итогового решения высшей судебной инстанции «говорит» сама за себя — «Преамбула Инструкции о порядке возмещения ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья сотруднику органов внутренних дел, а также ущерба, при-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 4, ст. 252

² Парламентская газета. 2009. 4 декабря.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 12. С. 8

чиненного имуществу сотрудника органа внутренних дел или его близких, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 1999 г. № 805, в части ссылки на главу 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, признана не противоречащей Федеральному законодательству»¹. Для целей нашего исследования не столь важна фабула этого гражданского дела, сколько сам факт его рассмотрения Верховным Судом России. Ведь если преамбула оспариваемого документа не имела юридического значения, то у Верховного Суда РФ не было бы иного выхода, кроме отказа в принятии заявления А. А. Лескина. Проверка на соответствие федеральному законодательству преамбул нижестоящих нормативных правовых актов — доказательство нормативности рассматриваемого феномена.

Еще один аргумент — немало фактов, когда определенный период времени нормативный правовой акт «работает» без преамбулы, а затем он «оснащается» ею.

Совершенно очевидно: если бы преамбула нормативного правового акта была «декорацией», малозначимой технико-юридической деталью, то нормодатель не стал бы обременять себя ее «шлифовкой».

Более того, к сожалению, нередкие факты ликвидации преамбул некоторых нормативных правовых актов, пусть косвенно и в «отрицательном ключе», но свидетельствуют об их нормативном характере. Ведь если преамбула документа бесполезна, «мертва» и не участвует в правовом регулировании, то зачем ее устранять?

Верно, что необходимо, но недостаточно констатировать и аргументировать нормативный характер рассматриваемого феномена. Юридической науке и практике следует искать пути и средства охраны, укрепление и развитие нормативной природы преамбул юридических актов, особенно конституций.

Пятое. Преамбула нормативного правового акта — *центр саморегулирования, средство интеграции всех иных элементов*, образующих ее содержание и форму. Речь идет о том, что преамбулы нормативных правовых актов регламентируют не только юридически значимую деятельность, выступающую предметом конкретного документа, но и другие их части. Так или иначе, но преамбула нормативного правового акта — своеобразный *двойной* регламентатор. И это обстоятельство необходимо отнести к существенным признакам рассматриваемого юридического феномена.

Шестое. К особенностям преамбулы нормативного правового акта необходимо отнести *специфику ее языка*. Своеобразный, порой торжественный стиль, фразеологический пафос установлений и даже исторических справок свидетельствует об особой нормативности преамбул нормативных правовых актов.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5. С. 10–11.

Для доказательства специфики языка некоторых видов преамбулы подвергли филологическому (языковому), логическому, систематическому, телеологическому (целевому) анализу 34 действующие конституции государств Азии¹. Особенности языка этих актов обуславливаются целым комплексом национальных, географических, религиозных факторов, длительностью и остротой борьбы за независимость.

Преамбулы некоторых конституций (Королевства Бахрейн, Иорданского Хашимитского Королевства, Исламской Республики Иран, государства Кувейт, Объединенных Арабских Эмиратов, Султаната Оман, Лаосской Народно-Демократической Республики, Королевства Таиланд) содержат конкретные имена монархов, суверенов, султанов, королей, духовных лидеров.

Преамбулы Конституций отдельных мусульманских государств отличаются не только восторженными обращениями («Во имя Аллаха Всемилостивого, милосердного»), но и содержат, например, следующую языковую форму — «Слава Аллаху, Повелителю Миров. Благословение и мир господину пророков и посланников Мухаммеду (да благословит его Аллах и пошлет ему мир), всему его роду и сподвижникам»².

В преамбуле Конституции Социалистической Республики Вьетнам подробно описываются вехи революционной борьбы под руководством Хо Ши Мина.

Седьмое. Преамбулы нормативных правовых актов выполняют самобытные (до сих пор малоисследованные) функции — регулятивно-ориентационную, идеолого-воспитательную, программирующую, учредительную, информационно-познавательную, координационную, ограничительную, профилактическую. Содержание вышеобозначенных функций обусловлено *разнообразием видов ПНПА*.

По объему содержащейся информации можно выделить *развернутые* и *краткие* преамбулы нормативных правовых актов.

Так, преамбула Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»³ содержит всего три строки: «Настоящий федеральный закон устанавливает в соответствии с Конституцией Российской Федерации основания возникновения права на пенсию по государственному пенсионному обеспечению и порядок ее назначения».

¹ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010. Т. 1: Западная Азия; Т. 2: Средняя Азия и Индостан; Т. 3: Дальний Восток.

² Конституция Исламской Республики Афганистан // Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010. Т. 2: Средняя Азия и Индостан. С. 15. Аналогичная риторика в адрес Аллаха присутствует и в преамбуле Конституции государства Бруней Даруссалам.

³ Собрание законодательства РФ. 2001. № 51, ст. 4831.

Развернутой преамбула нормативного правового акта может считаться тогда, когда ее текст занимает не менее одной пятой части документа. Это количество мы называем на основе анализа преамбул 250 федеральных законов, принятых в России за последние пять лет. Она (цифра) отражает среднестатистическое положение — примерно одну пятую от общего объема нормативного правового акта занимали преамбулы 78% законов. Естественно, это условный ориентир, но лучше иметь его, чем не иметь никаких количественных представлений по этому поводу. К разряду развернутых вполне можно отнести преамбулу Конституции Демократической Республики Восточный Тимор от 20 мая 2002 г., которая содержит 11 крупных абзацев и насчитывает 2539 знаков¹. Преамбула Конституции Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. содержит 11 абзацев и насчитывает 2599 знаков². Преамбула Конституции Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. имеет 15 абзацев и насчитывает 5984 знаков³.

По структуре преамбулы нормативных правовых актов могут быть простыми и сложными.

К простым преамбулам можно отнести те вводные части нормативных правовых актов, которые состоят из одного-двух словосочетаний типового характера: «В целях совершенствования...», «В целях упорядочения...», «Во исполнение...».

К сложным преамбулам нормативных правовых актов относятся такие их вводные части, которые не только подразделяются на разноплановые нумеруемые абзацы, но порой формируются определенные разделы с конкретным названием. Так, преамбула Конституции Ливанской Республики от 23 мая 1926 г. (с последующими поправками) содержит 10 абзацев, выделенных буквами алфавита⁴.

Преамбула Конституции Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 г. имеет два крупных относительно автономных раздела «Начало движения» и «Исламское правление»⁵.

Восьмое. ПНПА вызывают разноплановые юридические последствия. В ряде ситуаций они выступают базой для конкретизации и иных форм совершенствования действующего российского законодательства. ПНПА зачастую выступают одной из *юридических основ* решений по конкретным гражданским, административным, уголовным делам. ПНПА — постоянный объект официальной и неофици-

¹ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010. Т. 3: Дальний Восток. С. 53–54.

² См. там же. С. 553–554.

³ См. там же. С. 224–226.

⁴ См. Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010. Т. 1: Западная Азия. С. 392.

⁵ См. там же. С. 234–236.

альной интерпретационной деятельности. Таким образом, ПНПА можно определить следующим образом: это вводная обязательная, неотъемлемая, специфически структурированная, изложенная своеобразным юридическим языком часть правового документа, обладающая нормативным характером, выступающая особым регулятором общественных отношений, центром саморегуляции и средством интеграции всех иных его элементов, выполняющая самобытные функции и вызывающая разноплановые юридические последствия.

Данная дефиниция является *сознательной идеализацией* существующего положения в юридической науке и практике. Сформулированное определение преамбулы нормативного правового акта — пока, скорее, желательное, нежели реальное научное описание рассматриваемого феномена. Но это отнюдь не означает полного отрыва доктринальных представлений автора от правовой действительности. Идеализация — вполне нормальный, традиционный и, пожалуй, один из вполне надежных путей реализации научных и учебных результатов.

Анализ действовавшего и действующего российского и зарубежного законодательства (трактуемого в самом широком смысле), исторической и современной юридической литературы позволяет обозначить шесть основных регулятивных элементов преамбул нормативного правового акта. Именно их можно и нужно официально «включить» в систему нормативно-правового обеспечения правотворческой деятельности. При этом принципиально важно подчеркнуть — эти элементы целесообразно размещать в преамбулах нормативных правовых актов именно в такой *последовательности*. Последовательность размещения вышеприведенных элементов также может существенно влиять на качество содержания и формы преамбул нормативных правовых актов.

Прежде всего, в преамбулу нормативного правового акта надлежит поместить *предмет регуляции* документа. Именно предмет регулирования нормативного правового акта должен выступить *первым элементом* его преамбулы. Только предмет регламентации сразу «вводит» всех заинтересованных лиц в круг конкретных юридических проблем.

Вторым элементом содержания преамбулы выступает *цель нормативного правового акта*.

Цель нормативного правового акта — *ключевой* элемент документа, и вряд ли есть резон объединять его с задачами. Думается, в преамбуле нормативного акта должна «размещаться» только его цель, а точнее — «древо целей». Что касается задач, то их лучше оформить отдельной относительно самостоятельной статьей, которую желательно поместить в тексте правового документа и лишь в том случае, если окажется недостаточно целевой характеристики.

В качестве третьего элемента преамбулы нормативного правового акта желательно поместить его *сферу действия*.

Сфере действия нормативного правового акта в преамбуле целесообразно посвятить отдельную статью либо даже относительно самостоятельный раздел. При этом оптимальный вариант ее технико-юридического построения выглядит следующим образом: формулирование всего двух абзацев.

Первый абзац должен содержать одно либо несколько «положительных» суждений, четко обрисовывающих круг тех отношений, которые входят в «орбиту» его функционирования.

Второй абзац посвящается конкретной фиксации тех отношений, на которые этот юридический акт не распространяется. Эти своего рода отрицательные суждения должны носить исчерпывающий характер, чтобы у всех субъектов права было четкое представление — кроме описанной нормодателем области запретного — вся остальная сфера регуляции разрешена.

Принципы регламентируемой деятельности — следующий четвертый необходимый элемент преамбулы нормативного правового акта. Нашей задачей не является анализ проблемы принципов права в целом — этому посвящено множество научных разработок как в теории государства и права, так и в отраслевой юридической литературе¹. Важнее доказать необходимость и практическую полезность размещения принципов регламентируемой нормативным правовым актом деятельности в его преамбуле и показать, как это сделать оптимальным образом.

Методологически важно определить — *принципы чего, какого рода (класса) принципы* могут и должны входить в преамбулу нормативного правового акта. Адекватный ответ на этот непростой вопрос следующий — в преамбуле нормативного правового акта должны получать

¹ Почти исчерпывающий по состоянию на 1 марта 2009 г. перечень работ по этой проблеме см.: Техника правотворчества. Ретроспективный библиографический указатель / авт. предисл. и сост. В. М. Баранов. М., 2010. Только в последние пять лет опубликованы следующие глубокие и неординарные исследования: *Ведяхин В. М.* Факторы формирования и реализации принципов права. Самара, 2005; *Нормография: теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие* / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2007. С. 37–49; *Принципы права: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции.* СПб., 2007; *Скурко Е. В.* Принципы права. М., 2008; *Еришов В. В.* Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Давыдова М. Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 36–37; *Земскова П. Е.* Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты* / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2010; *Чернобель Г. Т.* Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94; *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 123–143.

закрепление *принципы той деятельности*, которая составляет *предмет регламентации* документа. Трудность заключается в точном формулировании этих принципов, в логическом «выстраивании» их в преамбуле нормативного правового акта.

В отраслевой юридической науке и практике есть примеры как удачной, так и не вполне оправданной фиксации принципов предмета регламентации юридически значимой деятельности.

Выступая за фиксацию принципов в преамбуле нормативного правового акта, важно подчеркнуть, что успех здесь будет обеспечен лишь тогда, когда эти принципы будут формулироваться предельно четко, обладать понятными субъектам качественными и количественными характеристиками и при этом образовывать определенную систему.

Пятый желательный в содержании преамбулы нормативного правового акта элемент — *система используемых в нем дефиниций*. Именно дефиниций, а не понятий и терминов, как зачастую фиксируется в законодательных и иных юридических актах и отмечается в правовой научной и учебной литературе. В последние годы правовые, в особенности, законодательные дефиниции получили основательную научную разработку¹.

Анализ этих источников и действующего нормативно-правового материала свидетельствует, что нет никаких содержательных и технико-юридических препятствий для того, чтобы используемые в документах определения размещались в их преамбулах. При этом я разделяю позицию тех авторов, которые рассматривают зафиксированные

¹ См.: Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007; *Ант Л. Ф.* Дефиниции и право: монография. М., 2008; *Тихонова С. С.* Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций. Н. Новгород, 2008. С. 93–97; *Хайретдинова М. Д.* Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008; *Власенко Н. А., Стародубцев А. В.* Правила составления дефиниций // Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2009. С. 64–68; *Давыдова М. Л.* Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб., 2009. С. 118–147; *Турагин В. Ю.* Теория и практика использования законодательных дефиниций. М., 2009; *Ушакова Л. Н.* Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; *Демин А. В.* Нормы налогового права. Красноярск, 2010. С. 189–210; *Жильцов М. А.* Дефекты трудового права. Екатеринбург, 2010. С. 187–207; *Карташов В. Н., Бахвалов С. В.* Законодательная технология субъектов Российской Федерации. Ярославль, 2010. С. 103–104; *Миронов А. Н.* Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов. М., 2010. С. 123–125, 146–148; *Чиннова М. В.* Дефиниции в нормативных правовых актах. Киров, 2010.

в нормативных правовых актах определения *дефинитивными нормами права*.

В структуру преамбулы нормативного правового акта есть резон в качестве относительно автономного и самостоятельного *шестого элемента* включать раздел «*нормативные ссылки*».

Этот технико-юридический прием чаще всего используется в ведомственном нормотворчестве, но неплохо сделать его обязательным и максимально полно применять при подготовке и принятии нормативных правовых актов. Ныне такого рода информация обычно «вкрапляется» в сам текст документа, придавая ему нечитабельную форму. Кроме того, нередко эта информация носит выборочный, субъективный характер — она содержит указание лишь на некоторые исходные юридические документы.

В каком именно директивном источнике целесообразно закрепить предлагаемые нами элементы — это вопрос, который подлежит широкому обсуждению практикующих юристов и научной общественности. Естественно, лучше всего это кардинальное для всего правотворческого процесса решение поместить в давно готовящийся закон о нормативных актах (названия документа, как известно, предлагались самые разные). Нам представляется, что, учитывая многотрудную судьбу этого организующего документа, есть теоретический и, главное, практический резон поднять его «системообразующий статус». Думается, целесообразнее разработать и принять Кодекс о формах права в Российской Федерации¹. В данной лекции нет резона обсуждать «социальные роли» всех форм права — нас интересуют лишь нормативные правовые акты, а точнее, только их преамбулы. Полагаю, что кодекс — именно та форма упорядочения нормативного материала, которая позволяет тщательно и полно закрепить все необходимые части нормативного правового акта, включая преамбулу. В основном разделе Кодекса о формах права в Российской Федерации, посвященном нормативным правовым актам, станет возможным адекватно, развернуто закрепить все регулятивные элементы преамбулы.

Альтернатива места, роли и судьбы преамбулы нормативного правового акта предельно проста — либо она останется малоценным, малополезным, декоративным элементом юридического документа, либо официально преобразуется в *мощный регулятивный механизм*, направляющий и координирующий все остальные составляющие его части. Выбор, естественно, за политическим руководством страны и законодательным корпусом государства.

Ошибочно широко распространенное в юридической литературе мнение о том, что в преамбулу нормативного правового акта включа-

¹ Подробнее см.: *Баранов В. М.* Форма права // Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2002. С. 280.

ются мотивы ее принятия. Мотив принятия нормативного правового акта — не юридическое понятие. Выразить этот в значительной мере психологический феномен четкими правовыми формулами, опираясь при этом хоть на какие-то количественные параметры, невозможно. Вряд ли можно четко отграничить мотивы и намерения нормодателя. Вот почему представляется целесообразным не учитывать, не искать и не отражать в официальных юридических документах мотивы его принятия. Эффективность правовой регламентации, элементарные требования юридической техники требуют четкого определения необходимых и, главное, осязаемо-проверяемых элементов преамбулы нормативного правового акта.

6.2. Преамбулы нормативных правовых актов в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации

Первое упоминание о преамбулах удалось обнаружить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации”»¹.

В п. 8 документа разъясняется: «Исходя из смысла преамбулы и ст. 1 и 2 Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации”, гражданам не может быть отказано в приватизации занимаемых ими жилых помещений на предусмотренных этим Законом условиях, если они обратились с таким требованием». Тем самым Верховный Суд сформулировал вполне определенную принципиально правовую позицию: уяснение смысла основной содержательной части правового акта должно осуществляться в контексте положений его преамбулы. Более того, Суд признал за преамбулой правового акта функцию важного средства толкования содержания прав и обязанностей сторон правоотношения.

Аналогичной оказалась правовая позиция, обнародованная Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 14 ноября 1995 г. № 2506/96, по заявлению Международного центра Рерихов о признании недействительными п. 2–6 постановления Правительства РФ от 4 ноября 1993 г. № 1121 «О создании Государственного музея Н. К. Рериха»².

В ряде последующих постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации эта правовая позиция получила развитие: в концептуальном отношении преамбула и основная содержательная часть правового акта должны быть взаимосвязаны.

¹ URL: <http://www.mnogozakonov.ru/catalog/date/1993/8/24/2056/>.

² Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 45, ст. 4389.

Многие судебные решения свидетельствуют, что толкование преамбулы нередко имеет решающее значение при вынесении правоприменительного решения, а сама преамбула зачастую выполняет функцию средства нормативного закрепления изменений в законодательстве. Изучение ряда последующих судебных дел приводит к выводу: недооценка роли преамбул в организации законодательства приводит к нарушениям прав человека и излишним судебным тяжбам, неоправданным и неразумным организационно-материальным тратам.

Среди правовых актов Верховного Суда РФ последнего десятилетия существенное научно-практическое значение имеет постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июля 2000 г. № 53 о признании недействительными правовых актов, принятых по заявлению Ж. Г. Гавриленко.

Президиум Верховного Суда указал, что нижестоящие судебные инстанции пришли к ошибочному выводу в результате неадекватного толкования преамбулы распоряжения Правительства РФ от 15 июня 1999 г. № 942 в части слов «... до унификации таможенного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь»¹.

В данном деле преамбула не просто имела «нормативный» характер, но и обладала функцией нормы-отсылки к международному правопорядку.

Последние годы примечательны резким ростом судебных дел в судах общей юрисдикции, судьба которых в той или иной степени решалась посредством вовлечения преамбул в доказательственную базу. Например, подобных дел, по нашим подсчетам, Верховным Судом РФ в 2005 г. было рассмотрено 43, а в 2006 — уже 73. С определенной степенью условности они могут быть разделены на дела:

- а) в большей степени затрагивающие область гражданских и политических прав (например, в 2005 г. — шесть, а в 2006 — три);
- б) в основном касающиеся экономических и социальных прав (в 2005 г. — 13, в 2006 — 36);
- в) главным образом относящиеся к сфере государственного управления (в 2005 г. — 24, а в 2006 — 34).

Как свидетельствует статистика и изучение конкретных дел, наибольший количественный рост достигнут за счет дел второй категории, а абсолютное большинство таковых возникло ввиду осуществления мероприятий по «монетизации» натуральных льгот. В большинстве случаев заявители апеллировали к преамбуле известного Федерального закона № 122-ФЗ от 22 августа 2004 г., где говорилось: «Нормы настоящего Федерального закона должны реализовываться в соответствии с положениями, закрепленными в данной преамбуле, и не мо-

¹ Собрание законодательства РФ. 1999. № 25, ст. 3163.

гут использоваться для умаления прав и законных интересов человека и гражданина».

Совершенно очевидно, что преамбула рассматриваемого федерального закона по данной категории дел имела «нормативный характер», выполняя нормоустанавливающую функцию.

Специфика правоприменительных актов, принимаемых арбитражными судами, состоит в том, что в доказательственную базу широко вовлекаются ссылки на преамбулы правовых актов, принимаемых самими участниками гражданских правоотношений.

В целом исследование практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов свидетельствует: преамбула — необходимый структурный элемент нормативного правового акта и это обстоятельство немедленно обнаруживается, как только возникает проблема толкования и реализации данного акта.

6.3. Преамбулы нормативных правовых актов в практике конституционного правосудия Российской Федерации

Правовые позиции суда по вопросу о роли преамбулы были определены уже в первые годы его деятельности.

Перечень судебных решений открывает постановление от 13 марта 1992 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 г., Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 г. «О референдуме Татарской ССР», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 г. “О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан”¹. Изучение его содержания (в совокупности с другими результатами исследования) свидетельствует: основная функция преамбулы — быть средством уяснения и разъяснения смысла основной содержательной части правового акта.

В том же году было рассмотрено дело, известное как «Дело о КПСС». Решение по данному делу имело переломное значение в развитии отечественной государственности. В своем постановлении по данному делу Суд сконцентрировал внимание на преамбуле Указа Президента РФ от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР», в которой, в частности, отмечалось: «События 19–21 августа высветили со всей очевидностью тот факт, что КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации поли-

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 13, ст. 671.

тической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС. Руководящие структуры КПСС осуществляли свою собственную диктатуру, создавали за государственный счет имущественную основу для неограниченной власти». Содержание этой преамбулы было принято в качестве отправной точки, базовой позиции для оценки конституционности мер, принятых в отношении КПСС и КП РСФСР Президентом России.

Этот прецедент является наглядным подтверждением тезиса: преамбула правового акта может иметь основополагающее значение для уяснения содержания правоприменительного решения, иметь нормативный характер, выполнять нормоустанавливающую функцию.

В 1993 г. Конституционный Суд РФ рассмотрел еще два знаменательных дела, в материалах которых применялась преамбула правового акта.

Интереснейшим в научно-практическом отношении является дело «О проверке конституционности части второй п. 2 постановления Съезда народных депутатов Российской Федерации от 29 марта 1993 г. “О Всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума”»¹.

По этому делу Конституционный Суд России, не апеллируя к преамбуле правового акта, в частности, постановил: «Признать часть вторую п. 2 постановления Съезда народных депутатов Российской Федерации от 29 марта 1993 г. № 4684-1 не соответствующей Конституции Российской Федерации».

К иному выводу пришел судья Э. М. Аметистов, обосновавший его в своем Особом мнении ссылкой на преамбулу оспариваемого постановления Съезда от 29 марта 1993 г.

Из этого следует, что вовлечение в доказательственную систему толкования смысла преамбул правовых актов либо, напротив, исключение толкования преамбул из такой системы может повлечь различные, иногда противоположные правоприменительные решения.

6.4. Преамбулы нормативных правовых актов в практике международного европейского правосудия

Органы европейского правосудия, под которыми понимаются Европейская комиссия по правам человека (до вступления в силу Протокола 11 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) и Европейский Суд по правам человека, широко используют толкование преамбулы правового акта в качестве одного из существенных способов принятия решений по рассматриваемым делам.

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 18, ст. 653.

Интересно дело «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфейт (Clerfaüt) против Бельгии» (судебное решение вынесено 2 марта 1987 г.).

Из решения Суда усматривается, что заявители проживали в коммунах административного округа Аль-Вильворд. Данный округ входит в двуязычный брюссельский регион и избирательный округ Брюсселя. На прямых парламентских выборах в конце 70-х гг. прошлого века они были избраны в нем, соответственно, в Палату представителей (г-жа Матье-Моэн) и Сенат (г-н Клерфейт). В административном округе, где были избраны заявители, большинство составляло фламандское население, и он относился к ведению Фламандского совета, однако заявители не смогли войти в него, так как принесли парламентскую присягу на французском языке и, соответственно, вошли во франкоязычные, а не фламандские фракции палат.

Решение по делу было принято посредством толкования *преамбулы* Европейской конвенции о защите прав человека, где говорится, что соблюдение основных свобод зависит «главным образом от подлинно демократической системы». Франкоязычные избиратели округа Аль-Вильворд пользуются правом голоса и правом быть избранными на тех же законных условиях, что и избиратели, говорящие на фламандском языке.

По этим основаниям Суд вынес решение в пользу государства.

Обратимся к постановлению Европейского Суда по правам человека от 14 июня 2007 г. по делу «Пителин и другие (PitelinandOthers) против Российской Федерации» (жалоба № 4874/03).

Дело инициировано жалобой, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод четырьмя гражданами России. Они являлись сотрудниками открытого акционерного общества «Авиакомпания “Астраханские авиалинии”».

3 октября 2002 г. мировой судья шестого судебного участка Советского района г. Астрахани удовлетворил иски заявителей в отношении их работодателя, на которого была возложена обязанность выплатить им денежные средства в возмещение задолженности по заработной плате.

Президиум Астраханского областного суда отменил в порядке надзора судебные решения, принятые в пользу заявителей, и направил их дела на новое рассмотрение. При этом судебный орган надзорной инстанции отметил, что мировым судьей была допущена ошибка в применении норм материального и процессуального права.

Заявители утверждали, что отмена вступивших в законную силу судебных решений непоправимо нарушила принцип правовой определенности и лишила их права на получение средств, которые причитались им на законных основаниях.

Решение в пользу заявителей принято посредством толкования преамбулы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

По данному делу, как и по ряду других дел, рассмотренных российским правоприменителем, толкование преамбулы имело основополагающее значение.

Результаты исследования европейской судебной практики доказывают, что преамбула Европейской конвенции 1950 г. имеет важнейшее значение для формирования ряда правовых позиций Суда (например, дело «Паролов против Российской Федерации»).

6.5. Преамбулы нормативных правовых актов в практике Международного Суда ООН

Некоторые правовые акты Международного Суда едва ли не полностью облечены в форму преамбулы. Таковым, например, является постановление от 30 января 2001 г. по делу, касающемуся вооруженных действий на территории Конго («Демократическая Республика Конго против Руанды»).

Материалы этого и других дел, находившихся в производстве Международного Суда, свидетельствуют, что существует такая необычная, с точки зрения внутригосударственных законодателя и правоприменителя, разновидность преамбул, как преамбулы-решения. Такие преамбулы выполняют непосредственно нормоустанавливающую функцию. И это соответствует компетенции и технико-правовым особенностям деятельности главного органа международной судебной системы.

Практика Международного Суда свидетельствует также о том, что существуют преамбулы-отсылки. Примером может служить Консультативное заключение от 13 июля 1954 г. «Присуждение компенсаций Административным Трибуналом Организации Объединенных Наций».

Любопытны материалы дела по Консультативному заключению от 8 июля 1996 г. «Относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения». Примечательно, что в тексте Консультативного заключения отсутствуют ссылки и анализ положений преамбул международно-правовых актов. В результате Международный Суд ООН пришел к крайне опасному выводу: применение ядерного оружия, в принципе, допустимо «в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства». Иным оказалось «несовпадающее особое мнение» судьи Международного Суда М. Шахабуддина: применение ядерного оружия недопустимо при любых обстоятельствах.

Такое мнение обосновано посредством вовлечения в процесс аргументации толкования преамбул международно-правовых актов.

В частности, судья сослался на Декларацию Ф. Мартенса, впервые включенную в текст *преамбулы* 3-й Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Там говорится: «в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Комментарий судьи: «оговорка Ф. Мартенса является нормой международного договорного права, а значит — имеет нормативный характер, в ней содержится определенная норма поведения государств».

6.6. Реализация преамбул нормативных правовых актов в конкретных актуальных сферах общественной жизни

Может возникнуть вопрос, для чего в исследовании преамбул нормативных правовых актов по теории государства и права переходить к конкретным областям юридической деятельности — защите прав человека, кодификации, борьбе с коррупцией и терроризмом; почему ПНПА надо «привязывать» именно к этим сферам правовой практики?

Поступить именно таким образом целесообразно в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, «привязка» проблематики преамбул нормативных правовых актов к этим сферам юридической действительности наглядно демонстрирует *практическую* ценность этого феномена. По сути, весь вышеизложенный аналитический материал свидетельствует о том, что преамбулы нормативных правовых актов — не пустая и бесполезная общетеоретическая абстракция, не просто один из многих формализованных приемов юридической техники. ПНПА, а реально «работающий» юридический механизм, активно функционирующий юридический инструмент.

Во-вторых, при таком подходе рельефно демонстрируется, что преамбулы нормативных правовых актов применяются не в каких-то «периферийных» областях юридической жизни. Они распространяют свое действие, свое правовое влияние на самые *актуальные*, самые острые в социально-политическом смысле сферы юридической действительности. Можно, конечно, взять и иные области социальной жизни, где налицо сильное влияние ПНПА, но вряд ли они окажутся актуальнее и сложнее выбранных для общеправового анализа в настоящей лекции.

Практически каждый международный кодекс имеет преамбулу. Иная юридическая практика сложилась в России, где существует 20 кодексов, но многие из них не имеют преамбулы.

Так, Налоговый кодекс начинается непосредственно со ст. 1 «Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах, законодательство субъектов Российской Федерации о налогах и сборах, нормативные правовые акты представительных органов муниципальных образований о налогах и сборах». В таком контексте примечательно Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2005 г. № 289 «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Законодательного собрания Красноярского края и Совета администрации Красноярского края о проверке конституционности п. 5 ст. 1 и подп. 3 п. 3 ст. 346²⁶ Налогового кодекса РФ»¹, из содержания которого следует, что в случае, если бы в тексте Налогового кодекса присутствовала преамбула, то мог бы быть иной вариант решения по рассмотренному делу.

Гражданский кодекс РФ — важнейший правовой акт, закрепляющий новый экономический уклад в истории Отечества, — тоже не содержит преамбулу.

В Кодексе внутреннего водного транспорта РФ вообще отсутствуют положения, которые имеют какое-то отношение к преамбуле. Авторы Водного кодекса не только не сочли нужным сконструировать текст преамбулы, но даже не включили указание на задачи и цели Кодекса в основную содержательную часть этого важного нормативного акта.

Градостроительный кодекс не располагает преамбулой, но на роль таковой может претендовать содержание его ст. 2 «Основные принципы законодательства о градостроительной деятельности».

В таких условиях, как ни парадоксально, на роль своеобразной преамбулы могут претендовать доктринальные комментарии к общим положениям кодификационных актов.

Изучение в технико-юридическом аспекте указанных и других российских кодексов выявляет отсутствие у отечественного законодателя системного понимания научно-практической ценности преамбул правовых актов: в некоторых кодексах преамбула формально присутствует, в других ее нет, в третьих на роль преамбулы в той или иной степени претендуют установления, содержащиеся в основной содержательной части.

Присутствие преамбулы в кодексе — политико-воспитательная целесообразность и юридическая необходимость. Для того чтобы преамбула кодекса в полной мере выполняла не только нормоустанавливающую, но также и научно-практическую функцию, выступая в качестве эффективного средства обеспечения добровольности исполнения закона, она должна обязательно присутствовать в тексте такого высокозначимого правового акта, каковым является кодекс.

Научно-практическая ценность преамбул нормативных правовых актов в сфере защиты прав человека четко проявилась еще в англий-

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6.

ской «Великой хартии вольностей» 1215 г. Хотя это правовой акт давно минувшей эпохи, из содержания его преамбулы следовало, что в обществе того времени назревало понимание необходимости обеспечить минимальный объем предоставляемых прав и свобод с тем, чтобы ограничить сферу возникновения возможных социальных потрясений.

Логическим продолжением развития идей о правах человека на внутригосударственном уровне выступают преамбулы таких важнейших правовых актов, как Декларация независимости США (1776), Конституция США (1787), американский Билль о правах (1789–1791). Особо важное значение имеет французская Декларация прав человека и гражданина (1789).

Основы международно-признанной теории прав человека были заложены в 1945 г. принятием Устава Организации Объединенных Наций. Изучение преамбул международно-правовых актов позволило подтвердить и развить высказанное в научной литературе мнение (А. В. Мелешников), что права человека — это такие стандарты демократии, без соблюдения которых невозможно бескризисное развитие конкретного государства и всего международного сообщества в целом.

Иллюстрацией непреходящей значимости преамбул правовых актов может служить история систематизации международных норм, регламентирующих права ребенка.

Преамбула Декларации прав ребенка 1959 года, как известно, содержала определение понятия «ребенок». Именно это понятие послужило началом длительных теоретических дебатов, ставших причиной затянувшегося пути к принятию Конвенции о правах ребенка (1989). Данные обстоятельства, иллюстрируя высокую степень научно-практической ценности преамбул правовых актов, вновь подтверждают: преамбулы имеют нормативный характер.

Результаты исследования преамбул правовых актов правозащитной направленности позволяют прийти к выводам:

- преамбула — это концентрированное выражение концепции правового акта;
- если в правовом акте отсутствует преамбула, то это один из признаков отсутствия адекватной концепции данного акта;
- если при формулировании преамбулы допущены неоправданная схематичность, противоречивость, то это, как правило, свидетельствует о наличии дефектов в основной содержательной части правового акта.

Специфика функционирования ПНПА в сфере противодействия коррупции становится очевидной при анализе генезиса развития антикоррупционных идей, закрепленных в преамбулах правовых актов.

Коррупционная преступность длительное время профессионально интересовала только специалистов уголовного права и была предметом

озабоченности отдельных государств. Коррупция стала приобретать международную окраску лишь в начале 90-х гг. XX в.

Пионерами в понимании того, что коррупционная преступность имеет общеправовой и международный характер, стали государства — члены Организации Экономического Сотрудничества и Развития (далее — ОЭСР). 23 мая 1994 г. ОЭСР приняты Рекомендации по мерам борьбы со взяточничеством в международных деловых операциях.

В преамбуле Рекомендаций, с одной стороны, было обращено внимание на то, что взяточничество получило широкое распространение при осуществлении международных деловых операций, в связи с чем возникают серьезные моральные и политические проблемы, происходит искажение условий международной конкуренции.

Межамериканское соглашение против коррупции принято 29 марта 1996 г. Оно оказалось первым международным договором, в *преамбуле* которого получили развитие важнейшие теоретические идеи, закрепленные в Рекомендациях ОЭСР.

Преамбула Межамериканского соглашения признала, что коррупция подрывает легитимность общественных институтов власти, наносит удар по обществу, наносит вред моральному облику общества и правосудию, а также всестороннему развитию народов. Напротив, борьба с коррупцией укрепляет демократические институты, предотвращает дисбаланс в экономике, профилактирует нарушения в государственном управлении.

Не случайно в основную содержательную часть Межамериканского соглашения были включены весьма необычные для правопорядков многих государств положения (презумпция виновности должностного лица, которое не в состоянии объяснить происхождение своих доходов).

Инициатива стран ОЭСР поддержана государствами — членами Совета Европы и Европейского Союза. В рамках Совета Европы создана Междисциплинарная группа по коррупции. Эксперты группы к 1995 г. разработали Программу борьбы с коррупцией. Она одобрена Комитетом Министров Совета Европы в 1996 г. В соответствии с идеями, отраженными в *преамбуле* Программы, Комитет Министров Совета Европы в 1997 г. приняты Двадцать руководящих принципов по борьбе с коррупцией.

В преамбуле уже к этому правовому акту Комитет Министров подтвердил основную концепцию Программы действий против коррупции: «Коррупция представляет серьезную угрозу основным принципам и ценностям Совета Европы, подрывает веру граждан в демократию, разрушает правление закона, составляет нарушение прав человека и препятствует социально-экономическому развитию, а борьба против коррупции должна быть междисциплинарной».

Идеи, сформулированные в преамбуле Двадцати руководящих принципов, получили признание и дальнейшее развитие в ряде европейских антикоррупционных правовых актов (Уголовно-правовая конвенция о борьбе с коррупцией Совета Европы, принятая 27 января 1999 г., Дополнительный протокол к этой Конвенции от 15 мая 2003 г., Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г., Модельный кодекс поведения публичных должностных лиц, принятый в Совете Европы 11 мая 2000 г.).

В феврале 1994 г. офисом ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности завершена разработка Глобальной программы против коррупции. Во исполнение Глобальной программы 16 декабря 1996 г. принимается Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях.

Генеральная Ассамблея ООН приняла 12 декабря 1996 г. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц. Теоретические положения его преамбулы оказались согласованными с идеями Межамериканского соглашения против коррупции от 29 марта 1996 г.

31 октября 2003 г. Генеральной Ассамблеей принят и открыт для подписания текст Конвенции ООН против коррупции. Из смысла преамбулы Конвенции явствует понимание того, что коррупция — опаснейшее социальное явление, убивающее веру людей в демократию, дестабилизирующее экономические и политические системы государств.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что:

- преамбула нормативного правового акта — такая часть правового акта, в которой в концентрированном виде выражен результат познания объективных закономерностей, существующих в сфере конкретных общественных отношений;
- характер преамбулы произведен от качества познания соответствующих закономерностей и предопределяет особенности основной содержательной части правового акта;
- в правовой системе России до сих пор отсутствует полноценный пакет законодательных актов и мер в сфере противодействия коррупции, что свидетельствует об игнорировании российским законодателем антикоррупционных идей, сконцентрированных в преамбулах общепризнанных международных правовых актов.

Изучение творчески-организующей роли ПНПА в сфере противодействия терроризму позволяет констатировать, что антитеррористическая деятельность государств активизировалась в начале 80-х гг. прошлого века. Одновременно соответствующая работа началась в структурах ООН.

В 1972 г. на 2114-м пленарном заседании Генеральная Ассамблея приняла Резолюцию 3034 (XXVII). В соответствии с *преамбулой* данной резолюции учрежден Специальный комитет по вопросам международного терроризма.

15 декабря 1976 г. принята резолюция Генеральной Ассамблеи относительно разработки конвенции по вопросу о захвате заложников. Однако из содержания *преамбулы* данной резолюции Генеральной Ассамблеи следовало, что международное сообщество еще не готово к принятию единой конвенции о противодействии терроризму.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1997 г. утверждена Декларация, дополняющая Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. В текст *преамбулы* новой Декларации включены новые положения научно-практического характера: методы и практика террора, где бы и кем бы они не осуществлялись, угрожают территориальной целостности и безопасности государств; лицам, виновным в совершении актов терроризма, недопустимо предоставлять статус беженца; деяния таких лиц не должны рассматриваться в качестве политических преступлений, в качестве обстоятельства, препятствующего выдаче.

Терроризм стал предметом озабоченности Совета Безопасности ООН с начала 90-х гг. XX в. Резолюцией 1269 (1999), принятой 19 октября 1999 г., Совет Безопасности призвал страны к сотрудничеству с целью предотвращения *всех* террористических актов. Судя по *содержанию преамбулы* резолюции, было расширено представление об опасности терроризма и способах борьбы с ним.

В научно-практическом плане весьма значимой представляется *преамбула* Резолюции 1373. Она принята Советом Безопасности 28 сентября 2001 г. В *преамбуле* сформулирована новая идея: причиной увеличения в различных регионах мира числа актов терроризма является нетерпимость или экстремизм.

Важным этапом реализации идей, закрепленных в *преамбулах* международно-правовых актов, стало завершение разработки экспертами Совета Безопасности и принятие Генеральной Ассамблеей 8 сентября 2006 г. Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, а также завершение составления специалистами Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН «Справочника по передовым практикам противодействия терроризму».

В России пакет антитеррористического законодательства формировался крайне медленно. В 1990 г. на территории Северо-Кавказского региона был совершен ряд террористических актов с захватом заложников. И только 25 июля 1998 г. принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом».

Террористический акт в г. Беслане Республики Северная Осетия — Алания 1–3 сентября 2004 г. стал самым трагическим событи-

ем новейшей истории России, но только 6 марта 2006 г. был принят ныне действующий Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹. Надо с сожалением признать, что далеко не все идеи преамбул международно-правовых актов оценены и используются в российском законодательстве.

Заключая лекцию, можно указать на дальнейшие направления исследования ПНПА.

Ждет своего исследователя крупная проблема истории появления преамбул нормативных правовых актов, закономерностей их развития в различных государственных образованиях прошлого.

Учитывая многообразие ведомственных, в том числе в сфере деятельности ОВД, нормативных правовых актов (приказы, инструкции, правила, наставления, уставы), необходим научный поиск объективных критериев целесообразности либо нецелесообразности «снабжения» их преамбулой.

Юридической наукой и практикой не только не решен, но даже и не поставлен с надлежащей остротой вопрос о существовании конфликтов преамбул нормативных правовых актов различной юридической силы. Встречаются коллизии между преамбулами нормативных правовых актов и преамбулами иных юридических документов (правоприменительных, интерпретационных). Соответственно, стоит непростая задача их своевременного выявления и законного разрешения. Не менее важно с общетеоретических позиций исследовать причины появления конфликтов между преамбулами юридических документов, что может способствовать созданию единого непротиворечивого правового пространства Российского государства.

Требует специального исследования вопрос об особенностях нарушения предписаний и установлений преамбулы нормативного правового акта и целесообразности введения специфических мер юридической ответственности за этот вид противоправной деятельности.

В 2020 году преамбула Конституции России изменению не подверглась, хотя предложений по этому поводу в научной и публицистической печати было много: остается сожалеть что они оказались «информационным шумом».

Надо признать, что преамбула любой Конституции (и Основной закон России в этом ракурсе не исключение) по сравнению с другими ее элементами отличается декларативностью. В связи с этим стоит задача, чтобы внесенные в Конституцию России в 2020 году изменения стали основой для разумной конкретизации и приближении этих новелл и установлений преамбулы к нормам прямого действия.

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение понятию «преамбула нормативного правового акта».
2. Какие основные элементы могут и должны образовать содержание преамбулы нормативного правового акта?
3. В каких формах преамбулы нормативных правовых актов применяются в юридической практике?

Тестовые задания

- 1) Преамбула нормативного правового акта представляет собой:
 - a) относительно самостоятельную вводную часть документа
 - b) не обладающую самостоятельностью часть документа
 - c) относительно самостоятельную заключительную часть документа
 - d) самостоятельную часть впервые принимаемого документа
- 2) Классификация преамбул нормативных правовых актов по объему содержащейся информации позволяет выделить:
 - a) точные и неточные преамбулы нормативных правовых актов
 - b) простые и сложные преамбулы нормативных правовых актов
 - c) полные и неполные преамбулы нормативных правовых актов
 - d) развернутые и краткие преамбулы нормативных правовых актов
- 3) Содержатся ли в постановлениях Конституционного Суда России ссылки на преамбулы законов?
 - a) преамбула не содержит юридических норм и потому ссылки не нужны
 - b) поскольку только на основании преамбул закона никакое судебное решение вынесено быть не может, постольку Конституционный Суд России не ссылается на них
 - c) преамбулы законов носят нормативный характер, имеют прямое действие и потому Конституционный Суд России при мотивировке своих решений нередко ссылается на них
 - d) преамбула содержит юридические нормы, на которые недопустимо ссылаться

Рекомендуемая литература

1. *Артемьева Р.В.* Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Р.В. Артемьева. – М., 2007.
2. *Баранов В.М.* Преамбула нормативного правового акта (доктрина, практика, техника): монография / В.М. Баранов. – М.: Юрлитинформ, 2014.
3. *Чернобель Г.Т.* Подготовка преамбул нормативных правовых актов / Г.Т. Чернобель // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. – М., 2011.
4. *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. – М.: Юстиция, 2017. – С. 336–359.

Раздел 7

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

7.1. Понятие юридической терминологии

Любая информация существует не иначе как в языковой форме. В широком смысле под языком понимают систему знаков (звуков, символов, рисунков и т.п.), с помощью которых передается информация. В этом значении говорят о человеческом языке, языке животных, пчел, языке программирования и т.д. В узком смысле слова язык — система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей.

Правовая информация может фиксироваться в двух языковых формах:

- в словесных символах, в том числе юридической терминологии;
- в несловесных символах (жесты, действия, графики, таблицы, рисунки и др.), в том числе правовых символах¹.

Язык юристов подразделяют на три вида: язык доктрины, т.е. правовой науки, язык юридических документов и юридический разговорный язык. Для указанных разновидностей языков характерно наличие единства, различия и взаимовлияния.

Единство состоит в том, что данные языки базируются на одном этническом языке и относятся к области государственно-правовых явлений. Различия предопределяются как целевым предназначением, так и функциональной направленностью и выражаются в лексической, морфологической и синтаксической специфике.

Для языка юридической науки характерны большая сложность, употребление специальной научной терминологии, в том числе латинской (*de lege ferenda*, *reformatio in peius* и др.).

В числе особенностей языка юридических документов называют: сухость изложения, сознательный отказ от элементов художественной речи, стремление к точности и однозначности выражения и т.п. Для языка закона — наиболее значимой разновидности данной группы — свойственны также безличность изложения, отсутствие личных местоимений первого лица, безадресность высказываний и другие специфические особенности.

¹ Подробнее о правовых символах см. раздел 10 данного издания.

Разговорный же язык юристов характеризуется более свободным употреблением обыденных слов и выражений («сидеть в процессе», «посадить в тюрьму» и т.д.).

Язык юридической науки, язык юридических документов (закона) и разговорный юридический язык оказывают взаимное влияние друг на друга. Так, одной из основных целей языка доктрины является формирование на его основе языка юридических документов (закона), функционирующего в соответствии с установленными наукой требованиями. Сформировавшись и официально закрепившись, законодательный язык дает материал для новых научных исследований, посвященных как содержанию, так и форме языка юридических документов. Очевидно, что юридический разговорный язык, вместе с разговорным языком в целом, служит источником для становления как доктринального, так и языка юридических документов. Наконец, доктринальный язык и язык закона в совокупности помогают в развитии и укреплении юридического разговорного языка¹.

Наиболее значимым компонентом юридического языка является *юридическая лексика* — словарный состав современного языка (общепотребительные слова, терминологический фонд со всеми его профессиональными разновидностями, просторечная лексика, ее жаргонный пласт, различные архаизмы и неологизмы), которым пользуются ученые-правоведы и юристы-практики.

«То, что именуется “юридическим языком”, — отмечает Имре Сабо, — в сущности, есть не что иное, как обычный язык, дополненный специальными выражениями, техническими терминами, т.е. такой язык, который более точно употребляет выражения, встречающиеся в повседневной жизни»².

Наиболее значимым элементом юридической лексики является *юридическая терминология*.

Под *терминологией* понимается область лексики, совокупность терминов определенной отрасли науки, техники, производства, области искусства, общественной деятельности, связанная с соответствующей системой понятий.

Термин — это слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п.³

¹ См.: Турагин В. Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002. С. 12.

² Сабо И. Социалистическое право: пер. с венг. М., 1964. С. 245–246.

³ См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4. С. 357; Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 1318.

Что же понимается под юридическим термином? Для ответа на этот вопрос необходимо выделить основные признаки данного понятия и сформулировать его определение.

1. *Юридический термин* — это разновидность слов или словосочетаний.

Под словом понимается единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок. Словосочетание определяется как сочетание двух или нескольких слов, объединенных подчинительной связью.

Все слова и словосочетания можно разделить на две группы: слова-термины и слова-нетермины. Любой термин является словом или словосочетанием, но не любое слово или словосочетание является термином. Словом-термином может быть только специальное слово или словосочетание. При этом специальный характер слова или словосочетания проявляется в двух аспектах: количественном и качественном.

Говоря о первом аспекте, следует иметь в виду, что вся совокупность слов делится на знаменательные и служебные. Знаменательные слова обозначают определенные понятия. К ним относят такие части речи, как существительное, прилагательное, глагол, наречие. Служебные слова служат для связи слов между собой (союз, предлог, частица, артикль и др.). Термином, в том числе и юридическим, могут быть только знаменательные слова.

Качественный аспект специального характера слова обусловлен многими факторами, в том числе многозначностью слов. В обыденном языке слово может иметь несколько значений. Например, слово «делка» употребляется в двух значениях: 1) договор о выполнении чего-нибудь; 2) неблагоприятный, предосудительный стговор¹. Аналогичный юридический, равно как и любой иной термин, должен иметь одно строго определенное значение. Так, термин «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» (ст. 153 ГК РФ). Заметим, что отдельные авторы (В. Ю. Туранин и другие) этот аспект — однозначность термина — выделяют в качестве самостоятельного признака юридического термина.

В этом смысле можно сказать, что термин — это слово или словосочетание, употребленное в *одном строго определенном значении*, однако это лишь общее правило (требование). Отклонение от него в юридической науке хотя и является нежелательным, но вместе с тем достаточно широко распространенным явлением. В этой связи, не без сожаления, следует отметить, что отдельные ученые, забывая об условности любой терминологии, вместо глубокого исследования реально существующих государственно-правовых явлений, подменяют их на-

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 707.

учный анализ бесконечными спорами о терминах. Это не конструктивно. Что касается действующего законодательства, то и здесь имеют место отступления от требования однозначности. Подробнее об этом речь будет идти в третьем вопросе лекции (см. параграф 7.3).

Для юридического термина наряду со смысловой однозначностью характерна стилистическая нейтральность. В нем не должно быть экспрессивности, эмоциональной окрашенности при обозначении предмета, как это имеет место, например, в случае со вторым значением слова «делка».

Иногда утверждается, что в отличие от слов общего языка, термины не связаны с контекстом. Этот тезис можно рассматривать как общее правило, однако из него есть исключения, иллюстрация которым будет дана во втором вопросе.

Таким образом, можно сделать вывод — все слова и словосочетания, относящиеся к юридической лексике, могут быть разделены на две группы: юридические термины (слова, имеющие одно строго определенное значение) и нетермины (слова, выполняющие функцию связующих элементов, т.е. обеспечивающие смысловую целостность научного текста и текста юридических документов, включая логические связи между отдельными терминами).

2. Юридический термин служит для наименования определенного понятия.

Для раскрытия данного признака, прежде всего, необходимо обратить внимание на соотношение слов «термин» и «понятие». Вопрос этот не простой. Его сложность обусловлена тем, что термин — это категория лингвистики, а понятие — категория логики. При этом в каждой из названных наук существует свой понятийно-категориальный аппарат, который не в полной мере коррелирует с аппаратом других наук.

В логике понятие определяется как форма мышления, в которой отражаются и фиксируются существенные признаки одного предмета или класса предметов¹. В структуру понятия входит имя, объем и содержание.

Имя понятия — это слово или словосочетание, с помощью которого обозначается предмет или группа предметов.

Объем понятия — совокупность (количество) предметов, на которые распространяется данное понятие.

Содержание понятия — совокупность существенных признаков предметов, входящих в объем данного понятия.

Возьмем понятие «закон». Именем данного понятия будет слово «закон». Объем понятия — все законы, действующие и действовавшие в нашем государстве или любом ином. Содержание данного понятия — правовой акт высшей юридической силы, принятый высшими

¹ Под предметом в данном случае понимается все то, на что направлена в данный конкретный момент времени мысль.

представительными (законодательными) органами государственной власти или на референдуме и регулирующий наиболее важные общественные отношения (в данном случае понятие закона дано в узком смысле этого слова).

Нетрудно заметить, что термин (слово «закон») — это не что иное, как имя понятия. Именно поэтому мы говорим, что термин служит для наименования понятия.

Узнать значение термина — значит «определить содержание понятия, соотносимого с данным термином, выявить наиболее важные, существенные признаки, выделяемые в обозначаемых понятием однородных предметах и явлениях»¹.

Сказанное позволяет сделать вывод, что соотношение юридического понятия и юридического термина есть не что иное, как соотношение содержания и формы. Термин — это внешнее выражение содержания, т.е. строгого лексического значения слова, обобщенно отражающего наиболее существенные признаки предметов.

Большое значение имеет правильное определение объема понятия «юридический термин». Следует ли к юридическим терминам относить все термины, используемые в юридической науке и практике (общеупотребительные, специальные неюридические и специальные юридические), или только специальные юридические? В правовой литературе по этому вопросу представлены различные точки зрения. Большинство ученых исходят из широкого понимания юридической терминологии. Противоположную позицию занимает В. Ю. Туранин, считающий, что «широкое понимание нивелирует одно из основных свойств, характеризующих юридические термины, — связь с юридическими понятиями. Юридические термины составляют лишь одну из групп терминов, используемых в языке законов»². Иначе говоря, по его мнению, юридическими терминами являются только те слова и словосочетания, которые обозначают сугубо правовые понятия. Такой подход, безусловно, имеет право на существование. Однако он существенно ограничивает предмет исследования. За рамками анализа оказываются все иные термины, используемые в юридической науке и практике. Кроме того, он игнорирует сложившуюся в отечественной юридической науке научную традицию, в силу которой к правовым явлениям относят не только сугубо правовые, но и все иные явления, вовлеченные в орбиту права. Так, правовыми отношениями признаются любые общественные отношения, урегулированные нормами

¹ Квитко И. С. Термин в научном документе. Львов, 1976. С. 10; *Реформатский А. А.* Термин как член лексической системы языка. М., 1968.

² Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: монография. М., 2010. С. 40.

права, а не только собственно правовые. То же можно сказать о юридических документах, нормах права, юридических фактах, правовых состояниях и т.д. Следовательно, юридический термин — это любой термин, используемый в юридической науке и практике.

3. *Юридический термин создается посредством особой совокупности способов.* Термины могут создаваться путем наделения особым смыслом общеупотребительного слова, заимствования термина из другой терминологической системы (в том числе иноязычной), образования нового слова или словосочетания.

В соответствии с этим выделяют три основных способа образования юридических терминов: 1) терминологизация; 2) транстерминологизация; 3) создание нового слова или словосочетания.

Терминологизация — это наделение общеупотребительного слова или словосочетания особым правовым значением. Субъект терминологизации может использовать либо одно из существующих в обиходном языке значений слова или словосочетания («работник», «вещь», «имущество»), либо наделить общеупотребительное слово или словосочетание дополнительным сугубо правовым смыслом. Так, слово «эмансипация» в общеупотребительном смысле означает освобождение от зависимости, угнетения, неравноправия. В процессе юридической терминологизации данное слово было наделено иным смыслом — объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 27 ГК РФ). Юридизация термина происходит посредством его закрепления в юридическом документе или доктринальном источнике.

Транстерминологизация представляет собой заимствование термина из одной терминологической системы в другую, осуществляемое как с теми или иными изменениями смыслового значения термина, так и без таковых¹. В отличие от терминологизации, где слово-нетермин превращается в слово-термин, транстерминологизация предполагает трансформацию одного термина в другой². Юридическим такой тер-

¹ Отдельные авторы процесс заимствования термина из одной терминологической системы в другую, осуществляемый без изменения смыслового значения термина, предлагают называть терминологической миграцией. См.: Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: монография. М., 2010. С. 37.

² В исследовании, проведенном Т. В. Рыженковой, представлены данные, свидетельствующие о том, что в современном гражданском праве используется порядка 200 юридических терминов, заимствованных из других областей знания, в экологическом и уголовном праве — порядка 100 транстерминов, в административном и конституционном праве — около 50. Основными источниками пополнения юридической терминологии в представленном ракурсе, по мнению автора работы, являются такие области научной и практической деятельности, как экономика, экология, политология, медицина. См.: Рыженкова Т. В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. С. 34.

мин, как и в случае с терминологизацией, становится в силу вовлечения его в правовую сферу. Примером таких терминов могут служить «эпидемия», «эпизоотия», «пандемия».

Особой разновидностью транстерминологизации является заимствование иноязычных терминов.

Третий способ — *создание нового слова-термина* для наименования нового правового понятия. Потребность в этом способе возникает тогда, когда подходящее слово отсутствует в общеупотребительной и специальной неюридической лексике (например, правосубъектность, юридическое лицо и т.п.).

4. *Юридический термин существует лишь в рамках особой терминологической системы.* Одни и те же слова и словосочетания могут выступать в роли терминов в одной терминологической системе и не иметь такого статуса в другой. Например, уже приводимое слово «эмансипация» в юридической терминологической системе выступает как термин. В других терминологических системах (философской, экономической, политической, социологической и др.) используется в своем общеупотребительном значении.

С учетом приведенных признаков можно сформулировать следующее краткое определение понятия «юридический термин».

Юридический термин — это слово или словосочетание, служащее для наименования понятий, используемых в юридической науке и (или) практике.

7.2. Виды юридической терминологии

Юридическая терминология крайне многообразна и может быть классифицирована в зависимости от оснований на различные виды. В юридической литературе предложено несколько таких оснований и соответствующих делений, хотя далеко не все из них бесспорны.

Наиболее значимыми являются следующие деления.

1. **В зависимости от правовой сферы употребления** юридические термины подразделяются на *термины юридической науки* и *термины юридической практики (юридических документов)*¹.

¹ Наряду с терминами юридической науки и практики В. Ю. Туранин выделяет еще термины юридической разговорного языка. При этом в терминологию юридической практики он включает язык нормативных правовых актов и язык актов правоприменения. См.: *Туранин В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: монография. М., 2010. С. 42; С. П. Хижняк в соответствии со сферой употребления выделяет лишь терминологию права (закона) и терминологию правоведения (юриспруденции), указывая на то, что терминология права — это терминология правоприменительной практики, а терминология правоведения — это терминология правовой доктрины (науки о праве). См.: *Хижняк С. П.* Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1997. С. 6.

Терминология юридической науки — это термины, используемые в правовой доктрине (науке о праве). Сферой ее существования и фиксации является научная и учебная юридическая литература. При этом следует иметь в виду, что практически любой термин, используемый в сфере юридической практики, вовлекается в научную юридическую лексику, в то время как не всякий доктринальный термин находит отражение в тех или иных юридических документах. По мнению авторитетного специалиста в области юридической лингвистики С. П. Хижняка, различие между указанными терминами обнаруживается в том, что «терминология правоведения сложнее, чем терминология права. В ней употребляются термины, обозначающие теоретические понятия, которые не встречаются в текстах законов (“гипотеза”, “диспозиция”, “механизм правового регулирования” и т.д.). Различие между терминологией права и правоведения обнаруживается и с точки зрения их генезиса. Русская юридическая терминология возникла примерно в X в. как терминология права, закрепленная в древних законодательных актах. Терминология правоведения появилась гораздо позже, примерно в XVIII в., когда началось систематическое изучение права как социального феномена и теоретическое осмысление правовой науки»¹.

В соответствии с наиболее общей классификацией юридических документов, всю документальную терминологию можно подразделить на термины законодательства (источников права), термины актов официального толкования, термины правоприменительных актов, термины индивидуальных договоров, термины иных юридических документов².

По понятным причинам в учебнике по юридической технике особое значение имеет классификация терминов, содержащихся в юридических документах. Поэтому при дальнейшем рассмотрении данного вопроса основной акцент будет делаться именно на эту разновидность.

В правовой литературе все юридические термины, употребляемые в юридической науке и законодательстве, традиционно подразделяются на три группы: 1) общеупотребимые термины; 2) специально-технические термины; 3) специально-юридические термины³. С нашей точки зрения, представленное деление имеет два существенных изъяна. Во-первых, в данном случае нарушено правило логического деления понятия, в силу которого деление должно быть непрерывным,

¹ Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1997. С. 6–7.

² Подробная классификация юридических документов дана в соответствующем разделе.

³ Аналогичная классификация имела место в дореволюционном правоведении. Так, П. И. Люблинский различал термины обыденные, технические и искусственные (специально созданные законодателем). См.: Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917. С. 12.

плавным, постепенным. В силу сказанного первичное разделение юридических терминов должно быть дихотомическим. Прежде всего, их следует классифицировать на общеупотребимые и необщеупотребимые (специальные), которые в свою очередь подлежат последующему делению. Во-вторых, не вполне точным видится наименование «специально-технические». Оно узкое по своему объему, поскольку в буквальном смысле слова данное словосочетание ограничивается только технической терминологией. По всей видимости, словосочетание «технические термины», закрепившееся в юридической науке, связано с широко распространенным выделением таких областей, как наука и техника, однако здесь наука, как особая сфера человеческой деятельности, противопоставляется технике либо как совокупности различных приспособлений, механизмов и устройств, не существующих в природе и изготовляемых человеком для осуществления процессов производства и обслуживания непродовольственных потребностей общества, либо как деятельности, связанной с изучением, применением и усовершенствованием орудий и средств труда. В действительности в данную группу включаются не только термины технических наук, но и все иные специальные (кроме юридических) термины: медицинские, экономические, психологические и др.

С учетом вышеизложенного можно предложить следующую классификацию.

2. В зависимости от распространенности употребления все термины, используемые в юридической науке и практике, логично подразделить на две группы: *общеупотребительные* и *необщеупотребительные (специальные)*.

Общеупотребительные термины — это термины, которые в одинаковой мере используются в бытовой речи, в художественной и научной литературе, в деловых документах и в том числе в юридической науке и практике. Эти термины составляют основную часть (по подсчетам ученых, до 80%) текста научных работ и текста юридических документов. Они употребляются в обыденном, общеизвестном смысле, поэтому просты и общепонятны. К ним можно отнести такие термины, как: «автор», «заказ», «документ», «гражданин», «свидетель», «работник» и целый ряд других¹.

¹ Отдельные ученые предлагают общеупотребительные термины подразделять на две разновидности: общеупотребительные юридические термины, используемые в тексте нормативного правового акта в общепринятом значении, и термины, используемые в тексте нормативного правового акта в узком значении. См.: Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 70; Черкаев А. В. Юридическая терминология в современном публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 24. С таким подходом согласиться нельзя, поскольку термины, используемые в нормативных правовых актах в узком значении, по своей сути, уже не являются общеупотребительными, они становятся в большинстве случаев специальными юридическими.

По поводу возможности и необходимости использования специальной терминологии в юридических документах высказываются противоречивые суждения. Одна группа ученых считает, что использование в тексте законов узкоюридических понятий, непонятных простым людям, вредно и нежелательно, что «закон должен быть написан на литературном наиточнее выраженном языке данного племени»¹. Аналогичной позиции придерживались многие отечественные ученые: П. И. Стучка, А. Я. Вышинский и другие, которые предполагали, что специальных узкопрофессиональных понятий и формулировок в тексте нормативного правового акта следует избегать². Другие ученые считают, что без специальной терминологии, полностью заменяющей в тексте закона обычный литературный язык, невозможно сочетать краткость и ясность нормативных правовых актов с их точностью и полнотой³, обыденная лексика ввиду ее универсальности, многозначности и образности не всегда удовлетворяет потребности в точности и краткости законодательного текста⁴.

Конкуренция между понятностью правовых документов и их краткостью и точностью не может быть решена в пользу одной из групп терминов. И общепотребительные, и специальные термины объективно необходимы. Главное — правильно определить меру их разумного соотношения. Эта задача должна решаться посредством последовательного соблюдения требований, предъявляемых к юридической терминологии.

Специальные термины — это термины, создаваемые и используемые в той или иной отрасли научного знания.

3. В зависимости от отрасли научного познания в целях юридического анализа их целесообразно разделить на две группы: *специальные неюридические* и *специальные юридические*.

Специальные неюридические термины — это термины, заимствованные из области специальных знаний (техники, медицины, экономики, биологии и др.) и используемые в юридической науке и практике. В данных отраслях науки они создаются для наименования соответствующих понятий. В современном законодательстве такими терминами являются «эпидемия», «эпизоотия», «транзакция», «норма прибыли», «гидравлический удар» и др. При этом следует иметь в виду, что чем более специализирован объект правового регулирования, тем более специальными могут быть язык и терминология соответствующих нормативных актов. Потребность использования данного вида

¹ Луначарский А. О. О языке законов // Известия Центральной избирательной комиссии СССР. 1931. 24 марта.

² См.: Чухвичев Д. В. Законодательная техника. М., 2008. С. 177–178.

³ См. там же. С. 177.

⁴ См.: Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 2000. С. 62.

терминов в актах специального назначения заключается в однозначности их понимания. При использовании таких терминов законодателю необходимо придерживаться следующего правила: специальные неюридические термины употребляются в том значении, которое закрепляют за ними соответствующие отрасли знаний¹.

В целях обеспечения доступности, точности и определенности правового регулирования понятиям, обозначаемым специальными неюридическими терминами, должны даваться определения.

Специальные юридические термины — это термины, введенные в состав юридической лексики законодателем и юридической доктриной и используемые для наименования того или иного юридического понятия («истец», «ответчик», «неустойка», «доверительное управление», «эмансипация», «залог», «оферта», «акцепт», «иск», «источник повышенной опасности», «необходимая оборона», «подозреваемый», «обвиняемый», «эксцесс исполнителя» и т.д.).

Говоря о делении юридических терминов на общеупотребительные и специальные, следует иметь в виду, что между данными группами терминов идут постоянные диффузионные процессы — одни термины взаимопроникают в другие. Так, многие термины, которые были созданы законодателем и первоначально являлись сугубо юридическими, в дальнейшем широко распространились в быту, в художественной литературе, активно применяются за пределами юриспруденции («преступник», «закон», «алименты» и т.д.). Они перестали быть собственно юридическими, превратились в быденные слова².

4. В зависимости от сферы распространения терминов в юридической науке и практике их можно разделить на *общеправовые, межотраслевые и отраслевые*³.

Общеправовые — это термины, которые используются во всех отраслях права. К ним можно отнести такие термины, как «закон», «норма права», «правоотношение», «договор», «частная собственность», «состав правонарушения» и др.

Межотраслевые — это термины, используемые в двух и более отраслях права. Примером таких терминов являются: «банковская гарантия» (в гражданском и финансовом праве), «наказание», «хулиганство», «невменяемость» (в административном и уголовном праве) и др.

¹ См.: Захарян Ф. Г. О терминологии правоприменительных актов // Применение советского права. Свердловск, 1974. С. 129—130.

² См.: Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 74.

³ Авторы книги «Язык закона» предлагают классифицировать юридические термины по горизонтальному и вертикальному принципам. При этом к вертикальной терминологии они относят общеправовую, а к горизонтальной — межотраслевую и отраслевую. См. там же. С. 69.

Отраслевые — это термины, которые используются в одной отрасли права. Это деление можно продолжить.

5. В зависимости от отраслевой принадлежности юридические термины делятся на *термины конституционного права* («суверенитет», «гражданство», «абсентеизм», «промульгация»), *административного права* («административное правонарушение», «административная ответственность», «дисквалификация»), *гражданского права* («сделка», «делькредере», «виндикация», «аффилированное лицо»), *семейного права* («брак», «развод»), *уголовного права* («преступление», «состав преступления», «исполнитель», «судимость») и других отраслей права.

6. В зависимости от степени однозначности юридические термины делятся на *однозначные* и *многозначные*.

Под *однозначными* юридическими терминами понимаются такие языковые единицы, которые всегда используются только в одном значении. К ним можно отнести, например, «преступление», которым признается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч. 1 ст. 14 УК РФ), «невменяемость» в значении неспособности «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики» (ст. 28 КоАП РФ, ч. 1 ст. 21 УК РФ).

Многозначные — это термины, которые имеют несколько значений. Несколько относительно самостоятельных значений в действующем законодательстве имеет, например, термин «залог». В гражданском праве залог понимается как способ обеспечения обязательств, в уголовно-процессуальном — как одна из мер пресечения.

7. В зависимости от степени точности обозначаемого понятия можно выделить *термины точного значения* и *термины, выражающие оценочные понятия*.

Само название «*термины точного значения*» указывает на то, что их смысл предельно точно определен. Их применение, как правило, не вызывает каких-либо трудностей, поскольку не зависит от социального контекста, фактических обстоятельств рассматриваемого дела («конституция», «федеральный закон», «дееспособность» и т.п.). В общей массе юридической терминологии таких терминов большинство.

Особенности *терминов, выражающих оценочные понятия*, обусловлены спецификой последних. Под оценочным понятием в юридической литературе понимается закрепленное в нормах права понятие, характеризующее наиболее общие свойства разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, специально не конкретизированное законодателем с целью предоставления такой возможности субъек-

ту правоприменения путем свободной оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации¹.

На первый взгляд, может показаться, что использование в юридических документах оценочных понятий представляет собой исключительно негативное явление. Не случайно их иногда называют «каучуковыми», поскольку они предоставляют широкую свободу усмотрения субъектам правоприменения. Все это так. Однако, как показывает практика, полностью отказаться от оценочных понятий нельзя. Дело в том, что общественные отношения столь многообразны, что все жизненные обстоятельства, имеющие значение для дела, предусмотреть в законе без какого-либо исключения практически невозможно. Так, вряд ли возможно в Трудовом кодексе РФ привести полный перечень всех «уважительных причин», оправдывающих факт отсутствия работника на рабочем месте. Право признать ту или иную причину уважительной принадлежит работодателю. Именно поэтому значение терминов, обозначающих оценочные понятия, устанавливается в процессе анализа конкретных обстоятельств рассматриваемого дела и зависит от них («существенный вред», «значительный ущерб», «малозначительность деяния», «разумный срок», «особая жестокость», «случаи, не терпящие отлагательства», «в необходимых случаях» и др.).

8. В зависимости от времени использования юридические термины делятся на *устоявшиеся* и *новые*.

Устоявшиеся — это термины, длительное время используемые в юридической науке и юридических документах («договор», «изъятие», «правонарушение»).

Новые — это термины, имеющие небольшой срок использования в юридическом языке («контртеррористическая операция», «кредитные истории», «саморегулируемые организации»).

В юридической литературе в качестве временной границы, служащей основой для выделения указанных разновидностей терминов, предложено брать постсоветский период, характеризующийся кардинальной сменой общественно-экономической формации и появлением целой системы новых общественных отношений².

9. В зависимости от объема отражаемого термином понятия можно выделить: *термины родового значения* и *термины видового значения*.

Термин родового значения — это термин, обозначающий родовое понятие, т.е. такое понятие, объем которого шире и полностью включает в себя объем другого понятия.

¹ См.: *Левина Д. Н.* Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 9.

² См.: *Турагин В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования. М., 2010. С. 45.

Термин видового значения — это термин, обозначающий видовое понятие, т.е. такое понятие, объем которого составляет лишь часть объема родового понятия.

Родовидовые отношения можно проиллюстрировать следующими примерами: «государство» и «республика», «правонарушение» и «преступление», «хищение» и «кража», «трудовой стаж» и «непрерывный трудовой стаж», «государственный служащий» и «сотрудник полиции».

10. В зависимости от наличия дефиниции обозначаемого термином понятия термины можно подразделить на *дефинированные* и *недефинированные*.

Дефинированные — это термины, обозначающие понятия, которым в юридической науке и (или) практике даны определения.

Недефинированные — это термины, обозначающие понятия, которым не даны определения¹.

Иногда отсутствие определения у термина называют «нулевой» дефиницией, присущей самодостаточным терминам, т.е. единицам, у которых существенные признаки понятия содержатся в их буквальном значении².

11. В зависимости от связи юридического термина с контекстом можно выделить *контекстные* и *неконтекстные* термины.

Контекстные — это термины, смысловое значение которых выявляется из контекста. Так, термин «закон» может употребляться в широком и в узком смыслах. При этом конкретное значение данного термина в каждом отдельном случае выявляется из контекста. В ч. 2 ст. 15 Конституции РФ установлено: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». В данном случае термин «закон» употреблен в широком смысле слова как совокупность всех действующих источников права. В ч. 1 данной статьи говорится: «Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Здесь, напротив, имеет место узкое значение рассматриваемого термина.

Неконтекстные — это термины, смысловое значение которых не зависит от контекста. Например, термин «преступление» во всех контекстах имеет одно значение.

В лингвистике представленное деление выглядит несколько иначе. В ней выделяют термины, обладающие интенциональным типом значения, не зависящим от контекста, и термины, обладающие экстенциональным типом значения, раскрываемым в контексте. С нашей

¹ Подробнее о правовых дефинициях речь будет идти в отдельном разделе.

² См.: Хижняк С. П. Основы юридической лингвистики. Саратов, 2011. С. 36.

точки зрения, механический перенос данной классификации в область юриспруденции нецелесообразен исходя прежде всего из соображений простоты и доступности предложенного нами деления. Вместе с тем следует отметить, что отдельные авторы в работах по юриспруденции воспроизводят лингвистический вариант деления¹.

12. **В зависимости от источника возникновения** юридические термины принято делить на *русскоязычные* («заявление», «заседание», «правило», «действие», «порядок», «дело») и *иностранные* («акцепт», «виндикация», «контрабанда», «делькредере», «дилер», «бенефициарий», «конклюдентные действия», «сервитут», «цессия»).

13. **В зависимости от состава юридического термина** выделяют *термин-слово* («государство», «право», «закон», «правонарушение») и *термин-словосочетание* («юридическое лицо», «непрерывный трудовой стаж», «эмиссионные ценные бумаги на предъявителя»).

В юридической литературе можно встретить и иные классификации. Так, В. М. Коган предложил деление терминов уголовного права на «чужие» и «свои». Первые для их понимания отсылают к той отрасли знания, из которой они заимствованы. Вторые предполагают объяснение в законе². Следует отметить, что в правоведении предложенное деление терминов подверглось обоснованной критике и поддержки не нашло. При этом приводилась следующая аргументация: «В законе обычно определяются и специальные юридические термины, и все иные, которые, по мнению законодателя, недостаточно понятны без пояснения. Следовательно, так называемые “свои” термины по юридической природе неоднородны. Это же можно сказать и о “чужих” терминах»³.

7.3. Требования к юридической терминологии

Юридическая терминология только в том случае будет эффективно выполнять свое функциональное предназначение, если она будет отвечать выработанной наукой и апробированной юридической практикой совокупности требований.

Под требованиями, предъявляемыми к юридической терминологии, следует понимать совокупность условий, которым должны отвечать термины, вводимые в юридическую науку и практику.

В научной и учебной юридической литературе различные авторы выделяют различный набор требований. В их числе: 1) однозначность

¹ См.: *Черехаев А. В.* Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 27; *Хижняк С. П.* Основы юридической лингвистики. Саратов, 2011. С. 37.

² См.: *Коган В. М.* Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966. С. 50.

³ Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 70.

(единство); 2) отсутствие синонимов; 3) стабильность; 4) системность; 5) краткость; 6) отказ от чрезмерного употребления терминов-аббревиатур и сокращений, образованных из двух или более слов; 7) лингвистическая и стилистическая правильность, благозвучность; 8) экспрессивная нейтральность, отсутствие коннотации; 9) точность; 10) ясность (доступность); 11) отказ от злоупотребления иностранными терминами; 12) общепризнанность; 13) современность; 14) использование лексики абстрактного характера при употреблении нормативной правовой терминологии; 15) отказ от употребления неудачных, не оправдавших себя канцеляризмов, словесных штампов, бюрократических выражений с ослабленным семантическим значением, слов бюрократического жаргона; 16) дефинитивность.

Нетрудно заметить, что отдельные приведенные требования дублируют друг друга, некоторые относятся не столько к терминологии, сколько к юридическому языку в целом. С нашей точки зрения, наиболее существенными требованиями, предъявляемыми к юридической терминологии, являются следующие.

Единство юридической терминологии состоит в необходимости соблюдения двух взаимосвязанных условий: один и тот же термин нельзя использовать для наименования различных понятий; одно и то же понятие нельзя обозначать разными терминами.

Говоря о требовании единства (однозначности) юридической терминологии, следует иметь в виду, что в юридической науке и практике данное требование не трактуется как универсальное, абсолютное. Так, Д. Милославская обоснованно отмечает, что «это требование предполагает однозначность термина только в одном [!] нормативном акте, даже не в одной отрасли права, не говоря уже о юриспруденции в целом. К сожалению, это “незаконченное” требование, которое достаточно последовательно соблюдается законодателем, порождает один из недостатков юридической терминологии, а именно: двойное или более обозначение одного и того же понятия»¹, и приводит к нечеткости, неточности понимания нормативных правовых актов и неоднозначному толкованию различных юридических документов.

В качестве допустимой «незаконченности» рассматриваемого требования иногда называется возможность использования одних и тех же терминов для обозначения разных понятий в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям законодательства. Объясняется это тем, что такое несовпадение не создает существенных помех для юридической практики при условии, что соответствующие нормы не соприкасаются и не перекрещиваются в процессе их применения, они регулируют различные сферы правовых отношений, одна-

¹ Милославская Д. Юридические термины и их интерпретация. URL: http://www.relga.sfedu.ru/n27/rus27_1.htm.

ко во избежание неясностей при применении тех или иных правовых актов лучше при разработке законодательных актов по возможности избегать таких случаев или давать определения таким терминам¹. Например, термин «залог», как уже отмечалось, имеет разные значения в гражданском праве и уголовном процессе, термин «заочное рассмотрение дела» — в уголовном и гражданском процессе.

И в юридической науке, и тем более при составлении юридических документов необходимо учитывать, что требование единства юридической терминологии может нарушаться вследствие таких свойств, присущих словам русского языка, как полисемия, синонимия и омонимия слов, поскольку может повлечь за собой многозначность документа, его неясность и неточность.

Полисемия (многозначность) означает способность слова иметь одновременно несколько значений. Так, термин «арбитр» может обладать двумя значениями: судья на спортивных соревнованиях и судья третейского суда. Термин «премия» может функционировать в законодательном тексте сразу в четырех значениях: как «мера поощрения за особые достижения или заслуги в какой-либо области деятельности», как «величина, на которую одна цена выше другой», как «величина, сумма, уплачиваемая покупателем опциона продавцу (писчику)» и как «сумма, уплачиваемая страхователем страховщику за принятие последним на себя обязательств выплатить держателю страхового полиса соответствующую сумму при наступлении страхового случая, оговоренного в условиях полиса»².

Как правило, доктринальный или законодательный смысл таких терминов выявляется из контекста, однако во избежание двусмысленности понятию, для обозначения которого использовано многозначное слово или словосочетание, следует давать определение.

Омонимия — совпадение в звучании и написании слов, различных по значению. Внешне омонимия напоминает многозначность, однако употребление слова в разных значениях не дает основания говорить о появлении каждый раз новых слов, в то время как при омонимии сталкиваются совершенно различные слова, совпадающие в звучании и написании, но не имеющие ничего общего в семантике. Например, «брак» в значении «супружество» и «брак» — «испорченная продукция». Первое слово образовано от глагола «брати» с помощью суффикса -к- (ср. «братъ замуж»), омонимичное ему существительное «брак» заимствовано в конце XVII в. из немецкого языка (нем.

¹ См.: Черкаев А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 83.

² См.: Туранин В. Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002. С. 33.

Brack — «недостаток» восходит к глаголу brechen — «ломать»¹. Преодоление омонимии осуществляется посредством тех же способов, что и многозначности.

Синонимия — это тождество или близость значения разных слов и словосочетаний. В правовой доктрине полными синонимами являются «юриспруденция» и «правоведение», в законодательстве — «Российская Федерация» и «Россия». Так, в ч. 2 ст. 1 Конституции РФ прямо говорится: «Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны».

Говоря о синонимии, следует обратить внимание на существование принципиальных различий, касающихся употребления синонимов в научной и документационной терминологии. В первом случае она не только допустима, но в ряде случаев просто необходима, что определяется особенностями научного стиля. Иное дело, юридические документы. Здесь использование синонимии должно быть строго ограничено. Обоснованными можно признавать лишь те случаи, когда сам законодатель устанавливает абсолютно равнозначное значение для двух терминов. Выше приведена норма Конституции РФ. В ГК РФ равнозначными признаны словосочетание «уступка требования» и слово «цессия». В связи со сказанным, вряд ли можно согласиться с позицией отдельных ученых (например, Д. А. Керимова), считающих, что иногда использование синонимов в законодательном тексте необходимо в целях избежания большого количества повторов и, как следствие, стилистической корявости текста. Любое стилистическое украшательство в ущерб точности и определенности правового регулирования недопустимо. Это императивное требование законодательного стиля.

Общепризнанность терминологии означает, что используемые термины должны быть признаны в юридической науке и в юридической практике. Общепризнанность предполагает употребление терминов в своем прямом и общеизвестном значении. Использование терминов в переносном значении не допустимо.

Когда нарушается данное требование? Тогда, когда в юридическую науку и практику начинают вводить термины, не получившие признания в науке и практике. Это могут быть как совершенно новые термины, так и употребляемые ранее, но не получившие широкой известности.

Говоря о первом случае, трудно не согласиться с И. Кантом, который в своей «Критике чистого разума» отметил: «Изобретать новые слова — значит притязать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом»².

¹ См.: Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 1997. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-006.htm#i1333>

² Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 1998. С. 206.

Существенные сложности, причем как в науке, так и в сфере практики, создает использование малоизвестных терминов. Так, профессор Л. Б. Ескина, принимая участие в обсуждении коммуникативной концепции права А. В. Полякова, отметила, что «первые разделы (о праве) излишне отягощены различными подходами и взглядами представителей множества общественных наук, которые излагаются почти в оригинале, усложнены узконаучной либо авторской (подлинника) терминологией и требуют перевода на *общеобиходный научный* (курсив наш. — В. Т.) русский язык. Воспринимать такой материал можно лишь с использованием целого ряда научных словарей. ... Обилие экзотических научных терминов, на наш взгляд, препятствует достижению ясного, адекватного понимания читателем смысла авторских суждений»¹. Примером употребления необщепризнанного термина в законодательстве может служить Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»². Статья 30¹ данного закона называется «Валоризация величины расчетного пенсионного капитала застрахованного лица, исчисленного при оценке его пенсионных прав». В ч. 1 данной статьи уточняется значение термина «валоризация»: «Величина расчетного пенсионного капитала застрахованного лица, исчисленного в соответствии со ст. 30 настоящего Федерального закона, подлежит валоризации (повышению)». Возникает вопрос, насколько необходимо было использовать слово «валоризация»? Не лучше было бы просто употребить понятное слово «повышение»? Заметим, что ни в одном из толковых словарей слово «валоризация» обнаружить не удалось. Лишь обращение к специальной литературе позволило выяснить, что понятие «валоризация капитала» введено К. Марксом в гл. 7 т. 1 «Капитала».

Очевидно, что требование общепризнанности юридической терминологии не следует доводить до абсурда. Общеизвестность — не значит примитивность. Необходимо помнить, что юридический язык — это язык профессиональный, и вполне очевидно, что для его адекватного понимания требуются специальные познания. В этом языке, по мнению Р. Иеринга, нет места выражениям «обыденной жизни»³.

Устойчивость терминологии означает недопустимость без особо веских причин отказываться от ранее используемой терминологии и вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых, более удачные термины.

¹ Коммуникативная концепция права: вопросы теории. СПб., 2003. С. 28.

² Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4920.

³ См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника. СПб., 1905. С. 31–32.

Язык юридической науки и практики по своей природе консервативен. Без этого качества невозможно добиться стабильности в регулировании общественных отношений, преемственности в науке и практике.

Нарушение требования устойчивости юридической терминологии приводит не только к формально-юридическим проблемам, но и порождает издержки, причем нередко весьма существенные, материального, физического и иного плана. Так, в 80-е гг. прошлого века было принято решение изменить единицу измерения атмосферного давления. Вместо привычных миллиметров ртутного столба давление стали измерять в гектопаскалях. Метеозависимым людям приходилось прилагать немало усилий для того, чтобы всякий раз пересчитывать гектопаскали в миллиметры ртутного столба. Нередко это приводило к дополнительному беспокойству и, как следствие, ухудшению самочувствия. Люди стали жаловаться, и ничем не обоснованное решение было отменено. Сегодня, как известно, атмосферное давление вновь измеряется в миллиметрах ртутного столба. Столь же необоснованным является переименование ГАИ в ГИБДД. Кроме организационных издержек это повлекло за собой немалые материальные затраты.

Вместе с тем требование устойчивости терминологии не следует абсолютизировать. Юридический язык — это живой, развивающийся язык. Он живет и развивается вместе с обществом, в котором одни отношения «уходят», другие возникают. Наиболее ярко это проявляется в периоды кардинальных изменений в общественных отношениях. В современном праве уже не встретишь таких понятий, как «диктатура пролетариата», «социалистическая законность» и т.д. В постперестроечный период из юридической лексики были исключены такие юридические термины, как: «нетрудовой доход», «социалистическое хозяйство», «спекуляция» и т.д. При этом в нее вернулся целый ряд терминов дореволюционного права: «губернатор», «казенное предприятие», «суд присяжных», «мировой судья» и др.

По общему правилу, обоснованным будет отказ от употребления устаревших и не используемых активно в юридической науке и практике слов и словосочетаний. Особое место в их числе занимают архаизмы и историзмы.

Архаизмы — названия существующих предметов и явлений, вытесненные иными словами активной лексики (например, термин «генералиссимус», замененный в настоящее время термином «верховный главнокомандующий»).

Историзмы — слова, представляющие собой наименования исчезнувших предметов и явлений. Яркими примерами историзмов являются такие термины, как «комисариат», «ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия», «ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление».

Точность терминологии выражается как в адекватности слова или словосочетания и обозначаемого понятия, так и в определенности самого понятия.

Таким образом, точность терминологии включает в себя два относительно самостоятельных аспекта. Один касается формы термина (слова или словосочетания), другой — его содержания, т.е. смыслового значения. Субъект создания юридического термина прежде всего должен позаботиться о том, чтобы для правового понятия было подобрано адекватное слово или словосочетание. Примером нарушения этого требования в научной юридической литературе является термин «систематическое толкование». Неудачен он потому, что в своем буквальном значении имеет совершенно иной смысл и тем самым вносит путаницу в адекватное понимание научного текста¹. В законодательстве неудачно подобранными терминами являются, например, «сельскохозяйственный пал», «сброс сточных вод на рельеф местности».

Содержание термина должно быть четким и недвусмысленным. Достигается это посредством определения тех понятий, которые в своей «сжатой», недефинированной форме оставляют сомнения в точности смыслового наполнения того или иного термина.

В юридической науке и практике выработаны требования, предъявляемые к терминам, закрепляемым в законах: использование терминов с четким и строго очерченным смыслом; употребление слов и выражений обычно в более узком или специальном значении по сравнению с тем, какое они имеют в общелитературном языке; использование слов и выражений в прямом и первичном их значении; отказ от двусмысленных и многозначных терминов².

Отдельные авторы (В. И. Гойман, В. Ю. Туранин и другие) в числе требований, предъявляемых к юридической терминологии, выделяют ее *доступность*, под которой предлагается понимать такое качество, как понятность смысла адресатам правового предписания, способность передавать правильное представление о содержании норм права. С нашей точки зрения, доступность терминологии вряд ли обоснованно выделять в качестве самостоятельного требования, предъявляемого к юридической терминологии. В статусе самостоятельного его обоснованно выделять применительно к языку закона в целом. Что же касается собственно юридической терминологии, то ее доступность обеспечивается реализацией многих требований, предъявляемых к юридическим терминам.

Краткость терминологии состоит в формулировании термина с использованием наименьшего количества слов, без ущерба для его точности.

¹ Правильным является термин «системное толкование». Подробнее об этом см.: Толстик В. А., Дворников Н. Л., Каргин К. В. Системное толкование норм права. М., 2010.

² См.: Элементарные начала общей теории права. URL: <http://slovari.yandex.ru/>.

Чрезмерно многословные термины не только нарушают требования экономичности законодательного языка, но нередко приводят к нарушению точности, определенности правового понятия. Примером нарушения требования краткости может быть термин «страховой взнос по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев и профессиональных заболеваний».

Говоря о требовании краткости терминологии, необходимо отметить, что в русском языке имеет место тенденция к однословности наименования. Ее суть — в замене различных словосочетаний одним словом. Существуют следующие способы, ведущие к однословности: 1) образование аббревиатур: МВД России — Министерство внутренних дел России, СИЗО — следственный изолятор, Генпрокурор — Генеральный прокурор; 2) сохранение только одного слова из словосочетания: оффшор — оффшорная зона, движение — общественное движение, зарплата — заработная плата; 3) образование деривата от одной из частей расчлененной номинации: Лубянка — главное здание ФСБ России, находящееся на ул. Большая Лубянка; упрощенка — упрощенная система налогообложения; и т.п.

Нетрудно заметить, что представленные наименования в большинстве своем (за исключением отдельных аббревиатур) относятся к разговорной речи. Основной их недостаток состоит в появлении у подобных слов семантической размытости, неопределенности. Использование таких терминов неизбежно приводит к нарушению требования точности юридической терминологии, что, как уже отмечалось, крайне нежелательно для юридической науки и практики.

Приоритет национальной терминологии (недопустимость необоснованного использования иностранной терминологии) означает, что иноязычные термины могут использоваться только при наличии определенных предпосылок. Во всех остальных случаях приоритет должен отдаваться терминам отечественного происхождения.

К сожалению, и в правовой науке, и в юридических документах рассматриваемое требование соблюдается далеко не всегда. Так, действующее российское законодательство сверх всякой меры перегружено заимствованными иностранными терминами (в основном латинского и англоязычного происхождения, например, «ваучер», «аваль» и т.д.). Законодатель во многих случаях без наличия на то каких-либо оснований отдает предпочтение иностранной терминологии (например, термин «лизинг» можно заменить без ущерба для адекватности отражения соответствующего понятия термином «финансовая аренда»)¹.

Конечно, можно привыкнуть и к «лизингу», и к любому иному иноязычному термину, но национальный язык надо ценить и уважать.

¹ См.: Черкаев А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 34.

Это, кроме прочего, один из основных показателей правовой культуры общества.

Масштабы необоснованного использования иностранных терминов тревожат не только российских ученых. По этому поводу стали высказываться и зарубежные авторы. Так, испанский исследователь Мануэль Б. Гарсия Альварес в своем письме из Испании в защиту русского языка пишет: «Употребление словесных заимствований достигает сегодня в России тревожных размеров... Стало обычным, поскольку уже и законодательно закреплено, употребление нерусского слова “мэр” для обозначения главы городского правительства. Или слова “муниципалитет” — для названия органа местного самоуправления... Или возьмем вездесущее выражение “импичмент” — без всякого ущерба для смысла, его заменит “отрешение от должности”... Неужели так уж обязательно и оправданно, говоря об исполнительной власти, заменять русское слово на иностранное “кабинет”?... То же самое происходит и со словами “ассамблея”, “парламент”, заменившими собой такое русское с богатой родословной понятие, как “собрание”...»¹.

Заметим, что недопустимость необоснованного использования иностранной терминологии отнюдь не означает, как предлагают отдельные авторы, полный отказ от использования иностранных терминов. Дело в том, что это в принципе невозможно и, главное, нецелесообразно. Поэтому речь должна идти о недопустимости лишь необоснованного использования. Что это значит? В каких случаях можно говорить об обоснованном использовании иноязычных терминов? Прежде всего, речь идет о терминах, прочно вошедших в национальный язык и, по сути, ставших неотъемлемой частью отечественной общеупотребительной лексики (например, термины «статус», «информация» и т.д.). В ряде случаев иностранное слово может более точно отражать рассматриваемое понятие, нежели слово, имеющееся в отечественной лексике («президент», «республика», «статс-секретарь», «демпинг», «инновация», «клиринг» и т.д.). Оправданным является использование таких иноязычных терминов, как «акция», «приватизация», «рента» и некоторых других, поскольку в национальной лексике отсутствует краткая языковая конструкция, эквивалентная заимствованному термину².

Нельзя не видеть процесс интернационализации юридического языка, что обусловлено сходством понятийно-категориального аппарата, правовых институтов, юридических конструкций и т.п. Рас-

¹ Мануэль Б. Гарсия Альварес. Покушение под гипнозом (Письмо из Испании в защиту русского языка) // Российская Федерация. 1994. № 2. С. 51.

² См.: Туранин В. Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002. С. 48.

ширение контактов России с европейскими и другими государствами неизбежно сопровождается заимствованиями юридических понятий. Но здесь необходимо знать меру, потому что российская правовая терминология заполняется американизмами (брокер, менеджер, спикер, импичмент), хотя у этих терминов давно имеются синонимы, употребляемые в русском языке.

Общее правило здесь таково: если в отечественной лексике имеется слово, с помощью которого можно точно отразить соответствующее понятие, следует использовать слово отечественной лексики. В ч. 6 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» установлено: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке»¹.

Соответствие юридических терминов официальной лексике предполагает, что, по общему правилу, слова или словосочетания неофициальной лексики в качестве юридических терминов употребляться не должны. Язык юридической доктрины относится к научному стилю, язык юридических документов — официально-деловому, следовательно, здесь нет места просторечной лексике и тем более жаргонизмам.

Просторечие — слова, выражения, грамматические формы и конструкции, распространенные в нелитературной разговорной речи, свойственные малообразованным носителям языка и явно отклоняющиеся от существующих литературных языковых норм.

Жаргон (сленг, арг) — речь какой-либо социальной или профессиональной группы, содержащая большое количество свойственных только этой группе слов и выражений (часто искусственных, тайных или условных). В некоторых случаях жаргонизмы могут переходить в общенародную разговорно-бытовую речь, иначе говоря, превращаются в просторечие. Жаргон может быть уголовный, армейский, молодежный, компьютерный и т.п.

Приведем отдельные примеры юридического арга: «опер» — оперативный уполномоченный сотрудник, «вещдок» — вещественное доказательство, «подснежник» — оттаявший весной труп; «гастролер» — совершающий преступления в разных регионах.

Практика использования неофициальной лексики в юридических документах имеет давнюю историю. Масштабы этого негативного явления побудили Екатерину II принять именной указ, данный генерал-прокурору А. И. Глебову «О неупотреблении в указах и повелениях

¹ Собрание законодательства РФ. 2005. № 23, ст. 2199.

брани и поносных слов», в котором предписывалось: «... чтоб отнюдь в указах и повелениях никогда брани и слов поносных употребляемо не было»¹.

В 90-е гг. прошлого века А. С. Пиголкин призывал «к решительной борьбе против “правового жаргона”, применение которого все же имеет место в нормативных актах, судебных решениях, в нашей учебной и монографической литературе, а также и в общераспространенном языке»². Более того, и сегодня полностью исключить использование нежелательной для юридического языка лексики пока не удастся. Так, ст. 174 УК РФ называется «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем». Слово «отмывание» — типичный жаргонизм. Зачем законодателю понадобилось использовать данное слово в качестве полного синонима литературному слову «легализация», остается только догадываться.

Широко распространено использование просторечной лексики в законодательстве субъектов Российской Федерации («хроническая нехватка», «обрушение», «благодатная почва», «допотопная оснастка», «подпитка», «утечка», «нищие», «недожитие», «поврежденная купорка»)³.

Вместе с тем использование просторечий и жаргонизмов в юридической науке и практике не должно употребляться лишь по общему правилу, однако, как известно, из любого правила есть исключения. Для доктрины такие исключения могут быть обоснованы специальным предметом научного исследования. Иное дело, юридические документы.

Ученые сформулировали целый ряд правил, при соблюдении которых допустимо использование неофициальной лексики: 1) при значительной адаптации в общеупотребительном языке, т.е. когда жаргонные оттенки малозаметны («увязка», «взаимоувязка»); 2) в так называемых пограничных ситуациях, при которых жаргонное слово или сочетание еще не назовешь общеупотребительным, но и в полной мере отнести его к жаргонной лексике нельзя («разбивка», «вербовка»); 3) при необходимости употребления профессиональных арго, тяготеющих к общеразговорной лексике («пассажиरोпоток», «дикоросы», «разбор пожара»); 4) в случаях коммуникативной правовой целесообразности. Это случаи, когда неофициальная лексика более прием-

¹ ПСЗ I. Т. XVI. Ст. 11884.

² Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 72.

³ См.: *Власенко Н. А.* Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 265.

лема, более привычна в общеупотребительном лексиконе («притон»¹, «сводничество»)².

Системность юридической терминологии предполагает, что вся совокупность юридических терминов должна находиться в состоянии иерархичности, взаимосвязи, взаимодействия и непротиворечивости друг другу. Реализация требования системности осуществляется посредством унификации юридических терминов, под которой понимают осуществляемую посредством совокупности средств, способов и приемов деятельность, направленную на достижение единства юридической терминологии, ее однозначности, точности, определенности, устранение противоречий в значении и написании терминов.

Основными этапами унификации юридической терминологии является ее инвентаризация (сбор и описание всех терминов) и упорядочение (наведение порядка в терминосистеме). Результатом упорядочения должна являться систематизация юридической терминологии либо в форме рекомендаций, т.е. ее оформление в виде нормативного словаря³, либо в форме стандартизации.

Стандартизация юридической терминологии осуществляется посредством составления и официального утверждения в установленном порядке документов, содержащих перечень рекомендованных к использованию юридических терминов. Примером этого является разработанный Правовым управлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ Словарь нормативных дефиниций российского законодательства.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под юридическим термином?
2. Каким образом соотносятся юридический термин и юридическое понятие?
3. С помощью каких способов создаются юридические термины?
4. На какие виды подразделяются юридические термины?
5. Какие требования предъявляются к юридической терминологии?

¹ Ср. с жаргонным словом «хаза».

² См.: *Власенко Н. А.* Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 269–270.

³ См., например: *Словарь-справочник по российскому законодательству: термины, понятия, определения* / сост. Л. Ф. Апт, А. Г. Ветров, Т. А. Дорофеева, Л. И. Киричкова, И. Ю. Литвинцева [и др.]. М., 1998; *Лукаш Ю. А.* Словарь терминов и определений российского законодательства. М., 2005; *Войтович А. П.* Словарь терминов и определений российского законодательства / под ред. А. П. Войтовича. Челябинск, 2009; *Фединский Ю. И.* Большой словарь официальных юридических терминов. М., 2001.

Тестовые задания

- 1) Какой признак не относится к юридическому термину?
 - а) является словом или словосочетанием
 - б) служит для наименования юридического понятия
 - в) многозначность
- 2) Терминологизация это:
 - а) наделение общеупотребительного слова или словосочетания особым правовым значением
 - б) введение в юридическую лексику нового слова или словосочетания
 - в) заимствование термина из одной терминологической системы в другую
- 3) Как соотносятся понятия «юридическая лексика» и «юридическая терминология»?
 - а) как целое и часть
 - б) как часть и целое
 - в) как синонимы
- 4) Когда возникла терминология правоведения?
 - а) в X веке
 - б) в XVII веке
 - в) в XX веке
- 5) Какие термины не являются специально-юридическими?
 - а) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный
 - б) истец, ответчик, неустойка, эмансипация
 - в) эпидемия, эпизоотия, транзакция, норма прибыли
- 6) Определите пару терминов, не находящихся в родовидовых отношениях:
 - а) правонарушение – преступление
 - б) юридическое лицо – физическое лицо
 - в) юридическая ответственность – уголовная ответственность
- 7) В чем состоит требование единства юридической терминологии?
 - а) один и тот же термин нельзя использовать для наименования различных понятий
 - б) во всех отраслях законодательства должны использоваться одинаковые термины
 - в) в федеральном и региональном законодательстве должны использоваться единые термины
- 8) Что означает требование устойчивости терминологии?
 - а) недопустимость в течение 10 лет с момента принятия закона отказываться от ранее установленной терминологии и вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых, более удачные термины
 - б) недопустимость без особо веских причин отказываться от ранее используемой терминологии и вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых, более удачные термины
 - в) недопустимость менять терминологию, используемую в Конституции Российской Федерации

- 9) Какие свойства, присущие словам русского языка, могут повлечь за собой многозначность, неясность и неточность правового акта?
- номинативность, предикативность, прекурсивность
 - полисемия, синонимия, омонимия
 - относительная самостоятельность, воспроизводимость, выделимость

Рекомендуемая литература

1. *Власенко Н.А.* Язык права / Н.А. Власенко. – Иркутск, 1997.
2. *Власенко Н.А.* Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники: сборник статей / Н.А. Власенко; под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
3. *Иеринг Р.* Юридическая техника / Р. Иеринг. – СПб., 1905.
4. *Квитко И.С.* Термин в научном документе / И.С. Квитко. – Львов, 1976.
5. *Керимов Д.А.* Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие / Д.А. Керимов. – М., 2000.
6. *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка / А.А. Реформатский. – М., 1968.
7. *Туранин В.Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: монография / В.Ю. Туранин. – М., 2010.
8. *Хижняк С.П.* Юридическая терминология: формирование и состав / С.П. Хижняк; под ред. Л.И. Баранниковой. – Саратов, 1997.
9. *Хижняк С.П.* Основы юридической лингвистики: учебное пособие / С.П. Хижняк. – Саратов, 2011.
10. *Черкаев А.В.* Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.01 / Черкаев Алексей Васильевич. – М., 2004.
11. *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учебное пособие / Д.В. Чухвичев. – М., 2008.
12. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990.

Раздел 8

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

8.1. Понятие и структура юридической терминологической системы

Юридическая терминологическая система является своеобразной теоретико-правовой моделью существования юридической терминологии. Поэтому, исследуя каждый юридический термин как отдельное явление, мы не должны забывать, что это явление *должно быть* составной частью, компонентом, первичным элементом соответствующей системы, которая в основном определяет его свойства, особенности, социальное назначение, характер использования в различных источниках.

Само понятие, выраженное термином «система», трактуется по-разному. Рассмотрим наиболее известные его определения, существующие в философии и праве. В философском понимании, по мнению одного из основоположников общей теории систем Л. фон Берталанфи, это «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»¹. В соответствии с концепцией П. К. Анохина система — это «комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата»². Это может быть и «множество связанных между собой элементов, составляющее определенное целостное образование»³. В свою очередь, с позиции теории права Д. А. Керимов отмечает, что «любая система представляет собой интеграцию однотипных по своей сущности образований в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью, автономностью функционирования

¹ Bertalanffy von L. General System Theory. Foundations. Development, Applications. N. Y., 1969. P. 33.

² Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М., 1973. С. 35.

³ Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М., 1968. С. 320.

и взаимодействием с внешней средой для достижения заданных целей»¹. Исходя из анализа представленных научных трактовок системы, можно сделать вывод о том, что ее признаками являются: множественность элементов, их взаимодействие, однотипность, интегративность, упорядоченность, а также относительная самостоятельность, устойчивость, автономность функционирования, но и взаимодействие с внешней средой (по отношению к данной системе).

На основании общих признаков системы, определим основы объективации юридической терминологической системы. С нашей точки зрения, в качестве основных признаков, присущих юридической терминологической системе, можно воспринимать:

- связь юридических терминов (первичных элементов системы) с юридическим языком. Все юридические термины являются однородными частицами юридического языка, поэтому каждый термин характеризуется одними и теми же свойствами;
- множественность юридических терминов. В различных правовых источниках содержится множество юридических терминов, и их общее число постоянно меняется;
- структурную упорядоченность юридических терминов. Целостность юридической терминологической системы подкрепляется возможностью выделения в ее рамках упорядоченных групп (терминологических рядов, терминологических аппаратов);
- взаимосвязь юридических терминов и взаимозависимость между ними. Определение одного юридического термина может служить «ключом» для понимания другого в пределах конкретного правового акта;
- цикличность в развитии юридической терминологической системы. Юридическая терминологическая система развивается циклично, соотносимо формированию общества и государства, под влиянием изменения исторических эпох.

Таким образом, *юридическую терминологическую систему* можно представить как структурно упорядоченное множество юридических терминов, используемых в юридическом языке, существующее во взаимосвязи и взаимозависимости, цикличное в своем развитии.

Юридическая терминологическая система обладает определенной структурой, ведь, очевидно, что шаг от единичного термина к общей системе слишком широк. Поэтому логично предположить наличие в данном случае промежуточных звеньев. С нашей точки зрения, структурными элементами (звеньями) современной юридической терминологической системы являются юридические термины, юридические терминологические ряды и юридические терминологические аппараты.

¹ Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 218.

Юридический термин является первичным звеном юридической терминологической системы. Следующее звено — это юридический терминологический ряд, который объединяет юридические термины и играет определяющую роль в укреплении системных связей. Юридические терминологические ряды «пронизывают» право и все его отрасли. Мысль о наличии юридических терминологических рядов нужно воспринимать как логическое продолжение разработок А. М. Васильева, касающихся определения сущности понятийных рядов в правовой теории. По его мнению, «понятийный ряд представляет собой такое подразделение в системе правовых категорий, с помощью которого фиксируются логические связи между включенными в него юридическими понятиями, отражающие моменты единства и разнообразия правопроявлений в установленном отношении»¹. Действительно, выделение понятийных рядов в рамках общей системы юридических понятий представляется не только возможным, но и необходимым. Формирование ряда как структурной составляющей системы юридических понятий помогает в процессе ее внутренней организации, служит проявлением логических связей элементов, обеспечивает их координацию.

В большинстве случаев понятийные ряды — это видовые иерархические структуры. Например, в теории гражданского права в качестве базисного объекта структурно упорядоченного понятийного ряда можно выделить юридическое понятие, выраженное термином «вещь», которое является образующим элементом для понятий, выраженных такими терминами, как «неделимая вещь», «сложная вещь», «главная вещь», «принадлежность» и т.д.

Выделим признаки юридического терминологического ряда, которые во многом корреспондируют признакам юридической терминологической системы в целом:

- смысловое единство составляющих ряд юридических терминов;
- зависимость составляющих ряд юридических терминов друг от друга.

Полагаем, что *юридический терминологический ряд* можно определить как объединение юридических терминов на основе смыслового единства, зависимости друг от друга, существующее в рамках юридической терминологической системы.

Проследим особенности существования юридических терминологических рядов по отношению к конкретным законам на примере Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации»². В ст. 4 данного закона выделяются и определяются 12 ос-

¹ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 134.

² Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27, ст. 2710.

новных юридических терминов: «агитация по вопросам референдума», «адрес места жительства», «бюллетень», «вопрос референдума», «инициативная агитационная группа», «инициативная группа по проведению референдума», «кампания референдума», «комиссия референдума», «подписной лист», «политическая партия», «право на участие в референдуме», «участники референдума». В определениях 11 из них (за исключением термина «адрес места жительства») содержится ключевое слово — «референдум», а сам термин «референдум» определяется в ст. 1 данного закона. Эти термины (как минимум) и составляют юридический терминологический ряд, ведь они:

- объединены смысловым единством: их использование сфокусировано и направлено на раскрытие сущности правового регулирования общественных отношений, связанных с проведением референдума;
- зависимы друг от друга при использовании в законе: например, употребление юридического термина «агитация по вопросам референдума» невозможно без использования терминов «вопрос референдума» и «референдум», применение юридического термина «право на участие в референдуме» невозможно без использования терминов «участники референдума» и «референдум».

Кроме возможности объединения юридических терминов в соответствующие ряды, существует, на наш взгляд, реальная перспектива выделения в юридической терминологической системе и *терминологических аппаратов*. Обратим внимание, что в правовой науке широко применяется термин «понятийный аппарат» (по отношению к праву, отрасли права, правовому институту). Так, к примеру, В. Д. Власов пишет о наличии понятийного аппарата права¹, С. Ю. Головина определяет понятийный аппарат применительно к конкретной отрасли права. По ее мнению, «понятийный аппарат трудового права — это иерархически организованная информационная система, включающая в себя логически взаимосвязанные и структурно упорядоченные понятия, категории, термины и их определения, обладающая целостностью и относительной самостоятельностью функционирования в правовом понятийном пространстве»². Д. А. Смирнов выделяет понятийный аппарат конкретного правового института — института оплаты труда³.

Существуют примеры использования термина «понятийно-терминологический аппарат». Так, например, Л. А. Труженикова настаива-

¹ Власов В. Д. Онтологические основы понятийного аппарата права. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Vlasov/> (дата обращения: 30.11.2014).

² Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 1997. С. 75.

³ Смирнов Д. А. Понятийный аппарат института оплаты труда: комплексный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2009. С. 4.

ет на том, что понятийно-терминологический аппарат права — это «утвердившаяся в научных дискуссиях и реально применяемая совокупность освоенных объектов правового исследования, их значений, смыслов и связей, в которых сконцентрированы накопленные юриспруденцией знания, позволяющие специалистам профессионально, с глубокой степенью постижения сущности правовых явлений и фактов, мыслить и общаться по проблемам данной области знания»¹.

С нашей точки зрения, точнее говорить о терминологическом аппарате, что позволит не смешивать юридические понятия и термины. В качестве элементов юридического терминологического аппарата выступают отдельные юридические термины и юридические терминологические ряды. В свою очередь, их структурное единство и логическая взаимосвязь являются теми особенностями, которые характеризуют каждый юридический терминологический аппарат.

Приведем некоторые примеры. Так, терминологический аппарат российского уголовного права составляют отдельные юридические термины («обратная сила», «амнистия»), а также юридические терминологические ряды: а) «преступление», «категории преступлений», «совокупность преступлений», «рецидив преступлений», «преступник»; б) «вина», «формы вины», «умысел», «неосторожность», «вред», «невиновное причинение вреда» и др. При этом данные элементы юридического терминологического аппарата отличаются структурным единством (они последовательно определяют соответствующие им понятия) и логической взаимосвязью (они объединены общим уголовно-правовым понятийным вектором).

Исходя из изложенного, можно выделить следующие признаки юридического терминологического аппарата:

- относительная обособленность юридического терминологического аппарата в рамках юридической терминологической системы;
- структурное единство элементов (юридических терминов и юридических терминологических рядов), составляющих юридический терминологический аппарат;
- логическая взаимосвязь элементов, составляющих юридический терминологический аппарат.

На основании данных признаков *юридический терминологический аппарат* можно определить как относительно обособленную совокупность юридических терминов и юридических терминологических рядов, определяемую их структурным единством и логической взаимосвязью в рамках юридической терминологической системы.

¹ Труженикова Л. А. Латинский язык как средство овладения учащейся молодежью понятийно-терминологическим аппаратом права: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2002. С. 8.

Следует заметить, что в юридической терминологической системе должны существовать как вертикальная, так и горизонтальная связь между элементами (юридическими терминами, юридическими терминологическими рядами, юридическими терминологическими аппаратами).

Вертикальная связь основана на возможности объединения первичных элементов системы (юридических терминов) и, как следствие этого, формирования терминологических рядов, аппаратов и самой системы. Она служит плацдармом для структурирования юридической терминологической системы.

Горизонтальная связь обусловлена однородным составом элементов юридической терминологической системы: и терминологические ряды, и терминологические аппараты формируются с помощью первичных элементов системы — юридических терминов.

Представление о существовании вертикальной и горизонтальной связи между элементами юридической терминологической системы крайне важно для установления режима ее непротиворечивости.

Сформулируем ключевые выводы.

1. Юридическая терминологическая система является своеобразной теоретико-правовой моделью существования юридической терминологии. Ее можно представить как структурно упорядоченное множество юридических терминов, используемых в юридическом языке, существующее во взаимосвязи и взаимозависимости, цикличное в своем развитии.

2. Структурными элементами юридической терминологической системы являются юридические термины, юридические терминологические ряды и юридические терминологические аппараты. В качестве первичных элементов юридической терминологической системы следует воспринимать юридические термины, которые одновременно служат и связующим звеном, объединяющим все иные элементы.

8.2. Способы образования юридических терминов

Для полноценного исследования сути юридической терминологической системы следует обратить внимание и на способы образования ее структурных элементов — юридических терминов.

Каждый юридический термин имеет свою историю проникновения в юридический язык. Так, какой-то юридический термин намеренно был создан усилиями представителей отечественной или зарубежной науки и практики для обозначения специального юридического понятия, а какой-то изначально был общеупотребительным словом или вообще принадлежал к терминологии другой области знания. Их общность заключается в том, что при использовании в юридическом языке все они в итоге обретают такие свойства, которые характеризуют *юридическую* терминологию, следовательно, они становятся полноценными наименованиями соответствующих юридических понятий.

Образование современной юридической терминологии может происходить с помощью трех различных способов:

- путем создания юридических терминов усилиями представителей науки и практики;
- путем терминологизации;
- путем транстерминологизации.

Отметим, что все эти способы образования юридической терминологии малоисследованны в юридической науке, что обусловлено, видимо, их специфической лингво-правовой сущностью. Поэтому, например, процессы терминологизации и транстерминологизации в общих чертах изучаются, в основном, лишь в лингвистических работах¹.

Вопросы существования, прежде всего, транстерминов в юридическом языке трудны для правового анализа. Границы терминологий различных областей знания в большинстве случаев весьма размыты, что связано с постоянной терминологической миграцией, имеющей место в современном языке. Несмотря на это, мы считаем, что в изучении истоков появления тех или иных терминов в юридическом языке в определенной степени отражается и сама суть права.

Попытаемся провести юридический анализ всех перечисленных способов образования юридической терминологии.

1. *Создание юридических терминов усилиями представителей науки и практики* является единственным способом, в результате использования которого юридическая терминология пополняется напрямую, без посредничества изначально неюридических слов. Плоды данного процесса можно условно назвать «чистыми» юридическими терминами, хотя некоторые исследователи называют их «искусственными» терминами. Так, еще немецкий ученый А. Вах писал о том, что «подобно тому, как ребенку неохотно изобретается новое имя... так обстоит дело и при образовании искусственных юридических терминов. Этот термин должен не только индивидуализировать содержание; он должен, по возможности, выражать сущность понятия, его правовую ценность. Монета должна быть подлинной чеканки и размера и соответствовать надписи. Тогда она становится важным, незаменимым вспомогательным средством для наших представлений»². «Чистыми» юридическими терминами являются, к примеру, термины «заве-

¹ См.: Рыженкова Т. В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001; Юндэн Энхтувшин. Терминологические системы юриспруденции в монгольском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.

² Wach A. Legislative Technik. Vergl. Darat. В. 6. Allg. Theil. S. 24; Цит. по: Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 11–12.

щательный отказ», «право оперативного управления имуществом», «трудовой договор», «необходимая оборона», «условное осуждение», «источники права» и др.

Очевидно, что за каждым таким юридическим термином стоит известное либо неизвестное имя конкретного исследователя. Так, например, термин «источники права» в юридический язык впервые ввел Тит Ливий при характеристике Законов XII таблиц¹, автором юридического термина «право оперативного управления имуществом» является А. В. Венедиктов². При этом отметим, что создатели юридических терминов не всегда являются юристами. Термин «юридическая психология», который в настоящее время активно задействован в праве, впервые стал использовать известный французский психолог Э. Клапаред, читавший курс лекций по судебной психологии в Женевском университете³.

2. *Терминологизацией*, по отношению к праву, является использование общеупотребительных слов, изначально принадлежавших к общему литературному языку, в юридическом языке и придание им особого, правового смысла.

Общеупотребительная лексика и юридическая терминология тесно связаны между собой и соотносятся как «один из основных источников пополнения и адаптирующая система, усваивающая такие единицы под воздействием стремления законодателя сделать текст закона как можно более понятным для рядового человека»⁴. Изначально общеупотребительных слов в юридическом языке большинство, поэтому именно терминологизация способствует укреплению его фундамента.

Основной предпосылкой терминологизации служит *необходимость* общеупотребительного слова для выражения сущности какого-либо правового явления и (или) процесса.

Терминологизация характеризуется двумя фазами: начальной (слово используется в литературном языке и имеет статус общеупотребительного) и конечной (общеупотребительное слово трансформируется в юридический термин). Поэтому отправной точкой терминологизации является уже сам факт существования необходимого слова в литературном языке, окончанием же данного процесса следует считать момент введения данного слова в юридический язык. Это может быть

¹ Большая советская энциклопедия (электронная версия). URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00030/63300.htm> (дата обращения: 18.12.2014).

² См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. Л., 1949. С. 589.

³ Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник (электронная версия). URL: http://www.koob.ru/enikeev_m_i/yur_psih_enik (дата обращения: 02.01.2015).

⁴ Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1997. С. 90.

закрепление термина в тексте какого-либо нормативного правового акта, его использование в акте правоприменения, а также, например, внедрение в научный юридический тезаурус.

Изначально общеупотребительными словами, в разное время подвергшимися терминологизации, являются, например, «вещь», «имущество», «информация». А в настоящее время уже трудно представить себе юридическую науку и практику без данных *юридических* терминов. Примечательно, что если слова «вещь» и «имущество» стали юридическими терминами в результате терминологизации, то появление таких терминов, как «вещные права» и «имущественные правоотношения», — это уже исключительно результаты интеллектуальной работы самих юристов.

Использование юридических терминов с общеупотребительными корнями призвано способствовать доступности текста любого закона для пользователя. В целях реализации данного тезиса таким юридическим терминам в необходимых случаях следует давать разъяснения.

Необходимо проводить четкий «водораздел» между юридическими терминами, появившимися в результате терминологизации, и общеупотребительными словами, которые используются в юридическом языке, но юридическими терминами не являются. Общеупотребительные слова актуализируются в своем общепринятом (исзначальном) смысле. Они не соотносятся с какими-либо юридическими понятиями и не обладают другими свойствами, присущими юридическим терминам. Например, «перечень», «разновидность», «сообщение» и др. При этом есть случаи одновременного использования юридического термина и общеупотребительного слова. Например, термин «предприятие» может трактоваться в праве как «имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности» (например, в контексте ст. 132 ГК РФ), т.е. обозначать юридическое понятие. В данном случае его, безусловно, следует воспринимать как юридический термин, однако он нисколько не теряет своей общеупотребительной функции и может быть задействован в различных юридических источниках и в качестве общеупотребительного слова в значении «производственная или хозяйственная единица или объединение нескольких таких единиц» или «предпринятое кем-либо дело»¹. Это же относится и к термину «территория», который трактуется в статье 67 Конституции Российской Федерации теперь следующим образом: «территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы фе-

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 960.

деральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом»¹.

3. Следующим способом образования современной юридической терминологии является *транстерминологизация*.

Юридический язык является одним из самых сложных специальных видов литературного языка. Подтверждением этому является, в частности, наличие в нем достаточно большого количества транстерминологизированных единиц. Т. В. Рыженкова трактует общее явление транстерминологизации как «перенос термина из одной терминологической системы в другую, сопровождающийся различного рода семантическими изменениями этого термина»². По отношению к праву *транстерминологизацией* является использование специальных неюридических терминов, изначально принадлежавших к другим областям знания, в юридическом языке и придание им особого, правового смысла. Данное определение позволяет нам сделать вывод о том, что основным критерием различия процессов терминологизации и транстерминологизации служит источник пополнения юридической терминологии. В первом случае, как уже отмечалось, это общепотребительная лексика, во втором — терминология, задействованная в других областях знания.

Появление юридических терминов, заимствованных из других областей знания (транстерминов), — это, прежде всего, результат глобальных процессов взаимопроникновения наук, следствие возникновения новых общественных отношений, появления ранее не существовавших отраслей права. Так, С. П. Хижняк отмечает, что «возникновение переосмысленных терминов других отраслей знания — явление сравнительно позднее для русской юридической терминологии (конец XIX — начало XX в.)»³. Оно было связано с бурным развитием права и государства в этот период, укрупнением правовых отношений, совершенствованием правовых реалий.

В настоящее время транстермины занимают довольно значимое место в юридическом языке. В исследовании, проведенном Т. В. Рыженковой, представлены данные, свидетельствующие о том, что в современном гражданском праве используется порядка 200 юридических терминов, заимствованных из других областей знания, в экологическом

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета — Федеральный выпуск № 55(8109). 16 марта 2020 г.

² Рыженкова Т. В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. С. 17.

³ Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1997. С. 86.

и уголовном праве — порядка 100 транстерминов, в административном и государственном праве — около 50. Основными источниками пополнения юридической терминологии в представленном ракурсе, по нашему мнению, являются такие области научной и практической деятельности, как экономика, экология, политология, медицина¹. Однако следует заметить, что существуют и другие, менее традиционные источники. Например, в современном праве используется такой термин, как «дисквалификация», который изначально воспринимался лишь как спортивный термин. Небезосновательно А. П. Кузнецов и Н. В. Макарейко обращают внимание на то, что дисквалификация «является принципиальной новеллой для российского законодательства»². Впервые нормативное регулирование дисквалификации было представлено в ст. 9, 10 и 19 ранее действовавшего Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу)³ и касалось возможности отстранения от должности руководителя должника. В настоящее время термин «дисквалификация» используется в современном Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (ст. 20⁴), но уже в значении, связанном с возможностью отстранения арбитражных управляющих, а также в ч. 1 ст. 3.11 КоАП РФ, где закреплено, что «дисквалификация заключается в лишении физического лица права замещать должности федеральной государственной гражданской службы, должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, должности муниципальной службы, занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо осуществлять деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг, либо деятельность в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий, либо осуществлять деятельность в сфере проведения экспертизы про-

¹ Рыженкова Т. В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминсистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. С. 73.

² Кузнецов А. П., Макарейко Н. В. Соотношение дисквалификации и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 4: в 3 т. М., 2004. Т. 1. С. 850.

³ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2, ст. 222.

⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

мышленной безопасности, либо осуществлять медицинскую деятельность или фармацевтическую деятельность».

Таким образом, в спорте дисквалификация — это «лишение спортсмена права участвовать в спортивных соревнованиях»¹, а в праве, в обобщенном виде, дисквалификация — это лишение права физического лица осуществлять определенные юридические действия. Термин один, но выражаемые понятия различны, даже несмотря на общий смысловой вектор — «лишение права заниматься чем-либо».

По такому же принципу объединены и другие термины, используемые в различных областях знания, воспринятые юридическим языком. Общим смысловым вектором характеризуются, например, и такие юридические термины, как «санация» и «наследственная трансмиссия».

При этом немаловажно заметить, что все проанализированные нами термины, реализовавшись в юридическом языке, несколько не утратили возможности своего использования в языках других отраслей знания (как в первичных — донорах для юридического языка, так и во всех остальных).

Как видно из приведенных примеров, процесс транстерминологизации при всей кажущейся внутренней и внешней сложности, является достаточно удобным способом пополнения юридического языка. При этом основываться данный процесс должен на определенных правилах, предполагающих его осуществление только в случаях, необходимых для развития права.

С нашей точки зрения, это должны быть следующие правила:

- основой осуществления транстерминологизации должна являться действительная *необходимость* термина, используемого в другой области знания, для выражения сущности какого-либо правового явления и (или) процесса;
- транстерминологизация возможна только при условии недопущения проникновения в юридический язык нежелательных терминов (диалектизмов, жаргонизмов и др.);
- в результате транстерминологизации должна быть достигнута наибольшая (максимальная) точность передачи смысла соответствующего юридического понятия.

Первое правило является наиболее очевидным, так как не вызывает сомнений, что без действительной необходимости соответствующего термина, используемого в другой области знания, для выражения сущности какого-либо правового явления и (или) процесса, смысл транстерминологизации нивелируется, отпадает потребность в ее осуществлении. Степень востребованности того или иного иноотраслевого термина должна определяться с учетом исследования существую-

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1. С. 402.

щих общественных отношений, а также особенностей формирования юридической терминологической системы.

Второе правило основано на необходимости ограничения внедрения в юридический язык просторечных, разговорных слов, в том числе диалектизмов и жаргонизмов, а также архаизмов, канцеляризмов и других слов, использование которых для права является нежелательным.

Языковая стандартизованность должна быть ведущим началом правотворческой деятельности, однако интегративная природа права дает основание судить о проникновении неофициальной лексики в юридический язык. При этом, например, перенос жаргонизма в законодательный текст не означает изменение его языкового статуса, он так и остается жаргонизмом, а значит, способствует «загрязнению» юридического языка. К сожалению, следует признать тот факт, что полностью исключить использование нежелательной для юридического языка лексики пока не удастся.

Третье правило определяет, что при осуществлении процесса транстерминологизации его плоды должны максимально точно отражать сущность соответствующих юридических понятий. Соответственно, предполагается, что другими способами, кроме транстерминологизации, такой точности добиться нельзя.

Отметим здесь, что, учитывая разнообразие юридической терминологии, ее использование в законе должно быть направлено на придание тексту закона наибольшей понятности, поэтому, проводя транстерминологизацию, разработчику каждого законопроекта следует первоначально определить уровень доступности конкретного языкового материала для рядового пользователя, проанализировать другие возможные варианты обозначения юридических понятий и убедиться в том, что только транстерминологизация позволит добиться необходимой точности выражения смысла соответствующего юридического понятия. После такой всесторонней оценки возможно введение в отечественный юридический язык нового элемента в качестве транстермина.

От транстерминологизации необходимо отличать терминологическую миграцию, происходящую в языке. Процесс миграции характеризуется движением термина из одной области знания в другую без изменения его содержания, поэтому основным отличием терминов, подвергшихся терминологической миграции, является их смысловая адекватность значению в первоисточнике. Это не юридические термины, а специальные термины соответствующих областей знания, используемые в юридическом языке. Например, биологический термин «анадромные виды рыб», задействованный в тексте Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении во-

дных биологических ресурсов»¹ (ст. 29¹ и др.), психологический термин «комплекс неполноценности», используемый в тексте Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ст. 6)², почвоведческий термин «мелиорация земель», употребляемый в Земельном кодексе Российской Федерации (ст. 13). Они обозначают те же понятия, которые используются в отраслях-«донорах» (биология, психология, почвоведение), поэтому они узкопрофильны в своем содержании и зачастую малопонятны для большинства населения. Использование специальных терминов соответствующих областей знания необходимо осуществлять с учетом возможности раскрытия их содержания (исходя из текста источника), дабы исключить возможность любых интерпретационных ошибок.

Сформулируем ключевые выводы.

1. Существует три способа образования современной юридической терминологии: 1) создание юридических терминов усилиями представителей науки и практики; 2) терминологизация; 3) транстерминологизация.

2. При использовании каждого из возможных способов образования юридической терминологии необходимо исходить из его максимальной эффективности по сравнению с другими способами, опираясь при этом на выработанные в юридической науке правила использования юридической терминологии, а также учитывая особенности функционирования юридической терминологической системы.

Вопросы для самоконтроля

1. Определите понятие и охарактеризуйте признаки юридической терминологической системы. Рассмотрите вопрос о юридической терминологической системе на примере терминологии нескольких отраслей права (по своему выбору).
2. Проведите сравнительный анализ юридической терминологической системы советского и современного периода. Приведите примеры преемственности юридических терминов.
3. Какова структура юридической терминологической системы? Проиллюстрируйте примерами из действующего законодательства наличие юридических терминов, рядов и аппаратов.
4. Проследите особенности существования юридических терминологических рядов по отношению к конкретным законам. Смоделируйте признаки юридического терминологического ряда.

¹ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5270.

² Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

5. Охарактеризуйте и проиллюстрируйте примерами существование юридических терминологических аппаратов. Выделите признаки юридического терминологического аппарата.
6. Проведите исследование юридической терминологии (на примере любой отрасли права) по следующей схеме: юридический термин – юридический терминологический ряд – юридический терминологический аппарат.
7. Приведите примеры создания юридических терминов усилиями представителей юридической науки. Оцените возможности и перспективы введения новых юридических терминов в современный язык законов, сформулируйте свое мнение о необходимости такого процесса.
8. Объясните, как вы понимаете процессы терминологизации и транстерминологизации в юридическом языке. Продемонстрируйте отличия терминологизированных слов и транстерминов на конкретных примерах.
9. Определите разницу между юридическими терминами, появившимися в результате терминологизации, и общеупотребительными словами.
10. Какие правила транстерминологизации вам известны? Сформулируйте отличия между процессами транстерминологизации и терминологической миграции.

Тестовые задания

- 1) Определите признаки, присущие юридической терминологической системе (выберите один или несколько ответов):
 - a) хаотичность юридических терминов
 - b) отсутствие цикличности в развитии юридической терминологической системы
 - c) структурная упорядоченность юридических терминов
 - d) взаимосвязь юридических терминов и взаимозависимость между ними
- 2) Юридический терминологический ряд – это:
 - a) объединение юридических терминов
 - b) объединение юридических терминов на основе смыслового единства и зависимости друг от друга
 - c) объединение юридических терминов на основе смыслового единства, зависимости друг от друга, существующее в рамках юридической терминологической системы
- 3) Определите признаки юридического терминологического ряда (выберите один или несколько ответов):
 - a) смысловое единство составляющих ряд юридических терминов
 - b) зависимость составляющих ряд юридических терминов друг от друга
 - c) иерархичность юридических терминов
 - d) наличие у юридических терминов определений
- 4) Юридическая терминология пополняется напрямую, без посредничества изначально неюридических слов, в условиях:
 - a) создания юридических терминов усилиями представителей науки и практики
 - b) терминологизации
 - c) транстерминологизации

- 5) Основной предпосылкой терминологизации является:
 - а) необходимость нового термина
 - б) необходимость общеупотребительного слова
 - с) необходимость общеупотребительного слова для выражения сущности какого-либо правового явления и (или) процесса
- 6) Транс терминологизация – это:
 - а) использование общеупотребительных слов, изначально принадлежавших к общему литературному языку, в юридическом языке и придание им особого, правового смысла
 - б) создание юридических терминов усилиями представителей науки и практики
 - с) использование специальных неюридических терминов, изначально принадлежавших к другим областям знания, в юридическом языке и придание им особого, правового смысла

Рекомендуемая литература

1. *Анохин П.К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / П.К. Анохин // Принципы системной организации функций. – М., 1973.
2. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М., 1976.
3. *Власенко Н.А.* Избранное: юбил. изд., подгот. к 60-летию д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Власенко / Н.А. Власенко. – М.: НОРМА, 2015.
4. *Головина С.Ю.* Понятийный аппарат трудового права / С.Ю. Головина. – Екатеринбург, 1997.
5. *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований / Д.А. Керимов. – М., 1986.
6. *Люблинский П.И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский; под ред. и предисл. В.А. Томсинова. – М., 2004.
7. *Рыженкова Т.В.* Специфика процесса транс терминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.В. Рыженкова. – Волгоград, 2001.
8. *Туранин В.Ю.* Феномен юридической терминологии / В.Ю. Туранин. – М., 2018.
9. *Хижняк С.П.* Юридическая терминология: формирование и состав / С.П. Хижняк; под ред. Л.И. Баранниковой. – Саратов, 1997.
10. *Bertalanffy, von L.* General System Theory. Foundations. Development Applications / L. von Bertalanffy. – N.Y., 1969.

Раздел 9

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ

9.1. Законодательные дефиниции: понятие и значение

Сложный, требующий глубокого понимания и тщательного освоения, язык права обладает специфичным терминологическим комплексом, раскрывающимся при помощи дефиниций. Термин «дефиниция» происходит от лат. *definition* — определение, точное указание. В толковом словаре С. И. Ожегова «дефиниция» обозначается как «определение, истолкование понятия»¹.

Юридический язык, по мнению В. Ю. Туранина, — это система словесного выражения мыслей, с помощью которой описывается право и его проявления, характеризующиеся наличием специфической терминологии, особенных объектов фиксации и определенным кругом постоянных пользователей, служащая средством интеллектуально-правовой коммуникации².

Справедливой для правоведения в целом представляется мысль профессора Сорбонны, Гарварда и Колумбийского университета, Члена Национальной академии наук США Л. Бриллюэна о том, что «наука не простое накопление эмпирических результатов. Она представляет собой, по сути дела, попытку понять и упорядочить эти результаты. То, что пыгаются сделать ученые, это создание того или иного логического каркаса мышления...»³. Основа юридического мышления, свойственного креативному сознанию исследователя или юриста-практика представляет собой некие доминантные опорные точки, возникшие на базе анализа реальных и опыта, логических умозаключений, смелых предположений, конвенциональных договоренностей. Полет мысли, генерация предложений и идей возможно при условии наличия базовых компонентов языка права, каковыми могут выступать юридические дефиниции.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С. 166.

² См.: Туранин В. Ю. Юридическая терминология в российском законодательстве. Белгород, 2009. С. 9.

³ Бриллюэн Леон. Научная неопределенность и информация: пер. с англ. / под ред. и с послесл. И. В. Кузнецова. Изд. 3-е. М., 2010. С. 11.

Законодательство любого государства содержит объемный понятийный массив, позволяющий унифицировать и гармонизировать как разнообразную правовую регламентацию, так и правореализационные процессы. Особое значение дефиниций было отмечено в Отчете о состоянии российского законодательства в 2014 г.¹, подготовленном и опубликованном в соответствии с решением Президиума Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. В материалах, представленных комитетом Совета Федерации, комитетами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и законодательными органами субъектов Российской Федерации отмечена позитивная тенденция — увеличение количества дефиниций в законодательстве о культуре, а также выражена обеспокоенность по поводу непрофессионального использования терминологии в ряде случаев.

Юридическая терминология позволяет обозначить словесно широкий спектр государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний. Само слово «термин» на протяжении длительного времени не утратило связи со своим первоначальным значением, ведь в римской мифологии *Termin* — бог, оберегающий земли, охраняющий участки от посторонних посягательств. *Terminus* в латинском языке — граница, предел. И сегодня термин позволяет нам отграничить одно явление от другого, дать ему однозначное наименование, определить его границы. При этом каждый термин нуждается в раскрытии, определении, позволяющем наиболее полно отразить признаки рассматриваемого явления, отграничить его от смежных понятий.

Под юридическими терминами М.Л. Давыдова понимает слова, обозначающие правовые понятия². Дефиниция же — это краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные, качественные признаки предмета или явления³. В настоящее время дефиниции составляют значительную часть понятийного аппарата действующей системы законодательства, во многом способствуя ее формальной определенности⁴.

Термины «определение» и «дефиниция» в современной правовой науке не принято употреблять как абсолютные синонимы. Традиционным стало различать логическую операцию, в процессе которой

¹ См.: Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году / под ред. А.А. Клишаса, В.Н. Плигина. М., 2014. С. 49, 50, 68, 103.

² См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника (общая часть). Волгоград, 2009. С. 123.

³ См.: Ант Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Законодательная техника. М., 2000. С. 88.

⁴ См.: Ант Л.Ф. Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского. Н. Новгород, 2007. С. 71–72.

раскрывается содержание понятия, называя этот процесс определением понятия, и, собственно, изложенное в сжатой форме основное содержание этого понятия — дефиницию.

Определения понятий, содержащиеся в нормативных правовых актах, в юридической практике относят к легальным дефинициям. По мнению А. Ф. Черданцева, существуют две разновидности легальных дефиниций: законодательные дефиниции, содержащиеся в нормативных актах, в том числе законах, и дефиниции, содержащиеся в актах официального толкования¹.

Законодательные дефиниции — особая разновидность легальных дефиниций, понимание которой во многом зависит от подхода к определению объема понятия «законодательство». Таким образом, допустимо говорить как о «непосредственно законодательных дефинициях», закрепленных именно в законах, так и о «законодательных дефинициях», содержащихся в нормативных правовых актах разной юридической силы. Последнее возможно, если под законодательством понимать совокупность всех нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в той или иной сфере бытия (так называемый широкий подход). В научной литературе часто используются термины «легальная дефиниция», «законодательная дефиниция», «нормативная дефиниция», «юридическая дефиниция», однако четкого, однозначного подхода к разграничению этих понятий на сегодняшний день не выработано.

«Госпожа законодательная дефиниция!» — именно с этих слов начинается предисловие к материалам Международного круглого стола, организованного и проведенного Нижегородским исследовательским научно-прикладным центром «Юридическая техника», филиалом Ассоциации юристов России по Нижегородской области и юридическим факультетом Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича 21–23 сентября 2006 г. в г. Черновцы (Украина). 1456 страниц — весомый вклад ученых-правоведов и практикующих юристов России и Украины в развитие знания о правовом феномене законодательной дефиниции².

Законодательная дефиниция — стержень, каркас, ядро, квинтэссенция нормативного правового акта. Это многомерное многопространственное и многовекторное юридическое явление³.

¹ Подробнее см.: *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора. М., 2003. С. 262–265.

² Подробно см.: Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского. Н. Новгород, 2007.

³ См.: *Баранов В. М.* Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского. Н. Новгород, 2007. С. 26.

Законодательная дефиниция — особая разновидность нормативного правового предписания. Специфичная правовая нормативность законодательной дефиниции позволяет ее рассматривать в качестве нетипичного вида юридических норм и относительно автономного элемента механизма правового регулирования¹.

Так, согласно ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О полиции» «сотрудником полиции является гражданин Российской Федерации, который осуществляет служебную деятельность на должности федеральной государственной службы в органах внутренних дел и которому в установленном порядке присвоено специальное звание, предусмотренное статьей 26 настоящего Федерального закона»². Не подлежит сомнению первостепенная важность и «стержневая» роль законодательной дефиниции понятия «сотрудник полиции» в рамках данного нормативного правового акта.

Широкий спектр подходов к пониманию законодательной дефиниции обуславливает наличие полярных точек зрения на правовую сущность дефинитивных норм. В юридической литературе в течение длительного времени и довольно активно ведется дискуссия о том, являются ли законодательные дефиниции нормами права.

Например, О. Ю. Усков полагает, что в юриспруденции под дефиницией следует понимать прием юридической техники, с помощью которого понятия, встречающиеся в гипотезах, диспозициях или санкциях регулятивных или охранительных норм, «выносятся за скобки», образуя особую дефинитивную юридическую конструкцию. «Тем самым, — продолжает он, — достигается значительная экономия технико-юридических средств и сокращение законодательного материала, поскольку если дано определение какому-либо понятию в одном месте нормативного акта, то отпадает необходимость определять данное понятие при каждом новом его упоминании»³. Кроме того, по мнению О. Ю. Ускова, «дефиниции не только выполняют функцию экономии технико-юридических средств, но и придают системность нормативному регулированию, так как создают возможность однозначного употребления тождественных понятий»⁴.

В этом же русле находится спорное утверждение о законодательных дефинициях как о «нормах особого рода: второстепенных, вспомогательных, пояснительных», которые «не обладают самостоятельным значением и сами по себе не могут получить применения в жизни,

¹ См.: *Хайретдинова М.Д.* Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 7.

² Российская газета. 2011. 8 февраля.

³ *Усков О. Ю.* Юридическая техника как формально-догматическая методология. Белгород, 2007. С. 102.

⁴ Там же.

а служат исключительно для разъяснения смысла других норм»¹. Сложно также согласиться и с утверждением В. Ю. Туранина, что законодательная дефиниция «может быть частью нормы права, ее базовым элементом, но не самой правовой нормой»².

Основываются такие выводы на понимании нормы права как общеобязательного правила поведения, дефиниции как особого нормативного предписания, некоего специфического ключа к смыслу нормативного установления. Вряд ли оправданно определять законодательные дефиниции в качестве «вторичных» правовых норм, вспомогательного средства разъяснения и понимания смысла норм. Нельзя сбрасывать со счетов, что видовое деление норм права предполагает возможность существования как норм-правил поведения, так и отправных (исходных, первичных, учредительных) норм, которые определяют непосредственно исходные начала, основы правового регулирования общественных отношений, его цели, задачи, принципы, пределы, направления, методы; закрепляют правовые категории и понятия. При этом нормы-дефиниции — это предписания, содержащие определения правовых понятий и категорий³.

Характеризуя юридическую природу легальных дефиниций в монографическом исследовании, посвященном анализу логико-языковых феноменов в юриспруденции, А. Ф. Черданцев справедливо указывает, что это не только дефиниции, но и юридические нормы — дефинитивные нормы права⁴.

Весьма примечательно, что Конституционный Суд РФ оперирует понятием «дефинитивная норма права» как данностью и официально констатирует: «Норма-дефиниция воспринимается правоприменительной практикой как обладающая регулятивными функциями»⁵.

Анализ сложившихся в юридической науке подходов к пониманию законодательной дефиниции позволяет выявить ряд присущих этому правовому феномену черт:

¹ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 113.

² Туралин В. Ю. Юридическая терминология в российском законодательстве. Белгород, 2009. С. 70.

³ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1987. С. 162; Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория права и государства в схемах и определениях. М., 1999. С. 96–97.

⁴ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 66–72.

⁵ Подробное см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П по делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан // Российская газета. 2008. 26 апреля.

- законодательная дефиниция представляет собой определение понятия, отражающее существенные, качественные признаки юридически значимого предмета, явления, состояния;
- является частью понятийного аппарата действующей системы законодательства;
- формально определена;
- является особой разновидностью нормативного правового предписания;
- вид легальных дефиниций;
- особая разновидность отправных норм — дефинитивная норма права;
- придает системность нормативному правовому регулированию;
- способствует обеспечению целостности, непротиворечивости, компактности законодательного регулирования;
- фактор повышения эффективности реализации законодательных актов.

Опираясь на вышеизложенную «характеристику» законодательной дефиниции, можно, аккумулируя наиболее яркие, обладающие выраженной спецификой признаки, сформулировать ее определение.

Законодательная дефиниция — особая норма права (дефинитивная норма права), представляющая собой определение понятия, отражающее существенные, качественные признаки юридически значимых предмета, явления, состояния, способствующая обеспечению целостности, непротиворечивости, компактности законодательного регулирования, повышению эффективности реализации законодательных актов.

Самостоятельность и особая юридическая значимость законодательной дефиниции может быть более полно раскрыта в ходе анализа этого феномена в качестве:

- высокочащеваемого приема законотворческой техники;
- особой разновидности юридических норм;
- фактора стабилизации или дезорганизации при правовой регламентации общественных отношений;
- социокультурного явления;
- ориентира политико-мировоззренческой идеологии, горизонта гуманитарно-правовых ценностей;
- вектора консолидации усилий всех субъектов законотворческой деятельности;
- метода формирования и обновления правового языка;
- «катализатора» конкретизации закона в нормотворчестве, интерпретационной и правоприменительной деятельности;
- способа концентрированного выражения ключевой идеи закона либо концепции законопроекта;
- разновидности социальной памяти;

- элемента стратегии правового развития России и создания одной из составляющей федеральной программы законодательной деятельности на среднесрочную и долгосрочную перспективу;
- относительно автономного объекта мониторинга правового пространства, понимаемого как систематическая комплексная деятельность органов государственной власти и управления, научного сообщества, институтов гражданского общества по оценке, анализу, обобщению и прогнозу состояния законодательных определений и практики их применения;
- формы аккумуляции результатов мониторинга системы законодательного регулирования общественных отношений;
- средства обеспечения целостности, непротиворечивости, компактности законодательного регулирования;
- объекта «канала обратной связи», когда выявляется ее доступность либо недоступность для понимания гражданами и должностными лицами;
- индикатора возможностей граждан для их реального использования;
- инструмента повышения научно-практической обоснованности законодательства;
- фактора повышения эффективности реализации не только законодательных актов, но и всех элементов правовой системы России;
- формы согласования различных юридически значимых интересов;
- проявления плюрализма уровней и форм правовой регламентации;
- демонстрации единства права (в его языково-законодательной ипостаси) и государства (в его официально-властном функционировании)¹.

Дефинитивные нормы являются особым фрагментом теоретического познания, который демонстрирует, как отражаемое явление реализует себя в действительности, вскрывает его сущность, отграничивает от других объектов.

Вместе с тем, указывая на важность, полезность и особую ценность законодательных дефиниций, нельзя забывать, что всякое явление претерпевает изменения, а вместе с ним должна меняться и дефиниция, причем, как по форме, так и по содержанию. «*Omnis definitio*

¹ См.: Баранов В. М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского. Н. Новгород, 2007. С. 26–27.

periculosa est», — гласит известное латинское выражение, что означает: «Всякое определение опасно».

Чрезмерное увлечение дефинициями, действительно, неоправданно, однако нельзя недооценивать их роль. Так, трудно согласиться с мнением А. Ф. Черданцева о том, что «если убрать из системы права все законодательные дефиниции (дефинитивные нормы), то суть и содержание правового регулирования не изменятся, лишь усилится роль и значение официального и неофициального толкования права»¹. При этом, вполне оправданным выглядит его следующий вывод: «Обилие легальных дефиниций — качество, к которому стремиться не следует, иначе можно превратить систему права в толковый словарь»².

Обилие в нормативном правовом акте понятий и их определений не всегда целесообразно. Насыщенность закона, иного нормативного документа дефинициями лишает их гибкости, эластичности воздействия на общественные отношения, затрудняет оперативное внесение в них изменений и дополнений³.

По мнению же Т. В. Кашаниной, отсутствие дефиниций в корпоративных актах неблагоприятно отражаются на процессе корпоративного правового регулирования в целом. Как следствие, довольно часто возникает путаница в понимании терминов, употребляемых в корпоративных актах, использование одних и тех же терминов для обозначения разных понятий, подмена терминов и пр.⁴ Думается, эта позиция справедлива не только в отношении корпоративного правового регулирования, но и юридического регулирования в целом.

Ясность законодательного языка предполагает четкую и законченную определенность всех использованных в нем терминов. Внесение в текст нормативного правового акта дефиниций, официальных легальных определений используемых в нем понятий, неизвестных в обычном языке, используемом широким кругом людей, или имеющих в законе иное значение, нежели в общепринятом языке, является тем инструментом, который позволяет обеспечить всеобщую ясность, популярность законодательства, в котором для обеспечения его полноты и краткости используется специальная терминология. Специальные нормы-дефиниции позволяют, кроме того, обеспечить единообразное понимание специальных терминов, исключая возможность произвольного их толкования и искажения изначального

¹ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 72.

² Там же.

³ См.: Власенко Н. А. Техника составления дефиниций и использования оценочных понятий // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. М., 2011. С. 119.

⁴ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество). М., 2009. С. 181.

смысла¹. В. А. Гольцев в исторически значимой работе «Воспитание, нравственность, право» указывал на безусловную ценность и необходимость сохранения и утверждения некоего минимума неприкосновенной нравственной сути гражданина. При этом автор весьма интересно проводит аналогию с принципом Existenzminimum, принятым в учении о финансах XIX века, когда «... от податного обложения должна быть освобождена известная часть средств каждого человека, необходимая для поддержания человечески-достойного существования...»². Оценивая место и роль дефиниций, следует признать, что они, в некотором роде, выполняют роль Existenzminimum для существования и функционирования правовой науки и юридической практики. Отсутствие дефиниций в законе не только является дефектом, но и влечет негативные политико-правовые, морально-психологические последствия, наносит ощутимый экономический вред. Как верно отмечает Ю. А. Тихомиров, отсутствие дефиниций в законе, регламентирующем экономическую деятельность, вполне оправданно относится к специальным критериям коррупциогенности нормативного акта³.

Учитывая различие и обоснованность отмеченных позиций, следует говорить о необходимости поиска здорового, целесообразного баланса в вопросе достаточности законодательных дефиниций.

9.2. Виды законодательных дефиниций

Комплексный анализ законодательных дефиниций позволяет прийти к выводу об их многообразии, что дает возможность провести классификацию по целому ряду оснований. Например, таких как отраслевая принадлежность, форма закрепления, степень распространенности дефинируемого понятия, широта охвата признаков, вид правовых норм, в которых закреплена дефиниция, и др.⁴

Следует учитывать, что любая классификация служит не только средством систематизации знаний, но и предпосылкой научного анализа изучаемого явления. Классификация законодательных дефиниций дает возможность проявить особенности конкретных видов, проанализировать их место в законодательстве.

Видовое деление на основании **отраслевой принадлежности** наиболее распространено, так как «лежит на поверхности», без особых

¹ См.: Чухвичев Д. В. Законодательная техника. М., 2006. С. 179.

² Гольцев В. А. Нравственность и право // Воспитание, нравственность, право. Типография Высочайше утвержденного Товарищества И. Д. Сытина. Москва, Валовая улица, свой дом. 1897. С. 151–152.

³ См.: Тихомиров Ю. А. Обеспечение законности // Власть, закон, бизнес. 2005. № 168. С. 216.

⁴ Подробнее см.: Хайретдинова М. Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

усилий может быть проиллюстрировано примерами из действующего законодательства.

В первую очередь, здесь следует назвать *конституционно-правовые дефиниции*. Например, законодательная дефиниция, содержащаяся в ст. 1 Конституции РФ: «Российская Федерация — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»¹. Во-вторых, *уголовно-правовые дефиниции* — «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда»² (ч. 1 ст. 43 УК РФ). В-третьих, *административно-правовые дефиниции* — «Предупреждение — мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. Предупреждение выносится в письменной форме»³ (ч. 1 ст. 3.4 КоАП РФ). В-четвертых, *гражданско-правовые дефиниции*, например, в ч. 1 ст. 96 Гражданского кодекса РФ дано определение понятия акционерного общества: «Акционерным обществом признается общество, уставной капитал которого разделен на определенное число акций; участники акционерного общества (акционеры) не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им акций»⁴. Конечно, названные четыре вида не исчерпывают весь возможный спектр. В рамках данной классификации количество видов соответствует количеству отраслей права.

Взяв за основу **форму закрепления** дефиниций, можно назвать *дефиниции, закрепленные в нормативном правовом акте*. Так, в ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной военной гражданской службе» раскрывается понятие альтернативной гражданской службы как «особого вида трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву»⁵.

Еще один вид — *дефиниции, закрепленные в договоре нормативного содержания*, например: «Резервный фонд — счет, открытый для учета движения денежных средств, с целью финансирования непредвиденных и чрезвычайных расходов, связанных с деятельностью Организации»⁶.

Возможно также закрепление *дефиниции в правовом обычае*, ведь обычаи занимают достойное место в системе источников права, призваны осуществлять регламентацию отношений наряду с нормами права. Сегодня в России проходит процесс формирования обычаев

¹ Российская газета. 1993. 25 декабря.

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

³ Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ст. 1.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3010.

⁶ Бюллетень международных договоров. 2007. № 1. С. 4.

делового оборота, регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности, а следовательно, и специально-понятийного аппарата. Дефиниция понятия «обычай делового оборота» закреплена в ст. 5 ГК РФ: «Обычай делового оборота — сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе»¹.

Следует отметить, что для стран англо-саксонской правовой семьи еще одной типичной разновидностью являются *дефиниции, закрепленные в правовых прецедентах*.

В законодательных дефинициях раскрываются как сложные, узкопрофессиональные или специальные юридические понятия, так и общеупотребимые термины. И в том и в другом случае дефинирование обусловлено необходимостью некой унификации в восприятии понятия, единства его регулятивной сути и направленности.

По степени распространения логично выделить дефиниции *общеупотребляемых* (лес, жилище), *специальных неюридических* (акватория, мертворождение, фонограмма) и *специальных юридических* (реабилитация, арест, апелляционная инстанция) понятий.

Содержание общеупотребимого понятия раскрывается в законе, если оно используется в особом, отличном от обычного, смысле. В п. 10 ст. 5 Лесного кодекса РФ дано определение понятия «лес»: «Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе»². Привычный термин «жилище» трактуется в п. 10 ст. 5 УПК РФ как «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания». Четкая дефиниция дается обыденно звучащему понятию «внесенная в гостиницу вещь»: «вверенная работникам гостиницы либо вещь, помещенная в гостиничном номере или ином предназначенном для этого месте» (ч. 1 ст. 925 ГК РФ).

Гораздо реже в речи граждан встречается понятие «реабилитация», под которой в уголовном судопроизводстве понимается «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» (п. 34 ст. 5 УПК РФ). Лишь в рамках профессионального юридического общения типичным является термин «апелляционная

¹ Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

² Российская газета. 2006. 8 декабря.

инстанция»: «суд, рассматривающий в апелляционном порядке уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры и постановления суда» (п. 2 ст. 5 УПК РФ).

В последнее время наметилась тенденция законодателя группировать дефиниции в отдельную статью нормативного правового акта. Примечательно, что порой в этот спектр «основных, используемых в законе понятий» попадают даже термины, не встречающиеся далее по тексту нормативного правового акта. Безусловно, дефиниции могут располагаться и в других отдельных статьях акта, а также в примечаниях. Такие предписания, содержащие определения правовых понятий, являются нормами-дефинициями «в чистом виде», однако в ряде случаев дефиницию нужно «вычленять» из текста нормы-правила поведения. Таким образом, на основании **разновидности норм**, в которых закреплены законодательные дефиниции, можно выявить: во-первых, *дефиниции, закрепленные собственно в норме-дефиниции*: «Штраф есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 46 УК РФ); во-вторых, *дефиниции, закрепленные в норме-правиле поведения*: «Вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, — наказывается штрафом в размере...» (ч. 1 ст. 214 УК РФ).

Раскрытие того или иного понятия осуществляется через последовательное перечисление его признаков. Простой или сложный, общеупотребимый или специальный термин подлежит определению — в любом случае, понимание дефинитивных норм должно быть четким и единообразным, так как это необходимое условие «рабочего состояния» категориального аппарата всей системы права.

По широте охвата признаков законодательные дефиниции можно разделить на *полные и неполные*.

Полные дефиниции содержат исчерпывающий, «закрытый» спектр признаков: «Конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»¹ (п. 7 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»). Трудовой кодекс РФ содержит предельно насыщенную признаками и детализированную дефиницию: «Трудовые отношения — отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поруча-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434.

емой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором»¹ (ст. 15 ТК РФ).

Неполные дефиниции оставляют некоторую недосказанность, предоставляют правоприменителю возможность усмотрения, маневрирования в рамках правового поля. Например, п. 16 ст. 1 Водного кодекса РФ гласит: «Негативное воздействие вод — затопление, подтопление, разрушение берегов водных объектов, заболачивание и другое негативное воздействие на определенные территории и объекты»². Для граждан такая дефиниция скорее связана с проблемой понимания сути явления и, как следствие, сложностью реализации этой нормы.

Безусловно, предложенный перечень возможных классификационных оснований, а соответственно, и видов законодательных дефиниций не является исчерпывающим. Конкретные цели и направления научного поиска обуславливают перспективное выявление и анализ иных видов дефинитивных норм.

9.3. Требования к законодательным дефинициям

Законодательные дефиниции пронизывают все без исключения отрасли современного российского законодательства, занимают важное место в интерпретационных и правоприменительных актах. Вместе с тем признание ценности законодательных дефиниций автоматически не устраняет дефекты, которые, безусловно, сопровождают бытие этого правового феномена.

Изыяны, неточности требуют профессионального, вдумчивого устранения, ведь, по верному замечанию А. С. Пиголкина, дефекты дефиниций препятствуют правильному пониманию и применению нормативного акта, негативно влияют на механизм правового регулирования общественных отношений, поскольку определения понятий — нормы особого рода, органически включаемые в механизм правового регулирования³.

В частности, сегодня критически оцениваются, например, такие дефиниции, как «иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий», «публичные призывы к осуществлению террористической деятельно-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 29, ст. 2945.

² Собрание законодательства РФ. 2006. № 23, ст. 2381.

³ См.: Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 129.

сти», «незаконные вооруженные формирования», «участие в незаконных вооруженных формированиях», содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹.

Только соблюдение «правил дефинирования», основанных на неукоснительной реализации требований к форме и содержанию дефинитивных норм, обеспечивает должное состояние и эффективное функционирование правового понятийного аппарата.

Важно отметить, что в правовой науке исследование проблемы дефектов законодательных дефиниций является весьма актуальной и популярной. Разные ученые-правоведы, опираясь на природу и причины возникновения изъянов, выделяют довольно широкий спектр дефектов.

Например, М. Д. Хайретдинова среди наиболее типичных дефектов законодательных дефиниций называет двусмысленность, неточность, декларативность, излишнюю детализированность, абстрактность, тавтологичность, алогичность². Три группы ошибок рассматривает Л. Н. Ушакова: во-первых, ошибки, возникающие в результате несоблюдения при формулировании дефиниций понятий, выработанных логикой правил (соразмерности, неотрицательности, ясности и т.д.); во-вторых, ошибки, допущенные при определении содержания и объема дефиниций; в-третьих, ошибки, связанные с нарушением правил размещения дефиниций в тексте нормативного документа³.

Таким образом, типичным является анализ таких **дефектов законодательных дефиниций**, как: *двусмысленность понятийных формулировок, излишняя доступность и малоинформативность, избыточная детализированность, неточность формулировок, абстрактность, тавтологичность, отсутствие логики изложения.*

Подчеркивая важность преодоления и устранения подобных изъянов, Совет Федерации в одном из ежегодных докладов обращает внимание на обязанность Конституционного Суда РФ выявлять истинный конституционно-правовой смысл нормативных положений, определять уровень эффективности и качества законодательства, а также его интерпретации, вырабатывать возможные способы устранения выявляемых проблем⁴.

¹ Российская газета. 2012. 17 февраля.

² Подробнее см.: *Хайретдинова М. Д.* Законодательная дефиниция: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

³ См.: *Ушакова Л. Н.* Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 19–20.

⁴ См.: Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / под общ. ред. С. М. Миронова, Г. Э. Бурбулиса. М., 2010. С. 401, 403.

Эффективный нормативный правовой акт — это акт, в результате принятия которого с наибольшим результатом достигаются поставленные цели¹. Повышение эффективности нормативного правового акта зависит, в том числе, и от качества включенных в него дефиниций, при этом весьма важно, чтобы используемые в определениях понятия были однозначными, носили печать языкового «стандарта». Здесь весьма интересны параллели с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа, основанной на идее о том, что язык определяет мышление². Согласно этой гипотезе люди, говорящие на разных языках, думают по-разному, и это происходит из-за различий в их языках.

Действительно, люди определенным образом понимают текст, термины, определения понятий. Юридический язык, а соответственно, и язык изложения законодательных дефиниций формируют юридическое мышление. Бенджамин Уорф в своих исследованиях объединял европейские языки в «стандартный средневропейский», руководствуясь при этом схожестью языков и мышления европейцев. Эффективность дефинитивных норм во многом зависит от поиска, выработки и использования «стандартного юридического языка». Думается, что такое предположение не является утопией, и некая «стандартизация» здесь возможна, как возможной и жизнеспособной оказалась разработка социолога Джеймса Кука Брауна, который в 1955–1960 гг. разработал искусственный язык — логлан (от англ. *logical language*). Этот язык отличается абсолютной точностью, непротиворечивостью, не содержит многозначных словесных конструкций, прост в употреблении и освоении. Сегодня на нем разговаривают несколько тысяч человек. В конце XX в. логлан стали использовать в США в рамках исследований в области создания искусственного интеллекта.

Далее, гипотеза Сепира-Уорфа предполагает, что каждый язык создает свою собственную, отдельную, иначе структурированную действительность. Таким образом, по мере того, как языки развиваются и различия между ними увеличиваются, возможности перевода с одного языка на другой и даже сама возможность взаимного понимания уменьшается. Здесь напрашивается предположение о том, что негармонизированное совершенствование отраслевых законодательств и, особенно, отдельных нормативных правовых актов приводит к различию в подходах к дефинированию понятий, порождает несоответствия в понятийном аппарате и проблемы в реализации соответствующих норм. Не случайно, еще К. Маркс справедливо за-

¹ См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество). М., 2009. С. 97.

² Подробнее см.: *Психология и культура* / под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. Гл. 12.

мечал, что различие в терминологии далеко не безразлично, так как оно решает тысячи человеческих судеб.

Дефинитивные нормы должны быть основаны на научной базе, при их создании надлежит руководствоваться едиными и унифицированными постулатами и достижениями правовой науки в соответствующей области. **«Правила дефинирования» основываются на логических, лексических, морфологических и синтаксических требованиях.**

Среди **логических**, в первую очередь, нужно назвать *требование соразмерности*, или «равенства дефиниендума и дефиниенса»¹. Согласно этому требованию объем определяемого понятия должен быть равен объему определяющего понятия, эти понятия должны находиться в отношении тождества. Например, нерадивые курсанты и студенты зачастую раскрывают понятие юридическая ответственность как «ответственность лица за свои деяния», что совершенно не верно. Правило соразмерности здесь нарушено, поскольку объем определяющего понятия шире объема определяемого понятия.

Еще одно немаловажное требование касается перечисляемых в дефиниции признаков понятия. Это должны быть *лишь наиболее важные, основные, главные признаки*, позволяющие отличать изучаемый юридический объект от других либо формировать значение вновь вводимого знакового выражения или уточнять смысл знакового выражения, уже зафиксированного в юридическом языке.

Определение также *не должно заключать в себе «круга»*. В противном случае может возникнуть некий каскад определений, когда за определением одного понятия тут же должно следовать определение другого. Такая ситуация схожа с приемом «гиперссылки» в изложении интернет-ресурсов, что нежелательно и малоэффективно для законодательства. В результате нее и может возникнуть так называемый круг. Он появляется тогда, когда первое понятие определяется через второе, а второе через первое. Например, в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»² под рекламой понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижению на рынке». Здесь же вводится дефиниция понятия «объект рекламирования» — «товар, средство его индивидуализации, изготовитель или продавец товара, результаты интеллектуальной деятельности либо мероприятие (в том числе спортивное соревнование, концерт, конкурс, фестиваль, основанные на риске

¹ Дефиниендум (Dfd) — определяемое понятие; дефиниенс (Dfn) — термин, сочетание терминов, раскрывающих дефиниендум.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

игры, пари), на привлечение внимания к которым направлена реклама» (п. 2 ст. 3 Федерального закона «О рекламе»). Здесь видна взаимная обусловленность определений понятий «реклама» и «объект рекламирования» — первое должно определяться через второе и наоборот.

Законодательная дефиниция *не должна содержать тавтологии* (лат. *idemperidem*), когда определяющее понятие повторяет определяемое. Здесь весьма показательны следующие примеры: «Коммерческие воздушные перевозки — воздушная перевозка, предоставляемая за плату»¹ (п. 3 ст. 101 Воздушного кодекса РФ); «Антимонопольный орган — федеральный антимонопольный орган и его территориальные органы»² (п. 12 ст. 3 Федерального закона «О рекламе»).

Желательно в законах *избегать примитивных, очевидных по содержанию понятий*, таких, например, как в ч. 1 Приложения № 1 к приказу Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов»³.

Определение *не должно быть отрицательным*, т.е. не должно содержать только признаки, отсутствующие у дефинируемого понятия, в то время как его значимые признаки не отмечены.

И, безусловно, введение новых юридических дефиниций *не должно создавать неразрешимых коллизий* в теории и практике.

В процессе текстуального выражения законодательных дефиниций в самом общем плане необходимо соблюдать **лексические, морфологические и синтаксические требования**. Текст юридических определений должен быть *ясным и точным, простым и доступным, лаконичным и компактным, последовательным и связанным при изложении языковых форм, ровным и спокойным по стилю (эмоционально нейтральным), предполагающим грамотное использование разделительных и соединительных союзов, знаков препинания и т.д.*⁴

Так, например, не соответствует требованиям ясности упомянутая ранее дефиниция понятия «лес»: «Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе»⁵. Мало

¹ Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 20 июля.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

³ См.: Российская газета. 2012. 23 марта.

⁴ См.: *Карташов В. Н.* Юридические дефиниции: некоторые методологические подходы, виды и функции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Папуркивского. Н. Новгород, 2007. С. 583.

⁵ Российская газета. 2006. 8 декабря.

того, что лес определяется законодателем посредством чрезмерно абстрактных и непонятных широким слоям населения категорий. Лицам, реализующим эту норму, предлагается выбор из двух вариантов трактовки понятия леса — либо как экологической системы, либо как природного ресурса. Конкретных признаков правового понятия «лес» в дефиниции не приводится. К разряду неясных также можно отнести законодательную дефиницию понятия «транспортная безопасность»: «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства»¹ (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»). Расплывчатость признаков, необходимость раскрытия понятий, входящих в состав определения, влекут сложности в понимании и, соответственно, в реализации нормы.

По аналогии с принципами составления нормативного текста, рассмотренными Т. А. Васильевой², можно сформулировать **принципы составления дефинитивных норм права**.

Во-первых, текст дефиниции разрабатывается *в соответствии с критериями ясности, определенности, единообразия, простоты и экономичности*. При этом изложение дефинитивной нормы ясно, если содержание понятно и логично, структура четкая. Текст является определенным, если словесное выражение однозначно, единообразным, если позволяет недвусмысленно распознать, когда речь идет об одном и том же вопросе. О простоте говорит предпочтительное использование общеупотребимых слов и фраз с линейной структурой. Об экономичности — содержание только необходимых и достаточных для изложения содержания элементов.

Во-вторых, *смысл дефинитивной нормы должен быть доступен для понимания лицами, реализующими норму*, в той мере, в которой это позволяет сложность и специфика содержания.

Следует отметить, что принципы ясности, определенности, единообразия, простоты, экономичности и доступности в отдельных случаях могут вступать в противоречие друг с другом. Это требует поиска разумного баланса между ними в каждом отдельном случае.

Любое правовое явление — будь то отдельная дефиниция, нормативный правовой акт или судебный процесс — есть текстовое явление, явление речевой коммуникации³. Формулирование законодательных дефиниций — сложная мыслительная деятельность, предполагающая хорошее знание требований логики, ее приемов, и не только их знание, но и умение применять в ходе подготовки нормативного пра-

¹ Российская газета. 2007. 14 февраля.

² См.: Васильева Т. А. Как написать закон. М., 2012. С. 55.

³ См.: Давыдова М. Л. Юридическая техника (общая часть). Волгоград, 2009. С. 107.

вового текста¹. Современные исследования формальной и научной логики уделяют существенное внимание «учению о понятиях», в рамках которого анализируют содержание и объем понятий, специфику логических операций с понятийным аппаратом, концептуализацию, конкретизацию и операционализацию понятий².

Являясь своеобразным результатом деятельности, направленной на формирование современного терминологического состава отечественного законодательного массива, дефинитивные нормы призваны обеспечивать единообразное понимание специальных терминов, минимизировать возможность их искажения и произвольного толкования. Без соблюдения требований к законодательным дефинициям («правил дефинирования») вряд ли удастся существенно усовершенствовать механизм реализации правовых предписаний. Представленный в российском праве обширный, порой противоречивый дефинитивный материал нуждается в перспективной систематизации и требует всестороннего глубокого комплексного научного анализа.

9.4. Принципы законодательных дефиниций

Принципами законодательных дефиниций являются:

- правовая безупречность;
- адекватность отражения сути понятия (термина);
- системность;
- краткость формы и полнота содержания;
- логичность;
- лингвистическая грамотность.

Представим краткую характеристику каждого из сформулированных нами принципов.

1. Принцип правовой безупречности.

Это общий принцип, вытекающий из идеального, философского понимания закона как объекта, изначально предназначенного адекватно регулировать отношения в обществе. Следовательно, закон обязан быть безупречным во всех аспектах, и в первую очередь — в правовом аспекте. Дефиниции в своем проявлении являются частью закона, поэтому на них также распространяется это идеальное свойство закона. В связи с этим, законодательные определения терминов не имеют права быть коллизионными, т.е. они не должны противоречить уже имеющимся в законах дефинициям, а также существующим правовым нормам.

¹ См.: *Власенко Н. А.* Техника составления дефиниций и использования оценочных понятий // *Нормотворческая юридическая техника* / под ред. Н. А. Власенко. М., 2011. С. 120.

² Подробнее см.: *Кравченко А. И.* Формальная и научная логика: учебное пособие для вузов. М., 2014. С. 58–91.

2. Принцип адекватности отражения сути понятия (термина).

Архитектоника законодательной дефиниции должна позволять каждому пользователю увидеть все то, что ему необходимо для последовательной и эффективной работы с законодательным текстом, поэтому в дефиниции должен быть наиболее полно отражен реальный смысл соответствующего понятия, а также четко просматриваться его существенные признаки.

Заметим, что при реализации данного принципа зачастую проявляется проблема неоднозначного видения сути понятия различными субъектами законотворческой деятельности. Например, разработчик законопроекта, включая конкретный термин в текст своего «детища», реализует его с помощью одной дефиниции, эксперт же при оценке данного законопроекта может увидеть в этом определении совершенно иной смысл, депутаты соответствующего законодательного органа вполне могут акцентировать внимание на незамеченных предыдущими субъектами содержательных аспектах исследуемой законодательной дефиниции. Кроме этого, не исключено появление индивидуальных мнений и в юридическом научном мире, а также среди правоприменителей. Идеальной моделью выхода из подобной ситуации является придание дефиниции конвенционального статуса, о чем пишет Г. Т. Чернобель¹, однако, к сожалению, такое решение изначально возможно далеко не всегда. Существует проблема лоббирования дефиниций, когда понятия трактуются исходя из интересов заинтересованных в определенном регулировании общественных отношений субъектов. Но, при этом, истинность сути понятия определяется временем, поэтому именно со временем каждая законодательная дефиниция все-таки приближается к идеальной.

3. Принцип системности.

Данный принцип подразумевает объективное и полноценное функционирование каждой законодательной дефиниции в единой системе. Это обусловлено тождественными свойствами определений, их общей логической структурой. Система законодательных дефиниций проявляет себя точно так же, как и юридическая терминологическая система, ведь в большинстве случаев дефиниции следуют за терминами, являются их «тенью». Поэтому и в данной системе присутствуют, к примеру, свои взаимосвязанные и взаимозависимые дефинитивные ряды, характеризующиеся определенной иерархией.

Особенно важным аспектом в данном случае является согласованность дефиниций между собой. Системность подразумевает отсутствие коллизий, потому новые законодательные дефиниции не должны

¹ Чернобель Г. Т. Правовые понятия и их применение в законах // Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 81.

противоречить уже имеющимся в законах определениям терминов. Однако, как показывает исследование современного российского законодательства, проблемы в данном отношении есть, причем некоторые из них имеют довольно существенный характер, негативно сказывающийся на процессе реализации юридических норм.

В этой связи следует отметить, что в настоящее время назрела необходимость систематизации и унификации законодательных дефиниций, нужен их системный анализ, который позволил бы внимательно и вдумчиво оценить все существующие варианты трактовки понятия в различных законодательных источниках, выявить несоответствия, мешающие эффективному правовому регулированию, и устранить их.

4. Принцип краткости формы и полноты содержания.

Выделение этого принципа, как и в первом случае, основано на корреляционной связи права и философии. Форма и содержание — это две неотделимые друг от друга категории, которые одинаково важны для любого элемента правовой действительности.

Законодательные дефиниции необходимо облачать в краткую форму, которая способствует объективной экономии языковых средств и служит удобным способом восприятия смысла понятия. Вместе с тем краткость в формулировании дефиниции не должна деформировать содержание понятия, а наоборот, должна способствовать максимально полному отражению его существенных признаков, которые позволяют идентифицировать данное понятие в понятийной системе, что необходимо для стабильного и эффективного функционирования каждой дефиниции в тексте закона.

В логике есть действенное правило, в соответствии с которым термин и дефиниция взаимозаменяемы в любом контексте, поэтому они должны быть взаимозаменяемы и в контексте законодательного акта. Актуальна в данном отношении мысль П. И. Люблинского о возможности смысловой растяжимости законодательной дефиниции, т.е. ее способности охватывать основные проявления сути понятия. Но при этом, по его мнению, дефиниции «не должны переходить в так называемые “каучуковые постановления”, которые можно растягивать в любом направлении»¹, поэтому существенные признаки определяемого понятия следует выражать как можно четче, систематизируя и упорядочивая слова и словосочетания. Сочетание краткости формы и полноты содержания законодательных дефиниций является основой для их эффективного использования.

5. Принцип логичности.

Данный принцип отражается в установлении и укреплении логических связей внутри самого определения, он основывается на после-

¹ Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 13.

довательности изложения сути определяемого понятия. В содержании законодательной дефиниции нет места для логических противоречий, следовательно, каждое последующее должно быть продолжением предыдущего, вытекать из его содержания, существовать во взаимосвязи с ним, а не отрицая его.

В тексте дефиниции необходима словесная логика, подразумевающая, что каждое слово находится на своем месте, помогая реализоваться другому слову, определяя тем самым общую суть фразы, предложения. В законодательном определении недопустима тавтология, которая выражается в определении понятия через самого же себя. По точному замечанию Т. Гоббса, «имя, которому дают определение, не должно повторяться в самом определении. Ибо то, чему должно быть дано определение, есть сложное целое; определение же есть разложение сложного на части, а целое не может быть частью самого себя»¹.

6. Принцип лингвистической грамотности.

Сформулированная в окончательной форме законодательная дефиниция должна характеризоваться грамотностью в своем изложении, а значит, соответствовать графическим, семантическим, лексикологическим, грамматическим (морфологическим и синтаксическим) правилам современного русского языка.

Важным является соблюдение общих требований к современной терминологии, выработанных филологической наукой. В этой связи, законодательную дефиницию следует выстраивать таким образом, чтобы задействованные в ее текстовой основе термины преимущественно употреблялись в том смысле, в котором они известны потенциальному пользователю, без дополнительных пояснений к ним. Прав М. Баудиш, писавший о том, что вновь вводимому понятию следует давать дефиницию «посредством тех понятий (и терминов), которые уже определены и известны»².

В итоге, законодательная дефиниция, сформулированная с учетом данной системы принципов, должна восприниматься как объект, существующий во внутренней и внешней гармонии, способствующий выражению сущности интерпретируемого понятия и отражающий его основные свойства. В этом случае определение понятия, представленное в тексте закона, будет являться действительным катализатором процесса укрепления качественных характеристик законодательного акта.

¹ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 132.

² Баудиш М. Опыт Чехословакии в подготовке терминологических стандартов // Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии». М., 1979. С. 36.

Отметим, что принципы законодательных дефиниций, формирующие необходимые критерии, которым должны соответствовать определения терминов в законодательном тексте, способны оказывать существенную помощь участникам законотворческой деятельности в России.

Безусловно, определенная нами система принципов законодательных дефиниций не является постулатом, она выполняет функцию своеобразного «пробного камня» в теории права, и вполне очевидно, что данная проблема нуждается в научно-правовой дискуссии, в результате которой, возможно, будут выработаны и иные подходы к ее решению. Главное, чтобы законотворческая деятельность в Российской Федерации, в частности, деятельность, связанная с конструированием определений понятий, поднялась на новый уровень, характеризующийся позитивными результатами, что может являться следствием только одного — минимизации проблем формы и содержания российских законов.

Сформулируем ключевые выводы.

1. Разработанные принципы законодательных дефиниций позволяют сформировать оптимальную модель применения определений юридических терминов в текстах российских законов. Использование данной модели является одним из возможных решений проблемы качества законодательных дефиниций и законов в целом.

2. Принципы правовой безупречности, адекватного отражения сути понятия (термина), системности, краткости формы и полноты содержания, логичного изложения и лингвистической грамотности законодательных дефиниций, в своей совокупности, призваны быть основой для разработки и экспертизы каждого определения юридического термина, используемого в тексте законопроекта. Опора на систему принципов законодательных дефиниций должна являться естественным и незаменимым сегментом законотворческой деятельности в России.

Вопросы для самоконтроля

1. Как соотносятся понятия «термин», «определение» и «дефиниция» в современной правовой науке?
2. Дайте определение понятия «дефиниция».
3. Назовите и охарактеризуйте основные подходы к пониманию законодательной дефиниции.
4. Являются ли законодательные дефиниции нормами права?
5. Дайте определение понятия и охарактеризуйте признаки дефинитивных норм права.
6. Какие классификации законодательных дефиниций вы знаете?
7. Каковы наиболее типичные дефекты законодательных дефиниций? Перечислите и дайте им характеристику.

Тестовые задания

- 1) Подберите из предложенного перечня понятие, соответствующее данному определению: «Краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные, качественные признаки предмета или явления».
 - a) дефиниция
 - b) специальный термин
 - c) транстерминологизация
 - d) терминологизация
- 2) К какому виду в правовой доктрине относят дефиниции, содержащие исчерпывающий, «закрытый» спектр признаков:
 - a) широкие
 - b) общеупотребимые
 - c) полные
 - d) специальные
- 3) Подберите из предложенного перечня понятие, соответствующее данному определению: «Особая норма права (дефинитивная норма права), представляющая собой определение понятия, отражающее существенные, качественные признаки юридически значимых предмета, явления, состояния, способствующая обеспечению целостности, непротиворечивости, компактности законодательного регулирования, повышению эффективности реализации законодательных актов».
 - a) юридический термин
 - b) смысловая единица
 - c) законодательная дефиниция
 - d) юридическая лексика
- 4) Двусмысленность понятийных формулировок, содержащихся в законодательстве, современная правовая наука относит к:
 - a) дефектам законодательных дефиниций
 - b) средствам обеспечения свободы в принятии правоприменительного решения
 - c) специфике использования оценочных понятий в законодательстве
 - d) терминологическим особенностям современного юридического стиля
- 5) Какие из предложенных требований не являются обязательными для соблюдения в процессе текстуального выражения законодательных дефиниций:
 - a) морфологические
 - b) лексические
 - c) синтаксические
 - d) эстетические
- 6) Общий принцип составления дефинитивных норм права, вытекающий из идеального, философского понимания закона как объекта, изначально предназначенного адекватно регулировать отношения в обществе – это:
 - a) принцип краткости формы и полноты содержания
 - b) принцип адекватности отражения сути понятия (термина)
 - c) принцип логичности
 - d) принцип правовой безупречности

Рекомендуемая литература

1. *Апт Л.Ф.* Правовые дефиниции в законодательстве / Л.Ф. Апт // Законодательная техника: научно-практическое пособие. — М., 2000.
2. *Баранов В.М.* Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. — М.: Юстиция, 2017.
3. *Васильева Т.А.* Как написать закон / Т.А. Васильева. — М., 2012.
4. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника (общая часть): учебное пособие / М.Л. Давыдова. — Волгоград, 2009.
5. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского. — Н. Новгород, 2007.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): учеб. пособие / Т.В. Кашанина. — М., 2009.
7. *Краснов Ю.К.* Юридическая техника: учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. — М.: Юстицинформ, 2014.
8. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. — М., 2011.
9. *Туранин В.Ю.* Юридическая терминология в российском законодательстве: учебно-методическое пособие / В.Ю. Туранин. — Белгород, 2009.
10. *Усков О.Ю.* Юридическая техника как формально-догматическая методология: учебно-практическое пособие / О.Ю. Усков. — Белгород, 2007.
11. *Ушакова Л.Н.* Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.Н. Ушакова. — Тамбов, 2009.
12. *Хайретдинова М.Д.* Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Д. Хайретдинова. — Н. Новгород, 2008.
13. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. — М., 2012.
14. *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. — М., 2003.
15. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1990.

Раздел 10

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ

10.1. Понятие законодательного стиля

Из предыдущих разделов мы уже знаем о языковых средствах юридической техники, юридической лексике и терминологии, особом словесном выражении преамбулы нормативных правовых актов и условиях правовой безупречности легальных дефиниций, а также об иных значимых для правовой сферы фактах языка, в целом составляющих то, что принято называть законодательным стилем. Рассмотрим эту категорию подробнее.

В широком смысле под стилем понимается способ осуществления чего-либо, отличающийся совокупностью своеобразных приемов. Таковы, например, стили управления персоналом, стили интерьера или стили плавления. По отношению к законодательству мы говорим о стиле постольку, поскольку те или иные конкретные языковые признаки словесного выражения — и с некоторыми из них мы уже познакомились ранее — указывают нам на его связь с известным общим началом: с правовой нормой, предписывающей должное в рамках действующего правопорядка.

У древних греков слово «стиль» означало заостренный бронзовый стержень для писания на восковых дощечках. Исторически связанное с текстом, с передачей мысли на расстоянии и во времени, а также с индивидуальным почерком автора, понятие стиля утвердилось в науке о языке в XVIII столетии. С тех пор стиль в специальном лингвистическом смысле — это функциональная разновидность литературного языка, совокупность различных языковых средств, отобранных длительной речевой практикой в качестве оптимальных способов выражения мысли в той или иной сфере общественной жизни.

В правовом регулировании представлен законодательный стиль — строго формализованный комплект слов, их сочетаний, а также типовых синтаксических конструкций, традиционно используемых в процессе создания норм права, их изменения либо отмены. В данном случае стилистические правила действуют подобно тому, как складываются пазлы. В распоряжении законодателя имеются все строевые элементы языка, и требуется осуществить их выбор и комбинацию,

чтобы в итоге получилась целостная непротиворечивая картина. Тем самым создается правовая модель ситуации: норма права определяет, кто, чем и в каком объеме может пользоваться; устанавливает ограничения, пределы, меру дозволенного; имеет своей целью компромисс и поддержание баланса интересов.

Изучая основные принципы и правила, с помощью которых пишутся законы и, в более широком смысле, все акты, содержащие нормы права, важно помнить, что язык — весьма сложный и тонкий инструмент в работе законодателя, требующий высокого мастерства и вместе с тем известной осторожности. Ведь если верить преданиям, то еще Эзоп, живший в VI в. до н.э., заметил опасную двойственность: язык — одновременно и лучшее, и худшее, что у нас есть. Без языка «ничего не совершишь в этом мире: не скажешь, не прикажешь, не дашь, не возьмешь, не купишь, не продашь, не создашь государство и законы, поддерживающие в нем порядок, — все существует благодаря языку». Но тот же язык «начинает ссоры, сеет обман, зависть, оскорбления, приводит к дракам и войнам, гибели людей»¹.

Только стилистически безупречный закон адекватно отражает меру свободы субъекта в реализации интересов, не препятствующую свободе других субъектов, и тем самым становится эффективным регулятором отношений в важнейших сферах жизни государства и общества. Напротив, языковые погрешности и ошибки в тексте закона делают его неопределенным, расплывчатым, неоднозначным с точки зрения восприятия, что, в свою очередь, несет высокие риски неоправданного умаления прав и свобод человека, искажения и девальвации правовых ценностей, произвола и прочих неблагоприятных последствий.

Язык закона, как нередко именуется законодательный стиль, — важнейший функциональный компонент современного русского литературного языка. Это своего рода первоэлемент юридической материи и базовое средство юридической техники, при участии которого выработаны все прочие технико-юридические средства и приемы. Как писал в свое время известный русский лингвист, академик Лев Владимирович Щерба, существование языка закона обусловлено функциональной целесообразностью, когда необходимо представить все обстоятельства во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом. «Язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков; быстрота понимания не является уже в таком случае исключительно важной, так как заинтересованный человек безо всякого понукания прочтет всякую статью закона и два, и три раза»².

¹ Эзоп. URL: <http://ezop.su/>.

² Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. Архив петербургской русистики. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba5.htm>.

Французский правовед Жан-Луи Бержель отмечает, что юридический язык в народе имеет плохую репутацию: «это язык для одурачивания простаков». Между тем язык закона — форма, в которую облачаются и в которой передаются общеобязательные правила поведения, а стало быть, он обращен ко всем гражданам и потому должен совпадать с обиходным языком. Разница лишь в особой точности и в том, что язык закона подчиняется требованиям юридической техники¹.

В отечественной правовой науке одним из первых исследователей законодательного стиля был профессор Императорского Новороссийского университета Евгений Владимирович Васьковский, обративший внимание на то, что законы можно рассматривать в качестве литературных произведений, обладающих некоторыми отличительными чертами: «предназначены к применению на практике; издаются с практической целью; основаны на соображениях справедливости и целесообразности»².

Традицию изучения законодательства как правовой письменности со своим собственным стилем продолжили Александр Александрович Ушаков и Альберт Семенович Пиголкин. «Нельзя написать хороший закон, не будучи тонким психологом, политиком, логиком, лингвистом, стилистом и даже филологом. Нормативный акт — не только категорический императив, властное предписание и требование законодателя о должном, но и своеобразное синтетическое, комплексное литературное произведение», а «язык законов имеет все основания для того, чтобы можно было рассматривать его как самостоятельный стиль»³. Характерные черты и особенности законодательного стиля определяются «назначением права в общественной жизни, а именно — быть властным регулятором общественных отношений, человеческого поведения, четко определять юридические гарантии свободы личности, права и обязанности граждан, их объединений, органов, предприятий, фирм и других субъектов права, устанавливать меры, обеспечивающие исполнение правовых предписаний»⁴.

Действительно, всякое практическое осуществление права начинается с официального текста норм, которые должны быть лингвистически корректно написаны на государственном языке, как это следует из положений Конституции РФ и Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»⁵.

¹ Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М.: Notabene, 2000. С. 385–387.

² Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 12.

³ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 66–67, 92.

⁴ Пиголкин А. С. Законодательная техника // Законотворчество в Российской Федерации. М., 2000. С. 243.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23, ст. 2199.

Согласно ч. 1 ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

В силу п. 1 и 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федерации» русский язык подлежит обязательному использованию в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства; при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов. В соответствии с п. 6 ч. 1 вышеназванного закона при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

Тем не менее даже при соблюдении литературной нормы, с которой, казалось бы, хорошо знаком каждый из нас, смысловое восприятие норм права возможно на разных уровнях. Так, например, в типичной житейской ситуации граждане, выступив в качестве поручителей, нередко удивляются, почему же кредитор, вместо того чтобы предпринимать меры к розыску должника и его имущества, сразу обращается напрямую к поручителю с требованием выплатить долг. При соответствующих же юридических познаниях такой вопрос не возникнет в принципе, ибо ясно, что поручительство представляет собой одну из правовых гарантий исполнения обязательства, тем самым каждый поручитель неизбежно принимает на себя определенные материальные риски, обусловленные недобросовестностью должника, который не расплачивается с кредитором своевременно.

Итак, чтобы изложить некое содержание в нормативной форме, создавая тем самым норму права, надо словесно выразить его в виде общего правила, написанного законодательным стилем. Таким образом, законодательный стиль — часть ресурсного обеспечения нормотворчества. Еще раз подчеркнем, что лингвистическое своеобразие законодательного стиля обусловлено необходимостью четко определить границы «правомерно-дозволенного и юридически недо-зволненного, запрещенного, а также государственно предписанного поведения»¹.

¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 58.

10.2. Общие принципы организации законодательного текста

С позиций науки о языке главная технико-юридическая задача законодателя сводится к тому, чтобы, во-первых, сформулировать мысль, которая изначально призвана служить директивой для применения на практике, а во-вторых, сообщить ее широкому кругу лиц, чтобы свести к минимуму аберрации смыслового восприятия.

Особенности построения речи и словоупотребления в тексте норм права подчинены законодательно-стилистическим принципам определенности, корректности, стабильности языкового выражения и информативности.

Определенность законодательного стиля означает, что исчерпывающее указание на объем и содержание прав и обязанностей дается в точных и единообразно толкуемых фразах. С этим принципом непосредственно связана часто встречающаяся формула «предусмотрено законом». На самом деле она указывает на предсказуемость: каждый адресат нормы права должен отчетливо представлять себе, что будет в случае, если он не использует дозволение, уклонится от обязывания либо нарушит запрет. Норма не может считаться «законом», пока не будет сформулирована с достаточной четкостью, чтобы лицо могло регулировать свое поведение: оно должно иметь возможность предвидеть — при необходимости, получив соответствующую консультацию — в степени, разумной в конкретных обстоятельствах, последствия, которое может повлечь определенное действие¹.

Именно определенность, достаточная степень точности позволяет гражданину соотносить свое поведение с той или иной нормой права. Как неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан².

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 сентября 2007 г. Дело «Джавадов (Dzhavadov) против Российской Федерации» (жалоба № 30160/04) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 2/2008.

² Например, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 27 мая 2003 г. № 9-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П и некоторые другие.

Принцип корректности законодательного стиля предполагает соответствие всех слов в составе нормативного правового акта лексическим, грамматическим и стилистическим стандартам — литературным нормам государственного языка Российской Федерации. В правовой системе действует презумпция грамматической правильности правовой нормы, однако, к сожалению, далеко не все нормативные правовые предписания безупречны с лингвистической точки зрения, о чем, в частности, свидетельствует опыт работы лингвистов в Аппарате Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹.

Принцип стабильности языкового выражения обеспечивается использованием общепринятых и понятных словосочетаний, а также стандартных языковых оборотов, традиционно употребляемых в письменной речи. В нормативных правовых текстах целесообразно применять так называемый активный словарь — известные лексические единицы, которые соответствуют исторически сложившимся формам национальной культуры, отражают общесоциальные условия существования и развития российского общества, групп людей, индивидов. Традиционные языковые способы выражения правовых предписаний отражают преимущество в правовом регулировании.

Принцип стабильности языкового выражения фактически нарушается всякий раз, когда законодатель употребляет малоизвестные иностранные слова или специальные технические термины, но не дает каких-либо пояснений, необходимых для единообразного понимания смысла нормативного правового предписания.

Принцип информативности законодательного стиля заключается в том, чтобы точным словам соответствовали ясные идеи относительно предписанного, дозволенного или запрещенного поведения. Из общепринятого значения слов устраняются все множественные смысловые оттенки, пока не останется лишь то содержание, которое наиболее полно соответствует необходимому в данном случае правовому понятию. И именно такое содержание, ограниченное по сравнению с бытовой речью, формализуется и становится единственным значением слова в правовом общении. Словесный образ юридической нормы подчиняется уже не смысловым связям в системе языка, а внутрисистемным закономерностям субординации правовых понятий. Принцип информативности требует, чтобы их словесное обозначение было единым и обеспечивало ясность правовых предписаний.

Рассматриваемый принцип нарушен, в частности, в так называемых декларативных нормах, когда вместо четких и обоснованных правовых решений используются общие фразы и слова с настолько

¹ Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/>.

широким и расплывчатым смыслом, что нормативное высказывание становится бессодержательным — с ним можно связать все, что угодно. Декларативная норма в принципе не поддается однозначному толкованию, а тем более единообразному применению, и «пустые» слова всегда ведут к девальвации юридических норм.

С лингвистической точки зрения данное явление объясняется свойством слова обобщать те или иные понятия, быть абстрактным показателем идей и представлений о мире, однако в процессе познания диапазон переходов мысли от индивидуального к общему может быть настолько велик, что образуются не обычные, а чрезмерно широкие абстракции, расплывчатые понятия с неопределенным, едва ли не безграничным предметным содержанием. В подобных случаях слово превращается в дезориентир, в бессмысленную языковую оболочку, которая лишь создает видимость обозначения, но на самом деле скрывает названный объект и не допускает его точной квалификации.

10.3. Основные правила словесного изложения норм права

Законодательные тексты, исходящие от нормотворческих властных органов и содержащие некий свод общеобязательных правил, образуют позитивную основу действующего правопорядка и по самой своей природе должны иметь характер абстрактных положений, потенциально применимых к множеству частных, конкретных случаев.

Вместе с тем нормативный правовой акт, изложенный в стиле предельно широких обобщений оценочного характера, неизбежно становится декларативным, потому что смысл правовых ценностей завуалирован так, что с ними можно произвольно связать любые действия, минуя интересы и цели субъектов, совершающих эти действия. Происходит девальвация правовой нормы: она механически воспроизводится как мобилизационный лозунг или удобная манипуляция, по-разному толкуется и применяется, а нередко вообще не может быть реализована. Четкая же соотнесенность слова с предметами, явлениями и событиями социальной действительности всегда способствует правильному пониманию смысла правовых требований.

Чтобы избежать декларативности норм и предотвратить их девальвацию, при оформлении нормативных правовых предписаний важно правильно использовать абстрактные и конкретные формы выражения мысли законодателя. Слова следует подбирать и соединять в целые фразы с таким расчетом, чтобы можно было регулярно чередовать уровни обобщенности высказывания и достичь информативной полноты, применяя то более отвлеченные, то конкретизированные формулировки.

К обобщенно-абстрактным средствам языка, которые обладают меньшей степенью определенности, относятся:

- термины метафорического происхождения — скрытые метафоры, утратившие первоначальный образ (*твердая денежная сумма, механизм стратегического партнерства, устойчивое повышение благосостояния*);
- терминологические словосочетания с именами прилагательными (*коренные малочисленные народы, персональные данные, процессуальные сроки, национальные интересы, межбюджетные трансферты*);
- гиперонимы, т.е. слова с более широким смысловым содержанием, обозначающие родовые понятия (*пути сообщения, лекарственные средства, безопасность, интеллектуальная собственность, аптечное учреждение, публичная власть*);
- перифразы, т.е. описательные обозначения вместо прямого именованя (*деяния, предусмотренные настоящим Кодексом; религиозные чувства верующих, внутрисемейные вопросы, традиции человеческого общежития*);
- местоимения и слова с местоименным значением — указатели, лишенные собственного предметного содержания (*иск по тому же требованию, установленный срок, иное законодательство*).

Вместе с тем в языке немало и понятийно-конкретизированных ресурсов, обладающих значительной степенью определенности. В частности, это:

- термины, сопровождающиеся нормативными дефинициями (*ребенок — лицо, не достигшее возраста 18 лет; пациент — физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния; эмбрион человека — зародыш человека на стадии развития до восьми недель*);
- терминологические словосочетания с существительными в косвенных падежах (*информация о гражданах, сроки для совершения процессуальных действий*; ср. более абстрактные сочетания слов *персональные данные, процессуальные сроки*);
- гипонимы, т.е. слова с более узким смысловым содержанием, обозначающие видовые понятия (*промышленная безопасность, радиационная безопасность, пожарная безопасность, авиационная безопасность, безопасность гидротехнических сооружений; аптеки, аптечные пункты, аптечные киоски, аптечные магазины; внутренние водные пути, пути сообщения общего пользования, морские пути сообщения*, ср. более абстрактные формы *безопасность, аптечное учреждение, пути сообщения*);
- прямые обозначения, точно идентифицирующие объект (*преступления*; ср. более абстрактное выражение *деяния, предусмотренные настоящим Кодексом*);
- имена с собственным предметным содержанием (*дополнительные требования, самостоятельные требования, требования о за-*

щите личных неимущественных прав; срок до 20 дней, семидневный срок, в течение 10 дней; ср. более абстрактные варианты иск по тому же требованию, установленный срок).

Оптимальная пропорция абстрактных и конкретизированных языковых средств устанавливается в зависимости от вида и структуры нормативного правового акта, содержания регулируемого вопроса, вида нормы и характера предписаний. Например, законы, имеющие наиболее важное, принципиальное значение, содержат введение, или преамбулу, которая объединяет все предписания закона общей идеей, правовой и политической основой, акцентирует внимание на актуальных вопросах правового регулирования. Соответственно и положения преамбулы формулируются с преимущественным использованием обобщенно-абстрактных средств языка, например:

Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации является одной из форм государственного регулирования миграционных процессов и направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией Российской Федерации гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации в сфере миграции.

Общие правила словесного изложения правовых норм формулируются с учетом известных закономерностей смыслового восприятия письменной речи. Как известно, в силу ч. 3 ст. 15 Конституции РФ законы и другие нормативные правовые акты являются действующими и подлежат применению только в том случае, если они в официальном порядке доведены до всеобщего сведения. Таким образом, нормы права открыты гражданам и юридическим лицам через официальную публикацию, т.е. печатный материал, который предстоит осмыслить, правильно и глубоко понять и одобрить, претворить в жизнь, реализуя правовые требования в конкретных поступках.

Смысловое восприятие нормативных правовых текстов состоит в уяснении опосредованных словом ситуаций и в воссоздании того образа социальной действительности, который предписан законодателем.

Многочисленные эксперименты российских и зарубежных психологов доказали прямую зависимость смыслового восприятия печатных текстов от целого ряда их языковых характеристик. Синтаксическая структура фразы, ее лексический состав, расположение слов и четкость связей между ними весьма существенно влияют на степень понимания текста и на то, насколько успешно усваивается содержание печатного материала его потенциальными читателями. Важна также организация текста — последовательность основных и второстепен-

ных положений, правильная и четкая рубрикация, единообразие графического оформления¹.

В частности, рекомендуется соблюдать следующие элементарные правила.

1. Порядок слов в нормативном высказывании должен быть обычным, типичным для русского языка: подлежащее ставится перед сказуемым, глагол — перед прямым дополнением, а прилагательное — перед определяемым существительным:

Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний.

2. Если в предложении есть несколько относительно самостоятельных смысловых компонентов, выраженных причастными и деепричастными оборотами, придаточными предложениями, обособленными предложно-падежными группами, то их общее количество (так называемая синтаксическая глубина предложения) не должно превышать девяти. Это ограничение связано с объемом оперативной памяти, способной удерживать от пяти до девяти независимых единиц, предъявляемых для запоминания². При превышении указанного объема целесообразно разделить текст с помощью абзачных отступов или отдельных предложений.

Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

3. В предложении не должно быть цепочек, составленных из однотипных грамматических форм, следующих друг за другом. Это правило прежде всего относится к придаточным предложениям со словом *который* и к сочетаниям существительных в форме родительного падежа, например *отцовство супруга матери ребенка*.

4. Перед определяемым словом можно поставить не более двух-трех распространенных определений, причем общее количество слов в этих определениях не должно превышать семи — девяти.

5. После определяемого слова можно поставить не более чем пять определений.

6. Между главным и зависимыми компонентами грамматической структуры можно поставить не более пяти слов. По мере увеличения дистанции между главным и зависимыми словами утрачивается четкость синтаксических связей в предложении.

¹ Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т. М. Дридзе и А. А. Леонтьев. М., 1976. С. 87–119, 126–142.

² *Миллер Дж.* Магическое число семь плюс или минус два // *Инженерная психология*. М., 1964.

Упрощая синтаксическую структуру, важно не допускать крайностей: короткие, грамматически не осложненные предложения в нормативном правовом языке неестественны и мешают обобщенному восприятию содержания соответствующих предписаний.

Попутно заметим, что средняя длина предложения в русском языке составляет 19 слов. Предложения в объеме до шести слов считаются короткими, от шести до 30 — средними и свыше 30 — длинными. Для законодательного стиля характерны преимущественно длинные предложения. Они не трудны для понимания, если в соответствующих синтаксических структурах соблюдаются перечисленные выше закономерности смыслового восприятия текста:

В течение шести месяцев со дня вступления в силу настоящего Федерального закона лица, подавшие в Европейский Суд по правам человека жалобу на предполагаемое нарушение их права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, в отношении которой не вынесено решение по вопросу ее приемлемости или по существу дела, могут обратиться в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации, в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок с указанием в нем даты обращения с жалобой в Европейский Суд по правам человека и номера этой жалобы.

В заключение еще раз подчеркнем, что совершенствование языковой формы закона напрямую связано с эффективностью его действия. Чтобы овладеть искусством законодательного стиля, нужны постоянные тренировки — например, лингвистический мониторинг, когда тексты законопроектов, публикуемых на официальном сервере Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации <http://www.duma.gov.ru/>, рассматриваются с точки зрения изложенных выше принципов и правил юридической техники.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение законодательного стиля и покажите значение словесной формы закона для эффективности правового регулирования.
2. В чем заключается принцип определенности законодательного стиля?
3. Раскройте содержание принципов корректности, стабильности языкового выражения и информативности законодательного стиля.
4. Назовите основные закономерности смыслового восприятия письменного текста.
5. Составьте план проведения лингвистического мониторинга законопроектов, публикуемых на официальном сервере Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Тестовые задания

- 1) Заполните пропуск.
Функциональная разновидность литературного языка, совокупность различных языковых средств, отобранных длительной речевой практикой в качестве оптимальных способов выражения мысли в той или иной сфере общественной жизни — это
- 2) Первоэлементом юридической материи и базовым средством юридической техники является:
 - a) язык закона
 - b) нормативное предписание
 - c) правовая дефиниция
 - d) аксиома права
- 3) В соответствии с действующим законодательством при использовании русского языка как государственного языка РФ не допускается использование:
 - a) слов, не соответствующих нормам современного русского литературного языка
 - b) любых иностранных слов
 - c) иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке
 - d) специальной терминологии
- 4) Соотнесите принципы организации законодательного текста и их содержание

Принципы	Содержание
Определенность (1)	Соответствие точных слов ясным идеям относительно предписанного, дозволенного или запрещенного поведения (a)
Корректность (2)	Использование общепринятых и понятных словосочетаний, а также стандартных языковых оборотов, традиционно употребляемых в письменной речи (b)
Стабильность языкового выражения (3)	Исчерпывающее указание на объем и содержание прав и обязанностей дается в точных единообразно толкуемых фразах (c)
Информативность (4)	Соответствие всех слов в составе нормативного правового акта лексическим, грамматическим и стилистическим стандартам — литературным нормам государственного языка Российской Федерации (d)

- 5) С каким принципом организации законодательного текста непосредственно связана формула «предусмотрено законом»?
 - a) корректность
 - b) определенность
 - c) стабильность языкового выражения
 - d) информативность

- 6) К какому принципу организации законодательного текста относится презумпция грамматической правильности правовой нормы?
- стабильность языкового выражения
 - информативность
 - корректность
 - определенность
- 7) Каким понятием принято обозначать известные лексические единицы, которые соответствуют исторически сложившимся формам национальной культуры, отражают общесоциальные условия существования и развития российского общества, групп людей, индивидов?
- пассивный словарь
 - базовый словарь
 - активный словарь
 - альтернативный словарь
- 8) В какой разновидности правовых норм нарушен принцип информативности?
- в декларативных
 - в дефинитивных
 - в отраслевых
 - в диспозитивных
- 9) Определите, какие из перечисленных средств языка относятся к обобщенно-абстрактным, а какие к понятийно-конкретизированным.

Средства языка	Вид
Гиперонимы (1)	Обобщенно-абстрактные (а)
Перифразы (2)	Понятийно-конкретизированные (b)
Гипонимы (3)	
Термины метафорического происхождения (4)	
Прямые обозначения, точно идентифицирующие объект (5)	
Имена с собственным предметным содержанием (6)	

- 10) Слова с более широким смысловым содержанием, обозначающие родовые понятия, называются
- гипонимы
 - омонимы
 - перифраз
 - гиперонимы

- 11) Заполните пропуски.

Смысловое восприятие нормативных правовых текстов состоит в (а)..... опосредованных словом ситуаций и в (b)..... образа социальной действительности, который предписан законодателем.

- 12) Если в предложении есть несколько относительно самостоятельных смысловых компонентов, выраженных причастными и деепричастными оборотами, придаточными предложениями, обособленными предложно-падежными группами, то их общее количество (так называемая синтаксическая глубина предложения) не должно превышать ...
- а) девяти
 - б) трех
 - в) пяти
 - г) пятнадцать

Рекомендуемая литература

1. *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов / Е.В. Васьковский. — М., 1997.
2. *Власенко Н.А.* Законодательная технология. Теория. Правила. Опыт / Н.А. Власенко. — Иркутск, 2001.
3. *Власенко Н.А.* Язык права / Н.А. Власенко. — Иркутск, 1997.
4. *Грязин И.* Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий / И. Грязин. — Таллин, 1983.
5. *Губаева Т.В.* Лингвистические правила законодательной техники / Т.В. Губаева, А.С. Пиголкин // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2000. — С. 275–282.
6. *Губаева Т.В.* Язык и право / Т.В. Губаева. — 2-е изд. — М.: Норма, 2010.
7. Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1998.
8. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2001.
9. Законотворчество в Российской Федерации: науч.-практич. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Формула права, 2000.
10. *Калинина Н.А.* Лингвистическая экспертиза законопроектов в Государственной Думе: опыт, проблемы и перспективы: науч.-практич. пособие / Н.А. Калинина. — М., 1997.
11. *Керимов Д.А.* Законодательная техника / Д.А. Керимов. — М., 1998.
12. *Пиголкин А.С.* Подготовка проектов нормативных актов / А.С. Пиголкин. — М., 1968.
13. *Поленина С.В.* Законотворчество в Российской Федерации / С.В. Поленина. — М., 1996.
14. Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
15. *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона / В.М. Савицкий. — М., 1991.
16. *Ушаков А.Л.* Очерки советской законодательной стилистики / А.Л. Ушаков. — Пермь, 1967. — Ч. 1.
17. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. — Екатеринбург, 1993.
18. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1990.

Раздел 11

ПРАВОВЫЕ СИМВОЛЫ

11.1. Понятие и признаки правового символа

Проблема правовой символики характеризуется большой глубиной и сложностью в связи с тем, что требует изучения двух самостоятельных научных традиций. С одной стороны, это огромная философская и культурологическая традиция исследования символа и его роли в культуре и языке, в рамках которой принято отличать символ от таких понятий, как знак, образ, аналогия, метафора, эмблема, миф, имя, язык¹. С другой стороны, это собственно юридическая традиция исследования роли символов в праве, в первую очередь, в древнем праве, восходящая к трудам Я.Гримма² и П.Д. Колмыкова³, а, по последним исследованиям⁴, и к более ранним немецким авторам XVIII века (Б.Л. Молленбек, И.Г. Шерц, И.У. Крамер, И.Г. Шаумбург, И.Т. Гофман, Э.Отто и др.). В современной российской юридической литературе правовые символы исследуются в работах Н.Н. Вопленко, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, А.В. Никитина, М.Л. Давыдовой, А.Ю. Глушакова, Л.Л. Кругликова, О.Е. Спиридоновой, И.В. Мальцева, И.А. Исаева, П.Д. Шалагинова, О.И. Шарно и других авторов.

Традиционно принято соотносить правовые символы с общим понятием символа и той ролью, которую социальные символы играют в общественной жизни.

¹ *Белый А.* Символизм. М., 1910; *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.-СПб., 2002; *Лосев А.Ф.* Знаки. Символ. Миф // Труды по языкознанию. М., 1982. С. 246–279; *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. — С. 191–199; *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1999 и др.

² *Grimm Jacob.* Deutsche Rechtsalterthümer [Немецкие правовые древности]. Göttingen. 1828.

³ *Колмыков П.Д.* О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839.

⁴ *Мальцев И.В.* Ранняя историография исследования правовых символов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (38). — С. 63–74.

Символ — это некоторая знаковая структура, служащая для обозначения идеального содержания, отличная от ее непосредственного предметного бытия, открывающегося органам чувств¹. Считается, что символы возникают в первобытном обществе, когда у людей появляется потребность каким-либо образом координировать совместную деятельность, фиксировать и быстро, понятно передавать последующим поколениям приобретенный опыт. При таком подходе символы рассматриваются как средство преодоления первобытного невежества людей, неразвитости естественного языка, отсутствия письменной речи путем создания наглядных образов и стимулирования привычного реагирования в определенной ситуации².

Безусловно, социальное значение символов не сводится к подобной регулятивной роли. В противном случае преодоление человеческого невежества и развитие естественного языка неизбежно привели бы к постепенному отмиранию символов. Этого, однако, не происходит. Несмотря на происходящее по мере развития человечества обновление и изменение их форм³, количество и значение символов в современном мире отнюдь не снижается пропорционально повышению уровня развития общества.

В культурологическом плане возникновение символов можно рассматривать не только как результат, но и как одно из средств формирования первобытного человеческого общества. Переход от дочеловеческого к человеческому (т.е. культурному) состоянию означает начало *символического кодирования* мира, своеобразное удвоение реальности. В магических ритуалах первобытные люди отнюдь не только моделировали деятельность в реальном мире, но и создавали особый мир символической реальности, приподнимающий их над их конечностью и тем самым над их существованием в качестве природных существ⁴.

В этом контексте право само по себе должно рассматриваться как важный социальный символ. Вероятно, осознание необходимости существования права (в виде закона, обычая, единого для всех порядка) и необходимости подчинения ему относится к числу архетипов человеческого сознания.

К подобному выводу можно прийти, отвечая, к примеру, на вопрос о том, почему люди подчиняются правовым велениям. В советской жестко материалистической научной доктрине в качестве основного, если не единственного, средства, обеспечивающего действенность

¹ Пигалев А. И. Культурология. Волгоград, 1999. С. 349.

² Никитин А. В. Указ. соч. С. 10.

³ О стадиях развития правовых символов на разных этапах существования человечества еще в XIX в. писал П. Д. Колмыков (*Колмыков П. Д.* Символизм права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 12–19).

⁴ Пигалев А. И. Указ. соч. С. 350.

права, рассматривалось государственное принуждение. Подобной постановкой вопроса была обусловлена, в частности, дискуссия о структуре нормы права и нерушимое убеждение отечественных правоведов в том, что каждая норма должна в составе своем иметь санкцию, иначе соответствующее правило не будет соблюдаться. На самом же деле воздействие правовой нормы на человеческое сознание не является механическим («есть санкция — подчиняюсь, нет — игнорирую»). И в первую очередь, это связано с тем, что данное воздействие опосредовано символической природой права. Соблюдение конкретной нормы обусловлено, в том числе, и тем, что право в целом символизирует в сознании людей такие ценности, как авторитет, власть, сила, порядок, верность традициям и т.п.

Именно с этим связано и нерегулятивное правовое воздействие на общественные отношения. Право само по себе (независимо от того, что конкретно записано в тех или иных законах) оказывает влияние на сознание людей. Информационное, психологическое, культурное, воспитательное, ориентационное воздействие права на жизнь общества, в первую очередь, обусловлено восприятием права в качестве целостного явления, обладающего неким особым смыслом и значением. В том числе и этим, вероятно, объясняется разграничение в нашем сознании естественного и позитивного права или права и закона. «Раздвоение» происходит на уровне восприятия: с одной стороны, мы знаем конкретные нормативно-установленные правила, императивы, (которые могут казаться нам справедливыми или не справедливыми), с другой стороны, право в целом воспринимается нами как символ справедливости и порядка¹. Противоречие между этими двумя линиями восприятия и порождает представление о параллельно существующих естественном и позитивном праве.

В определенной мере и вопрос о ценности права — это вопрос о расшифровке, раскодировании его символического смысла. Только в таком контексте можно, например, говорить о свободе, равенстве и справедливости² как универсальных вневременных правовых ценностях.

Все сказанное позволяет рассматривать *право* в качестве особого *социального символа метаюридического плана*.

Помимо самого права, в системе социальных символов может быть выделено значительное количество символов, непосредственно с правом связанных. Это явления, которые характеризуются гораздо

¹ Последнее связывается иногда в литературе с феноменом поэтизации права, — Лафитский В. И. Поэзия права. Страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003. С. 35—133.

² Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2000. С.12.

меньшим масштабом своего действия и социальной ролью. Однако общая картина действия права без них была бы неполной.

Символы, так или иначе связанные в своем существовании и действии с правом, далеко не однородны. В их числе можно выделить как минимум три группы:

1) Символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством. Именно эта группа традиционно рассматривается под наименованием «правовые символы»¹.

2) Символы, используемые в праве. Речь идет о тех условных образах, которые не получили юридического закрепления, но их смысл имеет к праву непосредственное отношение (например, изображение Фемиды как символ правосудия). С точки зрения позитивистского правовопонимания, юридического значения подобные явления не имеют, но, символизируя собой те или иные правовые ценности, они, безусловно, выступают составным элементом правовой системы общества.

3) Символы, которые упоминаются в законодательстве, не приобретая при этом правового характера. В частности, такими являются символы, использование которых запрещается действующим правом. В отличие от предыдущей, эта группа отторгается правовой системой в связи с тем, что выражает негативные, чуждые ей явления и ценности. Но, с другой стороны, само существование подобных символов не только признается правом, но и приобретает юридическое значение, выступая основанием применения юридической ответственности. Традиционно в нашей стране подобные запреты касаются нацистской символики, как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах². В настоящее время к перечню запрещенных символов добавилась символика экстремистских организаций³, а также иная символика, запрещенная федеральными законами (см. ст.20.3 КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»). Внимание к этой группе символов характерно не только для российского законодателя. Например, борьба с нацистской, расистской и другой

¹ *Бабаев В. К., Баранов В. М.* Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н.Новгород, 1997. С. 74; *Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 163; *Никитин А. В.* Указ. соч. С. 17–19.

² Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

человеконенавистнической символикой активно ведется международными, в частности, спортивными организациями¹.

Итак, помимо собственно правовых символов, закрепленных правом и имеющих определенное юридическое значение, существуют, с одной стороны, символы, не признанные официально, но являющиеся правовой ценностью а, с другой стороны, — символы, не игнорируемые позитивным правом, но и правовыми не являющиеся. Следует отметить, что четкая граница между данными группами проводится в литературе не всегда. Так, А. В. Никитин, давая жестко позитивистское определение правовых символов, в то же время говорит о таких их примерах, как изображение тюремной решетки или соединенных брачных колец². Подобные символы, однако, ни юридическим закреплением, ни, тем более, правовой охраной или процессуальным порядком применения, не характеризуются, поэтому и авторскому определению не соответствуют.

По нашему мнению, для того чтобы не ограничивать искусственно круг исследуемых проблем, целесообразно употреблять понятие «правовой символ» в нескольких значениях.

В узком смысле под ним следует подразумевать символ, установленный или санкционированный действующим законодательством. Такие правовые символы могут также носить также название нормативных или законодательных символов.

Понятие «правовой символ» *в широком смысле* охватывает все символы, являющиеся частью правовой культуры данного общества, интегрированные в его правовую систему. К ним относятся как символы, закрепленные законодательно, так и те, которые подобного закрепления не имеют, но воспринимаются людьми в качестве правовых, т.к. символизируют в общественном правосознании определенные правовые ценности.

Помимо этого, можно, вероятно, выделить и категорию *юридически-значимых символов*, включающую в себя все символы, так или иначе опосредованные позитивным правом: как охраняемые им, так и запрещенные.

Приведенные значения понятия «правовой символ», конечно, не охватывают все возможные подходы. Так, по мнению И. В. Мальцева, мно-

¹ Организация FARE (Football Against Racism in Europe) совместно с ФИФА выпускает сборники запрещенных на спортивных мероприятиях символов и лозунгов (Monitoring discriminatory signs and symbols in European football. London. UK. Fifth updated version, June 2016). Использование этих символов влечет за собой серьезные наказания для фанатов и санкции для клуба.

² Никитин А. В. Указ. соч. С. 19. Данные примеры заимствованы А. В. Никитиным из статьи Н. Н. Вопленко, интерпретирующего понятие правовых символов гораздо шире (Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 72.)

гие явления причисляются к символам вне опоры на фундаментальные дефиниции, в силу сиюминутной риторической красоты, когда символами называют, например, конституцию, суверенитет, государство и т.д.¹. Автор обосновывает гораздо более узкое понимание правового символа, основанное на противопоставлении понятий «символ» и «знак». В такой трактовке символы всегда связаны с тем или иным субъектом права (человеком, организацией, государством), а знаки — с объектами (товарные знаки, денежные знаки, дорожные знаки и т.п.). В итоге под символом предлагается понимать «уникальные, стабильные, выраженные в особой форме ценностные объекты, условно представляющие субъектов права на разных семантических уровнях, установленные, используемые и охраняемые в соответствии с нормами права»². И включаются в их число только герб, флаг, гимн и сопоставимые с ними по функциям образования (эмблемы, штандарты, печати и т.п.).

Отдавая должное глубине и аргументированности авторской позиции, следует подчеркнуть, что, во-первых, подобный подход слишком ограничивает круг исследуемых вопросов, отсекая целые пласты правовых явлений, уже давно и привычно рассматриваемых в соответствующем разделе теории юридической техники. Во-вторых, он не соответствует первоначальной традиции исследования символов древнего права, в которой понятие это рассматривалось предельно широко (ветка или ком земли, как символ передачи собственности, и т.п.³). Скорее всего правильнее будет не ограничивать подобным образом общее понятие правовых символов, но положить упомянутые различия в основу одной из возможных их классификаций (об этом см. ниже).

Наибольший научный интерес традиционно вызывают нормативно-установленные символы. Им будет уделено основное внимание и в настоящем разделе. Не следует, однако, забывать и о том, что значение других групп символов также достаточно велико, в том числе, и в контексте юридической техники.

В отечественных технико-юридических исследованиях наиболее распространенным является определение А. В. Никитина⁴:

¹ Мальцев И. В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 102.

² Мальцев И. В. Указ. соч. С. 117.

³ О чем подробно рассказывает и сам И. В. Мальцев (*Мальцев И. В. Ранняя историография исследования правовых символов.*)

⁴ Никитин А. В. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1999. С. 19. Помимо данного определения, одним из наиболее часто цитируемых в современной отечественной литературе является: «Правовые символы — это закрепленные законодательством условные образы (замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям». (*Бабеев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: Краткая энциклопедия.* Н.Новгород, 1997. С. 74.)

Правовой символ — это создаваемый или санкционируемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое культурно-ценностное образование, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл, не связанный с сущностью этого образования, охраняемый государством и используемый в особом процедурном порядке.

Признаками правового символа, вытекающими из этого определения, являются:

1) символ — это, *искусственный знак*, имеющий *условную (конвенциональную) природу*, его форма чаще всего не связана сущностно с выражаемым ею содержанием;

2) символ признается государством и поддерживается силой государственного воздействия;

3) символ служит для закрепления и выражения *юридически-значимого содержания*. А. В. Никитин в качестве признака указывает на то, что правовой символ закрепляет *социально-значимое* юридическое содержание. Следует заметить, что социальная значимость правовых символов представляет собой самостоятельную проблему. С одной стороны, социальная значимость, наряду с символами, присуща всем правовым явлениям, равно как и праву в целом. С другой стороны, по степени социальной значимости символы существенно различаются между собой, и далеко не все из них выражают ценности, актуальные для всего общества. Бланки документов, их официальные реквизиты, безусловно, имеют символическую природу, но их социальное значение проявляется гораздо менее явно, чем сугубо юридическое. Поэтому, применительно к *правовым* символам, закрепленным и охраняемым в законодательном порядке, правильнее говорить именно о *юридически-значимом* содержании.

Таким образом, первый признак является общим для всех символов. Второй — отличает *правовые* символы от *неправовых*, т.е. противоречащих праву, запрещенных им. А третий — позволяет отграничить *собственно-правовые* (нормативные) символы, от правовых символов *в широком смысле*, т.е. тех, использование которых не влечет определенных юридических последствий, хотя смысл их неразрывно связан в сознании людей с правом.

11.2. Функции правовых символов

Проблема *значения правовых символов* в научной литературе часто рассматривается через анализ их функций. Так, Н. Н. Вопленко выделяет три основных функции правовых символов: предупредительно-ориентационную, функцию усиления регулятивного эффекта и функ-

цию экономии языковых и юридических средств¹. А. В. Никитин говорит также о функциях идентификации субъектов права, юридического факта, повышения точности, ясности, компактности правовой информации и др.². В посвященной этой теме диссертации П. Д. Шалагинов предлагает три классификации функций правовых символов: 1) по направленности на определенную сферу общественной жизни (экономическая, политическая, идеологическая и др. функции), 2) в зависимости от их знаковой природы (функции фиксации, хранения и передачи юридически значимой информации, сигнальная, номинативная (идентифицирующая), отличительная, сигнификативная, коммуникативная функции, функция замещения, аксиологическая и ориентационная функции); 3) по назначению в правовой системе (функция выражения юридически значимой информации, функция унификации правового материала, праворазъяснительная, правоконкретизирующая, правоизменяющая, правопредписывающая, превентивная, охранительная, функция легитимации, функция придания официальности и легальности юридическому документу)³.

Как представляется, важнейшими функциями правовых символов можно считать следующие.

Регулятивная функция. Правовой символ — это специфическая форма выражения правовых велений. В ситуации, когда необходимо быстро и понятно донести требование до большого количества субъектов именно символическая форма служит для обеспечения краткости, унифицированности, доступности, экономии языковых средств и, следовательно, эффективности действия правового веления. Дорожные знаки, жесты регулировщика, звуковые и световые сигналы на водном и железнодорожном транспорте несут в себе конкретные властные предписания, обязательные для исполнения, т.е. регулируют социальные отношения.

Правоустанавливающая функция правовых символов обусловлена тем, что значительной их части придается значение юридических фактов. Даже те символы, которые не исходят от властного субъекта и не несут в себе прямого предписания, часто выступают основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Подпись, печать, выдача свидетельства о государственной регистрации, провозглашение судебного решения — все эти правовые символы влекут за собой конкретные юридические последствия, обеспечивают движение правовых отношений.

¹ *Вопленко Н. Н.* Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 73.

² *Никитин А. В.* Формы реализации функции правового символа: понятие и виды // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. М., 2007, № 6. С. 22–24.

³ *Шалагинов П. Д.* Функции правовых символов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 18.

Идеологическая функция. Многие символы не содержат в себе определенных властных велений, но призваны оказать эмоциональное, психологическое воздействие на субъекта, передать «дух» права, донести до адресата правовой нормы элементы официальной государственной идеологии. Эта функция роднит правовые символы с такой разновидностью нормативно-правовых предписаний, как правовые декларации (об этом см. ниже). Именно такую роль, в первую очередь, играют официальные государственные символы, символика государственных органов и другие символы, выражающие ценности, связанные с государственной властью (судейская мантия, государственные награды и т.п.). В этом контексте можно говорить, например, о государственно-правовых символах как средстве легитимации публичной власти¹.

Информационная функция. Символы, как правило, служат средством передачи информации, как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Понятность, общеизвестность символов позволяют использовать их в качестве чрезвычайно удобного источника информации, рассчитанной на широкий круг субъектов, разделенных языковыми и территориальными границами. При этом, благодаря правовым символам, данная информация не только эффективно аккумулируется и транслируется, но и приобретает официальный характер.

Ориентирующая функция или функция социальной и политико-правовой ориентации также обусловлена широкой распространенностью, общепринятостью тех знаков, которым придается значение правовых символов. Роль последних заключается и в том, чтобы сделать окружающий мир (в том числе и правовой) понятнее для адресатов правовых велений. Правовые символы обеспечивают *связь общей и правовой культуры*, переносят в право образы, близкие и понятные людям. Именно поэтому мир права не воспринимается общественным сознанием как обособленный, оторванный от социальной действительности. Он интегрируется в общественную жизнь, в массовую культуру и, как следствие, не воспринимается человеком как чуждый или опасный.

Идентификационная функция тесно связана с предыдущей. Действительно, с помощью правовых символов субъекты права не только могут ориентироваться в мире правовых явлений, но и получают возможность идентифицировать себя, определить собственное место в кругу этих явлений. Предъявляя паспорт или служебное удостове-

¹ Глушаков А. Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX — I половины XV вв.: Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 10; *Он же*. Символы в праве // Закон и право. № 1. 2009. С. 34—38. Об этом же см.: *Фалалеева И. Н.* Политико-правовая система Древней Руси IX—XI вв. Волгоград, 2003. С. 123—134. Автор рассматривает символизм как специфический способ политико-правовой коммуникации, охватывая тем самым сразу несколько выполняемых им функций.

рение, надевая военную форму, заверяя документ печатью своей организации, субъекты самоидентифицируются в сфере права, демонстрируют собственный правовой статус. В равной мере это относится и к государственным символам, выступающим отличительными атрибутами государственного суверенитета.

Охранительная функция правовых символов может быть выделена с определенной долей условности. Дело в том, что сам по себе символ в абсолютном большинстве случаев юридическую ответственность не устанавливает, поэтому должен быть отнесен к числу регулятивных предписаний. Однако, помимо того, что символы сами по себе охраняются государством, они достаточно часто используются в качестве свидетельства охраняемости того или иного правового явления или института. Наличие печати или пломбы на помещении не означает, что его физически невозможно открыть, но сообщает, что это повлечет за собой юридическую ответственность.

Экономическая функция позволяет рассматривать правовые символы в качестве средства экономии языковых и юридических средств¹. Использование бланков, документов, формуляров, официальных реквизитов позволяет рационализировать юридическую деятельность, добиться точности и компактности изложения информации.

Вряд ли отдельный правовой символ способен одновременно выполнять все названные функции. Каждый из них имеет собственное назначение и функциональную специализацию. Однако, общий перечень функций наиболее полно демонстрирует ту роль, которую играют правовые символы (не только в нормативном, но и в широком их понимании) в правовой системе современного общества.

11.3. Соотношение правовых символов с другими категориями

В ряду средств юридической техники, рассматриваемых в настоящей учебнике, правовые символы наиболее сопоставимы с *правовыми аксиомами*. К числу явных общих черт необходимо отнести следующие.

1) Определяющим признаком правовой аксиомы является ее общеизвестность, общепризнанность. Аксиомы не нуждаются в доказательствах именно потому, что их смысл известен и понятен всем. Аналогичным образом, для правового символа обязательным требованием считается узнаваемость, понятность окружающим людям². Таким образом, оба эти понятия обозначают явления, которые надежно укоренились в общественном сознании, приняты и поняты всеми.

¹ *Вопленко Н. Н.* Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 73.

² *Бабаев В. К., Баранов В. М.* Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н.Новгород, 1997. С. 74.

2) Правовые символы обычно долго сохраняют свое значение, поэтому символ можно отнести к *догмам права*¹. Без сомнения, то же самое может быть сказано и о правовых аксиомах, складывающихся в ходе многовековой практики и являющихся важным средством обеспечения преемственности в праве.

Основное отличие, существующее между этими правовыми явлениями, сводится, на наш взгляд, к следующему.

Правовые аксиомы, выражая нравственную сущность права, характеризуют, прежде всего, его внутреннюю, содержательную сторону. Сравнивая по этому признаку аксиомы и юридические конструкции, можно прийти к выводу о том, что первые опосредуют собой содержание права, а вторые — его форму. В отличие от обоих названных явлений, *правовые символы могут рассматриваться исключительно в единстве формы и содержания*. Сущность правового символа состоит как раз в том, что некоей форме придается определенный, казалось бы, никак с самой этой формой не связанный смысл.

Те символы, которые выражают общезначимые нравственные ценности, могут рассматриваться в качестве аксиом. Однако, для аксиомы это будет лишь одной из возможных форм внешнего выражения. Для символа же «другой» формы, равно как и «другого» содержания быть просто не может.

Например, завязанные глаза Фемиды символизируют аксиоматичное требование беспристрастности суда. Это же требование может быть выражено в пословицах («закон един для всех», «никто не может быть судьей в собственном деле» и т.п.), в нормативных предписаниях («суд ... не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты» — ч. 3 ст. 15 УПК РФ) или в иных формах, не носящих символического характера.

Уместно сравнение символов с *правовыми декларациями* — специфическим видом нормативно-правовых предписаний, содержащихся преимущественно в преамбулах нормативно-правовых актов. Стоит отметить, что предложенный в разделе 6 настоящего учебника (слишком широкий, по нашему мнению) подход к структуре преамбулы допускает включение в нее различных по своей юридической природе правовых велений, в том числе, правовых дефиниций и правовых принципов. Как представляется, предназначению преамбулы как своеобразного введения к основному содержанию закона, элемента нормативного акта, оформляющего его структурное и содержательное единство, выполняющего ценностно-ориентационную функцию, в наибольшей мере соответствуют именно декларативные предписания. Они могут быть стилистически нейтральными и экспрессивно

¹ Никитин А. В. Указ. соч. С. 14.

окрашенными, могут различаться по содержанию (предметные, целевые, субъектные, отсылочные, мотивирующие, констатирующие) и по идеологической насыщенности (некоторые правовые декларации специально предназначены для привнесения в закон элементов официальной государственной идеологии)¹. Общим для всех декларативных предписаний является отсутствие конкретного правового веления и опосредованный характер реализации. Они призваны помочь в понимании назначения и сути нормативного акта (этим и объясняется обращение к преамбуле в ходе толкования закона), но не направлены на непосредственное регулирование общественных отношений. Именно поэтому декларации выносятся за пределы основного текста закона и именно благодаря этому производят ошибочное впечатление лишнего, необязательного его элемента. Правовые дефиниции и принципы — веления совершенно другой юридической природы, наполненные гораздо более весомым регулятивным содержанием, которое, безусловно, заслуживает фиксации в основном тексте нормативно-правового акта, а не в его преамбуле.

Среди правовых символов достаточно велико число таких, которые не выражают определенного нормативного веления или юридического факта, а призваны лишь воздействовать на эмоциональную сферу восприятия, донести до субъекта представление о неких ценностях. Наиболее важное место среди них занимают официальные государственные символы (герб, флаг, государственные награды, паспорт, знаки отличия, удостоверения государственных служащих и т.д.).

По нашему мнению, достаточно явным выглядит сходство подобных правовых символов с таким специфическим типом нормативно-правовых предписаний как правовая декларация. Действительно, не имея явно выраженного регулятивного значения, декларативное предписание ориентировано, в первую очередь, на правосознание субъекта, реализующего право, направлено на формирование у него определенного отношения к предмету правового регулирования, соответствующего официальной государственной идеологии. Таким образом, рассматриваемые правовые явления характеризуются следующими *общими чертами*:

1) *отсутствие конкретных правил поведения*, имеющих собственно регулятивное значение. В изображении государственного герба, равно как и в тексте преамбулы Конституции РФ, отсутствует какая бы то ни было модальность. Их цель не в установлении обязательного ва-

¹ Подробнее см.: *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб., 2009. С. 67–95; *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 178–182.

рианта поведения, а в том, чтобы констатировать определенные идеи и ценности, значимые для государства;

2) ориентация не только на рациональное, но и на *эмоциональное восприятие* соответствующих положений. Как правило, информация, воздействующая одновременно на различные уровни и стороны человеческого сознания, запоминается и усваивается значительно лучше;

3) в первую очередь, подобное воздействие достигается с помощью *специфических способов изложения* информации. Если для символов характерно использование художественных образов, чувственных, осязаемых образований (видимых, слышимых и т.п.), то специфика правовых деклараций выражается в отклонении от официально-делового стиля речи, употреблении экспрессивно-окрашенных слов и выражений. «Высокопарность», «лозунговость» нормативных текстов многими авторами оценивается отрицательно¹. Однако именно в преамбуле ее использование оправдывается необходимостью воздействия на эмоции субъекта;

4) *идеологическая насыщенность* присуща рассматриваемым правовым явлениям, т.к. идеи, которые они призваны выражать, не только признаются государством, но, в большинстве своем, являются частью официальной государственной идеологии. Речь идет о моральных, политических и иных идеалах и ценностях, значимых для соответствующего государства и общества.

Различия, имеющиеся между правовыми декларациями и символами, сводятся к тому, что декларации излагаются с помощью языковых средств, для символов же более характерна невербальная форма выражения. Различие это, следует заметить, вряд ли затрагивает сущность исследуемых феноменов (не случайно в числе видов правовых символов значительное место уделяется *языковым или словесным*). Поэтому представляется возможным говорить не столько о сходстве, сколько о *единстве* нормативно-правовых деклараций и официальных государственных символов (имея в виду, что речь идет о сопоставлении лишь части деклараций (идеологически насыщенных) с частью правовых символов — декларативными символами).

Вероятно, соотношение данных понятий может по-разному быть представлено в зависимости от контекста исследования. Так, рассматривая в качестве родового понятия правовую декларацию, мы акцентируем внимание на ее *содержании и функциональном назначении* как самостоятельного типа нормативно-правовых предписаний. С этой точки зрения символ выступает лишь в качестве особой (нетипичной) формы выражения правовой декларации.

С другой стороны, преамбула нормативного акта (содержащая большинство правовых деклараций действующего законодательства)

¹ Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 19.

сама по себе может рассматриваться как своеобразный правовой символ, выраженный в нетипичной текстовой форме. Наличие в структуре нормативно-правового акта преамбулы символизирует его важность, значимость¹. Не случайно данным структурным элементом снабжаются далеко не все, а лишь наиболее значимые законы. К сожалению, на сегодняшний день на федеральном уровне не закреплено законодательно, в какие нормативные акты необходимо включать преамбулу и каким должно быть ее содержание. Таким образом, правовая природа и символическое значение преамбулы не получили пока своего нормативного подтверждения. Это позволяет сделать вывод о том, что преамбула нормативного акта правовым символом в узком, собственном значении этого термина не является. Мы можем рассматривать ее в качестве правового символа лишь *в широком смысле*.

11.4. Классификация правовых символов

Наиболее традиционной является классификация правовых символов в зависимости от формы внешнего выражения. Число видов, выделяемых в этой классификации разными авторами, различно. В первую очередь, это связано с бесконечным многообразием самих символов и сфер их применения. Имеющиеся классификации, поэтому, во многом носят описательный характер. Н. Н. Вопленко выделил четыре основные группы: письменные, устные, изобразительные и символы-действия². В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик называют предметные, символы-действия, слова и словесные формулы, имеющие условное значение, музыкальные³. Развернутая классификация, разработанная А. В. Никитиным, включает шесть видов правовых символов:

- предметные символы (флаг, форменная одежда, государственные награды, печать);
- символы-действия (ритуал воинского приветствия, церемония поднятия флага, церемония вручения государственных наград, инаугурация);

¹ И. А. Исаев, исследуя роль символов на ранних стадиях развития права, замечает: «Особую роль в символической интерпретации играли правовые тексты декларативного характера, тексты заявления, обычно появляющиеся в переходные моменты социальной и политической истории. По преимуществу они декларируют волю законодателя, подкрепленную естественно-правовыми или социально-утопическими мотивациями» (Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. № 6. 2002. С. 5.). Думается, символическая роль правовых деклараций сохраняется и в наше время.

² Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 73.

³ Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 1998. С. 87. Подробный обзор существующих классификаций правовых символов см.: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Указ. соч. С. 170–179.

- изобразительные символы (герб, товарный знак, дорожные знаки);
- звуковые символы (гимн, звуковые сигналы на водном и железнодорожном транспорте);
- световые символы (сигналы светофора);
- языковые или словесные символы:
 - а) письменные (юридический документ, подпись, текст присяги, названия государств, государственных органов, имена физических и юридических лиц, их аббревиатурное написание);
 - б) устные (оглашение судебного решения, воинские команды, приведение к присяге, устное выражение согласия супругов вступить в брак)¹.

К сожалению, и эта классификация, несмотря на свой подробный характер, несовершенна. Некоторые символы могут одновременно быть отнесены к нескольким группам. Так, печать может рассматриваться не только как предметный, но и как изобразительный символ, дорожный знак, наоборот, представляет собой не только некое изображение, но и предмет с четко определенными (пространственными, формальными, внешними) характеристиками. Юридический документ в целом может быть отнесен и к письменным языковым и к предметным символам, а обряд приведения к присяге сочетает в себе черты устных символов и символов-действий.

Наиболее сложно, как нам представляется, провести границу между предметными, изобразительными и письменными символами, а также между устными и конклюдентными (символами-действиями). Учитывая имеющееся между ними сходство, целесообразно ввести в классификацию дополнительную группировку, разделив символы на статичные и динамичные.

Итак, система видов правовых символов, с точки зрения их *внешней формы*, будет выглядеть следующим образом:

1. *Статичные символы* — это символы, внешняя форма которых остается неизменной на протяжении определенного периода, независимо от того, используется ли символ в данный момент. Использование таких символов часто предполагает определенный ритуал, последовательность действий, однако, сами они при этом остаются неизменными. Среди этих символов, прежде всего, необходимо выделить:

¹ Никитин А. В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н.Новгород, 2000. С. 448; *Он же*. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 23. См. также: Баранов В. М., Варьяс М. Ю., Салыгин Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // Проблемы юридической техники. С. 741.

- *предметные символы*. Их особенность состоит в том, что они всегда существуют в виде определенных материальных объектов. Изображение, которое может быть нанесено на эти объекты, само по себе, без соответствующей формы внешней объективации, юридического значения иметь не будет. К таким символам могут быть отнесены денежные банкноты, флаги, штандарты, форменная одежда, знаки отличия, государственные награды, дорожные знаки, товарные, акцизные, почтовые марки, печать (устройство для нанесения соответствующего изображения на документы);
- *изобразительные символы*. Для этих символов первостепенное значение имеет изображение, сохраняющее юридическую силу, независимо от материального носителя, на котором размещено. Таковыми являются герб, товарный знак, печать (изображение печати на документе), штамп, знак охраны авторского права и т.п. Многие из этих символов содержат слова или словесные формулы, несут ту или иную информацию в языковом выражении. Однако такие слова чаще всего особым образом графически оформлены и имеют значение именно в этом графическом оформлении (печать, штамп);
- *письменные словесные символы*. Эта группа близка к предыдущей тем, что размещается чаще всего на бумажном носителе, но не привязана жестко именно к нему. Смысл данных символов выражается в словесной форме, поэтому она более вариативна («Ознакомлен. Возражений не имею. Иванов», «Согласен. Иванов», «Верно. Иванов»). Смысл символа, однако, не исчерпывается значением слов. Подпись, к примеру, является непрямым условием легитимации документа, с помощью которого последний «привязывается» к конкретному времени, месту и определенным субъектам, приобретает юридическую силу. К числу письменных словесных символов могут быть отнесены также сам юридический документ, виза на нем, текст присяги¹ или гимна, названия государств, государственных органов, имена физических и юридических лиц, их аббревиатурное написание.

2. *Динамичные символы* — это символы, получающие свою внешнюю объективацию исключительно в процессе использования. Они,

¹ Присяга в целом не может, естественно, сводиться к тому или иному тексту, т.к. выступает, в первую очередь, как определенный ритуал, система символических действий (Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2008. С. 15–18). В то же время значение самого текста присяги, его содержания, структуры, стиля изложения очень важно (Там же. С. 10.), что позволяет и его рассматривать в качестве самостоятельного правового символа.

как правило, имеют ритуально-процедурный характер, потому что сама последовательность тех или иных действий (произнесение словесных формул, подача определенных сигналов и т.п.) рассматривается с точки зрения своего символического значения. К этой группе относятся:

- *символы-действия*. Эта разновидность символов охватывает, в первую очередь, разнообразные церемонии и ритуалы (вручение наград, поднятие флага, регистрация брака и т.п.). Помимо сложных комплексных церемоний¹ к числу символов-действий можно отнести и более простые по составу и порядку осуществления: жесты регулировщика, ритуал воинского приветствия, вставание во время исполнения государственного гимна. В большинстве случаев символические действия сопряжены с использованием материальных или иных символов (сам флаг, награды, выдаваемое свидетельство и браке, жезл регулировщика, обязательное наличие форменной одежды и т.п.), однако, наряду с соответствующими материальными объектами, символическое значение имеет и сама последовательность действий по их использованию.
- *звуковые символы*. Их особенность состоит в воспроизведении с помощью музыкальных инструментов (мелодия гимна) или специальных устройств (милицейский свисток, пожарная сирена) определенных звуков, имеющих символическое значение.
- *световые символы*. Примером их могут служить сигналы светофора, световые сигналы в авиации, проблесковые маячки на различных видах транспорта и т.п.
- *устные языковые символы* характеризуются наличием словесной формы, однако, в отличие от письменных символов, приобретают юридическое значение именно в процессе и в результате публичного воспроизведения. Их ритуально-процедурный характер не допускает большой вариативности формы: оглашение судебного решения, воинские команды, приведение к присяге предполагают озвучивание строго определенных слов и текстов. Однако, языковая форма, естественно, дает некоторую свободу в выборе формулировок. Так, устное выражение согласия супругов вступить в брак может быть выражено словами «Да», «Согласен», или даже, как в известной комедии, «А зачем я, по-вашему, сюда пришел?».

¹ Никифорова Т. В. Уголовно-процессуальный обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 19–21; Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000. С. 285–295 (о судебном ритуале); Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен. С. 16–17.

С одной стороны, выделение языковых (устных и письменных) символов не совсем сочетается с общим понятием символа как искусственного знака, существующего преимущественно в невербальной форме. С другой стороны, важно помнить, что символы, как и любые социальные явления, существуют исключительно в языковой среде, порождаются ею. «Графическое и любое другое изображение права само по себе невозможно без языка, ибо в основе так называемой символической системы лежит обычный, естественный язык»¹. Поэтому вполне логично, что символические и языковые средства юридической техники не только тесно взаимодействуют между собой, но иногда и переходят друг в друга.

II. По функциональной роли правовые символы могут быть разделены на две большие группы:

— *регулятивные и декларативные.*

Первые выражают в символической форме определенные властные веления, выступают в качестве юридических фактов, влекущих конкретные правовые последствия. Такую роль играют, например, дорожные знаки, сигналы светофора, воинские команды.

Подобная форма выражения правовых велений используется в ситуациях, когда соответствующее требование необходимо донести до субъекта

- быстро,
- через большое расстояние,
- через языковой барьер;
- либо когда символическая форма необходима для *дополнительного* подтверждения или закрепления выраженного традиционным образом веления. Примером последнего могут служить устное согласие супругов вступить в брак, приведение к присяге военнослужащих и т.д.

Значение второго вида правовых символов связано не столько с конкретными правовыми последствиями, возникающими в связи с их использованием, сколько с теми ценностями, которые они собой выражают. Как было показано выше, по своему содержанию и функциональному назначению эти символы могут рассматриваться в качестве особой разновидности нормативно-правовых деклараций, выраженных в специфической невербальной форме. К данной группе относятся герб, флаг, государственные награды, паспорт, знаки отличия и другие официальные государственные символы.

Можно предположить, что один и тот же символ в определенных ситуациях может рассматриваться как регулятивный либо как декларативный. Например, государственная награда сама по себе символи-

¹ Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М., 2008. С. 150.

зирует признание со стороны государства заслуг награжденного, т.е. является декларативным символом. В тоже время получение государственной награды влечет и конкретные правовые последствия (льготы и т.п.), т.е. имеет регулятивное значение.

Вероятно, условную границу между декларативными и регулятивными правовыми символами можно провести по структуре содержащего их предписания.

III. С точки зрения *особенностей нормативно-правового предписания*, включающего упоминание того или иного правового символа, следует говорить о нескольких их разновидностях:

а) символы, указание на которые содержится *в гипотезе* нормативного предписания. Помещая символ в гипотезу правового веления, законодатель тем самым формулирует регулятивное предписание, т.к. основная его часть (диспозиция или санкция) посвящается описанию юридических последствий, возникающих в связи с использованием символа. «*При официальном исполнении Государственного гимна РФ (гипотеза)* присутствующие выслушивают его стоя, мужчины — без головных уборов (диспозиция)», — ст.7 ФЗ «О Государственном гимне РФ». «*Незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов (гипотеза)* влечет наложение административного штрафа в размере от 3 до 5 минимальных размеров оплаты труда с конфискацией форменной одежды, знаков различия, символики государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов (санкция)» — п.1 ст.17.12 КоАП РФ.

б) символы, упоминающиеся *в диспозиции* правового предписания. Помещение в диспозицию более характерно для декларативных символов, т.к. законодатель сосредоточивает свое внимание на условиях и порядке их использования, а не на его юридическом значении. «*Государственный флаг РФ вывешивается (диспозиция)* на зданиях общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, а также на жилых домах в дни государственных праздников РФ (гипотеза)», — ст.3 ФЗ «О государственном флаге РФ». «*При осуществлении правосудия (гипотеза) мировой судья заседает в мантии и (или) имеет другой отличительный знак своей должности, предусмотренный законом соответствующего субъекта РФ (диспозиция)*», — п.2 ст.11. ФЗ «О мировых судьях в РФ».

в) особую группу составляют *дефинитивные* нормативные предписания, в которых закрепляется словесная расшифровка значения правового символа. Как правило, специфика последнего обуславливает необходимость одновременного использования нескольких способов определения:

- классическое *родовидовое* определение: «Государственный герб РФ является официальным государственным символом РФ», ч.1 ст.1 ФЗ «О Государственном гербе РФ»;
- *описательное* определение: «Государственный герб РФ представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и над ними одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла скипетр, в левой держава. На груди орла, в красном щите, серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона», ч.2 ст.1 ФЗ «О Государственном гербе РФ»;
- описательное определение может приводиться также в *геральдической терминологии*: «Геральдическое описание Большого герба области звучит следующим образом: червлёный щит пересечен ближе к основанию двухчастным лазуревым поясом с серебряной каймой. В поле щита серебряная фигура статуи Матери-Родины. Щит увенчан клейнодом: на трехцветном бурелете (лазурь, червлень, серебро) три цветка тюльпана и шесть цветков василька (червлень и лазурь попеременно)», ст.2 Закона Волгоградской области «О Гербе и Флаге Волгоградской области»¹.
- определение-рисунок (для изобразительных и предметных символов), текст (гимна, присяги), музыкальная редакция (ноты), схемы, таблицы (ГОСТы дорожных знаков, разметки и т.п.²) и другие *нетипичные формы* изложения нормативных предписаний, размещаемые, как правило, в приложениях к нормативно-правовым актам;
- определение-*пояснение*. Эта специфическая разновидность представляет собой сочетание признаков правовой дефиниции

¹ Закон Волгоградской области от 18 сентября 2000 г. № 436-ОД «О Гербе и Флаге Волгоградской области» // «Волгоградская правда», 3.10.2000, № 183.

² Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52289-2004 «Технические средства организации дорожного движения. Правила применения дорожных знаков, разметки, светофоров, дорожных ограждений и направляющих устройств» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15.12.2004. № 120-ст) // Официальное издание Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, М., Стандартинформ, 2005; Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52290-2004 «Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15.12.2004. № 121-ст) // Официальное издание Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, М., Стандартинформ, 2006.

и декларации. У последней заимствуются повествовательный стиль изложения, экспрессивно-окрашенная лексика, ориентация на толкование смысла, а не на установление правил. «Статуя Матери-Родины, давно и прочно ассоциирующаяся во всем мире с Волгоградской областью, олицетворяет безграничный патриотизм жителей области, боевой и трудовой героизм народа на протяжении веков и напоминает, что именно на территории Волгоградской области происходила грандиозная Сталинградская битва, во многом определившая дальнейшие исторические судьбы нашей страны и всего человечества», ст.4 Закона Волгоградской области «О Гербе и Флаге Волгоградской области».

Следует заметить, что далеко не к каждой из рассмотренных разновидностей нормативных предписаний может быть применено используемое в литературе выражение «символическое предписание». По нашему мнению, символическим имеет смысл называть не то предписание, в тексте которого упоминается правовой символ, а такое веление, которое *выражено в символической форме*. Так, установленный на проезжей части дорожный знак представляет собой специфическое нормативное предписание, рассчитанное на неоднократную реализацию широким кругом субъектов, но выраженное не в традиционной словесной (текстуальной) форме, а в форме символа.

В литературе предлагаются и другие классификации правовых символов. Так, А. В. Никитин делит их по сферам общественных отношений и по субъектной принадлежности¹.

IV. В зависимости от *сферы общественных отношений*, к которой они относятся, можно выделить символы, действующие в сфере экономики (денежные купюры, монеты, ценные бумаги), в сфере образования (аттестат, диплом), в сфере здравоохранения (изображение красного креста) и т.д.

V. По *субъектной принадлежности* символы подразделяются на следующие группы:

- международные символы: символы международных организаций и межгосударственных объединений (официальная символика Европейского союза, Организации объединенных наций, Международного олимпийского комитета общеизвестна и имеет ярко выраженный правовой характер);
- государственные символы: федеральные и субъектов федерации (хрестоматийным примером являются герб, гимн и флаг Российской Федерации, а также аналогичная официальная символика субъектов РФ);

¹ Никитин А. В. Правовой символ как прием юридической техники. С. 449.

- символы муниципальных образований (герб, эмблема и иная символика, отражающая исторические, культурные, национальные и иные местные традиции ст. 11 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»);
- символы государственных органов и органов местного самоуправления (эмблемы, вымпелы, печати, погоны, форма, служебные удостоверения);
- символы должностных лиц (президентский штандарт);
- символы государственных учреждений, предприятий и других организаций (например, символика (флаги, вымпелы, эмблемы) государственных природных заповедников п. 4 ст. 11 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»);
- символы негосударственных организаций (печать, фирменное наименование);
- символы частных лиц (подпись).

Обоснованное И. В. Мальцевым разграничение правовых символов и знаков позволяет провести еще одну классификацию:

VI. По взаимосвязи с субъектом или с объектом, олицетворяемым символом можно выделить:

а) символы субъектов, которые выступают своеобразным аналогом имени лица и характеризуются наличием исключительной правовой связи с субъектом-носителем. По мнению И. В. Мальцева, они включают в себя:

- геральдико-графические (гербы, эмблемы, геральдические знаки);
- вексиллологические (флаги, знамена, штандарты, вымпелы);
- музыкально-поэтические (гимны, марши, фанфары)
- сфрагистические (печати)¹.

б) символы объектов (знаки), которые, как правило, не имеют столь значимой ценностной нагрузки, не претендуют на выражение сущности носителя, а лишь выступают его внешними идентификаторами:

- знаки отличия (ордена, медали и другие награды), знаки различия (отличительные знаки должностей), денежные знаки, дорожные знаки, товарные знаки, знаки почтовой оплаты и др.

11.5. Техничко-юридические требования к правовым символам

Объектом технико-юридического совершенствования, вероятно, в той или иной мере должны выступать все упоминавшиеся в данном разделе группы символов. Например, *неправовые символы* соприкасаются с юридической техникой в следующих аспектах:

¹ Мальцев И. В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода. С. 116–117.

- техника закрепления законодательного запрета на использование определенной символики (например, помещать ли в текст нормативного акта изображение или описание запрещаемых символов либо ограничиться общим указанием на них);
- техника применения таких правовых норм¹, в том числе квалификации соответствующих деяний (например, в условиях отсутствия в законе точного описания символа).

Правовые *символы в широком смысле* представляют интерес с точки зрения правотворческой техники, т.к. именно они являются тем материалом, который впоследствии подлежит нормативному закреплению. Кроме того, символы, существующие в общественном сознании, широко используются в процессе толкования, реализации права, при осуществлении различных видов юридической деятельности. Эффективность такой деятельности напрямую зависит от того, насколько понятны, позитивно восприняты людьми ее цели и средства. Добиться этого, игнорируя невербальные средства общения, в том числе, разнообразные символы достаточно сложно. Деловая форма одежды, соблюдение правил делового этикета символизируют собой надежность партнеров, серьезность их намерений. Текст кодекса, лежащий на столе, придает большую достоверность, авторитетность словам юриста. Умение использовать подобные, казалось бы, второстепенные, незначительные механизмы воздействия повышает эффективность работы юриста, а, следовательно, является дополнительным свидетельством его профессионализма.

Основное внимание в теории юридической техники, безусловно, уделяется *нормативно-правовым символам*: особенностям их законодательного оформления, процедуре использования, порядку и способам правовой охраны. Требования, касающиеся этих вопросов, образуют, как нам представляется, определенную систему, включающую несколько взаимосвязанных составляющих.

Социальная составляющая складывается из двух аспектов. С одной стороны, символ должен быть *общепринятым*, известным всем представителям той социальной группы, на которую он ориентирован. С другой стороны, он всегда должен быть *индивидуален*, т.е. под широко распространенным, всем известным образом должно подразумеваться вполне определенное конкретное содержание. Именно эти обстоятельства обеспечивают *узнаваемость* символа, являющуюся главным условием выполнения им своих функций.

Логическая составляющая не менее значима. Для символа всегда должны быть характерны *ясность, точность, связность и последо-*

¹ См., напр.: *Холопов А. В.* Методика расследования ритуальных убийств. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

вательность тех элементов, из которых он состоит. С точки зрения происхождения и социальной природы, содержание многих символов иррационально, поэтому говорить о логических основаниях любого символа вряд ли уместно. Правовой же символ, в отличие от других, как правило, является результатом сознательного конструирования. При этом в качестве материала выступают один или несколько общесоциальных символов или их элементов. Сочетание и последовательность данных компонентов правового символа всегда должны быть логически обоснованными.

Художественная (или *эстетическая*) составляющая охватывает собой набор таких требований, как *простота, естественность, лаконичность, сочетаемость элементов* правового символа. Критерии эстетической оценки любого явления всегда достаточно субъективны, однако, именно применительно к символам отказаться от подобной оценки невозможно. В определенной мере сами правовые символы являются неким «украшательством» действующего права, делающим его ярче, нагляднее, образнее. От того, насколько реализован художественный потенциал правового символа, зависит и его инструментальная ценность.

Культурологическая составляющая предполагает соответствие символа национальным, историческим, культурным ментальным моделям той или иной социальной группы. При этом необходимо учитывать, что одни и те же символы часто используются различными группами и воспринимаются ими как «свои», кроме того, схожие знаки для разных культур могут быть носителями совершенно непохожего содержания. В результате использование символа, нейтрального, с точки зрения одной группы, может быть неадекватно воспринято представителями другой или даже рассмотрено ими как оскорбление. Учитывая, что «...символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения»¹, необходимо доскональное знание тех культурных пластов, которые прямо или косвенно затрагивает конкретный символ. Только осторожное, продуманное использование символов в праве позволяет не провоцировать конфликты, а обеспечить эффективность реализации позитивных функций правового символа².

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 147.

² В этой связи в литературе, например, отмечается, что использование элементов национальной символики при создании официальных символов не должно унижать достоинство других национальностей, проживающих на соответствующей территории. (Никитин А. В. Правовые символы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 27.)

Нетрудно заметить, что эстетическая составляющая выступает смысловым продолжением логической, характеризуя рациональную сторону процесса создания правового символа — то, что в наибольшей мере зависит от правотворческого субъекта и определяет его «авторское» мастерство. В свою очередь социальная и связанная с ней культурологическая составляющие подчеркивают факт принадлежности символа общественному сознанию, его «естественное» происхождение. Субъект правотворчества не создает правовой символ «с нуля», а конструирует его из очень своеобразной и тонкой «материи» социальных символов и образов, коренящихся в сознании людей.

Во всех случаях использование символов в качестве средств юридической техники требует от юриста далеко не только сугубо правовых знаний. Являясь неотъемлемой частью общей культуры, символы, как правило, тесно связаны с национальным, религиозным, нравственным и другими срезам общественного правосознания. Понимание общекультурного смысла, вкладываемого в тот или иной условный знак в данном историческом и социальном контексте, выступает необходимым условием правильного (с точки зрения достижения поставленных целей) использования его в правотворческой и правореализационной деятельности.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается социальная роль символов?
2. Чем юридический символ отличается от иных социальных символов?
3. Что понимается под правовым символом в «широком» и в «узком» смысле?
4. Что представляет собой правовой символ с точки зрения позитивного правопонимания?
5. Как соотносятся правовые символы с текстом правового акта?
6. Назовите виды правовых символов с точки зрения их внешней формы.
7. Перечислите виды правовых символов, которые выделяются с точки зрения особенностей нормативно-правового предписания.
8. Какие требования предъявляются к правовым символам?

Тестовые задания

- 1) Назовите правовые символы, соответствующие всем трем перечисленным признакам: (1) Символ – это, искусственный знак, имеющий условную (конвенциональную) природу; (2) Символ признается государством и поддерживается силой его воздействия; (3) Символ служит для закрепления и выражения юридически-значимого содержания (выберите несколько вариантов)
 - a) Государственный флаг Российской Федерации
 - b) изображение контура границ Российской Федерации
 - c) статуя Фемиды
 - d) эмблема Хопёрского заповедника

- е) логотип Ку Клукс Клана
 - ф) эмблема прокуратуры Российской Федерации
- 2) Перечисленные признаки: (1) искусственный знак, (2) имеет условную (конвенциональную) природу, (3) форма не связана сущностно с содержанием – характерны...
- а) для любых правовых символов
 - б) для нормативно-правовых символов (правовых символов в узком смысле)
 - в) для символов, связанных с правом (правовых символов в широком смысле)
 - г) для любых символов, кроме запрещенных правом
- 3) ч. 1 ст. 310 УПК РФ: «После подписания приговора суд возвращается в зал судебного заседания и председательствующий провозглашает приговор. Все присутствующие в зале судебного заседания, включая состав суда, выслушивают приговор стоя». В данном случае речь идет о:
- а) правовых символах в широком смысле
 - б) правовых символах в узком смысле
 - в) вообще не идет речь о правовых символах
- 4) В.В.Маяковский «Стихи о советском паспорте»:
*«Я достаю из широких штанин
Дубликатом бесценного груза.
Читайте, завидуйте, я – гражданин
Советского Союза».*
- О какой функции паспорта как правового символа говорится в этом отрывке?
- а) регулятивная функция
 - б) правоустанавливающая функция
 - в) идентификационная функция
 - г) охранительная функция
- 5) Личная подпись в качестве правового символа выполняет следующие функции:
- а) регулятивную и охранительную
 - б) правоустанавливающую и идентификационную
 - в) идеологическую и экономическую
- 6) Идеологическая функция наиболее ярко проявляется в действии следующих правовых символов (выберите несколько вариантов):
- а) судейская мантия
 - б) знак «Проезд запрещен»
 - в) печать организации
 - г) Орден Мужества
 - д) поднятие флага
- 7) Понятность, узнаваемость, общеизвестность – эти черты роднят правовые символы с такими средствами юридической техники, как правовые
.....

- 8) Изображение государственного герба на официальном бланке реализует функцию, похожую на те, которые в тексте закона выполняет
- юридическая конструкция
 - правовой принцип
 - преамбула
- 9) Преамбула федерального закона не может считаться нормативно-правовым символом, потому что:
- она излагается в словесной форме, а символы – это всегда неязыковые средства юридической техники
 - структура, содержание и случаи использования преамбулы не закреплены законодательно
 - преамбула не несет никакого символического содержания

10) Найдите соответствия:

Денежная банкнота (1)	Изобразительный символ (а)
Товарный знак (2)	Звуковой символ (b)
Вручение награды (3)	Предметный символ (c)
Исполнение гимна (4)	Языковой символ (d)
Произнесение присяги (5)	Символ-действие (e)

11) К какому виду правовых символов можно отнести президентский штандарт:

- по внешней форме:
 - предметные символы
 - изобразительные символы
 - письменные словесные символы
 - символы-действия
 - звуковые символы
 - устные языковые символы
- по функциональной роли:
 - регулятивные символы
 - декларативные символы
- по субъектной принадлежности:
 - международные символы
 - государственные символы
 - символы муниципальных образований
 - символы должностных лиц
 - символы государственных и негосударственных организаций
 - символы частных лиц
- по содержанию:
 - геральдико-графические
 - вексиллологические
 - музыкально-поэтические
 - сфрагистические

12) Соотнесите перечисленные символы с соответствующей им группой:

геральдико-графическая группа (1)	печати (а)
вексиллологическая группа (2)	гербы, эмблемы, геральдические знаки (b)
музыкально-поэтическая группа (3)	флаги, знамена, штандарты, вымпелы (с)
сфрагистическая группа (4)	гимны, марши, фанфары (d)

- 13) Символы, не закрепленные нормативно, но связанные с правом (правовые символы в широком смысле)
- не представляют интереса для юридической техники
 - используются в процессе толкования и реализации права
 - в обязательном порядке требуют законодательного закрепления
- 14) Простота, естественность, лаконичность, сочетаемость элементов правового символа – характеризуют...
- социальные требования к правовому символу
 - логические требования к правовому символу
 - эстетические требования к правовому символу
 - культурологические требования к правовому символу
- 15) Ясность, точность, связность, последовательность, непротиворечивость элементов правового символа – характеризуют...
- социальные требования к правовому символу
 - логические требования к правовому символу
 - эстетические требования к правовому символу
 - культурологические требования к правовому символу

Рекомендуемая литература

- Вопленко Н.Н. Правовая символика / Н.Н. Вопленко // Правоведение. – 1995. – № 4, 5.
- Глушаков А.Ю. Символы в праве / А.Ю. Глушаков. // Закон и право. – 2009. – № 1.
- Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография / М.Л. Давыдова. – Волгоград, 2009.
- Исаев И.А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) / И.А. Исаев // Правоведение. – 2002. – № 6.
- Лафитский В.И. Поэзия права: Страницы правотворчества от древности до наших дней / В.И. Лафитский. – М., 2003.
- Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода / И.В. Мальцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 4.
- Мальцев И.В. Ранняя историография исследования правовых символов / И.В. Мальцев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3 (38).

8. *Никитин А.В.* Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Никитин. – Н. Новгород, 1999.
9. *Спиридонова О.Е.* Символ как предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.Е. Спиридонова. – Ярославль, 2002.
10. *Ушаков А.А.* Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. / А.А. Ушаков. – М., 2008.
11. *Шалагинов П.Д.* Функции правовых символов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.Д. Шалагинов. – Н. Новгород, 2007.
12. *Шарно О.И.* Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.И. Шарно. – Саратов, 2015.
13. *Мальцев И.В.* Символы в праве и в юридической науке: резюме диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 23 с.

Раздел 12

ИДЕЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЗАКОНОПРОЕКТА

12.1. Понятие и значение идеи законопроекта

Начальный этап российского (и зарубежного) законотворческого процесса — самое «слабое звено», самый неопределенный, «зыбкий» его элемент. Парадоксально, но факт — до сих пор в юридической науке и правотворческой практике идут острые споры: с чего именно начинается законотворчество? Что включает в себя начальный этап законодательной деятельности?

Ответов на эти непростые вопросы предложено много, но даже о приближении к выработке единой доктринально-учебной и организационно-управленческой позиции говорить не приходится.

Одни считают начальным этапом законотворчества выявление и фиксацию интересов и потребностей в законодательном регулировании. Другие рассматривают в качестве первого этапа данного процесса законодательную инициативу. Третьи «видят» в самом начале законодательной регламентации проявление политической воли властвующей элиты. В. В. Трофимов исходит из того, что правовую норму не следует рассматривать исключительно как продукт их законодательной (правотворческой) активности, их законодательной воли. «Правовая норма, — отмечает он, — привносится в волю законодателя извне, под воздействием факторов, которые существуют еще до того, как начинается процесс правотворчества»¹. Автор выделяет основные и обеспечивающие факторы правообразования, подразделяет их на основные объективные и основные субъективные и последовательно анализирует экономические, социокультурные, экологические, географические, национальные, организационные, юридико-технические и другие начала.

По убеждению А. Ю. Калинина, началом законотворчества является активизация «внутреннего источника права», т.е. внутренних и внешних факторов правообразования — ценностная система дан-

¹ Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009. С. 132.

ного общества, политические, экономические и социальные факторы правообразования, дефекты правотворческой деятельности¹.

Конечно, все эти факторы влияют на планомерно-рациональный способ образования права, лежат в его основе и в этом смысле выступают неким началом. Но для реальной законотворческой практики нужна конкретизация этих начал до осязаемых феноменов, которыми нормодатели смогут оперировать в повседневной законодательной деятельности.

Начальный этап нормального демократического неспешного технико-юридически выверенного законотворческого процесса образуют два последовательно сменяющих друг друга элемента — **идея и концепция** законопроекта.

Сопряжение законопроекта с категорией «идея», а не с какой-то другой теоретико-познавательной формой, имеет весомые основания. Идея, гармонично объединяя в себе всеобщность и конкретность, выступает *базовой структурной единицей* общетеоретического языка. Идея, обладая богатой философской историей, означает постижение в мысли явлений объективной реальности, включает в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира. Идея многофункциональна и может подытоживать опыт предшествующего развития знаний в той или иной области, служить основой, синтезирующей знание в некую целостную систему, выполнять роль активного эвристического принципа объяснения явлений, поисков новых путей решения проблемы.

Идея законопроекта — частный случай, конкретное проявление идеологической конструкции государства.

Идея — *форма социальной нормативности*, своеобразный и самобытный регулятор. Эта регламентирующая сторона идеи до сих пор надлежащим образом не изучена, и в первом приближении можно лишь констатировать: идея — регулятор интеллектуального рода. Развернутые идеи могут преобразовываться в специфические *нормосистемы*.

Идея (в философском смысле, как общественно-историческая идея) — одна из **форм организации научного знания** — высшая **форма познания** мира, не только отражающая **объект** изучения, но и направленная на его преобразование. В этом смысле идеи в **науке** не только подытоживают **опыт** предшествующего развития **знания**, но и служат основой для **синтеза** знания в некую целостную **систему** и поиска новых путей решения **проблемы**².

¹ См.: Калинин А. Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. С. 12.

² См.: Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: Словарь системы основных понятий. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 43.

Могут возникнуть сомнения — надо ли, верно ли «привязывать» вообще-то обычный и в определенной мере традиционный, рутинный объект — законопроект — к высокоабстрактному феномену «идея»? Будет ли это понятно участникам законотворческого процесса и особенно гражданам? Не отпугнет ли словосочетание «идея законопроекта» скромных и ответственных энтузиастов совершенствования действующего российского законодательства?

Все эти сомнения, имея право на жизнь, не могут и не должны вести к поиску какой-то другой теоретико-познавательной формы, заменяющей (через упрощение) идею законопроекта.

Теория, практика и техника толкования юридических норм давно показала — всегда находятся субъекты, которым не ясны предельно четко сформулированные законодательные правила. То, что всем или многим в законодательстве кажется очевидным сегодня, завтра для кого-то оказывается неясным.

С психологической точки зрения выгодно использовать именно «идею законопроекта», ибо столь высокоценная категория сама по себе может внутренне *дисциплинировать* гражданина, общественное объединение, должностное лицо, решившее принять участие в законотворчестве. Субъект не сможет не задаться вопросом: «дотягивает» ли его законодательное предложение до уровня идеи? Настолько ли оно социально значимо, чтобы претендовать на статус «идеи законопроекта»?

Данный интеллектуальный фильтр, «внутренний цензор» заставит некоторых после дополнительного анализа отказаться от выдвижения «будоражащей» идеи законопроекта. «Законодательный зуд» в ряде случаев снимется (пусть на какое-то время) сам по себе.

Ныне категория «идея законопроекта» оказалась за пределами внимания научной общественности, недостаточно используется в нормотворческой практике и при этом часто, но очень вольно эксплуатируется в публицистике. В действующем российском законодательстве идея законопроекта фиксации не получила, хотя отдельные ее элементы обнаружить можно. Это обстоятельство существенно затрудняет законотворческий процесс, обедняет его содержание, лишает твердой основы и отправной точки, осложняет выбор формы акта, увеличивает сроки прохождения законопроекта.

Представляется, что категория «идея законопроекта» обладает относительно самостоятельным логико-гносеологическим статусом, имеет свое определенное место в понятийных рядах теории правотворчества. И самое главное, идея законопроекта — это активно функционирующий *практический элемент* правотворческой деятельности.

Идея законопроекта — относительно самостоятельное средство юридической техники, организационно автономный начальный этап законотворчества, представляющий собой **систему** теоретически обо-

снованных, практически апробированных либо выработанных на основе здравого смысла суждений о настоятельной потребности в документе, предмете и методах правовой регламентации, ближайших и отдаленных целях акта, ожидаемом результате.

Необходимо сделать одну методологического плана оговорку: эти рассуждения об *идее законопроекта* «лежат» на порядок ниже, чем имеющиеся в философии права и политологии глобальные размышления об идее права и идее правового закона. Там идея права рассматривается как *форма бытия права, средство выражения динамики правовой реальности*. Правовая идея есть данность нашего сознания, имеющая определенный смысл, выражающий в самом общем плане *момент долженствования*.

Конечно, идея любого законопроекта не может полностью игнорировать доминирующую на момент ее оформления идею права. Но они функционируют на разных логико-гносеологических и организационно-практических уровнях и потому вполне могут существовать относительно автономно друг от друга.

Значение и необходимость «внедрения» в теорию и практику правотворчества феномена «идея законопроекта» обуславливается следующими конкретными обстоятельствами.

Во-первых, это требуется для формирования более точного теоретико-методологического представления о *структуре и механизме* начальной стадии правотворчества. Идея законопроекта — неотъемлемый элемент и относительно **автономный прием автономное средство подготовки** нормативно-правового акта. Более того, выдвижение идеи законопроекта, организация ее обсуждения и экспертной оценки выступают *необходимой предпосылкой* быстрой, высококачественной и экономичной подготовки документа. Идея законопроекта позволяет детализировать, конкретизировать стадию правотворческой инициативы.

Во-вторых, признание в качестве начального этапа идеи законопроекта может способствовать усовершенствованию *планирования законодательной деятельности* как на федеральном, так и на региональном уровнях. Только нужно несколько изменить правовой режим работы компетентных органов с поступающими идеями законопроектов. Не стоит идеи законопроектов, подготовленные, допустим, гражданами и общественными объединениями, приравнять к заявлениям либо обращениям и отводить на их рассмотрение один месяц. При существующей в правовых управлениях представительной и исполнительной государственной власти текущей нагрузке сделать это весьма затруднительно, а точнее — просто невозможно.

Сроки для рассмотрения и оценки выдвинутых идей законопроектов должны быть значительно увеличены и различаться в зависимости

от масштаба предлагаемого законодательного нововведения. От трех месяцев до одного года — такие временные интервалы требуются для организации объективной оценки идей законопроектов.

При этом есть резон перейти к составлению трехлетних планов законодательных работ. Ведь финансово-экономическое обеспечение законопроектов не может находиться в отрыве от государственного бюджета и его временных характеристик.

В-третьих, четкое юридическое оформление идеи законопроекта и последующая тщательная аналитическая работа всех участников правотворческого процесса именно над ней позволит реально экономить массу интеллектуальных, организационных и материальных затрат при вынужденном рассмотрении компетентными органами самых разных, порой совершенно несуразных, «шалых» проектов нормативно-правовых актов.

В связи с этим приведем несколько любопытных цифр.

Государственная Дума Федерального Собрания РФ пятого созыва приняла 1581 федеральный закон и одобрила 27 федеральных конституционных законов. Некоторые депутаты Госдумы выступали с законодательными идеями и инициативами по 120–140 раз.

Столь мощное «фонтанирование» законодательными идеями, концепциями, законопроектами, цельными законами не может не сказываться на их качестве, обоснованности, реализуемости.

Административная ответственность за курение за рулем, запрет размещать в СМИ объявления об оказании услуг сексуального характера, обязательность привлечения к общественным работам тех, кто получает пособие по безработице, налог за бездетность, разрешение многоженства, легализация проституции, запрет аборт без согласия мужа — вот лишь некоторые «скандальные», как их именуют в прессе, идеи законопроектов, выдвинутых депутатами разных уровней в последнее время.

В Собрании законодательства Российской Федерации систематически публикуются постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ из трех типичных пунктов: а) отклонить проект федерального закона № ____; б) направить постановление и указанный проект федерального закона автору (инициатору); в) настоящее постановление вступает в силу со дня его принятия.

Кто посчитал, во сколько ежегодно выливается работа законодательных собраний субъектов Российской Федерации и отдельных депутатов при подготовке этих документов, сколько организационных хлопот ушло на их рассмотрение в комитетах, рабочих группах, экспертных советах? Зачем было доводить проблему до уровня концепции либо *проекта федерального закона*? Не лучше ли тщательно исследовать вопрос на уровне *идеи законопроекта*?

Никто не знает и, к сожалению, не узнает, сколько всего в России в разные правотворческие инстанции поступило такого рода проектов, как их рассматривали и сколько на это потратили сил.

Вряд ли надо ждать вето Президента, если нежизненная обоснованная законодательная инициатива может быть «похоронена» на стадии формулирования идеи законопроекта.

Стадия законодательной инициативы должна завершаться одним организационно-правовым путем — *формулированием идеи законопроекта*. Представление сразу концепции и тем более проекта закона *нерентабельно*, и оно должно начинаться после принципиального одобрения идеи законопроекта.

Особый пласт рассматриваемой проблемы — официальное, директивное установление технико-юридической возможности реализации *идеи о возвращении к ранее существовавшему законодательному регулированию* того или иного фрагмента юридически значимой деятельности. Первая половина «перестроечных» лет, как известно, ознаменовалась ломкой, разрушением многих элементов существовавшей законодательной системы. Без какой-либо мотивировки отменялись и кардинально изменялись (до сущностной неузнаваемости) даже базовые законодательные акты. Теперь появилось «возвратное», обратное движение — принимаются после некоторой модернизации ранее ликвидированные законы (например, возрождены добровольные народные дружины, «возвратились» в армию дисциплинарные батальоны, реанимирован уголовно-правовой институт конфискации).

Требуется, по всей видимости, юридический механизм, позволяющий в *ускоренном и упрощенном порядке* (естественно, без ущерба для законности) вернуть оправдавшие себя на практике идеи законопроектов и оформившие их законодательные акты.

В-четвертых, официальное закрепление «правотворческого статуса» идеи законопроекта может выступить мощным катализатором народной, гражданской законодательной инициативы. И сейчас обращения граждан в самые разные инстанции по поводу необходимости принятия того или иного нормативного правового акта, изменения сущности либо порядка юридической регламентации не столь уж редки, однако правовая основа таких инициатив столь зыбкая, что подавляющее большинство их реально не оценивается.

Знание того, что оформление идеи законопроекта выступает одним из начальных *юридических фактов* правотворческого процесса, позволит инициатору более решительно добиваться обстоятельного рассмотрения своего предложения.

Именно через выдвижение собственных идей законопроектов может реализовываться принцип *доступности* к государственному

управлению. Именно здесь может быть «вырыт» либо «закопан» канал *доверия* к государственной власти.

Существующие ныне в действующем федеральном и региональном законодательстве условия реализации права законодательной инициативы для подавляющего большинства граждан *непосильны, организационно-технически невыполнимы*.

В-пятых, фиксация и последующее системное оперирование идеей законопроекта необходимо для *ранней* диагностики правотворческих ошибок и других дефектов планируемого к подготовке и изданию акта. Не следует забывать, что законотворческая деятельность *рискогенна*, и на стадии оценки идеи законопроекта вполне можно снизить ее *рискоемкость*, предотвратить некоторые из содержательных и технико-юридических дефектов.

Удачным и подлежащим распространению является начинание «Российской газеты», которая под рубрикой «Pro» и «Contra» 3 февраля 2012 г. предоставила слово инициатору идеи законопроекта о государственном алиментном фонде, здесь же поместила аргументы противников идеи и предложила принять участие в **дискуссионэту практику желательно продолжить и разнообразить**.

Прошла апробацию идея законопроекта (выдвинул С. Степашин) об установлении самостоятельной дифференцированной юридической ответственности за договорные спортивные матчи (fairplay).

В-шестых, директивное определение статуса идеи законопроекта позволит по-иному взглянуть на проблему *авторства законов*. Указание на авторство идеи законопроекта может существенно повысить не только ее качество, но и ответственность инициатора юридического акта.

«Именные» законы представляют собой не столь уж редкое явление в западной правовой традиции. Вспомним закон *Клиффена* об остракизме. Изменения в законодательстве США о гражданских, политических и трудовых правах были внесены законом *Смита* (28 июня 1940 г.), законом *Тафта — Хартли* (23 июня 1947 г.), законом «О внутренней безопасности» (закон *Маккарэна — Вуда*, 23 сентября 1950 г.), законом *Хэмфри — Батлера* (24 августа 1954 г.). Законодательство США о монополиях и конкуренции подверглось существенной корректировке через антитрестовский закон *Шермана* (1890 г.) и закон *Клейтона* (1914 г.). Малоприятную для теории, практики и техники правотворчества именную метафоричность приобрели получившие огромный общественный резонанс американский «акт Магнитского» и российские «закон Димы Яковлева», «Пакет Яровой».

Целесообразность определения авторства идей и концепции законопроектов вызывается тем, что введение этого контрольного со-

циального института ускорит и предметно индивидуализирует внедрение результатов научно-исследовательской работы в правотворчество, позволит лучше обеспечить «авторское сопровождение» документа, стимулирует заинтересованное изучение практики его реализации в целях своевременного устранения выявляющихся недостатков. Дефекты «обезличенного» закона могут существовать бесконечно долго, ибо ничей профессиональный личный интерес непосредственно не затрагивают.

Известно, что все программы политических партий и движений содержат самые разноплановые законодательные идеи. Нельзя упускать из виду, что эти законодательные предложения выступают главными *методами* реализации основных идеологических целей партии.

Возникает серия отнюдь не риторических вопросов:

- должно ли государство и ведущие институты гражданского общества как-то оценивать эти правовые новеллы или они суть объект сугубо политической борьбы;
- на основе каких критериев можно эти юридические предложения квалифицировать в качестве идеи законопроекта и на чем основываться, отказывая в присвоении такого статуса;
- обязана ли победившая на выборах и ставшая правящей партия обобщить программы, законодательные предложения проигравших противников, подвергнуть их объективной экспертизе и включить в случае одобрения в план собственных законопроектных работ;
- этично ли правящей партии подготовить и опубликовать развернутые отрицательные отзывы на необоснованные, явно популистские, демагогические идеи законопроектов, заявленных перед выборами в программах оппозиционных партий;
- есть ли резон, например, общественной палате организовать широкомасштабные публичные обсуждения, если угодно, чтения о реальности и ценности выдвинутых в программах политических партий идей законопроектов?

Идея законопроекта — элемент доктрины, выступающей вторичной, вспомогательной формой, источником российского права. Доктрина как источник права может облекаться в разные, *но не в любые* формы. Идея законопроекта, выдвинутая в качестве итога серьезного научного исследования, — одна из тех форм, которая может при определенных благоприятных условиях приобрести регулятивную силу, оказаться востребованной и превратиться в мощный социальный авторитет. Справедливости ради надо отметить, что многие правоведы не считают возможным и нужным предоставлять юридической науке статус источника права. Так, В. М. Сырых пишет: «В современных условиях ни один источник, подготовленный учеными юристами, не обладает общеобязательным характером и в лучшем случае содержит

рекомендации, пожелания, как нужно понимать ту или иную норму права, что следует сделать в целях дальнейшего совершенствования законодательства»¹.

При этом надо отчетливо осознавать, что утопические, неисполнимые идеи и попытки продвижения их в закон — опасная *разновидность политико-юридической демагогии*.

Некоторые законопроектные идеи, выдвигаемые не юристами и даже не политиками, носят столь экзотический характер, что может возникнуть вопрос: надо ли вообще обращать внимание на инициативы непрофессионалов?

Особой сложностью отличается формулирование, фиксация и оценка идей регламентации в сфере международного права. Достаточно вспомнить эпопею появления и многолетнего обсуждения в форме национальных референдумов идеи Конституции Европы. Члены Евросоюза взамен окончательно отвергнутой Конституции Европейского Сообщества заключили Договор о реформах. Те идеи, от которых в 2005 г. отказались на национальных референдумах французы и голландцы, были сокращены, упрощены, переформатированы и стали дополнением к уже существующим в Евросоюзе договорам.

Важен вопрос о месте правового закрепления статуса идеи законопроекта.

Дефиницию идеи законопроекта целесообразно в целях более быстрого «оживления» этого феномена в правотворческую практику поместить в нескольких нормативных правовых актах.

Идеальный вариант — дать развернутое описание в давно готовящийся Федеральный закон о нормативных правовых актах. Ожидать принятия Федерального закона о нормативных правовых актах в ближайшее время не приходится, и потому дефиницию «идеи законопроекта» можно расположить в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ *перед* описанием структуры и целей концепции законопроекта.

Кроме этого, учитывая реальную влияние многочисленных *методических правил, указаний, советов, рекомендаций* о законопроектной деятельности как на федеральном, так и на региональном уровнях, целесообразно зафиксировать идею законопроекта и в них.

Этот тип юридических актов необходимо унифицировать, дать им единое наименование и в каждом конкретном случае при его утверждении избирать адекватную форму (приказ, закон, распоряжение и т.д.).

Наиболее подходящей здесь является привязка этих документов к *рекомендациям*. И вот почему. *Методические рекомендации* — устойчивее и понятнее должностным лицам и гражданам словосочета-

¹ Сырых В. М. Материалистическая теория права: Избранное. М., 2011. С. 1098.

ние. Ныне мало кто сомневается в существовании *рекомендательных норм права*. Речь идет о том, что методические рекомендации в профессиональном и массовом правосознании ассоциируются пусть с «мягкой», но *юридической обязательностью*. Методические рекомендации нельзя просто отложить в сторону — их надо непременно изучить и применять при отсутствии принципиального плана возражений. В советские времена разного рода рекомендации вышестоящих государственных органов действовали достаточно эффективно. В настоящее время нет препятствий для активизации в сфере правотворчества рекомендательного метода. Этот метод государственного управления удобен и тем, что оставляет участникам законотворческого процесса возможность, рассматривает предлагаемые рекомендации, «скорректировать» их с учетом особенностей своего ведомства, региона, специфики предмета правовой регламентации. Юридическую силу методическим рекомендациям должны придавать *форма и уровень их утверждения*¹.

Требуется создание многоуровневой системы *учета и организации оценки* выдвинутых идей законопроектов. Вряд ли государство возьмется за это. Лучше, если появится некая «ячейка» гражданского общества, общественный независимый центр. Он сам должен не оценивать суть идей законопроектов, а выполнять сугубо технические функции — регистрировать и организовывать объективные экспертизы их качества и перспективности.

Именно через идеи законопроектов целесообразно провести апробацию предложения Президента России — обсуждать в Парламенте инициативы граждан, собравших в Интернете 100 000 подписей. При создании правовой основы этого предложения Президента важно отобразить одно принципиального рода обстоятельство: сначала следует четко сформулировать идею законопроекта, идею поправки, идею примечания, идею отсылки и лишь затем пытаться готовить текст законопроекта. При ином подходе будут непременно возникать правовые казусы и нонсенсы, когда в Интернете заинтересованные силы станут собирать подписи об отмене нового и, может быть, даже эффективного закона. Так произошло с акцией оппозиционной «Новой газеты», организовавшей сбор подписей в Интернете об отмене уже упоминавшегося «закона Димы Яковлева» — Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»². Иными словами, не следует смешивать процедуры законодательной инициативы, на-

¹ Баранов В. М., Маслов Д. Е. Юридическая рекомендация: доктрина, практика, техника: монография. М.: Проспект, 2018.

² Российская газета. 2012. 29 декабря.

целенной на совершенствование действующего права, и коллективные обращения граждан по определенному юридическому вопросу на основании виртуальных подписей.

12.2. Сущность, виды и проблемы реализации концепций законопроектов

Концепция законопроекта ныне является *факультативным элементом* как федерального, так и регионального законотворческого процесса.

До сих пор в теории государства и права отсутствует единое понимание сущности, структуры, функций концепции законопроекта. Нет общепринятого доктринального определения этого юридического феномена. Действующее российское законодательство также не содержит легальной дефиниции понятия «концепция законопроекта».

Требуется четкое развернутое законодательное закрепление обязательности подготовки концепции законопроекта по каждому кодексу и базовому инновационному закону.

Целесообразна подготовка концепции законопроекта и в тех случаях, когда предполагается изменение более трети содержания составляющих его юридических норм.

Юридически обязательна подготовка концепции при повышении либо снижении иерархического статуса закона (преобразование Федерального закона в Федеральный конституционный закон; принятие вместо Федерального закона Кодекса; принятие вместо закона области типового положения, утверждаемого правительством субъекта Федерации; и т.п.).

Концепцию законопроекта следует отличать от концепции реализации той или иной юридически значимой деятельности. Эти концепции утверждаются законами Федерации, субъекта Федерации либо постановлениями правительств субъектов, т.е. их правовой характер бесспорен, но они, как правило, находятся вне концептуального правотворческого процесса, носят организационно-управленческий характер. Не исключено, что при определенных условиях такие концепции могут «перерасти» в концепции одного или нескольких законопроектов. Часто социально-значимые концепции деятельности служат основой, «катализатором» принятия новых законов либо изменения действующих. Например, 5 октября 2009 г. Президентом России была утверждена Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации¹. Затем последовала серия изменений в «антитеррористическое законодательство» и Постановление Конституционного

¹ См.: Российская газета. 2009. 20 октября.

Суда РФ от 19 апреля 2010 г. по делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудяева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда¹.

Конституционный Суд РФ постановил признать исключение из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о терроризме не противоречащим Конституции России.

К существенным признакам концепции законопроекта относятся следующие:

1) концепция законопроекта — относительно **автономное средство** законодательной техники и одновременно самостоятельный промежуточный, но необходимый этап законотворческого процесса;

2) концепция законопроекта — особый вид правовых знаний, единство социокультурного, логико-гносеологического и практического аспектов знания. Концепции законопроекта — одна из форм правового осознания действительности. Знание при таком подходе — это *усвоенная* законодателем информация;

3) круг субъектов концепции законопроекта совпадает с кругом субъектов права;

4) концепция законопроекта — синтез не только научных, профессионально-практических, но и обыденных внеаучных знаний о предполагаемом предмете законодательной регламентации;

5) концепция законопроекта — официальное выражение сложившихся правовых позиций ее составителей, результат согласования их интересов, итог разумного баланса интересов представляемых ими людей с неременным учетом мнения власти.

Концепция законопроекта — относительно **автономное средство** юридической техники, самостоятельный начальный этап законотворчества, представляющий собой официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме специально сгруппированных научно-практических прогнозных знаний, содержащих определенную экономически оправданную системную трактовку юридически значимой деятельности, механизм ее правового опосредования и реализации, выступающую развернутым обоснованием необходимости подготовки и принятия конкретного закона.

Есть в литературе иные более краткие определения рассматриваемого явления. Так, Н. А. Власенко полагает, что «концепция законопроекта — это предложение, предлагаемая модель, юридическая конструкция урегулирования фактической ситуации»².

¹ См.: Российская газета. 2010. 7 мая.

² Власенко Н. А. Законодательная технология. Иркутск, 2001. С. 26–27.

Концепция законопроекта — один из важнейших вариантов представления, выражения новизны полученного знания. По мнению В. М. Сырых, концепция закона или иного нормативного правового акта есть разновидность выражения новизны *прикладного правового исследования*¹. Вот логика его рассуждений. Концепция законопроекта представляет собой конкретный результат осуществления одной из основных функций общей теории права и правоведения: давать глубокое научное обоснование юридической практики, органично внедрять теорию в практическую, предметную деятельность. «Однако, новизна в данном случае, — пишет автор, — относится не к новому теоретическому знанию, а к конкретным знаниям, связанным с воплощением достижений науки в практическую деятельность»².

С таким подходом согласиться трудно. Встречаются концепции законов, которые «родила» сугубо академическая, «чистая» юридическая наука без какой-либо серьезной эмпирической базы. Кардинальное изменение политики государства в начале перестройки позволило появиться целой серии концепций законопроектов о лоббировании. Между тем в России существовало лишь теневое лоббирование, и никаких серьезных обобщений его практики не было. В. М. Сырых относит концепции законопроектов к одному из распространенных жанров *рукописных работ*³. Далеко не все известные концепции законопроектов имеют рукописную форму. Многие подобного рода документы публикуются для широкого обсуждения в многотиражных юридических журналах либо в качестве приложений к монографическим разработкам.

Значение концепции законопроекта заключается в том, что она:

- выступает своеобразным итогом развития юридической науки, показателем степени ее совершенства, демонстрацией реальных возможностей научных школ в правоведении;
- служит основой для последующих разработок и предложений по дальнейшему развитию законодательства; является фактором эффективности современного законодательного процесса;
- оказывается катализатором подготовки оригинальных частных методик и рекомендаций по более эффективной реализации (и особенно — правоприменению) законодательных норм;
- важное средство гармонизации правовой системы;
- выступает основой для толкования юридических норм;
- может способствовать установлению и разрешению юридических коллизий;
- может помочь выявлению пробелов в законодательстве;

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 263.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 449.

- может служить достаточно надежной объективной основой для правоприменительного, особенно судейского, усмотрения;
- выступает ориентиром для всех видов и уровней конкретизации принятого на ее основе закона;
- результат правовой культуры ее разработчиков и одно из средств правового воспитания граждан, должностных лиц, общественных объединений.

К основным элементам концепции законопроекта относятся:

- дефиниция концепции законопроекта с максимально точным отражением названия (наименования) и уровня закона;
- предельно конкретное определение предмета законодательной регламентации;
- обоснование наименования законопроекта;
- формирование «древа целей» законопроекта;
- доказательства необходимости принятия закона и невозможности урегулирования ситуации иными социальными регуляторами (моральными императивами, деловыми обычаями, корпоративными нормами) — здесь происходит выбор альтернатив;
- определение вида и места в иерархии действующего законодательства планируемого законопроекта;
- установление перечня актов для последующей конкретизации планируемого закона;
- установление формы будущего закона (федеральный конституционный, федеральный, Основы, Кодекс).

Освещение структуры будущего закона — центральный и самый крупный по объему элемент концепции законопроекта. В этом фрагменте «обрисовываются»: преамбула, система используемых понятий, краткое содержание каждого раздела и главы, доминирующий и вспомогательные методы правового регулирования, перечни актов, подлежащих изменению и отмене, сроки введения в силу.

- В число элементов концепции законопроекта, кроме того, входят:
- механизм обеспечения реализации планируемого закона — поиск надлежащих процедур действия юридических норм, т.е. разработки плана реализации будущего закона;
 - составление прогноза действия планируемого закона, ожидаемый эффект от его реализации;
 - описание положительных и отрицательных последствий (практических, организационных, научных, воспитательных и др.) предлагаемого законопроекта.

Завершающий элемент концепции законопроекта — определение стоимости, реальной цены будущего закона.

И здесь возникает проблемный вопрос: в состоянии ли составители концепции законопроекта дать финансовое обоснование акта и надо ли требовать этого от них?

В реальном законотворческом процессе, кроме отмеченных элементов концепции законопроекта, могут быть и иные — «плавающие», дополнительные (например, фиксация возможных коллизионных моментов при реализации закона, противодействие противников акта).

Желательно законодательно императивно закрепить правило — одобрением или неодобрением концепции законопроекта завершается первое чтение законопроекта. При таком подходе у всех участников законотворчества будет отчетливое представление о конечной цели первого чтения, о реальной результативности либо бесплодности этой законодательной работы.

Виды концепций законопроектов классифицируются по различным основаниям.

По отношению к развитию (динамике) юридически значимой деятельности — констатирующие и прогнозные.

По методу изложения содержания выделяются описательные и тематизированные.

По субъекту подготовки фиксируются авторско-личные и коллективные.

По содержательно-количественной направленности разнятся мононаправленные и конкурирующие.

По объекту отличаются концепции первичного законопроекта, концепции внесения изменений в закон, концепции дополнения к закону, концепции утраты силы (отмены) закона.

Например, внесение в 2008 г. поправок в Конституцию РФ не было заблаговременно концептуально обеспечено. Изменения Конституции власть «квалифицировала» небольшой, но неизбежной «корректировкой». Мнение оппозиции учтено не было. Поправки Основного закона государства вряд ли укрепили легитимность власти, ослабили авторитет Конституции, открыли путь к поиску новых путей ее «совершенствования».

Целесообразнее было подготовить концепцию конституционной корректировки и подвергнуть ее широкому обсуждению, что позволило бы сформировать политическую коалицию на основе общего понимания задач, стоящих перед государством.

Иное дело — поправки, внесенные в Конституцию России в 2020 году: идеи и концептуальные положения предлагаемых изменений были заблаговременно обнародованы, достаточно широко и гласно обсуждены, подвергнуты демократичному общероссийскому голосованию 1 июля 2020 года¹.

По предмету отражения практически значимо различаются одноотраслевые и многоотраслевые (комплексные).

¹ См.: Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2021.

По элементам системы права — концепции института законодательства, подотрасли законодательства. В некоторых научных разработках предлагаются краткие либо развернутые концепции новых, порой весьма экзотических кодексов, например Кодекса рекламной деятельности в РФ, Избирательного кодекса России, Социального кодекса России, Пенсионного кодекса России, Антинаркотического кодекса РФ, Судебного кодекса РФ, Кодекса поведения кавказских гостей в России, Медицинского кодекса РФ, Миграционного кодекса РФ, Кодекса чести морских пиратов, Конституционного кодекса РФ, Полярного кодекса РФ, Пожарного кодекса РФ.

По строению документа отдельные исследователи (например, Н. А. Власенко) выделяют нормативные и «свободные» концепции законопроектов. Первые оформлены с учетом требований к тексту проекта закона. Вторые отличает нормативный стиль, отсутствие детального членения текста, это повествовательное изложение с указанием на то, что будет в том или ином разделе, как предлагается урегулировать ту или иную ситуацию.

В «свободной» форме уместно готовить идею законопроекта, а концепцию его следует оформлять по строго установленным правилам.

Особое место в классификации концепций законопроектной деятельности занимают *концепции совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации*. Но до того, по верному замечанию Г. А. Мартыянова, «стране нужна внятная концепция законопроектной деятельности, которая стимулировала бы основные направления законотворчества не на год и даже не на два, а на восемь-десять лет вперед»¹.

В реализации концепций законопроектов существует немало проблем, преодоление которых может существенно повысить эффективность их функционирования.

Выдвижение разноплановых и разноуровневых концепций законопроектов (от конкурирующих организаций, от представителей разных научных школ, от отдельных известных ученых и начинающих специалистов) вызывает проблему выбора альтернативных документов. Цель — обеспечить объективную оценку и справедливый выбор. «Организация» протекции концепции законопроекта — серьезное аморальное и противоправное деяние.

После законодательного закрепления понятия «концепция законопроекта», определения точного места этого акта в системе законодательства, установления степени его обязательности надо зафиксиро-

¹ Мартыянов Г. А. Теория и методика оптимизации участия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в федеральном законотворческом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 5.

вать сроки рассмотрения документа. Пока этого дисциплинирующего момента нет.

Еще одна проблема — единичны факты профессионально-критического широкого общественного обсуждения концепции законопроекта. Именно концепции законопроектов желательно подвергать максимально широкому обсуждению — это значительно облегчит разработку качественного законопроекта.

Проблема состоит и в том, что концепции федеральных целевых программ длительного действия нуждаются в рубежном специализированном мониторинге на предмет необходимости подготовки концепций законопроектов. Ныне такая практика отсутствует.

Желательно ввести законодательное правило либо деловое обыкновение — в случае официального выдвижения консолидированной законодательной инициативы субъектов Российской Федерации в обязательном порядке до подготовки законопроекта сформировать его концепцию.

Это позволит своевременно:

- выявить пробелы федерального закона;
- установить коллизии региональных и федеральных законов;
- определить спорные ситуации между законодательными актами субъектов Российской Федерации;
- выработать консолидированную позицию законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и Федерального Собрания;
- внести предложения об изменении как региональных, так и федеральных законодательных актов;
- выявить объективные потребности в повышении уровня законодательной регламентации (с регионального на федеральный) либо понижении статуса законодательного акта (с федерального на региональный).

Для подготовки и проведения качественной независимой экспертизы концепции законопроекта требуются:

- тщательный выбор необходимого числа квалифицированных экспертов;
- определение адекватных методов экспертизы;
- установление алгоритма (последовательности этапов и стадий экспертизы);
- определение допустимости и правомерности концепции законопроекта по выбранному предмету регламентации;
- поиск инструментария для выявления дефектов (ошибок, пробелов, противоречий) в содержании и форме концепции законопроекта;
- выработка путей (вариантов) преодоления установленных дефектов концепции законопроекта;

- оценка соответствия концепции законопроекта Конституции России и международно-правовым стандартам;
- проверка соблюдения требований законодательной техники;
- достижение консенсуса относительно характера (формы, элементов (частей), степени подробности, возможности предложений новой редакции статей, формулирования итоговых выводов) экспертного заключения, которое включает вступительную, основную и заключительную части;
- законодательное закрепление нормы об обязательности учета экспертного заключения законодателем либо письменном мотивированном отказе принять мнение экспертов.

Отклонение концепции законопроекта должно быть мотивировано, и в случае установления факта неосновательной отрицательной оценки документа по политическим, узковедомственным, личностно-корыстным причинам, виновные участники законодательного процесса подлежат соразмерной юридической ответственности.

Целесообразно нормативно развести содержание концепции законопроекта, пояснительной записки к законопроекту и проекта технического задания на разработку законопроекта. Для этого, желательно, кардинально переработать постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов»¹.

При создании и реализации концепции законопроекта архиважен постоянный учет антропологического фактора, данных антропологического анализа.

Имеется в виду системный ответ концепции законопроекта на следующие вопросы — насколько предлагаемый акт соответствует природе человека, не может ли он «затормозить» его развитие, деформировать его морально-психологическую и культурно-духовную «ткань», как он будет восприниматься, оцениваться и исполняться человеком, не ограничивает ли, «не угнетает» ли он человеческую индивидуальность. Принцип антропологической соразмерности должен быть поставлен во главу законодательного процесса.

12.3. Диалектика функционирования идей и концепций законопроектов

Сложность, противоречивость, динамизм взаимодействия идей и концепций законопроектов в форме последовательных либо спонтанных «проникновений» друг в друга, обмена отдельными элементами — характерная черта любого законодательного процесса.

¹ См.: Российская газета. 2001. 9 августа.

Диалектика идеи и концепции одного конкретного законопроекта относительно проста и обычно содержит однолинейные, одномоментные переходы. Рассматривая эту проблему, надо иметь в виду все многообразие функционирующих в государстве и даже в мире (это еще один малоисследованный аспект правовой глобализации) идей и концепций законопроектов. Процессы преемственности в праве многолики, и совсем не исключено, что идея законопроекта, возникшая в какой-то отраслевой юридической науке, окажется реализованной в другой сфере законотворчества. С сожалением можно констатировать, что в первые годы перестройки некоторые возникшие на Западе идеи законопроектов там оказались невостребованными, а в России в скоростном порядке реализованными (например, ваучерная «революция»).

Идею законопроекта необходимо отличать от его концепции.

Конечно, у них немало общего. Идею вполне оправданно рассматривают как понятие научного творчества, но ведь и концепция законопроекта — во многом результат этого вида деятельности. Сложность заключается в другом — в любой сфере существует так называемое *квазинаучное* творчество. И надо иметь в виду, что концепции законопроектов как объективный итог такого рода творчества иногда не могут не быть ложными, хотя по форме будут наукообразны. Квинтэссенцией концепции законопроекта, ее ядром является идея законопроекта, которая обычно предшествует созданию концепции, где идея предстает в развернутом виде, материализуется в систему конкретных тезисов и суждений.

Идея законопроекта в его концепции предстает как синтез принципов, аксиом, базовых дефиниций, выражающих духовно-мировоззренческие, национально-культурные, морально-психологические интересы и взгляды большинства общества либо экономически и политически властвующей элиты.

Немаловажно и то, что идея законопроекта может и должна быть положена в основу наименования как концепции, так и самого будущего закона.

Идеи и концепции законопроекта не могут замыкаться лишь на научное творчество, лишь на пласт научных знаний. Идея законопроекта (как, кстати, и его концепция) может быть плодом (качественным или не очень, «зрелым» или «незрелым») *вненаучного* социального знания. При этом слово «вненаучное» означает лишь то, что речь идет о знании, производимом вне науки, но не противостоящем ей, как анти- или псевдонаучное знание. Вненаучное знание нельзя считать низкосортным по сравнению с научным. Для целей правотворческого познания его возможностей вполне достаточно. В реальном правотворческом процессе в идеях и концепциях законопроектов аккумулируется *оценочное научно-практическое знание*.

Именно идея — начальная стадия формирования законопроекта, а концепция — гораздо более поздняя стадия законотворческой деятельности, когда идея уже оценена и принято решение готовить, развить ее в законопроект.

Идея законопроекта образует **ядро, стержень** концепции документа, но не исчерпывает его.

Разделение идеи и концепции законопроекта необходимо и по сугубо практическим обстоятельствам. Уровень юридической подготовки нашего депутатского корпуса таков, что очень немногие из депутатов могут сами подготовить полноценную концепцию законопроекта, реально определить качество кем-то подготовленной концепции. Но оценить четко сформулированную идею законопроекта в состоянии почти все депутаты.

В любом случае между идеей законопроекта и формированием ее концепции существует более или менее длительный временной разрыв. Вот почему, учитывая роль и «катализирующее начало» идеи законопроекта, можно ее формулирование и обнародование считать относительно самостоятельной стадией подготовки проектов законов, которая *предшествует* формированию концепции законопроекта.

Правовое пространство государства желательно систематически подвергать «ревизии», своеобразной чистке: выявлять функционирующие длительное время (семь-восемь лет) идеи и концепции законопроектов, подвергать их комплексной независимой экспертизе на предмет бесперспективности, после чего компетентному органу принимать официальное решение о нецелесообразности применения в отношении них каких-либо законодательных процедур.

Идея и концепция законопроекта — относительно самостоятельные логико-языковые феномены, выступающие идеальными объектами правового регулирования. По А. Ф. Черданцеву, одни логико-языковые феномены обслуживают сферу гносеологии, другие — сферу практики, праксиологию и «различие между ними фундаментально»¹. Столь резкое разведение языковой и инструментально-практической стороны идеальных объектов юридической регламентации **представляется** неоправданным. Идея и концепция законопроекта как раз такие логико-языковые феномены, которые **образуют** собой единство идеального и организационно-практического. В таком подходе с точки зрения диалектики нет никакого «кентавризма» и смешения семантики и прагматики. Диалектика функционирования идеи и концепции законопроекта такова, что их идеально-языковая сторона неразрывно связана с организационно-управленческой стороной.

¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 5.

Отрицание А. Ф. Черданцевым существования юридической логики, познавательной функции логико-языковых феноменов, возможности их истинностной характеристики, сведение их к элементарным правилам целесообразной, эффективной правовой деятельности привели автора к неплодотворной и, по сути, разрушительной методологической ситуации — формально-логическое не просто поглотило, а уничтожило в их содержании все подлинно правовое. Многие радикальные, но недостаточно аргументированные выводы и тезисы А. Ф. Черданцева («если убрать из системы права все законодательные дефиниции (дефинитивные нормы), то суть и содержание правового регулирования не изменятся», «словосочетание “нормативное суждение” — пустой термин», «неотъемлемых прав и свобод ни в одном обществе не существует», «в силу своих особенностей и функций право не содержит аксиом», «в системе права нет места ни фикциям, ни презумпциям»¹) отступают от сложившихся правовых традиций в сфере юридической техники, ничего рационального взамен не предлагают и способны существенно усложнить образовательный вузовский процесс. Излишне категоричные доктринальные оценки автора, конечно, имеют право на существование, но они весьма далеки от подлинного проблемного обучения.

Вопросы для самоконтроля

1. Какими существенными признаками может быть охарактеризовано понятие «идея законопроекта»?
2. В чем именно заключается практическое значение феномена «идея законопроекта»?
3. Как можно определить понятие «концепция законопроекта»?
4. Чем отличается идея законопроекта от его концепции?

Тестовые задания

- 1) Подберите из предложенного перечня понятие, соответствующее данному определению: «Относительно самостоятельное средство юридической техники, организационно автономный начальный этап законотворчества, представляющий собой систему теоретически обоснованных, практически апробированных либо выработанных на основе здравого смысла суждений о настоятельной потребности в документе, предмете и методах правовой регламентации, ближайших и отдаленных целях акта, ожидаемом результате»
 - а) идея законопроекта
 - б) способ юридической техники
 - в) концепция законопроекта
 - г) экспертиза законопроекта

¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 72, 79, 83–92, 120, 269, 315.

- 2) Подберите из предложенного перечня понятие, соответствующее данному определению: «Относительно автономное средство юридической техники, самостоятельный начальный этап законотворчества, представляющий собой официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме специально сгруппированных научно-практических прогнозных знаний, содержащих определенную экономически оправданную системную трактовку юридически значимой деятельности, механизм ее правового опосредования и реализации, выступающую развернутым обоснованием необходимости подготовки и принятия конкретного закона»
- идея законопроекта
 - концепция законопроекта
 - правотворческая инициатива
 - правообразование

Рекомендуемая литература

1. *Абрамова А.И.* Формулирование идеи и подготовка концепции нормативного правового акта // *Нормотворческая юридическая техника* / А.И. Абрамова, Н.А. Власенко; под ред. Н.А. Власенко. – М., 2011. – С. 78–84.
2. *Баранов В.М.* Концепция законопроекта: учеб. пособие / В.М. Баранов. – Н. Новгород, 2003.
3. *Баранов В.М.* Проблемы идеологической нейтральности юридической техники // *Доктринальные основы юридической техники* / В.М. Баранов; отв. ред. Н.А. Власенко. – М., 2010. – С. 178–199.
4. *Васильева Т.А.* Как написать закон / Т.А. Васильева. – М., 2012. – С. 44–48.
5. Научные концепции развития российского законодательства: монография. – 7-е изд., доп. и перераб., отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М.: ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации, 2015.
6. *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. – М.: Юстиция, 2017. – С. 360–378.

Раздел 13

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И ПРАВОВЫЕ АКСИОМЫ

13.1. Юридическая конструкция: сущность, типология, значение

Юридическая конструкция — это разработанная доктриной и принятая юридическим научным сообществом идеальная модель, позволяющая теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений¹. В каждой юридической конструкции органически сочетаются два начала: доктринальное и практическое, поэтому конструкция позволяет не только осмыслить правовую действительность, но и целенаправленно, рационально воздействовать на нее.

К наиболее значимым признакам юридической конструкции относятся следующие.

Первое. Юридическая конструкция — это *модель*². Если для негуманитарных областей знания (например, техники) более характерны материальные (вещественные) модели, то право — это по большей части сфера существования идеальных (мысленных) моделей, моделей-представлений. Как идеальная модель юридическая конструкция выступает в виде системы познавательных образов (понятий, суждений, умозаключений)³ и служит формой отражения объективной реальности.

Второе. Юридическая конструкция создается в результате *абстракции*. Будучи идеальной моделью, она являет собой не сами

¹ См.: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 152.

² См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 228.

³ См.: Баранов В. М., Мареев Ю. Л. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 730.

общественные отношения или правовые институты, а лишь их упрощенный, грубый образ. Создавая его, исследователь абстрагируется от многообразия видов и свойств отношений, их связей с другими социальными факторами и включает в юридическую конструкцию только те стороны, элементы и свойства, которые урегулированы или могут быть урегулированы правом. С динамической точки зрения конструкция рассматривается как мыслительный процесс (конструирование *абстракции*). Со статической точки зрения она представляет собой результат этого процесса (сконструированную абстракцию)¹.

Третье. В динамическом аспекте юридическая конструкция выступает как особая *процедура юридического мышления*, прием практической деятельности юриста. Этот прием заключается в создании на материале неупорядоченных предписаний позитивного права структуры понятий, позволяющих рационально организовать заложенные в нем регулятивные свойства².

Четвертое. Юридическая конструкция предполагает специфическое *логическое построение нормативного материала*. Сказанное во все не подразумевает обязательного наличия конструкций в самом правовом тексте, однако содержание и логика изложения нормативного текста, как правило, выступают, с одной стороны, результатом правотворческого конструирования, а с другой — материалом для конструирования интерпретационного и правоприменительного. И хотя значение юридической конструкции ни при каких обстоятельствах не может ограничиваться использованием ее только как средства нормотворческой техники, одна из важнейших ее функций связана с построением и реализацией нормативных предписаний. «Именно юридические конструкции (наряду с характерным для права особым нормативно-юридическим построением социального регулирования), — подчеркивает С. С. Алексеев, — основа уникальности права и его незаменимости в условиях цивилизации»³.

Пятое. Юридическая конструкция *отражает внутреннюю структуру* правового явления, а не просто отдельные его свойства. Моделируемые общественные отношения рассматриваются при этом как сложные явления, имеющие определенное системно-структурное

¹ См.: Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11.

² См. там же. С. 11.

³ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2010. Т. 4: Линия права. Концепция: сочинения 1990–2009 годов. С. 225. В т. 8 этого издания на с. 214 автор определяет юридическую конструкцию как «своеобразное построение прав, обязанностей, ответственности, типовую схему, модель, «скелет» и принципы действия, на которых построен данный «юридический материал»».

строение. Сказанному, как нам представляется, не противоречит мнение о том, что «юридические конструкции, будучи понятиями, *как таковые*, внутренней структуры не имеют и являются неделимыми»¹. Отсутствие универсальных структурных элементов самой конструкции (по аналогии с гипотезой и диспозицией правовой нормы) не препятствует выявлению структуры отражаемых ею явлений.

Шестое. Юридическая конструкция имеет *конвенциональную природу*. Это не означает, что конструкция, являясь идеальной структурой, оторвана от реальности, произвольна, однако в определенной мере наше видение тех или иных правовых явлений обусловлено субъективными факторами. Именно поэтому разрабатываемые доктриной юридические модели могут существенно различаться. Выбор того или иного способа осмысления правовой действительности в каждом конкретном случае — это всегда определенное допущение, соглашение между исследователями. Конвенциональность юридических конструкций, таким образом, обусловлена, с одной стороны, их идеальной природой («вымышленностью»), а с другой — общепризнанностью конструкции в рамках научного сообщества. Именно поэтому каждая юридическая конструкция имеет собственную историю, развивается по мере развития правовой науки и практики. Помимо достигнутого уровня правового мышления, содержание любой юридической конструкции обусловлено объективными факторами, в первую очередь, уровнем развития реальных отношений². Являясь основой условной правовой реальности, формируя идеальную ткань права, конструкции, тем не менее, жестко привязаны к реальной действительности, к потребностям и запросам юридической практики.

Юридическое конструирование как профессиональный прием правовой деятельности имеет длительную историю. В литературе подчеркивается его связь с особенностями континентального юридического мышления, ориентированного на восприятие конкретных ситуаций через призму типизирующих абстракций. Основы континентальной догматической традиции правоведения были заложены глоссаторами (XII—XIII вв.), использовавшими юридические конструкции в каче-

¹ Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 18.

² К примеру, анализируя традиционную российскую конструкцию договора поставки, исследователи отмечают, что с самого зарождения этого института в XVIII в. и, особенно, в советский период имел место высокий уровень заинтересованности и вмешательства государства в нормирование отношений по поставкам, что, соответственно, отражалось на содержании правовой модели договора поставки (субъектный состав, обязательные условия и т.д.). Ориентация экономики на рыночные механизмы в последнее десятилетие XX в. привела к тому, что в Гражданском кодексе РФ юридическая конструкция поставки стала приобретать обычные черты частного правового договора, все больше сближаясь с традиционной куплей-продажей.

стве средства анализа римского права¹. На сегодняшний день состав и разработанность юридических конструкций является одним из показателей технико-юридического уровня развития данной отрасли права, степени развития в ней нормативных обобщений, их отработанности.

Основное значение юридической конструкции состоит в том, что она дает готовый типовой образец, схему, в которую облакается правовой материал. Эти схемы играют свою роль в различных сферах правовой действительности.

В сфере *правотворчества* использование юридических конструкций облегчает формулирование нормативных предписаний, придает правовым актам четкость, логичность, последовательность, обеспечивает формальную определенность права. При этом в определенной мере юридические конструкции ограничивают пределы свободного усмотрения законодателя, требуя от него соблюдения законов правовой логики, заставляя облекать свою мысль в заранее заданные мыслительные структуры.

При *толковании* права конструкция служит средством познания его смысла, определенным образом организуя мыслительную деятельность интерпретатора. Смысл юридических конструкций не отражает «объективную реальность», а рождается из соотношения с другими текстовыми структурами, в результате интерпретации².

В процессе *правореализации* юридическая конструкция выступает в качестве средства установления юридически значимых фактов, задавая набор тех обстоятельств, которые необходимы для правильного воплощения в жизнь правового веления.

В ходе *правоприменительной* деятельности элементы юридической конструкции сопоставляются с фактическими обстоятельствами. «Прикладывая» юридическую конструкцию к тем или иным общественным отношениям, правоприменитель решает вопрос о юридической квалификации этих отношений, о выборе правовой нормы, необходимой для их урегулирования³.

Значение юридических конструкций для *правовой науки* заключается в том, что, демонстрируя связи и единство всех элементов определенного явления, конструкция позволяет понять его природу, новизности и тем самым познать окружающую правовую реальность. Исследование юридических конструкций позволяет получить более

¹ Пономарев Д. Е. Юридические конструкции: исходная проблематика // Академический юридический журнал. 2004. № 3. С. 4–9.

² См.: Александров А. С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 103.

³ Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 117–118.

обобщенные и углубленные знания о конкретном реально существующем правоотношении. В связи с тем, что модель представляет собой аналог объекта, ее изучение дает знание о самом объекте.

Юридические конструкции фиксируют наиболее устойчивые, определяющие черты и элементы права и этим обеспечивают *преemptивность* и непрерывность его исследования, углубление знаний о нем. Они «составляют ядро правового знания и транслируются через эпохи, сохраняя свою ценность независимо от философских картин мира, этических императивов и научных парадигм»¹.

Юридические конструкции играют важную роль и в *юридическом обучении*. Особенность права как системы состоит в его динамизме, постоянной изменчивости. Содержание нормативно-правовых актов устаревает и обновляется так часто, что изучение его не имело бы практического значения, если бы не наличие юридических конструкций. Эти устойчивые, стабильные элементы права, логические формы, условные схемы, в которые облачается правовое содержание, формируют базу, основу для познания права². Фактически, несколько утрируя, можно сказать, что подготовка юриста предполагает знакомство его с важнейшими юридическими конструкциями, сопровождающееся в качестве иллюстрации анализом действующего законодательства. В противном случае невозможно было бы объяснить тот факт, что юристы, получившие образование, например, в советский период, не перестали быть таковыми после замены старого советского законодательства на новое российское.

Юридическая конструкция выступает как наиболее стабильная («надсоциальная» и, в этом смысле, «культурная») единица права и метод его исследования³. В структуре юридической техники она выполняет функции важнейшего доктринального средства.

Среди существующих в науке оснований классификации юридических конструкций необходимо обратить внимание на следующие.

По сфере действия выделяют два вида юридических конструкций:

- *универсальные (общеправовые)*, имеющие значение для права в целом и поэтому изучаемые, в частности, общей теорией права;

¹ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 257.

² «Смысл подготовки юриста не в том, чтобы он выучил наизусть и в деталях действующие сегодня нормы. Вряд ли это понадобится ему через 10 лет в профессиональной деятельности, для которой большая часть этих норм будет не нужна. Но ему важно понимать структурную взаимосвязь норм, термины, которыми они оперируют, способы, которыми пользуются для фиксации норм и их согласования друг с другом». См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 19.

³ См.: Баранов В. М. Концепция законопроекта. Н. Новгород, 2003. С. 8.

- *отраслевые*, имеющие отраслевое значение и изучаемые только отраслевыми юридическими науками.

Вероятно, число конструкций, используемых абсолютно всеми отраслями права, крайне незначительно. Существует, однако, множество конструкций, значение которых вышло за пределы одной отрасли настолько, что конструкции эти заслуживают внимания общей теории права. Их мы и можем признать универсальными, так как даже если они не применяются непосредственно в той или иной отрасли права, знание их составляет теоретическую базу, основу грамотности любого юриста.

Так, юридическая конструкция состава правонарушения, несомненно, имеет общетеоретическое значение. Конструкции же отдельных составов преступлений, административных проступков, гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных правонарушений являются отраслевыми. Юридическая конструкция договора — общеправовая (несмотря на закрепление ее гражданским законодательством), а конструкции различных международно-правовых или трудовых договоров — отраслевые.

В зависимости от *формы существования* выделяют два вида юридических конструкций:

- *нормативные*;
- *теоретические*¹.

Следует подчеркнуть, что создание юридической конструкции — это всегда плод теоретического анализа, поэтому *с точки зрения происхождения практически все юридические конструкции могут быть признаны теоретическими*. Что же касается способа или формы существования рассматриваемого явления, она может быть различной. Часть конструкций закрепляется в нормативно-правовых предписаниях действующего законодательства (составы различных преступлений, конструкции гражданско-правовых договоров) или в других источниках права. Другая часть остается в текстах научных работ, что не уменьшает ее значения для законодательства и юридической практики. Одним из наиболее наглядных примеров этого является то, что базовая для всего уголовного права конструкция состава преступления не получила закрепления в УК РФ и существует лишь доктринально.

Заметим, что некоторые исследователи разграничивают нормативные и теоретические конструкции чрезмерно жестко. Нормативные (законодательные) конструкции при этом рассматриваются как ре-

¹ См.: *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы современного правоведения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 42; *Чевычелов В.В.* Юридическая конструкция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14.

зультаты конструирования, *созданные на базе юридических конструкций*¹. Фактически подобные образования предстают как явления, имеющие совершенно иную природу, чем юридические (теоретические) конструкции.

По происхождению конструкции следует делить на:

- *национальные*;
- *рецепированные*;
- *имплементированные* (унификационные²).

В сравнительно-правовом контексте рецепированными считаются правовые институты, заимствованные из иностранного (или международного — в этом случае применяется термин «имплементация») законодательства. Такие конструкции могут «прижиться» на новой почве, а могут быть восприняты правовой системой как чужеродные элементы и отторгнуты. Подобное произошло, например, с конструкцией доверительной собственности (траста), рецепированной российским законодательством из англосаксонского права³.

По отраслевой принадлежности юридические конструкции группируются следующим образом:

- *собственные* (отраслевые);
- *заимствованные* из другой отрасли (как правило, при посредстве общей теории права).

В отличие от предыдущей, в этой классификации проблема заимствования юридических конструкций рассматривается в контексте их отраслевой принадлежности. Речь в данном случае идет о своеобразной диффузии правовых институтов и категорий, происходящей между различными отраслями права. Так, конструкция состава правонарушения по происхождению своему, безусловно, связана с уголовным правом, являясь для него собственной. Получив общетеоретический статус⁴, эта конструкция впоследствии была распро-

¹ См.: *Иванчин А. В.* Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 17.

² *Чевычелов В. В.* Юридическая конструкция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 15.

³ Данный институт, известный английскому праву с XII—XIII вв., был рецепирован российским законодательством в начале 90-х гг. XX в. (Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. Ст. 6.). Практика последующих лет и дискуссии в научных кругах показали нежизнеспособность конструкции траста в российской правовой системе. В результате в 1994 г. в первой части Гражданского кодекса РФ была закреплена иная конструкция — доверительного управления имуществом, а понятие «доверительная собственность» исчезло из нормативных актов и научных источников.

⁴ *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

странена на другие отрасли права. При этом в теории гражданского права, например, до сих пор не утихают дискуссии о целесообразности использования в цивилистике общетеоретической (а по происхождению — уголовно-правовой) конструкции состава правонарушения. Аналогичная ситуация, подтверждающая необходимость учета отраслевой специфики в процессе межотраслевого заимствования юридических конструкций, сложилась с гражданско-правовой по своему происхождению конструкцией правоотношения. Будучи перенесенной в публично-правовые отрасли (например, в конституционное право), она породила спорную конструкцию общих или общерегулятивных правоотношений, имеющую среди отечественных ученых как авторитетных сторонников, так и не менее серьезных противников.

С одной стороны, процесс формирования и совершенствования юридических конструкций неизбежно предполагает необходимость межотраслевых и надотраслевых обобщений.

С другой стороны, следует учитывать, что юридическая конструкция — это не произвольная теоретическая схема, а модель, непосредственно связанная с природой и закономерностями функционирования конкретной отрасли права. Поднятые на общетеоретический уровень или перенесенные из одной отрасли в другую конструкции не могут оставаться неизменными, они не просто расширяют круг охватываемых отношений, но изменяют свою структуру, наполняются новым содержанием.

По времени существования и степени распространенности могут быть выделены три разновидности юридических конструкций:

- *традиционные* (общеизвестные, принятые и признанные юридическим сообществом);
- *инновационные* (разработанные теорией и получившие нормативное закрепление, но не проверенные пока практикой);
- *экспериментальные* (получившие закрепление лишь для проверки их эффективности и разработанности).

По критерию взаимодействия элементов юридические конструкции могут быть разделены на два вида:

- *статические*. Их элементы анализируются в статических взаимосвязях (состав гражданско-правовой сделки);
- *динамические*, которые исследуются в динамике образующих их элементов (конструкция приостановления исковой давности).

По степени адекватности отражения правовых явлений конструкции целесообразно поделить на:

- *реальные*;
- *фиктивные*.

Являясь моделью определенного правового феномена, конструкция всегда представляет собой его упрощенный, огрубленный образ.

При этом в одних случаях, создавая этот образ, его автор стремится максимально точно, адекватно отразить существующие в реальности элементы явления, а в других (например, если элементы находятся в состоянии невозможной неизвестности) — заменяет их иными, заведомо не существующими в реальной жизни.

По уровню совершенства, или степени научной разработанности конструкции среди них можно выделить:

- *совершенные* (качественные, научно обоснованные);
- *несовершенные* (неполные, дефектные).

При этом последние могут иметь *фактические* (связанные с неполным либо неадекватным отражением свойств и элементов моделируемого объекта) либо *логические* (например, противоречивость, избыточная сложность и т.д.) дефекты.

Проблема *причин* несовершенства юридических конструкций позволяет говорить об ошибках — правотворческих или научных, а также о злонмеренном поведении законодателя, преследующего какие-либо корыстные цели. Причины могут быть объективными (например, недостаточная исследованность правового явления на данном этапе развития юридической науки) и субъективными (непрофессионализм «конструктора»). Вопросы эти чрезвычайно значимы, но относятся не столько к понятию юридических конструкций, сколько к проблеме качества законодательства в целом¹.

Исследование видового разнообразия юридических конструкций имеет значение не только для понимания их природы и места в ряду других правовых явлений, но и для развития юридической техники. Качество юридической конструкции и эффективность ее использования как технико-юридического средства зависит от множества факторов. Среди них основную роль играет осознание природы и назначения конструкций: важности их доктринальной разработанности и обусловленности развитием юридической практики. Понимание двойственной доктринально-практической природы юридических конструкций лежит, в частности, в основе классических *законов юридической конструкции*, сформулированных Р. Иерингом: закона совпадения с положительным материалом, закона непротиворечия и закона юридической красоты².

Подробная классификация юридических конструкций позволяет существенно конкретизировать критерии их оценки и предъявляемые к ним требования. Так, решающее значение при создании и совершен-

¹ Наиболее полный спектр современных научных позиций по проблеме правотворческих ошибок представлен в книге: Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М., 2009.

² См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. С. 81–92.

ствовании юридической конструкции приобретает способность ее автора определить ее место в системе уже существующих конструкций, выявить степень универсальности конструкции, «подобрать» необходимый уровень обобщения. «Конструктор» должен обладать достаточными теоретическими знаниями и практическими навыками, позволяющими учесть и отразить отраслевую специфику юридической конструкции, выявить возможности рецепирования, отраслевого или транснационального заимствования, согласовать новую конструкцию с традиционными, проверенными практикой и признанными юридическим сообществом. Учет сущностных и видовых особенностей юридической конструкции позволяет также спрогнозировать эффективность функционирования инновационной или экспериментальной конструкции, оценить степень ее совершенства, обнаружить дефекты и выявить их причины.

13.2. Правовая аксиома: природа, виды, ценность

Все последующие рассуждения в этом фрагменте есть резон, ради справедливости, предварить констатацией: некоторые исследователи убеждены, что «в силу своих особенностей и функций право не содержит аксиом». Отстаивая эту позицию, А. Ф. Черданцев пишет, что нормы права «не могут рассматриваться как аксиомы или теоремы не только потому, что это не суждения, но и потому, что одни из них (аксиомы) не служат для доказательства других (теорем), а эти последние не требуют доказательства, так как они сформулированы законодателем в законченном виде»¹. Конечно, и такое доктринальное мнение имеет право на существование, но оно основано лишь на простейших формально-логических характеристиках, не учитывает логико-гносеологическую и аксиологическую природу права, не предоставляет убедительных аргументов против сторонников, доказывающих, что юридические нормы есть особая разновидность суждений.

Правовые аксиомы — это такие правовые положения, которые в результате проверки многовековой общественно-исторической практикой стали непреложными, исходными элементарными истинами — привычными и самоочевидными, вне которых невозможно существование права как социального явления². Данное явление характеризуют следующие черты.

1. Аксиомы выражают нравственные основы права, его общечеловеческое содержание. Отход от них, их несоблюдение может привести к тому, что право теряет свои черты, перестает быть правом³.

¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 259, 269.

² См.: Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 4, 14.

³ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.

2. Необходимость их соблюдения очевидна, с точки зрения здравого смысла, принципов морали и справедливости, поэтому они воспринимаются людьми как естественные и разумные правила.

3. Идеи, выражаемые правовыми аксиомами, являются основными положениями, на которых базируется большинство других правовых норм. Из них логически выводятся, на их основе определяются, разрабатываются все остальные нормы права и категории правовой науки.

4. Правовые аксиомы не вызывают сомнений, не допускают иных толкований, не нуждаются в особых доказательствах и не могут быть опровергнуты.

5. Аксиомы складываются постепенно в результате многовековой практики. Выражая достижения общечеловеческой правовой культуры, они воспринимаются правом различных эпох и исторических типов.

Два из приведенных выше признаков — общепризнанность и неопровержимость — должны быть выделены особо. Первый исходит из содержательной трактовки аксиом как нравственных истин, на которых базируется действующее право. Второй устанавливает формальный, юридический критерий, признавая аксиомой элементарное правовое положение, действующее при любых условиях и не допускающее исключений. Объединение этих аспектов позволяет говорить о двойственной нравственно-юридической природе правовых аксиом.

Многие аксиомы, общепризнанные в современных правовых системах, были сформулированы в римском праве: «нет судьи без истца»; «истец должен доказать свой иск»; «где есть право, там есть и его защита»; «суд имеет дело с теми доказательствами, которые перед ним», «никто не может быть судьей в собственном деле»; «никто не обязан свидетельствовать против себя»; «отягчающий ответственность закон не имеет обратной силы»; «что не запрещено, то разрешено»; «нельзя дважды судить за одно преступление».

В отечественной юридической литературе традиционно привлекает внимание ученых вопрос о *соотношении правовых аксиом с принципами права*. Сформировалось несколько научных подходов к его решению.

Согласно точке зрения, предложенной С. С. Алексеевым, «характер правовых аксиом свойствен и ряду положений, выражающих правовые (специальные юридические) принципы. Это положения, которые имеют для права значение непреложных истин»¹. Фактически между принципами и аксиомами в данном случае ставится знак равенства, с той только разницей, что аксиомами являются не все принципы права, а важнейшие, наиболее значимые, устоявшиеся в мировой практике.

С. 111–112.

¹ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2010. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. С. 109.

По мнению Л. С. Явича, правовые аксиомы — это идеи, существующие в правосознании и служащие идеологическими предпосылками принципов права¹. Помимо аксиом — элементарных истин, не требующих доказательств, идеологическими предпосылками принципов права Л. С. Явич назвал также классово направленные идеи права. Тем самым была сделана попытка разграничить классовую и общечеловеческую сущность социалистического права, выраженную в его принципах.

Наиболее последовательно это разграничение проводится в концепции, разработанной А. А. Ференс-Сороцким, который «разводит» понятия «аксиома» и «принцип». Правовые аксиомы, по его мнению, выражают общечеловеческие начала права и именно в силу этого обеспечивают его преемственность, демонстрируя то общее, что характерно для всех правовых систем. Принципы же, наоборот, выражают классовую сторону сущности права. Поэтому в системе принципов не может быть преемственности, так как они отражают специфику именно данной социальной общности² (например, данного исторического типа или данного политического режима). В качестве примеров подобных принципов, отличавших советское право от права других стран, можно было бы назвать *принцип объективного вменения*, *принцип приоритета государственных интересов над личными*. Эти примеры сами по себе наводят на мысль о том, что противопоставление аксиом и принципов было вполне логичным для советской правовой теории, позволяло ей разрешить серьезные научные противоречия, но для современной отечественной юриспруденции оно практически полностью теряет свое значение.

С точки зрения современных представлений о праве, тот факт, что определенный принцип нуждается в доказательствах, не является аксиоматичным, не соответствует общепринятым нравственным идеям, должен заставить задуматься над вопросом: является ли он вообще принципом права? Стоит ли брать подобную идею за основу целого правового института или отрасли? На сегодняшний день не вызывает сомнения, что нормативно закрепленные принципы права должны выражать наиболее общепризнанные аксиоматичные идеи.

«Взаимное соответствие», однако, не означает тождества аксиом и принципов. Различие между ними можно провести *по масштабу действия*. Если значение принципа права приобретают идеи, имеющие общеправовое или отраслевое значение, развивающиеся и конкретизируемые во многих нормах права, то далеко не обо всех аксиомах

¹ См.: Явич Л. С. Право развитого социалистического общества: сущность и принципы. М., 1978. С. 11; См. также: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 217–218.

² См.: Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 13.

можно сказать то же самое. Некоторые аксиомы могут определять содержание лишь нескольких нормативных предписаний либо вообще выражаться в одном единственном предписании закона («общеизвестные факты доказыванию не подлежат»). Существование подобных «одиочных» аксиом вполне согласуется с юридической природой этих правовых феноменов как элементарных истин, не допускающих иных толкований, не нуждающихся в доказательствах и, следовательно, не требующих дальнейшего уточнения и конкретизации.

Таким образом, концептуально, сущностно правовые аксиомы и принципы права очень близки друг другу, но полностью не совпадают. С одной стороны, в законодательстве любого государства могут иногда закрепляться в виде принципиальных положений веления, не соответствующие основополагающим нравственным ценностям, не являющиеся общепризнанными, т.е. не относящиеся к числу правовых аксиом. С другой стороны, часть аксиом ограничена в своем действии масштабами, значительно меньшими, чем отрасль права, поэтому в число правовых принципов эти аксиомы не включаются.

Говоря о значении правовых аксиом, необходимо подчеркнуть несколько основных моментов.

Во-первых, по меткому выражению А. А. Ференс-Сороцкого, правовые аксиомы составляют своего рода «золотой фонд» правовых норм, сложившихся в ходе развития человечества. Именно благодаря им право сохраняет свою социальную ценность, способность обеспечить порядок, организованность, устойчивость общественных отношений, противостоять произволу и анархии. Общепризнано, что без нравственной основы право перестает быть правом, остается только мерой принуждения, средством организационного воздействия. Аксиомы выступают своеобразным носителем *универсальных нравственных ценностей*, значимых для любой правовой системы.

Во-вторых, выражаясь в принципах права, аксиомы образуют «содержательный каркас» всей правовой системы. Они представляют собой конкретные правовые веления, без которых существование целых правовых институтов и даже отраслей оказалось бы невозможным. «Нет преступления без указания на то в законе»; «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение» — эти и другие положения существуют не в качестве теоретических конструкций, а в качестве *реально работающих нормативных предписаний принципиального характера*.

В-третьих, на правовых аксиомах базируется юридическая наука и все теоретические представления о праве. Не углубляясь пока в проблему существования теоретических, научных аксиом, заметим, что содержание и направления развития юридической науки во многом обусловлены содержанием и уровнем развития действующего права. Поэтому наиболее устойчивые, универсальные, общепризнанные

правовые положения всегда будут иметь не только практическое, но и *теоретическое значение*. В этой связи интересна идея, предложенная С. Н. Егоровым в монографии «Аксиоматические основы теории права». Автор выводит содержание всей теории права, понятия общества, государства, правовой системы из нескольких основополагающих аксиом как сугубо теоретического (например, «каждый человек обладает свободой воли», «внешняя свобода людей должна быть ограничена»), так и нормативного характера (например, «законы должны соблюдаться», «все люди имеют равные права на внешнюю свободу»)¹.

В-четвертых, значение правовых аксиом заключается в том, что они обеспечивают преемственность в праве. Преемственность — это сохранение определенных элементов в праве, несмотря на происходящие исторические изменения. В советской юридической науке проблема преемственности в праве вызывала значительный интерес в связи с тем, что, следуя логике официальной доктрины, социалистическое право должно было принципиально, в корне отличаться от права буржуазных стран. Фактически же не только формальные, внешние характеристики, но и многие основополагающие принципы советского права совпадали с аналогичными принципами, действовавшими в других правовых системах. Стремясь объяснить этот факт, советские праведы признали роль правовых аксиом как средства, обеспечивающего преемственность в праве любого исторического типа и любой общественно-экономической формации.

На сегодняшний день вопрос о классовом содержании права в значительной мере утратил свою актуальность, но проблема преемственности по-прежнему заслуживает научного внимания². Являясь сложной динамической системой, право подвержено постоянным изменениям под влиянием множества различных факторов. Причем, если форма права характеризуется относительной устойчивостью, то содержание его гораздо более динамично, однако и в содержании права есть элементы, обеспечивающие устойчивость, неизменность наиболее важных, определяющих сторон и свойств права. К числу таких элементов, отвечающих за стабильность нравственного содержания права, в первую очередь, должны быть отнесены правовые аксиомы.

Значительный научный интерес представляет проблема классификации правовых аксиом. В литературе принято проводить ее по нескольким основаниям.

¹ Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. СПб., 2001.

² Подробно о феномене юридической преемственности см.: Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5: Вторые Бабаевские чтения «Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника».

В зависимости от масштаба функционирования правовые аксиомы (учитывая сказанное выше об их соотношении с принципами права) можно разделить на три группы:

- а) аксиомы, являющиеся принципами права:
- общеправовые аксиомы-принципы («то, что не запрещено, — разрешено»; «свобода одного человека ограничивается свободой других лиц»; «где есть право, там есть и его защита»);
 - межотраслевые аксиомы-принципы («суд и судей нужно уважать»; «решение суда должно быть мотивировано»);
 - отраслевые аксиомы-принципы («нет судьи без истца»; «нет преступления без указания на то в законе»; «отсутствие указаний в законе не может служить основанием для отказа в правосудии»);
- б) аксиомы, не являющиеся принципами права:
- единичные, «одиночные» аксиомы («общеизвестные факты доказыванию не подлежат»). Эти аксиомы также могут закрепляться нормами нескольких отраслей, но в силу своего элементарного характера статуса принципа права ни в одной из этих отраслей они не приобретают.

По отраслевой принадлежности можно выделить:

- материально-правовые аксиомы («нельзя быть виновным без вины», «все равны перед законом и судом»);
- процессуально-правовые аксиомы («каждый иск ограничен пределами определенного времени»; «решение суда не должно затрагивать тех, кто не участвовал в деле»).

Примеры процессуальных аксиом в литературе встречаются гораздо чаще. Это связано с особенностями самого процессуального права. Именно в сфере процессуального права частные интересы индивида подлежат рассмотрению и защите со стороны публичной власти, поэтому здесь особенно необходимы элементарные нравственные нормы, обеспечивающие вынесение объективного, справедливого решения, согласование интересов всех сторон. Кроме того, процессуальная форма, в отличие от материально-правовых отраслей, в значительно меньшей степени подвержена влиянию исторических, социальных, политических изменений, поэтому число процессуальных норм, проверенных многовековой юридической практикой, превышает число аналогичных «вечных» материальных норм.

Спорный характер носит встречающаяся в работах специалистов классификация правовых аксиом по сфере существования (и по содержанию):

- нормативные, т.е. представляющие собой правовые веления, закрепленные в текстах нормативно-правовых актов;
- научные.

В качестве примера научных аксиом в советской юридической литературе предлагались различные суждения. Так, Г. И. Манов сформулировал следующую аксиому: «В процессе правотворчества право реализуется в нормативных актах, правоотношениях и правосознании. Право реализуется только в отмеченных трех формах, четвертой не дано»¹. С. С. Алексеев утверждал, что научными аксиомами являются такие высказывания, как «право — возведенная в закон воля господствующего класса...», «право — ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению юридических норм», «законность — основа нормальной жизни общества»². На сегодняшний день вряд ли вызовет возражения мысль о том, что подобные суждения отражают не основы самого права, а состояние юридической науки в определенный период. Ни одно подобное теоретическое суждение не может признаваться не требующим доказательств, так как это противоречило бы основным принципам научного познания.

Подробно исследует аксиомы правовой науки А. В. Масленников³, однако анализируемые им свойства таких аксиом скорее свидетельствуют не о наличии у них юридической специфики, а об их сходстве с аксиомами других наук. Как нам представляется, в качестве правовых аксиом следует рассматривать *не научные постулаты, а исключительно правовые веления*, проверенные многовековой юридической практикой.

В зависимости от формы закрепления правовых аксиом последние могут быть разделены на три вида:

- *закрепленные непосредственно* (в виде самостоятельного нормативно-правового предписания);
- *выводимые из содержания правовых норм*;
- *не получившие закрепления в законодательстве*.

В литературе отмечается, что помимо текста нормативного акта, аксиомы могут существовать в различных формах, например, в обобщениях практики и даже в известных пословицах⁴. Однако, представляется, что в развитой правовой системе, каковой является правовая система современной России, количество основополагающих, общепризнанных правовых истин, не получивших еще нормативного за-

¹ Манов Г. И. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29.

² Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2010. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. С. 109.

³ См.: Масленников А. В. Правовые аксиомы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 20.

⁴ См.: Печников Г. А. О важности юридических аксиом в преподавании основ уголовного права и уголовного процесса // Юридическое образование и наука. 1999. № 2. С. 33.

крепления, настолько ничтожно, что практически может быть сведено к нулю, поэтому выделять в данной классификации аксиомы, не закреплённые в нормативно-правовых актах и существующие только в правосознании юристов, в юридической практике или научных исследованиях, можно лишь с оговоркой, что примеры подобных аксиом на сегодняшний день обнаружить чрезвычайно сложно. Что касается первых двух видов, то предпочтение в правотворческой практике, безусловно, должно отдаваться непосредственному закреплению правовой аксиомы в отдельном нормативно-правовом предписании.

В этой связи уместно рассмотреть правовые аксиомы в контексте проблем юридической техники. В первую очередь, по форме правовые аксиомы — это четкие, емкие, предельно сжатые афористичные суждения, не допускающие нескольких толкований. Исследование их в качестве средства юридической техники подразумевает наличие специальных приемов, позволяющих перенести эти положения в законодательный текст, не только не потеряв их смысла, но и сохранив их юридическую красоту.

Мастерство законодателя состоит в том, чтобы обнаружить и выделить в структуре правовой материи те наиболее устойчивые непреложные истины, которые несут в себе высокий нравственный заряд, концентрированно выражают ценность права. Органически вплетаясь в ткань права, развиваясь в содержании правовых норм, они не должны, тем не менее, сливаться с ними, теряться в массе других нормативных предписаний. Далеко не все аксиомы по масштабу своего действия заслуживают закрепления в виде принципов той или иной отрасли права, но каждая аксиома должна быть определенным образом выделена, обособлена в тексте нормативного акта.

В интерпретационной и правореализационной технике значение правовых аксиом также велико. Чрезвычайно важно умение интерпретатора, правоприменителя обнаружить такие правовые положения, которые не нуждаются в толковании, не могут быть поставлены под сомнение, и именно эти основополагающие, неизменные истины положить в основу своей деятельности.

Объединение в данном разделе таких средств юридической техники, как правовые аксиомы и юридические конструкции, требует освещения вопроса об их соотношении и взаимосвязи друг с другом. Вопрос этот целесообразно рассматривать через призму общих и отличительных черт. Безусловно, данные правовые явления характеризуются определенным *сходством*. Во-первых, и аксиомы и конструкции вырабатываются в течение многовековой истории, многократно проверяются, совершенствуются, уточняются практикой и являются поэтому достижениями мировой юридической мысли. Во-вторых, оба эти правовые явления характеризуют устойчивые, «вечные» черты и свойства права, обеспечивают преемственность в его развитии.

Различия, существующие между названными категориями, заключаются в следующем. Юридическая конструкция характеризует *форму* правового явления, описывает его структуру, строение, дает условную схему, которая может быть наполнена различным содержанием. Другими словами, конструкция представляет собой метод юридического мышления, с помощью которого могут быть осмыслены различные по содержанию правовые явления. В противоположность этому, аксиома выражает *содержание* права, его нравственную общечеловеческую сущность.

Этим различием определяется и та роль, которую указанные средства юридической техники играют в процессе обеспечения преемственности в праве. Аксиомы как общепризнанные правовые истины отвечают за *содержательную* преемственность права, выступая при этом средствами обеспечения, в первую очередь, *наднациональной* (универсальной) правовой преемственности. Идеи, выражаемые правовыми аксиомами, признаются разными правовыми системами и транслируют *дух права* через эпохи и государственные границы.

Помимо общечеловеческих идей и ценностей, выражаемых такими аксиомами, есть, безусловно, ценности, лежащие в основе конкретной национальной правовой культуры. К примеру, идеи коллективизма в восточной культуре и индивидуализма в западной обуславливают приоритеты правового развития в конкретных странах, характеризуя сущность и идейную основу соответствующих правовых систем. Сказанное дает основания говорить о существовании, наряду с универсальными, национальных правовых аксиом, обеспечивающих, в свою очередь, национальную (историческую) преемственность права.

Таким образом, правовые аксиомы (универсальные и национальные — каждый на своем уровне) выступают важнейшим средством, благодаря которому право *остаётся самим собой*, сохраняя соответствие существующим в общественном сознании идеалам нравственности и справедливости.

Обращаясь к юридическим конструкциям, следует подчеркнуть, что они отвечают за преемственность формы, а точнее — *внутренней логической структуры* права. Конструкции, в отличие от правовых аксиом, не могут быть оценены с точки зрения справедливости или нравственности. Они представляют собой «чистое правовое знание» без лишнего конкретно-исторического или фактического содержания. Это вовсе не означает, что сами конструкции остаются неизменными на протяжении веков. Каждая конструкция в отдельности имеет собственную историю, развивается и совершенствуется в течение всего периода своего существования, выражая степень познания общественных отношений, уровень правового

мышления, существующий на данном этапе. Но неизменной остается роль конструкций как формы юридического мышления, как способа, с помощью которого юристы осмысливают окружающую действительность.

«Нормы права могут меняться от росчерка пера законодателя. Но в них и немало таких элементов, которые не могут быть произвольно изменены, поскольку они теснейшим образом связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей. Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно так же как на наш язык или нашу манеру размышлять»¹. Нет сомнений, что к числу подобных элементов, составляющих основу правовой материи, обеспечивающих стабильность и преемственность правового развития, относятся, в первую очередь, юридические конструкции и правовые аксиомы.

Вопросы для самоконтроля

1. Рассмотрите вопрос о признаках, структуре, функциях юридических конструкций на примере отдельно взятой конструкции действующего права (по своему выбору).
2. Приведите примеры юридических конструкций и правовых аксиом, известных еще из римского частного права. Покажите, насколько они модифицировались в современном праве.
3. Проиллюстрируйте примерами существующие классификации юридических конструкций.
4. Приведите примеры наиболее значимых юридических конструкций, изучаемых общей теорией права. Сопоставьте их содержание и строение с аналогичными отраслевыми конструкциями.
5. Продемонстрируйте на конкретном примере, какова роль юридической конструкции на этапах правотворчества, толкования права, правореализации и т.д.
6. Объясните, как вы понимаете сформулированные Р. Иерингом законы юридических конструкций: закон совпадения с положительным материалом; закон непротиворечия; закон юридической красоты.
7. Охарактеризуйте и подтвердите примерами функциональное назначение правовых аксиом.
8. Проиллюстрируйте примерами из действующего законодательства существующие классификации правовых аксиом.
9. Проанализируйте 10 любых принципов, закрепленных в действующем законодательстве. Какие из них могут рассматриваться в качестве нравственных аксиом? Какие являются аксиомами юридическими?
10. Оформите в виде таблицы сравнительный анализ правовых аксиом и юридических конструкций.

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 19–20.

Тестовые задания

- 1) «Чем конструкция проще, тем она совершеннее», – гласит закон юридической
 - a) субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона; «право собственности = владение, пользование, распоряжение» – это примеры:
 - b) юридических конструкций
 - c) правовых дефиниций
 - d) правовых аксиом
- 2) Признаками юридической конструкции являются (уберите лишнее):
 - a) модель, создаваемая в результате абстракции
 - b) отражает внутреннюю структуру правового понятия
 - c) имеет конвенциональную природу
 - d) компенсирует отсутствие информации и юридических фактах
- 3) Обеспечивает преемственность в праве; носит неопровержимый характер; выражает нравственную, общечеловеческую природу права. Это признаки:
 - a) юридической конструкции
 - b) правовой аксиомы
 - c) правового принципа
- 4) Какие из перечисленных черт характерны и для юридических конструкций, и для правовых аксиом? (выберите несколько вариантов)
 - a) обеспечивают преемственность в праве
 - b) выражают нравственные начала права
 - c) являются средством логического построения правовой материи
 - d) понятны на уровне здравого смысла
 - e) несут в себе лучшие достижения мировой юридической мысли
 - f) являются средством логического построения правовой материи
- 5) Подберите латинские аналоги известных правовых аксиом:

Qui suo iure utitur, neminem laedit (1)	чья выгода, того и риск (a)
Audiatur et altera pars (2)	очевидное не нуждается в доказательствах (b)
Cuius commodum, eius periculum (3)	истец должен доказать свой иск (доказывает тот, кто утверждает, а не тот, кто отрицает) (c)
Ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat (4)	кто пользуется своим правом, тот не нарушает чужих интересов (d)
Impossibilium nulla est obligatio (5)	обязательство исполнить невозможное ничтожно (e)
Iura novi tcuria (6)	суд знает законы (f)
Manifestum non eget probatione (7)	пусть будет выслушана и другая сторона (g)

Рекомендуемая литература

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права / С.С. Алексеев. — М., 2008.
2. *Баранов В.М.* Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока // Проблемы юридической техники: сборник статей / В.М. Баранов, Ю.Л. Мареев; под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
3. *Давыдова М.Л.* К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты / М.Л. Давыдова // Юридическая техника. — 2007. — № 1.
4. *Егоров С.Н.* Аксиоматические основы теории права / С.Н. Егоров. — СПб., 2001.
5. *Зяблова Т.Е.* Правовые аксиомы / Т.Е. Зяблова, А.В. Масленников; под ред. В.В. Мамчуна. — Владимир, 2009.
6. *Иеринг Р.* Юридическая техника / Р. Иеринг; сост. А.В. Поляков. — М., 2008.
7. *Кругликов Л.Л.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. — СПб., 2005.
8. *Пономарев Д.Е.* Генезис и структура юридических конструкций: подходы к пониманию / Д.Е. Пономарев // Академический юридический журнал. — 2005. — № 2 (20).
9. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург, 2001.
10. *Ференс-Сороцкий А.А.* Аксиомы в праве / А.А. Ференс-Сороцкий // Правоведение. — 1988. — № 5.
11. *Цыбулевская О.И.* Нравственные основания современного российского права / О.И. Цыбулевская. — Саратов, 2004.
12. *Чевычелов В.В.* К вопросу о понятии юридической конструкции / В.В. Чевычелов // Государственная власть и местное самоуправление. — 2005. — № 11.
13. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. — М., 2012.
14. Юридическая техника: Ежегодник. — 2013. — № 7: в 2 ч. — Ч. 2: Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине.

Раздел 14

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ И ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ

14.1. Сущность, виды, значение правовых презумпций

Правовая презумпция вслед за В. К. Бабаевым традиционно определяется в отечественной науке как *закрепленное в правовой норме предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом*¹.

Принято говорить о следующих признаках правовых презумпций.

1. Презумпция — это *вероятное предположение*. По своей природе она основана на связи явлений в форме статистической закономерности и является индуктивным умозаключением, которое приближает к истине, но не гарантирует ее достижение².

2. Презумпция — *правовое* положение, которое в обязательном порядке должно быть закреплено в тексте нормативного акта.

3. Презумпция указывает на наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих юридическое значение, влекущих юридические последствия, т.е. закрепляет определенные *юридические факты*.

4. Презумпция *регулирует общественные отношения*, так как предполагает необходимость признания соответствующих обстоятельств установленными без специальных доказательств.

5. Презумпция является *юридическим предположением*, т.е. действует постольку, поскольку не доказано (не установлено) иное.

Наиболее близки к правовым презумпциям по своей социальной природе презумпции фактические. Под *фактической презумпцией* понимается презумпция, не закрепленная в нормах права³. Ее достоверность подтверждается здравым смыслом и практическим опытом. Юридического значения такая презумпция не имеет и используется

¹ См.: *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14.

² См.: *Кузнецова О. А.* Презумпции в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 9.

³ См.: *Васильев Л. М.* Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1982. № 1. С. 95.

в качестве мотива для закрепления правовой нормы либо для логического обоснования правоприменительного акта. В зависимости от способа формирования фактические презумпции делятся на: а) *сформулированные на основе здравого смысла и жизненного опыта* (например, презумпция неправильного восприятия информации вследствие неблагоприятных погодных условий, используемая при оценке достоверности свидетельских показаний); б) *сформулированные на основе научных исследований* (презумпция высокой степени вероятности наличия у акцентуированной личности истероидно-демонстративного типа психологической установки на ложь и утаивание информации)¹. По степени достоверности фактические презумпции классифицируют на *обоснованные и необоснованные (мнимые)*². Мнимый характер презумпция может приобретать в случаях, когда те или иные обобщения абсолютизируются либо рассматриваются в отрыве от других доказательств (например, если человек волнуется во время допроса, это далеко не всегда свидетельствует о том, что он что-то скрывает; присутствие на месте преступления еще не доказывает, что человек его совершил).

Главной чертой, объединяющей правовые и фактические презумпции, является их социальная сторона, т.е. обобщение предшествующего опыта развития общественных отношений, позволяющее с определенной долей вероятности предположить, какие факты, обстоятельства, события будут иметь место в данном конкретном случае. Логическим основанием всех презумпций является метод неполной индукции.

Оба рассматриваемых вида презумпций необходимы в процессе правового регулирования — в правотворчестве и правореализации. Они позволяют компенсировать недостаток фактической информации тогда, когда достоверные знания об определенном событии или явлении получить невозможно, однако отличия, существующие между ними, достаточно велики.

Во-первых, фактическая презумпция, не получая нормативного закрепления, существует лишь в сознании законодателя или правоприменителя, в научных исследованиях, других неофициальных источниках и не приобретает юридического значения, т.е. применение ее не влечет никаких юридических последствий.

Во-вторых, различие может быть проведено по способу опровержения. Правовые презумпции опровергаются в установленном законом порядке, в соответствии с процессуальной формой. Процесс опровер-

¹ См.: Федотов А. В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 87–90.

² См.: Васильев Л. М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1982. № 1. С. 96.

жения или подтверждения фактических презумпций происходит в сознании правоприменителя «автоматически» в результате обнаружения новых фактов, выяснения той или иной достоверной информации.

В-третьих, значение презумпций в правовом регулировании различается следующим образом. Правовая презумпция имеет *непосредственное* значение, т.е. регулирует общественные отношения: законодатель с ее помощью устанавливает общее правило регулирования, а правоприменитель определяет развитие конкретного правоотношения. Значение фактических презумпций — *опосредованное*. Законодатель не закрепляет их в правовых предписаниях, а лишь использует как основание для формулирования правила поведения (например, презумпция непонимания малолетним лицом общественной опасности своих действий служит основанием для нормативного закрепления возраста, с которого может наступать юридическая ответственность). Правоприменитель использует фактическую презумпцию лишь в качестве логического приема мышления при формировании своего убеждения, не придавая юридического значения презюмируемым фактам (например, противоречия вербальной и невербальной информации, полученной в ходе допроса, позволяют усомниться в правдивости показаний, но не дают для этого юридических оснований).

Приведенные различия позволяют сделать выводы о природе правовой презумпции. Каждая правовая презумпция имеет две стороны: социальную и юридическую. *Социальная* сторона характеризует способ формирования презумпции, ее внутреннее содержание. По своему происхождению и природе правовая презумпция — это всегда предположение, основанное на той или иной степени вероятности. Логическая природа презумпции (вывод из индуктивного обобщения) является отражением того факта, что общественные отношения крайне многообразны и, с одной стороны, подвержены закономерностям, характеризуются повторяемостью, а с другой — никогда не бывают абсолютно одинаковыми. В этой части правовые и фактические презумпции сходны.

Юридическая сторона презумпции заключается в ее нормативном закреплении в виде обязанности признать презюмируемый факт установленным, а также в юридической возможности опровергнуть данный факт. В итоге каждая правовая презумпция содержит *два* предположения: логическое, которое лежит в ее основе, и которому она обязана своим происхождением, и юридическое — основное. Оно состоит в том, что на правоприменителя налагается обязанность признать определенные факты установленными не окончательно, а до тех пор, пока не будет доказано обратное, т.е. *обязанность предположить*, что факты установлены.

Классификацию правовых презумпций проводят по различным основаниям.

I. Общеизвестной является классификация правовых презумпций в зависимости *от масштаба действия*. По этому критерию выделяются:

- общеправовые;
- межотраслевые;
- отраслевые.

Первую группу образуют презумпции, действующие во всех отраслях права. Так, В. К. Бабаев включает в их число следующие: презумпция истинности и целесообразности правовых норм, презумпция правосубъектности лиц, вступающих в правоотношения; презумпция добропорядочности гражданина; презумпция знания закона¹. Общеизвестным можно считать и общеправовой характер презумпции невиновности.

Вторая группа включает презумпции, характерные для нескольких отраслей, например, для всех процессуальных (презумпция истинности судебного решения и др.).

Примерами отраслевых презумпций являются: презумпция отцовства и презумпция равенства доли имущества супругов — в семейном праве; презумпция смерти лица, безвестно отсутствующего в течение определенного времени и презумпция вины — в гражданском праве; презумпция отказа от исковых требований лица, дважды не явившегося на судебное заседание, и презумпция достоверности доказательств, признаваемых обеими сторонами — в гражданском процессе; и т.п.

Иногда в качестве отраслевых рассматриваются презумпции, общеправового или межотраслевого характера, но имеющие особое значение в данной отрасли. Например, в гражданском праве О. А. Кузнецова выделяет презумпции добросовестности и разумности², для административной деятельности милиции Н. Н. Цуканов считает наиболее важными презумпцию знания закона, презумпцию законности правового акта, презумпцию невиновности³, носящие явный общеправовой характер.

II. В зависимости *от отраслевой принадлежности* выделяют:

- *материально-правовые презумпции*, которые закрепляются нормами материального права и служат основанием решения дела по существу (презумпция авторства, презумпция вины причи-

¹ См.: Бабаев В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328–329.

² Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 35.

³ Цуканов Н. Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 6.

нителя вреда, презумпция потенциальной экологической опасности планируемой хозяйственной деятельности);

- *процессуально-правовые презумпции*, значение которых заключается в регулировании порядка применения норм материального права (презумпция истинности судебного решения, презумпция отказа от исковых требований лица, дважды не явившегося на судебное заседание, презумпция невиновности).

III. По методу правового регулирования, лежащему в основе правовой презумпции, они делятся на:

- *императивные*;
- *диспозитивные*.

Обе разновидности презумпций являются опровержимыми, однако первая может быть опровергнута только наличием фактических обстоятельств, отменяющих установленное презумпцией правило. Например, «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине» или «за вред, причиненный малолетним, отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине». При невозможности доказать соответствующие факты презюмируемое правило действует в императивном порядке.

Диспозитивная презумпция заранее допускает возможность наличия другого закона, иного правового акта, предусматривающего иное правило, чем то, которое устанавливает презумпция. Кроме того, ее диспозитивный характер может заключаться в предоставлении сторонам права самим в договорном порядке урегулировать соответствующее отношение. Только при отсутствии всех этих вариантов регулирования применяется правило, установленное презумпцией: «договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное»; «при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами»; «сделка, не соответствующая требованиям закона или иным правовым актам, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения». Как правило, диспозитивные презумпции не определяют субъекта, несущего бремя их опровержения, так как наличие закона, иного правового акта, а также содержание договора известны суду и подлежат учету, даже если заинтересованная сторона не станет заявлять об этом.

В противоположность этому императивная презумпция содержит указание на субъекта, который должен ее опровергнуть: «При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга. Такая сделка может быть признана судом недействительной по мо-

тивам отсутствия согласия другого супруга *только по его требованию* и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала о несогласии другого супруга на совершение данной сделки».

IV. По способу нормативного закрепления правовые презумпции в литературе принято делить на:

- *прямые*, т.е. сформулированные в виде отдельного нормативно-правового предписания;
- *косвенные*, т.е. словесно не закрепленные в статье нормативного акта, но выводимые из содержания правовых норм при их толковании.

В первом случае обнаружение презумпции не составляет труда, так как изложение ее в нормативном тексте сопровождается использованием формулировок «считается», «предполагается», «пока не доказано иное», «если не будет доказано иное» и т.п. Обнаружить косвенную презумпцию гораздо сложнее, что позволяет некоторым авторам вообще не рассматривать данную разновидность в качестве правовой презумпции (В. А. Ойгензихт, М. С. Строгович), указывая, что признание возможности косвенного закрепления правовой презумпции ведет к размыванию ее понятия, потере ее индивидуальности; презумпция теряет определенность формы, создается впечатление, что количество их в законодательстве огромно (Н. Н. Цуканов).

Стоит, вероятно, согласиться с теми исследователями, которые считают, что косвенные презумпции существуют, хотя и не являются удачным технико-юридическим решением, и законодателю не следует ими злоупотреблять (О. А. Кузнецова). Одним из традиционных примеров косвенной презумпции действующего законодательства считается презумпция знания закона, прямо до сих пор нигде не закрепленная, но выводимая, например, из смысла ст. 6 Федерального закона от 14 июля 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»¹, которая устанавливает общий десятидневный срок, предвещающий вступление закона в силу.

V. Согласно еще одной не менее распространенной и также достаточно дискуссионной классификации правовые презумпции делятся *по возможности опровержения* на:

- *опровержимые*, т.е. обязательно предполагающие исключения;
- *неопровержимые*, которые не могут быть опровергнуты ни при каких обстоятельствах.

В научной литературе по поводу данной классификации высказываются диаметрально противоположные мнения. Так, В. К. Бабаев не только признает факт существования неопровержимых презумп-

¹ Собрание законодательства РФ. 1994. № 8, ст. 801.

ций, но и указывает, что именно они играют наиболее значительную роль в качестве приема юридической техники. При этом сам автор констатирует, что данная разновидность презумпций довольно близка по своей природе к правовым фикциям¹. Именно на это обстоятельство обращают внимание и те ученые, которые принципиально отрицают возможность существования неопровержимых презумпций². Вопрос о разграничении правовых презумпций и фикций будет подробно рассмотрен ниже, однако здесь также уместно затронуть данную проблему.

С точки зрения философского подхода к понятию правовой презумпции, основным критерием ее отличия от правовой фикции является степень вероятности. Если предположение является достаточно обоснованным, то оно представляет собой презумпцию, если необоснованным — фикцию. Таким образом, во внимание принимается, прежде всего, социальная сторона исследуемого явления. Если же за основу взят юридический подход, то и критерии отличия презумпций от фикций должны быть юридическими. В природе правовой презумпции логическое предположение рассматривается как менее значимое по сравнению с предположением юридическим — *обязанностью компетентного органа признать презюмируемый факт установленным, пока не доказано иное*. Неопровержимые презумпции в этом случае не соответствуют необходимым критериям, так как представляют собой не предположение, а императивное установление, однозначное утверждение, основанное на предположении. По нашему мнению, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что категории, именуемые в науке неопровержимыми презумпциями, на самом деле являются:

а) *правовыми фикциями* — в том случае, когда соответствующее положение прямо закреплено в тексте закона. Так, В. К. Бабаев в качестве неопровержимой презумпции приводит пример нормы, действующей во французском наследственном праве, согласно которой в случае одновременной гибели супругов жена признается умершей позже³. Аналогичная норма в отечественном законодательстве устанавливает совершенно иное правило: граждане, умершие в один и тот же день считаются умершими одновременно и не наследуют

¹ См.: Бабаев В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 330.

² См.: Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 11; Паныко К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. С. 42–43.

³ См.: Бабаев В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 330.

друг после друга (п. 2 ст. 1114 ГК РФ). Принципиальное различие между данными нормами наглядно демонстрирует фиктивность обоих правил;

б) *фактическими презумпциями*, лежащими в основе правовой нормы, — в том случае, когда предположение выводится из содержания правила поведения. Например, презумпция непонимания общественной опасности своих действий малолетним лицом традиционно рассматривается в литературе в качестве неопровержимой правовой презумпции¹, вытекающей из норм, закрепляющих возраст наступления юридической ответственности. В то же время, «когда норма уже создана, предположение, послужившее мотивом к ее созданию, если оно и было, не имеет значения ни для суда, ни для тех лиц, которых норма касается и для которых она влечет определенные следствия: для них значение имеет не предположение, послужившее основанием для создания нормы, а сама норма»².

По мнению Н. Н. Цуканова, в исключительных случаях законодатель может закрепить определенную презумпцию в качестве неопровержимой, однако подобное возможно, скорее, вопреки общему правилу. Таким исключением автор считает презумпцию знания закона. Характерным в данном случае является то, что в других источниках указанное правовое положение довольно часто рассматривается в качестве правовой фикции³ либо опровержимой презумпции. В последнем случае О. А. Кузнецова излагает ее структуру следующим образом: «Если закон надлежащим образом опубликован, то предполагается, что он известен всем, пока не доказано обратное»⁴. Возвращаясь к предыдущей классификации, стоит заметить, что прямое закрепление данной основополагающей для всей правовой системы презумпции позволило бы разрешить и этот спор.

Значение правовых презумпций оценивается учеными по-разному. Встречаются сдержанные высказывания о них как о «... методе принятия решений за неимением лучшего, когда просто нет другого выхода»⁵ и гораздо более критические утверждения о том, что «... всякие пре-

¹ См.: Зув Ю. Г. Уголовно-правовые презумпции: понятие, признаки и виды // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 335.

² Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М. ; Л., 1947. С. 174.

³ См.: Илларионова Н. В. Значение правовых фикций в налоговых спорах // Налоговые споры: теория и практика. № 6. 2005. С. 47.

⁴ Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 10.

⁵ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 117.

зумпции, какие бы они ни были, представляют собой попытку создать абстрактную истину, оторванную от конкретных обстоятельств дела...»¹.

Думается, эффективность² действия правовой презумпции, ее способность служить обнаружению истины, а не подменять ее зависят во многом от профессионализма законодателя и правоприменителя, т.е. от того, насколько квалифицированно они смогут использовать это средство юридической техники. Регулятивный потенциал, заложенный в него, очень велик.

Значение правовой презумпции можно рассматривать в юридическом, социальном и политическом аспектах³.

С юридической точки зрения, презумпции выступают как своеобразный компонент механизма правового регулирования. При этом, с одной стороны, их можно представить как *средства правового регулирования*, направленные на то, чтобы перераспределить бремя доказывания, решить проблему достаточности доказательств для разрешения дела, восполнить пробел в случае неустранимой недостаточности или противоречивости собранных доказательств (А. Т. Боннер). С другой стороны, правовые презумпции выступают в качестве *средств юридической техники*, представляющих собой профессиональные механизмы упрощения и оптимизации процедуры рассмотрения дела, средства рационализации юридической деятельности.

Социальное значение рассматриваемого правового явления связано с тем, что невозможность юридически разрешить ту или иную ситуацию влечет проблемы в развитии конкретных отношений, в реализации субъективных прав. Презумпции, таким образом, не просто экономят силы и средства участников процесса, но и устраняют препятствия на пути нормального развития общественных отношений.

Политическое значение правовых презумпций исследователи видят в том, что, устанавливая соответствующие нормативное предписание, законодатель тем самым демонстрирует отношение государства к человеку, выделяет приоритеты и ценности, признаваемые наиболее значимыми на данном этапе. В самом деле, «... истинным стимулом подобных предположений бывает не действительная вероятность данного умозаключения от одного факта к другому, а же-

¹ Голунский С. А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. М., 1937. Кн. 4. С. 59.

² Понятие эффективности правовых презумпций и проблема критериев их эффективности подробно исследована Н. С. Караниной (*Каранина Н. С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 23–25.*)

³ Подробнее см.: Правовые презумпции: теория, практика, техника. Первые Бабаевские чтения // Юридическая техника. 2010. № 4.

вание охранять те или иные интересы, наиболее важные в глазах законодателя...»¹. Наглядно демонстрирует эту мысль презумпция виновности, действовавшая в инквизиционном процессе и сменившая ее в процессе состязательном презумпция невинности. Указанный политический аспект роднит правовые презумпции с юридическими аксиомами. Как и аксиомы, презумпции обеспечивают не только эффективность, но и справедливость, целесообразность права, поддержание его нравственных основ. Закрепляя непредвзятое отношение к человеку, распределяя бремя доказывания в судебных спорах, презумпции исходят, в первую очередь, из соображений справедливости, гуманности.

14.2. Юридические фикции: понятие, классификация, проблемы реализации

Правовая фикция — несуществующее положение, признанное законодательством существующим и ставшее в силу этого общеобязательным².

Среди их признаков в литературе традиционно выделяются следующие:

1) объектом регулирования правовой фикции являются те обстоятельства, которые находятся в состоянии невосполнимой неизвестности³;

2) этим обстоятельствам придается значение юридических фактов. При этом сами по себе фикции юридическими фактами не являются, а лишь замещают юридические факты в тех случаях, когда динамика правовых отношений ожидает наличия факта, а реальная действительность в этой связи допускает пробел⁴;

3) фикции имеют намеренно деформирующий характер, который может заключаться⁵:

- в искусственном уподоблении или приравнивании друг к другу таких понятий и обстоятельств, которые в действительности различны или даже противоположны;

¹ Оршанский И. О. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4 (июль — август). С. 21–23.

² См.: Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 109.

³ См.: Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. С. 71.

⁴ См.: Душакова Л. А. Правовые фикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 20.

⁵ См.: Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. С. 71–72.

- в признании реальными несуществующих обстоятельств и отрицании существующих (например, запись усыновителей родителями ребенка);
- в признании существующими обстоятельств и ситуаций до того, как они стали существовать на самом деле, или возникли позже, чем это было в действительности (изменение даты рождения усыновленного ребенка);

4) фикция имеет императивный (неоспоримый) характер, т.е. не предусматривает возможность появления таких ситуаций, которые не охватываются установленным ею правилом.

В современной теории права принято рассматривать правовые фикции в качестве разновидности общего понятия фикции. При этом категория «фикция», обозначающая вымышленное положение, не соответствующее действительности, используется юристами в нескольких значениях:

- фикции в праве. Это понятие носит негативную смысловую окраску и обозначает такие ситуации в правотворчестве или правореализации, когда законы не соответствуют регулируемым общественным отношениям, а правоприменительная практика противоречит законам. Этот аспект рассматриваемого понятия не только имеет весьма отдаленное отношение к проблемам юридической техники, но и в целом должен исследоваться не в сугубо юридическом, а в философском, социологическом контексте, например, с точки зрения того, насколько действующее право соответствует своему социальному назначению, отвечает потребностям общества;
- фиктивные правовые состояния. В отличие от предыдущих, эти явления, носят юридический характер, регулируются законом, их существование признается правом, хотя и оценивается чаще всего негативно (фиктивная сделка, фиктивный брак, фиктивное банкротство). Как правило, по форме подобные явления соответствуют требованиям закона, но по содержанию — противоречат ему;
- правовые фикции как прием (средство) юридической техники. Они представляют собой специфические правовые положения, с помощью которых конструируется несуществующая условная правовая реальность (О. А. Курсова). Данные явления не только существуют с юридической точки зрения, но и являются необходимыми элементами механизма правового регулирования. Правовая фикция — это плод юридического мышления, искусственное явление, которое в реальности не существует, но существует *юридически*.

Целесообразным представляется рассмотрение вопроса о внутренней логической структуре правовой фикции. Так же, как и в случае

с правовыми презумпциями, в ней можно выделить социальную и юридическую стороны. *Социальная сторона* фикции представлена определенным предположением. Степень вероятности его колеблется от достаточно высокой (например, снижение общественной опасности правонарушителя и совершенного им деяния по прошествии длительного срока — срока давности привлечения к ответственности) до крайне незначительной (например, вероятность того, что лицо, признанное умершим, действительно умерло в день вступления в законную силу решения суда о признании его умершим). Подобное предположение всегда имеет какое-либо рациональное обоснование, вытекающее из специфики соответствующего общественного отношения. *Фикция никогда не формируется произвольно, устанавливаемое ею правило всегда имеет логическое объяснение, с точки зрения целесообразности, справедливости, гуманизма и т.п.* Аргументация, положенная в основу правовой фикции, и составляет ее социальную сторону.

Юридическая сторона правовой фикции представлена императивным правовым велением, которое не допускает возможности опровержения. По нашему мнению, только наличие данной составляющей позволяет говорить о существовании *правовой (юридической)* фикции. Любые другие неистинные утверждения или предположения (например, тактические фикции¹) остаются ложью, обманом и т.п., но юридического значения не получают и средствами юридической техники не становятся.

Классифицируя правовые фикции, большинство авторов признают исключительный характер данного правового явления, его узкоспециальное назначение, обусловленное исчерпанностью иных средств правового регулирования (К. К. Панько, Н. А. Никиташина). Другие (например, О. А. Курсова) указывают на достаточно большое количество правовых фикций в действующем законодательстве, причем некоторые из них образуют целые институты в различных отраслях права². Думается, представление об исключительном характере право-

¹ Под тактическими фикциями понимают тактический прием, направленный для создания условий для введения в заблуждение лица, противодействующего уголовному судопроизводству, в целях получения информации, имеющей значение для уголовного дела. См.: *Филимонова И. В.* Фикции в досудебном производстве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 9.

² Среди таких институтов К. К. Панько называет: в гражданском праве — институт представительства, институт возмещения потерпевшему неполученных доходов, институт денежной компенсации морального вреда; в семейном праве — институт усыновления, институт лишения (восстановления) родительских прав, институт раздела общего имущества, институт изменения (выбора) фамилии. Во всех отраслях права существует институт срока давности, который тоже может рассматриваться как пример правовой фикции.

вых фикций объясняется (помимо идеологических причин, которые на сегодняшний день, в целом, преодолены) их яркостью, наглядностью. Если критерии отнесения того или иного веления к числу, например, правовых презумпций часто спорны, что вызывает ложное впечатление об огромном их количестве в законодательстве, то наличие фикции в каждом конкретном случае не вызывает сомнений, следовательно, они выглядят более исчислимыми.

Значительное внимание в науке привлекает проблема классификации правовых фикций.

I. *По сфере существования* фикции можно разделить на:

- *теоретические*, т.е. такие, которые, являясь частью правовой доктрины, не выступают самостоятельными регуляторами. Так, в качестве правовых фикций в литературе традиционно рассматриваются конструкции юридического лица, государства и некоторые другие категории («бестелесные вещи», «экстерриториальность», «обратная сила», «безналичные деньги», «бездокументарные ценные бумаги», «представительство»). Независимо от факта закрепления в нормативном тексте, такие фикции условно можно назвать *понятийными*, так как они не устанавливают правил, а предполагают наличие допущения в самом понятии;
- *нормативные* фикции — это правовые положения, закрепленные в тексте закона в виде отдельных регулятивных предписаний. Именно об этих правовых велениях принято говорить как о средствах юридической техники, специфических правовых регуляторах, поэтому именно они будут подвергнуты дальнейшей классификации.

II. *По отраслевой принадлежности*:

1. *Материально-правовые фикции*. Их цель состоит в том, чтобы обеспечить нормальное развитие общественных отношений, преодолеть состояние неопределенности, невосполнимости тех или иных фактов либо информации о них¹. Такие фикции, главным образом, отражают содержательную сторону правовых отношений².

а) *гражданско-правовые фикции*: «местом жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей» (п. 2 ст. 20 ГК РФ); «днем смерти гражданина, объявленного умершим,

¹ См.: Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 458.

² См.: Душакова Л.А. Классификация правовых фикций: версия теоретического моделирования // Философия права. 2004. № 2. С. 57.

считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим» (п. 3 ст. 45 ГК РФ); «началом исчисления срока для признания безвестного отсутствия *считается* первое число месяца, следующего за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем» (ст. 42 ГК РФ); «договор аренды, заключенный на срок, превышающий установленный законом предельный срок, *считается* заключенным на срок, равный предельному» (п. 3 ст. 610 ГК РФ); «если последнее место жительства наследодателя неизвестно или находится за пределами РФ, местом открытия наследства в РФ *признается* место нахождения наследственного имущества» (ст. 1115 ГК РФ);

б) *уголовно-правовые фикции*: «лицо, освобожденное от наказания, *считается* несудимым» (ч. 2, 6 ст. 86 УК РФ); «лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли... сроки...» (ч. 1 ст. 78 УК РФ); «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости» (ч. 1 ст. 39 УК РФ); «если... суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет *считать* назначенное наказание *условным*» (ч. 1 ст. 73 УК РФ); «время содержания лица под стражей до судебного разбирательства *засчитывается* в сроки лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и ареста из расчета один день за один день, ограничения свободы — один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе — один день за три дня, а в срок обязательных работ — из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ» (ч. 3 ст. 72 УК РФ);

в) *административно-правовые фикции*: «не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости...» (ст. 2.7 КоАП РФ); «лицо, которому назначено административное наказание..., *считается* подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания» (ст. 4.6 КоАП РФ);

г) *фикции в трудовом праве*: «аннулированный трудовой договор *считается* незаключенным» (ст. 61 ТК РФ); «трудовой договор, не оформленный в письменной форме, *считается* заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя» (ст. 67 ТК РФ); «за каждый день нахождения в пути от места нахождения работодателя до места выполнения работы и обратно, предусмотренные графиком работы на вахте, а также за дни задержки в пути по метеорологическим условиям или вине транспорт-

ных организаций работнику выплачивается дневная тарифная ставка, часть оклада за день работы» (ст. 302 ТК РФ);

д) *фикции в семейном праве*: «в случае рождения ребенка у матери, не состоящей в браке, при отсутствии совместного заявления родителей или при отсутствии решения суда об установлении отцовства фамилия отца ребенка в книге записи рождений *записывается* по фамилии матери, имя и отчество отца ребенка — по ее указанию» (ч. 3 ст. 51 Семейного кодекса РФ); «лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов *записываются* его родителями» (ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ); «усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству *приравниваются* в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению» (ч. 1 ст. 137 Семейного кодекса РФ);

е) *фикции в налоговом праве*: «требование об уплате налога направляется налогоплательщику и налоговому агенту заказным письмом по почте и *считается* полученным по истечении шести дней с даты направления заказного письма» (п. 5, 9 ст. 69 Налогового кодекса РФ).

2. *Процессуально-правовые* фикции призваны преодолевать процессуальную недисциплинированность сторон, сокращать ход и объем производства по делу, экономить юридические средства и силы судей, смягчать процессуальные формальности¹. Без процессуальных фикций правильное и справедливое рассмотрение и разрешение дела часто бывает невозможным².

а) *гражданско-процессуальные фикции*: «при отсутствии сообщения о перемене адреса лица, участвующего в деле, судебная повестка или иное судебное извещение посылаются по последнему известному суду месту жительства или месту нахождения адресата и *считаются* доставленными, хотя бы адресат по этому адресу более не проживает или не находится» (ст. 118 ГПК РФ); «при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, *вправе признать* факт, для выясне-

¹ См.: Душакова Л.А. Классификация правовых фикций: версия теоретического моделирования // Философия права. 2004. № 2. С. 58; Курсова О.А. Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 21.

² См.: Зайцев И. Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35.

ния которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым» (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ);

б) аналогичный характерносят *арбитражно-процессуальные фикции*: «лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса *считаются* извещенными надлежащим образом арбитражным судом, если: (1) адресат отказался от получения копии судебного акта и этот отказ зафиксирован; (2) несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем орган связи проинформировал арбитражный суд; (3) копия судебного акта, направленной арбитражным судом по последнему известному суду месту нахождения организации, месту жительства гражданина, не вручена в связи с отсутствием адресата по указанному адресу, о чем орган связи проинформировал арбитражный суд» (ч. 2 ст. 123 АПК РФ); «при отсутствии сообщения об изменении адреса копии судебных актов направляются по последнему известному арбитражному суду адресу и *считаются* доставленными, хотя бы адресат по этому адресу более не находится или не проживает» (ч. 1 ст. 124 АПК РФ);

в) *уголовно-процессуальные фикции*: «близкие родственники — супруг, супруга,.. усыновители, усыновленные...» (ч. 4 ст. 5 УПК РФ); «уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению... в случае истечения сроков давности уголовного преследования» (ч. 3 ст. 24 УПК РФ); «нормы настоящего кодекса применяются при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском или речном судне, *находящемся за пределами РФ под флагом РФ...*» (ч. 2 ст. 2 УПК РФ).

Помимо перечисленных, фикции используются и в других отраслях права. Приведенные примеры, таким образом, лишь иллюстрируют многообразие отраслевых правовых фикций, не претендуя на попытку их систематизации.

III. Правовые фикции могут также быть классифицированы *по степени обязательности*. При этом необходимо подчеркнуть, что любая фикция императивна с точки зрения возможности опровержения установленного ею правила, однако степень обязательности *применения* фикции для суда может быть различной. В зависимости от нее правовые фикции делятся на:

- *императивные* фикции составляют основную массу этих велений, устанавливая *обязанность* суда признать те или иные обстоятельства. Эта обязанность обозначается в тексте использованием слов «считается», «признается» и др.: «... началом исчисления срока для признания безвестного отсутствия **считается** (выделено нами. — М. Д.) первое число месяца, следующего за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем» (ст. 42 Гражданского кодекса РФ);

- *диспозитивные* (или *оценочные*) фикции предполагают возможность выбора для судьи, предоставляя ему *право* применить соответствующее правило. После применения фикции судом она не может быть оспорена. Подобные нормативные правовые положения содержат формулировки «суд вправе признать», «суд вправе обосновать» и т.п. Например: «В случае, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, **суд вправе обосновать** (выделено нами. — *М. Д.*) свои выводы объяснениями другой стороны» (ст. 68 ГПК РФ); «Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, **может быть признана судом** (выделено нами. — *М. Д.*) недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения» (ст. 178 ГК РФ).

Значение правовых фикций как специфических средств юридической техники достаточно велико. Исторически они были призваны преодолеть формализм права, обеспечить его соответствие меняющимся общественным отношениям, замаскировать тот факт, «что правило закона подверглось изменению, т.е. что его буква осталась прежней, а применение изменилось»¹.

В современном праве их роль, прежде всего, заключается в том, что они компенсируют неопределенность в правовом регулировании, категорически утверждая что-либо². Правовые фикции, по сути, замещают юридические факты в тех случаях, когда динамика правовых отношений ожидает факта, а реальная действительность в данном случае допускает пробел. Так как природа правовой жизни требует доведения правоотношений до логического конца, законодатель предлагает в качестве альтернативы факты вымышленные, устанавливая для них статус юридически значимых. Тем самым он пытается обезопасить правоприменителя от юридически тупиковых ситуаций и предоставить ему возможность, исходя из возникших обстоятельств и своего усмотрения, урегулировать общественное отношение³. В результате фикции вносят в правовое регулирование устойчивость и стабильность, ограничивают возможность произвольных, необо-

¹ *Мэн Г. С.* Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873. С. 21. См. также: *Черниловский З. М.* Презумпция и фикция в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1. С. 99–105.

² См.: *Курсова О. А.* Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 455.

³ См.: *Медная Ю. В.* Поднормативное правовое регулирование общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 67.

снованных решений, делают систему права более простой и экономичной¹.

Помимо всего прочего, фикции позволяют преодолевать негативные последствия процессуальной недисциплинированности сторон, выступая своеобразными санкциями (в случаях непредоставления доказательств, уклонения от экспертизы, неявки в суд и т.п.)². В литературе, правда, отмечается, что основной целью фикций в данном случае выступает *сохранение логики развития самой процедуры*, преодоление же процессуальной недисциплинированности (санкция) выступает лишь как дополнительный мотив³.

В целом, являясь вспомогательным правовым механизмом, выступая в качестве одного из элементов механизма правового регулирования, фикции должны рассматриваться в ряду таких средств юридической техники, значение которых не ограничивается исключительно правотворческой или правоприменительной сферой.

Все сказанное обуславливает необходимость *сопоставления правовых фикций и презумпций*. Вопрос этот является достаточно традиционным. Данные явления, помимо того, что были разработаны еще римскими юристами, а следовательно, имеют древнюю историю, характеризуются значительным сходством.

1. Презумпции и фикции закрепляют особые нестандартные положения в праве. Их использование, как правило, приводит к несовпадению реальности объективной и юридической. Понятие «истина» применительно к данным правовым явлениям приобретает относительный, условный характер. Именно поэтому оба эти правовых явления называют в литературе *правовыми предположениями*⁴.

2. Они выполняют сходные функции в процессе правового регулирования. Их существование обусловлено необходимостью преодоления пробелов в законодательстве и устранения неопределенности в общественных отношениях.

Возможно, из всех правовых явлений, традиционно рассматриваемых в качестве средств юридической техники, правовые презумпции и фикции наиболее сопоставимы друг с другом. Несмотря на имеющи-

¹ См.: *Панько К. К.* Юридические фикции в современном российском праве // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 465.

² См.: *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35–36.

³ См.: *Душакова Л. А.* Правовые фикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 24.

⁴ См.: *Никиташина Н. А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): автореф. дис. ... канд. юрид. Абакан, 2004.

еся различия, они представляют собой, вне всякого сомнения, *явления одного порядка, одной юридической природы*.

Именно поэтому достаточно наглядны и отличия фикций от презумпций. Границу между ними можно провести как по социальному, так и по юридическому основанию.

С точки зрения *социального критерия* в качестве основного отличия правовых фикций от презумпций принято называть *степень их вероятности*. Действительно, презумпция представляет собой предположение, вероятно, истинное, а фикция — заведомо не истинное¹. В то же время в литературе отмечается условный характер данного отличия, связанный с тем, что фикции могут нести в себе определенную долю вероятности, а некоторые презумпции оказываются маловероятными и даже фиктивными.

Выше, в связи с дискуссией о существовании неопровержимых презумпций, мы уже приводили примеры ситуаций, когда разграничение юридических предположений по степени приближения к истине оказывается несостоятельным и не дает возможности раскрыть их природу. Действительно, в определенных ситуациях, например, когда человек совершает преступление в присутствии множества свидетелей, презумпция невиновности воспринимается обыденным сознанием как абсолютная фикция. С другой стороны, безусловно, есть определенная доля вероятности в предположении, считающемся правовой фикцией, согласно которому сторона, не предоставляющая по требованию суда доказательств, действительно, тем самым признает содержащиеся в них невыгодные для себя сведения. Отсюда, степень вероятности сама по себе в качестве сущностного отличия фикций от презумпций рассматриваться не может. Основное значение имеет здесь то, что *возможность такой вероятности при создании правовой фикции заведомо не принимается во внимание*.

Второе отличие может быть проведено по *юридическому критерию*. Оно хоть и логически вытекает из предыдущего, но представляется более значимым именно в силу своего юридического значения. Фикция всегда представляет собой императивное, неоспоримое суждение. Если презумпция, как было показано выше, содержит в себе *юридическое предположение*, т.е. обязанность предположить, что определенные факты имели место, пока не будет доказано иное; то фикция подразумевает *юридическое утверждение*, т.е. не допускающую исключения обязанность признать факты установленными. Если, используя дру-

¹ См.: Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 455.

гую терминологию, относить оба эти явления к разряду *правовых предположений* (так как оба они не являются истинными и представляют лишь более или менее вероятную догадку законодателя о содержании истины), то правовые презумпции могут быть представлены как *опровержимые предположения*, а правовые фикции — как *предположения неопровержимые*.

Стоит подчеркнуть, что значение этих средств юридической техники выходит далеко за рамки текста нормативного акта, где они представлены как специфические, казалось бы, не очень типичные правовые предписания. На самом деле юридические презумпции и фикции олицетворяют собой очень важные механизмы регулирования общественных отношений, без которых полноценное действие права было бы невозможно. Как на ранних стадиях правового развития, так и на современном этапе эти механизмы обеспечивают оптимальное сочетание гибкости и императивности правового воздействия, позволяют праву охватить и единообразно, справедливо урегулировать огромное многообразие непохожих жизненных ситуаций.

Вопросы для самоконтроля

1. Оформите в виде таблицы сравнительный анализ правовых презумпций и фикций.
2. Проиллюстрируйте примерами из действующего законодательства существующие классификации правовых презумпций.
3. Оформите в виде таблицы сравнительный анализ фактических и юридических презумпций.
4. Изобразите схематически соотношение правовых презумпций и правовых преюдиций; правовых презумпций и правовых принципов.
5. Проиллюстрируйте примерами из действующего законодательства существующие классификации правовых фикций.
6. Проанализируйте юридическую природу положения «*недоказанная вина равна доказанной невиновности*». К какому типу средств юридической техники (аксиома, презумпция, фикция) его следует, по вашему мнению, относить?
7. Почему правовые презумпции, фикции и аксиомы в науке иногда называют правовыми предположениями? Сопоставьте названные категории.
8. Изобразите схематически, какое место занимают правовые презумпции и фикции в системе нормативно-правовых предписаний действующего законодательства, как соотносятся с другими видами?
9. Приведите примеры правовых презумпций и фикций, известных еще из римского частного права. Сохранили ли они свое значение в современном праве?
10. Охарактеризуйте и подтвердите примерами функциональное назначение правовых презумпций и фикций.

Тестовые задания

1) Найдите соответствия:

правовая презумпция (1)	решение суда не должно затрагивать тех, кто не участвовал в деле (а)
правовая фикция (2)	реплика – замечание участника прений сторон относительно сказанного в речах других участников (b)
правовая аксиома (3)	договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное (с)
правовая дефиниция (4)	если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим (d)

- 2) Прямые и косвенные, императивные и диспозитивные, опровержимые и неопровержимые; общеправовые, межотраслевые и отраслевые – такие основания классификации встречаются в литературе, посвященной ...
- правовым фикциям
 - правовым презумпциям
 - правовым преюдициям
- 3) «Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное», – гласит презумпция.....
- 4) Нормативно-правовые предписания, устанавливающие правила исчисления сроков, чаще всего содержат в себе ...
- правовые фикции
 - правовые презумпции
 - правовые числительные
- 5) Какое из перечисленных правил не является правовой фикцией:
- аннулированный трудовой договор считается незаключенным
 - лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым; погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью
 - лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине
 - недоказанная вина равна доказанной невинности
- 6) В каком значении понятие «фикция» используется в юридической технике:
- фиктивное правовое состояние (фиктивный брак, фиктивное банкротство)
 - средство правового регулирования, компенсирующее отсутствие или недостатки юридических фактов
 - фиктивность права, несоответствие правовых велений реальным общественным отношениям и потребностям

Рекомендуемая литература

1. *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. – Горький, 1974.
2. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: общая часть / М.Л. Давыдова. – М., 2014.
3. *Кузнецова О.А.* Презумпции в гражданском праве / О.А. Кузнецова. – СПб., 2004.
4. *Кулапов В.Л.* Поднормативное правовое регулирование / В.Л. Кулапов, Ю.В. Медная. – Саратов, 2009.
5. *Никиташина Н.А.* Правовые презумпции и фикции в механизме правового регулирования / Н.А. Никиташина. – М., 2005.
6. *Панько К.К.* Теория и практика законотворчества в уголовном праве / К.К. Панько. – М., 2011.
7. Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
8. *Пронина М.П.* Презумпции в современном российском праве / М.П. Пронина; под ред. А.П. Кузнецова. – М., 2011.
9. *Танимов О.В.* Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. – М., 2018.
10. *Филимонова И.В.* Понятие фикции в правовой науке: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / И.В. Филимонова // Адвокатская практика. – 2007. – № 4.
11. *Черниловский З.М.* Презумпция и фикция в истории права / З.М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 3.
12. *Ширвиндт А.М.* Значение фикции в римском праве / А.М. Ширвиндт. – М., 2013.
13. Юридическая техника: Ежегодник. – 2010. – № 4: Первые Бабаевские чтения «Правовые презумпции: теория, практика, техника».

Раздел 15

ПРИМЕЧАНИЯ В ПРАВЕ¹

15.1. Понятие и необходимость примечаний в праве

Примечания в законодательстве представляют собой высокозначимый и широко распространенный элемент содержания действующих в России норм права и одновременно относительно автономный прием юридической техники, который может выступать как эффективным, так и малоэффективным (при определенных условиях — неэффективным) регулятором общественных отношений.

Понятие «примечание в праве» может быть охарактеризовано через систему следующих существенных для этого феномена признаков.

Первый. Примечание в праве — **одно** из самобытных относительно самостоятельных объективно существующих и реально функционирующих *средств юридической техники*.

Второй. Примечание в праве — *государственно-властное нормативное установление* должного, запрещаемого, возможного, поощряемого либо рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности. Термин «установление» в силу своей объемности более приемлем для характеристики примечаний, нежели термин «правило поведения», обычно употребляемый при определении понятия юридической нормы и ее структурных элементов. Термин «правило поведения» употребляется для определения и иных социальных норм (моральных, политических, корпоративных, религиозных, санитарных), а термин «государственное установление» позволяет четко отграничить юридическую норму, правовое предписание от других многочисленных социальных норм. К тому же этот термин охватывает собой варианты санкционированного и делегированного правотворчества, предполагает существование в системе законодательства поощрительных и рекомендательных предписаний, а также включает формы имплементации норм международного права в действующее российское законодательство.

¹ В разделе использованы материалы совместных публикаций с канд. юрид. наук Д. С. Кондаковым по проблемам теории, практики и техники правовых примечаний.

Третий. Примечание в праве — *нетипичное* нормативное государственно-властное установление. Нетипичность этого приема юридической техники заключается в целой серии особых элементов его содержания и формы, своеобразии функций.

Четвертый. Примечание в праве — это такое нормативное установление, которое предназначено для *специального содержательного текстового либо символического подчеркивания, обособления* какого-либо факта, обстоятельства, состояния, фрагмента регулируемой государством деятельности.

Пятый. Примечание в праве — своеобразная, носящая «сопроводительный» характер *форма конкретизации, дополнения юридических норм, а также изменения сферы, уровня, состояния либо процедуры «базового» правового регулятора.*

Шестой. Примечание в праве — государственное установление, выраженное в определенной форме. Оно, как правило, имеет *особые обозначения* в виде цифр, тире, звездочек либо термина «примечание».

Седьмой. Примечание в праве — такое нормативное установление, которое обычно «располагается» *вне* сопровождаемой им юридической нормы либо «за пределами» нормативного правового акта.

Восьмой. Примечание в праве — это установление, обладающее такой же *юридической силой*, какую имеет «сопровождаемая» юридическая норма (правовой акт). Примечания, а не только нормативный правовой акт, подлежат государственной регистрации Министерством юстиции РФ. Тем самым реально подчеркивается нормативное значение и юридическая сила примечаний. В случае отмены той или иной статьи нормативного правового акта одновременно отменяется и «сопровождающее» ее примечание.

Сверхубедительным доказательством нормативности примечаний является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2014 г. № 9 по делу о проверке конституционности примечания к Списку работ, относящихся к работам по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, проведенным в период с 26 апреля 1986 г. по 31 декабря 1990 г. в зоне отчуждения Российской Федерации, в связи с жалобой граждан Ю. И. Кузичева и С. А. Плотникова¹. Документ посвящен развернутой мотивировке неконституционности «нормативного положения» (именно такое словосочетание использовано Конституционным Судом России), содержащегося в примечании к Списку работ. Суд постановил, что выполнение работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в составе студенческих строительных отрядов осуществлялось по согласованию с государственными органами исполнитель-

¹ Российская газета. 2014. 9 апреля.

ной власти. Граждане, обжаловавшие в Конституционный Суд России содержание рассматриваемого примечания, имеют право на признание их участниками ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы и получение установленных законом льгот.

Девятый. Реализация примечаний вызывает возникновение, изменение либо прекращение как общих, так и конкретных правоотношений, а нарушение установлений, содержащихся в примечаниях, влечет неблагоприятные юридические последствия, различные меры государственного принуждения.

Примечание в законодательстве — относительно **самостоятельное** объективно **существующее** и реально **функционирующее средство** юридической техники, **представляющее** собой государственно-властное нормативное нетипичное установление должного, запрещаемого, возможного, поощряемого либо рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности, **предназначенное** для специального содержательного текстового либо символического подчеркивания, обособления этой деятельности, **носящее** «сопроводительный» характер, **выступающее** формой конкретизации, дополнения, изменения объема правовой регуляции, **имеющее** особые обозначения, **расположенное** вне юридической нормы или нормативного акта, **обладающее** предельной юридической силой и **влекущее типичные или нетипичные** юридические последствия.

Необходимость примечаний в праве обуславливается целым рядом конкретных обстоятельств.

Примечания удобны, практичны и оправданы тогда, когда правотворческий орган желает изменить сферу действия юридической нормы. Так, ст. 73 УК РФ специальным Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»¹ дополнена примечанием следующего содержания: «Для целей настоящей статьи, а также статей 79, 80, 82 и 97 настоящего Кодекса к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относятся преступления, предусмотренные статьями 131—135, 240, 241, 242¹ и 242² настоящего Кодекса, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста»².

Вполне приемлемо оформление посредством этого приема исключений из правил, ограничительных и расширительных законодательных оговорок.

¹ Российская газета. 2012. 2 марта.

² См. там же.

Многие нормативные правовые акты разных отраслей законодательства через свои примечания-исключения «выделяют» из общего ряда те или иные льготы, преимущества, привилегии либо разного рода обременения.

Например, Инструкция о порядке присвоения квалификационных званий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации (утверждена приказом Министерства внутренних дел РФ от 10 января 2012 г. № 1)¹ содержит 12 примечаний, и семь из них фиксируют конкретные исключения из установленных правил («за исключением Главного командования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации», «за исключением Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации», «за исключением сотрудников, прикомандированных к федеральной миграционной службе и Государственной фельдъегерской службе Российской Федерации», «за исключением назначения на нижестоящую должность в порядке наложения дисциплинарного взыскания или в связи с несоответствием сотрудника занимаемой должности»).

В ряде случаев специальные нормы права целесообразно помещать в примечания в непосредственной «связке» с общей правовой нормой. В таком случае их системные связи будут более очевидны, и реализация юридической нормы окажется не только более правильной, быстрой, но и экономной.

Примечания необходимы и тогда, когда нормативный акт невелик, не содержит большого числа сложных правовых конструкций, требующих отдельной статьи для серии законодательных дефиниций: в примечание в этой ситуации можно поместить определение юридического термина.

Примечания целесообразны для оформления информации о ссылках на отмененные или измененные акты.

Оправдано помещать в примечания пояснения относительно разного рода сроков, размеров, объемов товаров и услуг.

Примечания полезны тогда, когда принятие решения о выполнении того или иного действия отдается на усмотрение субъекта.

Примечания являются уместными при установлении определенного правового режима, связанного с особенностями климата, температурной спецификой условий деятельности, временем года.

Примечания законодательства необходимы и для введения особого правового режима функционирования секретной информации (многие элементы правового института тайны могут быть размещены в примечаниях).

¹ Российская газета. 2012. 6 апреля.

Примечания нужны для приведения пояснительных примеров расчета какой-либо суммы, исчисления полагающегося отпуска, пересчета задолженности налогоплательщиков.

Примечания целесообразны в тех случаях, когда требуется ввести исчерпывающий перечень тех или иных правовых ограничений, юридических тягот и обременений. Предельная четкость и градация возможных действий правоохранительных органов могут только помочь эффективной организации их работы.

Примечание законодательства — самобытное средство связи с иными юридическими актами. Речь идет о способности некоторых примечаний законодательства выступать связующим звеном между правовыми актами разной юридической силы и разной сферы действия. В ряде ситуаций примечания законодательства могут становиться центром регуляции, из которого поступает сразу несколько правовых сигналов. Это присуще законодательным примечаниям самого разного характера, и отправленные ими сигналы могут идти в весьма отдаленные участки юридической действительности.

Примечания особенно необходимы тогда, когда в нормативном правовом акте используются многозначные термины и требуется установить, в каком именно значении они используются в этом документе.

Примечания в определенных ситуациях вполне могут и должны использоваться в качестве относительно самостоятельной формы внесения изменений (конкретизирующих либо дополняющих) в нормативные правовые акты. Введение примечаний может существенно облегчить преодоление и даже устранить многие изъяны нормативного акта без его кардинальной переработки. Речь идет о том, что примечания способны выполнить «пожарную» роль: могут чрезвычайно быстро дополнить либо уточнить юридическую норму (нормативный правовой акт).

Примечания рационально использовать для оформления юридических последствий деятельности «отрицающего законодателя», т.е. при признании, например, Конституционным Судом РФ какой-либо правовой нормы не соответствующей Конституции. Примечания здесь могут сыграть важную «техничко-посредническую» функцию становления и распространения этой важной формы отечественного права. Посредством примечаний в ряде ситуаций вполне можно обеспечить разумную меру динамизма и стабильности юридических норм, уберечься от поспешных непродуманных законодательных реформ и экономико-социальных нововведений.

Сложность правовой природы примечаний состоит в том, что нередко они «заключают» в своем содержании иные приемы юридической техники. Особенно часто в примечания помещаются правовые перечни, классификации, приложения. Известен случай, когда примечание фиксирует правовую фикцию. Так, в Гражданский кодекс

РСФСР 1922 г. было включено примечание к ст. 131, в соответствии с которым предложение, сделанное по телефону, признавалось предложением присутствующему.

Важно отметить, что нередко Верховный Суд Российской Федерации обращается к примечаниям законодательных актов и мотивирует свои решения, опираясь на их содержание. Так, в апелляционном определении № 225-АПУ19-1 Судебной коллегии по делам военнослужащих приводится п. 1¹ примечания к ст. 205² УК РФ, содержащим дефиницию «пропаганда терроризма» — «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности»¹. Руководствуясь этим определением Верховный Суд Российской Федерации квалифицировал действия С. По ч. 2 ст. 205² УК РФ как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и назначил ему более строгое наказание.

15.2. Виды примечаний в действующем праве России

Для целей унификации и гармонизации действующего российского права и законодательства полезна градация примечаний на *примечания национального права* и *примечания международного права*. Последние можно подразделить на примечания *международного публичного, международного частного* и *международного гуманитарного права*.

К числу особых и фактически не применяемых во «внутреннем» законодательстве России международно-правовых примечаний относится *вступительное примечание*. Касаясь природы и функций вступительного примечания, надо отметить, что иногда в тексте нормативного правового акта на него дается специальная ссылка. Эта практика оформления примечаний вполне может быть распространена на национальное договорное право и применена практически во всех видах договоров нормативного содержания.

По объекту «привязки» или объекту «сопровождения» следует различать примечания: а) к нормативному правовому акту в целом; б) разделу (части) нормативного правового акта; в) статье нормативного правового акта; г) нормативному правовому предписанию. При этом имеется значительная отраслевая специфика этих примечаний, что ниже будет продемонстрировано на примере действующего уголовного законодательства.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2020. — № 10. — С. 78.

Встречаются примечания, распространяющие свое действие на весь УК РФ. Например, примечание к ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» определяет, что понятие «представитель власти», данное в нем, относится не только к указанной статье, но и другим статьям настоящего Кодекса.

Есть примечания, ограничивающие свое действие рамками той или иной главы Особенной части УК РФ. Так, в гл. 21 содержится примечание 2 к ст. 158 «Кража», которое устанавливает, что «значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятьсот рублей».

Некоторые примечания распространяют свое действие на отдельную статью УК РФ. Например, в примечании к ст. 193 УК РФ «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте» говорится о том, что «деяние, предусмотренное настоящей статьей, признается совершенным в крупном размере, если сумма невозвращенных средств в иностранной валюте превышает тридцать миллионов рублей».

Функционируют примечания к отдельным частям конкретной статьи УК РФ. Примечание к ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп» устанавливает: «Лицо, совершившее деяния, *предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи* (курсив наш. — В. Б.), освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство, либо это лицо добровольно сообщило о подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело».

Значимы привилегированные примечания, которые предусматривают «специальные случаи» освобождения от уголовной ответственности (например, примечания к ст. 126, 199, 205, 206 УК РФ).

Немалой спецификой отличаются примечания, определяющие принципы привлечения к уголовной ответственности. Например, примечания к ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» гласят: «1. Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях настоящей главы, а также в статьях 199² и 304 настоящего Кодекса признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях. 2. Если деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или му-

ниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. 3. Если деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование осуществляется на общих основаниях».

Своеобразны примечания, определяющие принципы их действия по кругу лиц. В примечании к ст.е 316 УК РФ «Укрывательство преступлений» говорится о том, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником». Данное в этом примечании разъяснение ограничивает круг лиц, которые могут быть субъектами указанного преступления.

Есть примечания, устанавливающие те или иные стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний. Примечание к ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» гласит: «В статьях настоящей главы, за исключением статей 174, 174¹, 178, 185–185⁶, 193, 194, 198, 199 и 199¹, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей, особо крупным — шесть миллионов рублей. (Примечание введено Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ; в ред. Федеральных законов от 30 октября 2009 г. № 241; от 7 апреля 2010 г. № 60; от 27 июля 2010 г. № 224)».

Определенностью отличается примечание к статье 200⁷ «Подкуп арбитра (третейского судьи)», которое гласит:

«1. Значительным размером подкупа арбитра (третейского судьи) в настоящей статье признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером подкупа арбитра (третейского судьи) — превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером подкупа арбитра (третейского судьи) — превышающие один миллион рублей.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частями первой — четвертой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, либо это лицо добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.¹»

¹ Российская газета. 2020. 29 октября.

На поверхности лежит классификация примечаний по *отраслевой критерию*. Высокоценны примечания фундаментальных отраслей законодательства — гражданского, уголовного, административного, экологического.

Анализ примечаний Кодекса РФ об административных правонарушениях вполне может быть распространен и на многие другие административно-правовые режимы.

Особенности примечаний рассматриваемого кодификационного акта заключаются в следующем:

- предметом их регламентации выступают самые различные виды деятельности (избирательные процедуры, реклама, правила плавления судов, постановка на учет в налоговом органе и др.);
- среди этого разряда примечаний доминируют законодательные дефиниции;
- они выступают значимыми элементами императивного метода регулирования этой отрасли российского законодательства, поскольку повеление, подчинение, категорическое предписание являются наиболее часто употребляемыми при установлении мер административной ответственности;
- в них отчетливо выражена тенденция стимулирования, поощрения постпротивоправного поведения как перспективная гуманистическая линия российского законодательства.

Новейшая практика законодательных изменений свидетельствует о том, что примечания активно используются при юридической регламентации наиболее опасных и трудно раскрываемых видов противоправной деятельности. В качестве иллюстрации можно обратиться к Федеральному закону от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Уголовный кодекс РФ этим Законом дополнен ст. 228³ «Незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ». Новеллу сопровождает развернутое примечание из трех частей следующего содержания:

«1. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно сдавшее прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, растения, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их части, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ,

¹ Российская газета. 2012. 6 марта.

и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также с незаконными приобретением, хранением, перевозкой таких растений либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, изболечению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. Не может признаваться добровольной сдачей прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, изъятие их при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

2. Крупный и особо крупный размеры прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, крупный и особо крупный размеры для растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, для целей настоящей статьи, а также статей 228⁴ и 229¹ настоящего Кодекса утверждаются Правительством Российской Федерации.

3. Действие настоящей статьи, а также статей 228⁴ и 229¹ настоящего Кодекса распространяется на оборот прекурсоров, включенных в список I и таблицу I списка IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утверждаемого Правительством Российской Федерации».

Этим же законом ст. 6.16¹ дополнен Кодекс РФ об административных правонарушениях по тому же предмету, которой «придано» примечание из двух частей следующего содержания:

«1. Лицо, совершившее административное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, добровольно сдавшее приобретенные прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, растения, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их части, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, освобождается от административной ответственности за данное административное правонарушение. Не может признаваться добровольной сдачей прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, их изъятие после возбуждения дела об административном правонарушении.

2. Действие настоящей статьи распространяется на оборот прекурсоров, включенных в список I и таблицу I списка IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утверждаемого Правительством Российской Федерации».

Таким образом, вышеприведенные примечания «участвуют» в установлении дифференцированной юридической ответственности в сфере противодействия наркотизации общества.

По степени структурирования текста правовые примечания можно разделить на *односоставные* и *многосоставные*.

Многосоставные примечания — это те, которые содержат два и более установлений. Так, уже упоминавшийся Федеральный закон РФ, усиливший уголовную ответственность за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, «снабдил» ст. 134 УК РФ гуманным двухэлементным примечанием следующего содержания: «1. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). 2. В случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершенное деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи или частью первой статьи 135 настоящего Кодекса».

Примечания-дефиниции можно в силу практической роли выделить в особую крупную разновидность примечаний. Правовые дефиниции, как правило, образуют *содержание* примечаний. Примечания же представляют собой в этой ситуации *правовую форму*, обрамляющую то или иное юридическое определение.

Примечания содержат самые разные дефинитивные нормы права. Иногда примечание-дефиниция относится к названию нормативного правового акта и тем самым сразу как бы определяет объем и вид регуляции.

Значительная часть правовых примечаний-дефиниций носит комплексный характер, т.е. они включают в себя и качественные, и оценочные, и количественные характеристики.

Обратимся к ст. 22.4 Административного регламента системы Министерства внутренних дел РФ по предоставлению государственной услуги по осуществлению приема граждан, обеспечению своевременного и в полном объеме рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятию по ним решений и направлению заявителям ответов в установленный законодательством Российской Федерации срок (утвержден приказом Министерства внутренних дел РФ от 12 де-

кабря 2011 г. № 1221)¹, которая гласит: «Обращение некорректное по содержанию²⁰ либо по изложению и форме²¹ оставляется без рассмотрения, о чем сообщается гражданину, если его фамилия и почтовый адрес поддаются прочтению». В примечаниях 20 и 21 этого документа предлагаются дефиниции этих весьма «текучих» понятий: «Обращение, в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, членов его семьи, а также третьих лиц»; «Обращение сумбурного характера, неясного и невразумительного содержания, лишённое логики и смысла, а также текст которого не поддается прочтению, на обрывках бумаги, плакатах и других предметах».

Примечание 22 рассматриваемого регламента содержит дефиницию понятия «аналогичное обращение» — это «второе (и последующее) обращение гражданина по одному и тому же вопросу при условии, что срок рассмотрения первого обращения еще не истек, в том числе копия или дубликат, поступившие из другого государственного органа или органа местного самоуправления».

Встречаются примечания-дефиниции, которые фиксируют *организационно-структурные* начала деятельности субъекта права. Крупный «подвид» этой разновидности примечаний образуют «*дефиниции-сроки*» или «*временные дефиниции*».

Удачна компоновка примечаний к ст. 6.19 «Создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей» Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Примечания к этой статье гласят:

«1. За административное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, юридическое лицо несет ответственность в случае, если это правонарушение совершено от имени или в интересах юридического лица лицом, выполняющим управленческие функции в данной организации.

2. В настоящей статье под лицом, выполняющим управленческие функции в организации, понимается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в данной организации»².

¹ Российская газета. 2012. 4 апреля.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 58-ФЗ // Российская газета. 2013. 10 апреля.

Примечания носят двухэлементный характер. Первая часть примечания обрисовывает субъектную сторону рассматриваемого административного правонарушения, а вторая часть посвящена дефиниции лица, выполняющего управленческие функции в организации. Вторая часть, как видим, является конкретизацией первой и по сути раскрывает субъектную сторону.

Значительной спецификой отличаются *«компетенционные примечания»*, в которых либо определяется или уточняется компетенция органа, должностного лица, либо фиксируется право на какой-то конкретный вид деятельности.

Автономную группу составляют *примечания-отсылки*. Кстати, в юридической литературе зачастую понятия «примечание», «сноска», «отсылка» отождествляются, трактуются как синонимы, что вряд ли оправдано. «Сноски», «отсылки» — лишь один из вариантов «форм существования» примечаний. Встречаются неординарные примечания этого разряда. Так, под рубрикой «Справочно» примечание к приказу Министерства внутренних дел РФ от 23 декабря 2011 г. № 1298 «Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации» содержит отсылочно-бланкетное предписание следующего содержания: «Медицинские организации, в которые осуществляется доставление лиц, находящихся в состоянии опьянения, определяются территориальными органами исполнительной власти в сфере здравоохранения»¹.

Примечание 5 Положения об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России (утверждено приказом Министерства внутренних дел РФ от 24 февраля 2012 г. № 120)² содержит информацию о дате регистрации Минюстом России Положения об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность, а также его регистрационный номер. Можно спорить об оправданности такого рода справочного примечания, но практическая полезность его налицо — любой желающий получить информацию о компетенции экспертов может легко это сделать.

Определенной спецификой обладают примечания-отсылки, определяющие *объем, пространство, круг, пределы* действия юридического акта.

¹ Российская газета. 2012. 29 февраля.

² Российская газета. 2012. 18 мая.

Немалый интерес среди примечаний-отсылок представляют те, которые условно можно назвать *перспективными отправными началами*. Имеются в виду примечания, которые призваны «открывать» будущие варианты правового общения.

Примечание — способ связи между нормативно-правовыми и иными актами различной юридической силы. Можно констатировать, что это одновременно универсальный и частный способ связи между законами и другими правовыми актами.

Примечания законодательства далее подразделяются на *материальные* и *процессуальные*.

В особую группу можно выделить *технологические примечания*. Это те примечания, которые фиксируют некоторые реквизиты документов, наименования государственных должностей, определенные сугубо технические характеристики юридически значимых действий. Нередко примечания содержат принятые либо устанавливаемые законодателем заново сокращения. Например, Административный регламент исполнения Федеральной службой по труду и занятости государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением требований, направленных на реализацию прав работников на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также порядка назначения, исчисления и выплаты пособий по временной нетрудоспособности за счет средств работодателей (утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 7 ноября 2011 г. № 1325¹) завершается 25 примечаниями, содержащими сокращения наименований нормативных и индивидуальных правовых актов, должностей государственных служащих, юридически значимых деяний.

К разряду технологических относятся примечания, фиксирующие ресурсные источники (объемы, порядок и источники финансирования) обеспечения юридического акта.

В зависимости от *типа графического оформления* правового текста можно выделить *примечания к таблицам*, *примечания к схемам*, *примечания к графикам* и т.п.

К особому разделу примечаний можно отнести *бланкетные примечания*. Их правовая природа состоит в том, что они предусмотрены нормативным правовым актом, но содержательно пусты до наступления необходимого юридического факта. В этом их бланкетность. По сути, это незаполненный бланк, но он при определенных правовых условиях может либо должен быть в установленном порядке заполнен определенной юридически значимой информацией, которую и содержит примечание.

¹ Российская газета. 2012. 16 марта.

15.3. Эффективность реализации примечаний российского права и пути ее повышения

Эффективность реализации примечаний в праве снижается существованием целого ряда дефектов их содержания и формы. В российском законодательстве отсутствует единый подход к текстуальному оформлению примечаний. Само слово «примечание» применяется далеко не всегда: часто для обозначения примечаний используются цифры, звездочки, тире, рамки. Примечания, бесспорно, затрудняют, осложняют осмысление нормативного правового акта, конкретной юридической нормы, нормативно-правового предписания.

В обыденном правосознании функционирует стойкий консервативный стереотип о второстепенности, несущественности, малой значимости примечаний.

Примечания удлиняют ссылки на закон и часто затрудняют цитирование закона, особенно тогда, когда имеются примечания не к целой статье, а к отдельным ее пунктам.

Нередко, как уже отмечалось, примечания помещаются в приложения к нормативным правовым актам, что, как правило, ведет к значительному «утяжелению» восприятия вспомогательной правовой информации. Фрагменты правового акта, в котором примечание располагается в приложении к документу, обычно выглядят громоздкими и неудобочитаемыми.

Анализ нормативного правового материала показывает, что правотворческая практика не имеет единообразия относительно местоположения примечаний. Чаще всего примечания в юридических актах идут «в подстрочниках» либо в конце документа. Вместе с тем нередки случаи, когда примечание помещается в самом тексте, сразу после статьи акта. Вряд ли можно считать удачным использование в некоторых международно-правовых актах примечаний к заголовкам для информирования о дате вступления документа в силу.

Абстрактность примечания — один из наиболее распространенных дефектов использования этого приема юридической техники. Отсутствие надлежащей конкретности и точности ведет к самым разным правоприменительным и интерпретационным ошибкам.

Примечаниям в силу ряда объективных причин присуща и некая «психологическая уязвимость», а точнее «психологическая уязвимость». Можно предположить, что при формулировании примечаний нормодатель психологически (может быть, не вполне осознанно) менее ответственно относится к его тексту, позволяет себе менее выверенные и малоубедительные суждения.

Крупный, принципиальный дефект примечаний проявляется в ситуациях, когда в них по непонятным причинам помещается самосто-

тельная юридическая норма (исключением могут являться дефинитивные законодательные нормы).

К «дефектным» примечаниям следует отнести и те из них, которые содержат ту или иную правотворческую ошибку.

Дефектность этого **средства** юридической техники может состоять и в том, что он не содержит механизмов, препятствующих появлению *лжепримечаний*. Имеются в виду ситуации, когда примечание к тому или иному правовому акту или его части делает **не правотворческий** орган и не уполномоченное им должностное лицо. Казусы такого рода встречаются даже в конституционном законодательстве.

Серьезным и, к сожалению, часто встречающимся дефектом примечаний в законодательстве является ситуация, когда их содержание вступает в коллизию с другой статьей акта или иным законодательным (особенно комплексным) институтом.

Основываясь на общей теории эффективности юридических норм, под эффективностью применения примечаний российского законодательства можно понимать такое свойство, которое выражает меру их пригодности для своевременного достижения конкретного положительного результата при определенных социальных затратах.

Одним из наиболее значимых идейно-организационных путей повышения эффективности применения примечаний в законодательстве является направленное правовое обучение граждан и должностных лиц особенностям функционирования законодательных примечаний, основным приемам их формирования и реализации.

Требуется быстрее преодоление укоренившегося стереотипа, состоящего в том, что наличие примечаний — это показатель несовершенства закона, неумения его творцов создать юридическую норму в классическом ее виде по известной логической формуле «если — то — иначе».

Необходимо выработать единую форму обозначения примечаний в действующем российском законодательстве. Форма обозначения примечаний (цифры, звездочки, точки, тире), по всей видимости, определяется нормотворческой практикой. Как правило, делается это субъективно, без каких-либо предварительных научных обоснований, без обобщения практики. Не исключено, что многое здесь определяет личность законодателя, однако некоторые закономерности, тенденции применения примечаний все-таки просматриваются при изучении тех или иных видов нормативных правовых актов. Можно обнаружить доминирование какой-то одной из форм обозначения примечаний в том или ином «иерархическом слое» нормативных правовых актов.

Для повышения эффективности применения примечаний необходима своеобразная унификация формы обозначения примечаний российского права. Нет каких-либо препятствий для относительно строгой рубрикации форм обозначения примечаний отдельно для за-

конов, отдельно для указов Президента РФ, отдельно для постановлений Правительства РФ, отдельно для нормативных актов ведомств и муниципальных образований.

В определенной унификации нуждается порядок расположения примечаний в таблицах и схемах. Иногда даже в одном и том же нормативном правовом акте, содержащем таблицы или схемы, примечания по непонятным причинам размещаются неодинаково.

Важным и относительно самостоятельным путем повышения эффективности применения примечаний является их использование в качестве оперативного средства для устранения либо преодоления пробелов текущего законодательства. Это следует делать тогда, когда юридические нормы того или иного плана применяются постоянно и в массовом порядке, и пробел в них систематически доставляет организационно-правовые неудобства.

Представляется целесообразным для точной и бесспорной «идентификации» примечаний в законодательстве всегда помещать их вне основного нормативного текста. Само наименование, правовая природа и функции исследуемого приема юридической техники «требуют» помещать эту информацию как *дополнительную* к главному, базовому тексту.

Одним из элементов будущей отработки техники оформления приложений должно быть детальное описание условий использования в них примечаний. В настоящее время многие приложения используют примечания алогично.

Полиграфические средства — важнейшая деталь юридической техники. Для всех видов примечаний в законодательстве может и должен быть подобран специальный шрифт. Выбрав его однажды, необходимо длительное время неукоснительно придерживаться его использования. Это даст возможность постепенно приучить пользователей закона находить и воспринимать примечания и по шрифту. В различных по юридической силе нормативных актах можно использовать похожие, но не идентичные по начертанию шрифты.

Это обстоятельство необходимо учитывать не только для удобства выражения воли нормоустановителя, но и для соблюдения культуры правотворчества, повышения качества «законодательного делопроизводства».

Эффективность применения примечаний российского права может и должна быть повышена через официальное установление места и особой фиксации правовой обязательности введенных нормодателем примечаний. Если для правоприменителей (органов власти, должностных лиц) юридическая обязательность примечаний в праве, возможно, понятна, то для граждан такое установление, без сомнения, будет полезно. Фиксация правовой обязательности всех без изъятия элементов

любого юридического акта может выступить надежным ориентиром внимательного отношения к ним.

Существенный резерв для повышения эффективности не только примечаний, но и нормативных правовых актов, их содержащих, заключен в пока отсутствующих четких правилах о том, какую именно нормативную информацию надлежит помещать в примечания. По всей видимости, необходима разработка системы конкретных показателей для оценки целесообразности помещения в примечания той или иной информации.

В этом же русле лежит и еще один путь повышения эффективности применения примечаний российского законодательства. Речь идет о разумной «перегруппировке» существующего нормативного правового материала, о случаях, когда принятое нормативное правовое суждение есть резон перенести в примечание.

Учитывая многочисленность и разнообразие примечаний в действующем российском законодательстве, желательно осуществить *аналитическое обобщение практики* их применения. Как известно, существует достаточно эффективная практика анализов применения отдельных статей (и даже частей статей) действующего законодательства судебными и прокурорскими органами.

Целесообразнее всего начать с отраслевых обобщений практики применения законодательных примечаний. Порой даже единожды выдвинутая правовая позиция Конституционного Суда РФ либо Верховного Суда РФ (равно как и верховных судов республик) может оказаться значительным юридическим основанием для качественного повышения эффективности применения тех или иных примечаний в качестве своеобразного технико-юридического эталона в этом ракурсе может служить пункт 17 Постановления № 18 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 года «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», где зафиксировано: «Под способствованием раскрытию преступления в примечании к статье 322² УК РФ и в пункте 2 примечаний к статье 322³ УК РФ следует понимать действия лица, совершенные как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо по факту совершения преступления и направленные на оказание содействия в установлении органами предварительного расследования времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления, участия в нем самого лица, а также в изобличении соучастников преступления. Вопрос о наличии либо об отсутствии основания для освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 322² УК РФ или пунктом 2 примечаний к статье 322³ УК РФ по каждому уголовному делу решается судом в зависимости от характера,

содержания и объема совершенных лицом действий, а также их значения для установления обстоятельств преступления и изобличения лиц, его совершивших, с приведением в судебном решении мотивов принятого решения.

Освобождение лица от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 322² или статьей 322³ УК РФ, на основании примечаний к указанным статьям, не препятствует привлечению к уголовной ответственности этого лица за иные совершенные им незаконные действия, если они подлежат самостоятельной квалификации (например, за организацию незаконной миграции, подделку паспорта гражданина в целях его использования)¹.

Примечания выступают в качестве относительно самостоятельного *способа преодоления* юридических коллизий. Эффективнее всего этот способ, по всей видимости, можно использовать при разрешении коллизий в законодательстве. Желательно ввести обязательное правило — при разрешении каких-либо законодательных коллизий, при внесении изменений и дополнений в законодательство сначала изучить возможность применения примечаний. Речь идет о поиске экономного юридико-технического способа разрешения коллизий, о введении необходимой правовой новеллы без кардинальной «ломки» нормативного правового либо иного юридического акта.

Эффективность применения примечаний российского законодательства может и должна быть предвосхищена обязательным проведением *независимой комплексной экспертизы* предлагаемых учеными и практиками новых примечаний в законодательство. Правильно организованная экспертиза выступит в качестве меры профилактики, если можно так выразиться, появления в законодательстве мертвых либо малоэффективных примечаний.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое «примечание в праве» и чем вызывается необходимость их использования в правотворческой и правоприменительной практике?
2. Каковы основания классификации примечаний в праве?
3. Каковы основные пути повышения эффективности примечаний в праве?

Тестовые задания

- 1) Подберите из предложенного перечня понятие, соответствующее данному определению: «Относительно самостоятельное объективно существующее и реально функционирующее средство юридической техники, представляющее собой государственно-властное нормативное нетипичное установление должного, запрещаемого, возможного, поощряемого

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9. С. 39–40.

либо рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности, предназначенное для специального содержательного текстового либо символического подчеркивания, обособления этой деятельности, носящее «сопроводительный» характер, выступающее формой конкретизации, дополнения, изменения объема правовой регуляции, имеющее особые обозначения, расположенное вне юридической нормы или нормативного акта, обладающее определенной юридической силой и влекущее типичные или нетипичные юридические последствия»

- a) концепция законопроекта
 - b) примечание в законодательстве
 - c) перечень в законодательстве
 - d) бланкетная норма
- 2) Определите, к какому виду относится примечание к статье 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»:

Примечание. Лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся соברי организации, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организований групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

- a) примечание к нормативному правовому акту в целом
- b) многосоставное примечание
- c) бланкетное примечание
- d) примечание уголовно-правового характера

Рекомендуемая литература

1. Баранов В.М. Примечания в российском праве / В.М. Баранов, А.П. Кузнецов, С.В. Изосимов, И.Н. Бокова, Д.С. Кондаков. — Н. Новгород, 2005.
2. Войтович А.П. Примечания в уголовном законе (сравнительно-правовое исследование) / А.П. Войтович. — Владимир, 2006.
3. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций / С.С. Тихонова. — Н. Новгород, 2008. С. 69–79.
4. Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. — М.: Юстиция, 2017. С. 378–394.

Раздел 16

ПЕРЕЧЕНЬ В ПРАВОТВОРЧЕСКИХ АКТАХ

16.1. Понятие и значение перечня в нормативных правовых актах¹

Перечни активно используются в нормотворческой, интерпретационной и правореализационной практике, но до сих пор не стали предметом монографического, ни общетеоретического, ни отраслевого юридического анализа. Около 30 000 нормативных правовых актов содержат разного рода перечни, более 4000 из них имеет термин «перечень» в названии. Отечественное законодательство дефиницию «перечень» не формулирует, в учебной литературе этот технико-юридических прием упоминается крайне редко. Место законодательных перечней в системе технико-юридического «оснащения» юридически значимой деятельности не определено, а реальная эффективность их применения не выявлена.

Перечень в законодательстве характеризуется следующими существенными признаками.

Во-первых, это относительно **самостоятельное, отличающееся** значительной спецификой и реально **функционирующее средство юридической техники**.

Во-вторых, правотворческий перечень — властное государственное установление, директивно закрепляющее **перечисление кого-либо или чего-либо**.

В-третьих, круг предметов законодательных перечней точно очертить вряд ли возможно — их число необозримо. С учетом современного уровня развития юридической науки и практики можно попытаться эти предметы **условно** сгруппировать в определенные общности. Перечни отражают сложность и уровень дифференциации предмета правовой регламентации в государстве.

¹ Далее термины «законодательный перечень», «нормативный перечень», «правотворческий перечень», «перечень в законодательстве» будут использоваться как тождественные.

Существующие в действующем законодательстве перечни¹ своим предметом имеют:

- **субъекты** (государства; страны с особыми (в том числе климатическими) условиями; группы населения; должностные лица; работники ведомств; инвалиды; специальности выпускников; страны-пользователи схемой преференции России; лица, за подписью которых телеграммы категории «Президент Российской Федерации», «высшая правительственная» и «правительственная» передаются в приоритетном порядке; высококвалифицированные рабочие; бесплатные лекарства для льготников; политические партии; амбулаторно-поликлинические и стационарно-поликлинические учреждения субъектов РФ; стратегические предприятия и стратегические акционерные общества; основной персонал; государственные образовательные учреждения; образовательные организации, проводящие экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации; иностранные государства, не являющиеся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных; иностранные государства, экспорту промышленной продукции которой оказывается государственная гарантийная поддержка);
- **объекты** (территории; районы проживания малочисленных народов Севера; охраняемые учреждения, предприятия; документы; драгоценные, редкие и цветных металлы; товары; лекарства; объекты федеральной собственности; арктические порты и пункты; выплаты; должности; отрасли наук; специальные средства; виды вооружения охранников; фонд архивных документов; внутренние водные пути; периодические печатные издания; виды доходов; продукция; услуги связи; органы человека — объекты трансплантации; виды специального водопользования; водные биологические ресурсы; вещевое имущество личного пользования; общераспространенные полезные ископаемые; требования к долговым обязательствам иностранных государств; имущество, относящееся к желез-

¹ Группировка произведена на базе нормативных правовых актов, содержащихся в разделах «Перечень в правотворческих актах», авторских указателей. См.: Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / авт.-сост. В. М. Баранов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 494–530; Техника правотворчества: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 447–505.

нодорожным путям общего пользования; лаборатории судебной экспертизы Минюста России; зимовальные ямы; основные опасные вещества и предметы, запрещенные к перевозке на борту воздушного судна; род растений; учебники, рекомендованные (допущенные) к использованию в образовательном процессе; материальные ресурсы по кредитам; портовые сборы в морских портах РФ; пункты пропуска через государственную границу РФ; образовательные предметы, по которым проводится Всероссийская олимпиада школьников; технологическое оборудование; автомобильная техника; растения, содержащие наркотические средства; допинговые средства и (или) методы, запрещенные к использованию в спорте; места международного почтового обмена; технически сложные товары; расходы (затраты), связанные с производством национальных фильмов; виды (породы) деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается);

- **состояния** (заболевания; увечья (ранения, травмы, контузии); социальные показания для искусственного прерывания беременности; состояния, при которых оказывается первая помощь);
- **деятельность** (мероприятия; сезонные виды деятельности; направления сотрудничества; минимум необходимых работ; вредные и (или) опасные работы; реабилитационные услуги; противопожарные мероприятия; виды деятельности, связанные с трудовой адаптацией осужденных; виды работ, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную службу; виды спорта, медицинские услуги, оплачиваемые по отдельным тарифам; роды (виды) судебных экспертиз);
- **сведения** (сведения конфиденциального характера; сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну; сведения, отнесенные к государственной тайне; вопросы местного значения; сведения, представляемые в налоговые органы в обязательном порядке; полные и сокращенные наименования федеральных органов исполнительной власти; коды медицинских товаров; информация, вводимая в фискальную память контрольно-кассовой техники; дополнительная необходимая и достоверная информация, предоставляемая гражданам-потребителям услуг о деятельности учреждений культуры; сведения о государственной регистрации рождения и смерти, подлежащих передаче территориальным органам Федеральной миграционной службы органами записи актов гражданского состояния, а также формах их передачи).

К разряду неординарных предметов законодательных перечней можно отнести измерения¹, цели поездок², индикаторы оценок платежеспособности и качества управления финансами³; уважительные причины пропуска срока обращения за пособием⁴; показатели эффективности работы учреждения⁵, потенциальные угрозы совершения актов незаконного вмешательства⁶, **приграничные территории, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками**⁷.

¹ Об утверждении Перечня измерений, относящихся к сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений, выполняемых при проведении таможенных операций: приказ Федеральной таможенной службы России от 19 мая 2014 г. № 915 // Российская газета. 2014. 5 сентября.

² Об утверждении Перечня «Цели поездок», используемого уполномоченными государственными органами Российской Федерации при оформлении приглашений и виз иностранным гражданам и лицам без гражданства: приказ МИД РФ, МВД РФ, ФСБ РФ от 27 декабря 2003 г. № 19732А/1048/922 // Российская газета. 2004. 16 апреля. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 01.09.2017 № 652н «Об утверждении перечня целей визита граждан для получения государственной услуги по медико-социальной экспертизе в электронной системе управления очередью при непосредственном обращении в учреждения медико-социальной экспертизы // Российская газета. 2017. 24 ноября.

³ Перечень индикаторов оценки платежеспособности и качества управления финансами муниципальных районов и городских округов: Приложение 1 к Методике оценки платежеспособности и качества управления финансами муниципальных районов и городских округов Нижегородской области // Нижегородские новости. 2007. 11 октября.

⁴ Об утверждении перечня уважительных причин пропуска срока обращения за пособием по временной нетрудоспособности, по беременности и родам: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 31 января 2007 г. № 74 // Российская газета. 2007. 15 марта.

⁵ Об утверждении Перечня показателей эффективности работы учреждения, показателей и условий стимулирования труда руководителя учреждения и перечня примерных показателей стимулирования работников по федеральному государственному учреждению «Федеральный ресурсный центр по организации подготовки управленческих кадров»: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 10 сентября 2008 г. № 272 // Российская газета. 2008. 1 октября.

⁶ Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: приказ Министерства транспорта Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 // Российская газета. 2010. 14 апреля.

⁷ Указ Президента РФ «О внесении изменений в перечень приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, утвержденный Указом Президента РФ от 9 января 2011 г. №6» // Российская газета. 2020. 23 марта.

В-четвертых, перечни оформляются нормативно-правовыми актами **различной юридической силы**, сами обладают юридической силой, но иерархической подчиненности не имеют, поскольку, как правило, относятся к разным сферам юридически значимой деятельности.

В-пятых, любой перечень — всегда **конкретизация, детализация, спецификация** регулируемой нормой права деятельности. Перечень в законодательстве — результат установления связей и тождественности в элементах этой деятельности.

В-шестых, перечень в нормативном правовом акте получает **структурное обособление** — он содержится либо в отдельной статье, либо в ее части, либо в приложении или примечании.

В-седьмых, зафиксированные в нормативных правовых актах перечни порождают определенные типичные или нетипичные юридические последствия и реализуются как в правоотношениях, так и вне их. Отступление от законодательного перечня может влечь установленную меру государственного принуждения, включая соразмерную юридическую ответственность. Как правило, отступление от юридического перечня влечет неблагоприятные правовые последствия. Так, ст. 5⁴ Федерального закона Российской Федерации от 15 октября 2020 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части введения обратного акциза на этан, сжиженные углеводородные газы и инвестиционного коэффициента, применяемого при определении размера обратного акциза на нефтяное сырье» гласит, что Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере топливно-энергетического комплекса, направляет организации-заявителю отказ в подтверждении полного (частичного) выполнения соглашения о модернизации нефтеперерабатывающих мощностей в случае представления ею документов не соответствующих перечню.¹

Правотворческий перечень — относительно реально функционирующее средство юридической техники, представляющее собой властное государственное установление, закрепляющее структурно обособленное перечисление конкретизированных элементов юридически значимой деятельности, утверждаемое нормативными правовыми актами различного иерархического уровня, порождающее при правомерном использовании определенные **типичные или нетипичные** правовые последствия, а в случае отступления от него установленные меры государственного принуждения, включая соразмерную юридическую ответственность.

¹ Российская газета. 2020. 19 октября.

Некоторые исследователи (А. С. Пиголкин, Д. Н. Лызлов, В. Ю. Картухин) предпочитают вместо понятия «перечень» употреблять менее удачное понятие — «перечисление». Так, в учебном пособии Д. Н. Лызлова и В. Ю. Картухина предлагается следующее определение: «Перечисление является средством законодательной техники, позволяющим располагать в определенном порядке в виде списка совокупность предметов или явлений (обстоятельств, действий, органов, лиц, условий применения и т.п.) в тексте закона»¹.

Законодательные, правительственные и ведомственные нормативные правовые акты иногда и по сути и по форме отождествляют понятие «перечень» и «реестр». Например, приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667 называется «О реестре профессиональных стандартов (перечне профессиональной деятельности)»².

В законодательстве (и не только российском) содержится значительное число «реестров» и «перечней»: думается, необходимо четко различать их правовую сущность³.

Точно так же следует поступать с понятием «номенклатура». Вряд ли нормально, когда нормодатель без объяснения своих мотивов и целей отождествляет их. Так, приказ Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации от 4 февраля 2005 г. № 34 называется «О Перечне (номенклатуре) должностей»⁴. Нередки случаи использования в текущем законодательстве вместо понятия «перечень» иных наименований — список, опись, каталог. По всей видимости, нормодатель должен унифицировать свою правотворческую практику и избегать без специального пояснения другие термины, а предпочитать относительно определенное понятие — «перечень».

Значение законодательного перечня обуславливается тем, что от точности, сложности, последовательности размещения его элементов напрямую зависит качество действующих нормативных правовых актов.

Для правоприменителей законодательные перечни имеют особое значение, ибо определяют сферу их усмотрения, предлагают различные возможности для оптимальной реализации своих должностных функций, облегчают достижение целей. Перечни образуют своеобразный режим функционирования юридических норм. Толкование

¹ Лызлов Д. Н., Картухин В. Ю. Юридическая техника: учеб. пособие. М., 2014. С. 47.

² Российская газета. 2014. 17 декабря.

³ Подробнее см.: Ант Л. Ф., Токарева Ю. В. Принципы формирования и действия государственных реестров как особых регуляторов юридической деятельности // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 81–92.

⁴ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 12. С. 66–67.

и реализация законодательных перечней требуют от правоприменителя творческих усилий, самостоятельности, уверенности в своей профессиональной квалификации, ответственности за принимаемые решения в условиях вариативности и относительной определенности.

Так или иначе, но без освоения регулятивных, организационно-управленческих, морально-психологических, культурно-воспитательных возможностей правотворческих перечней, «техничко-юридический арсенал» механизма правового регулирования **выглядит «урезанным», не полным и малорезультативным.**

Законодательные перечни — это не произвол правотворческого органа, а объективная и субъективная необходимость нормативного отражения сложной правовой материи. О диалектической природе законодательного перечня свидетельствует постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2020 года № 44 по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с жалобой Новосибирского областного союза организаций профсоюзов «Федерация профсоюзов Новосибирской области», где, в частности, отмечается: «Само по себе перечисление в федеральном законе перечня вопросов, подлежащих регламентации в уставе объединения (ассоциации) профсоюзов, не является нарушением конституционного права на объединение права профсоюзов самостоятельно вырабатывать свои уставы и административные регламенты, организовывать свой аппарат и свою деятельность и формулировать свою программу действий, поскольку представляет собой закрепление лишь формальных требований к уставу, притом что установление конкретных правил, касающихся внутренней деятельности объединения (ассоциации) профсоюзов, относится к компетенции данного объединения (ассоциации) профсоюзов»¹.

Законодательные перечни способствуют повышению деловой культуры как нормодателей, так и правоприменителей.

Составляя либо применяя законодательный перечень, субъект вынужден прибегать к логическому мышлению, краткости и точности выражения мыслей. Формирование и реализация законодательных перечней — средство рационализации и экономичности правового мышления.

Законодательный перечень, как правило, есть «концентрация» определенной, часто новой, сферы знаний, и в этом смысле их можно рассматривать в качестве обучающе-воспитательного средства. Нельзя не отметить, что нормотворческие перечни отражают в большей или меньшей степени тенденции развития юридически значимой дея-

¹ Российская газета. 2020. 6 ноября.

тельности и в зависимости от изменения обстановки законодательные перечни могут «удлиниться» либо «сокращаться». Юридический перечень не должен быть слишком длинным — это существенно затрудняет его восприятие. Оптимальный «размер» перечня рано или поздно будет определяться методами компьютерной лингвистики, средствами вычислительной лингвистики.

Законодательный перечень — такое технико-юридическое средство, которое способно качественно фиксировать инновационные процессы. Примером может служить постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 года № 1867 «О перечне отдельных видов технически сложных товаров с предварительно установленными российскими программами для электронных вычислительных машин, порядке составления и ведения перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены на отдельные виды технически сложных товаров, и порядке их предварительной установки»¹.

Особо необходимо отметить организационно-управленческое значение юридических перечней. Об этом свидетельствует, например, Федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», где в ст. 3 предусмотрен «перечень допустимых контрольных (надзорных) действий в составе каждого контрольного (надзорного) мероприятия», в ст. 6 фиксируются «пределы установленного перечня вопросов местного значения», в ст. 19 записано о перечне документов, которые должны на безвозмездной основе предоставляться контролирующему (надзорному) органу. В соответствии со ст. 46 закона контрольный (надзорный) орган обязан размещать и поддерживать в актуальном состоянии на своем сайте в сети «Интернет»: перечень нормативных правовых актов с указанием структурных единиц этих актов, содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых является предметом контроля, а также информацию о мерах ответственности, применяемых при нарушении обязательных требований, с текстами в действующей редакции; перечень критериев и индикаторов риска нарушения обязательных требований, порядок отнесения объектов контроля к категориям риска; перечень объектов контроля с указанием категории риска; исчерпывающий перечень сведений, которые могут запрашиваться контрольным (надзорным) органом у контролируемого лица.

¹ Российская газета. 2020. 26 ноября. См. также: Указ Президента Российской Федерации от 7 декабря 2020 года № 760 «О внесении изменений в Список химикатов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы при создании химического оружия и в отношении которых установлен экспортный контроль, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 28 августа 2001 года № 1082»// Российская газета. 2020. 9 декабря.

Кроме того, в законе (ст.17, 18, 19) предусмотрено создание особых видов перечней — единого реестра видов федерального государственного контроля (надзора); единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий; реестра заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований¹.

16.2. Виды нормотворческих перечней

Градацию правотворческих перечней можно провести по самым различным основаниям.

По форме акта, где они «располагаются», или по органу, их принявшему, перечни, выражая юридическую силу, классифицируются на содержащиеся: в Конституции России, законах Российской Федерации о поправках к Основному закону государства; в федеральных конституционных законах, федеральных законах, нормативных правовых актах Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, нормативных правовых актах Президента Российской Федерации, нормативных правовых актах Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти; в нормативных правовых актах иных государственных органов Российской Федерации, их должностных лиц.

Отдельную подгруппу составляют перечни, зафиксированные в международно-правовых актах самой разной направленности. Например, обратимся к Постановлению Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2020 года № 1396 «О деятельности органов и организаций иностранных государств по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации и контроле за ее осуществлением». В соответствии со статьей 5 этого юридического акта, «иностранные государственные организации» для получения разрешения на открытие представительства представляют в Министерство просвещения Российской Федерации заявление с приложением следующих документов: д) перечень услуг, предоставляемых иностранной государственной организацией к кандидатам в усыновители, с указанием их стоимости»².

Перейдем к иной сфере юридически значимой деятельности и рассмотрим содержание статьи 3 Постановления Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2020 года № 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения», где фиксируются сразу три перечня: «Исполнитель помимо информации, доведение которой предусмотрено в соответствии со статьей 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» обязан довести до сведения

¹ Российская газета. 2020. 5 августа.

² Российская газета. 2020. 21 сентября.

потребителей также следующую информацию об оказываемых услугах (выполняемых работах): перечень оказываемых услуг (выполняемых работ), форм и (или) условий их предоставления; перечень категорий потребителей, имеющих право на получение льгот, а также перечень льгот, предоставляемых при оказании услуг (выполнении работ) в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации»¹.

По месту нахождения перечни подразделяются на группирующиеся в отдельной статье нормативного правового акта, в приложении либо примечании к нему.

По степени упорядоченности нормативного материала, в котором они содержатся, можно «вычленить» перечни кодексов и инкорпорированных актов.

По структурному объекту «привязки» перечней их можно подразделить на относящиеся к нормативному правовому акту в целом, либо к его какому-то разделу (главе), либо к его отдельной статье.

По времени действия перечни по традиции делятся на **постоянные** и **временные**. Так, на один год постановлением Правительства Нижегородской области от 30 декабря 2014 г. № 954 утвержден перечень основных видов общественных работ, организуемых на территории Нижегородской области в 2015 г.²

По степени структурированности четко разграничиваются **простые** и **сложные** перечни. Сложные — те законодательные перечни, которых несколько в одном нормативном правовом акте, либо один перечень имеет ряд разноплановых подсистем.

По целевой направленности высокоценны в практическом ключе перечни: а) правоустанавливающие, т.е. предоставляющие тем или иным субъектам права или свободы; б) правоограничивающие, т.е. «урежающие», сужающие определенные правомочия либо законные интересы; в) правозапретительные.

К правозапретительным, например, относятся перечни:

- видов деятельности, которыми не вправе заниматься кооперативы (впервые был установлен постановлением Правительства еще в 1990 г.);
- специальностей, получение которых в очно-заочной (вечерней), заочной форме и в форме экстерната в образовательных учреждениях среднего профессионального образования не допускается;
- объектов и организаций, в которых иностранные граждане не имеют права быть принятыми на работу.

По полноте и четкости регламентации разграничиваются исчерпывающие и примерные (открытые) перечни.

¹ Российская газета. 2020. 8 октября.

² Нижегородские новости. 2015. 20 января.

Исчерпывающими, например, являются перечни оснований для отмены решения третейского суда и отягчающих вину обстоятельств при возложении юридической ответственности.

Примерные законодательные перечни оставляют возможности нормодателям и правоприменителям дополнять и корректировать с надлежащей мотивировкой в рамках закона обозначенные в акте перечисления.

На исчерпывающий характер перечня нормодатель обычно указывает. Если такого специального указания нет, то законодательный перечень считается открытым. Кроме того, об открытости и примерности законодательного перечня может свидетельствовать его концовка. Использование по завершении перечисления терминов «иные обстоятельства», «другие состояния», сокращение «и т.п.» означает возможность «продолжения перечня».

Обратимся к примеру из международно-правовой сферы.

Статья 1 «Направления сотрудничества» Соглашения о сотрудничестве между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью¹ гласит:

«Стороны сотрудничают в предупреждении, пресечении, выявлении и раскрытии преступлений, в том числе совершаемых организованными группами, по следующим *основным направлениям* (курсив наш. — В. Б.):

- 1) преступления против жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства личности;
- 2) террористическая, сепаратистская и экстремистская деятельность;
- 3) преступления против собственности;
- 4) коррупция;
- 5) преступления в сфере экономики, в том числе легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и финансирование терроризма;
- 6) изготовление и сбыт поддельных денежных знаков, документов, ценных бумаг, а также кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов;
- 7) преступления, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности;
- 8) преступления, связанные с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми;
- 9) незаконное производство, оборот оружия, боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых, ядовитых и радиоактивных веществ, ядерных материалов;
- 10) незаконное производство и оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

¹ Бюллетень международных договоров. 2013. № 2.

- 11) контрабанда;
- 12) преступления на транспорте;
- 13) преступления в сфере информационных технологий;
- 14) преступления, связанные с незаконной миграцией.

Стороны сотрудничают *также в борьбе с другими видами преступлений, предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие которых требуют взаимодействия компетентных органов Сторон»* (курсив наш. — В. Б.).

О примерном (открытом) характере вышеприведенного международно-правового перечня свидетельствуют два имеющиеся в нем содержательных момента:

- термин «основные» применительно «направлений», означающий, что имеются и некоторые другие (вспомогательные, дополнительные) линии деятельности;
- термин «другие виды преступлений», означающий, что стороны могут сотрудничать в противодействии не только 14 видам правонарушений, обозначенных в ст. 1 документа.

В Административном регламенте предоставления Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по регистрации в уведомительном порядке коллективных трудовых споров по поводу заключения, изменения и выполнения соглашений, заключаемых на федеральном уровне социального партнерства, коллективных трудовых споров в организациях, финансируемых из федерального бюджета, а также коллективных трудовых споров, возникающих в случае, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях разрешения коллективного трудового спора забастовка не может быть проведена (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 12 сентября 2014 г. № 635)¹ под рубрикой «Исчерпывающий перечень оснований для отказа в приеме документов необходимых для предоставления государственной услуги» помещена ст. 29 следующего содержания: «Основания для отказа в приеме документов, необходимы для предоставления государственной услуги, *не предусмотрены* (курсив наш. — В. Б.)». Перечень поистине исчерпывающий и, без сомнения, демократичный.

«Открытость» либо «закрытость» законодательного перечня означает широту (объем) возможной или обязательной юридической деятельности, стимул или торможение определенной правовой активности. В постановлении № 6 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 года «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» отмечается: «Перечень оснований прекращения обязательств не является закрытым, поэтому стороны могут в свем

¹ Российская газета. 2015. 12 января.

соглашении предусмотреть не упомянутое в законе или ином правовом акте основание прекращения обязательства и прекратить как договорное, так и внедоговорное обязательство, а также определить последствия его прекращения, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства (пункт 3 статьи 407 ГК РФ)¹. Иными словами, в данном случае открытый перечень оснований прекращения обязательств предполагает возможность выбора сторонами самых разных, даже экзотических (но не противоречащих законодательству) оснований и форм их фиксации.

По организационно-техническому критерию оправданно различать **перечни, утратившие юридическую силу нормативных правовых актов либо их частей, и перечни изменения правовых актов или норм.**

Речь идет об оформлении посредством перечней динамики законодательства после принятия нового нормативного правового акта или новой его редакции. «Перечень нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, — отмечают Т. Н. Москалькова и В. В. Черников, — должен быть юридически обоснованным и исчерпывающе полным, с тем чтобы не был упущен ни один нормативный правовой акт, противоречащий новому нормативному правовому акту, в связи с которым составляется данный перечень, и не были включены для признания утратившими силу ни один акт или его часть, сохраняющие свое значение»².

Если представляется необходимым признать утратившим силу пункт (подпункт, абзац) ранее изданного нормативного правового акта, в который в последующем после его издания были внесены те или иные изменения, то в перечень признаваемых утратившими силу нормативных предписаний включается названный пункт (подпункт, абзац) нормативного правового акта, которым были предусмотрены соответствующие изменения.

В перечень нормативных правовых актов или их отдельных предписаний, признаваемых утратившими силу, подлежат включению в том числе и нормативные правовые акты или их отдельные предписания ограниченного срока действия, если срок действия истек, а также нормативные правовые акты или их отдельные предписания, фактически утратившие силу. Важные технико-юридические детали оформления перечней этого вида подчеркивают Т. Н. Москалькова и В. В. Черников: все нормативные правовые акты располагаются в хронологическом порядке по дате их издания, а в пределах одной и той же даты они указываются в порядке возрастания их регистрационных номеров³.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8. С. 15.

² Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и испр. М.: Проспект, 2014. С. 333–337.

³ Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и испр. М.: Проспект, 2014. С. 335.

Перечень изменений в действующее законодательство представляет собой гораздо более сложный, во многом творческий процесс — надо не только выявить все нормативные правовые акты, подлежащие модификации, но и подготовить и принять обновленную редакцию нормативных текстов, «вписать» их в существующую систему юридических норм.

Внесение изменений в нормативный правовой акт — компетенция субъекта, который его принял. Признать утратившим силу либо отменить нормативные правовые акты, кроме того, могут вышестоящие органы и суд.

«На поверхности» лежит классификация законодательных перечней **по предметному основанию** (гражданско-правовые, уголовно-правовые, административно-правовые, процессуально-правовые перечни и др.); **территориальному критерию** (перечни, действующие на пространстве нескольких государств, в пределах РФ, на территории субъекта РФ, в рамках муниципального образования); **по сфере государственного управления** (перечни в области управления экономикой, культурой, образованием и т.п.). Например, в статье 9 постановления Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 года № 1491 «Об утверждении Правил и условий возврата билетов, абонементов и экскурсионных путевок и переоформления на других лиц именных билетов, именных абонементов и именных экскурсионных путевок на проводимые организациями исполнительских искусств и музеями зрелищные мероприятия в случае отказа посетителя от их посещения» установлено: «По требованию посетителя (его представителя) организация исполнительских искусств, музей либо уполномоченное лицо делает отметку на копии заявления о возврате о получении заявления о возврате и прилагаемых к нему документов с указанием их перечня и даты получения либо направляет отметку о получении по адресу электронной почты, указанной в заявлении о возврате (в случае, если в заявлении о возврате указывается на необходимость направления отметки о получении по электронной почте)»¹.

16.3. Основные пути повышения эффективности формулирования и реализации перечней в нормативных правовых актах

Эффективность законодательных перечней — такое их состояние, при котором они в процессе реализации достигают установленных нормодателем целей при разумной трате имеющихся у государства и гражданского общества финансовых, организационно-управленческих и иных средств.

Повышение эффективности законодательных перечней мыслимо многими путями, но основные из них — совершенствование их со-

¹ Российская газета. 2020. 29 сентября.

держания и формы, выявление и своевременное устранение дефектов формулирования и реализации этого средства юридической техники.

Прежде всего требуется научное межотраслевое изучение нормотворческих перечней и подготовка развернутой концепции о сути, видах, функциях, месте, возможностях столь давно и часто применяемого технико-юридического приема. В дидактическом ключе важно не просто более подробно освещать в учебной литературе этот прием, но и учить обучающихся (в том числе посредством деловых игр, практических задач) применять разной степени сложности перечни.

Слишком абстрактные либо чрезмерно детализированные законодательные перечни — дефект не только их содержания, но и формы. Математизация, увлечение табличной формой изложения законодательных перечней также не способствует их эффективному применению.

До сих пор «пакетный» порядок изменения законодательства не вошел в повседневную правотворческую практику и нередко «дает сбой».

Изменения в ранее принятые нормативные акты и признание их утратившими силу посредством перечней должны готовиться одновременно с разработкой проекта нормативного правового акта, который предполагает также изменение либо влечет признание правовых норм утратившими силу¹.

При реализации законодательных перечней нередки случаи неправильной правовой квалификации тех или иных деяний по причине ошибочного толкования содержания перечня.

Иллюстрацией может служить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 26-КГ13–25, суть которого следующая: «Лицам, уволенным из органов военной прокуратуры и поступившим на гражданские прокурорские должности без возобновления военной службы, не может быть отказано в назначении военной пенсии за выслугу лет или приостановлена ее выплата»².

Фабула дела такова. М. был уволен в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе в звании «полковник юстиции» с правом на получение пенсии по выслуге лет и исключен из списков личного состава военной прокуратуры. Впоследствии он был принят на федеральную государственную службу в качестве федерального государственного гражданского служащего прокуратуры военного округа с присвоением классного чина «старший советник юстиции». М. обратился в пенсионный орган Минобороны России с заявлением о назначении ему военной пенсии за выслугу лет и вы-

¹ О типичных правилах параллельной подготовки актов применительно к разным иерархическим уровням см.: *Москалькова Т. Н., Черников В. В.* Нормотворчество: научно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и испр. М.: Проспект, 2014. С. 336

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 11. С. 27–29.

даче соответствующего удостоверения, в удовлетворении которого ему было отказано военным комиссариатом. М. обратился в суд. Районный и областной суды также отказали ему в иске.

Эти судебные инстанции исходили из того, что М. поступил на государственную службу в прокуратуру военного округа. Между тем Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹ установлено, что система государственной службы включает в себя следующие виды: государственная гражданская служба, военная служба, правоохранительная служба. Новая служба М. и его правовые положения стали регламентироваться Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»². Порядок прохождения службы военными прокурорам регулируется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»³ и Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁴.

В ч. 2 ст. 6 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»⁵ установлен ограниченный (точнее — исчерпывающий) перечень оснований для выплаты военной пенсии, а именно: поступление на военную службу либо на службу в вышеперечисленные органы. Прокурорские работники под действие данной нормы не попадают. Районный и областной суды неоправданно расширительно истолковали рассматриваемый законодательный перечень и потому Верховный Суд России признал их решения неправильными.

Интересно, что в юридической практике встречаются и прямо противоположные ситуации, когда граждане, неправомерно расширительно истолковывая законодательные перечни, выдвигают незаконные требования, стремясь получить материальные блага. Так, житель Хакасии К., ссылаясь на то, что Правительство России постановлением от 3 декабря 1992 г. № 933 установило на территории Республики Хакасия районный коэффициент к заработной плате 1,3, посчитал, что территория, где он проживает, подпадает под действие ч. 1 ст. 325 ТК РФ и ст. 33 Закона РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах

¹ Собрание законодательства РФ. 2003. № 22, ст. 2063.

² Российская газета. 1992. 18 февраля.

³ Собрание законодательства РФ. 1998. № 13, ст. 1475.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1998. № 22, ст. 2331.

⁵ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9, ст. 328.

Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»¹. Согласно названным Федеральным законам лица, работающие в организациях, финансируемых из федерального бюджета, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, имеют право на оплату один раз в два года за счет средств работодателя (организации, финансируемой из федерального бюджета) стоимости проезда в пределах территории Российской Федерации к месту использования отпуска и обратно любым видом транспорта (за исключением такси), в том числе личным, а также на оплату стоимости провоза багажа весом до 30 кг.

Определение № 55-КГ13–11 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ постановило: установление районного коэффициента к заработной плате не свидетельствует о вхождении Республики Хакасия в перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1983 г. № 12².

Серьезным дефектом является излишне частое изменение законодательного перечня. Это ведет к нестабильности правовой ситуации, неуверенности в своих действиях правоприменителей, нежеланию инвесторов «вкладываться» в те или иные проекты. Например, Перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ (утвержден Указом Президента Российской Федерации № 1009 от 4 августа 2004 г.)³ подвергался множеству (по некоторым подсчетам, более 100 раз) изменений, что вряд ли вызвано только объективными факторами.

Желательно выработать четкие критерии — когда законодательный перечень должен быть исчерпывающим, а когда его можно сделать примерным и предоставить свободу усмотрения правоприменителю. При отсутствии таких критериев злоупотребление при реализации этого **средства** юридической техники неизбежны.

Поскольку перечни могут «жить» относительно самостоятельно, постольку в нормативном правовом акте, где он помещен, полезно установить сроки его пересмотра. При ином подходе происходит вредная «консервация» регламентируемой деятельности и значительно снижается эффективность реализации законодательных перечней.

Неплохо бы провести унификацию оформления нормотворческих перечней: ныне они размещаются с цифрами либо без них, в таблицах либо простым перечислением, пунктами либо разделами.

Неясно, почему в одних случаях законодатель размещает перечень в самом акте, а в других (без объяснения причин) — в приложении

¹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 16, ст. 551.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 11. С. 25.

³ Собрание законодательства РФ. 2004. № 32, ст. 3313.

к нему. По всей видимости, и здесь полезно исключить субъективизм и выработать определенные и понятные всем критерии.

При подготовке объемных нормативных правовых актов необходимо соблюдать меру в выборе тех или иных технико-юридических средств — нежелательно в одном нормативном правовом акте отдавать явное предпочтение какому-то одному из них. Конечно, дело не в количестве, в качестве оформления, но вряд ли нормально, что в Федеральном законе Российской Федерации «О полиции» (в редакции от 6 февраля 2020 года № 12-ФЗ) содержится 77 перечней. Возникает малоприятный сомнение-вопрос — все ли приемы законотворческой техники знает нормодатель, умеет ли он «преобразовывать» их для гармоничности правового текста, освоил ли правила взаимозаменяемости технико-юридических средств?

Надо признать, что отечественная правовая наука и практика слабо использует достижения в формулировании и реализации законодательных перечней других правовых систем мира. Без сомнения, имеются особенности нормотворческих перечней в правовой семье общего права, в мусульманской и индусской правовых семьях, латиноамериканском и дальневосточном праве.

Повышение эффективности законодательных перечней немислимо без установления системного контроля за их формулированием и реализацией. Не менее важно определить дифференцированные меры юридической ответственности за нарушение правил их создания и применения — за неоправданное уклонение нормодателя от формулирования перечня тогда, когда он, по общему признаку, необходим, за неприменение перечня при наличии к тому законных оснований, за умышленное либо ошибочное неверное толкование содержания перечня, приведшее к ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан.

Эффективность формирования и реализации правотворческих перечней может быть кардинально повышена, если: а) подготовить и принять межведомственную частную методiku (либо методические рекомендации) о порядке и правилах «обращения» с ними; б) обобщить судебную практику использования законодательных перечней и опубликовать ее в форме аналитического обзора либо даже специального постановления Пленума Верховного Суда России; в) не только в методических указаниях Правового управления Государственной Думы Федерального Собрания, но и на законодательном уровне закрепить сущность, цели, формы, функции нормотворческих перечней.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы существенные признаки законодательного перечня?
2. В чем состоит практическое значение перечней в нормативных правовых актах?

3. Какие технико-юридические феномены можно отнести к смежным по отношению к правотворческому перечню?
4. Какие виды нормотворческих перечней можно «квалифицировать» в качестве главных и доминирующих в правоприменительном процессе?
5. Каковы типичные дефекты формирования и реализации законодательных перечней?
6. Что такое эффективность законодательного перечня и как ее повысить?
7. Охарактеризуйте организационно-управленческую роль единого реестра видов государственного и муниципального контроля как особой разновидности юридического перечня по Федеральному закону Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ (Российская газета. – 2020. – 5 августа).

Тестовые задания

- 1) Какие два из нижеперечисленных видов реестров не входят в единый реестр видов федерального государственного и муниципального контроля (надзора):
 - a) единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий
 - b) регистр доноров костного мозга
 - c) реестр заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований
 - d) реестр средств измерения
- 2) По какому основанию выделяют простые и сложные виды реестров:
 - a) по целевой направленности
 - b) по степени структурированности
 - c) по полноте и четкости регламентации
 - d) по степени упорядоченности нормативного материала

Рекомендуемая литература

1. *Кабрияк Р.* Кодификации / Р. Кабрияк; пер. с фр. Л. В. Головки. – М., 2007. – С. 147–148.
2. *Лызлов Д.Н.* Юридическая техника: учеб. пособие / Д.Н. Лызлов, В.Ю. Картухин. – М.: Ось-89, 2009. – С. 47–50.
3. *Москалькова Т.Н.* Нормотворчество: научно-практическое пособие / Т.Н. Москалькова, В.В. Черников. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Проспект, 2014. – С. 328–337.
4. *Юшкина С.Ф.* Дефекты формулирования и реализации перечня по российскому законодательству / С.Ф. Юшкина // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: Экономика и право. – 2012. – Вып. 4. – С. 127–130.
5. *Юшкина С.Ф.* Законодательный перечень (историко-правовой аспект) / С.Ф. Юшкина // Юридическая техника: Ежегодник. – 2008. – № 2. – С. 73–77.
6. *Юшкина С.Ф.* Основные пути преодоления дефектов формулирования и реализации перечней / С.Ф. Юшкина // Юридическая наука и прак-

тика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 213–216.

7. Юшкина С.Ф. Перечни в законодательстве: проблемы применения в учебно-воспитательном процессе по теории государства и права / С.Ф. Юшкина // Юридическая техника: Ежегодник. – 2009. – № 3: Специальный выпуск «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». – С. 386–388.
8. Юшкина С.Ф. Понятие и правовая обусловленность перечней в российском законодательстве / С.Ф. Юшкина // Юридическая техника: Ежегодник. – 2007. – № 1. – С. 210–214.
9. Юшкина С.Ф. Соотношение понятия «перечень в праве» со смежными юридическими феноменами / С.Ф. Юшкина // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2008. – Вып. 14. – С. 302–310.
10. Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. – М.: Юстиция, 2017. – С. 394–407.

Раздел 17

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЛОЖЕНИЙ В ПРАВЕ

17.1. Понятие и назначение приложений к актам правотворчества

подавляющее большинство учебников, курсов лекций, дидактических пособий по юридической технике не содержат разделов либо параграфов о приложениях к актам правотворчества: имеются лишь фрагментарные упоминания о существовании такого технико-юридического средства. Оценивают его, как правило, в качестве вспомогательного и малозначимого явления в системе юридической техники. «Не доросла» эта проблема до предмета диссертационного исследования как в общей теории и права, так и в отраслевых юридических науках, хотя спектр применения рассматриваемого феномена весьма широк. В этой связи трудно согласиться с Т. В. Кашаниной, когда она пишет: «Приложение — это часть правового документа, встречаемая не так часто. Приложения располагаются после заключительной части документа. Если их несколько, то им присваивается порядковый номер... Материалы, изложенные в приложениях, как правило, имеют *прикладное значение*. Поэтому автономное их существование, т.е. отдельно от основной части правового документа, вполне оправдано. Если бы такие предписания располагались в самих актах, то последние были бы громоздкими и неудобными для пользования, а материалы, включенные в них неравноценными по отношению друг к другу»¹.

Во-первых, приложения встречаются в самых различных нормативных правовых актах (особенно ведомственных) очень часто и их число в отдельных документах достигает 55-ти².

¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): Учебное пособие. — М.: Норма, 2009. — С. 54–55.

² См.: Приложения № 1–55 к Инструкции по организации и исполнения наказания и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Утверждена Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 года №142 // Российская газета. — 2009. — 14 августа. См. также: Приложения 1–13 к Инструкции

Во-вторых, приложения не всегда располагаются только после заключительной части — есть примеры, когда они помещаются внутри документа.

В-третьих, далеко не все приложения имеют прикладной характер — некоторые из них составляют суть, ядро, стержень нормативного правового акта.

Приложение как относительно самостоятельное специфическое технико-юридическое средство предусмотрено Методическими рекомендациями по юридико-техническому оформлению законопроектов (разработаны в 2013 году и действуют до сих пор). Упоминаются приложения и в официальных Комментариях к этому высокозначимому документу, которого придерживаются законодатели и правоприменители всех уровней. Юридическая сила приложений и законодательного акта, к которому они относятся, **одинакова**. Существует общее для всех видов нормативных правовых актов правило — приложения являются неотъемлемой частью «сопровождаемого» юридического документа.

В приложениях помещаются различного рода таблицы, перечни, графики, тарифы, карты, образцы бланков, рисунки, схемы.

По данным специалистов (шесть исследователей Высшей школы экономики), применивших для сплошного анализа действующего федерального законодательства методы компьютерной лингвистики, приложения используются только 4% законодательных актов.¹

Юридическая теория и практика по разному трактует роль приложений в праве. В соответствии с Комментариями к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов в приложения следует помещать только те положения, которые невозможно изложить в стандартной форме статьи законодательного акта, но которые должны быть урегулированы на уровне законодательного акта.

Поддерживая и развивая эту официальную правовую позицию, Ю. Г. Арзамасов отмечает: « В последнее время законодатель все больше использует называемые нетипичные формы изложения нормативных предписаний: схемы, таблицы, карты, чертежи и т.д. Наиболее часто они помещаются в ведомственных актах, много их в президентских, правительственных решениях, актах глав администраций.

по порядку представления российскими организациями отчетов о внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения. Утв. приказом министра торговли Российской Федерации от 21 октября 1998 года № 11 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 1998. — № 37–38. — С. 6–24.

¹ Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа [текст]/ А. В. Кнутов, С. М. Плаксин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — С. 113. Авторы пришли к выводу, что российское законодательство с 1991 года стало сложнее на 30%.

Используются они, хотя и в меньшей степени, в законах, в том числе и в недавно принятых. При этом нормы такого предписания помещаются обычно не в приложениях, что было характерно для прошлых лет, а непосредственно в основном тексте акта. Думается, это целесообразно, так как при этом внимание исполнителей не расплывается и, главное, не создается видимость неравноценности таких предписаний по сравнению с другими. Очевидно, что если такие приложения значительны по объему и потому способны привести к громоздкости статьи, их уместно помещать после основного текста закона. Если приложение относится не ко всему закону, а отдельной его части, в нем должно быть указано, к каким разделу, главе, статье оно относится¹.

Более плодотворным и перспективным подходом является другая правовая позиция, иная юридическая рекомендация — формировать приложения в законе не тогда, когда изложение регулирования в статье невозможно, а когда это нецелесообразно, в том числе из-за большей сложности восприятия информации в текстовой форме, чем, например, в таблице или схеме.²

Некоторые приложения актов правотворчества нацелены на оптимизацию правоприменительной деятельности, на совершенствование интерпретационной работы судебных органов. Приложения нередко выступают предметом рассмотрения высших судебных инстанций России, что свидетельствует о их нормативной природе и реальной юридической силе.

Например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 года № 12 по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» 4 раза обращается к приложениям и, в частности, констатируется: «Таким образом, положения части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства», в том числе касающиеся применения пункта 5 приложения № 4 к нему, являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании устанавливается размер возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, в частности разрешается вопрос

¹ Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов/под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт. — 2020. — С. 279–280.

² Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. С. 113.

о возможности учета фактических затрат, понесенных причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов»¹.

Или еще одна иллюстрация. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года №50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» отмечается: «В отдельных случаях о нормативном характере оспариваемого акта могут свидетельствовать утвержденные данным актом типовые, примерные приложения, содержащие правовые нормы. С учетом этого отсутствие в самом оспариваемом акте положений нормативного характера не может оцениваться в отрыве от приложений и служить основанием для отказа в рассмотрении дела по правилам главы 21 КАС РФ, главы 23 АПК РФ»².

Приложения к правотворческим актам с содержательной и технико-юридической стороны — **конкретизация** либо документа в целом, либо его структурных элементов.

17.2. Виды приложений к правотворческим актам

Классификация приложений к правотворческим актам может быть проведена по самым различным основаниям, но в данном разделе возьмем лишь наиболее распространенные и существенные с нормативно-содержательной точки зрения критерии деления.

По иерархии нормативных правовых актов «снабженных» приложениями — приложения к законодательным актам, указам Президента Российской Федерации, постановлениям Правительства России, правилам и инструкциям министерств, ведомств, госкомитетов, региональным и муниципальным актам.

По объекту «сопровождения» можно градировать приложения к целому юридическому документу, его разделу, отдельной статье либо части ее.

По количеству приложений «обрамляющих» нормативный правовой акт — единичные и множественные приложения (примеры приведены выше).

По сфере функционирования есть резон отфиксировать приложения к международно-правовым актам и актам национального законодательства.

Касаясь первой группы можно привести Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения меж-

¹ Российская газета. — 2015. — 18 июня.

² Российская газета. — 2019. — 15 января.

дународной информационной безопасности (вступило в силу 10 августа 2016 года)¹ или Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Марокко о сотрудничестве в области морского рыболовства (вступило в силу для Российской Федерации 3 октября 2019 года)².

По критерию законного интереса приложения подразделяются на функционирующие в сфере публичного или частного права.

В особую группу следует выделить приложения к совместным нормативным правовым актам. К этому разряду, например, относятся приложения № 1, 2, 3 к приказу Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 г. Москва «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»³. Или же пример из другой области — приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральной службы исполнения наказаний от 11 марта 2014 года № 96/123 «Об утверждении Административного регламента взаимодействия Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору с Федеральной службой исполнения наказаний при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере промышленной безопасности на опасных производственных объектах уголовно-исполнительной системы»⁴.

Приложения к тем или иным нормативным правовым актам нередко содержат **перечни**, то есть в некоторых юридических документах происходит **взаимослияние** различных технико-юридических средств.

Например, приложение к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (вступило в силу для Российской Федерации 2 января 2015 года) содержит Перечень основных понятий, используемых для целей взаимодействия Сторон в ходе выполнения настоящего

¹ Бюллетень международных договоров. — 2016. — № 11. — С. 82–88.

² Бюллетень международных договоров. — 2020. — № 3. — С. 32–62.

³ Российская газета. — 2013. — 13 декабря.

⁴ Российская газета. — 2014. — 16 июля.

Соглашения¹. Перечень содержит 12 дефиниций наиболее сложных понятий, применяемых при регулировании выбранного предмета («информационная безопасность», «информационная война», «информационная инфраструктура», «информационное оружие», «информационное пространство», «информационные ресурсы», «защита информации», «критически важные объекты», «международная информационная безопасность», «неправомерное использование информационных ресурсов», «несанкционированное вмешательство в информационные ресурсы», «угроза информационной безопасности»).

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы особенности приложений к правотворческим актам и какова их юридическая сила?
2. Назовите основные предметы (объекты), обычно помещаемые нормодателем в приложениях к законодательным актам.
3. Может ли приложение содержать законодательную дефиницию?

Тестовые задания

- 1) Какое значение имеют материалы, изложенные в приложениях к актам правотворчества?
 - а) исключительно прикладное значение
 - б) некоторые приложения выходят за пределы прикладного значения и составляют суть, ядро, стержень нормативного правового акта
 - в) исключительно нормативное значение
 - д) некоторые приложения выходят за пределы нормативного значения и представляют идеологизированную властную концепцию
- 2) Где в тексте актов правотворчества располагаются приложения?
 - а) приложения располагаются исключительно после заключительной части акта
 - б) приложения не всегда располагаются только после заключительной части – есть примеры, когда они помещаются внутри документа
 - в) приложения помещаются равными частями после каждой части акта
 - д) приложения не являются частью юридического документа, это отдельный, самостоятельный документ
- 3) Как определяется юридическая сила приложения нормативного правового акта?
 - а) юридическая сила приложений и нормативного правового акта, к которому они относятся, одинакова
 - б) юридическая сила приложений всегда на одну ступень ниже, чем у нормативного правового акта, к которому они относятся

¹ Бюллетень международных договоров. — 2015. — № 4. — С. 63–64.

- c) юридическая сила приложений всегда на одну ступень выше, чем у нормативного правового акта, к которому они относятся
- d) приложения не обладают юридической силой, а нормативный правовой акт обладает

Рекомендуемая литература

1. *Калмыкова А.В.* О соблюдении правил законодательной техники в проектах технических регламентов, принимаемых в форме федерального закона // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 28–39.
2. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): Учебное пособие. – М.: Норма, 2009.
3. *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. – М.: Юстиция, 2017.

Раздел 18

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

18.1. Понятие и целевое предназначение исключений в праве

Исключения — неотъемлемый элемент социальной модернизации, играющий наряду с правилами важнейшую роль в процессе становления человеческого общества, формирования социальных норм. Абсолютно любой коллектив людей может возникнуть, существовать и развиваться только на основе правил, регламентирующих поведение членов социума. Однако ни одно правило в силу эталонной природы последнего не в состоянии охватить многообразие жизненных ситуаций и учесть всех задействованных в них субъектов.

Во избежание конфликтов, угрожающих целостности общества, придания гибкости социальной регламентации нужны исключения из правил. Феномен исключения состоит в том, что, не нарушая правила, оно предлагает иной вариант поведения. Поэтому исключения, равно как и правила, находят свое внешнее выражение в социальных нормах. Диапазон действия норм, в которых есть исключения, предельно широк, распространяется на все важные для человека интересы — от распределения материальных благ и услуг, до сугубо сокровенных, порой даже интимных моментов.

Для права, как особой совокупности социальных норм, выполняющего роль государственного регулятора, исключения из правил необходимы так же, как и сами правила. Игнорирование разнообразного характера общественных отношений, фактических обстоятельств, личности людей в конечном итоге приведет к несправедливости.

Острота проблем, связанных с исключениями, детерминирована как качественными, так и количественными факторами. В частности, в современном российском законодательстве не существует нормативного правового акта, который не содержал бы прямо или завуалировано исключения из единого для всех правила.

Злободневность и важность обсуждения наличия исключений в праве более чем очевидна.

Иной, альтернативный правилу, вариант регуляции, который подразумевает исключение, с одной стороны, и поразительное, без преувеличения, множество исключений, с другой, неизбежно вызывает размышления о нивелировании стандартизирующего эффекта права и возможности правовых норм быть эталонами, образцами, моделями поведения.

Подобные вопросы обуславливают сомнения в способности права выступать в качестве общеобязательного нормативного регулятора, направленного на упорядочивание общественных отношений. Более того, это порождает справедливые опасения торпедирования исключениями общих правил и, как следствие, вероятность злоупотребления исключениями в процессе их реализации. В таком контексте исключения зачастую оцениваются в качестве негативного явления, подрывающего функциональные возможности права.

Догмой стало восприятие права в качестве общего, единого для всех регулятора, направленного на унификацию и стандартизацию соответствующих общественных отношений. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит тем не менее реально понимать, за счет чего достигается универсальность права, чем можно объяснить всеобщность права, способность адекватно реагировать на неоднозначные и динамичные жизненные казусы.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

На наш взгляд, среди ресурсов права, позволяющих адекватно отвечать многообразию окружающей действительности, магистральной является допустимость присутствия в праве такого феномена, как исключение. Это обладающая сложной природой и неоднозначным характером категория, которая создает множество вариантов поведения.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Посредством исключений обеспечивается требуемая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

Однако исключение никогда не должно подменять собой правило, ибо доминирование исключений неизбежно приведет к разрушению правовой конструкции общества и деградации правовой системы.

Дилемма исключений заключается в том, что они, не нарушая правило, все же предлагают иной, во многом не схожий с общим, вариант развития ситуации.

Вместе с тем, игнорируя потребность в исключениях из правил, право утратит свое качество всеобщего нормативного регулятора.

Квинтэссенция существования исключений в праве заключается в том, что они, при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам, не противостоят последним, не подрывают их положения, а, напротив, вместе с правилами направлены на полноценное урегулирование социальных связей.

Таким образом, объективная необходимость в исключениях как отражении разнообразия окружающей действительности и в то же время потенциальной возможности перехода в негативную составляющую правовой жизни объясняет актуальность и перспективность изучения аспектов, связанных с наличием исключений.

Исключения из правил обладают такими неотъемлемыми качествами, как всеобщность и объективность. Всеобщность обозначает наличие исключений во всех сферах бытия; объективность обуславливает присутствие исключений как данности, факта, имеющего место быть вне зависимости от чьих-либо волюнтаристских посылов.

Всеобщность исключений детерминирует появление их в праве. В свою очередь поразительное многообразие отношений, которые абсолютно невозможно охватить общими, едиными для всех правилами, объясняет объективную природу исключений в праве.

Объективность исключений генерирует их восприятие как закономерности, абстрактное существование которой не оспаривается. Исключение в таком контексте — результат отражения правовой необходимости, вызываемой потребностью упорядочить определенный спектр общественных отношений.

Конкретизированной формой закономерности выступает случайность, поэтому каждый отдельный эпизод, связанный с исключениями (их нормативное оформление либо реализация) имеет субъективный характер.

Соответственно как абстракция исключение из правил — объективная закономерность; как непосредственный, имеющий место быть факт проявления — случайность, во многом субъективная.

Исключения в праве — уникальный феномен, позволяющий сочетать объективное и субъективное, закономерное и случайное, абстрактное и конкретное, обеспечивая тем самым максимальную эффективность правового регулирования.

Таким образом, исключение в праве — закрепленное в нормах права и выражающееся в официально признанных формах, объективированное в специальных терминах предписание, выступающее в качестве юридического средства регламентации общественных отношений, подразумеваю-

щее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему вариант регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей.

Признаками исключений в праве выступают следующие.

Во-первых, исключение — это НПП, представляющее государственно-властное веление, легитимированное надлежащим образом. На макроуровне исключение вместе с правилом образует магистральное предписание, что позволяет максимально полно регулировать соответствующие общественные отношения. На микроуровне исключение — предписание, подразумевающее альтернативный правилу вариант регуляции.

Исключение как предписание микроуровня предстает по отношению к правилу в виде: а) изъятия из правила; б) дополнения к правилу.

Во-вторых, исключение органически связано с правилом, выступая с ним в качестве парных категорий. Парность правил и исключений детерминирована их взаимообусловленностью. Исключения могут быть только из правила, а последнее не существует без исключений.

В-третьих, исключение как предписание коррелирует с правилом, выступая в качестве изъятия из правила или (и) дополнения к нему. Исключение-изъятие выводит из-под действия правила определенный компонент общественных отношений, подпадающих в целом под юрисдикцию этого правила. Основания подобного изъятия различны; наиболее точным объяснением существования исключений в праве служит потрясающее многообразие жизненных отношений, подпадающих под правовое регулирование. Однако не стоит вдаваться в крайности, безусловно определяя любое изъятие из нормы как исключение. Последнее предполагает не только изъятие, но и альтернативный правилу вариант регулирования.

Исключения-дополнения внедряют в правило какое-либо положение, позволяющее отступить от правила и реализовать иной вариант поведения.

Специфической чертой исключений-дополнений выступает то, что они внедряют в правило какое-либо положение, которое позволяет: 1) отступить от генерального предписания, предусмотренного правилом; 2) реализовать иную, по сравнению с правилом, линию поведения. Тем самым исключение-дополнение внедряет в правило какое-либо положение, позволяющее отступить от правила и реализовать иной вариант поведения.

При этом не стоит преувеличивать деление исключений на дополнения и изъятия. Грань между ними, бесспорно, присутствует, хотя на практике бывает достаточно тяжело определить, что, собственно, выступает в качестве «классического» изъятия либо дополнения.

Кроме того, субъект правотворчества может использовать исключение-изъятие и исключение-дополнение в комплексе для дости-

жения необходимой полноты регулирования правом общественных отношений.

При этом и исключения-изъятия, и исключения-дополнения, в том числе и для наглядного разграничения их с правилами, должны объективироваться в соответствующей терминологии.

В свою очередь, не стоит рассматривать оценочность понятия, подразумеваемого исключением, в качестве типичного признака, присущего абсолютно всем исключениям в праве.

В-четвертых, исключение в праве находит свое закрепление только в издаваемых или санкционируемых государством юридических нормах. Внешнее выражение исключения получает в официально признанных формах, объективируясь с помощью специальной терминологии.

В-пятых, исключение входит в инструментальный раздел права, является приемом юридической техники, служит особым юридическим средством, направленным на совершенствование правотворчества, оптимизацию правоприменения и обеспечения эффективности действия права в целом.

Наличие исключения из правила не должно являться самоцелью. Исключения создаются и претворяются в жизнь для организации эффективной модели правового регулирования. Тем самым исключение немислимо без целеполагания; за счет исключений у уполномоченных лиц возникает потенциальная возможность достижения социально значимой цели; более того, некоторые цели могут быть достигнуты только посредством реализации исключений.

Отличительным свойством целей, стоящих перед исключениями, является утилитарная направленность, сугубо практическое предназначение.

В качестве примера практической цели, достигаемой посредством реализации исключения из правила, можно привести подп. 1 п. 3 ст. 39 Налогового кодекса РФ. Согласно названной норме не признается реализацией товаров, работ или услуг осуществление операций, связанных с обращением российской или иностранной валюты (за исключением целей нумизматики).

В анализируемой ситуации наличие специальной цели (нумизматики) влечет констатацию того факта, что обращение валюты считается реализацией товаров, со всеми вытекающими правовыми последствиями.

О том, что данное положение является исключением из общего правила, свидетельствует как употребление термина «за исключением», так и разъяснение акта официального толкования. В частности, абз. 3 Письма МНС РФ от 31 марта 2000 г. № ДЧ-8-07/1477 гласит: «При этом в подп. 1 п. 3 ст. 39 Кодекса сделано исключение из общего правила — не признается реализацией товаров, работ или услуг осуществление операций, связанных с обращением российской или

иностранной валюты (за исключением нумизматики)» (Российский налоговый курьер. 2000. № 9).

Тем самым практическая деятельность (занятие нумизматикой), неизбежно связанная с денежными единицами, детерминирует появление в законодательстве исключения из унифицированного правила: в отличие от всех иных случаев, признавать обращение российской и иностранной валюты с целью нумизматики реализацией товара.

С этим во многом связана способность исключений конкретизировать положения правовых норм. Однако нельзя согласиться с тем, что конкретизация юридических предписаний — обязательная цель безусловно всех исключений. Некоторые исключения не конкретны, а, напротив, предельно абстрактны, что позволяет достигать обобщений, также необходимых в процессе правового регулирования.

Бесспорно то, что абсолютной целевой установкой выступает направленность исключений на обеспечение и удовлетворение законных интересов субъектов. О непосредственной устремленности исключений на охрану и защиту законных интересов участников правовых отношений недвусмысленно свидетельствуют формулировки соответствующих правовых актов. При этом исключения не просто обеспечивают надлежащую реализацию интересов, но и позволяют включать последние в орбиту правового регулирования.

Особенностью целевого предназначения исключений служит то, что они в доминанте своей направлены не столько на синтезирование интересов разнородных субъектов, сколько на сбалансирование интересов личности, общества и государства.

Последнее становится возможным вследствие особого рода сочетания нормативности права и исключений в праве.

Исключения позволяют легальным образом «раздвинуть» нормативные рамки права, не посягая на саму нормативную природу последнего, сделать его более восприимчивым к экономическим, социальным, духовным и иным факторам реальной жизни, максимально учитывать объективные и субъективные особенности последних.

В этом контексте цель исключений — обеспечить дифференцированность и оперативность права, что в конечном итоге даст возможность добиться наибольшей полноты и эффективности правового регулирования.

Подобный результат оптимален при наличии и сочетании множества факторов, среди которых основополагающий — прогрессивность и гуманистическая направленность права.

Исключения, содержащиеся в современном российском праве, отвечают критериям прогресса, демократии и гуманизма. Так, в некоторых нормативных актах имеются непосредственные предписания, определяющие гуманитарную направленность исключений, нацеленность их на охрану самого физического бытия человека.

В данном контексте уместно будет заметить соответствие части исключений концепции, связанной с юридической безопасностью субъектов права.

Если говорить об общей основной цели, характерной для всех исключений — это привнесение в правовое регулирование справедливости и гуманизма.

Достижение справедливости служит не только целью, но одним из основных условий появления исключений в праве. Реакция государства должна соответствовать как поведению, так и личности субъекта, условиям его жизни, обстоятельствам совершения деяния и прочим многочисленным и разнообразным реальным факторам. Для максимального и всестороннего их учета и нужны исключения из единых правил, ибо общими требованиями невозможно регламентировать все многообразие бытия. В противном случае государственно-правовое воздействие будет в конечном итоге несправедливым.

Гуманизм, равно как и справедливость, одновременно является и целевым предназначением, и источником исключений в праве.

В проекции к исключениям гуманизм наиболее ярко реализуется в уголовном и административном праве. Подобное положение обусловлено возможностью применения достаточно жестких санкций при наступлении уголовной или административной ответственности и, как следствие, необходимой особой защиты прав личности при осуществлении репрессии.

Юридическая ответственность образует нормативную конструкцию, которую составляют нормы материального и процессуального права, устанавливающие санкцию и другие меры принуждения, подлежащие применению в случае правонарушения, порядок (процесс) и последовательность осуществления данных мер, а равно норм, определяющих права лица, привлеченного к ответственности. Претворение в жизнь каждого из элементов данной нормативной конструкции происходит как по правилам, так и с использованием исключений из них. Подобное характерно для любой стадии реализации юридической ответственности.

Яркими примерами воздействия принципа гуманизма на возникновение исключений служит восприятие законодателем в качестве последних самых суровых видов наказаний — смертной казни и административного ареста.

Смертная казнь является исключительной мерой наказания, назначаемой за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ч. 1 ст. 59 УК РФ); административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды правонарушений (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ).

Перечень деяний, за которые могут быть назначены вышеуказанные виды наказаний, весьма ограничен, равно как и круг лиц, к которым они могут быть применены.

Надо особо отметить, что среди субъектов, не подверженных и смертной казни, и административному аресту, присутствуют несовершеннолетние.

Принцип гуманизма непременно заключается в учете особых психофизических качеств несовершеннолетних, что находит отражение в установлении относительно последних исключений из общих правил привлечения к административной и уголовной ответственности и применения наказания; порядка производства следственных действий; судебного разбирательства и т.д.

В частности, несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет, совершивший административное правонарушение, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав может быть освобожден от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних. При совершении серьезных, перечисленных в КоАП РФ относительно немногочисленных правонарушений несовершеннолетние подлежат административной ответственности на общих основаниях, но с определенными исключениями: во-первых, по данным составам административных правонарушений дела могут (а по всем остальным — должны) передаваться комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые могут применять соответствующие меры воздействия; во-вторых, они не подлежат административному аресту.

Применительно к уголовной ответственности примером исключений из правил служит ст. 96 УК РФ, согласно которой в исключительных случаях суд может применить положения главы 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних» к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет.

Признавая приоритет принципа гуманизма, не стоит все же абсолютизировать значение последнего в сфере юридической ответственности. В отдельных случаях исключения представляют собой дополнительные, более жесткие, по сравнению с общими, меры ответственности, необходимость которых объясняется как требованиями принципа справедливости, так и соображениями утилитарной целесообразности

Применительно к исключениям можно рассуждать и о так называемых «частных целях», сопутствующих основным и способствующим их достижению.

«Частными целями» исключений следует считать дозволения и ограничения. Подобный вывод базируется на том очевидном факте, что исключения по отношению к правилам всегда выступают в виде либо дозволения, либо ограничения.

Глубокий анализ норм российского права свидетельствует о доминировании среди исключений тех, которые имеют в качестве цели именно дозволение. Подобное объясняется эластичной сущностью исключений, их направленностью на привнесение необходимой эластичности нормативному регламентированию, смягчению и приданию гибкости жестким рамкам последнего. Дозволительный характер исключений детерминирован современными тенденциями развития права, закономерным итогом развития социума.

Вместе с тем в механизме правового регулирования весьма важная роль принадлежит феномену, прямо противоположному, но не противостоящему дозволению — ограничению.

Корреляционная зависимость исключений и ограничений базируется на том, что ограничения по природе своей сообщают об уменьшении объема возможностей и свободы. Именно то, что ограничения подразумевают сужение прав, позволяет считать их в какой-то степени исключениями из правил регулирования общественных отношений.

В этом смысле, не отрицая важности правовых ограничений, следует согласиться с необходимостью обязательного указания на те цели, достижение которых требует ограничения прав и свобод. Квинтэссенция здесь такова: раз ограничения лимитируют права, то они воспринимаются как исключения из общих, основанных на дозволениях правил; для оправдания введения таких исключений нужно объяснение их целей.

В еще большей мере подобная позиция актуальна для тех ограничений, в отношении которых особо оговорено, что они являются исключениями из правил. Поэтому стоит признать абсолютно верной, например, диспозицию ч. 2 ст. 213 ГК РФ: «Количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются, за исключением случаев, когда такие ограничения установлены законом в целях, предусмотренных пунктом 2 статьи 1 настоящего Кодекса».

От целевой направленности исключений, связанной с наличием в качестве цели дозволения либо ограничения, зависит их функциональная нагрузка. Функции, выполняемые исключениями, можно типизировать на стимулирующие и ограничительные; гарантирующие и компенсационные.

Огромное количество исключений, чрезвычайное многообразие форм их проявления, поражающая неоднородность и широчайший спектр применения детерминируют необходимость группировки и систематизации исключений. Способность исключений к классификации подтверждается тем, что исходные начала классификации — универсальность и фундаментальность — органически проецируются на такие базовые качества исключений, как всеобщность и объективность.

18.2. Классификация исключений в праве

Классификация исключений на разряды, виды, типы производится по различным критериям.

В зависимости от способа воздействия на правило исключения стратифицируются на исключения-изъятия и исключения-дополнения. Механизм воздействия подобных исключений на правила был подробно проанализирован выше.

Важнейшее значение при классификации исключений имеет телеологический подход, поскольку поставленные цели объясняют и оправдывают присутствие в праве такого специфического феномена, как исключение из правил.

По целевой направленности исключения в праве подразделяются на дозволения и ограничения. Развивая данную мысль, стоит признать, что исключения в праве олицетворяют собой или дозволения, или ограничения — иного, как думается, быть не может.

Дозволение и ограничение коррелируют друг с другом в проекции к бинарной группе иного порядка: «правило — исключение».

Соответственно, если в качестве правила предстает дозволение, то исключением из него может быть только ограничение; в ином случае, если правило носит ограничительный характер, исключением выступает дозволение.

Смысл исключения-ограничения состоит в секвестировании дозволенного диапазона юридических возможностей субъекта посредством изъятия соответствующего правомочия или (и) внедрения дополнения, нивелирующего это правомочие.

Исключение-ограничение — комплексный феномен, включающий в себя исключения-запреты, исключения-обязывания, исключения-ограничения (в узком, непосредственном смысле). Суть таких исключений отражается в запрещающем, обязывающем, ограничивающем компоненте регулятивного воздействия права.

Что же касается иных разновидностей ограничений (наказаний, лимитов, пределов, цензов, мер принуждения и мер пресечения), то они не представляют собой исключений из правил. Данные категории являются правилами ограничительного характера, которые, что вполне естественно, могут сопровождаться исключениями.

Смысл исключения-дозволения состоит в увеличении диапазона юридических возможностей субъекта посредством изъятия положения, ограничивающего соответствующие правомочия или (и) внедрения дополнения, умножающего такие правомочия, либо расширяющее их пределы.

В качестве автономного образования в число исключений-дозволений входят исключения-преимущества. Суть таких исключений заключается в том, что сокращение ограничений посредством их изъятия или (и) увеличение правомочий посредством дополнения обеспечивает предпочтения (приоритет, превосходство, прерогативы)

для тех субъектов, при определении правового статуса которых были установлены соответствующие изъятия или (и) дополнения.

Исключениями-преимуществами выступают не все правовые преимущества, а только льготы, привилегии, иммунитеты.

Важным критерием классификации исключений служит степень их определенности. По этому основанию исключения в праве можно стратифицировать следующим образом: 1) точно определенные — их существование детерминировано конкретизирующим эффектом некоторой части исключений; 2) относительно определенные, которые в свою очередь подразделяются на: а) устанавливающие (хотя и в диспозитивном аспекте) общие начала и порядок реализации исключений; б) указывающие лишь на причину, в соответствии с которой можно задействовать исключение из правила; 3) абсолютно неопределенные — в норме права содержится лишь оговорка о принципиальной возможности их существования.

Исключения можно также подразделять на исключения из правил и исключения из исключений. Выделение последней группы достаточно условно, хотя данное выражение, обозначающее изъятие либо дополнение по отношению не к правилам, а уже к исключениям, используется в юридической литературе, равно как и находит свое отражение в некоторых правовых актах.

По названию исключения можно стратифицировать на: а) исключения, при обозначении которых используется само слово «исключение», выраженное в различных нормативно-правовых терминах; б) исключения, не обозначенные каким-либо специальным термином, а завуалированные иными фразеологическими оборотами.

В качестве примера первого варианта можно привести статью 25 Указа Президента Российской Федерации от 14 декабря 2020 года № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации», где установлено: «В случае принятия Президентом Российской Федерации решения об отклонении ходатайства о помиловании повторное рассмотрение обращения осужденного допускается не ранее чем через год со дня принятия такого решения, за исключением случаев возникновения новых обстоятельств, имеющих существенное значение для применения акта помилования»¹.

18.3. Терминологическое выражение исключений в праве

Словосочетания «правовое исключение», «юридическое исключение», «исключение в праве» являются синонимичными, однако именно последнее представляется наиболее выверенным, позволяющим

¹ Российская газета. — 2020. — 16 декабря.

однозначно, без каких-либо оговорок утверждать, что исключение из правил — сугубо правовой феномен.

Исключение в праве — правовое понятие, выполняющее номинативную функцию и обозначающее ключевой смысл в юридической норме. При этом исключение в праве выступает сугубо научным понятием, подразумевающим явление, которое имеет место в регулировании общественных отношений: санкционирование иного, отличного от общеустановленного, варианта поведения.

Понятие «исключение в праве» объективируется во внешнем мире в фонетическо-знаковой форме — юридических терминах, посредством которых происходит имплементация указанного понятия в текст юридической нормы. К таким терминам относятся прежде всего следующие: «за исключением случаев», «исключительный случай», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения».

При этом словами-доминантами, позволяющими термину наиболее точно отображать правовое понятие, выступают слова «исключение» и «случай»; соответственно, базовым, консолидирующим термином служит словосочетание «за исключением случаев». Данный термин представляется наиболее оптимальной формой выражения понятия «исключение в праве» не столько из-за преобладания указанного юридического термина в текстах нормативных актов (количественный аспект), сколько по причине наиболее адекватного отражения сути рассматриваемого явления (качественная сторона проблемы). Здесь можно предложить следующий алгоритм проявления понятия «исключение в праве» посредством термина «за исключением случаев»: норма устанавливает правило, которое действует в качестве унифицированного обязательного стандарта, за исключением специально оговоренных случаев.

Таким образом, в результате использования термина «за исключением случаев» становится возможным правовое регламентирование жизненного случая (казуса, факта, ситуации, обстоятельства), который: а) достаточно редко встречается на практике; б) обладает определенной спецификой, атипичной природой, что и позволяет характеризовать его как исключение из правила.

В свою очередь под термином «исключительный случай» следует понимать нуждающуюся в правовом регламентировании нетипичную, особую жизненную ситуацию, для урегулирования которой применяются исключительные, отличные от общеустановленных правил предписания.

Определяющими свойствами исключительного случая выступают: а) отсутствие жесткой закреплённости, приблизительный и открытый их перечень; б) предельно широкая возможность их усмотрения, констатации и разрешения; в) неоднозначный, экстраординарный характер.

Такие же качества присущи явлениям, охватываемым выражением «за исключением случаев», однако далеко не всем, а лишь отдельной их части.

Линия раздела между терминами «за исключением случаев» и «исключительный случай» должна быть основана на следующих критериях.

Во-первых, диапазон констатации исключительных случаев является предельно широким, что объясняется невозможностью создания исчерпывающего перечня необычных жизненных казусов. Термин «за исключением случаев» может подразумевать как весьма неконкретизированные ситуации, так и моменты, четко оговоренные в нормативном акте. Последнее детерминирует обращение законодателя к использованию слова «случай» в единственном числе — «за исключением случая».

Во-вторых, установление и разрешение исключительных случаев всегда выступает прерогативой управомоченного субъекта. Термин «за исключением случаев» может также обозначать казус, отданный на разрешение соответствующего субъекта, но может иметь императивный, не допускающий никакой свободы выбора характер.

В-третьих, в формулировке термина «исключительный случай» акцент делается на экстраординарность, необычность события, в результате чего оно и признается исключительным случаем. В речевом обороте «за исключением случаев» приоритет отдается слову «случай» — жизненной ситуации, которая может быть самой заурядной, обыденной, но волей законодателя обозначенная как исключение из общего правила.

На практике термины «за исключением случаев» и «исключительный случай» могут сочетаться, корреспондировать друг с другом для достижения максимальной эффективности правового регулирования.

В контексте подвергнутых анализу терминов «за исключением случаев» и «исключительный случай» в должны изучаться и такие словосочетания, как «случай, не терпящий отлагательства», «особый случай», «необходимый случай», «чрезвычайная ситуация».

«Случай, не терпящий отлагательства» можно рассматривать в следующих ракурсах: а) как самостоятельный нормативный термин, заслуживающий отдельного научного изучения и теоретического осмысления; б) как синоним исключительного случая, с той лишь спецификой, которая заключается в подчеркнутом указании на необходимость незамедлительного юридического реагирования на ту или иную жизненную ситуацию; в) как синоним термина «за исключением случаев» — в той части, которая обозначает не конкретизированные правом жизненные ситуации.

«Особый случай», напротив, тождественен выражению «за исключением случаев», подразумевающему детальную регламентацию констатации исключений. Характерной чертой особых случаев является как

четкое определение казусов, воспринимаемых законодателем в качестве особых случаев, так и предельно конкретные способы их разрешения. Подобный вывод распространяется и на такой нормативно-правовой термин, как «отдельный случай», что позволяет говорить об их идентичности. При этом недопустим формальный подход, состоящий в автоматическом признании исключения лишь по признаку использования словосочетаний «особый случай» или «отдельный случай».

Последнее относится и к характеристике такой языковой единицы, как «необходимый случай», равно как и к обороту «в случае необходимости». Очевидно, что всякий исключительный случай является необходимым с точки зрения его разрешения; однако не каждый случай, по которому необходимо принимать решение, обязательно является исключительным.

В нормативном аспекте термин «чрезвычайная ситуация» обладает достаточно жесткими атрибутивными качествами. Данное выражение имеет четкую законодательную дефиницию, толкование которой позволяет сделать вывод, что чрезвычайная ситуация — детерминант существования целого юридического комплекса правил и исключений из них.

В проекции к исключениям важную роль детерминанта усмотрения последних приобретают такие словосочетания, как «особые обстоятельства», «исключительные обстоятельства», «уважительные причины», «особые условия».

Конструкция нормативных предписаний, содержащих выражение «исключительные обстоятельства», условно выглядит следующим образом: а) причина, по которой случай попадает в разряд исключений; б) указание на наличие исключительных обстоятельств и примерный их перечень; в) обязательная оговорка о возможности констатации других (иных) исключительных обстоятельств. Качественная оптимальность и количественная множественность выражения «исключительные обстоятельства» детерминировали существование такой его лексической версии, как «исключительные личные обстоятельства».

Термин «исключительные обстоятельства» синонимичен выражению «особые обстоятельства», а также «чрезвычайные обстоятельства». Отличительным свойством последних выступает довольно ограниченный характер, связывающий их появление с какими-либо происшествиями природного либо техногенного характера.

Словосочетание «уважительные причины» служит фактором, позволяющим усмотреть и констатировать исключения в праве.

Наиболее широким значением в изучаемом терминологическом ряду обладает выражение «особые условия». В зависимости от конкретики имплементации данного термина в норму права, особые условия можно понимать как: 1) синоним исключительных (особых) обстоятельств; 2) отдельные (специальные) правила; 3) наиболее важное

значение данного термина, связанное с тем, что особые условия подразумевают не обстоятельства и не правила, а собственно исключения.

Возвращаясь к терминам, непосредственно обозначающим исключения, стоит заметить, что термин «за исключением случаев» выступает в качестве базового для словосочетаний «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения». Исключительный случай — весьма специфический термин, обладающий автономной природой, предназначенный для освещения отдельных аспектов понятия «исключение в праве».

Нормативный термин «за исключением» используется тогда, когда в тексте нормы, содержащей правило, точно определяется, что следует считать исключением из него. Указанная коммуникативная единица речи достаточно часто фигурирует в названиях нормативных актов.

Нормативный термин «в порядке исключения» предполагает четкий алгоритм действий, позволяющих применять исключительное предписание. Подобное, несомненно, связано со стремлением субъектов правотворчества максимально, насколько возможно, регламентировать реализацию исключений.

Термин «в порядке исключения» не следует отождествлять с выражением «особый (либо исключительный) порядок». Последнее олицетворяет собой не исключение, а специальное (по отношению к общему) правило.

Нормативный термин «в виде исключения» необходим для акцентирования внимания на том, что конкретное нормативное положение, допускающее выход за рамки единых правил, является именно исключением из них; усилить его восприятие как исключения из правил; устранить всякое сомнение в том, что это — исключение.

В современном правотворчестве термины, обозначающие исключения, используются хаотично, без какого-либо учета их смысловой нагрузки. Между тем субъективное усмотрение в правотворчестве по отношению к терминологии исключений значительно увеличивает возможность злоупотребления исключениями.

Соответственно, в теории исключений необходим понятийный аппарат, представляющий собой единую терминосистему. Предлагаемая терминологическая концепция должна находить свое воплощение не только в рамках исследования исключений, но и, что самое главное, реализовываться в ходе создания различного рода правовых актов.

18.4. Исключения в праве как прием юридической техники

Правовая система России, при всем ее своеобразии, наиболее приближена к романо-германской правовой семье; следовательно, именно НПА выступает в качестве основной формы материализации исключений, что, наряду с определенностью и объективизацией, означает и их официальное признание.

Исходя из общепризнанного деления НПА на законы и подзаконные акты, необходимо дать характеристику законам, содержащим исключения из правил. Подобные законы относятся к специальным законам, содержащим, соответственно, специальные нормы.

Способность юридической нормы относить законы к общим или специальным обуславливает постановку вопроса и о существовании законов-исключений. В качестве примера можно привести имеющие место быть в праве дореволюционной России так называемые законы-привилегии (Е. Н. Трубецкой).

В массиве современных НПА отдельные законы-исключения хотя и встречаются, но крайне редко.

Подобное объясняется тем, что, издавая закон, субъект законотворческого процесса стремится максимально полно и широко охватить пласт подвергаемых регламентации отношений. Это принципиально достижимо только тогда, когда закон представляет собой предельно целесообразный синтез правил и исключений.

В настоящее время можно с абсолютной уверенностью констатировать, что любой из действующих российских законов (вне зависимости от видовой принадлежности) содержит как правила, так и исключения.

Фиксация исключений в законах детерминирует вопрос о взаимосвязи таких исключений с правилами, находящимися в подзаконных НПА.

Высшая юридическая сила закона, а также приоритет специальной нормы при конкуренции с общей дают однозначный ответ, что исключения, имеющие место быть в законах, доминируют над правилами, сформулированными в подзаконных НПА.

В свою очередь подзаконные НПА в значительно большей степени, чем законы, могут представлять в виде отдельного акта-исключения. Это обусловлено тем, что подзаконные НПА, предназначение которых — детализация положений законов, априористалкиваются с многообразием общественных отношений, для урегулирования которых и нужны исключения.

Однако факт преобладания подзаконных актов-исключений над законами-исключениями хотя и имеет реальную основу, носит все же умозрительный характер. На практике существование отдельных актов-исключений в любом случае наблюдается неизмеримо меньше относительно иных методов фиксации исключений в НПА. Подобное касается как законов, так и подзаконных НПА.

Наибольшее распространение получило внедрение исключений в НПА посредством их закрепления статьей нормативного акта. Концентрация исключения из правил в отдельной статье, безусловно, выступает наиболее оптимальным путем включения их в текст НПА.

Однако надо отметить, что в правотворчестве формула «отдельная статья / норма-исключение» является менее распространенной, чем

модель «статья, а в ней самостоятельными частями, пунктами, подпунктами, абзацами — правила и исключения».

Соответственно, в зависимости от диапазона исключения можно предположить следующую градацию его выражения в статье НПА (по убывающей): часть, пункт, подпункт, абзац. Данная схема гипотетически предусматривает пирамидальную конструкцию: если часть или пункт содержат исключение, то оно распространяется соответственно на пункты или подпункты.

В контексте рассуждения о структурных единицах нормативного акта, в которые включаются исключения, необходимо также упомянуть примечания и приложения, в которых исключения либо выделяются отдельным образом (примечания), либо уточняются, толкуются, порождая сложные законодательные конструкции (приложения).

Идеальное сочетание содержания и формы (в данном случае исключения и структурной единицы НПА) не всегда достижимо, а иногда и нецелесообразно. Наиболее прагматичным и оптимальным способом внедрения исключения в текст НПА служит такой технико-юридический феномен, как законодательная оговорка. Подобное можно объяснить тем, что за счет оговорки достигается максимальное приближение исключения к правилу, в том числе, что немаловажно, и в одной фразеологической единице текста. В частности, в одно и то же предложение можно включить и правило, и исключение из него. Это в свою очередь создает удобства для субъектов реализации права, позволяя даже визуально определять исключение из единого правила.

Именно оговорка, обеспечивая текстуальное и смысловое единство правила и исключения, обуславливает выполнение требования о том, что «правило должно излагаться до исключения».

Признавая достоинства оговорки как наилучшего способа внедрения исключения в НПА, не стоит все же считать оговорку идеальным средством фиксации исключений.

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что многие оговорки носят предельно широкий характер. В частности, в текстах НПА нередко встречаются такие формулировки (в различных вариациях), как «за исключением случаев, установленных международным договором Российской Федерации или федеральным законом», «за исключением случаев, установленных федеральным законом», «за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством»

Такие оговорки играют отрицательную роль, при которой совершенно игнорируются сложности, связанные со знанием и учетом абсолютно всех, где-либо зафиксированных исключений, создают ненужную каверзность при реализации права и детерминируют негативное отношение к исключениям в целом.

Представляется необходимым безусловное отнесение исключений к правотворческой составляющей юридической техники (далее — ЮТ).

Как подтверждение можно привести следующий алгоритм: 1) исключение нормативно оформляется только за счет правотворчества — в процессе правотворчества создаются нормы, в которых закрепляются исключения; 2) посредством исключения субъект правотворчества санкционирует изъятие из правила либо дополнение в правило (иногда — совокупность изъятий и дополнений); 3) результат применения приема исключения в правотворчестве — появление альтернативной праву разновидности регулирования, выраженной в нормативном правовом акте (НПА).

Сказанное не означает отрицания потребности в исключениях, в том числе в ракурсе ЮТ, в ходе формулирования и издания правоприменительных и правоинтерпретационных актов. Но магистральное положение исключения, как технико-юридический прием, приобретают именно в правотворческой технике.

Обозначение исключения в качестве технико-юридического приема является достаточно устойчивым (С. С. Алексеев, Т. В. Кашанина). Однако в данном ракурсе можно выделить три реально существующих подвида исключений: 1) исключения, характеризующиеся сугубо технической направленностью, предназначенные для словесно-документального структурирования содержания акта; 2) исключения, затрагивающие содержание НПА и необходимые для отражения воли законодателя; 3) исключения, синтезирующие в себе как технические, так и содержательные свойства.

При этом даже исключения первой группы содействуют оптимизации качества НПА. Что же касается двух последних разновидностей исключений, то они непосредственно влияют на положения НПА.

Способность исключений достигать требуемой абстракции и необходимой конкретности более чем востребована при изложении правового материала. Исключения как технико-юридический прием нужны в правотворчестве потому, что с их помощью можно добиваться как максимально абстрактных обобщений, так и предельно конкретизировать фактические реалии, обладающие к тому же атипичными качествами. Более того, ценность исключений состоит в том, что они позволяют синтезировать абстрактное и конкретное даже в одном структурном элементе НПА.

В контексте восприятия исключения как технико-юридического приема вызывает решительное возражение отождествление средств и приемов ЮТ (М. Л. Давыдова). Прием ЮТ направлен на оптимальное выражение воли субъекта правотворчества в юридической норме (как содержании) и в НПА (как в форме). Исключения как прием ЮТ необходимы для экстраполяции в правовую норму, и соответственно в НПА, иного по отношению к правилу варианта регламентации общественных отношений.

Акцентирование внимания на соотношении нормы права и НПА не случайно, ибо исключения во многом гарантируют столь необходимую взаимосвязь содержания и формы.

Данный вывод базируется на заявленном выше утверждении о восприятии исключения как нормативно-правового предписания (НПП).

С одной стороны, исключение как прием ЮТ способствует имплементации исключения-предписания (микроуровень) в норму права, объективированной в НПА.

С другой стороны, и это самое главное, исключение как технический прием интегрирует исключение-предписание, содержащееся в норме, в структурный элемент НПА, обеспечивая в последнем единство правил и исключений, создавая НПП на макроуровне.

Таким образом, исключение как прием юридической техники обеспечивает сочетание высокого уровня абстракции и обязательной конкретности, необходимых при закреплении в юридической норме правового предписания, предусматривающего дополнение к правилу или (и) изъятие из него.

18.5. Исключения в праве и судебная практика: аспекты взаимосвязи

Судебная практика — более широкое, объемное понятие, чем судебный прецедент и правовая позиция. Последние являются элементами судебной практики, корреспондирующие правотворчеству или толкованию. Однако судебная практика не ограничивается лишь правотворчеством и толкованием. Исходя из базового определения юридической практики, можно предположить, что судебная практика обязательно (иное, как думается, и немислимо) включает в себя правоприменение. Применяя право, суд и отправляет правосудие, выполняет правозащитную и правоохранительную функции.

Именно сочетание таких компонентов, как правотворчество, толкование права и правоприменение предопределило необходимость научного анализа соотношения судебной практики и исключений в праве. Ведь только суд может и издавать, и толковать, и применять исключения из правил.

Можно отметить уникальность корреляции исключений с судебной практикой. Это обусловлено тем, что судебную практику следует трактовать как синтез, включающий в себя судебное правотворчество, судебное толкование, правоприменение, а также судебный контроль. С указанными разновидностями судебной деятельности корреспондируют такие акты, как судебные прецеденты, правовые позиции, правоприменительные акты, а также акты судебного контроля.

В проекции взаимосвязи судебной практики с правотворчеством стоит выразить солидарность с позицией ученых, считающих, что

судебная власть способна выполнять нормотворческую функцию (М. Н. Марченко, В. Д. Зорькин, П. А. Гук).

Результатом реализации этой функции служит создание правовой нормы. Данные нормы находят свое выражение в такой юридически значимой форме, как судебный прецедент, создание которого — прерогатива высших судебных органов государства. Судебное правотворчество соотносится с судебным нормотворчеством как форма (прецедент) и содержание (юридическая норма).

В соответствии с нашей позицией именно нормы-исключения должны превалировать в судебном нормотворчестве, ибо созданная высшим судебным органом норма априори предстает в качестве исключения из того правила, которое и подвергалось судебному рассмотрению.

Судебная норма-исключение характеризуется следующими качествами: а) обладает конкретизирующими свойствами; б) непосредственно связана с рассмотрением судом какого-либо казуса; в) предполагает (как и всякое исключение) альтернативный правилу вариант регламентации.

Следует привести примеры судебных актов, учреждающих и формулирующих нормы-исключения. В частности, диспозиция ч. 1 ст. 74 УК РФ устанавливает, что суд может отменить условное осуждение и снять с осужденного судимость по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного. Однако определением Конституционного Суда РФ признано, что вышеуказанные положения УК РФ не препятствуют условно осужденному обращаться в суд с ходатайством об отмене условного осуждения и снятии судимости по собственной инициативе, и предлагается судам рассматривать такие ходатайства по существу, независимо от наличия представления органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного (Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 342-О «По жалобе гражданина Сидорова Степана Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 УК РФ и частью первой статьи 399 УПК РФ» // Российская газета. 2004. 17 дек.).

Таким образом, Конституционный Суд РФ выработал исключение из правил УК РФ и УПК РФ (ч. 1 ст. 399).

Немаловажное значение относительно исключений имеет судебное толкование. Оно освещает такие аспекты, как: потенциальная вероятность наличия исключений из правил в сфере правовой регламентации; объяснение сути и смысла исключения; особенности реализации исключений в деятельности суда.

Надо отметить, что суд никогда не отвергал саму идею существования исключений из правил. Так, Конституционный Суд РФ в своих актах неоднократно использовал само понятие «исключение», допу-

ская, например, возможность их установления либо объявляя, что то или иное предписание выступает, по мнению суда, исключением.

Эффективность реализации юридических исключений в значительной мере зависит от уровня и качества их применения судами. Судебная практика активно использует это, казалось бы, редкое технико-юридическое средство. В этой связи всего одна иллюстрация.

Машинный просмотр решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет употребления словосочетания «за исключением» показал, что таких решений 3870. Легко представить себе масштабы обращения судов к рассматриваемому технико-юридическому средству, если «проследить» все его терминологические обозначения. Число его употреблений возрастет на несколько порядков.

Необходимо отметить, что понятие «за исключением» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации обычно применяется в двух аспектах:

- при дословном воспроизведении юридической нормы, в которой оно есть (судя по выборочному просмотру — большинство случаев);
- в ходе рассуждений Конституционного Суда России, не формирующих непосредственно новое (как результат рассмотрения дела) правило поведения, а лишь подводящих к нему.

Понятно, что такого рода «исключения» не являются исключениями в правотворческом смысле, но они, без сомнения, находятся в проблемном поле юридических исключений.

Интересно отметить: исключения в постановлениях Конституционного Суда (в резолютивной части) обычно выражаются не понятием «за исключением», а другим весьма оригинальным технико-юридическим способом.

Чтобы была понятна правовая природа такого рода юридических исключений, полагаем нужным привести несколько конкретных неординарных актов Конституционного Суда Российской Федерации.

Постановление от 27 октября 2015 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского Кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. С. Билера, П. А. Гурьянова, Н. А. Гурьяновой, С. И. Каминской, А. М. Савенкова, Л. И. Савенковой и И. П. Степанюгиной» гласит: «1. Признать пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации в части, позволяющей подтверждать соблюдение письменной формы договора «иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота», не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в этой части его положения, закрепляющие требования к форме договора

банковского вклада, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не препятствуют суду на основании анализа фактических обстоятельств конкретного дела признать требования к форме договора банковского вклада соблюденными, а договор — заключенным, если будет установлено, что прием от гражданина денежных средств для внесения во вклад подтверждается документами, которые были выданы ему банком (лицом, которое, исходя из обстановки заключения договора, воспринималось гражданином как действующее от имени банка) и в тексте которых отражен факт внесения соответствующих денежных средств, и что поведение гражданина являлось разумным и добросовестным» (курсив наш — В. Б., С. С.)

Фактически, здесь зафиксировано, что установленное этим конституционным истолкованием правило поведения применяется, за исключением случая, когда поведение гражданина не являлось разумным и добросовестным.

Не менее интересен другой документ Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционного положения пункта 1 статьи 302 Гражданского Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» отмечается: «2. Признать положение пункта 1 статьи 302 ГК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой оно допускает истребование как из чужого незаконного владения жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя, который при возмездном приобретении этого жилого помещения полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску соответствующего публично-правового образования в случае, когда данное публично-правовое образование не предприняло — в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом — своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество».

В данном случае, как видим, истребование возможно, за исключением случая, когда публично-правовое образование не предприняло соответствующие меры.

Имеется в практике Конституционного Суда России еще одна интересная модель — когда фактически неконституционным является отсутствие исключения. Так, Постановление от 7 апреля 2020 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности частей 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой акционерного общества «РСК» констатиру-

ет: «3.2. Таким образом, оспариваемые заявителем части 3.2 и 3.3 статьи 4.1 КоАП Российской Федерации допускают возможность не более чем двукратного снижения минимального размера административного штрафа, составляющего для юридических лиц не менее ста тысяч рублей, благодаря чему предоставляют органам и должностным лицам административной юрисдикции действенное средство для справедливого и пропорционального содеянному реагирования на совершенное противоправное деяние. Данные нормы обеспечивают индивидуализацию административного наказания и фактически улучшают правовое положение юридического лица, привлекаемого к административной ответственности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 года № 1738-О). Части 3.2 и 3.3 статьи 4.1 КоАП Российской Федерации были введены в него Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 515-ФЗ «О внесении изменений в статью 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (пункт 3) с целью приведения положений этого Кодекса в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой отсутствие возможности назначения юридическому лицу административного наказания в виде административного штрафа ниже низшего предела соответствующей административной санкции в случае, если он имеет значительный размер, не позволяет, вопреки требованиям Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 31 (часть 1), 35 (части 1, 2 и 3) и 55 (часть 3), наиболее полно учесть характер совершенного правонарушения, имущественное положение правонарушителя, а также иные имеющие существенное значение для индивидуализации ответственности обстоятельства и тем самым обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания (постановления от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П, от 8 апреля 2014 года № 10-П; Определение от 14 мая 2018 года № 1114-О и др.).

Приведенные разноплановые примеры из практики Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют о реальной регулятивной силе юридических исключений, их ценности для обеспечения законности, справедливости и единообразия судебных актов, использующих анализируемое технико-юридическое средство.

Аналогичным образом терпимо оценивают присутствие исключений в праве Верховный Суд РФ и действовавший до момента его упразднения Высший Арбитражный Суд РФ.

Толкование высшими судебными органами исключений связано главным образом с разъяснением той или иной терминологической формы воплощения понятия «исключение в праве». Подобное, несомненно, важно, ибо именно в соответствующих терминах исключение объективируется в актах правотворчества.

Толкование исключений не имеет умозрительный характер, непосредственно отражаясь в работе нижестоящих судебных органов. Для того чтобы применить норму, содержащую исключение, суд должен уяснить для себя и разъяснить для других, почему тот или иной случай (обстоятельство) воспринимается как исключение из правила.

Правоприменение как основная форма выполнения судами своих функций не может выполняться без исключений, ибо в процессе рассмотрения дела судья знакомится с поразительно широким спектром общественных отношений и разнородным составом их участников. Реализация исключений в доминанте своей выступает для суда в качестве альтернативы, ибо для констатации и разрешения исключений нужны правовые положения относительно определенного характера, реализация которых зависит от усмотрения правоприменителя — судьи. Наглядным, хотя, конечно, не единственным примером реализации исключений в судебной деятельности выступает ст. 64 УК РФ, суть и эволюция которой, подкрепленная в том числе конкретными данными судебной статистики, представлена в диссертации.

Судебный контроль в отношении исключений имеет дуалистическую природу: с одной стороны, это судебный нормоконтроль, т.е. контроль за нормами, в которых фиксируются исключения, с другой — контроль за реальным применением исключений как судами, так иными уполномоченными на то субъектами.

Реакция высших судебных органов на присутствие исключений в положениях нормативных актов обладает основополагающим характером, легитимируя исключения либо, наоборот, отрицая правомерность последних.

Нередко нормоконтроль за исключениями, осуществляемый высшими судебными органами, перекликается с деятельностью Европейского суда по правам человека.

Вопросы для самоконтроля

1. Нарушает ли исключение из нормативного предписание данное предписание в целом.
2. Определите механизм воздействия исключения на правило
3. Назовите функции, выполняемые исключениями в праве
4. Охарактеризуйте действие исключения, выступающего в качестве дополнения к правилу
5. Назовите основные и частные цели присутствия исключений в праве
6. Охарактеризуйте основной способ имплементации исключения в текст нормативного правового акта

Тестовые задания

- 1) Базовым термином в терминотомии исключений в праве выступает:
 - а) за исключением случаев

- b) в виде исключения
 - c) исключительный случай
- 2) Исключение как прием юридической техники способствует:
- a) нарушению действующего законодательства
 - b) обеспечению гибкости и дифференцированности правовой регламентации
 - c) конкретизации юридических предписаний
- 3) Исключение как инструмент юридической техники относится к приемам:
- a) сугубо технического характера
 - b) содержательного характера
 - c) интегрирующего в себе как содержательные, так и технические характеристики

Рекомендуемая литература

1. *Байдарова М.А.* Механизм реализации исключений в праве: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.
2. *Баранов В.М.* Законодательное исключение: доктрина, практика, техника. Рецензия на монографию С.Ю. Суменкова «Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ» (Саратов, 2012. 348 с.) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2013. № 23. С. 232–234.
3. *Баранов В.М.* Правовые исключения: теория, практика, техника // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2017. № 1 (37). С. 145–157.
4. *Муравьев И.А.* Законодательное исключение: теория, практика, техника: автореф. дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.
5. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012.
6. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016.
7. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2016.
8. *Суменков С.Ю.* Исключения в механизме правового регулирования. М., 2019.

Раздел 19

ОФОРМЛЕНИЕ ПРОЕКТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

19.1. Общие требования по оформлению проекта нормативного правового акта

Проект нормативного правового акта должен быть оформлен в соответствии с общими требованиями, предъявляемыми к оформлению организационно-распорядительных документов, и теми особенностями, которые установлены для их конкретных видов.

Проект нормативного правового акта печатается на бланке установленного образца с использованием текстового редактора Microsoft Word или в другом, совместимом с ним формате, шрифтом TimesNewRoman размером 13–15 пт с межстрочным интервалом 12–24 пт¹.

Бланки имеют обязательные реквизиты, расположенные в установленном порядке. Они изготавливаются на стандартных листах бумаги (в некоторых случаях — на бумаге светлых тонов) формата А4 (размером 210 × 297 мм).

Каждый напечатанный лист проекта нормативного правового акта имеет следующие размеры полей: левое — от 2,5 до 3,5 см; правое — от 1,25 до 2,5 см; верхнее — не менее 2,5 см; нижнее — не менее 2 см.

При оформлении текста на двух и более страницах вторая и последующие страницы должны быть пронумерованы. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами без слова «страница» (с.) и знаков препинания.

В проекте не может быть помарок и исправлений.

Каждый проект нормативного правового акта имеет соответствующие реквизиты.

Реквизиты — это обязательные элементы оформления документа. Их состав может быть различен в зависимости от вида нормативного правового акта и органа (должностного лица), который его принимает (издает). Но каждый проект нормативного правового акта должен

¹ Пункт (пт) — единица измерения (1/72 дюйма), используемая в текстовом редакторе Microsoft Word для определения величины интервала.

иметь определенный состав их реквизитов и порядок их расположения.

Реквизиты проекта нормативного правового акта, как и письменного документа в целом, подразделяются на два вида:

- общие (общеобязательные);
- особенные (специфические).

Общие реквизиты обязательны для всех видов проектов нормативных правовых актов.

К ним относятся: наименование органа (организации); наименование вида акта; заголовок акта; текст акта; подпись; дата принятия; регистрационный номер; место издания.

Наименование органа (организации) содержит информацию об официальном названии органа, которая указана в его статусном документе.

Наименование вида нормативного правового акта свидетельствует о его принадлежности к системе правовых актов по признакам содержания и целевого назначения (приказ, инструкция, правила и т.д.).

Заголовок выражает краткое содержание нормативного правового акта, его смысловую нагрузку.

Текст отражает основное смысловое содержание проекта нормативного правового акта. Требования, предъявляемые к нему, рассмотрены ранее.

Подпись включает в себя наименование должностного лица, подписывающего нормативный правовой акт, саму подпись и ее расшифровку.

Дата указывает на время подписания нормативного правового акта и проставляется после его подписания.

Регистрационный номер фиксирует факт создания нормативного правового акта и его занесения в учетные документы.

Место издания фиксирует город (населенный пункт), в котором расположен орган, издавший нормативный правовой акт (согласно юридическому адресу).

Особенные реквизиты обязательны для отдельных видов нормативных правовых актов или каждого конкретного проекта.

В числе таковых: герб РФ; эмблема организации; гриф согласования; визы согласования; гриф ограничения доступа; пометка «Проект».

Государственный герб Российской Федерации изображается на нормативных правовых актах Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов государственной власти.

Эмблема, если таковая имеется, изображается на нормативных правовых актах, принимаемых соответствующим органом.

Гриф согласования выражает согласие соответствующего органа или должностного лица, не принимавшего участия в разработке, с со-

держанием проекта нормативного правового акта, если такое согласование необходимо.

Визы согласования состоят из личной подписи должностных лиц, которые принимали участие в разработке нормативного правового акта или его отдельных частей, и ее расшифровки.

Гриф ограничения доступа (гриф секретности или пометка «Для служебного пользования») проставляется на проектах нормативных правовых актов, которые содержат информацию, доступную ограниченному кругу лиц.

Пометка «Проект» пишется на тех проектах нормативных правовых актов, которые вносятся в соответствующий орган (должностному лицу) для рассмотрения или для принятия (издания).

Конкретные виды нормативных правовых актов, проекты конкретных правовых актов могут содержать и другие реквизиты.

Оформление проектов нормативных правовых актов и их реквизитов рассмотрим на примере нормативных правовых актов органов внутренних дел.

19.2. Особенности оформления нормативного приказа

Нормативный приказ, издаваемый федеральным органом государственной власти, бывает двух видов: без приложений и с приложениями, когда приказом утверждаются и другие нормативные правовые акты, выступающие для приказа приложениями.

Приказ оформляется на бланке и имеет установленный комплекс обязательных реквизитов, расположенных в определенном порядке.

Бланк представляет собой формативный набор реквизитов, расположенных в определенной последовательности и в определенном порядке. Этот набор реквизитов обычно включает: изображение Государственного герба РФ или эмблемы государственного органа, наименование федерального органа исполнительной власти, название, дату, номер, место издания.

Проекты, вносимые в иной государственный орган (другому должностному лицу), печатаются на стандартных листах бумаги установленного формата.

Бланки приказа изготавливаются на стандартных листах бумаги формата А4 (210 × 297 мм).

Состав видов и формы бланков утверждаются руководителем федерального органа исполнительной власти по представлению подразделений делопроизводства и режима.

Гербовые бланки изготавливаются типографским способом и имеют порядковые номера.

Проекты нормативных правовых актов, изготавливаемые с использованием печатающих устройств вычислительной техники, печатаются

в текстовом редакторе Microsoft Word, шрифтом TimesNewRoman размером 14 пт, через 1–1,5 интервала.

Табличные документы могут быть изготовлены с использованием редактора Microsoft Excel и шрифта Arial. Размер шрифта разработчиком проекта выбирается самостоятельно, но не может быть менее 10 пт.

Для выделения части проекта приказа, его заголовка, примечаний могут использоваться шрифты других типов и размеров.

Приказ государственного органа, представляемый на подпись, должен иметь следующие реквизиты: Государственный герб РФ или эмблему органа, наименование органа; место издания; наименование; заголовок; текст; гриф ограничения доступа; гриф согласования; визы согласования; подпись; специальное звание; дату; номер.

Государственный герб РФ воспроизводится в одноцветном варианте и помещается только на бланках приказа, подписываемого руководителем федерального органа исполнительной власти или лицом, его заменяющим. Размер герба составляет 17 × 13 мм¹.

Геральдический знак — эмблема государственного органа — размещается в составе бланка приказа, который подписывают руководители иных государственных органов. Размер эмблемы: 35 × 17 мм².

Наименование государственного органа также размещается на бланке приказа. Воспроизводится полное наименование государственного органа, закрепленное в статусном документе.

Над наименованием органа указывается сокращенное наименование вышестоящего государственного органа, в который он входит (например, МВД России, УМВД России по Псковской области и т.д.).

Под полным наименованием издающего приказ органа в скобках воспроизводится его сокращенное наименование.

Примеры:

- Министерство внутренних дел Российской Федерации;
- (МВД России);
- МВД России;
- Главное управление по Свердловской области;
- (ГУ МВД России по Свердловской области);

¹ См.: О Государственном гербе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 52. — Ч. 1. — Ст. 5021.

² См., например: Об учреждении геральдического знака — эмблемы органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 ноября 1998 г. № 1333 // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 47. — Ст. 5741.

- МВД России;
- Управление по городскому муниципальному образованию «город Екатеринбург»;
- (УМВД России по г. Екатеринбург).

Наименование ПРИКАЗ набирается прописными буквами, без кавычек, шрифтом размером 22 пт, с одинарным межстрочным интервалом, выделяется полужирным.

Реквизит «Заголовок» располагается над текстом нормативного правового акта, на первом листе, на расстоянии не менее 10 см от верхнего края листа, пишется с прописной буквы, через один межстрочный интервал. Точка в конце заголовка не ставится. Он формулируется с помощью отлагательных существительных в предложном падеже. Например: «Об утверждении инструкции...», «О внесении изменений...», «Об организации...».

Заголовок приложения отделяется от даты и номера акта дополнительным интервалом 70 пт, от текста приложения — дополнительным интервалом 24 пт.

Текст отделяется от заголовка межстрочным интервалом 24–36 пт и печатается с интервалом 18 пт.

Текст печатается от левой границы текстового поля. Первая строка абзаца начинается с абзацного отступа на расстоянии 1,25–1,5 см от левой границы текстового поля документа.

При размещении текста на листе оставляются верхнее и нижнее поля в размере 20 мм, левое поле — 30 мм, правое — 20 мм от края листа.

Гриф ограничения доступа (гриф секретности или ограничительная пометка «Для служебного пользования») с указанием номера экземпляра проставляются на первой странице проекта приказа, содержащего секретную и служебную информацию ограниченного распространения.

Гриф секретности и ограничительная пометка печатаются в правом верхнем углу первого листа, без кавычек и подчеркиваются. Номер экземпляра проставляется ниже грифа секретности (пометки), отделяется межстрочным интервалом 18 пт и центрируется по отношению к нему.

Например: Для служебного пользования.

Гриф согласования проекта приказа состоит из слова СОГЛАСОВАНО, которое набирается прописными буквами без кавычек и располагается в нижней части проекта приказа над реквизитом «Подпись». Печатается от левой границы текстового поля. Составные части реквизита (указание на орган или должностное лицо, которые согласовали) отделяются от слова СОГЛАСОВАНО дополнительным интервалом 6 пт и выравниваются относительно максимальной строки.

Нормативные правовые акты чаще всего согласовываются письмом, и в этом случае гриф согласования оформляется по следующей форме:

СОГЛАСОВАНО

Письмо Министерства
финансов Российской Федерации
от 15.04.2020 № П-950

Согласование может быть осуществлено и на самом документе, тогда используется следующая форма:

СОГЛАСОВАНО

Заместитель Генерального
прокурора Российской Федерации
личная подпись В. Петров
25.02.2020

Если проект нормативного правового акта имеет два грифа согласования, то они располагаются горизонтально, а при большем количестве их размещают двумя вертикальными рядами.

Визы проставляются на оборотной стороне последнего листа первого экземпляра (подлинника) проекта приказа, представляемого на подпись.

Реквизит «Подпись» может быть полным, если акт выполнен не на бланке, и сокращенным, если он оформлен на бланке. Он включает личную подпись, расшифровку подписи (инициалы имени и фамилия — для федерального министра, инициалы имени, отчества и фамилия — для других).

В реквизит «Подпись» должностного лица государственного органа, подписывающего приказ, входят также *специальное звание*, которое он имеет (полковник внутренней службы, генерал-майор полиции и т.д.). Звание указывается после наименования должности.

Примеры:

- Министр (личная подпись) И. Петров;
- начальник управления МВД России по Орловской области генерал-майор полиции (личная подпись) И. И. Сидоров.

Реквизит располагается под текстом проекта нормативного правового акта. Наименование должности печатается от левой границы текстового поля с одинарным межстрочным интервалом и центрируется относительно максимальной строки.

Дата приказа оформляется словесно-цифровым способом в последовательности: день месяца, месяц, год. Например: «5» февраля **2020** г.

Дата располагается: на проектах приказов, оформленных на бланках, — в соответствии с расположением этого реквизита; на стандартных листах бумаги — под наименованием должностного лица, подписавшего приказ.

Дата приказа указывается подразделением делопроизводства после его подписания и регистрации.

Регистрационный номер проставляется на нормативных правовых актах: оформленных на бланках — в соответствии с расположением этого реквизита; оформленных на стандартных листах бумаги — под датой от левой границы текстового поля с тем же интервалом, с каким печатается текст. Состоит реквизит из знака «№ » и порядкового номера (например: № 206), который проставляется подразделением делопроизводства и режима после подписания приказа.

Место издания указывается на приказах, оформленных: на бланках — в соответствии с расположением реквизита; на стандартных листах бумаги — под реквизитом «Подпись» с интервалом 2 см. Печатается от левой границы текстового поля в одну строку (например: Москва, Екатеринбург).

На стадиях подготовки приказа, до его оформления на бланке, проставляется пометка «*Проект*». Набирается на первой странице приказа справа, в верхнем углу, без кавычек, с одинарным межстрочным интервалом и выравнивается по своей левой границе.

3. К проекту текста приказа прилагаются утверждаемые им нормативные правовые акты (уставы, положения, наставления, инструкции, правила и т.п.), а также другие материалы в виде перечней, таблиц, образцов документов, графиков, схем, бланков и иных документов.

Приложения к проектам постановлений и распоряжений печатаются на отдельных листах бумаги. Размеры полей, шрифты и межстрочные интервалы при печатании текста идентичны размерам, применяемым при оформлении текстов основного проекта нормативного правового акта.

Наименование вида документа приложения (первое слово заголовка приложения) набирается прописными буквами, полужирным шрифтом и может быть напечатано вразрядку (**ПОЛОЖЕНИЕ, ПЕРЕЧЕНЬ** и т.д.). Межстрочный интервал между первой строкой заголовка и последующими строками может быть увеличен на 6 пт.

В случаях наличия приложения в тексте проекта приказа включается пункт о наличии приложений (например: «Утвердить прилагаемую Инструкцию...», «Внести изменения в Инструкцию согласно Перечню (приложение № 1)» и т.д.).

Если дата издания нормативного правового акта не совпадает с датой введения в действие утверждаемого им другого нормативного правового акта, в основном акте делается соответствующая запись с использованием следующей юридико-технической формы:

«Утвердить и ввести в действие с 1 февраля **2022** г. прилагаемую Инструкцию...» или «Установить представление отчетности по форме “Право”, предусмотренную приложением № 2 к настоящему приказу, с 1 июля **2022** г.», либо «Выплату надбавок, установленных по отдель-

ным должностям, названным в приложении к настоящему приказу, производить с 1 февраля 2022 г.».

Нормативные правовые акты, являющиеся приложениями к основному нормативному правовому акту, также могут иметь приложения.

Каждое приложение к приказу (иным нормативным правовым актам) имеет свой порядковый номер (с написанием символа номера). Например: «Приложение № 1», «Приложение № 2». В пункте проекта приказа (иного нормативного правового акта) при этом делается отсылка к соответствующему приложению. Например: «согласно приложению № 2», «по форме согласно приложению № 3».

Единственное приложение к проекту нормативного правового акта не нумеруется.

Нормативный правовой акт, утверждаемый в качестве приложения к нему, подготавливается и оформляется в соответствии с общими правилами подготовки проектов нормативных правовых актов.

На прилагаемом документе указывается заголовок, который должен быть идентичен его названию, указанному в соответствующем пункте проекта основного нормативного правового акта.

В верхнем правом углу на первой странице приложения указываются его реквизиты, указывающие на номер приложения, вид основного нормативного правового акта, к которому данный документ является приложением, и его регистрационные реквизиты (дата регистрации и регистрационный номер). Например:

Приложение № 2
к приказу МВД России
от 27.06.2021 № 484.

Если приказ содержит лишь одно указание на утверждение другого нормативного акта, а данный нормативный правовой акт соответственно является единственным приложением к приказу, угловые реквизиты документа оформляются следующим образом:

Приложение
к приказу МВД России
от 27.06.2021 № 484.

При утверждении документа приказом реквизит утверждения располагается в правом верхнем углу документа и может состоять из слова УТВЕРЖДЕН (УТВЕРЖДЕНА, УТВЕРЖДЕНЫ или УТВЕРЖДЕНО), прописанного без кавычек, наименования утверждающего документа в творительном падеже, даты его регистрации и регистрационного номера. Например:

УТВЕРЖДЕНО
приказом МВД России
от 27.06.2021 № 484.

В реквизитах приложения к нормативному правовому акту, изданному в виде устава, положения, наставления, инструкции и правил, необходимо указывать полное и точное наименование основного (базового) документа. Например:

Приложение

к Инструкции о порядке учета материальных средств в органах внутренних дел Российской Федерации

или:

Приложение № 2

к Инструкции о порядке проведения обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел.

В положениях, уставах и других подобных документах разделы и главы нумеруются, как правило, римскими цифрами, а пункты и подпункты — так же, как и в тексте основного акта. Разделы, подразделы, пункты, подпункты допускается нумеровать арабскими цифрами. Подразделы нумеруются в пределах раздела. Номер подраздела должен состоять из номера раздела и номера подраздела, разделенных точкой (например: 1.2). Номер пункта может состоять из номера раздела, подраздела и пункта, разделенных точками (например: 1.2.3). Пункты при необходимости могут подразделяться на подпункты, которые должны иметь порядковую нумерацию в пределах каждого пункта (например: 1.2.2.1).

Приложение к проекту нормативного правового акта может быть оформлено в виде таблицы. Графы и строки таблицы должны иметь заголовки, выраженные именем существительным в именительном падеже. Подзаголовки граф и строк грамматически должны быть согласованы с заголовками.

Если таблица печатается на двух и более листах, заголовочная часть таблицы (наименование граф) повторяется на каждой странице.

Допускается также сквозная нумерация всех граф таблицы арабскими цифрами. При этом при переносе таблицы на вторую и последующие страницы в начальной строке перенесенной части таблицы указывается строка с нумерацией граф. Листы приложения нумеруются самостоятельно начиная со второго листа.

При наличии в тексте приложений ссылки на сноску она печатается через один межстрочный интервал в конце каждой страницы или в конце приложения, под чертой. После знака сноски ее текст печатается с прописной буквы. В конце текста сноски ставится точка.

19.3. Оформление изменений в нормативные правовые акты, признания их утратившими силу либо приостановления действия

В нормотворческой практике нередки случаи, когда в ранее принятые нормативные правовые акты (их правовые нормы) необходимо внести какие-либо изменения либо прекратить действие ранее принятых правовых предписаний.

Изменения в нормативные правовые акты, в их отдельные правовые нормы могут носить различный характер — новые редакции статей (пунктов, частей, абзацев и т.д.); дополнение другими правовыми нормами; уточнение используемых понятий, наименований органов и т.д. Все эти корректировки текста действующего нормативного правового акта охватываются понятием «изменения». Соответственно и заголовок проекта нормативного правового акта звучит, например, следующим образом: «О внесении изменений в приказ МВД России от 5 января 2018 г. № 6».

При внесении изменений в ранее изданные нормативные правовые акты в проекте разрабатываемого нормативного правового акта:

- нормативные предписания располагаются в логической последовательности, унифицируются используемая в нем терминология и стиль изложения;
- заменяются все устаревшие и утратившие значение термины, названия и другие выражения;
- объединяются в один пункт (подпункт) все однородные, повторяющиеся, конкретизирующие и дополняющие друг друга нормативные предписания;
- дается новая редакция пунктов (подпунктов, абзацев, предложений);
- исключаются нормы, противоречащие изданным нормативным правовым актам, практически утратившие значение, временные нормы, срок действия которых истек, а также нормативные предписания индивидуального характера.

Положения об изменении или признании утратившими силу ранее изданных актов или их частей включаются в текст нормативного правового акта (с указанием отменяемых глав, пунктов, подпунктов и абзацев) либо оформляются как приложение к акту.

При необходимости внесения изменений в несколько нормативных правовых актов изменения в каждый акт рекомендуется оформлять отдельным документом.

Если изменения касаются только утвержденного приказом какого-либо одного приложения, не затрагивая текста приказа, то заголовок содержит указание лишь на название этого приложения. Например:

«О внесении изменений в Наставление по организации правовой работы в системе МВД России».

Изменения в действующие нормативные правовые акты, вносимые параллельно с утверждением приказом нового основного нормативного правового акта (правил, инструкций и т.д.), утверждаются отдельным пунктом приказа. В заголовке приказа об этом не указывается.

Если в нормативном правовом акте одновременно с пунктами о внесении изменений в нормативные правовые акты содержатся пункты с перечнем нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, то наличие такого пункта обязательно должно быть отражено в наименовании нормативного правового акта. Например: «О внесении изменения в приказ МВД России от 5 января 2018 г. № 5 и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов МВД России».

Изменения всегда вносятся только в основной нормативный правовой акт. Вносить изменения в основной нормативный правовой акт путем внесения изменений в изменивший его нормативный правовой акт не допускается.

Если ранее изданный нормативный правовой акт в основном сохраняет свое значение и требуется лишь изменить отдельные его нормативные предписания либо дополнить его новыми нормами, в проекте разрабатываемого нормативного правового акта приводится новая редакция изменяемых пунктов (подпунктов, абзацев) или излагаются новые пункты (подпункты, абзацы), которыми он должен быть дополнен. При этом применяются следующие юридико-технические формы:

«Абзац второй пункта 3 приказа МВД России от 1 июня 2019 г. № 000 изложить в следующей редакции: ...»;

«Пункт 2 Наставления... дополнить абзацем вторым следующего содержания: ...»;

«Устав..., утвержденный приказом МВД России от 9 июня 2020 г. № 000, дополнить новым пунктом 15 следующего содержания.

15. ...»;

«Правила..., утвержденные приказом МВД России от 9 июня 2020 г. № 000, дополнить новыми пунктами 15.1 и 15.2 следующего содержания:

“15.1. ...”¹.

Внесение изменений в отдельные сноски либо добавление новых в изданный ранее нормативный правовой акт осуществляется следу-

¹ Изменение нумерации последующих пунктов нормативного правового акта в данном случае не производится. Данная юридико-техническая форма используется при наличии в последующем нормативных правовых актах ссылок на отдельные нормативные предписания изменяемого нормативного правового акта или на изменяемый нормативный правовой акт в целом.

ющим образом: «В Правилах... (приложение № 1 к приказу) сноску 2 к пункту 1 после слов “...” дополнить словами “...”»; «В пункте 2 Наставления... после слов “...” добавить сноску... следующего содержания: “...”».

При необходимости внесения типовых изменений по всему тексту нормативного правового акта применяются следующие юридико-технические формы:

«В пунктах 5, 10, 12 Инструкции..., утвержденной приказом МВД России от 5 февраля 2020 г. № 000, слова “...” заменить в соответствующих падежах словами “...”»

или

«В пунктах 3, 7, 9 Правил ..., утвержденных приказом МВД России от 5 марта 2020 г. . № 000, слова “...” в соответствующих падежах исключить».

В случае, если изменяемые пункты (подпункты, абзацы) нет необходимости излагать в новой редакции, их текст достаточно дополнить, сократить или заменить, используя формулировки:

«В пункте 1 приказа МВД России от 1 июня 2020 г. № 000 слова “...” исключить»;

«Абзац второй пункта 2 приказа МВД России от 1 июня 2020г.№ 000 после слов “...” дополнить словами “...”»;

«В пункте 3 приказа МВД России от 1 июня 2020г. № 000 слова “...” заменить словами “...”».

При внесении в ранее изданный нормативный правовой акт изменений недопустимо вместо внесения конкретного изменения в тексте изменяемого нормативного правового акта использовать юридико-технические формы: «во изменение», «в дополнение» и т.п.

При изменении ранее изданных нормативных правовых актов нельзя применять неопределенные нормативные предписания (например, «Считать утратившей силу Инструкцию..., утвержденную приказом МВД России от 5 мая 2020 г. № 000, в части...»).

Изменения, вносимые в действующий приказ МВД России, должны быть конкретными («Считать утратившим силу пункт 5 Правил, утвержденных приказом МВД России от 5 мая 2020 г. № 000»).

Изменения, вносимые в ранее изданный нормативный правовой акт, оформляются, как правило, нормативным правовым актом того же вида, в каком издан изменяемый нормативный правовой акт. Например, изменения, вносимые в нормативный правовой акт, изданный Министром в виде приказа МВД России, могут быть внесены только приказом МВД России, подписанным Министром.

Изменения, вносимые в инструкции, наставления и иные нормативные правовые акты, утвержденные приказами, вносятся посредством издания соответствующего приказа.

При необходимости внесения изменений в прилагаемую к нормативному правовому акту таблицу последняя, как правило, прилагается к проекту разрабатываемого нормативного правового акта в новой редакции, либо в новой редакции представляется отдельный блок (раздел) таблицы.

При внесении в таблицу незначительного количества изменений указываются в качестве координат изменяемых положений как строка, так и графа изменяемой таблицы. При этом дается полное наименование соответствующих строк и граф. Например: «... в графе “Соответствующее специальное звание” в строке “Командир взвода специального назначения” слова “старший лейтенант” заменить словом “капитан”».

В случаях, если графы и (или) строки изменяемой таблицы имеют порядковые номера, в качестве координат изменяемых положений допускается использовать их цифровое обозначение. Например: «... в графе 1 в строке 24 слова “старший лейтенант” заменить словом “капитан”».

При необходимости внесения в ранее изданный нормативный правовой акт значительного количества изменений, а также если требуется изменить нормативный правовой акт в целом, подготавливается его новая редакция.

Если при подготовке нормативного правового акта выявились необходимость внесения существенных изменений в несколько ранее изданных нормативных правовых актов или наличие по одному и тому же предмету правового регулирования нескольких ранее изданных нормативных правовых актов, в целях их упорядочения разрабатывается новый единый комплексный нормативный правовой акт. При этом в проект такого нормативного правового акта включаются как новые, так и сохраняющие свою силу нормативные предписания, содержащиеся в ранее изданных нормативных правовых актах.

Нормативные предписания о внесении изменений в ранее изданные нормативные правовые акты структурно помещаются в конце проекта нормативного правового акта перед пунктом об установлении контроля за выполнением предписаний данного нормативного правового акта.

Если подготовка данного перечня требует длительного времени, а издание разрабатываемого проекта нормативного правового акта не терпит отлагательства, либо когда для разработки нового нормативного правового акта установлен срок, недостаточный для подготовки данного перечня, в проекте нормативного правового акта может быть предусмотрено соответствующее поручение о приведении ранее изданных нормативных правовых актов в соответствие с новым нормативным правовым актом.

Утратившими силу признаются те нормативные правовые акты, которые прекращают свое действие, свою юридическую силу по причине принятия взамен действовавшего акта нового, в силу моральной

устарелости, в связи с обнаружившейся некомпетентностью субъекта, издавшего правовой акт, во исполнение судебного решения и т.д.

Перечень нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, должен быть юридически обоснованным и исчерпывающе полным, с тем, чтобы не был упущен ни один нормативный правовой акт, противоречащий новому нормативному правовому акту, в связи с которым составляется данный перечень, и не были включены для признания утратившими силу ни один акт или его часть, сохраняющие свое значение.

В перечень нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, включается как основной нормативный правовой акт, так и нормативные правовые акты (или отдельные их нормативные предписания), которыми в его текст ранее были внесены изменения и (или) дополнения.

Если представляется необходимым признать утратившим силу пункт (подпункт, абзац) ранее изданного нормативного правового акта, в который в последующем после его издания были внесены те или иные изменения, то в перечень признаваемых утратившими силу нормативных предписаний включается названный пункт (подпункт, абзац) нормативного правового акта с указанием редакции того нормативного правового акта, которым были предусмотрены соответствующие изменения. Например:

«Признать утратившими силу:

- пункт 46 Правил ..., утвержденных приказом МВД России от 1 января **2020** г. № 24;
- пункт 6 приказа МВД России от 27 июня **2020**г. № 284;
- пункт 7 перечня изменений, вносимых в нормативные правовые акты, утвержденного приказом МВД России от 10 октября **2020** г. № 311».

В перечень нормативных правовых актов или их отдельных предписаний, признаваемых утратившими силу, подлежат включению в том числе и нормативные правовые акты или их отдельные предписания ограниченного срока действия, если срок их действия истек, а также нормативные правовые акты или их отдельные предписания, фактически утратившие юридическую силу.

В тех случаях, когда действие нормативного правового акта или отдельного его нормативного предписания ограниченного срока действия было продлено на неопределенный срок либо распространено в виде постоянно действующей нормы, в перечень нормативных правовых актов или отдельных их предписаний (глав, пунктов, подпунктов, абзацев), которые признаются утратившими силу, включаются как основной (базовый) нормативный правовой акт, так и нормативный правовой акт, содержащий предписания о продлении или распространении действия ранее изданных нормативных правовых актов.

Если в перечень нормативных правовых актов, признаваемых утратившими силу, вносится пункт (подпункт, абзац), содержащий указание на другой документ, являющийся приложением к ранее изданному нормативному правовому акту, то в разрабатываемый перечень вносится как сам пункт (подпункт, абзац), так и упомянутый в качестве приложения документ.

С применением **аналогичного юридико-технического приема** оформляются нормативные предписания и в случаях, когда необходимо признать утратившим силу документ, являющийся приложением к ранее изданному нормативному правовому акту.

Если утратившим силу признается нормативный правовой акт в целом, то утратившими силу считаются и все иные нормативные правовые акты (документы), являющиеся приложениями к данному нормативному правовому акту.

В том случае, когда одни пункты (подпункты, абзацы) ранее изданного нормативного правового акта должны быть признаны утратившими силу, а другие пункты (подпункты, абзацы) этого же нормативного правового акта должны быть изложены в новой редакции, в разрабатываемый нормативный правовой акт включаются изменения и дополнения, которые отражаются с использованием следующей юридико-технической формы:

1. В приказе МВД России от 14 июля 2020 г. № 315:

1.1. Пункт 2 изложить в следующей редакции:

«2.».

1.2. В пункте 5 слова «...» исключить.

1.3. Абзац первый пункта 6 считать утратившим силу.

При дополнении ранее изданного нормативного правового акта новыми разделами, статьями, частями, пунктами, подпунктами не рекомендуется изменять существующую нумерацию. Кроме ненужной технической работы, такой прием усложняет работу с текстом. Нужно учитывать эффект «привыкания» правоприменителя к первоначальной пунктуации текста.

В этой связи вводятся дополнительные структурные единицы, обозначаемые числом с дополнительным учетным знаком 1, 2, 3, 4 и т.д. (например: «П¹», «2¹», «2²»).

Наряду с этим, при признании утратившей силу какой-либо правовой нормы рубрикация сохраненных нормативных предписаний остается прежней.

Все нормативные правовые акты в перечнях располагаются в хронологическом порядке по дате их издания. В пределах одной и той же даты нормативные правовые акты указываются в порядке возрастания их регистрационных номеров.

Перечни данных нормативных правовых актов должны содержать порядковую нумерацию включенных в них актов.

Работа над перечнем нормативных правовых актов, в которые вносятся изменения, нормативных правовых актов или отдельных их предписаний (глав, пунктов, подпунктов, абзацев), которые признаются утратившими силу в связи с изданием подготавливаемого нормативного правового акта, начинается с учета и изучения ранее изданных нормативных правовых актов или отдельных их предписаний, содержание которых затрагивается разрабатываемым проектом нормативного правового акта.

В этих целях предварительно определяется круг вопросов, по которым надлежит отбор ранее изданных нормативных правовых актов для включения их в данный перечень, устанавливаются подразделения МВД России, интересы которых затрагивает разрабатываемый нормативный правовой акт.

В качестве основного источника для выявления ранее изданных нормативных правовых актов, подлежащих включению в перечень, используются учетные карточки, находящиеся в систематизированной картотеке нормативных правовых актов, а также соответствующие электронные базы данных.

Наличие отметок в текстах отобранных нормативных правовых актов об их изменении, распространении действия данного акта проверяется по их контрольным экземплярам. Изучаются также нормативные правовые акты, к которым имеются отсылки в тексте отобранного для включения в перечень нормативного правового акта.

Изменения в ранее принятые нормативные правовые акты и признание их утратившими силу должны готовиться одновременно с разработкой проекта нормативного правового акта, который предполагает такие изменения либо влечет признание правовых норм утратившими силу.

Так, если подготовлен проект федерального закона, то параллельно с ним должны быть разработаны проекты актов Президента РФ и Правительства РФ, если их принятие будет предусмотрено будущим законом.

Это правило распространяется и на порядок разработки нормативных правовых актов меньшей юридической силы. Так, если разработан проект постановления Правительства РФ, предусматривающий принятие нормативного правового акта данного федерального органа исполнительной власти, то этот акт должен быть подготовлен.

В этом случае обеспечивается непрерывность правового регулирования, исключаются правовые пробелы, которые могут затягиваться, как показывает практика, на годы.

Если в соответствии с федеральным законом разработка проекта нормативного правового акта влечет за собой необходимость признания утратившим силу акта Президента РФ либо Правительства РФ, одновременно с проектом нормативного правового акта разрабаты-

вается в установленном порядке проект акта Президента РФ либо акта Правительства РФ о признании утратившим силу акта Президента РФ либо Правительства РФ. В этом случае проект нормативного правового акта должен предусматривать положение о порядке его вступления в силу, согласно которому он вступает в силу с даты вступления в силу акта Президента РФ либо Правительства РФ о признании утратившим силу акта Президента РФ либо Правительства РФ.

Нормативные правовые акты, изданные совместно или по согласованию с другими федеральными органами исполнительной власти, изменяются или признаются утратившими силу по согласованию с этими федеральными органами исполнительной власти.

Внесение изменений в нормативный правовой акт — это прерогатива органа (должностного лица), который принял нормативный правовой акт. Признать же утратившими силу либо отменить как целые нормативные правовые акты, так и отдельные его части (статьи, части, пункты) могут, кроме того, другие органы и должностные лица (вышестоящие, судебные органы).

Действие всего нормативного правового акта или отдельных его норм может приостанавливаться. Такая «задержка» во временном действии принятого акта (его положений) может быть вызвана различными обстоятельствами — недостаточность ресурсов, обнаружившиеся грубейшие нормативные ошибки, появившиеся затруднения в правоприменении, принятие по регулируемому вопросу другого акта высшей юридической силы и т.д.

В этом случае может готовиться самостоятельный приказ или в принимаемом акте формулируется соответствующий пункт.

Варианты заголовка приказа в этом случае могут быть следующие: «О приостановлении действия нормативных правовых актов» или «О приостановлении действия пункта 5 приказа МВД России от 20 февраля 2020 г.».

Примеры возможных пунктов приказов: «6. Приостановить на 2016 год действие пункта 5 приказа МВД России от...» или «6. Приостановить действие приказа МВД России № 5 от 20 марта 2020 г.».

19.4. Особенности оформления сносок, ссылок и примечаний

Сноски, ссылки и примечания, на первый взгляд, — мелочи нормативного правового акта, можно сказать, его периферия, однако в реальной правовой жизни эти «правовые детали» могут сказаться негативно на качестве нормативного правового акта, практике его реализации.

В силу этого данные «юридические частности» требуют особых приемов к их установлению.

Сноска, используемая для объяснения тех или иных особенностей, отдельных частей проекта (пунктов, подпунктов, абзацев, отдельных

словосочетаний или слов), обозначается арабскими цифрами, прописанными с применением верхнего индекса. Например: «¹», «²» и т.д.

В проектах текстов нормативных правовых актов используются сноски, помещаемые в конце каждой страницы проекта. Нумерация сносок должна начинаться отдельно на каждом листе текста.

Использование для обозначения сносок специальных символов (например «*»), сплошной нумерации сносок по всему тексту проекта нормативного правового акта, а также использование концевых сносок (сносок, помещаемых в конце документа) не допускается.

В проекте нормативного правового акта для оформления текста сноски используется шрифт, размер которого должен быть меньше размера шрифта основного документа (например, размером 10 или 12 пт).

При воспроизведении отдельных положений законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации указываются ссылки на эти акты и на источники их официального опубликования.

В случае ссылки на акты законодательства Российской Федерации без воспроизведения их отдельных положений указание на источник их официального опубликования также является необходимым. При повторной ссылке на законодательный или иной нормативный правовой акт Российской Федерации указание на источник его официального опубликования не производится.

При воспроизведении в проекте нормативного правового акта отдельных положений нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, прошедших в установленном порядке государственную регистрацию, либо ссылки на них необходимо указывать полное наименование федерального органа исполнительной власти (иного государственного органа, организации), издавшего данные нормативные правовые акты, дату их издания (принятия), регистрационные номера, их наименования, а также дату государственной регистрации и регистрационные номера, присвоенные Министерством юстиции РФ при их государственной регистрации, а также источники их официального опубликования.

Источники официального опубликования ведомственных нормативных правовых актов, прошедших государственную регистрацию в Минюсте России, определены постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»¹.

Ссылка в проекте нормативного правового акта, подлежащего в последующем направлению на государственную регистрацию, на нор-

¹ Собрание законодательства РФ.—1997.—№ 33.—Ст. 3895.

мативный правовой акт федерального органа исполнительной власти (иного государственного органа, организации), не прошедший государственную регистрацию в Минюсте России, не делается.

Ссылки применяются для объяснения тех или иных особенностей, которые не могут быть отражены в статье, пункте нормативного правового акта.

При необходимости, для полноты изложения вопроса, обеспечения системной связи в правовом регулировании в текстах проекта нормативного правового акта могут делаться *отсылки* к нормативным правовым актам и их нормам.

Используются следующие виды отсылок:

- отсылки к нормам данного нормативного правового акта для обеспечения связи между его общими и специальными положениями;
- отсылки к нормативным правовым актам более высокой юридической силы для указания правообразующего источника данного акта;
- отсылки к ратифицированным и одобренным международным актам, требующим для их исполнения принятия внутренних актов.

Не рекомендуется делать отсылки к актам низшей юридической силы.

Отсылки могут быть сделаны к статье или другой части нормативного правового акта.

Не допускаются отсылки к нормативному правовому акту, который в свою очередь отсылает к другому юридическому документу.

В тексте отсылки указывается название нормативного правового акта, к которому делается отсылка, его номер и дата опубликования, а если делается отсылка к определенным статьям (пунктам) этого акта, указывается также номер статей (пунктов).

Примечания используют в случаях, когда нормативное предписание не представляется возможным изложить в соответствующей статье (пункте) текста. Это, как правило, установления, которые не содержат правил поведения, а используются для специального содержательного либо символического подчеркивания, обособления какого-либо факта, обстоятельства, фрагмента деятельности (акцентирование внимания).

Примечания конкретизируют, дополняют правовые нормы и выступают в этой связи формой их сопровождения.

Примечание как технико-юридический прием конструирования правовых норм достаточно часто используется в законотворческой практике. Много примечаний, к примеру, содержат Уголовный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Трудовой кодекс РФ. Примечания используются и при конструировании правовых предписаний подзаконных актов. В них детализируются

предмет регулирования нормы (глав, разделов), даются дефиниции, указываются стоимостные критерии, уточняются пространственные и временные пределы действия правовой нормы и т.д. Примечания обозначаются порядковыми номерами, оформленными арабскими цифрами. Они могут оформляться как в конце пункта (подпункта) проекта нормативного правового акта, так и в конце документа.

Примечания к отдельным пунктам (подпунктам) текста проекта нормативного правового акта либо к тексту проекта нормативного правового акта в целом могут выделяться посредством использования шрифта меньшего размера, чем размер шрифта основного текста (например, размером № 10 или № 12), и (или) курсивного шрифта¹.

Вопросы для самоконтроля

1. Какова правовая основа оформления проектов нормативных правовых актов?
2. Что понимается под реквизитами нормативного правового акта?
3. Какие реквизиты относят к общим реквизитам, а какие к особенным?
4. В чем особенности оформления нормативного приказа?
5. Каковы правила проставления грифа ограничения доступа?
6. Каковы правила оформления изменений в нормативные правовые акты, признания их утратившими силу либо приостановления действия?

Тестовые задания

- 1) Какие из перечисленных ниже реквизитов являются общими (обязательными) реквизитами для всех проектов нормативно-правовых актов (выберите несколько вариантов ответа):
 - a) наименование органа (организации)
 - b) герб РФ
 - c) эмблема организации
 - d) наименование вида акта
 - e) гриф согласования
 - f) заголовок акта
 - g) текст акта
 - h) подпись
 - i) дата принятия
 - j) визы согласования
 - k) регистрационный номер
 - l) гриф ограничения доступа
 - m) место издания
- 2) Должна ли дата издания нормативного правового акта совпадать с датой вступления его в силу (в действие):
 - a) да, во всех случаях

¹ (См. об этом раздел 15 учебника)

- b) иногда дата вступления в силу может быть раньше даты издания
 - c) иногда дата вступления в силу может быть позже даты издания
- 3) Когда вносятся изменения в действующий приказ, то могут ли вноситься изменения в ранее изменивший его приказ:
- a) да, могут
 - b) в отдельных случаях
 - c) не могут
- 4) Если утратившим силу признается нормативный правовой акт в целом, то признаются ли утратившими силу и все иные нормативные правовые акты (документы), являющиеся приложениями к данному нормативному правовому акту:
- a) да, во всех случаях
 - b) основные приложения могут не признаваться утратившими силу
 - c) отдельные приложения могут не признаваться утратившими силу
- 5) К каким видам актов из перечисленных ниже не допускается отсылка по тексту нормативного правового акта?
- a) к нормам данного нормативного правового акта
 - b) к нормативным правовым актам более высокой юридической силы
 - c) к ратифицированным и одобренным международным актам
 - d) к актам низшей юридической силы.

Рекомендуемая литература

1. Ведомственное нормотворчество (теория и практика применения). Монография / под ред. М.А. Лапиной и В.А. Баранова. — М.: Проспект, 2014. — 240 с.
2. *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество. Научно-практическое пособие. 2-е изд. — М.: Проспект, 2014. — 448 с.
3. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. — М.: Юрайт, 2019. — 460с.
4. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 года № 1009 (с изм. от 07.05.2020) // *Собрание законодательства РФ*. — 1997. — № 33. — Ст. 3895.
5. Об утверждении Разъяснения о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: утв. приказом Минюста России от 23 апреля 2020 года № 105 // *Официальный интернет-портал правовой информации* <http://www.pravo.gov.ru>, 27.04.2020.
6. Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления: утв. приказом Росархива от 22 мая 2019 года № 71 « (Зарегистрировано в Минюсте России 27.12.2019 № 57023) // *Официальный интернет-портал правовой информации* <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2019.

7. ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов: утв. приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 года № 2004-ст (с изм. от 14.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России: приказ МВД России от 27 июня 2003 года № 484 (ред. от 25.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 20 июня 2012 года № 615 (с изм. от 25.08.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

Раздел 20

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

20.1. Задачи, предмет и субъекты правовой экспертизы

Правовая экспертиза является составной частью нормотворческой деятельности и предполагает исследование проектов нормативных правовых актов на предмет их соответствия актам высшей юридической силы и предъявляемым к ним требованиям.

Правовая экспертиза сродни толкованию права. Здесь эксперт должен также уяснить смысл предлагаемых норм права, понять новые юридические предписания, но в отличие от толкования, целью которого является правильное, точное и единообразное понимание уже принятых нормативных положений, основным назначением правовой экспертизы является выявление неясностей и ошибок, допущенных при конструировании проекта текста нормативного правового акта, с тем, чтобы устранить их и тем самым «оберечь» субъекта толкования от трудностей в разъяснении норм права, а правоприменителя — от действий по применению ошибочных нормоустановлений.

Благодаря правовой экспертизе в принятии проекта нормативного правового акта минимизируется ошибочный, неверный юридический сегмент. Она является одним из заслонов принятия «вредных законов». Проводится экспертиза перед представлением проекта в полномочный орган либо компетентному должностному лицу.

Целью правовой экспертизы является обеспечение соответствия нормативных предписаний проекта нормативного правового акта требованиям Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, обязательствам Российской Федерации в соответствии с международными договорами, положениям федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, ранее изданным ведомственным нормативным правовым актам. В этом состоит созидающая роль правовой экспертизы, ее главный конечный эффект.

В процессе правовой экспертизы оценивается соответствие содержания проекта нормативного акта актам высшей юридической силы, а его структура и форма — предъявляемым требованиям. Основные требования, которые предъявляются к проектам нормативных правовых актов, назывались в предыдущих темах. Задача экспертов состоит в том, чтобы установить, соответствует или не соответствует представленный проект этим требованиям.

Возникает вопрос: должны ли эксперты ограничиваться констатацией выявленных погрешностей или предложить и варианты их устранения?

Конечно, идеально, когда в заключении по результатам правовой экспертизы предлагаются конкретные действия по устранению нормотворческих ошибок. Представляется, что подобные рекомендации — не обязательный элемент экспертизы, ибо право разработчика — не воспринять варианты, предложенные экспертом, а избрать собственный способ разрешения проблемной ситуации. Обязанность разработчика — устранить допущенные нормотворческие ошибки, поэтому предлагаемые в заключении меры являются лишь рекомендациями.

Основными задачами правовой экспертизы являются следующие:

- 1) оценка соответствия нормативных правовых предписаний проекта правовым нормам актов высшей юридической силы;
- 2) оценка согласованности положений проекта с актами однопорядковой юридической силы (к примеру, согласованность проекта ведомственного нормативного правового акта с другими ведомственными актами);
- 3) оценка внутренней согласованности правовых норм и других элементов проекта нормативного правового акта;
- 4) выявление положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции;
- 5) проверка соблюдения правил оформления проекта нормативного правового акта.

Эти задачи решаются в отношении любого проекта нормативного правового акта, представленного на правовую экспертизу, даже если его содержание ограничено одной фразой или предложением.

Но этими задачами не исчерпывается назначение правовой экспертизы. В ходе экспертизы также устанавливаются:

- наличие у лица, принимающего нормативный правовой акт, полномочий на его принятие;
- соответствие содержания и наименования проекта нормативного правового акта;
- соответствие положений проекта концепции проекта нормативного правового акта, если она была утверждена;
- соблюдение требований, предъявляемых к языку и стилю проекта нормативного правового акта;

- соблюдение требований, предъявляемых к структуре проекта нормативного правового акта;
- полнота и доказательственность пояснительной записки к проекту, финансово-экономического обоснования и других сопровождающих его документов;
- соблюдение разработчиком требований, предъявляемых к процедурам общественного обсуждения, оценки регулирующего воздействия и независимой антикоррупционной экспертизы проекта нормативного правового акта, в том числе установление факта размещения проекта нормативного правового акта на сайте www.regulation.gov.ru в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в случаях, когда обязательность такого размещения предусмотрена постановлением Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения»;
- полнота учета результатов независимой экспертизы.

Предметом правовой экспертизы является проект нормативного правового акта в единстве его текста, структуры и формы.

Кроме того, в процессе правовой экспертизы изучаются:

- концепция проекта нормативного правового акта, если она утверждалась;
- пояснительная записка к проекту нормативного правового акта;
- финансово-экономическое обоснование проекта нормативного правового акта;
- заключения по результатам общественного обсуждения и проведения независимой экспертизы, если они проводились;
- иные документы, которые прилагаются к проекту нормативного правового акта.

Субъектами проведения правовой экспертизы являются юридические службы государственных органов.

Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2002 г. № 207 «Об утверждении типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти», к функциям юридической службы отнесены:

- осуществление правовой экспертизы проектов федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти;
- проведение правовой экспертизы проектов приказов, инструкций и других нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти;

- проведение правовой экспертизы проектов международных договоров;
- редактирование проектов нормативных правовых актов.

В системе МВД России юридическая служба проводит правовую экспертизу также в отношении других юридических документов.

В частности, правовой оценке подлежат:

- межведомственные соглашения (соглашения с иными органами государственной власти и другими организациями);
- гражданско-правовые договоры, в том числе государственные контракты;
- типовые контракты о службе (по должностям, подразделениям);
- приказы, связанные с наложением дисциплинарных взысканий;
- приказы, связанные с временным отстранением от занимаемой должности;
- приказы, связанные с увольнением со службы (военной службы) по отрицательным мотивам;
- приказы по вопросам создания, реорганизации и ликвидации органов, организаций, учреждений, предприятий и подразделений;
- приказы по утверждению (изменению) штатных расписаний органа (подразделения);
- распоряжения по вопросам списания материальных средств;
- документация о конкурсе, об аукционе, о запросе котировок и о запросе предложений на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг;
- доверенности, выдаваемые руководителями органа (подразделения);
- распоряжения, приказы, касающиеся подготовки проектов нормативных правовых актов.

Юридическую службу в федеральных органах исполнительной власти представляют самостоятельные организационные единицы.

В МВД России — это Договорно-правовой департамент и соответствующие правовые подразделения (управления, отделы, отделения, группы) в территориальных органах Министерства.

Самостоятельным субъектом правовой экспертизы выступает Минюст России. К его функциям относится:

- проведение правовой и антикоррупционной экспертизы проектов концепций и технических заданий на разработку проектов федеральных законов, предлагаемых для включения в планы законопроектной деятельности Правительства РФ;
- проведение юридической и антикоррупционной экспертизы проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, вносимых федеральными органами исполнительной власти на рассмотрение Президента РФ и Правительства РФ;

- проведение в рамках государственной регистрации правовой экспертизы нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер¹.

По просьбе федеральных органов исполнительной власти Минюст России может осуществлять правовую экспертизу проектов, разработанных ими ведомственных нормативных правовых актов.

Полезность и надежность правовой экспертизы доказывается практикой. Если обратиться к ведомственному нормотворчеству, то лишь каждый четвертый проект проходит правовую экспертизу с первого раза. В остальных случаях выявляются нормотворческие ошибки, которые подлежат устранению подразделениями-разработчиками.

Отсутствие правовой экспертизы является основной причиной направления в территориальные органы писем и указаний, содержащих нормативные предписания. По этой же причине на места направляются нормативные правовые акты, погрешности которых, как говорится, видны невооруженным взглядом.

В этой связи правовую экспертизу следует рассматривать как сдерживающее средство волонтаристских проявлений в нормативном регулировании, как эффективный организационно-правовой инструмент недопущения нормотворческих ошибок.

20.2. Принципы правовой экспертизы

Эффективность правовой экспертизы как важнейшей части нормотворческого процесса во многом зависит от тех основополагающих правил, на которых она строится.

Правовая экспертиза должна, прежде всего, проводиться с учетом общих принципов, присущих нормотворчеству — демократизм, объективность, научность и т.д.

Наряду с этим нормотворческая практика выработала ряд специальных положений, которые обеспечивают эффективность экспертной деятельности. Их несколько.

Всеобщность правовой экспертизы. Она должна проводиться по всем без исключения проектам нормативных правовых актов, какой бы характер они ни носили.

Особенно тщательная экспертиза «учиняется» в отношении проектов нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные

¹ См.: п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации (см.: Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации: указ Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1313 // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 42. — Ст. 4108).

интересы граждан и сотрудников, устанавливающих правовой статус организаций, носящих межведомственный характер.

На практике требования данного принципа порой «забывают». Мотивы — срочность, простота проекта и т.д. Но чаще всего за этим кроется низкое качество нормативного материала, сомнительная правомерность предлагаемых норм, поэтому в правилах подготовки нормативных правовых актов, разрабатываемых в каждом государственном органе и в каждой организации, важно прописать нормы, обязывающие разработчиков направлять свои проекты на правовую экспертизу, а подразделения делопроизводства — не регистрировать нормативные правовые акты, не прошедшие правовой экспертизы.

Независимость экспертизы. Экспертиза должна проводиться субъектами, которые не находятся в отношениях подчинения с подразделением-разработчиком. В качестве таких независимых экспертов в государственных органах выступают юридические (правовые) службы как их самостоятельные подразделения¹.

При этом не имеет значения, были или нет в составе разработчиков представители юридической службы. В правилах подготовки нормативных правовых актов, действующих в конкретном органе или организации, в этой связи специально оговаривается, что участие представителя правового подразделения среди разработчиков не освобождает головные подразделения-разработчики от обязанности направлять проект в юридическую службу для проведения правовой экспертизы².

В тех органах, где отсутствуют штатные должности юрисконсультов, правовая экспертиза проводится работниками, имеющими высшее юридическое образование, на которых эта функция возложена приказом начальника органа.

При принятии конкретных решений и выводов эксперты самостоятельны. Они опираются в этом только на позицию закона, изданные в их исполнение подзаконные акты.

В плане реализации принципа независимости важное значение имеет обращение к мнению независимых экспертов. Особенно нужны познания независимого экспертного сообщества по проектам нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан, законные интересы граждан, а также по проектам, для анализа которых необходимы специальные познания.

В этой связи юридической службе должно быть предоставлено право направлять поступившие на экспертизу проекты норматив-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2002 года № 207 «Об утверждении типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти»//Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 14. — Ст. 1307.

² См. п. 168 Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России.

ных правовых актов в научные, правозащитные и иные организации для независимой оценки. Таким правом, к примеру, обладает Договорно-правовой департамент МВД России (далее — ДПД МВД России).

Кроме того, постановлением Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 877 утвержден состав нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти.

Достаточность времени на проведение экспертизы. Эксперты должны обладать необходимым временем для того, чтобы провести тщательное изучение проекта нормативного правового акта, выявить не только поверхностные (явно видимые), но и глубинные (трудно-различимые) ошибки, допущенные разработчиками проекта. Дефицит времени наряду с низким уровнем профессионализма экспертов — один из основных факторов, который снижает качество экспертизы. Ограниченные сроки проведения экспертизы сказываются на полноте оценки проекта, на осуществлении детальной проработки текста, особенно, когда проект в меру сложен.

Сроки проведения правовой экспертизы устанавливаются регламентами деятельности органов государственной власти. В центральном аппарате МВД России, например, срок проведения экспертизы в ДПД МВД России установлен в три недели. По решению начальника департамента или статс-секретаря — заместителя министра он может быть продлен, но не более чем на один месяц.

Таковыми обстоятельствами признаются: значительный объем проекта нормативного правового акта и прилагаемых к нему документов; большой массив нормативных правовых актов, требующих изучения; наличие в проекте положений, требующих официального разъяснения со стороны компетентных органов или специалистов и т.п.

По указанию Министра, статс-секретаря — заместителя Министра и начальника ДПД МВД России срок проведения правовой экспертизы может быть сокращен.

В любом случае при определении сроков проведения экспертизы необходимо учитывать сложность предмета правового регулирования, объем нормативного материала, профессиональную подготовку экспертов.

Сокращению сроков проведения экспертизы способствует заблаговременная подготовка экспертов к изучению конкретного проекта. Рекомендуется заранее закреплять за экспертами те проекты, в отношении которых они будут в последующем проводить экспертизу. Более короткий период «вхождения в тему» в данном случае достигается за счет предварительного анализа нормативного материала

по проблеме, проведения соответствующих консультаций, изучения аналогичного опыта в других организациях и т.д.

Полнота экспертизы. Экспертным исследователем должны быть охвачены все параметры проекта нормативного правового акта. Оценке с позиции правомерности и правовой целесообразности подлежат все составные части проекта, которые являются предметом правовой экспертизы.

Основным недостатком проводимых правовых экспертиз, как показывает практика, является однобокость правовой экспертизы. Усилия экспертов направлены, главным образом, на выявление несоответствия (несоответствия) нормативных предписаний проекта актам высшей юридической силы и на установление внутренней непротиворечивости (противоречивости) правовых норм. Действительно, это существенная составляющая правовой экспертизы, ее определяющая, но незаслуженно мало внимания уделяется изучению языка текста, его логики и графики. Между тем анализ данных элементов позволяет более доказательно и аргументированно сформулировать и основные выводы экспертизы по проекту.

Профессионализм экспертов. Экспертизу должны проводить лица, являющиеся специалистами в соответствующей отрасли права, знающие требования, которые предъявляются к содержанию и оформлению нормативных правовых актов, владеющие навыками юридической техники.

Только при таких условиях можно быть уверенным, что экспертиза будет проведена качественно, в установленные сроки, на профессиональном уровне.

Поэтому совсем не случайно руководителям государственной власти предоставлено право устанавливать должности, в основные служебные обязанности по которым входит проведение правовой экспертизы правовых актов и проектов правовых актов, подготовка и редактирование проектов правовых актов и их визирование в качестве юриста или исполнителя, имеющих высшее юридическое образование:

- денежное вознаграждение, увеличенное на 30%, лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации и отдельные государственные должности федеральной государственной службы, по которым введено денежное вознаграждение;
- ежемесячную надбавку за особые условия государственной службы в размере до 70% должностного оклада федеральным государственным служащим, замещающим должности, по которым введено денежное содержание;
- ежемесячную надбавку за сложность, напряженность, высокие достижения в труде и специальный режим работы, увеличенную на 50%, федеральным государственным служащим, кото-

- рым ежемесячная надбавка за особые условия государственной службы не установлена;
- ежемесячную надбавку в размере до 50% оклада по воинской должности (должностного оклада) — военнослужащим и приравненным к ним лицам¹.

Конечно, идеальным является вариант, когда экспертиза гарантирует стопроцентное качество принимаемого нормативного правового акта. Это означало бы возможность существования полностью непротиворечивого законодательства, грамотно составленных текстов нормативных правовых актов. К такому результату нужно стремиться. Из этой внутренней мотивации нужно исходить, приступая к экспертизе конкретного проекта нормативного правового акта.

В необходимых случаях возможно привлечение специалистов из неправовой сферы для уяснения лицом, производящим правовую экспертизу, отдельных специфических положений проекта в целях обеспечения обоснованности его выводов, которые будут изложены в заключении правовой экспертизы.

Многоступенчатость правовой экспертизы. Нормативный правовой акт — это весьма важный и крайне острый инструмент государственного управления. И вполне очевидно, что принимаемые акты должны быть безупречными в юридическом плане, логически вплестаться в сложную ткань правовых отношений. Данные задачи решаются в процессе проведения неоднократных правовых экспертиз проекта нормативного правового акта на пути его превращения в официальный документ. Эти экспертизы дополняют друг друга и в своей совокупности позволяют намного уменьшить риск нормотворческих ошибок, но, к сожалению, не исключить их совсем. Хотя в недопущении таких ошибок и заключается конечная цель правовой экспертизы.

К примеру, проект федерального закона, разработанный федеральным органом исполнительной власти, перед направлением его в Правительство РФ проходит правовую экспертизу в юридической службе этого федерального органа, затем — в Минюсте России.

В Правительстве РФ он получает правовую оценку со стороны соответствующих подразделений и Департамента правового обеспечения Аппарата Правительства РФ.

Если законодательная инициатива будет исходить от Президента РФ, то законопроект подвергается тщательному юридическому анализу со стороны соответствующих подразделений Администрации Президента РФ и проходит правовую экспертизу в Государственно-правовом управлении Президента РФ.

¹ См.: О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов: указ Президента РФ от 8 мая 2001 года № 528 // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 20. — Ст. 2000.

Экспертная оценка законопроекта дается в палатах Федерального Собрания РФ. Она проводится комитетами Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ, а также правовыми подразделениями их аппаратов.

Окончательная редакция федерального закона после одобрения Советом Федерации Федерального Собрания РФ перед подписанием Президентом РФ еще раз оценивается его Государственно-правовым управлением.

Такая многоступенчатая правовая оценка закона на различных стадиях его рождения — объективная необходимость, принимая во внимание роль и место закона в правовой жизни общества. Любая погрешность закона самым негативным образом сказывается на качестве правового регулирования. Учитывая, что почти каждый закон получает свое логическое развитие в подзаконном регулировании, ошибки, содержащиеся в нем, кратно умножаются и тиражируются.

Соответствующее «экспертно-правовое сито» проходят и все проекты подзаконных актов перед тем, как они будут приняты.

Обязательной правовой экспертизе подлежат нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов.

Так, в МВД России установлено правило, что первоначальную правовую оценку проект нормативного правового акта получает в подразделении-разработчике со стороны штатных юрисконсультов (помощников начальников по правовой работе).

Последующий шаг — это правовая экспертиза, проводимая ДПД МВД России. Причем в Департаменте проект может проходить экспертизу несколько раз, по мере оценки редакций, уточненных в связи с результатами первой и последующих правовых экспертиз.

Как минимум два раза проходит экспертизу проект ведомственного акта, подлежащий государственной регистрации: сначала — в ДПД МВД России, затем — в Минюсте России.

Конечно, многочисленные правовые экспертизы усложняют нормотворческий процесс. Но от этого выигрывает качество нормативного правового акта.

Обязательность результатов правовой экспертизы. Предложения, которые содержатся в заключении правовой экспертизы, подлежат восприятию разработчиками проекта. При отказе разработчика учесть результаты правовой экспертизы правовое подразделение готовит мотивированное заключение, которое докладывается руководителю, полномочному принять решение.

Возможен вариант, когда нормативный правовой акт подписывает руководитель органа вопреки мнению юридической службы. В этом случае вся полнота ответственности за законность издания нормативного правового акта, наступившие негативные правовые последствия ложатся на руководителя, принявшего такое решение.

20.3. Методика правовой экспертизы

Правовая экспертиза складывается из нескольких технологически связанных этапов. Рекомендуется следующая последовательность работ:

- 1) прием документов на экспертизу;
- 2) предварительное изучение проекта нормативного правового акта и сопровождающих его документов;
- 3) сбор дополнительной информации;
- 4) исследование проекта (собственно правовая экспертиза);
- 5) доработка проекта в ходе проведения экспертизы;
- 6) составление заключения по результатам экспертизы.

На первоначальном этапе эксперт должен убедиться, прежде всего, в полноте представленных на экспертизу документов.

Для проведения правовой экспертизы представляются:

- текст проекта нормативного правового акта;
- пояснительная записка к проекту;
- финансово-экономическое обоснование проекта (когда оно необходимо);
- заключения по результатам общественного обсуждения и проведения независимой экспертизы, если таковая проводилась;
- заключение об оценке регулирующего воздействия проекта;
- листы согласования;
- таблица разногласий.

Если документ разработан во исполнение поручения, то представляются документы, указывающие на данный факт.

Могут направляться и другие документы, обосновывающие и поясняющие положения нормативного правового акта, включая справки, обзоры.

Проект нормативного правового акта направляется в юридическое подразделение как в машинописном, так и в электронном виде.

В юридическую службу проект нормативного правового акта с сопровождающими его документами направляет письмом руководитель (исполняющий или временно исполняющий обязанности) головного подразделения-разработчика.

В случае, когда проект нормативного правового акта подлежит правовой экспертизе в Минюсте России, он направляется со всеми сопровождающими его документами письмом за подписью заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти.

В сопроводительном письме указываются сведения об основаниях разработки проекта нормативного правового акта, о результатах его согласования. В обязательном порядке содержится также информация о дате размещения проекта нормативного правового акта в сети Интернет на сайте www.regulation.gov.ru для проведения независимой

экспертизы на коррупциогенность — в тех случаях, когда такая экспертиза обязательна. К письму прилагаются поступившие заключения независимых экспертов.

Распространены случаи, когда проекты нормативных правовых актов направляются в юридическую службу для проведения экспертизы письмом за подписью заместителя руководителя подразделения-разработчика. Подобная практика неверна, она снимает ответственность с первого руководителя за качество подготовленного проекта нормативного правового акта, подрывает принцип единоначалия, поэтому в правилах подготовки нормативных правовых актов, утверждаемых в органе, должна содержаться запись, что направление проекта нормативного правового акта в юридическую службу для экспертизы осуществляется только первым руководителем. В ином случае юридическая служба возвращает материалы подразделению-разработчику. Такая норма, в частности, содержится в правилах подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России.

Эксперт должен убедиться также в проработке представленного нормативного правового акта в соответствующих органах и подразделениях, т.е. в наличии виз (согласований) их руководителей.

Порой в представленных материалах отсутствуют письма о согласовании либо в листах согласования, прилагаемых к представленному на экспертизу проекту, содержатся устаревшие визы (например, когда от первой даты визирования до последней прошел период времени шесть месяцев и более). В таком случае проект подлежит перевизированию.

По результатам изучения полноты представленных документов принимается одно из следующих решений:

- 1) приступить к дальнейшему содержательному анализу проекта нормативного правового акта;
- 2) запросить у разработчиков дополнительные (недостающие) сведения либо провести соответствующие дополнительные согласования;
- 3) возвратить разработчикам представленные документы с обоснованием причин (например, отсутствие необходимых согласований).

Перевизирование осуществляется также в случае, когда проект акта был завизирован, но с замечаниями, и данные замечания были учтены головным исполнителем проекта при его доработке. Кроме того, если в проект нормативного правового акта в процессе его доработки были внесены изменения, затрагивающие компетенцию других подразделений, в которых уже было осуществлено визирование, то проект в новой редакции также подлежит перевизированию в этих подразделениях.

После того, как эксперт убедился в полноте представленных документов, он приступает к **изучению представленного проекта**. Речь идет о том, чтобы составить комплексное (целостное) представление

о сфере и предмете правового регулирования, целях проекта нормативного правового акта, юридических приемах, которые использованы для достижения этих целей.

На этой стадии эксперт должен получить ответы на три основных вопроса:

1) наличие юридических и фактических оснований для принятия нормативного правового акта;

2) обоснованность и определенность предмета правового регулирования;

3) правосубъектность органа (должностного лица) принимать (издавать) данный нормативный правовой акт.

Предметом особого рассмотрения на данной стадии должен стать вопрос о правосубъектности органа (должностного лица), который будет принимать (издавать) нормативный правовой акт. Иногда предлагаемые акты выходят за пределы полномочий соответствующего органа (должностного лица).

Ошибочный выбор вида проекта нормативного правового акта зачастую связан с неверной оценкой разработчиками соразмерности уровня правового регулирования преследуемым в проекте целям. Исходя из специфики и масштабности общественных отношений, регламентируемых проектом, лицу, производящему правовую экспертизу, необходимо определить, должны ли указанные общественные отношения регулироваться, например, постановлением Правительства РФ либо достаточно принятия по данному вопросу межведомственного или даже ведомственного нормативного правового акта.

Но порой ведомственным или межведомственным приказом предлагается урегулировать те вопросы, которые входят в компетенцию Правительства РФ или даже требуют принятия закона.

При возникновении сомнений юрист более тщательно должен изучить соответствие содержания предметам ведения Российской Федерации, закрепленным Конституцией РФ, а также положениям федеральных законов, иных нормативных правовых актов, определяющих правосубъектность органа (должностного лица).

В ходе изучения документов должен быть сделан вывод об обоснованности и необходимости принятия (издания) нормативного правового акта.

У органа (подразделения), выступающего с инициативой принятия соответствующего нормативного правового акта, должны быть основания для разработки проекта. Такие основания могут содержаться в федеральных законах, указах и распоряжениях Президента РФ, постановлениях и распоряжениях Правительства РФ, решениях межведомственных координационных совещаний, нормативных актах федеральных органов власти, поручениях руководителей указанных

органов. Содержание проекта должно соответствовать основаниям для его разработки.

Если проект разрабатывается инициативно, то сфера его правового регулирования должна соответствовать компетенции инициатора проекта, определяемой его уставными документами (положением, уставом).

Лицу, проводящему правовую экспертизу, следует уяснить соответствие существа предлагаемого содержания проекта акта тем целям, которые, по мнению разработчиков, будут достигнуты путем его издания. В этой связи необходимо изучить содержание, специфику и масштабы деятельности, на регулирование которой направлен проект нормативного правового акта, определить наличие в нем положений, реализация которых может повлечь негативные последствия социального, экономического, политического, правового, криминологического и иного характера в случае принятия проекта в представленной редакции. Выявив такие положения, следует оценить возможность внесения в проект нормативного правового акта изменений, направленных на устранение либо нейтрализацию указанных негативных последствий, при последующей его доработке.

В ходе предварительного изучения проекта эксперт должен также убедиться в том, что по предмету регулирования отсутствуют аналогичные нормативные правовые акты. Иногда на экспертизу представляется проект, предназначенный для «урегулирования» уже урегулированных вопросов. К сожалению, такие «недоразумения» возникают не только на уровне ведомственного нормотворчества. Это еще раз свидетельствует о слабой профессиональной подготовке разработчиков.

Определяя необходимость издания проекта нормативного правового акта, следует учитывать, что нет необходимости объявления установлений законодательных или иных нормативных правовых актов Российской Федерации, являющихся нормативными правовыми актами прямого действия. При необходимости разрабатываются нормативные правовые акты о мерах по реализации содержащихся в них предписаний.

Оценив юридическую и социальную обоснованность проекта нормативного правового акта, эксперт принимает одно из следующих решений:

- 1) продолжить изучение проекта нормативного правового акта;
- 2) вернуть проект нормативного правового акта разработчику (ввиду отсутствия компетенции на принятие (издание), по причине его ненужности и т.д.).

Сбор дополнительной информации по вопросам, связанным с принятием (изданием) нормативного акта, — необходимая часть экспертной деятельности. Информационные процессы пронизывают и предыдущие, и последующие стадии правовой экспертизы. Вместе с тем

во многих случаях возникает потребность именно в целенаправленном сборе правовой информации, в получении консультаций по предмету правового регулирования. Такая потребность информационной работы особенно осязаема для сложных проектов нормативных правовых актов, а также в случаях, когда для овладения предметом экспертизы требуются дополнительные специальные познания.

Эксперт должен располагать сведениями о действующих нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы, содержащиеся в проекте, о полноте урегулированности проблемы, составляющей предмет данного проекта, о наличии пробелов в правовом регулировании соответствующих общественных отношений либо, наоборот, об избыточности правовых норм.

Важным моментом на этом этапе является не только определение массива документов, касающихся сферы регулирования проекта, но и внимательное изучение на предмет их действующей редакции (не признан ли документ утратившим силу или неприменяемым на территории Российской Федерации, учтены ли изменения, внесенные в него ранее).

После того как эксперт «овладел темой», он приступает к детальному анализу основного предмета правовой экспертизы — текста проекта нормативного правового акта. Это самая сложная и ответственная часть правовой экспертизы. В ходе данной работы осуществляется исследование текста проекта нормативного правового акта на предмет законности и обоснованности содержащихся в нем нормативных правовых предписаний:

- соответствие наименования и содержания проекта нормативного правового акта;
- соответствие проекта Конституции РФ;
- соответствие проекта международным обязательствам Российской Федерации;
- соответствие проекта федеральным конституционным законам, федеральным законам, указам Президента РФ, постановлениям Правительства РФ, другим актам более высокой юридической силы;
- соответствие проекта нормативного правового акта, его норм решениям судебных органов, затрагивающим предмет правового регулирования;
- согласованность проекта с нормативными правовыми актами данной юридической силы;
- согласованность нормативных правовых предписаний, содержащихся в проекте, между собой;
- дублирование норм проекта с действующими нормативными правовыми актами;
- полнота предмета правового регулирования;

- логическая завершенность текста, его системность;
- юридическая обоснованность норм проекта, которые признают другие нормативные правовые акты (правовые нормы) либо приостанавливают их действие;
- полнота и обоснованность учета мнения независимых экспертов, если такая экспертиза проводилась.

Прежде всего, следует определить, содержит ли представленный проект нормы, противоречащие положениям Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, нормативным правовым актам Президента РФ и Правительства РФ, ведомственным правовым актам.

Особенно тщательному анализу проект подлежит на соответствие нормам гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ.

Права и свободы человека и гражданина неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они могут быть ограничены только федеральными конституционными законами и федеральными законами и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Данная глава Конституции Российской Федерации не претерпела изменений. Вместе с тем в преамбулу и другие главы внесен ряд существенных изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования в июле 2020 года¹, которые важно учитывать при проведении правовой экспертизы. Особенно это касается проектов нормативных правовых актов социальной тематики. В настоящее время в развитие новых конституционных положений осуществляется работа по принятию соответствующих законодательных актов.

Среди международных документов, с которыми нужно соотносить положения исследуемого проекта нормативного правового акта, направленного на регулирование правоохранительной сферы, самого пристального внимания заслуживают:

Всеобщая декларация прав человека²;

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020); Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416).

² Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. (см.: Российская газета. — 1995. — 5 апреля).

Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.)¹;

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка²;

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.)³;

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)⁴;

Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 г.)⁵;

Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» (Женева 28.06.1952) и другие.

При оценке соответствия проекта актам международных органов следует учитывать положения статьи 79 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, но если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Поэтому решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Отдельному анализу проект должен быть подвергнут на соответствие судебным решениям (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ), принятым по предмету правового регулирования.

В случае установления противоречий с актами высшей юридической силы следует не только констатировать данный факт, но и из-

¹ Пакт вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г. (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17, — Ст.291).

² Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17 декабря 1979 г. (см.: Советская юстиция. — 1991. — № 17).

³ Конвенция вступила в силу для СССР 26 июня 1987 г. (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1987. — № 45. — С. 747).

⁴ Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г. (см.: Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2, — Ст. 163).

⁵ Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 160 с заявлением (см.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. — М., 1998. — С. 106–114).

ложить, в чем заключается выявленное противоречие, указать, какому конкретно положению противоречат предложенные проектом нормы.

Определяя соотношение положений проекта с нормами законодательных и иных нормативных правовых актов, следует учитывать, что система законодательства Российской Федерации предполагает согласованность между различными его отраслями, поэтому нормативные предписания должны быть согласованы между всеми актами, регулируемыми сходные общественные отношения. Значит, любой проект всегда надлежит рассматривать с позиций обеспечения единства и согласованности системы законодательства в целом, недопустимости противоречий как между проектом и другими актами, так и внутри самого проекта.

Нередко разработчиками проекта допускается неверный выбор уровня нормативного правового акта. Это означает, что регламентирование круга затронутых проектом вопросов должно соответствовать компетенции того лица или органа, которые будут издавать или утверждать представленный проект. Так, если в проекте ведомственного акта содержатся отдельные положения, решение которых входит в компетенцию Президента РФ или Правительства РФ, то в заключении правовой экспертизы по данному проекту следует предложить исключить соответствующие положения из проекта. На основе этих положений может быть подготовлен проект нормативного правового акта, вид которого будет соответствовать компетенции утверждающего (принимающего) данный проект органа (должностного лица).

Экспертной оценке подлежит правильность выбора разработчиками вида нормативного правового акта. Последний зависит, как мы уже отмечали, от характера содержащихся в нем предписаний и их направленности. Особенно это важно для случаев, когда речь идет о схожих разновидностях нормативного правового акта — инструкциях, наставлениях, правилах.

При изучении проекта следует обратить внимание на его название. Нужно оценить, насколько категории, используемые в названии проекта, являются предметом его правового регулирования, и насколько точно дается формулировка самого предмета предлагаемого проекта. Название проекта нормативного правового акта должно в полной мере отражать его суть и соответствовать его содержанию, не выходя за пределы его правового регулирования.

Если проектом предполагается утверждение каких-либо приложений, то нужно проанализировать, насколько их названия соответствуют названиям, изложенным в самом проекте.

Лица, производящие правовую экспертизу, должны уяснить содержание существа предлагаемого содержания законопроекта тем целям, которые, по мнению разработчиков, будут достигнуты путем его издания, а также определить, имеется ли в действительности про-

блема, требующая принятия нормативного правового акта, и каков при этом должен быть объем правового регулирования.

Отдельной оценке подлежит логика текста проекта, завершенность, последовательность и взаимосвязанность отдельных его нормативных правовых предписаний, истинность суждений и выводов.

Представленный проект нормативного правового акта исследуется также относительно следующих вопросов:

- 1) полнота учета заключений независимых экспертов;
- 2) наличие в проекте положений, являющихся коррупционными факторами;
- 3) наличие оснований для последующей государственной регистрации ведомственного нормативного правового акта в Минюсте России.

При установлении соответствия оформления проекта нормативного правового акта установленным юридико-техническим требованиям следует оценить:

- соответствие оформления проекта избранному виду нормативного правового акта;
- правильность использования деления содержания проекта на главы, разделы, статьи, пункты и подпункты;
- язык проекта (использование нормативного стиля при изложении содержательной части проекта);
- правильность написания названий органов государственной власти, иных государственных органов и организаций, подразделений, упоминаемых в проекте (при упоминании в проекте органов и организаций, не имеющих официально установленных наименований, правильность написания их наименований устанавливается по статусным документам данных органов и организаций);
- правильность оформления используемых в проекте ссылок на законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, ранее изданные ведомственные нормативные правовые акты (в том числе и ведомственные нормативные правовые акты, прошедшие в установленном порядке государственную регистрацию);
- правильность написания дат (при этом обращается внимание на то, что форматы написания дат в качестве определения промежутка времени и даты в качестве части реквизита нормативного правового акта различны);
- правильность оформления нормативных предписаний проекта, предусматривающих внесение изменений в ранее изданные ведомственные нормативные правовые акты, признание их утратившими силу или неприменяемыми;

- правильность использования и оформления в проекте сносок и примечаний;
- правильность применения приложений к проекту;
- соблюдение установленных шрифтов и их размеров, а также размеров, определенных для текстового поля документа;
- соблюдение реквизитных правил;
- соблюдение в проекте других юридико-технических требований.

Изучение содержания проекта должно позволить выявить правильность решения разработчиков проекта по выбору соответствующего грифа секретности (грифа ограниченного пользования). При этом гриф секретности определяется в соответствии с перечнем сведений, составляющих государственную тайну, и перечнем сведений, подлежащих засекречиванию в системе органов внутренних дел.

Если замечания по проекту носят юридико-технический характер, то они, при согласии разработчиков, могут быть *устранены непосредственно в юридическом подразделении*, где проект проходит правовую экспертизу.

Для устранения отдельных недоработок правового и юридико-технического характера, не предполагающего изменений концепции, проект нормативного правового акта с замечаниями и предложениями по тексту по согласованию с руководителем юридического подразделения может быть возвращен в подразделение, являющееся его главным разработчиком, под расписку (без оформления соответствующего сопроводительного письма).

Расписка ответственного должностного лица в получении проекта нормативного правового акта на доработку может быть оформлена отдельным документом или на сопроводительном письме о направлении проекта нормативного правового акта на рассмотрение в юридическое подразделение.

В расписке в получении проекта нормативного правового акта, возвращаемого без сопроводительного письма, отражаются факт получения проекта, должность лица, получившего проект, его подпись, инициалы и фамилия, дата получения проекта. Например: «Проект приказа ... и сопроводительные документы (всего на 23 листах) с замечаниями по тексту получил. Начальник (подпись) В. И. Иванов, 01.09.2009».

Передача проекта нормативного правового акта для доработки под расписку ответственного должностного лица подразделения, являющегося главным его разработчиком (без оформления соответствующего сопроводительного письма), прекращает срок рассмотрения проекта нормативного правового акта в правовом подразделении.

Проект нормативного правового акта, возвращенный для доработки под расписку, может быть повторно представлен в юридическое

подразделение без официального сопроводительного письма. В этом случае сотрудником юридического подразделения отметка о получении документов делается на сопроводительном письме, полученном при предыдущем официальном направлении проекта на правовую экспертизу. Отметка о повторном получении документа заверяется подписью сотрудника юридического подразделения.

По результатам исследования проекта нормативного правового акта эксперт принимает одно из следующих решений:

- 1) согласовать проект нормативного правового акта в представленной редакции;
- 2) предложить разработчикам доработать проект нормативного правового акта непосредственно в юридическом подразделении;
- 3) вернуть проект в подразделение, являющееся его головным разработчиком, для доработки без составления заключения;
- 4) по результатам правовой экспертизы подготовить мотивированное заключение.

При согласии эксперта с представленной редакцией проекта нормативного правового акта им ставится подпись на каждом листе текста с оборотной стороны либо проставляется штамп соответствующей формы (например, в ДПД МВД России такой штамп является именным). После этого проект представляется по инстанции руководителю юридического подразделения для согласования (визирования).

Завершающим этапом правовой экспертизы проекта нормативного правового акта является **подготовка заключения правовой экспертизы**. Заключение отражает результаты проведенного исследования.

Структуру заключения правовой экспертизы представляется целесообразным построить по принципу «от общего к частному»: сначала указать на основные, принципиальные недостатки и противоречия, если таковые выявлены, а затем перейти к последовательному изложению замечаний и предложений по отдельным положениям рассматриваемого законопроекта.

В заключении правовой экспертизы должно быть четко указано, какому или каким актам не соответствуют нормы законопроекта, каким конкретным нормам они противоречат и в чем заключается это несоответствие.

В случае выявления противоречий в логическом построении в заключении правовой экспертизы должны содержаться рекомендации по их устранению.

Если в ходе правовой экспертизы установлено, что в связи с принятием (изданием) проекта нормативного правового акта могут возникнуть коллизии в сфере его правового регулирования, в заключении правовой экспертизы необходимо указать, какие конкретно акты подлежат признанию утратившими силу (неприменяемыми), какого рода изменения необходимо внести в действующее законодательство.

В заключение правовой экспертизы включаются все иные замечания и предложения, выявленные в ходе ее проведения, однако замечания и предложения по частным вопросам не должны влиять в целом на оценку данного проекта.

Если формулировки отдельных положений проекта нормативного правового акта представляются недостаточно проработанными, лицо, проводящее правовую экспертизу, может выработать и предложить разработчикам проекта иные редакции данных норм. Вместе с тем подобной практикой не следует злоупотреблять. Мы уже об этом говорили выше. Заметим также, что при повторном представлении данного проекта для проведения правовой экспертизы лицом, ее проводящее, будет психологически связано редакциями положений проекта, предложенными им ранее, и, как следствие, может утратить объективность, беспристрастность и способность критически воспринимать свою часть текста.

Отдельные замечания и предложения (как правило, редакционного и юридико-технического характера) могут быть изложены непосредственно по тексту рассмотренного проекта нормативного правового акта.

Заключение рекомендуется подписывать экспертом, проводившим правовую экспертизу, а также соответствующим руководителем. К примеру, в МВД России существует практика, что заключение подписывает специалист, начальник отдела (его заместитель), в котором он проходит службу, и руководитель управления. Такая «тройственная» ответственность за содержание заключения преследует одну цель — обеспечить объективность проведения экспертизы, достоверность ее результатов.

Заключение на проект нормативного правового акта вместе с представленными на правовую экспертизу документами возвращается подразделению — главному разработчику за подписью одного из руководителей юридической службы.

В случае, когда подразделение, являющееся головным исполнителем, не согласилось с высказанными в заключении замечаниями и предложениями и повторно представило проект нормативного правового акта с сохранением ранее существующей редакции содержащихся в проекте нормативных предписаний, то юридическое подразделение готовит мотивированное заключение по существу спорной проблемы, о чем в листе согласования проекта нормативного правового акта делаются соответствующие отметки.

Данное заключение вместе с проектом нормативного правового акта и другими сопроводительными документами представляется на доклад руководителю органа для принятия решения в отношении издания (подписания, визирования) проекта нормативного правового акта или дальнейшей его проработки.

20.4. Виды наиболее типичных нормотворческих ошибок

Эксперт, исследующий нормативный правовой акт, должен представлять наиболее распространенные недостатки, которые обычно присутствуют в нормативных правовых актах. Знания о них служат ориентиром для целенаправленного, предметного анализа текста.

В этой связи экспертам рекомендуется периодически анализировать недостатки, выявленные в ходе проведения правовой экспертизы, на предмет установления наиболее типичных именно для данных коллективов разработчиков нормативных ошибок, допускаемых подразделениями, с проектами нормативных правовых актов которых он постоянно работает.

Теория нормотворческих ошибок только складывается. Существуют различные взгляды на понятие нормотворческой ошибки, виды юридических погрешностей, их причины и пути устранения¹.

Нормотворческие ошибки в общем плане предстают как неточность, неправильность либо ложность правовой нормы, которые влекут неблагоприятные социальные и правовые последствия.

Ошибки, допускаемые в процессе подготовки нормативного правового акта, носят разноплановый характер, касаясь содержания, формы, языка, структуры проекта и т.д. Наш опыт позволяет все многообразие допускаемых нормотворческих ошибок свести в пять больших групп: юридико-идеологические, юридико-компетенционные, юридико-содержательные, юридико-языковые, юридико-технические.

Назовем в каждой из этих групп наиболее распространенные ошибки, те, которые чаще других встречаются в проектах нормативных правовых актов.

Юридико-идеологические ошибки (ошибки концептуального плана):

- несогласованность проекта с принятыми нормами и тенденциями правовой политики развития российского законодательства, международного права;
- преждевременность издания (отсутствие необходимых экономических, социальных, правовых и иных условий);
- ложно понятые правовые интересы и неверно поставленные правовые цели;
- неверное определение предмета правового регулирования, его разнородность;

¹ См. об этом: Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М., 2009; Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989; Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность. Вопросы теории и практики. Ярославль, 1992; Лашков А. С. Правотворческие ошибки. Проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

- неверное установление круга субъектов, которым адресуется нормативный правовой акт;
- неверное установление временных (хронологических) параметров действия нормативного правового акта и отдельных его норм;
- неверно избранные методы (способы) правового регулирования;
- несоответствие вида нормативного правового акта предмету правового регулирования;
- несогласованность проекта с утвержденными концепциями и основными направлениями развития регулируемой сферы.

Разновидностью ошибки такого рода является заведомая правовая пассивность нормативных актов ввиду отсутствия механизма реализации их норм или попросту их неэффективность.

Таким примером нереализуемого законодательного акта служит Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹, который должен был вступить в силу с 1 февраля 2010 г., однако действовать в полном объеме он долгое время не смог, поскольку для этого не была установлена административная ответственность за соответствующие нарушения, не приняты подзаконные акты, регулирующие ведение реестра торговых площадей, методику расчета долей продуктовых сетей и т.д. Да и сразу же проявились несовершенства самого закона, на что справедливо было обращено внимание в СМИ².

Юридикомпетенционные ошибки (ошибки в полномочиях по принятию (изданию) нормативного правового акта):

- завышение уровня правового регулирования (включение в проект нормативного правового акта норм, которые могут быть приняты только актом высшей юридической силы);
- занижение нормотворческой компетенции (принятие правовых норм входит в компетенцию других нижестоящих органов и должностных лиц);
- «присвоение» нормотворческой — компетенции других субъектов правообразования (других федеральных органов исполнительной власти, судебных органов и т.д.);
- отсутствие согласования проекта с соответствующими органами или должностными лицами.

Юридикосодержательные ошибки (ошибки смысла и содержания нормативных правовых предписаний и других составных частей текста):

¹ Собрание законодательства РФ. 2010. № 1, ст. 2.

² См.: *Сусоров А.* Грош цена. Начавший действовать закон о регулировании торговли не подкреплён механизмами исполнения // *Время новостей.* 2010. 2 января.

- несоответствие законопроекта Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, федеральным конституционным и федеральным законам, другим актам высшей юридической силы;
- конкуренция проектируемых норм с ранее изданными нормативными правовыми актами по данному предмету регулирования, обладающими аналогичной юридической силой;
- нарушение логического построения проекта, непоследовательность и незавершенность изложения нормативного материала (наличие внутренних противоречий между его разделами, главами, частями, статьями и пунктами);
- неполнота нормативных предписаний проекта, в результате которой остаются правовые пробелы, восполнить которые был призван данный проект;
- дублирование норм проекта с правовыми нормами, содержащимися в ранее изданных нормативных правовых актах, а равно внутреннее дублирование;
- наличие большого числа бланкетных и отсылочных норм, затрудняющих целостное восприятие предмета, целей и способов правового регулирования;
- нормативные излишества (излишняя детализация и конкретизация нормативного правового регулирования, установление многочисленных неоправданных правил, необоснованное сужение правового усмотрения субъектов правоприменения);
- избирательность норм проекта нормативного правового акта в пользу одних органов и подразделений («правовые предпочтения»);
- абстрактность и неопределенность нормативных правовых предписаний;
- наличие нормативных положений, способствующих коррупционным проявлениям;
- неполнота перечня нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, а также изменению в связи с принятием проекта;
- несоответствие вносимых изменений текстам изменяемых нормативных правовых актов.

Юридино-языковые ошибки (погрешности стиля и языка нормативных правовых предписаний):

- смешение стилей языка в тексте проекта (использование наряду с официально-деловым стилем публицистического, научного и т.д.);
- применение в ущерб смыслу сложных грамматических конструкций, предполагающих многочисленные причастные и дееспричастные обороты;

- отступления от унифицированных схем-шаблонов, предусмотренных для конкретных видов нормативных правовых актов и конкретных юридических конструкций;
- использование конструкций, не выражающих государственную волю в явном виде (вместо конструкции «субъект обязан», «субъект должен» используются такие, как «субъект делает», «субъект выполняет»);
- использование словосочетаний, правовое содержание которых не определено (например, «повышенное внимание»);
- неправильное употребление синонимов (часто не делается, например, различий между *договором* и *контрактом*);
- отождествление паронимов (близких по звучанию родственных слов (во многих случаях разработчики путают, например, глаголы «представить» и «предоставить»);
- неоправданное употребление профессиональной жаргонной лексики (оперсостав, сыскные подразделения, беспредел, слежка, отмывание денег);
- неправильное написание наименований государственных органов, государственных названий;
- неправильное употребление предлогов (особенно «по», «о», «об», «в», «на»);
- неправильное употребление наименований числительных, нарушение правил их сложения;
- неудачное использование наречий и книжной лексики («прогнозирует» — «предваряет», «испрашивать» — «запрашивать», «увязывать» — «связывать»);
- использование однокоренных слов, приводящих к тавтологии («Следует отметить следующие особенности документов»);
- употребление оборотов, содержащих лишние слова, — многословия («совместное сотрудничество», «временная отсрочка», «июль месяцев» и т.д.).

Много погрешностей допускается при использовании понятийного ряда. К числу таких распространенных недостатков относятся:

- произвольное использование юридических понятий и терминов;
- неконкретность, избыточность понятий и суждений;
- несоответствие определений одного и того же понятия в предлагаемом проекте и ранее изданных нормативных правовых актах, по этому же предмету;
- использование устаревших понятий;
- использование не утвердившихся, как в юридической науке, так и на практике, терминов;
- употребление неизвестных терминов в общеизвестном значении и общеизвестных терминов в новом значении;

- отсутствие понятийной согласованности: между понятиями различных отраслей законодательства; между понятиями законодательства и общераспространенными (социальными) понятиями;
- наличие понятий без дефинитивной расшифровки (в том числе в подзаконных актах), их дублирование, двусмысленность и неточность;
- отсутствие дифференцированного подхода к используемым понятиям (например, «сокрытый доход», «заниженный доход», «сокрытый объект налогообложения», «неучтенный объект налогообложения»);
- использование алогизмов, перескакивание смысла;
- применение оценочных понятий, характеризующихся употреблением наречий и прилагательных типа «разумный», «добро-совестно», «качественно», «полезный».

Юридино-технические ошибки (ошибки в оформлении проекта нормативного правового акта):

- неправильность расположения реквизитов;
- неверное оформление сносок и примечаний, а также их неправильное применение;
- отсутствие или неправильное указание источников официального опубликования нормативных правовых актов, на которые делается ссылка в проекте;
- громоздкость наименований заголовков, названий разделов, глав, статей;
- неверная рубрикация составных частей проекта;
- расхождение в названиях документов, указанных в основной (приказной) части проекта, и их названиями, указанными в приложении;
- использование неверных наименований документов, на которые делают ссылки в тексте проекта;
- правильное написание дат.

20.5. Особенности осуществления антикоррупционной экспертизы

Составной частью правовой экспертизы является экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность. Это одно из требований новой антикоррупционной политики в России. Данная экспертиза является важным инструментом создания законодательства, свободного от коррупционных рисков.

Правовые и организационные основы проведения антикоррупционной экспертизы установлены Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе

нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹.

В соответствии с данным Законом, целью антикоррупционной экспертизы является выявление в нормативных правовых актах и их проектах коррупциогенных факторов и их последующее устранение.

Субъектами проведения антикоррупционной экспертизы являются Прокуратура РФ, Министерство юстиции РФ, федеральные органы исполнительной власти, иные органы, организации и их должностные лица.

Прокуроры проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, изданных федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и организациями, органами местного самоуправления, их должностными лицами. Экспертиза данных нормативных актов проводится по вопросам, касающимся:

- 1) прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;
- 2) государственной и муниципальной собственности;
- 3) государственной и муниципальной службы, социальных гарантий их служащих;
- 4) бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании;
- 5) законодательства, регулирующего деятельность организаций, создаваемых Российской Федерацией на основе федеральных законов.

В рамках этой работы прокурорами ежегодно изучается до 2 млн нормативных правовых актов и их проектов, выявляется несколько десятков тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы.

На Министерство юстиции РФ возложена функция проведения антикоррупционной экспертизы проектов федеральных законов, проектов указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями, а также проектов поправок Правительства Российской Федерации к проектам федеральных законов, подготовленным федеральными органами исполнительной власти).

Кроме того, Министерство юстиции РФ в процессе государственной регистрации проводит антикоррупционную экспертизу:

- 1) нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливают правовой статус организаций или имеют межведомственный характер;

¹ Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 29. — Ст. 3609.

2) уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований.

В ходе мониторинга применения и внесении сведений в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации проводится также антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Федеральные органы исполнительной власти обязаны проводить антикоррупционную экспертизу разработанных ими нормативных правовых актов и их проектов.

В МВД России обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов предусмотрена Правилами подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, а также Положением об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвержденным приказом МВД России от 24 февраля 2012 года № 120.

В процессе такой экспертизы выявлению подлежат положения проектов нормативных правовых актов, которые:

а) устанавливают для сотрудников органов внутренних дел, федеральных государственных гражданских служащих и работников необоснованно широкие пределы усмотрения;

б) создают возможность применения сотрудниками органов внутренних дел, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками исключения из общих правил;

в) создают неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям.

Антикоррупционная экспертиза в Министерстве проводится в отношении проектов федеральных законов, проектов указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, проектов нормативных правовых актов МВД России, разрабатываемых подразделениями Министерства либо инициированных территориальными органами, другими организациями МВД России.

Выделяются несколько этапов проведения ведомственной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Первичным уровнем является анализ коррупциогенности экспертизы названных выше проектов нормативных правовых актов подразделением-разработчиком. Как правило, в качестве таких экспертов выступают сотрудники правовых подразделений.

В день направления разработанного проекта ведомственного нормативного правового акта, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина или устанавливающего правовой статус организаций, в ДПД МВД России подразделение-разработ-

чик размещает его на срок не менее семи дней на сайте <http://www.regulation.gov.ru> в сети Интернет для проведения независимой антикоррупционной экспертизы с указанием даты начала и окончания приема заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы.

Независимая экспертиза проводится аккредитованными Министерством юстиции РФ юридическими и физическими лицами в инициативном порядке¹.

Заключение, подготовленное на проект нормативного правового акта независимыми экспертами, направляется в адрес Министерства в течение трех недель (срок рассмотрения проектов нормативных правовых актов в Правовом департаменте). Все заключения должны быть рассмотрены в 30-дневный срок подразделением-разработчиком и ДПД МВД России.

По результатам рассмотрения гражданину или организации, проводившим независимую экспертизу, направляется мотивированный ответ, за исключением случаев, когда в заключении отсутствуют предложения о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов.

Размещению на сайте <http://www.regulation.gov.ru> для проведения независимой экспертизы на коррупциогенность подлежат также все проекты федеральных законов, проекты указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, направляемые на согласование в заинтересованные государственные органы и организации (в день направления). Срок из размещения не может быть меньше срока, установленного для рассмотрения заинтересованными органами и организациями.

После рассмотрения заключений независимых экспертов (их учета или отклонения) в Договорно-правовом департаменте МВД России проект нормативного правового акта направляется подразделением-разработчиком для проведения антикоррупционной экспертизы в Министерство юстиции Российской Федерации. К проекту нормативного правового акта прилагаются справка, в которой отражается выполнение названных выше требований, и заключения независимых экспертов.

Процедура проведения антикоррупционной экспертизы изложена в Правилах проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и в Методике

¹ См.: Об утверждении Порядка ведения государственного реестра независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации: приказ Минюста России от 26 апреля 2012 г. № 66 // Российская газета. — 2012. — 1 июня.

проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов¹.

Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов осуществляется на основе тех же принципов, что и правовая экспертиза в целом. Особое значение в этой работе имеет оценка проекта во взаимосвязи с действующими нормативными правовыми актами, сотрудничество с институтами гражданского общества, а также компетентность экспертов.

Все многообразие коррупционных факторов, которые могут содержаться в положениях проекта нормативного правового акта, подразделены на три большие группы: факторы, связанные с реализацией полномочий органов внутренних дел; факторы, связанные с наличием правовых пробелов; факторы системного характера.

Коррупционные факторы, связанные с реализацией полномочий органов внутренних дел, проявляют себя в следующих положениях нормативного правового акта:

- широта дискреционных полномочий — отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов внутренних дел и их должностных лиц;
- определение компетенции по формуле «вправе» — диспозитивное установление возможности совершения органами внутренних дел и их должностными лицами действий в отношении граждан и организаций;
- наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, — установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям;
- злоупотребление правом заявителя органами внутренних дел и их должностными лицами — отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций;
- выборочное изменение объема прав — возможности необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов внутренних дел и их должностных лиц;
- чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества — наличие множества бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа внутренних дел, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 10. — Ст. 1084.

- принятие нормативного правового акта сверх компетенции — нарушение компетенции органов внутренних дел, их должностных лиц при принятии нормативных правовых актов;
- заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий — установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона;
- юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Формами выражения факторов, связанных с правовыми пробелами, являются:

- существование собственно пробела в правовом регулировании — отсутствие в проекте документа нормы, регулирующей определенные правоотношения, виды деятельности и т.д.;
- отказ от конкурсных (аукционных) процедур — закрепление административного порядка предоставления права (блага);
- отсутствие административных процедур — отсутствие порядка совершения органами внутренних дел, их должностными лицами определенных действий либо одного из элементов такого порядка;
- отсутствие запретов и ограничений для органов внутренних дел, их должностных лиц — отсутствие превентивных антикоррупционных норм, определяющих статус сотрудников органов внутренних в коррупциогенных отраслях;
- отсутствие мер ответственности органов внутренних дел, их должностных лиц — отсутствие норм о юридической ответственности сотрудников, а также норм об обжаловании их действий (бездействия) и решений;
- отсутствие указания на формы, виды контроля за органами внутренних дел, их должностными лицами — отсутствие норм, обеспечивающих возможность осуществления контроля, в том числе общественного, за действиями органов внутренних дел, их должностных лиц;
- нарушение режима прозрачности информации — отсутствие норм, предусматривающих раскрытие информации о деятельности органов внутренних дел, их должностных лиц, и порядка получения информации по запросам граждан и организаций.

К числу *коррупциогенных факторов системного характера* относятся нормативные коллизии.

Нормативные коллизии — противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для органов внутренних дел, их должностных лиц возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае.

На наличие такого коррупционного фактора указывает любой вид коллизии, если возможность ее разрешения зависит от усмотрения органов внутренних дел, их должностных лиц.

Для обеспечения достоверности и проверяемости результатов экспертизы на коррупциогенность необходимо проводить экспертизу каждой нормы проекта нормативного правового акта и излагать ее результаты единообразно, с учетом состава и последовательности названных коррупциогенных факторов.

В процессе проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность могут использоваться различные инструменты — общелогический метод познания — анализ, методы опережающей информации, социологический метод, метод функционального анализа, экстраполяция, системный анализ, метод экспертных оценок, статистические методы.

В заключении правовой экспертизы на проект нормативного правового акта должны отражаться все выявленные положения документа, способствующие созданию условий для проявления коррупции, с указанием структурных единиц проекта (разделы, главы, статьи, части, пункты, подпункты, абзацы) и соответствующих коррупциогенных факторов.

Важно при этом опираться на выводы и предложения независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных актов. Положения проекта, способствующие созданию условий для проявления коррупции, указываются в заключении по результатам проведения правовой экспертизы. Они устраняются на стадии доработки документа подразделением-разработчиком.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под правовой экспертизой?
2. Каковы задачи правовой экспертизы?
3. Что необходимо установить в ходе правовой экспертизы?
4. Каковы принципы правовой экспертизы?
5. Какой должна быть последовательность работ по проведению правовой экспертизы?
6. Назовите виды наиболее типичных нормотворческих ошибок.
7. Что является предметом антикоррупционной экспертизы проекта нормативного правового акта? Каковы виды коррупционных факторов?

Тестовые задания

- 1) Цель правовой экспертизы проекта нормативного правового акта (выберите несколько вариантов):
 - а) оценка соответствия проекта актам высшей юридической силы
 - б) оценка внутренней согласованности правовых норм и других элементов проекта нормативного правового акта

- c) выявление положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции
 - d) оценка согласованности положений проекта с актами однопорядковой юридической силы
 - e) обеспечение соответствия нормативных предписаний проекта актам низшей юридической силы
 - f) проверка соблюдения правил оформления проекта нормативного правового акта
- 2) Субъекты проведения правовой экспертизы проекта нормативного правового акта в федеральных органах исполнительной власти:
- a) подразделение-разработчик нормативного правового акта
 - b) кадровая служба
 - c) правовое (юридическое) подразделение
 - d) правовое (юридическое) подразделение и подразделение-разработчик нормативного правового акта
- 3) Какой из перечисленных ниже документов не является объектом правовой экспертизы в органах внутренних дел?
- a) проект положения об органе (подразделении)
 - b) проект плана работы органа (подразделения)
 - c) проекты инструкций
 - d) контракты о закупке
- 4) Как соотносятся между собой правовая экспертиза, независимая экспертиза, экспертиза на коррупциогенность и научная экспертиза?
- a) это разные виды экспертиз проекта нормативного правового акта
 - b) в ходе правовой экспертизы проводятся все иные виды экспертиз, которые упомянуты выше
 - c) научная экспертиза поглощает все остальные виды экспертиз
 - d) правовая экспертиза и экспертиза на коррупциогенность проводятся одновременно и в обязательном порядке, а независимая и научная экспертиза осуществляются независимо от правовой экспертизы

Рекомендуемая литература

1. *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: научно-практическое пособие. – 2-е изд. – М.: Проспект – 2014. – 448 с.
2. *Борисова О.В., Клюковская И.В.* Правовая экспертиза нормативно-правовых актов. – Ставрополь: Издательство СКФУ. – 2016. – 104 с.
3. *Нечкин А.В.* Правовая экспертиза нормативных актов: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт. – 2020. – 129 с.
4. *Маматова Н.В.* Правовая экспертиза российского законодательства: учебно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция». – М., 2013.
5. *Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие / отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева.* – М.: КОНТРАКТ Волтерс Клувер. – 2010. – 176 с.

6. Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. – М.: Проспект. – 2009. – 1116 с.
7. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / сост. Е.Р. Росинская. – М.: Проспект. – 2014. – 96 с.
8. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: научно-практическое пособие/ отв.ред. Ю.А. Тихомиров Е.И. Спектор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Анкил. – 2012. – 152 с.
9. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (с изм. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
10. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации (п. 7): указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313(с изм.. от 06.08.2020)// Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 42. – Ст. 4108.
11. Об утверждении типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 2 апреля 2002 г. № 207 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 14. – Ст. 1307.
12. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 года № 1009 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 33. – Ст. 3895.
13. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ (с изм. от 10.07.2017). – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
14. О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения: постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 (с изм. от 07.05.2020)// Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 36. – Ст. 4902.
15. Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов включая программные, разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 877 (с изм. от 10.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 37. – Ст. 4997.
16. Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях,

- предусмотренных законодательством Российской Федерации: приказ Минюста России от 29 марта 2019 года № 57 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.04.2019.
17. Об утверждении Порядка ведения государственного реестра независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации: приказ Минюста России от 26 апреля 2012 г. № 66 (с изм. от 30.12.2019) // Российская газета. – 2012. – 12 июня.
 18. Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России: утв. приказом МВД России от 27 июня 2003 года № 484 (с изм. от 25.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
 19. Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России: приказ МВД России от 24 февраля 2012 г. № 120 (с изм. от 03.10.2017) // Российская газета. – 2012. – 18 мая.

Раздел 21

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЭЛЕКТРОННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Вряд ли кто-нибудь станет спорить, что технико-юридическая форма нормативного правового акта — одно из достижений отечественной юридической культуры. Эта форма складывается не одномоментно, в ней непосредственно отражаются особенности развития общества, государства, права, а также «юридическая стилистика» соответствующего периода.

21.1. Недостатки технико-юридической формы традиционных «бумажных» нормативных правовых актов

Технико-юридическая форма федеральных законов и федеральных конституционных законов приобрела свой современный вид после принятия Федерального закона № 5-ФЗ от 14 июня 1994 года «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»¹. Принятие новой Конституции Российской Федерации потребовало по-новому определить технико-юридическую форму законодательных актов, а также указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов министерств и ведомств и т.д. Оформление федеральных законов и других актов федерального уровня выступило в качестве образца для выработки новой формы правовых актов в субъектах Российской Федерации.

С точки зрения развития законодательной техники, современная форма нормативных правовых актов является несомненным шагом вперед. Так, например, у федеральных законов и федеральных конституционных законов появился подзаголовок, указывающий на дату принятия (одобрения) документа соответствующей палатой парла-

¹ «Собрание законодательства Российской Федерации». 20 июня 1994 года. № 8. Ст. 801.

мента. Резко сократился круг постановлений нормативного характера, подменявших в какой-то степени законы. Из практики законодательства полностью исчезла такая форма, как законы, одобряющие ранее принятые указы Президиума Верховного Совета и т.д. Вместе с тем, существующая технико-юридическая форма нормативных правовых актов сложилась в эпоху традиционного «бумажного» делопроизводства и не отражает реальностей наступающей «цифровой эпохи». Все более очевидно, что «традиционным» нормативным правовым актам присущи недостатки, мешающие их обработке и хранению в электронных информационных системах, препятствующие эффективному поиску и использованию этих документов пользователями.

В числе наиболее существенных недостатков можно отметить следующие.

Многопредметность. Нередко нормативные правовые акты посвящаются не одному, а нескольким разнородным вопросам. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 8 декабря 2011 года № 423-ФЗ «О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации — городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Данный федеральный закон определяет порядок передачи недвижимого военного имущества в собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную собственность, однако одновременно вносит изменения в четыре других федеральных закона, причем в одном случае — не в первичный законодательный акт, а в закон об его изменении, что является нарушением законодательной техники (во избежание коллизий все изменения и дополнения должны вноситься не в законы об изменениях и дополнениях, а в первичный, основной законодательный акт).

В Государственной Думе существует практика, когда «горячие», требующие ускоренного принятия поправки, «подгружаются» в ближайший, более-менее подходящий по тематике нормативный правовой акт. В результате нормативные правовые акты теряют единство содержания, они с трудом индексируются и, соответственно, плохо ищутся в информационно-правовых системах. Поисковые запросы выдают вместе с нужной информацией огромное количество информационного шума. На ручной перебор «корзины», полученной путем автоматического поиска приходится тратить немалое количество времени и сил.

Неэргономичность. Законодательная техника совершенно не учитывает того обстоятельства, что современные методы работы с пра-

¹ «Собрание законодательства Российской Федерации», 12 декабря 2011 года, № 50. Ст. 7365.

вой информацией предполагают чтение законодательных текстов с экрана компьютера, без распечатки их на бумаге. В практике автора был случай, когда изменение требовалось внести в абзац 92-й весьма объемного финансового законопроекта. Найти этот абзац на экране компьютера оказалось достаточно трудоемкой задачей. После нескольких попыток, которые приводили к разным результатам, пришлось пронумеровать абзацы вручную, чтобы однозначно и безошибочно определить их 92-й.

Законодательные тексты нередко строятся таким образом, что взаимосвязанные смысловые элементы бывают «разбросаны» по различным частям нормативного правового акта. Это характерно, например, для экологического, административного, избирательного законодательства, где одна статья может занимать несколько страниц текста. Работать с подобными документами крайне утомительно, так как приходится постоянно «прокручивать» текст на экране удерживая в памяти его отдельные элементы.

Разумеется, совсем избежать «крупных» юридических текстов невозможно. Более того, разработка и принятие крупного кодифицированного нормативного правового акта обоснованно считается достижением законодательной техники, поскольку приводит к сокращению количества нормативных правовых актов, совершенствованию системы законодательства, упорядочению юридической терминологии, появлению оригинальных юридических конструкций и т.д. Однако взаимосвязь «крупных» кодифицированных нормативно-правовых актов и «текущего» законотворчества должна быть существенным образом оптимизирована. На нынешней стадии развития российской правовой системы текущее законотворчество должно осуществляться преимущественно в форме законов о поправках в «базовые» кодифицированные нормативно-правовые акты. Недопустимо подменять изменение и дополнение кодифицированного нормативного акта принятием самостоятельного постоянно действующего закона по тому же вопросу: подобная практика ведет к неоправданному «раздуванию» объема законодательства, запутыванию его системы, подрыву влияния и авторитета крупных кодифицированных нормативных правовых актов.

Недопустимо, когда терминология текущего федерального закона «конфликтует» с терминосистемой базового кодифицированного нормативного акта. Например, Федеральный закон «Об акционерных обществах» и ГК РФ содержат разные определения понятия «акционерное общество».

Крайне нежелательно принятие законов «смешанного» характера, которые имеют собственное постоянное содержание и одновременно являются законами о поправках. Например, Федеральный закон «Об организации и о XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как

горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Отсутствие необходимых реквизитов. В традиционной «бумажной» форме нормативного правового акта отсутствует ряд реквизитов, необходимых для его правильного понимания и применения. Речь идет, прежде всего, о дате опубликования и дате вступления в силу нормативного правового акта (а также дате, с которой правовой акт утратил юридическую силу). В случаях, когда федеральный закон может быть опубликован в четырех независимых официальных источниках («Российской газете», «Парламентской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации», а также на Официальном интернет-портале правовой информации), отслеживание источника первого официального опубликования, от которого будет отсчитываться дата вступления закона в силу, представляет собой нетривиальную задачу. Неправильное определение даты вступления закона в силу, в свою очередь, повлечет принятие необоснованного правоприменительного решения и, соответственно, его последующую отмену.

Неопределенность в отношении дат опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов отчасти устраняется наличием официальных и неофициальных баз данных правовой информации, которые тщательно отслеживают и фиксируют источник первого официального опубликования, что позволяет правильно определить дату вступления нормативного правового акта в силу. Но как быть с теми гражданами, кто все еще находится в «бумажной эпохе» и по разным причинам не имеют доступа к справочным правовым системам или не умеет ими пользоваться?

При подготовке к принятию упомянутого выше Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» автором этих строк было организовано в Комитете по законодательству Государственной Думы рабочее совещание с редакторами юридических изданий, осуществляющих официальное опубликование нормативных правовых актов. На обсуждение было вынесено предложение размещать в подзаголовке публикуемого федерального закона еще один дополнительный реквизит — дату вступления закона в силу. Согласно логике законотворческого процесса данный реквизит должен был бы формироваться первым публикатором федерального закона, разумеется, под контролем Президента и Федерального Собрания. Присутствовавшие на рабочем совещании редакторы официальных изданий единодушно отвергли подобное предложение, указав, что технический публикатор федерального закона не может и не должен брать на себя решение столь ответственного юридически значимого вопроса. Очевидно, что в рамках печатной формы опубликования законов данная

проблема технически неразрешима, но она вполне разрешима при переходе к электронной форме опубликования.

Отсутствие стандартной кодификационной обработки. Нормативные правовые акты, рассылаемые по стране в бумажной форме, до сих пор обрабатываются кое-где децентрализованно ведомственными справочно-кодификационными службами. Для этих целей используются картотеки, картоматы, ведение служебных «контрольных экземпляров» нормативных правовых актов. Одной из популярных техник кодификационной работы до недавнего времени были «вклейки и вычеркивания», когда дополнения подклеивались в бумажную версию нормативного правового акта, а места, утратившие силу — вычеркивались. Разумеется, в современных условиях для ведения «контрольных экземпляров» широко используется электронная техника.

Сопоставление «контрольных экземпляров» одних и тех же нормативных правовых актов (кодексов), используемых в правовых подразделениях федеральных органов государственной власти, проведенное в свое время по инициативе Правового управления Аппарата Государственной Думы, обнаружило в них десятки разночтений. И это неудивительно. Дело не только в ошибках или неаккуратности кодификаторов, хотя и такие имели место. Нередко сам законодатель дает указания столь общего характера («изменить наименование по всему тексту закона», «включить термин по всему тексту закона в соответствующем роде, числе и падеже»), что они понимаются и реализуются кодификаторами по-разному. При сохранении децентрализованной кодификационной обработки нормативных правовых актов исключить подобные ситуации невозможно.

Приведенные примеры говорят о том, что существующая технико-юридическая обработка «бумажных» нормативно-правовых актов не лишена недостатков, которые в современных условиях становятся все более и более очевидными. Как, по нашему мнению, мог бы выглядеть электронный нормативный правовой акт, погруженный в электронную среду и действующий в ней?

21.2. Вводная часть электронного нормативного правового акта

В содержании электронного нормативного правового акта можно выделить три составных части — вводную, текстовую и паспортную. Вводная часть должна включать, на наш взгляд, следующие элементы.

Наименование из электронный паспорт государственного органа, принявшего данный нормативный правовой акт. То, что нормативный правовой акт должен содержать наименование органа, принявшего данный акт — традиционный момент, который для юриста очевиден. Новым же моментом является то, что теперь к этому наименованию должен быть присоединен «электронный паспорт» государственного органа. Применительно к федеральным законам данный реквизит должен содержать

«электронные паспорта» всех трех участников законодательного процесса: Государственной Думы, которая принимает федеральные законы, Совета Федерации, который их одобряет, и Президента Российской Федерации, который их подписывает и публикует. Применительно к ведомственным нормативным правовым актам, достаточно «электронного паспорта» ведомства, принявшего данный нормативный акт.

«Электронный паспорт» государственного органа, на наш взгляд, должен включать следующие элементы:

- индекс (цифровое имя) государственного органа (требует разработки; в настоящее время отсутствует);
- официальное наименование государственного органа (с указанием прежних наименований и наименований организаций-предшественников);
- перечень полномочий (компетенцию) государственного органа с указанием официальных источников и дат появления (отпавдения) отдельных полномочий в его компетенции;
- почтовый адрес;
- адрес электронной почты;
- адрес официального сайта;
- адрес на официальном портале правовой информации (требует разработки; в настоящее время отсутствует);
- справочные телефоны;
- адрес и контактная информация приемной, порядок записи на прием;
- дату и время составления (актуализации) данного паспорта.

Предложение о подключении к каждому нормативному акту «официального паспорта» принявшего его органа основывается на следующих аргументах:

1. Граждане и организации обращаются к нормативным правовым актам обычно не ради праздного интереса, а для решения назревших практических вопросов — уточнения прав и обязанностей, размера ответственности, подготовки обращения или жалобы, за разрешением спорной ситуации и т.д. Наличие паспорта государственного органа позволит им подготовить и осуществить следующий практический шаг — написать адресное обращение, обратиться с заявлением и т.д.

2. Непрерывная «кодификация полномочий» — одно из необходимых условий упорядочения государственного управления. Компетенция государственного органа далеко не всегда очевидна, немало примеров «переброски» вопросов из компетенции одного органа в компетенцию другого, наличия зон «совместного ведения», например, между Минфином и Минэкономики, таможенной и налоговой службами и т.д. Присутствие официального паспорта государственного органа позволяет определить, какую группу вопросов он ведет в настоящий момент. Это

важно не только для граждан и организаций, но и для самих государственных служащих, выполняющих служебные поручения.

3. Наличие официального паспорта органа, прилагаемого к каждому нормативному правовому акту, повысит ответственность государственных органов за принимаемые решения, так как принятие акта без достаточных правовых оснований, с нарушением или превышением компетенции, становится очевидным и легко выявляется.

4. Информация о системе государственных органов и их компетенции имеет самостоятельное значение для совершенствования государственного управления и общественно-политической практики, поскольку позволяет следить за количественным составом и динамикой государственных органов, выявлять в их системе элементы дублирования, параллелизма, наличие спорной или неопределенной компетенции и т.п.

5. Наличие «электронных паспортов» резко повышает функциональность системы электронного официального опубликования, которая становится источником официальной информации не только онормах, но и оструктурах — в данном случае, о структурах действующей власти, компетенции государственных органов.

В перспективе, на наш взгляд, имеет смысл интегрировать в эту систему также персональную информацию о лицах — должностных лицах, государственных служащих, судьях, депутатах — всех лицах, осуществляющих от имени государства те или иные властные полномочия. В неофициальном и разрозненном виде такие информационные системы уже существуют, поскольку востребованы практикой. Другими словами, информация о правовых решениях и нормах на определенном этапе ее практического использования неизбежно будет переплетаться с информацией о структурах и лицах — это следует четко сознавать и с самого начала закладывать эти параметры в технические задания на проектирование соответствующих информационных систем.

Вид нормативного правового акта. Следующим элементом вводной части нормативного правового акта должно быть обозначение его вида в соответствии с принятой в государстве иерархией нормативных правовых актов — федеральный конституционный закон, федеральный закон, указ, постановление и т.д. Данный реквизит присутствует в традиционной «бумажной» форме нормативного правового акта, он должен сохраниться и в электронной форме.

Заголовок (наименование) нормативного правового акта. В данном случае в электронную версию нормативного правового также переходит привычный реквизит — наименование, которое дает представление о содержании нормативного правового акта. Вместе с тем, практика присвоения наименований нормативным правовым актам должна быть изменена. Из нее должны уйтислучаи присвоения нор-

мативным правовым актам «рекламных» наименований, рассчитанных на PR-эффект («Об угле», «О нефти и газе» (проекты), «О развитии сельского хозяйства», «О ветеранах», «О северном оленеводстве»); наименования неопределенные, не отражающие содержания нормативного правового акта («О внесении изменений в отдельные законодательные акты», «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации»); неприемлемы наименования юридически некорректные, дезориентирующие пользователей («Об электромагнитной совместимости» (проект), «Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации»).

Статус нормативного правового акта (действующий или недействующий). Встречаясь с традиционной «бумажной» версией нормативного правового акта, пользователь порой не в состоянии определить, является ли данная редакция действующей или недействующей — такого реквизита в бумажном тексте нормативного акта нет и не может быть, поскольку пользователь имеет дело с «твердой», неизменяемой копией. Правовой акт может давно утратить силу, но из его бумажной копии это не видно. Для проверки статуса нормативного правового акта пользователю придется обратиться в справочно-кодификационную службу, к официальной либо неофициальной правовой базе данных, на официальный портал правовой информации, на официальный сайт соответствующего государственного органа и т.д. Учитывая высокие темпы законотворчества, принятый нормативный правовой акт может измениться или потерять юридическую силу уже в недрах типографской машины (такие случаи действительно были). Поэтому выявление статуса печатной версии нормативного правового акта превращается в обязательную и непростую в практическом отношении задачу.

Электронная версия нормативного правового акта должна полностью разрешить указанную проблему. В ее вводной части должен быть четко и однозначно указан юридический статус нормативного правового акта на текущий момент: является ли данный нормативный акт действующим либо недействующим.

21.3. Текстовая часть электронного нормативного правового акта

Текстовая часть нормативного правового акта — это смысловое «тело» нормативного правового акта, его основная часть, предназначенная для изложения его содержания — в текстовом виде, постатейно.

Текст действующего нормативного правового акта, как правило, представляет собой сложную «смесь» фрагментов, включенных в него в разное время. Это обстоятельство отражается в бумажной версии

нормативного правового акта путем указания на источник, из которого заимствован тот или иной фрагмент («в редакции...»). Естественно, что подобного рода указания должны быть сохранены и в электронной версии нормативного правового акта. Однако подробное описание источника изменений может быть заменено гиперссылкой или цифровым адресом (адресом постоянного хранения) нормативного правового акта в системе официального электронного опубликования.

Аналогичным образом следует поступить, когда к фрагменту нормативного правового акта имеется иная правовая информация, имеющая значение для его применения. Например, положение федерального закона признано недействующим Конституционным Судом Российской Федерации (в этом случае должна быть дана ссылка на адрес постоянного хранения постановления Конституционного Суда) или положение закона применяется с ограничениями, предусмотренными международным договором Российской Федерации (должна даваться ссылка на адрес постоянного хранения текста международного договора).

Надо ли раскрывать в тексте нормативного акта все ссылки на все упоминаемые в нем иные нормативные правовые акты? Надо ли указывать в тексте нормативного акта что по нему имеется судебная практика? Надо ли указывать на опубликованные научные комментарии к тексту нормативного правового акта? Надо ли привязывать к тексту законов процессуальные формы документов, как это было сделано в УПК Российской Федерации? Надо ли информировать пользователя, что по интересующему его вопросу в законодательный орган внесен и рассматривается очередной законопроект?

На наш взгляд, все указанные виды информационно-аналитической обработки нормативных правовых актов носят дополнительный характер и представляют собой правовой информационный сервис. В настоящее время подобный сервис осуществляют коммерческие правовые базы данных, при этом постоянно развивая и обогащая его содержание. Государству, на наш взгляд, не следует соревноваться с коммерческими правовыми базами данных в области информационного сервиса в силу тяжеловесности и неповоротливости официальных структур они это соревнование проиграют. Однако государство обязано обеспечить необходимую функциональность официальных правовых баз данных. Именно на этот, минимальный в сущности уровень требований и должна быть ориентирована официальная электронная версия нормативного правового акта. Образно говоря, официальная версия нормативного правового акта — это «сырье», но оно должно быть достаточно хорошего качества, которое позволило бы опытным ресторанным «поварам» приготовить изысканные «информационные блюда» для самых взыскательных пользователей.

Электронная подпись уполномоченного лица. Данный реквизит нормативного правового акта соответствует подписи должностного лица в «бумажном» тексте, заменяет ее. Возможность применения электронной подписи в законотворчестве была продемонстрирована в 2000 году Президентом США, который подписал федеральный закон, в соответствии с которым контракты и документы с электронной подписью получили такую же силу, как и подписанные от руки. Позднее появилась технология распределенных реестров (блокчейна), которая также нацелена на обеспечение неприкосновенности и высокого уровня доверия к документам, функционирующим в сфере бизнеса и государственного управления. Технологии идентификации постоянно развиваются, поэтому трудно предвидеть, какая из них будет использоваться на том или ином отрезке времени.

21.4. Паспортная часть электронного нормативного правового акта

Паспортная часть нормативного правового акта содержит информацию о принятии, вступлении в силу, адресах хранения нормативных правовых актов и др. Ее задача — обеспечить поиск, нахождение, а также получение официальной копии нормативного правового акта.

Строго говоря, это чисто техническая часть электронного нормативного правового акта, она не относится к его правовому содержанию. Некоторые ее реквизиты (адрес хранения, метка времени) определяются автоматически, другие — формируются вспомогательными органами и службами. Наличие и правильное формирование технической по содержанию паспортной части электронного нормативного правового акта — также необходимое условие его функционирования в электронной среде.

К числу необходимых реквизитов паспортной части электронного нормативного правового акта принадлежат, по нашему мнению, следующие:

Адрес постоянного хранения вофициальной базе данных. Официальное электронное опубликование федеральных законов и других нормативных правовых актов уже в обозримом будущем станет основной формой их опубликования, а опубликование в печатном виде — вторичной, подчиненной. Соответственно, основной реквизит официального электронного опубликования — адрес постоянного хранения — приобретает принципиальное значение. Адрес постоянного хранения должен возглавлять паспортную часть нормативного правового акта и служить основой для официальных ссылок на данный нормативный правовой акт в правотворческой и правоприменительной практике. Любая официальная ссылка на нормативный правовой акт должна так или иначе содержать информацию об адресе его постоянного хранения.

В настоящее время функции постоянного адреса хранения выполняет номер опубликования, который присваивается, наряду с датой опубликования всем документам, публикуемым на официальном портале правовой информации **pravo.gov.ru**.

Так, например, Указу Президента Российской Федерации от 31 августа 2020 года № 537 «О повышении денежного вознаграждения лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации» присвоен следующий номер опубликования: 0001202008310051. По этому номеру текст указа может быть получен на портале правовой информации. Кроме того, на первой странице Указа размещен штрих-код, который позволяет обнаружить данный документ в системе электронного документооборота.

Разумеется, по сравнению с «доэлектронным» бумажным делопроизводством это несомненный шаг вперед, однако он не решает всех проблем. Номер опубликования не является универсальным — он привязан к официальному portalу правовой информации и пока не работает в других источниках правовой информации. Сфера использования штрих-кода документа еще уже. Можно сделать вывод, что в технологии хранения правовых документов сделаны принципиально важные шаги, но проблема до конца не решена.

Источник первого официального опубликования в печатной форме. Законодательство не может обновиться одномоментно. Какой-то достаточно продолжительный период новое законодательство, возникшее в электронной форме, будет сосуществовать со старым, опубликованным в традиционной «бумажной» форме и привязанным, следовательно, к печатным источникам правовой информации. Для этих случаев в паспортной части нормативного правового акта должен быть предусмотрен реквизит, фиксирующий печатный источник появления на свет нормативного правового акта.

Было бы целесообразно, на наш взгляд, провести в определенный момент законодательный «апгрейд» правовой системы (повторное принятие нормативных правовых актов, появившихся на свет в печатной форме) — для того чтобы устранить необходимость обращения граждан и организаций к печатным источникам правовой информации, полностью вывести эти источники из официального и делового оборота. Нечто подобное заложено в идеологию «регуляторной гильотины»¹.

Дата (или условия) вступления нормативного правового акта в силу. Это важнейший признак, определяющий применимость нормативного правового акта к регулированию общественных отношений. Применяться могут лишь действующие нормативные правовые акты:

¹ Подробнее см. на сайте «Регуляторная гильотина»: <https://knd.ac.gov.ru/>

акт, еще не вступивший в юридическую силу или уже утративший ее, не может быть источником регулирования общественных отношений.

Порядок вступления в силу федеральных нормативных правовых актов определяется ст. 6 уже упоминавшегося выше Федерального закона № 5-ФЗ от 14 июня 1994 года «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 года № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти», а также в ряде иных нормативных правовых актов¹.

Согласно этим документам, нормативные правовые акты могут вступать в силу со дня их принятия, со дня их опубликования, по истечении определенного срока со дня опубликования, а также в ином порядке, указанном в самом нормативном правовом акте (например, с первого числа нового налогового периода). В особом порядке могут вступать также части нормативных правовых актов. Например, глава 17 Гражданского кодекса Российской Федерации вводилась в действие со дня вступления в силу Земельного кодекса Российской Федерации².

Как отмечалось выше, существенный недостаток печатной формы опубликования нормативных правовых актов заключается в том, что она не позволяет указать в самом акте дату вступления его в силу. Определение этого момента вменено в обязанность самим гражданам, организациям, должностным лицам, судам — всем, кто применяет соответствующий нормативный правовой акт. Поэтому неудивительно, что неправильное определение момента вступления в силу нормативного правового акта — одна из распространенных ошибок правоприменительной практики.

Электронная форма нормативного правового акта должна полностью исключить указанный недостаток. В паспортной части нормативного правового акта должна быть прямо указана дата вступления его в силу, что предполагает, в частности, его первоначальную публикацию в электронной форме — в официальной базе данных, на официальном интернет-портале правовой информации и т.д.

Дата утраты юридической силы нормативным правовым актом. Нормативные правовые акты, как известно, со временем утрачивают юридическую силу. Отмененные или иным способом утратившие юридическую силу нормативные правовые акты должны сохраняться

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 20 июня 1994 года. № 8. Ст. 801; Собрание законодательства Российской Федерации, 27 мая 1996 года, № 22. Ст. 2663.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) в редакции Федерального закона № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 года//Собрание законодательства Российской Федерации. 5 декабря 1994 года. № 32. Ст. 3301.

в официальной базе данных с указанием рамок их действия во времени: даты вступления в силу — даты утраты юридической силы. Это необходимо, в частности, для случаев «переживания» закона, когда к правоотношениям или отдельным правам и обязанностям должен применяться нормативный правовой акт, действовавший на момент возникновения соответствующих правоотношений.

Следующие три реквизита отражают порядок прохождения федеральных законов по стадиям законодательного процесса. Они могут потребоваться для восстановления «полной истории» федерального закона — для случаев историко-политического толкования, политико-правовой аналитики, для пропаганды правовых знаний, в избирательном процессе, в исторических исследованиях и т.п. Разумеется, что в сокращенном виде данные реквизиты должны присутствовать в «паспортах» и иных нормативных правовых актов — указов, постановлений, ведомственных нормативных правовых актов. К числу указанных реквизитов относятся следующие:

Дата принятия федерального закона в Государственной Думе. Данный реквизит отражает рассмотрение законопроекта в Государственной Думе и может быть использован для поиска стенограмм заседаний, протоколов, стенограмм и иных документов парламентских слушаний — то есть для восстановления всей цепочки событий, связанных с рассмотрением данного законопроекта.

В настоящее время законопроектам, вносимым в Государственную Думу, присваивается временный номер — цифровое имя, под которым данный законопроект идет по стадиям законодательного процесса. Естественно, что данный номер также должен отражаться в сведениях о законопроекте.

Вместе с тем, отмечая полезность присвоения цифрового имени законопроектам, полагаем, что в электронной системе официального опубликования следует стремиться к сокращению любых промежуточных (в том числе и цифровых) наименований. В этой связи целесообразно, чтобы адрес постоянного хранения присваивался закону уже на первой стадии законодательного процесса. В том случае, когда законопроект «не доходит до финала» (такие случаи, конечно же, будут), адрес его постоянного хранения останется в официальном электронном архиве законотворческой деятельности (такой архив тоже должен быть организован и в неофициальном виде уже существует).

Дата принятия (одобрения) федерального закона в Совете Федерации. Совет Федерации в настоящее время не присваивает законопроекту «временного» номера. Однако имеется дата, когда законопроект был в окончательном виде одобрен Советом Федерации или, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, передан Президенту Российской Федерации без рассмотрения. Эта дата, на наш взгляд, также должна быть зафиксирована в паспорте закона. Наличие та-

кого реквизита, кстати, будет дисциплинировать Совет Федерации, в практике которого имелись неоднократные случаи несоблюдения конституционных сроков рассмотрения федеральных законов.

Дата подписания федерального закона Президентом Российской Федерации. Данный реквизит имеет не только техническое, но и существенное общественно-политическое значение. Он позволяет исчислить дату вступления в силу нормативного правового акта в случаях, когда акт вступает в силу с момента подписания или по истечении определенного срока с момента подписания. Одновременно он позволяет проследить соблюдение Президентом Российской Федерации конституционных сроков рассмотрения и опубликования федеральных законов, что особенно важно в случаях, когда общественность с нетерпением ждет появления нового закона.

Следующие семь реквизитов отражают результаты технико-юридической, кодификационной обработки нормативных правовых актов, связанные с их включением в официальную базу данных. К числу указанных реквизитов можно отнести следующие:

Дата опубликования нормативного правового акта в официальной базе данных (в официальном печатном источнике правовой информации). Указанный признак фиксирует важнейший в юридическом отношении реквизит, а именно, дату первого официального опубликования нормативного правового акта. По логике законодательного процесса данную дату фиксирует первый официальный публикатор, и именно от этой даты, как правило, отсчитывается срок вступления нормативного правового акта в силу. Естественно, что принятие столь ответственных политико-правовых решений не может находиться в компетенции технических работников. Определение даты публикации нормативного правового акта (и связанной с ней даты вступления акта в силу) должно получить более детальное законодательное регулирование и находится под контролем Президента Российской Федерации и Федерального Собрания Российской Федерации. Разрешение споров по вопросам опубликования федеральных нормативных правовых актов (они возможны) должно быть прямо прописано в компетенции высших судов Российской Федерации.

Для нормативных правовых актов, появившихся на свет в печатном виде, должна указываться дата их первого опубликования в официальном печатном источнике, поскольку именно к ней может быть привязано вступление акта в силу. По мере развития системы официального электронного опубликования количество таких актов должно неуклонно сокращаться.

Наличие в паспортной части электронного нормативного правового акта указания на дату его опубликования и дату вступления его в силу предполагает, что все иные официальные и неофициальные

публикации акта, как печатные так и электронные, должны полностью и аутентично воспроизводить данные реквизиты.

Вносит изменения в... Указанный реквизит касается электронных нормативных правовых актов, вносящих изменения и дополнения в действующее законодательство. В развитой правовой системе таких нормативных актов большинство — и по количеству, и по объему. Естественно, что каждый такой акт должен содержать ссылку на нормативный правовой акт, который он изменяет или дополняет. При этом, как уже отмечалось, из практики законотворчества должны быть полностью исключены случаи, когда изменения или дополнения вносятся не в первичный правовой акт, а в правовой акт о его изменениях. Подобного рода «пристройка флигелей к флигелям» запутывает законодательство и крайне затрудняет определение конечной актуальной редакции, в которой должен применяться нормативный правовой акт.

Современный законодатель должен стремиться к соблюдению принципа «Одно изменение — один нормативный правовой акт». В этом случае в интеграции нормативного правового акта в правовую систему не возникнет каких-либо трудностей. В тех же случаях, когда изменения принимаются «пакетно» сразу в несколько нормативных правовых актов (совсем исключить подобную практику нереально), следует стремиться к тому, чтобы эти изменения касались одного и того же вопроса, а не нескольких. В ходе последующих кодификационных работ «пакетные» акты об изменениях и дополнениях должны по мере утраты их значения переводиться в статус недействующих путем поглощения их крупными кодифицированными актами, утверждаемыми в новой редакции.

Существующие редакции нормативного правового акта. В паспортной части электронного нормативного правового акта должны быть перечислены все существовавшие и применявшиеся на практике редакции нормативного правового акта, с тем чтобы пользователь мог воспользоваться не только действующей, но и любой из предшествующих недействующих редакций.

Проблема создания и поддержания в актуальном состоянии «текущих редакций» нормативных правовых актов — одна из самых сложных в юридической технике законотворчества. В ходе традиционного «бумажного» законотворчества законодатель принимает базовый нормативно-правовой акт, затем в разное время и по разным обстоятельствам вносит в него изменения и дополнения, оформляя их самостоятельными нормативными правовыми актами. Каждая новая поправка образует новую «текущую редакцию» базового нормативного правового акта. Кто и как оформляет эту новую «текущую редакцию»?

В практике традиционного «бумажного» законотворчества для этих целей использовалась, как уже отмечалось, техника «вклеек и вычеркивания», которая за короткий срок превращала нормативный право-

вой акт в пухлый том, набитый неопрятной бумажной «лапшой». В более состоятельных организациях велись кодификационные картотеки, где к каждой статье нормативного правового акта подкладывались карточки с изменениями и дополнениями. С появлением компьютерной техники, естественно, бумажные карточки были заменены цифровой обработкой законодательных текстов. Однако произошедшие технические изменения не затронули главного: ведение «текущих редакций» до последнего времени рассматривалось как сугубо юридико-техническая работа, не затрагивающая содержания законотворчества.

Ситуацию вокруг ведения «текущих редакций» можно проиллюстрировать с помощью наглядного образа — создания мультипликационного фильма. Допустим, художник-мультипликатор нарисовал кадр — домик, облачко и летящую по небу птичку. Для того чтобы отразить произошедшее изменение, он должен передвинуть на несколько миллиметров облачко и изменить положение птички. Но для того чтобы это движение могло быть воспринято глазом человека, надо восстановить на рисунке все остальные детали — домик, небо, травку и т.д., другими словами, сделать «текущую редакцию» кадра в полном объеме с внесенными в него изменениями. В законотворчестве происходит так: законодатель «двигает облачко и птичку», а всю остальную работу по созданию «текущей редакции» рассматривает как техническую, возлагая ее на внешних кодификаторов и самих пользователей.

Масштаб и значение проблемы были поняты вскоре после создания первых правовых электронных баз данных. Выяснилось, что эти базы не могут нормально работать без полного пакета текущих редакций нормативных правовых актов (не пользователям же, в самом деле, предложить создавать текущие редакции, «вклеивая» поправки в нормативные правовые акты?). В результате ведущие справочные правовые базы данных в короткий срок за свой счет воссоздали все недостающие «текущие редакции» по всем включенным в базы данных нормативным правовым актам. Этот «тихий подвиг» до сих пор не оценен до конца ни государством, ни юридической общественностью. В нем можно убедиться, открыв практически любой из помещенных в базу данных нормативных правовых актов. В большинстве случаев в примечаниях вы увидите запись: «Редакция неофициальная. В настоящем виде текст опубликован не был».

Одновременно в сложном положении оказались официальные правовые базы данных. Законодатель уполномочил их публиковать в электронном виде принятые нормативные правовые акты и признал опубликованные версии официальными. Однако он не уполномочил их создавать официальные текущие редакции нормативных правовых актов, то есть не предоставил им права вести официальную текущую кодификацию, которая поддерживала бы нормативные правовые акты в актуальном контрольном состоянии. Конечно, это упростило ведение официальных баз

данных, но одновременно сделало их неполнофункциональными и неконкурентоспособными на рынке правовой информации.

Проблема может быть решена, на наш взгляд, следующим образом: создание и ведение «текущих редакций» нормативных правовых актов должно быть вменено в обязанность органам, принимающим данные акты. В этом случае отпадет сама основа для появления устаревших, неактуальных или конфликтующих между собой «текущих редакций». Из данного предложения вытекает, что при принятии любой поправки в нормативный правовой акт должно происходить не одно, а два голосования: первым голосованием должна приниматься сама поправка, вторым голосованием — утверждаться нормативный правовой акт в новой редакции с включенной в него поправкой. Именно эта редакция будет считаться официальной «текущей редакцией» нормативного правового акта на данный момент. Оба документа должны направляться в Совет Федерации и Президенту Российской Федерации и публиковаться в базах данных правовой информации (надо ли публиковать каждую «текущую редакцию» на бумаге — отдельный вопрос: на наш взгляд, не надо). В случае непрохождения закона о поправке в Совете Федерации или отклонения его Президентом Российской Федерации, нормативный правовой акт остается действовать в прежней редакции, без данной поправки. Соответственно, действует и применяется его прежняя текущая редакция. Только таким способом, на наш взгляд, можно исключить появление «детей лейтенанта Шмидта» — устаревших, неактуальных, противоречащих друг другу «текущих редакций» нормативных правовых актов.

Корреспонденты. В паспортной части электронного нормативного правового акта должны быть указаны корреспонденты — все нормативные правовые акты, с которыми взаимодействует данный правовой акт, к которым он отсылает в своих статьях, причем не только Конституция и федеральные законы, но и подзаконные правовые акты (что потребует постоянного обновления этой части паспорта). Наличие ссылок на подзаконные акты позволит пользователям быстро сориентироваться — перейти к документам, осуществляющим детальное регулирование интересующего их вопроса.

Респонденты. Это нормативные правовые акты, откликающиеся на данный нормативный правовой акт, содержащие ссылку на него. Фиксация подобного рода «обратных связей» — настоятельная потребность законотворчества и кодификационной практики. Изменение в базовом, «узловом» нормативном правовом акте, как правило, требует системных изменений во всех сопряженных с ним нормативных правовых актах, для того чтобы избежать юридических коллизий, поддерживать системность в действующем законодательстве. Наличие списка респондентов позволяет оперативно выполнить данную работу.

На практике иногда встречается ситуация, когда подзаконный правовой акт по каким-то причинам (опережение по дате принятия, небрежность, неинформированность, желание замаскировать противоречия между законом и подзаконным актом) не содержит прямой ссылки на нормативный правовой акт, содержание которого он фактически развивает. Такого рода «фактические респонденты» должны выявляться аналитическими службами и отражаться в паспортной части базового нормативного правового акта, независимо от наличия или отсутствия на них прямых ссылок.

Надо ли в этой части паспорта отражать правовые акты субъектов Российской Федерации, которые издаются в развитие федеральных законов, содержат ссылки на них, и в определенном смысле тоже являются «респондентами» федерального законодательства? На наш взгляд, фиксация подобного рода связей выходит за рамки задач паспорта нормативного правового акта, поскольку чрезвычайно расширяет и усложняет его содержание. В конце концов, субъекты Российской Федерации должны быть не только потребителями, но и активными участниками процесса кодификации законодательства. С этой точки зрения, поддержание в актуальном состоянии своих нормативно-правовых систем — задача самих субъектов Российской Федерации.

Список ключевых слов. Сегодня никого не удивить тем, что крупный значимый документ, статья, доклад или аналитическая записка индексируются — к ним прикладывается список ключевых слов, раскрывающих основное содержание данного документа, облегчающих его поиск в информационных системах. К законодательным актам, однако, это требование до сих пор не предъявлялось. Конечно, в базах данных они, как и все прочие документы, подвергаются текущей индексации — к ним «пришивается» некий «шлейф» в виде списка ключевых слов. Однако делается это децентрализованно, с использованием разномастных поисковых словарей-тезаурусов и не всегда квалифицированно. В результате поиск нормативных правовых актов по ключевым словам работает неэффективно и не пользуется популярностью у пользователей.

Индексы по классификатору нормативных правовых актов. Это еще один поисковый реквизит, который позволяет найти нужный нормативный правовой акт в огромном массиве действующего законодательства. На практике используется Классификатор правовых актов, утвержденный указом Президента Российской Федерации № 511 от 15 марта 2000 года¹, а также значительное количество иных правовых классификаторов, разработанных для своих целей участниками информационно-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 20 марта 2000 года. № 12. Ст. 1260.

поисковой деятельности¹. Работа с правовым классификатором, как и работа со списком ключевых слов, также требует юридических знаний и определенной квалификации. Наша мысль заключается в том, что классификационная разметка (присвоение нормативному правовому акту кодов официального классификатора правовых актов) должно производиться централизованно и быть одной из обязанностей органа, принявшего данный нормативный правовой акт.

Отметка регистрации в Министерстве юстиции России (Электронная виза Министерства юстиции России). В соответствии с 10 и 11 Постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, подлежат государственной регистрации. Государственная регистрация осуществляется Министерством юстиции Российской Федерации, которое ведет Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти². Государственная регистрация нормативных правовых актов министерств и ведомств — одна из форм государственного контроля за процессом законотворчества, гарантирующая соблюдение принципа законности, прав и свобод гражданина и человека, правовую полноценность принимаемых нормативных правовых актов³.

Процедура ведения «государственного реестра» нормативных правовых актов возникла в условиях безраздельного господства «бумажной» формы нормативных правовых актов и генетически связана с «бумажной» организацией законодательного процесса. В условиях перехода к электронному законотворчеству данная форма государственного контроля должна быть модернизирована. Для того чтобы следить за соблюдением законодательской компетенции, правил законодательной техники, соблюдением прав и свобод человека и гражданина сегодня совсем не обязательно вести какой-то (даже условный) реестр. Как представляется, в современных условиях государственный реестр нормативных правовых актов должен быть заменен «электронной визой» Министерства юстиции России, которая бы направлялась по каналам электронной коммуникации субъекту законотворческого процесса и включалась в качестве элемента в паспорт ведомственного нормативного правового акта.

¹ См.: Правовой классификатор и правовой тезаурус в законотворчестве и юридической практике. Москва — Екатеринбург, 1998.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 18 августа 1997 года. № 33. Ст. 3895.

³ См.: *Морозов А. А.* Единый регистр нормативных правовых актов как государственный информационный ресурс: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2014.

По сравнению с реестром электронная виза имеет ряд существенных преимуществ:

- она ориентирована уже не на бумажное, а на электронное дело-производство, предполагает обмен документами в электронно-цифровой форме;
- более надежна с технической точки зрения, поскольку представляет собой специализированную цифровую подпись, которую пользователь может самостоятельно проверить;
- может сопровождаться пакетом документов правового и экспертно-аналитического характера, связанных с принятым решением;
- носит не закрытый, а открытый, публичный характер, что существенно сокращает возможности для коррупционных связей.

Вместе с визой в этой же рубрике паспорта электронного нормативного правового акта могли бы быть отражены и некоторые факультативные (необязательные) элементы. Например, дана информация о прохождении документом антикоррупционной, экологической или бюджетно-финансовой экспертизы вместе с актами указанных экспертиз.

Два заключительных элемента паспорта электронного нормативного правового акта существенны при получении гражданами и организациями из базы данных (с интернет-портала правовой информации) официальной копии нормативного правового акта.

Метка времени — фиксирует дату и время получения из системы официальной копии электронного нормативного правового акта. Метка времени должна исключить возможность подмены официальной копии нормативного акта другой официальной копией, более ранней или более поздней по времени, отличающейся от нее по содержанию.

Электронная подпись официальной базы данных (официального интернет-портала правовой информации) должна зафиксировать неизменность и юридическую полноценность официальной электронной копии нормативного правового акта, которая позволяет использовать данную информацию в законотворчестве и правоприменительной практике, при предоставлении прав и возложении обязанностей, в деловых отношениях между гражданами и организациями без какого-либо дополнительного (в том числе нотариального) удостоверения.

В заключение вернемся к главной мысли. Происходящий в наше время переход к электронной форме официальной и деловой коммуникации неизбежно отразится на технико-юридической форме нормативных правовых актов. Традиционная, устоявшаяся бумажная форма нормативных правовых актов, равно как и процедуры законотворческой деятельности, требуют модернизации. Должна быть отработана юридическая техника электронных нормативных правовых актов и создана современная «юридическая инфраструктура», которая позволила бы нормативным правовым актам успешно функционировать в электронной среде.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы преимущества электронной формы нормативных правовых актов перед их традиционной бумажной формой?
2. Каковы содержание и структурная организация вводной части электронного нормативного правового акта?
3. Каковы содержание и структурная организация текстовой части электронного нормативного правового акта?
4. Почему необходима паспортная часть электронного нормативного правового акта? Каково ее содержание и структурная организация?
5. Откройте любой нормативный правовой акт в справочной правовой системе «КонсультантПлюс», «Гарант» или «Кодекс». Какие из элементов юридической техники электронных нормативных правовых актов реализованы и применяются на практике?

Тестовые задания

(На каждый вопрос возможны несколько правильных ответов)

- 1) Укажите недостатки бумажной формы нормативных правовых актов (далее – НПА):
 - a) принятие законодательными (представительными) органами государственной власти
 - b) многопредметность
 - c) неудобство хранения
 - d) пожароопасность
 - e) сложность кодификации
- 2) Каковы необходимые элементы вводной части современного федерального закона?
 - a) наименование (заголовок)
 - b) дата рассмотрения Государственной Думой
 - c) дата утраты законом юридической силы
 - d) дата одобрения Совета Федерации
 - e) отсутствие даты рассмотрения Советом Федерации, если закон не рассматривался или был Советом Федерации отклонен
 - f) дата вступления закона в юридическую силу
- 3) Укажите приемы (технологии) бумажной кодификационной обработки НПА:
 - a) внесение текстовых записей, надписей
 - b) вычеркивания
 - c) вклейки
 - d) электронные базы данных
 - e) регистрационные журналы
 - f) картотеки, картоматы
- 4) Каковы отличительные признаки текущей (контрольной) редакции НПА?
 - a) отражает изменения и дополнения НПА, принятые в разное время
 - b) является юридически значимым изменением или дополнением НПА
 - c) содержит дату и источник каждого изменения и (или) дополнения
 - d) вносится в текст НПА работником отдела или управления кодификации

- е) является формой официального опубликования
- ф) используется для контроля, проверки и сверки идентичности действующих НПА
- 5) Каковы задачи вводной (адресной) части электронного НПА?
- а) указывает на предмет регулирования НПА
- б) указывает на государственный орган, принявший данный НПА
- с) указывает на вид НПА, его юридическую силу и место в системе НПА
- д) указывает на статус НПА: действующий, приостановленный или отмененный
- е) освобождает от ответственности в случае ошибочного применения НПА
- ф) используется для поиска НПА в базах данных
- 6) С помощью каких реквизитов НПА может быть удостоверена его подлинность и юридическая сила?
- а) номер НПА
- б) указание места принятия (подписания) НПА
- с) подпись уполномоченного должностного лица
- д) печать уполномоченного органа
- е) цифровая подпись, цифровая виза
- ф) фотокопия конверта с сургучной печатью
- 7) Каковы источники официального опубликования федеральных законов?
- а) База данных «Консультант Плюс»
- б) Российская газета
- с) Собрание законодательства Российской Федерации
- д) База данных «Гарант»
- е) Газета «Известия»
- ф) Официальный интернет-портал правовой информации
- г) Парламентская газета
- 8) В предложенной таблице разграничьте официальную обязательную информацию об НПА и факультативные (необязательные) элементы информационного характера:

Обязательная информация об НПА (1)	Наименование НПА (а)
Факультативная информация об НПА (2)	Судебная практика по данному НПА (б)
	Вид НПА (с)
	Наличие научных комментариев по данному НПА (д)
	Дата принятия (подписания Президентом РФ) (е)
	Указание органов надзора и контроля (ф)
	Наличие форм сопровождающих процессуальных документов (г)
	Номер НПА (h)

- 9) Укажите отличительные черты постоянного адреса хранения НПА:
- a) создается и используется официальным интернет-порталом правовой информации
 - b) используется для хранения всей информации, связанной с принятием данного законопроекта
 - c) не изменяется при внесении изменений и дополнений в НПА
 - d) используется для оперативного поиска правовой информации
 - e) представляет собой последовательность цифр
- 10) Каковы особенности многопредметных НПА?
- a) обеспечивают динамизм и эффективность законодательства
 - b) касаются различных, иногда слабо связанных между собой предметов
 - c) создают значительные объемы «информационного шума»
 - d) вызывают затруднения при поиске в базах данных
 - e) создают сложности при осуществлении кодификации
- 11) Кто подписывает официально публикуемые федеральные законы?
- a) Президент РФ
 - b) Председатель Правительства РФ
 - c) Председатель Государственной Думы
 - d) Председатель Совета Федерации
 - e) Председатель Конституционного Суда РФ
- 12) Что понимается по «регуляторной гильотиной»?
- a) отзыв депутатов избирателями
 - b) наказание лиц, злоупотребляющих правом законодательной инициативы
 - c) перевод НПА, опубликованных на бумаге, в машиночитаемую форму
 - d) плановое сокращение количества НПА в процессе кодификации
 - e) массовая процедура обновления либо отмены НПА, устаревших по содержанию и (или) потерявших юридическую силу

Рекомендуемая литература

1. Официальное электронное опубликование: история, подходы, перспективы / под ред. В.Б. Исакова. – М., 2012.
2. Сборники Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. Серия: Электронное законодательство. – Вып. 1: Электронное законодательство: доступ к нормативно-правовой информации в электронной среде. – СПб., 2011.
3. Сборники Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. Серия: Электронное законодательство. – Вып. 2: Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде: сборник материалов международной научно-практической конференции. – СПб., 2012.
4. Сборники Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. Серия: Электронное законодательство. – Вып. 3: Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. – СПб., 2013.

Раздел 22

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

22.1. Интерпретационная юридическая техника: понятие, признаки, значение

В механизме практически любого современного государства полиция занимает особое место. Она традиционно рассматривается в качестве субъекта, находящегося на переднем рубеже борьбы с преступностью. От слаженности, грамотности и четкости ее действий во многом зависит уровень правопорядка в обществе, возможность беспрепятственного осуществления гражданами своих прав и свобод.

Выступая в роли непримиримого борца с преступностью, полиция строит свою работу исключительно на основе правовых предписаний. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, правовую основу деятельности полиции составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Полиция в своей деятельности руководствуется также законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции.

Круг нормативных правовых актов, с которым приходится сталкиваться в ходе осуществления своих функций сотрудникам полиции, достаточно широк. Его границы и содержание являются достаточно динамичными в силу высокой активности деятельности правотворческих органов. Количество действующих правовых предписаний в нашей стране неуклонно возрастает. Каждый вновь принятый за-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

кон или подзаконный акт уточняет сферу правового регулирования, отменяет либо изменяет ранее действовавшие акты.

В этих условиях остро встает вопрос о необходимости своевременного обнаружения и точного выяснения смысла, заложенного в тот или иной нормативный правовой акт. Особую значимость он приобретает в рамках правоприменительной деятельности, любое упущение в которой может привести к необоснованному ущемлению прав граждан и иным негативным последствиям. Важность уяснения и разъяснения смысла норм права в указанной сфере отмечалась рядом отечественных ученых-правоведов. Так, Н.Л. Гранат отмечала, что основное содержание деятельности органов внутренних дел «составляет правоприменение, а необходимым условием и компонентом процесса правоприменения является толкование норм права. Значит, практическим работникам нужно знать теорию этого вопроса и уметь применять ее в своей работе. Поэтому разработка общетеоретических аспектов толкования норм права на материале органов внутренних дел представляет собой определенный научный и практический интерес»¹.

Разделяя в целом представленную точку зрения, мы полагаем, что, во-первых, толкование норм права не следует ограничивать рамками сферы правоприменения, ибо оно представляет собой самостоятельное направление юридической науки, во-вторых, в ходе подготовки сотрудников полиции сегодня наиболее востребованы не столько «общетеоретические аспекты толкования норм права», сколько конкретные методики практического использования достижений соответствующей теории.

Вопросы о природе толкования норм права, его особенностях, необходимости и значении стали достаточно традиционными для современного правоведения. Обращение к учебной и научной юридической литературе позволяет обнаружить значительное количество материала, что свидетельствует о неизменном интересе специалистов к данному феномену. В частности, С. С. Алексеев отмечал, что толкование норм права — «деятельность по установлению содержания нормативных правовых предписаний в целях их практической реализации»². Т. Я. Хабриева определяла толкование как «совершение определенным субъектом совокупности действий в строгом их наборе, последовательности и системе, соответствующим образом оформленных и доведенных до сведения адресатов правовых велений»³. В свою очередь, А. С. Пиголкин рассматривает толкование как «деятельность органов государства, должностных лиц, общественных организаций,

¹ Гранат Н.Л., Колесникова О.М., Тимофеев М.С. Толкование норм права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел. М., 1991. С. 3.

² Алексеев С.С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 2. С. 162.

³ Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 2006. С. 491.

отдельных граждан, направленную на установление содержания норм права, на раскрытие выраженной в них воли социальных сил, стоящих у власти»¹. Под толкованием права А. Ф. Черданцев понимает, «с одной стороны, определенный мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой — результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определенное значение (смысл)»². Как полагает Н. Н. Вопленко, толкование норм права можно определить как «выражающуюся в особом юридическом акте интеллектуально-волевою деятельность субъектов права по уяснению и разъяснению смысла норм права в целях их наиболее правильной, быстрой и экономичной реализации»³.

Толкование норм права в качестве обязательной темы изучается в высших учебных заведениях юридического профиля, в том числе системы МВД России. Вряд ли кто-то сегодня станет отрицать актуальность данного направления правоведения в сфере подготовки высококвалифицированных сотрудников полиции.

Курсанты учебных заведений МВД России должны тщательно изучать теорию толкования норм права, ведь далеко не случайно в перечень общих требований, которым должны соответствовать правовые знания работников органов внутренних дел, традиционно включались знания в сфере юридической теории, позволяющие осуществлять толкование и применение норм права⁴. Базовые представления должны формироваться в ходе изучения учебной дисциплины «Теория государства и права». Последующему их развитию, максимальному приближению к потребностям практической деятельности способствует освоение соответствующего раздела дисциплины «Юридическая техника». Изучение учебного материала предполагает формирование у курсантов соответствующих умений и навыков, необходимых для успешного толкования норм права. В этой связи особую ценность приобретает рассмотрение интерпретационной техники, позволяющей усилить практическую составляющую обучения и стать востребованной в повседневной деятельности органов внутренних дел. Ее умелое применение призвано обеспечить своевременное уяснение, а в случае необходимости, и разъяснение смысла правовых предписаний.

Постараемся сформулировать понятие интерпретационной техники, сделав упор на существенные признаки данного феномена.

¹ Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1995. С. 280.

² Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 5.

³ Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.

⁴ См.: Афанасьев В. С. Обеспечение социалистической законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 140–141.

Вопрос об интерпретационной технике является достаточно новым для отечественного правоведения и в настоящий момент не получил в научной литературе широкого освещения. Уровень его общетеоретической разработки заметно отстает от, например, вопросов законотворческой техники. Сама идея возможности обнаружения элементов юридической техники в области интерпретационной деятельности прослеживается далеко не во всех подходах, встречающихся в современном правоведении. Так, дискуссии о сфере применения юридической техники можно свести к трем основным группам. В первой из них юридическая техника — это техника правотворчества; во второй — юридическая техника реализуется также в правоприменении, официальном толковании права и других видах властной юридической деятельности; в рамках третьей — юридическая техника содержит инструментарий, применимый во всех сферах юридической деятельности: как властных, так и невластных¹.

Представленные подходы отражают различные точки зрения на природу и возможности юридической техники. Мы исходим из того, что осуществление толкования как деятельности, направленной на раскрытие содержания нормативно-правовых предписаний и объяснение выраженной в них воли субъектов правотворчества, немислимо без ее специфических инструментов. Об этом же свидетельствует обращение к ряду известных дефиниций юридической техники. При формулировании соответствующих определений ученые-правоведы посчитали необходимым включить в их объем указание на деятельность по толкованию норм права либо на ее результаты.

Так, по мнению В. К. Бабаева, В. М. Баранова и В. А. Толстика, юридическая техника — совокупность правил и приемов подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования проектов нормативных правовых, правоприменительных, интерпретационных актов². М. Л. Давыдова считает, что юридическая техника — «это система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»³.

Пристальное внимание к идеям такого рода, их теоретическая разработка и развитие позволили ученым-правоведам выделить интерпре-

¹ См.: Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 19.

² См.: Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2000. С. 82.

³ Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 8.

тационную технику в качестве самостоятельного вида юридической техники. Так, Т. В. Кашанина полагает, что основным критерием классификации юридической техники выступают стадии правового регулирования. На его основе выделены шесть ее видов, в числе которых указана и интерпретационная техника¹. Данную разновидность юридической техники упоминает в своих трудах и В. Н. Карташов, отмечая, что она призвана играть существенную роль в содержании интерпретационной деятельности².

С учетом высказанных суждений, первый признак интерпретационной техники можно сформулировать следующим образом: *интерпретационная техника является относительно самостоятельным видом юридической техники*, наряду с техникой правотворческой, правоприменительной.

Второй признак интерпретационной техники гласит: *интерпретационная техника характеризуется наличием сложной структуры, включающей в себя соответствующие средства и способы*.

Изучение интерпретационной техники неизбежно предполагает рассмотрение ее структуры. Данный вопрос в современном правоведении представляется остродискуссионным.

Анализ юридической литературы позволяет выделить ряд подходов к его решению. В частности, Т. В. Кашанина полагает, что структура интерпретационной техники — частный случай структуры юридической техники. Она складывается из двух компонентов: собственно интерпретационной техники и интерпретационной технологии³.

Первый представляет собой совокупность средств, под которыми понимаются материальные предметы, объекты, с которыми в процессе проведения юридической работы производятся манипуляции для достижения поставленной цели.

Второй — приемы, способы, методы, которые имеют нематериальный характер и относятся к умению (искусству) проводить интерпретационную работу. Перечисленные термины не синонимичны. Т. В. Кашаниной они определяются следующим образом:

- приемы юридической техники — это действия, способные повторяться при осуществлении чего-либо;
- способы юридической техники — это сложная по содержанию деятельность, включающая в себя совокупность приемов;
- методы юридической техники — это пути достижения цели, упорядочения правового материала или правоотношений⁴.

¹ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 85.

² См.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 359.

³ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 346.

⁴ См. Там же. С. 79–80.

По мнению В. Н. Карташова, интерпретационную технику образует совокупность юридических средств (общесоциальных, специально-юридических и технических) как допускаемых законом предметов и явлений, с помощью которых обеспечиваются достижение цели и необходимый результат¹. Используемые при этом способы составляют важную часть интерпретационной тактики и представляют собой конкретный путь достижения намеченной цели (результата) с помощью конкретных средств и при наличии соответствующих условий и предпосылок деятельности.

В свою очередь, М. Л. Давыдова полагает, что юридическую технику образуют два уровня технико-юридических инструментов, носящих общий характер, т.е. проявляющих себя на всех уровнях существования права, во всех видах юридической деятельности, в том числе интерпретационной:

- правила (требования) юридической техники — разработанные наукой и (или) официально установленные нормативы, соблюдение которых в процессе юридической деятельности выступает критерием ее качества;
- средства (приемы) юридической техники — специфические инструменты профессиональной юридической деятельности, обеспечивающие достижение ее целей.

Отдельные виды юридической техники характеризуются, помимо общих, набором собственного, видового технико-юридического инструментария².

Очевидно, что обилие подходов к структуре юридической техники в целом обусловлено сложностью рассматриваемого вопроса. Тем не менее подобный разброс позиций затрудняет анализ структуры техники интерпретационной.

На наш взгляд, сопоставление представленных теоретических подходов позволяет, несмотря на то что «в отечественной литературе к числу особо дискуссионных относятся вопросы о технике, средствах, способах, правилах, методах юридического толкования в целом»³, предположить, что существует устойчивая система компонентов, составляющих структуру как юридической техники в целом, так и «просматривающихся» в структуре интерпретационной техники в частности. Факт их существования, в рамках той или иной схемы, отмечали сами ученые-

¹ См.: *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 360.

² См.: *Давыдова М. Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 9.

³ *Шаронов А. Н.* Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 27.

правоведы. Полагаем, что к числу основных элементов, составляющих структуру интерпретационной техники, следует отнести:

1) средства интерпретационной техники — допускаемые законом предметы и явления, с помощью которых обеспечивается достижение цели в области интерпретации норм права;

2) способы интерпретационной техники — совокупность приемов, применение которых позволяет раскрыть содержание правовых предписаний в целях их реализации¹.

Третий признак интерпретационной техники состоит в том, что она *обеспечивает своевременное и эффективное получение информации о содержании нормативного правового акта*. Толкование представляет собой достаточно сложную интеллектуально-волевою деятельность субъектов, направленную на познание воли правотворческого органа, результатов его труда, отраженных в правовых предписаниях. Применение специальных средств, способов и правил позволяют получить достоверные знания о содержании норм права. Грамотное использование интерпретационной техники гарантирует правильное, единообразное понимание и последующее своевременное применение законов и подзаконных актов, укрепление правового пространства в государстве.

Четвертый признак интерпретационной техники проявляется в том, что она при необходимости *обеспечивает закрепление результата толкования*. В ряде случаев информация, полученная в процессе толкования норм права, требует внешнего выражения. Так, разъяснения, исходящие от компетентного государственного органа, необходимо закрепить на материальном носителе и надлежащим образом оформить, обеспечив тем самым возможность обращаться к ним в будущем широкому кругу правоприменителей. Подготовка интерпретационного акта — длительный и сложный процесс. Основные постулаты его осуществления находят отражение в правилах интерпретационной техники, знание которых помогает, например, оптимально структурировать материал, эффективно использовать языковые средства.

Интерпретационная техника является показателем уровня развития юридической науки. Данный, пятый по счету признак интерпретационной техники призван подчеркнуть то обстоятельство, что ни толкование норм права, ни формирование интерпретационной техники как комплексной системы не представляется возможным без прочной, проверенной практикой теоретико-правовой базы. Сам факт появления и обособления специального инструментария, позволяющего

¹ См.: Толстик В. А., Дворников Н. Л., Каргин К. В. Системное толкование норм права. М., 2010; Слесарев А. В. Судебно-арбитражное толкование норм гражданского права. СПб., 2005; Лукашук И. И. Современное право международных договоров: в 2 т. М., 2004. Т. 1: Заключение международных договоров.

выявлять смысл правовых предписаний, свидетельствует о достаточно высоком уровне развития юридической науки.

Шестой признак указывает, что *интерпретационная техника зависит от уровня развития общества*. Система общественных отношений обуславливает содержание действующего в стране законодательства. Ее усложнение неминуемо влечет расширение сферы правового регулирования и, как следствие, увеличение количества нормативных правовых актов, требующих разъяснения. Соответственно, чем выше уровень развития общества, тем выше в нем потребность в интерпретационной технике. При этом мощное влияние на процесс ее формирования оказывает уровень экономического развития общества, так как от него прямо зависит как многообразие и сложность общественных отношений, так и объем финансирования юридической науки, размеры вознаграждения исследователей, возможность разработки и приобретения различных, в первую очередь, технических, средств.

Выделенные признаки интерпретационной техники позволяют сформулировать следующее определение.

Интерпретационная техника, обусловленная уровнем развития юридической науки и общества — особая разновидность юридической техники, представляющая собой совокупность средств и способов, используемых в целях получения информации о содержании нормативного правового акта и при осуществлении деятельности по подготовке интерпретационного акта.

Значение интерпретационной техники, применительно к деятельности сотрудников полиции, достаточно велико и определяется следующим.

1. Интерпретационная техника призвана вооружить сотрудников навыками выполнения юридической работы в сфере толкования норм права в целях повышения эффективности и качества осуществления ими оперативно-служебной деятельности.

2. Интерпретационная техника позволяет эффективно осуществлять деятельность по уяснению и разъяснению содержания правовых предписаний.

3. Умелое использование интерпретационной техники — важное условие своевременной и эффективной реализации нормативных правовых актов.

4. Овладение инструментарием интерпретационной техники выступает в качестве гарантии и средства укрепления законности в деятельности полиции, позволяет избежать многочисленных ошибок в процессе правоприменительной деятельности и юридической квалификации деяний, фактов и обстоятельств.

5. Интерпретационная техника — одно из средств повышения правовой культуры граждан и должностных лиц.

6. Использование интерпретационной техники способствует установлению пробелов в праве.

22.2. Виды интерпретационной техники

Изучение интерпретационной техники неизбежно предполагает рассмотрение вопроса о ее классификации, которая, с одной стороны, выступает в качестве средства упорядочения накопленных знаний об изучаемом явлении, с другой — является необходимой предпосылкой тщательного научного анализа.

Известно, что правильность и полнота любой классификации зависят, прежде всего, от выбора ее оснований. В юридической литературе виды интерпретационной техники чаще всего выделяются в зависимости от способов толкования, его субъектов и объема. Рассмотрим их подробнее.

При определении видов интерпретационной техники, выделяемых на базе способов толкования норм права, следует помнить о том, что в современной юридической науке вопрос о количестве и наименовании этих способов является достаточно дискуссионным. Их выбор и использование обусловлены спецификой познаваемой правовой действительности и целью, которую ставит перед собой интерпретатор. Мы исходим из того, что к основным можно отнести грамматический, логический, системный, исторический и специально-юридический способы толкования.

Выделяемые в рамках данной классификации виды интерпретационной техники характеризуется специфической совокупностью используемых для познания смысла правовых норм приемов, составляющих тот или иной способ толкования. В то же время, по-нашему мнению, все представленные ниже виды интерпретационной техники базируются на общей системе средств. Все они, с некоторой долей условности, могут быть разделены на общесоциальные, специально-юридические и технические.

К общесоциальным следует отнести язык и его основные единицы (например, слова и словосочетания), а также суждения и т.д. Более подробно они будут рассмотрены при изучении грамматического толкования.

Специально-юридические средства включают в себя законодательные дефиниции, юридические конструкции, принципы права, правовые фикции, правовые презумпции, правовые аксиомы и т.д.

К техническим средствам в сфере интерпретационной деятельности относятся:

- 1) законы и подзаконные акты как материальный носитель информации правового характера, смысл которой требуется установить;
- 2) монографии, диссертации, отражающие результаты доктринального толкования норм права;
- 3) журнальные и газетные статьи, включающие анализ действовавшего, действующего и желаемого законодательства.

Все рассматриваемые виды интерпретационной техники в той или иной степени затрагивают и используют средства из названных

трех групп. Их объем и конкретный перечень зависят от задач, которые поставил перед собой интерпретатор.

Традиционно толкование норм права начинается с использования грамматического способа толкования. В юридической литературе он иногда обозначается как словесный, филологический, текстовый, языковой способ толкования и рассматривается как совокупность специальных приемов, направленных на уяснение морфологической и синтаксической структуры текста правовых актов. На его основе становится возможным выделение первого вида интерпретационной техники — *грамматического толкования*. Оно направлено на установление с помощью языковых средств и их внутритекстовых связей смысловых параметров правовой нормы, позволяющих адекватно раскрыть конкретное содержание нормативных предписаний с выраженной в них волей законодателя. Другими словами, данный вид предполагает уяснение смысла нормы права на основе анализа ее текста.

Грамматическое толкование выступает как первый значимый шаг «в познании нормативных правовых предписаний, ибо воля законодателя находит свое воплощение в формально установленных письменных документах, имеющих официальный властно-распорядительный характер и оформленных как государственное выражение воли законодателя»¹.

Грамматическое толкование предшествует применению других способов толкования. Оно включает определенные средства и приемы.

Так, В. Н. Карташов справедливо полагает, что к средствам грамматического толкования относятся графические знаки (например, буквы), слова, словосочетания, предложения, знаки препинания и т.п.

Буквы используются для текстового изложения правового предписания. Они же могут выступать в качестве предлогов («в», «о», «с», «у», «к» и др.) и союзов («и», «а» и др.).

Слова представляют одну из основных единиц языка, с помощью которой выражается юридическая и иная действительность.

Словосочетания — соединение двух или более слов, связанных грамматически и по смыслу. Они позволяют отражать сложные явления, процессы и отношения реальной действительности.

Предложения — это основные синтаксические единицы, содержащие сообщение о чем-либо.

Знаки препинания (точка, запятая, точка с запятой, кавычки, тире, многоточие и др.) служат для обозначения в тексте границ словесных отрезков, обеспечивают однозначное понимание предложений и текста².

¹ Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2002. С. 6.

² См.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 367–368.

Грамматическое толкование осуществляется в определенном порядке. В частности, в первую очередь устанавливается смысл и значение использованных в норме понятий. Интерпретатор должен обратить особое внимание на то обстоятельство, что грамматическая оболочка правовой нормы состоит из нескольких элементов. Один из основных — *лексический*, т.е. связанный со смыслом слов. При этом следует различать первоначальное, *этимологическое* значение слова, т.е. связанное с его происхождением, и *семантическое*, т.е. то, которое придается ему в современном словоупотреблении. Если значение слова не изменилось, его этимология и семантика совпадают.

Следующий этап грамматического толкования — *синтаксический*, т.е. имеющий дело с конструкцией фраз, способами сочетания слов и предложений. От синтаксической формы предложения зависит как общий его смысл, так, иногда, и значение в рамках этого предложения отдельных слов. Классическим образцом синтаксического грамматического толкования может служить фраза «Казнить (,) нельзя (,) помиловать», от месторасположения в которой запятой, отделяющей одно слово от другого, меняется на противоположный вкладываемый в нее смысл¹.

Осуществляя грамматический разбор предложения, важно правильно установить связи слов, определить структуру предложения в целом и роль в нем знаков препинания, союзов, уточнить время и форму глаголов, в ряде случаев интерес представляет последовательность использованных в норме права понятий.

Грамматическое толкование как вид интерпретационной техники включает в себя ряд специальных требований, которыми должен руководствоваться интерпретатор, уясняя смысл правового предписания.

1. Если в самом правовом акте указано, в каком смысле нужно употреблять то или иное слово, его следует употреблять именно в этом смысле. Важность данного положения подчеркивается рядом современных исследователей. Так, по мнению Е. А. Волосюк, оно выступает «основным правилом грамматического толкования»².

2. При разъяснении того или иного термина следует также исходить из его официальной интерпретации компетентными субъектами.

3. Словам и выражениям необходимо придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет причин и оснований для иной их интерпретации (в международной практике это правило называется «золотым правилом» толкования).

4. Словам юридических предписаний необходимо придавать тот смысл, в каком они употреблялись в момент издания.

¹ См.: Манукян А. Г. Толкование норм права (виды, система, пределы действия): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 39.

² Волосюк Е. А. Грамматическое толкование норм УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

5. Слова должны толковаться не порознь, а в их связи, взаимодействии, системно.

6. Как при определении смысла отдельных слов, так и при установлении содержания юридических предписаний в целом, необходимо учитывать природу предписания (нормативная, индивидуальная и т.п.), стиль его автора.

7. Значение термина, установленного законодателем для данного института (отрасли) права, нельзя без достаточных оснований распространять на другие институты (отрасли) права.

8. Идентичным формулировкам одного и того же правового акта нельзя придавать разное значение, если это не следует из данного акта.

9. Нельзя разным терминам придавать одно значение без достаточных к тому оснований и доказательств.

10. Недопустимо такое толкование, при котором отдельные слова и иные средства нормативного правового акта трактовались бы как лишние.

11. При толковании иностранных слов им придается то значение, которое они приобрели в родном языке, если иное не оговорено в законодательстве реципиента.

12. Слова, относящиеся к той или иной профессии, должны пониматься в соответствии с правилами профессии.

13. Технические термины должны объясняться специалистами.

14. Не следует отступать от обычного смысла слов¹.

15. Семантическому значению слова следует отдавать предпочтение перед этимологическим в случае их коллизии, так как современное значение слова является общепринятым, а законодатель должен руководствоваться господствующим словоупотреблением. Так, например, слово «преступление» происходит от глагола «переступить» и этимологически может означать нарушение любых запретов, в том числе моральных, однако в настоящее время такое словоупотребление правомерно только в переносном смысле (например, «пренебрежительно относиться к своему здоровью — преступление перед самим собой»). Сейчас семантически преступление — это нарушение лишь уголовного закона.

16. Широкому смыслу слова принадлежит преимущество перед узким, ибо если бы законодатель намеревался ограничить содержание слова, то имел полную возможность особо на это указать. Так, в части 2 статьи 50 Конституции РФ говорится, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Тем не менее, ясно, что полученные с нарушением закона доказательства не могут использоваться

¹ См.: *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 370–371.

не только в судебных заседаниях, но также и в ходе предварительного расследования. Слово «правосудие» здесь употреблено в широком смысле для обозначения уголовного судопроизводства в целом, и именно ему надо отдать приоритет перед узкой трактовкой¹.

Грамматическое толкование позволяет получить значимую информацию о содержании правового предписания. В то же время, практика свидетельствует о том, что для достоверного вывода «грамматическое толкование должно быть выверено толкованием логическим и системным»².

Второй вид интерпретационной техники носит название *логического толкования*. В его основу положен логический способ, предполагающий уяснение содержания правовой нормы путем непосредственного использования законов и правил логики. При логическом толковании, в отличие от грамматического, исследуются не отдельные слова, а внутренние связи между частями нормативного акта, логическая структура правовых предписаний.

Логическое толкование основано на использовании основных законов формальной логики (тождества, достаточного основания, исключенного третьего и др.) и системы логических приемов (например, анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение). Они отражают различные виды связей между суждениями, определяют логически правильные формы разнообразных умозаключений.

Особенностью логического толкования выступает то обстоятельство, что помимо традиционных общесоциальных, специально-юридических и технических средств, характерных для всех основных видов интерпретационной техники, здесь обособленно используются формально-логические средства. К ним, в частности, В. Н. Карташов относит логические «законы, понятия, суждения, умозаключения, аксиомы и т.п.»³.

При логическом толковании интерпретатор исходит из того, что текст нормативного правового акта построен исключительно с применением законов, принципов и правил логики, что является залогом успешного уяснения его содержания.

Приемы логического толкования формировались в течение многих десятилетий. Наиболее эффективными и востребованными из них оказались следующие:

1) *логическое преобразование*. Необходимость его обусловлена спецификой юридической техники и особенностями языкового

¹ См.: Манукян А. Г. Толкование норм права (виды, система, пределы действия): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 38.

² Там же. С. 40.

³ Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 371.

оформления законодательного материала, которые приводят порой к несоответствию между смыслом правового предписания и грамматической или иной формой его изложения. Отсюда и возникает необходимость «развернуть» мысль законодателя:

- а) восстановить все части нормативного предложения;
- б) вывести из него логические следствия;
- в) из общего положения вывести частные нормы;
- г) на основе отдельных положений сформулировать общее и др.¹

Например, часть 1 статьи 161 УК РФ гласит: «Грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества, — наказывается исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет». Исходя из текстуального выражения данного предписания и толкуя его буквально, получается, что наказывается не преступник, а само деяние (грабеж).

Логическое же преобразование данной нормы позволяет получить более адекватную формулировку: «лицо, совершившее грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества, обязано претерпевать меры наказания в виде исправительных работ сроком от одного года до двух лет, либо ограничения свободы сроком от двух до четырех лет, либо ареста сроком от четырех до шести месяцев, либо лишения свободы сроком до четырех лет»;

2) *выводы из понятий*. Понятие — это свернутое суждение. И. Кант говорил: «Мне незачем выходить за пределы понятия, <...> мне нужно только расчлнить это понятие, т.е. осознать всегда мыслимое в нем многообразие...»². При толковании происходит развертывание понятия в совокупности детальных суждений: дается анализ его признаков, производится их синтез, определяется объем понятия, происходит сравнение с другими понятиями, проводятся операции дедукции, индукции и делаются умозаключения из понятий относительно интересующего определенного действия, предмета. Например, анализ нормы, содержащейся в статье 14 Уголовного кодекса РФ, позволяет выделить следующие признаки преступления: виновность, общественная опасность, наказуемость, запрещенность уголовным законом. Данные признаки характерны для всех противоправных деяний, перечисленных в Особенной части Уголовного кодекса РФ;

3) *выводы от противного*. Это правило основано на законе противоречия: два противоположных суждения о содержании нормы не могут быть истинными.

Так, врач, убеждая пациента, что тот не болен гриппом, рассуждает следующим образом: если бы действительно был грипп, то име-

¹ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 350.

² Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 112.

лись бы характерные для него симптомы — головная боль, повышенная температура и т.п., однако подобные симптомы не наблюдаются. Следовательно — нет и гриппа;

4) *доведение до абсурда*. Суть данного приема состоит в том, что тезис, предположительно, отражающий содержание нормы, доводится до абсурда и этим доказывается его ложность.

Например, при анализе понятия «источник повышенной опасности» можно признать таковым не только автомобиль, но и велосипед, и роликовые коньки;

5) при логическом толковании активно используется закон «исключенного третьего», согласно которому из двух противоположных суждений одно либо другое является истинным, и поэтому исключается возможность истинности третьего суждения;

6) в ряде случаев специалистами упоминается правило *достаточного основания* («А» есть потому, что есть «В»), которое требует, чтобы для всякого суждения было приведено достаточное основание его истинности, доказательство того, почему именно дело обстоит так, а не иначе.

Например, в соответствии со ст. 140 УПК РФ достаточным основанием для возбуждения уголовного дела является наличие данных, указывающих на признаки преступления.

Очередным, третьим по счету, видом интерпретационной техники выступает *системное толкование*. Оно представляет собой совокупность приемов, использование которых, основанное на сопоставлении двух или более юридических норм, позволяет раскрыть смысл толкуемой нормы. В. А. Толстик, Н. Л. Дворников и К. В. Каргин отмечают, что системное толкование может осуществляться любым субъектом права. Оно будет достаточно эффективным, если интерпретатор обладает знаниями о связях норм права между собой. Системное толкование осуществляется только при наличии в качестве источника нормативного правового акта и состоит в сопоставлении двух и более юридических норм. Системное толкование имеет целью установление смысла правового предписания для наиболее точного и правильного применения к правовым отношениям. Указанные правоведы полагают необходимым выделять наряду с общими принципами толкования (законности, принцип гуманизма, принцип справедливости, принцип добросовестности, принцип единства толкования, принцип оперативности) и принципы системного толкования. К ним относятся:

1) принцип *взаимосвязи норм*. Он предполагает, что в процессе толкования интерпретатор должен рассматривать две и более нормы в их единстве;

2) принцип *последовательности* связан с правилом взаимосвязи норм. Согласно ему в ходе толкования интерпретатор должен передвигаться от одной нормы к другой, не перескакивая, иначе смысл правового предписания будет понят не до конца;

3) принцип *приоритетности* связан с наличием иерархии между двумя и более нормативными правовыми актами, содержащими юридические нормы. Согласно данному принципу в процессе толкования мы должны руководствоваться тем правовым предписанием, которое содержится в акте, имеющем большую юридическую силу;

4) принцип *полноты* предполагает, что норма права должна пониматься во всем многообразии формулировок и терминов иных юридических норм;

5) принцип интерпретации терминов *в обычном значении с учетом контекста*. Зачастую субъект толкования сталкивается с термином, смысл которого ему может быть понятен лишь при сопоставлении с нормой, в которой раскрыто значение данного термина.

Помимо принципов системного толкования В.А. Толстиком, Н.Л. Дворниковым и К.В. Каргиным определены и его основные приемы, представляющие собой совокупность конкретных мыслительных операций и действий. В частности, к числу приемов ими отнесены:

1) установление места нормы в системе права — в ходе данной операции интерпретационный орган или отдельно взятое лицо, толкующее юридическую норму, уточняют, к какой отрасли права, правовому институту или иной общности норм относится толкуемое правовое предписание;

2) установление иных норм, которые соотносятся с толкуемой нормой на основании различных взаимосвязей и зависимостей;

3) установление иерархического положения двух и более юридических предписаний, в зависимости от принадлежности их к вышестоящим или нижестоящим нормативным правовым актам;

4) сопоставление двух и более юридических норм уже после того, как определена их соподчиненность, выявлено их отношение к близким по содержанию правовым институтам и отраслям или одному правовому институту (отрасли);

5) установление особенностей совместного применения двух и более юридических норм.

Связи между нормами определяют юристами самостоятельно. Знание приемов интерпретационной техники позволяет уяснить смысл толкуемого правового предписания.

Рассмотрим пример системного толкования. Так, п. «а» ст. 105 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное убийство «двух или более лиц», что выступает отягчающим вину обстоятельством. Возникает вопрос: во всех ли случаях умышленного убийства двух или более лиц должна наступать ответственность по п. «а» ст. 105 УК РФ? Если толковать эту статью автономно, изолировано от других норм Уголовного кодекса, то ответ по буквальному смыслу этого пункта должен быть положительным. Но если мы будем интерпретировать указанный пункт ст. 105 УК РФ в совокупности со ст. 107

(«Убийство, совершенное в состоянии аффекта») или со ст. 108 УК РФ («Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»), то ответ будет иным: не каждое убийство двух или более лиц влечет ответственность по п. «а» ст. 105 УК РФ.

Историческое толкование — четвертый вид интерпретационной техники. Он предполагает обращение к фактам, связанным с историей возникновения толкуемых норм права, рассмотрение всех известных и доступных документов, материалов обсуждения и принятия проектов нормативных правовых актов, протоколов заседания органов, занимающихся подготовкой законопроекта. Интерпретатору приходится мысленно воссоздавать исторические условия появления правовой нормы, изучать социально-экономическую и политическую атмосферу, вызвавшую ее к жизни. В данном случае интерпретатор устанавливает действительное содержание нормы права с помощью различных официальных и неофициальных документов.

В научной литературе предпринимались попытки сформулировать основные правила исторического толкования. К ним чаще всего относят:

- изучение наименования и вводной части (преамбулы) нормативного акта;
- рассмотрение истории формирования правовых институтов;
- сравнение толкуемого нормативного акта с его проектом;
- сравнение действующих правовых норм с аналогичными «старыми», недействующими¹.

Достаточно последовательно методика исторического толкования изложена в исследовании А. Г. Манукяна. По его мнению, принципиально важное значение здесь имеет соблюдение следующих требований:

1) *норма, содержащаяся в позднейшем по времени законодательном акте имеет преимущество перед той, которая была установлена предыдущим актом, регулировавшим такие же общественные отношения, если иное не установлено законом;*

2) *уважение законодательных изменений: если из нормы законодателям были исключены или она была пополнена теми или иными условиями или признаками, то нельзя толковать ее так, будто она все еще подразумевает прежнее содержание;*

3) *при толковании норм права должны приниматься во внимание те исторические условия и обстоятельства, в которых они действуют и которые воздействуют на понимание их содержания субъектами правореализации.* В первую очередь, это относится к толкованию оценочных правовых понятий, таких, например, как «существенный вред», «значительный ущерб», «размер морального вреда», «крайняя

¹ См.: *Гаврилова Ю. А.* Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 26.

необходимость», «превышение пределов необходимой обороны» и т.п. Конкретно-исторические условия, в которых функционируют эти понятия, могут придавать им различное значение и содержание¹.

Важность исторического толкования можно проследить на примере из нашего недалекого прошлого. Так, ст. 154 УК РСФСР 1961 г. была предусмотрена уголовная ответственность за спекуляцию, однако в начале 90-х гг. XX в. в России кардинально изменилась социально-экономическая обстановка. Появился Закон от 25 декабря 1990 г. № 445 «О предприятиях и предпринимательской деятельности», разрешавший заниматься предпринимательством. В течение некоторого времени существовала парадоксальная ситуация. С одной стороны, указанный Закон разрешал предпринимательскую деятельность, с другой — Уголовный кодекс РСФСР ее запрещал. Учитывая исторический момент перехода страны к рыночной экономике, положения законодательства должны были толковаться таким образом, чтобы поощрять частную инициативу и новые формы экономических отношений.

В современных условиях актуальность исторического толкования неуклонно возрастает. Особенно высока его значимость в области работы с конституционным законодательством. Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 году, привнесли в нее целый ряд существенных новелл. Глубокое всестороннее уяснение природы и направленности изменений, коснувшихся многих статей указанного нормативного правового акта, становится возможным лишь в случае обращения интерпретатора как к действующей, так и к первоначальной редакции статей. Например, изучение ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, в тексте которой, во-первых, были переработаны п. «д», «е», «ж», во-вторых, появился п. «ж¹», посвященный защите семьи, материнства, отцовства и детства, института брака как союза мужчины и женщины, а также иным важным вопросам, целесообразно осуществлять с учетом первоначального варианта текста статьи.

Пятый вид интерпретационной техники — *специально-юридическое толкование*. По мнению Т. В. Кашаниной, оно предполагает, прежде всего, исследование средств юридической техники, применяемых для выражения воли законодателя. К их числу относятся:

- формулирование запретов, предписаний, дозволений;
- использование принципов права;
- применение специальных юридических терминов; применение юридических конструкций; применение правовых фикций; применение правовых презумпций; применение правовых аксиом; и т.д.

¹ См.: Манукян А. Г. Толкование норм права (виды, система, пределы действия): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 82–86.

Чтобы качественно провести специальное юридическое толкование, интерпретатору следует, как правило, обращаться к данным юридической науки, отраженным в специальных юридических изданиях¹. Кроме того, толкователь должен проверить законность появления нормы права, действие ее во времени, в пространстве и по кругу лиц, провести анализ редакции текста нормы, используя для этого официальные источники опубликования. Важное место среди специальных юридических данных, используемых при толковании закона, занимают знания о видах юридических прав и обязанностей, юридических фактах, юридической ответственности, защите прав, типах презумпций и т.д. Во многих случаях только с их помощью возможно раскрыть в необходимом объеме содержание юридических норм и тем самым обеспечить правильное, точное применение закона.

Интерпретатор при надлежащей профессиональной подготовке может использовать в процессе толкования специальные юридические знания. С этой точки зрения специально-юридическое толкование занимает одно из центральных, ключевых мест среди способов толкования. Именно оно позволяет рассматривать толкование в качестве своего рода вершины юридической науки и юридического искусства, где смыкаются теоретическое и специальное познания и где они раскрывают свою силу и возможности при решении конкретных юридических дел.

Следующим критерием, позволяющим выделять виды интерпретационной техники, является *субъект*. На базе него выделяют толкование *официальное* и *неофициальное*.

При рассмотрении данного подхода важно уточнить, что на первое место здесь выходит вопрос о том, кто толкует нормы права. Сам же процесс, механизм уяснения и разъяснения правовых предписаний отходит на второй план. По этой причине проблема выбора и использования специфических средств и способов юридической техники здесь не стоит так остро. В зависимости от конкретной задачи субъект может использовать любые из них в необходимом сочетании.

Официальное толкование имеет большое значение в практической деятельности правоприменителей, в том числе сотрудников полиции. Оно может быть определено как сформулированное в специальном акте разъяснение смысла и целей правовых норм, осуществляемое властным органом и влекущее определенные юридические последствия. Официальное толкование представляет собой указание на правильный вариант понимания смысла юридической нормы и оптимальный путь ее реализации, имеющее общеобязательный характер.

Обязательность официального толкования означает, во-первых, обязанность правоприменительного органа искать и изучать акты

¹ См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М., 2008. С. 352.

разъяснения; во вторых, обязанность следовать им в случае расхождения собственных представлений о содержании применяемых норм с указанием актов официального толкования¹.

Официальное толкование, в свою очередь, делится на *нормативное* и *казуальное*.

Нормативное толкование характеризуется государственной обязательностью, распространенностью на широкий круг общественных отношений и возможностью неоднократного использования в юридической практике². Оно носит неперсонифицированный по отношению к адресатам характер, рассчитано на типичные социально-правовые ситуации.

Нормативное толкование правовых норм включает в себя толкование *аутентическое* (авторское) и *легальное*.

Аутентическое толкование представляет собой разъяснение нормы права органом, ранее ее установившим. Известное выражение на этот счет гласит: «Тот вправе толковать закон, кто вправе его устанавливать» (*Ejus est interpretari legem cujus est condere*). К числу субъектов аутентического толкования, в частности, относятся Федеральное Собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ, федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства, законодательные органы субъектов Российской Федерации. Для аутентического толкования характерны следующие особенности:

1) ему присущ обязательный характер. Проиgnорировать акты аутентичного толкования нельзя. Их следует принимать как руководство к действию;

2) его целью является не просто последующее компилятивное изложение норм, а их творческий анализ в связи с выявленными недостатками по применению норм права и нежеланием допускать их в будущем;

3) по содержанию оно очень близко к правотворчеству;

4) оно имеет вспомогательный характер по отношению к правотворчеству, поскольку акты аутентичного толкования не могут применяться отдельно от толкуемого нормативного акта;

5) актам аутентичного толкования свойственна иерархичность. Их соподчиненность определяется местом правотворческого органа в структуре государственного аппарата³.

В том случае, когда правотворческий орган наделяет определенного субъекта компетенцией давать толкование правового предписания, изданного другими органами, говорят о *легальном толковании*. Соответствующее поручение может быть заложено в самом нормативном

¹ См.: Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 85.

² См.: Волленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 12.

³ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 360.

правовом акте. Так, п. 2 постановления Правительства РФ от 21 апреля 2001 г. № 309 «Об утверждении положения о приобретении, распределении, выдаче путевок на санаторно-курортное лечение и оздоровление работников и членов их семей»¹ гласит: «Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации давать в необходимых случаях разъяснения по вопросам, связанным с применением Положения о приобретении, распределении, выдаче путевок на санаторно-курортное лечение и оздоровление работников и членов их семей».

В ходе нормативного толкования не создаются новые юридические нормы, не вносятся изменения в нормы, ранее принятые. Действительная сущность его в том, что оно имеет общий характер и предназначается для общего руководства в процессе применения права, может относиться к неограниченному числу случаев. Следует помнить, что хотя термин «нормативное толкование» является общепринятым и используется широко в юридической литературе, все-таки он имеет условный характер и не полностью адекватен содержанию, которое вкладывается в него².

Применительно к деятельности полиции отметим, что наиболее предпочтительным является вариант, когда акт официального толкования права издает субъект, принявший толкуемый правовой акт, или когда акт официального толкования права исходит от руководящих сотрудников органов внутренних дел или органов, осуществляющих контроль и надзор за ними. Практика в определенных случаях уже идет по такому пути, когда главные управления МВД России по федеральным округам, министерства внутренних дел по республикам, главные управления, управления МВД России по субъектам Российской Федерации рассылают подчиненным им органам толкование текущего законодательства в виде указаний, писем и методических рекомендаций³.

Особенность официальных разъяснений МВД России состоит в том, что предназначены они в большинстве своем только для внутреннего пользования и гражданам недоступны. Например, существует значительное число официальных разъяснений МВД России в сфере лицензионно-разрешительной системы и деятельности ГИБДД.

Казуальное толкование адресуется персонально определенным лицам, имеет в виду конкретные жизненные обстоятельства и обязательно только для лиц, в отношении которых оно дается. Подобное разъяснение дается, как правило, по конкретному юридическому делу для пра-

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 18, ст. 1853.

² См.: Спасов Б. П. Закон и его толкование. М., 1986. С. 146.

³ См.: Мирошников Е. Г. Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 78.

вильного его разрешения. Примером подобного рода практики может служить деятельность кассационных и надзорных инстанций судов общей юрисдикции и арбитражных судов, выраженная в разнообразных постановлениях и определениях данных органов. На практике чаще всего акт казуального толкования является составной частью правоприменительного акта, которым разрешается конкретное юридическое дело. В качестве примера можно привести определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2011 г. № 406 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорея Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 69 Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом ОВД»¹.

Вторым видом интерпретационной техники, выделяемой по субъекту, выступает *неофициальное толкование*. Оно не обладает властью, обязательностью, юридической силой. Качество разъяснений, степень их убедительности, научной обоснованности и аргументированности зависит от субъектов толкования.

Восемь признаков неофициального толкования выделяет Т. В. Кашанина:

1) субъектами неофициального толкования могут являться организации (коммерческие и некоммерческие), ученые, адвокаты, практикующие и непрактикующие юристы, отдельные граждане;

2) между указанными субъектами нет четкой координации, и, как правило, они осуществляют деятельность по толкованию автономно;

3) большинство тех, кто берется за неофициальное толкование, отличает высокий уровень подготовки в области права;

4) оно осуществляется субъектами права по доброму разумению и не основано на вменении им в обязанность делать это;

5) содержание неофициального толкования очень часто ограничивается уяснением нормативных актов, разъяснение отнюдь не является обязательным дополнением к нему;

6) оно является необязательным для субъектов права и посему не имеет юридической силы, однако порой отличается высокой авторитетностью, что не позволяет к нему относиться как к толкованию второсортному;

7) оно не регламентировано законом и осуществляется в свободной форме. Это касается всех его параметров: результатов (актов толкования), процедур и др.;

8) его значимость состоит в выполнении им познавательной, воспитательной роли, а также функции ориентирования субъектов в правовом пространстве².

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 356.

В литературе неофициальное толкование, как правило, разграничивается на: *обыденное, профессиональное и доктринальное*.

Под *обыденным толкованием* понимается толкование правовых предписаний, осуществляемое людьми в их повседневной жизни и основанное на их жизненном опыте, элементарном и бытовом представлении о правовых явлениях и процессах. Обыденное толкование осуществляется субъектами, которые не являются специалистами в области права. Практически каждый гражданин может провести его. Характерная особенность обыденного толкования состоит в том, что оно нередко проводится не с помощью рациональных приемов, а руководят им в значительной мере чувства и эмоции. Внешне обыденное толкование выражается редко. В основном его результаты бывают представлены в виде мыслительных операций или, в лучшем случае, устно.

Профессиональным является толкование, которое дают лица, имеющие определенный профессиональный юридический опыт (знания, умения, навыки и т.п.) в той или иной сфере общественной жизни. Оно отражает личную правовую позицию интерпретатора, обладающего достаточным уровнем правовой культуры, и имеет, в основном, рациональный, а не чувственный характер. Так, к этому виду относится толкование, которое осуществляют судьи, адвокаты и другие юристы в процессе бесед и консультаций с гражданами и должностными лицами. Сотрудники полиции, в «особенности участковые инспекторы, могут давать неофициальное толкование права при «разрешении» различных гражданско-правовых споров»¹. Данный вид толкования нередко встречается в деятельности руководителей органа внутренних дел. Он, как правило, имеет место в следующих ситуациях:

1) руководитель, решая организационные и кадровые вопросы, разъясняет подчиненным нормы права, регулирующие, например, присвоение очередного специального звания или устанавливающие требования к кандидату на вакантную должность;

2) руководитель решает споры между службами органа внутренних дел, связанные с распределением и исполнением служебных обязанностей, и разъясняет нормы права, регулирующие компетенцию каждой из служб;

3) за нарушение служебной дисциплины начальник налагает на сотрудника дисциплинарное взыскание (замечание, выговор, и т.д.) и разъясняет личному составу органа внутренних дел и самому нарушителю правовые основания наказания.

Результаты профессионального толкования могут быть выражены не только в устной, но и в письменной форме (опубликованные статьи и комментарии в печатных изданиях и т.п.).

¹ *Мирошников Е. Г.* Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 67.

Доктринальное толкование — толкование норм права учеными-правоведами, научными работниками и научно-исследовательскими учреждениями. Результаты доктринального толкования находят отражение в монографиях, статьях, учебниках, комментариях, экспертных заключениях, предложениях по совершенствованию законодательства. Доктринальное толкование характеризуется глубиной, ему присуща системность. К нему неоднократно обращаются практические работники, студенты юридических вузов и иные лица. Доктринальное толкование не имеет обязательной силы, но основанное на научной убедительности, на авторитетности интерпретатора оказывает существенное влияние на правоприменительную деятельность.

Учеными-правоведами давно было подмечено, что смысл, который непосредственно вытекает из текстуального выражения правовой нормы, к сожалению, не всегда совпадает со смыслом, заложенным в нее законодателем. Для приведения их в соответствие необходимо обратиться к *толкованию по объему*, которое выступает в качестве третьего основания для классификации интерпретационной техники.

Толкование норм права по объему — это особая разновидность познавательно-интерпретационной юридической деятельности, объектами которой выступают текст, смысл источников права и нормативно закреплённая («идеальная») модель общественных отношений, а результатом этой деятельности после использования традиционных и специальных приемов является закрепление в интерпретационных актах их соотношения¹.

По данному критерию можно выделить *буквальное, ограничительное и расширительное* толкование.

При *буквальном* толковании действительное содержание правовой нормы понимается в точном соответствии с его текстуальным выражением (словесной формулировкой). Например, ст. 1028 ГК РФ гласит: «Договор коммерческой концессии должен быть заключен в письменной форме». Словесная формулировка предписания достаточно точно и полно передает смысл, заложенный законодателем в норму, что позволяет констатировать их совпадение. В этом случае норма должна толковаться буквально.

При *расширительном* толковании действительное содержание правовой нормы понимается шире ее текстуального выражения (словесной формулировки). Поэтому при расширительном толковании буквальный смысл правовой нормы путем его расширения доводится до действительного содержания данной нормы. Например, в ст. 120 Конституции РФ отмечается, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному

¹ См.: Гаврилова Ю.А. Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 58.

закону». В то же время, совершенно очевидно, что при принятии решения по конкретному делу судья не просто может, а обязан подчиняться положениям указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и другим правовым актам, если они регулируют рассматриваемый вопрос.

Ограничительное толкование используется тогда, когда содержание правовой нормы понимается уже, чем это выражено в тексте закона. Такое толкование необходимо, когда формулировка закона шире, чем заложённая в него мысль законодателя.

Например, норма, содержащаяся в части 2 статьи 1 Закона «О полиции», гласит, что «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств». В то же время, логика подсказывает, что полиция сможет незамедлительно прийти на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств только в том случае, если ей стало об этом известно.

Применительно к рекомендациям, которые имеют значение при толковании норм права в ходе практической деятельности, отметим, что по общему правилу нормы права должны толковаться буквально. Развивая тезис о нетипичности расширительного и ограничительного толкования права, Н. Н. Вопленко выделил следующие правила:

1) недопустимо расширительное и ограничительное толкование правовых норм там, где это оговорено специально в законодательном порядке или путем официального разъяснения;

2) не подлежат расширительному либо ограничительному толкованию исключительные нормы права, устанавливающие особые условия правового регулирования;

3) недопустимо расширительное либо ограничительное толкование санкций правовых норм;

4) расширительное и ограничительное толкование правовых норм допустимо при очевидности их содержания и недопустимо при существенном изменении юридической практики, нарушениях смысла или противоречиях между ними;

5) расширительное и ограничительное толкование правовых норм допустимо, если законодатель использовал в тексте правового акта словесные обороты типа «другие», «прочие», «и так далее», «иные», «усмотрении сторон»;

6) расширительное либо ограничительное толкование допустимо, если оно обосновано соображениями гуманного применения правовых норм и требованиями нравственности¹.

¹ См.: *Вопленко Н. Н.* Следственная деятельность и толкование права. Волгоград, 1978. С. 58–65.

Данный перечень правил дополнил А. Ф. Черданцев, запретив:

- 1) распространительное толкование исчерпывающих перечней;
- 2) ограничительное толкование незаконченных перечней;
- 3) распространительное толкование санкций;
- 4) распространительное толкование положений, составляющих исключение из общего правила;
- 5) распространительное или ограничительное толкование терминов, определенных легальной дефиницией, если такое толкование выходит за рамки самостоятельной дефиниции¹.

При толковании по объему используются три группы приемов: языковые, логические и специально-юридические². К языковым приемам толкования по объему следует отнести:

- 1) расширение (сужение) значения слов;
- 2) экспликацию («развертывание») и редукцию («свертывание») предложений;
- 3) контекстуальный анализ текста.

Логическими приемами определения объема толкования являются:

- 1) определение понятий и сходные с ним приемы (иллюстрация, характеристика, сравнение (различение), определение через перечисление предметов и т.д.), деление, обобщение и ограничение понятий;
- 2) операции с суждениями от «подчиненного к подчиняющему» и от «подчиняющего к подчиненному»;
- 3) индуктивные и дедуктивные умозаключения.

Специально-юридическими приемами правоконкретизирующего характера в толковании по объему выступают:

- 1) организационно-вспомогательные правила понимания и применения действующего законодательства;
- 2) смысловое дополнение;
- 3) смысловая редукция.

22.3. Интерпретационные акты как правовые документы: юридическая природа, техника подготовки и оформления

Толкование норм права — сложная интеллектуально-волевая деятельность, позволяющая определить смысл, заложенный в юридическую норму. С точки зрения практикующих юристов, сотрудников правоохранительных органов, судей, работников нотариата, результаты интерпретационной деятельности, прежде всего официальной, должны иметь внешнее выражение, закрепление в специальном документе. В этом случае обращение к нему в ходе практической деятельности станет доступным

¹ См.: Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 139–142.

² См.: Гаврилова Ю. А. Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 11–12.

и будет выступать гарантией правильного понимания содержания правового предписания, что обеспечит высокий уровень качества правоприменительной работы и предотвратит нарушение принципа законности.

Даная разновидность юридического акта, содержащего правовую информацию, именуется актом официального толкования. Она выделяется наряду с нормативными правовыми актами, документами, фиксирующими юридические факты, и актами правоприменительными. Соответственно, для актов официального толкования характерны признаки, свойственные всем юридическим документам — издание (составление) в пределах компетенции субъекта, соответствие правилам юридической техники, порождение юридических последствий, регулирование общественных отношений, придание им стабильного и устойчивого характера¹.

Наряду с общими, учеными-правоведами выделены специфические признаки актов официального толкования. В частности, их перечень, предложенный Н. Н. Вопленко, выглядит следующим образом:

1) акты официального толкования, являясь выражением одной из форм юридической деятельности компетентных органов, обладают государственной обязательностью;

2) акты официального толкования имеют форму, аналогичную основным правовым актам;

3) иерархичность, которая предполагает, что различные по юридической силе акты толкования находятся между собой в определенной взаимосвязи, которая выражается в соподчиненном характере отношений;

4) они не ставят своей задачей создание новых правовых норм; их значение ограничивается логическим развитием, уточнением и конкретизацией действующего права в целях его наиболее правильной и эффективной реализации².

Развернутую систему признаков актов официального толкования мы можем обнаружить в трудах В. Н. Карташова. Вот основные из них:

1) интерпретационные акты представляют собой разновидность правовых актов;

2) интерпретационный акт является результатом интерпретационной деятельности. Он закрепляет праворазъяснительное решение соответствующего компетентного органа;

3) интерпретационный акт представляет собой официальный акт-документ;

4) это акты строго определенного субъекта интерпретационной практики, который издает их лишь по вопросам, входящим в его непосредственную компетенцию;

¹ См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М., 2008. С. 73.

² См.: *Мирошников Е. Г.* Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 90–92.

5) содержание интерпретационного акта составляют общие (нормативные) либо персонально адресованные и индивидуально-конкретные юридические разъяснения интерпретатора;

6) интерпретационные акты принимаются в соответствующей процедурно-процессуальной форме;

7) интерпретационные акты носят властный, обязательный характер¹.

Большинство правоведов разделяет представленный взгляд на проблему признаков актов официального толкования. Подготовленные ими перечни прямо или косвенно отражают практически все изложенные идеи. В то же время некоторые из них обогащены дополнительными признаками. Например, отмечается, что акт официального толкования:

- характеризуется особой формой выражения в нем интерпретационной информации;
- всегда вызывает юридические и иные социальные последствия;
- характеризуется системностью².

Полагаем, что количество признаков актов официального толкования и их наименование обусловлены спецификой избранного подхода исследователей к ним. В зависимости от того, какие стороны данного феномена рассматриваются в качестве основных, и выделяются его основные свойства, которые далее отражаются в соответствующем определении понятия в качестве его признаков.

В своих трудах В. К. Бабаев и В. М. Баранов отмечают, что «интерпретационные акты — это документы, которые содержат конкретизирующие нормативные предписания, выражающие разъяснения юридических норм»³.

Акты официального толкования, по мнению Н. Н. Вопленко, «представляют собой проникнутую внутренним единством иерархическую систему вспомогательных правовых актов, служащих важным средством правильной и эффективной реализации права путем установления организационно-вспомогательных правил понимания и применения действующего законодательства»⁴.

В контексте изучения интерпретационной техники весьма значимым представляется вопрос о технике подготовки и оформления актов официального толкования. В юридической литературе нашли отражение лишь некоторые его аспекты. Например, исследователи неоднократно обращались к структуре актов официального толкования, однако она и по сей день слабо исследована как в отечественной,

¹ См.: *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. I. С. 394–395.

² См.: *Шаронов А. Н.* Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 37–48.

³ *Бабаев В. К., Баранов В. М.* Общая теория права. Н. Новгород, 1997. С. 146.

⁴ *Вопленко Н. Н.* Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 35.

так и в зарубежной юридической науке. Обычно авторы ограничивались лишь констатацией общепринятого положения, что письменная форма интерпретационных актов предполагает структуризацию текста акта. Таким образом, вся отмеченная проблема сводилась к вопросу о лингвистической структуре интерпретационных актов¹.

Полагаем, что вопрос о технике подготовки и оформления актов официального толкования является по своей природе более широким и сложным, чем это может показаться на первый взгляд. В процессе их создания активно используются общесоциальные, специально-юридические и технические средства. Большинство из них было рассмотрено в предыдущем параграфе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что техника подготовки интерпретационных актов имеет достаточно развитую систему специально-юридических средств. Она, в частности, дополнительно включает в себя *приложения*, в качестве которых могут выступать таблицы, графики, различного рода перечни, образцы документов, бланки, схемы; *ссылки*, позволяющие избежать повторения юридической информации в юридических документах, существенно упрощающие интерпретационные акты, делающие их компактными и доступными для изучения и применения; *сноски*, которые используются для объяснения, уточнения тех или иных положений и располагаются внизу страницы, отдельно от текста; и т.д.

Немаловажное значение при рассмотрении техники подготовки и оформления актов официального толкования имеет вопрос об их форме. Именно на него, как мы полагаем, целесообразно обратить пристальное внимание.

Под *формой актов официального толкования* следует понимать тот или иной использованный интерпретатором вариант изложения (выражения) государственной воли, содержащейся в правовых нормах, подвергшихся толкованию. Содержание нормативных предписаний в ходе толкования подвергается перифразе (греч. *peri* — вокруг и *phrazo* — говорю), исходные юридические формулы заменяются другими словами и описательными оборотами, передающими тот же самый смысл, но с определенными уточнениями, с выделением существенных свойств и сторон, с большей наглядностью и т.д.²

По справедливому замечанию Е. Г. Мирошников, следует выделять внутреннюю и внешнюю формы актов официального толкования³. Полагаем, что подобный подход способствует раскрытию ряда

¹ См.: Шаронов А. Н. Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 48.

² См.: Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996. С. 143.

³ См.: Мирошников Е. Г. Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 103.

особенностей техники подготовки и оформления актов официального толкования.

Внутренняя форма актов официального толкования — способ существования и выражения их содержания, в качестве которого выступает разъяснение смысла правовых норм.

Она позволяет выявить и подвергнуть анализу структуру интерпретационного акта, содержащиеся в нем положения, установить их связь между собой, а также с разъясняемой нормой.

Внешняя форма актов официального толкования — совокупность существенных внешних признаков акта официального толкования. В качестве таковых выступают их реквизиты.

Рассмотрим их подробнее.

Внутренняя форма актов официального толкования. Техника подготовки интерпретационных актов — различные по характеру и форме выражения способы выполнения соответствующей юридической работы. С их помощью формируется содержание интерпретационного акта. Обращение к юридической литературе позволяет выделить основной круг требований, предъявляемых к ним.

Во-первых, при подготовке акта официального толкования необходимо учитывать *требования логики*. К ним следует отнести:

- единообразное понимание терминов;
- согласованность различных частей интерпретационного акта;
- отсутствие противоречий между частями интерпретационного акта;
- последовательность мыслительных операций, используемых при построении интерпретационного акта;
- убедительность интерпретационного акта¹.

Во-вторых, подготовка акта официального толкования предполагает соблюдение требований *структурного характера*. Под структурой указанного акта понимается его строение, т.е. расположение основных элементов и связей, которые обеспечивают сохранение необходимых свойств и функций при воздействии на него разнообразных внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов реальной действительности².

Главное структурное требование — обязательное деление интерпретационного акта на части. Каждый из них должен содержать как минимум три элемента:

- 1) вводная часть интерпретационного акта, которая включает:
 - реквизиты;
 - формулировку рассматриваемого вопроса, поводы и основания к его рассмотрению;

¹ См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М., 2008. С. 112–115.

² См.: *Шаронов А. Н.* Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 9.

- нормативный правовой акт, уполномочивший субъекта давать официальное толкование той или иной нормы;
- 2) описательная (мотивировочная) часть акта должна содержать:
 - фактические, юридические и иные обстоятельства, установленные интерпретатором;
 - перечисление юридических норм, к которым обращался интерпретатор;
- 3) резолютивная часть акта содержит:
 - разъяснение смысла толкуемой юридической нормы;
 - выводы, полученные на основе анализа конкретной юридической ситуации.

В-третьих, важное место в процессе подготовки интерпретационных актов занимают *языковые требования*. В отношении юридических терминов, используемых, в том числе в интерпретационных актах, в качестве базовых следует рассматривать требования, сформулированные В. К. Бабаевым, В. М. Барановым и В. А. Толстиком: единство, общепризнанность, устойчивость, краткость, ясность и простота¹. Более подробно языковые правила будут рассмотрены в соответствующем разделе.

Внешняя форма актов официального толкования. Реквизиты интерпретационного акта выступают в качестве его существенных внешних признаков. Они отражают его официальный характер и позволяют разграничить с иными юридическими документами. В этой связи представляется весьма важным знание основных *реквизитов*. К их числу относятся:

- название вида интерпретационного акта (постановление, определение, приказ, информационное письмо, обзор, разъяснения и т.д.);
- указание субъекта, его подготовившего;
- наименование интерпретационного акта;
- дата принятия;
- порядковый номер.

Такие реквизиты, вместе взятые, образуют титул (титульный лист) интерпретационного акта. Данный материал должен располагаться в первой его части.

В конце интерпретационного акта представлена информация о месте подготовки акта, полное наименование должности субъектов, подготовивших интерпретационный акт, их фамилии и инициалы.

Таким образом, акт официального толкования в идеале должен быть безупречен с точки зрения логического, структурного, языкового и реквизитного оформления².

¹ Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2000. С. 84.

² См.: Шаронов А. Н. Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 53.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под интерпретационной техникой?
2. Каковы основные признаки интерпретационной техники?
3. Что такое средства интерпретационной техники?
4. Что понимается под способами интерпретационной техники?
5. Как соотносятся понятия «юридическая техника» и «интерпретационная техника»?
6. В каких целях сотрудник полиции должен изучать интерпретационную технику?
7. Каково значение интерпретационной техники?
8. Кто из числа ученых-правоведов внес существенный вклад в изучение проблем интерпретационной техники?
9. Какие виды интерпретационной техники необходимо выделять?
10. Какие виды интерпретационной техники выделяют в зависимости от способов толкования?
11. Какие виды интерпретационной техники выделяют в зависимости от субъекта?
12. Какие виды интерпретационной техники выделяют в зависимости от объема?
13. Что такое интерпретационный акт?
14. Как соотносятся понятия «интерпретационный акт» и «правовой документ»?
15. Каковы основные признаки интерпретационного акта?
16. Какие требования предъявляются к интерпретационному акту?
17. Какова структура интерпретационного акта?
18. Что такое реквизиты интерпретационного акта?
19. Какова роль интерпретационных актов в деятельности полиции?
20. Разрабатываются ли интерпретационные акты органами внутренних дел?

Тестовые задания

- 1) Интерпретационная техника является:
 - a) предметом теории государства и права
 - b) видом систематизации нормативных правовых актов
 - c) самостоятельным видом юридической техники
 - d) средством построения технических норм
- 2) Интерпретационная техника обеспечивает своевременное и эффективное получение информации о содержании:
 - a) литературного произведения
 - b) высказываний политических деятелей
 - c) закономерностей государственно-правовой жизни
 - d) нормативного правового акта
- 3) Интерпретационная техника во многом зависит:
 - a) от уровня правосознания граждан
 - b) от уровня развития юридической науки
 - c) от структуры правовой нормы
 - d) от форм реализации норм права

- 4) Интерпретационная техника представляет собой:
 - a) совокупность специфических средств и способов
 - b) систему юридических норм
 - c) юридическую конструкцию
 - d) особый источник права
- 5) Журнальные и газетные статьи, включающие анализ действующего законодательства, относятся:
 - a) к информационно-поисковой системе
 - b) к формам (источникам) права
 - c) к правоприменительным актам
 - d) к техническим средствам в сфере интерпретационной деятельности
- 6) Укажите вид интерпретационной техники, базирующийся на совокупности специальных приемов, направленных на уяснение морфологической и синтаксической структуры текста нормативных правовых актов:
 - a) логическое толкование
 - b) грамматическое толкование
 - c) специально-юридическое толкование
 - d) официальное толкование
- 7) Продолжите представленное правило грамматического толкования: «Значение термина, установленного законодателем для данного института (отрасли) права...»:
 - a) нельзя без достаточных оснований распространять на другие институты (отрасли) права
 - b) необходимо распространять на другие институты (отрасли) права
 - c) в случае его противоречия значению, имеющему место в современном литературном языке, не может быть использовано в ходе толкования нормы права
 - d) определяется путем подготовки и направления запроса в правотворческий орган
- 8) К логическому толкованию, как виду интерпретационной техники, не относится:
 - a) логическое преобразование
 - b) выводы из понятий
 - c) установление иерархического положения двух и более юридических предписаний
 - d) доведение до абсурда
- 9) Специально-юридическое толкование, как вид интерпретационной техники, предполагает изучение интерпретатором:
 - a) проекта правовой нормы
 - b) вводной части (преамбулы) нормативного правового акта
 - c) актов официального толкования
 - d) юридических конструкций
- 10) Результаты интерпретационной деятельности находят внешнее выражение и закрепление:
 - a) в нормативных правовых актах

- b) в правоприменительных актах
 - c) в интерпретационных актах
 - d) в сборниках и собраниях нормативных правовых актов
- 11) Интерпретационные акты представляют собой разновидность:
- a) правовых актов
 - b) нормативных правовых актов
 - c) законодательных актов
 - d) правоприменительных актов
- 12) Содержание интерпретационного акта составляют:
- a) нормы права
 - b) текст нормативного правового акта
 - c) юридические разъяснения интерпретатора
 - d) суждения субъекта правотворчества
- 13) Укажите элемент, не характерный для интерпретационного акта:
- a) вводная часть
 - b) описательная часть
 - c) нормативная часть
 - d) резолютивная часть
- 14) К числу обязательных реквизитов интерпретационного акта не относится:
- a) название вида интерпретационного акта
 - b) указание субъекта, его подготовившего
 - c) ученая степень интерпретатора
 - d) наименование интерпретационного акта
- 15) Структура интерпретационного акта – это:
- a) его строение, т.е. расположение основных элементов и связей, которые обеспечивают сохранение необходимых свойств и функций при воздействии на него разнообразных факторов
 - b) его состав, включающий объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону
 - c) его состав, включающий объект, субъект и содержание
 - d) его строение, т.е. расположение основных юридических норм, принципов и идей правотворческого органа

Рекомендуемая литература

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1972. – Т. 2.
2. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1973.
3. *Афанасьев В.С.* Обеспечение социалистической законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.С. Афанасьев. – М., 1993.
4. *Бабаев В.К.* Общая теория права: краткая энциклопедия / В.К. Бабаев, В.М. Баранов. – Н. Новгород, 1997.

5. *Бабаев В.К.* Теория государства и права в схемах и определениях / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. — М., 2006.
6. *Валадес Д.* Язык права и право языка / Д. Валадес. — М., 2008.
7. *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. — М., 1913.
8. *Ващенко Ю.С.* Филологическое толкование норм права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.С. Ващенко. — Тольятти, 2002.
9. *Власенко Н.А.* Язык права / Н.А. Власенко. — Иркутск, 1997.
10. *Власенко Н.А.* Юридическая техника / Н.А. Власенко, Т.Я. Хабриева. — М., 2010.
11. *Волосюк Е.А.* Грамматическое толкование норм УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.А. Волосюк. — Краснодар, 2013.
12. *Вопленко Н.Н.* Акты толкования норм советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 710 (теория и история государства и права) / Н.Н. Вопленко. — Саратов, 1972.
13. *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права / Н.Н. Вопленко. — М., 1976.
14. *Вопленко Н.Н.* Следственная деятельность и толкование права / Н.Н. Вопленко. — Волгоград, 1978.
15. *Гаврилова Ю.А.* Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.А. Гаврилова. — Волгоград, 2008.
16. *Гранат Н.Л.* Толкование норм права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел / Н.Л. Гранат, О.М. Колесникова, М.С. Тимофеев. — М., 1991.
17. *Грязин И.Н.* Методологические основы теории толкования правовых текстов. Критический анализ современных англо-американских буржуазных концепций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И.Н. Грязин. — М., 1979.
18. *Губаева Т.В.* Словесность в юриспруденции: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Т.В. Губаева. — Казань, 1996.
19. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М.Л. Давыдова. — Волгоград, 2009.
20. *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление / М.Л. Давыдова. — СПб., 2009.
21. *Давыдова М.Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / М.Л. Давыдова. — Волгоград, 2010.
22. *Карташов В.Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества: текст лекций / В.Н. Карташов. — Ярославль, 1998. — Ч. 4: Интерпретационная юридическая практика.
23. *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. / В.Н. Карташов. — Ярославль, 2005. — Т. 1.
24. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника / Т.В. Кашанина. — М., 2007.
25. *Кошелева В.В.* Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Кошелева. — Саратов, 1999.

26. *Лазарев В.В.* Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань, 1972.
27. *Манукян А.Г.* Толкование норм права (виды, система, пределы действия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Г. Манукян. – СПб., 2006.
28. *Мирошников Е.Г.* Официальное толкование права и его значение в деятельности ОВД: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.Г. Мирошников. – М., 2000.
29. *Надежин Г.Н.* Доктринальное толкование норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.Н. Надежин. – Н. Новгород, 2005.
30. *Насырова Т.Я.* Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание и роль в юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.Я. Насырова. – М., 1985.
31. Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1997.
32. *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. – М., 1962.
33. *Пиголкин А.С.* Язык закона / А.С. Пиголкин. – М., 1990.
34. *Пиголкин А.С.* Толкование норм права и правотворчество: проблема соотношения / А.С. Пиголкин // Закон: создание и толкование. – М., 1998.
35. *Спасов Б.П.* Закон и его толкование / Б.П. Спасов. – М., 1986.
36. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М., 2014.
37. *Толстик В.А.* Системное толкование норм права / В.А. Толстик, Н.Л. Дворников, К.В. Каргин. – М., 2010.
38. *Тонков Е.Н.* Английская доктрина толкования закона: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.Н. Тонков. – М., 2013.
39. *Ткаченко Ю.Г.* Толкование юридических норм в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Г. Ткаченко. – М., 1950.
40. *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права / А.Ф. Черданцев. – Свердловск, 1972.
41. *Черданцев А.Ф.* Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Черданцев. – Свердловск, 1972.
42. *Черданцев А.Ф.* Толкование советского права: (Теория и практика) / А.Ф. Черданцев. – М., 1979.
43. *Шаронов А.Н.* Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Н. Шаронов. – Ярославль, 2004.
44. Юридическая техника: Ежегодник. – № 12. – Н. Новгород, 2018.
45. Юридическая техника: Ежегодник. – № 13. – Н. Новгород, 2019.
46. Юридическая техника: Ежегодник. – № 14. – Н. Новгород, 2020.
47. Юридическая техника: Курс лекций: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. – М.: Юрайт, 2018.
48. Юридическая техника: Учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. В.М. Баранова. – М.: Юрайт, 2019.

Раздел 23

ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННАЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

23.1. Применение как особая юридическая форма обеспечения реализации права

Право как социальное явление необходимо для качественной организации жизнедеятельности общества, это то средство, которым располагает и пользуется государство для определения поведения субъекта в конкретной жизненной ситуации. Сегодня государственно-правовая действительность подразумевает, что любая норма права, создаваемая государством, найдет своего адресата и будет реализована, т.е. воля законодателя, закреплённая в правовом предписании, та цель, которую преследует законодатель, и которая рано или поздно будет достигнута.

Исходя из содержания норм, адресованных человеку и определяющих его поведение, можно говорить о трех основных формах претворения (осуществления) правового предписания в жизнь:

- соблюдение запрета;
- исполнение обязанности;
- использование субъективного права.

При этом следует помнить, что каждая из представленных форм является всего лишь частью процесса реализации права, а он, в свою очередь, основан на едином механизме, который включает в себя ряд упорядоченных элементов.

Во-первых, элементы, связанные с деятельностью самого субъекта права. Здесь имеется в виду организационная деятельность субъекта.

Во-вторых, элементы, связанные с государственно-властной деятельностью. Здесь речь идет о применении права, контроле, стимулировании, поощрении, юридической ответственности, охране и защите права.

В-третьих, процессуальный блок элементов, т.е. юридический порядок реализации субъективного права, юридической обязанности, правового запрета.

Четвертый блок включает элементы, характеризующие социально-культурный уровень, который зависит от объема профессиональных знаний, умений, наличия того либо иного уровня правосознания и правовой культуры¹.

С точки зрения документального оформления соблюдение запретов является той формой, которая требует наименьшего документального подтверждения, здесь важны в первую очередь фактические действия субъекта. Большую потребность в фиксации соответствующих фактов испытывает субъект в процессе использования субъективного права. И, наконец, исполнение обязанностей — это форма реализации, которая требует наибольшего внимания с точки зрения документального опосредования.

Здесь важно уточнить, что каждая из форм реализации права, несмотря на то что является частью целого, требует соответствующей ее природе правореализационной технологии; предъявляет свои требования с точки зрения юридической техники к видам актов реализации права, возникающим в рамках каждой из форм.

Еще одно уточнение, от которого зависит правильное понимание природы правоприменительной юридической техники, — это наличие в процессе реализации права особых порядков претворения конкретных правовых предписаний. Юридической науке сегодня известны как минимум инициативный, уведомительный, разрешительный, регистрационный, конкретизационный, обеспечительный порядок реализации права. Именно от порядка реализации права, предусмотренного для конкретного правового предписания, зависит возможность и необходимость применения права. Так, если, например, субъект права реализует правовое предписание в инициативном порядке, то применение права будет возможным только в исключительных случаях. Если же порядок разрешительный, то применение права, как правило, присутствует в обязательном порядке, выступает нормативным основанием для нормальной его реализации.

В завершение общей характеристики, определяющей природу применения права, следует отметить, что реализация права как заключительная стадия правового регулирования общественных отношений представляет собой некоторый результат правового регулирования, который находит выражение в акте реализации права и является актом поведения субъекта права, выраженным в пассивном поведении при соблюдении запретов, активном — при исполнении обязанностей, активно-пассивном (на усмотрение конкретного субъекта) — при использовании субъективных прав.

¹ См. подробнее: *Фалькина Т. Ю., Шабуров А. С., Чашиников В. А.* Формы реализации права и механизм их осуществления: монография. Екатеринбург, 2009.

Продолжая, необходимо акцентировать внимание на том факте, что в ряде случаев субъект, которому адресована норма, не может ее воплотить в жизнь, если не будет иметь место властное вмешательство уполномоченного компетентного субъекта (руководителя, государственного органа, должностного лица и пр.), т.е. применение права.

Применение права — это властная деятельность уполномоченного компетентного субъекта по рассмотрению юридического дела и вынесению по нему конкретного решения для обеспечения процесса реализации правового предписания индивидуально-определенным субъектом права.

Процесс применения норм права может быть представлен тремя основными стадиями, такими как:

- 1) установление фактических обстоятельств юридического дела и их оценка;
- 2) юридическая квалификация;
- 3) принятие (вынесение) властного решения по делу и его документальное оформление.

Важно отметить, что это не просто властная деятельность, а деятельность, осуществляемая в строгом соответствии с правовыми процессуальными требованиями, предъявляемыми к каждой из ее стадий. Каждый случай, каждая необходимость применения права изначально определены и осуществляются в строгом соответствии с требованиями, предъявляемыми не только к порядку, но и к результату данной деятельности (акту применения права), т.е. формальная определенность есть основа применения права.

Применение права всегда носит профессиональный характер. Профессиональный характер применения права предполагает, что правоприменительной деятельностью могут заниматься только уполномоченные компетентные субъекты, т.е. лица, прошедшие соответствующую профессиональную подготовку либо обучение, нередко — имеющие соответствующее профессиональное образование, занимающие определенные должности и наделенные соответствующим правом. При этом к субъектам применения права могут относиться как органы публичной власти (государственные и муниципальные), так и иные организации, которым законодательством делегированы полномочия по осуществлению правоприменительной деятельности, а также их должностные лица¹.

Спецификой применения права является то, что субъект и адресат правоприменительной деятельности всегда индивидуально-определены, имеют, как правило, установленные нормативно взаимные права и обязанности. Результат применения права также всегда известен,

¹ Теория государства и права: учебник: в 2 кн. / отв. ред. А.С. Шабуров, В.С. Плетников. Екатеринбург, 2009. Кн. 1. С. 222.

реальная возможность конкретного субъекта (адресата) реализовать адресованные ему правовые предписания. Таким образом, следует констатировать, что правоприменительная деятельность реализуется в рамках правового отношения между правоприменителем и адресатом применения права.

23.2. Правоприменительные акты, их особенности, виды и структура

На третьей стадии применения права субъект правоприменения в результате соотнесения нормы права и собранных фактических обстоятельств юридического дела выносит соответствующее решение — акт применения права, которое является закономерным результатом всего процесса применения. В результате принятия правоприменительного акта у адресата появляется реальная возможность (в ряде случаев независимо от его воли и желания) реализовать предписания правовых норм, адресованные ему, поскольку появляются необходимые и достаточные для этого основания.

Акт применения права — это правовой акт, содержащий индивидуально-властное предписание в отношении конкретного адресата, возникший в результате принятия решения по юридическому делу, обеспеченный силой государственного принуждения.

Правоприменительный акт выступает результатом интеллектуально-волевой, творческой деятельности уполномоченного компетентного субъекта, с формально-логической стороны является своеобразным результатом построения силлогизма, в котором большей посылкой является норма права, меньшей посылкой — фактические обстоятельства, заключением — принятое решение¹. Соответственно механизм принятия правоприменительного решения с логической стороны может быть представлен в качестве определенного алгоритма. Содержание данного алгоритма определяется посредством ряда особенностей правоприменительной деятельности и тех требований, что предъявляются к акту применения права как индивидуально-властному правовому предписанию, адресованному конкретно-определенному субъекту и рассчитанному на однократное применение.

Как известно, вступивший в силу правоприменительный акт приобретает юридическую силу и становится обязательным для данного конкретного случая. С учетом того, что нормативный правовой акт определяет его форму и содержание, во вступившем в законную силу акте применения права соответственно проявляется юридическая сила нормативного правового акта, что был применен в отношении кон-

¹ Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 120.

кретного случая. Как следствие, можно вести речь о поднормативном (подзаконном) характере правоприменительных актов. В таком случае любое отступление от нормативно фиксированных требований, закрепленных достаточно детально и полно в законодательстве (особенно процессуальном), может быть расценено как нарушение требования законности и повлечет за собой признание данного акта недействительным. Таким образом, законность в правоприменительной деятельности является основным требованием, которое предъявляется к применению права и его результату — акту применения права.

Законность — строгое и неукоснительное соблюдение требований правовых норм всеми субъектами правоотношений. Соответственно законность выносимых в процессе правоприменительной деятельности решений определяется в целом следующим: решение должно быть вынесено компетентным лицом или органом своевременно; вынесению решения должны предшествовать проведенные в соответствии с законом процессуальные действия, с помощью которых установлены обстоятельства, определяющие принятие решения; при квалификации деяния, назначении наказания, разрешении гражданского иска должен быть правильно применен соответствующий закон; решение должно быть облечено в установленную законом процессуальную форму, содержать необходимые реквизиты этого вида правоприменительного акта¹.

Также в качестве требований, предъявляемых к правоприменительной деятельности и принимаемым решениям, следует рассматривать обоснованность, справедливость и целесообразность, они есть не что иное, как следствие реализации принципа законности в правоприменительном процессе, своеобразные грани.

Справедливость означает, что деятельность правоприменителя строится по принципу «между деянием и его последствиями должно присутствовать равновесие (соразмерность)», т.е. равным за равное должно воздаваться субъекту, в отношении которого осуществляется правоприменение. Справедливость — это свойство правоприменительной практики, выраженное в равновесии (соразмерности) между деянием (например, правонарушением) и его последствиями (например, ответственностью) в рамках целей и содержания правовых предписаний. Соответственно, в акте применения права необходимо достаточно подробно, детально зафиксировать все обстоятельства юридического дела, чтобы появилась возможность в дальнейшем при вынесении решения, определении соответствующей меры ответственности принять единственно верное справедливое решение.

¹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 218.

Обоснованность — еще одна грань формализованного требования законности в правоприменительной деятельности, означает строгое соответствие принимаемого решения тому набору юридических фактов, что удалось установить в рамках первой стадии правоприменительной деятельности. Данное соотношение должно находить свое достойное отражение и в итоговом решении, принимаемом правоприменителем, т.е. форма акта применения права должна иметь такую структуру, которая позволит правоприменителю рассмотреть фактический состав конкретного правоотношения и в соответствии с набором юридических фактов дать соответствующую оценку. И только тогда, когда в решении будут отражены имеющие значение для данного дела обстоятельства, в соответствии с требованиями закона об их относимости, допустимости и достаточности, а также принятое на этой основе решение будет содержать исчерпывающие выводы, можно говорить об обоснованности акта применения права.

Целесообразность как требование правоприменительной деятельности непосредственно в первую очередь относится к третьей стадии правоприменения. Принимаемое решение по своей природе должно быть наиболее подходящим в рамках исследованных юридических фактов, но не выходить за границы, определенные правовой нормой, т.е. используемая аргументация должна позволить в дальнейшем при обращении к содержанию вынесенного решения однозначно прийти к уже имеющемуся умозаключению правоприменителя. Таким образом, средства и приемы правоприменительной юридической техники, особенности их использования в тексте правоприменительного акта подчинены обозначенным выше требованиям и особенностям применения права. Без учета данных требований и особенностей акт применения права, несмотря на все многообразие использованных инструментов юридической техники, просто не будет иметь юридического значения.

Анализ различных аспектов правоприменительной деятельности позволяет классифицировать правоприменительные акты по различным основаниям. Классификация способствует уяснению общей природы, особенностей правоприменительных актов; направлена на обеспечение принятия законных, обоснованных, справедливых и целесообразных решений. По функциям права правоприменительные акты можно классифицировать на регулятивные (приказ о повышении по службе) и охранительные (постановление о возбуждении уголовного дела). По юридической природе они делятся на основные (выражают конечное решение по юридическому делу — приговор, решение суда) и вспомогательные (подготавливают издание основных — постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого). По субъектам правоприменения: акты государственных органов (акты органов законодательной власти; акты органов исполнительной вла-

сти; акты органов правосудия и др.); акты негосударственных органов (работодатель, директор, руководитель и др.). По способу принятия выделяют: коллегиальные (например, постановление Государственной Думы о создании согласительной комиссии); единоначальные (например, приказ директора предприятия об увольнении сотрудника). По наименованию формы акта, в зависимости от субъекта, выделяют акты применения права в форме: приказа; постановления; резолюции; указы; предупреждения; предписания; приговоры и др. По отраслевой принадлежности (по предмету правового регулирования): уголовно-правовые акты; гражданско-процессуальные акты; акты применения норм других отраслей.

С учетом еще достаточно большого количества оснований для классификации, например, по характеру индивидуального предписания, по способу выражения и др., необходимо отметить, что если акт применения права носит письменный характер (в большинстве случаев это именно так), то он обязательно должен обладать определенной внутренней структурой, требования к которой определены нормативно. Таким образом, руководствуясь вышесказанным, можно сделать вывод о том, что акт применения права обладает формально-определенной природой.

Письменная форма наиболее целесообразна не только с точки зрения доведения содержания актов до сведения заинтересованных лиц и выполнения стоящих перед правоприменителем задач, но и в плане осуществления контроля и обеспечения режима законности¹.

Правоприменительные акты-документы имеют самую различную структуру, что обусловлено значением рассматриваемых вопросов, юридической силой, процедурой принятия и др. Наибольший объем элементов, выделяемых в структуре акта применения права как документа, включает:

- *вводную часть*, где фиксируются наименование, дата, место составления, должность и подпись лица, составившего этот документ, в отдельных случаях — штамп, оттиск печати, регистрационный номер и т.п. Своего рода вся вводная часть представляет собой стилизовое клише²;
- *описательную (установочную) часть*, где фиксируется информация, ставшая предметом рассмотрения юридического дела, и излагаются факты, установленные на первой стадии правоприменительной деятельности (фабула юридического дела);
- *мотивировочную часть*, в которой содержится юридическая квалификация деяния, основанная на собранной информации,

¹ Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 155.

² Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 434.

- ее обоснование с указанием ссылок на нормативные правовые акты, подлежащие применению. Анализируются доказательства с позиций их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Данная часть акта применения права отражает результаты второй стадии правоприменительной технологии;
- *резолютивную (постановочную) часть*, содержащую формулировку властного решения по делу, в которой конкретизируются (определяются) права и обязанности адресата применения права. Здесь содержатся, как правило, ответы на три вопроса: удовлетворяются ли заявленные требования, получает ли разрешение возникшая ситуация; как распределяются (возмещаются) существующие расходы; сроки и порядок обжалования решения.

Стиль резолютивной части отличается императивностью¹. В данной части акта применения права находит свое отражение третья стадия процесса применения права.

Данная структура присуща актам применения права, которые имеют определяющее значение для правового статуса конкретного субъекта, например, решений и приговоров суда.

Так, ст. 198 ГПК РФ определяет, что решение суда состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Во вводной части решения суда должны быть указаны номер дела, дата и место принятия решения суда, наименование суда, принявшего решение, состав суда, помощник судьи, секретарь судебного заседания, стороны, другие лица, участвующие в деле, их представители, предмет спора или заявленное требование. Описательная часть решения суда должна содержать указание на требование истца, возражения ответчика и объяснения других лиц, участвующих в деле. В мотивировочной части решения суда должны быть указаны фактические и иные обстоятельства дела, установленные судом; выводы суда, вытекающие из установленных им обстоятельств дела, доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения, мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле; законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Резолютивная часть решения суда должна содержать выводы суда об удовлетворении иска либо об отказе в удовлетворении иска полностью или в части, указание на распределение судебных расходов, срок и порядок обжа-

¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 436.

лования решения суда. Вместе с тем ст. 198 ГПК РФ не дает исчерпывающего перечня вопросов, отражаемых в содержании решения. Это дает возможность суду проявить усмотрение и фиксировать в решении вопросы, которые он считает необходимыми.

Аналогичную норму содержит и УПК РФ. Так, ст. 303 УПК РФ устанавливает, что приговор состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей, а в ст. 304–309 УПК РФ нормативно определены требования к каждому из структурных элементов. Во вводной части приговора указываются сведения: о постановлении приговора именем Российской Федерации; дата и место постановления приговора; наименование суда, постановившего приговор, состав суда, данные о помощнике судьи, секретаре судебного заседания, об обвинителе, о защитнике, потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике и об их представителях; фамилия, имя и отчество подсудимого, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для уголовного дела; пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого обвиняется подсудимый. Далее законодатель варьирует в зависимости от характера акта и те сведения, что должны найти отражение в содержании приговора. Так, в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора, например, указывается существо предъявленного обвинения, а в случае обвинительного приговора описательно-мотивировочная часть содержит описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления. Подобным образом законодатель требует от правоприменителя и оформления резолютивной части приговора. В случае с оправдательным приговором резолютивная часть, например, содержит решение о признании подсудимого невиновным и основания его оправдания, а в случае с обвинительным приговором — решение о признании подсудимого виновным в совершении преступления и т.д.

Таким образом, текст судебного решения строится по нескольким логико-синтаксическим схемам, каждой из которых соответствует определенный типовой набор словесных конструкций:

- перечисление используется во вводной части;
- повествование, описание, рассуждение, опровержение характерны описательно-мотивировочной части;
- предписание имеет место в изложении резолютивной части решения¹.

¹ См.: *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007. С. 138.

Несколько проблематичней обстоят дела в сфере управления как государственного, так и корпоративного. Анализ содержания правоприменительных актов позволяет говорить о том, что при наличии единых требований¹ к оформлению и ведению документации качество правоприменительной деятельности в сфере корпоративного управления существенно отличается от управления в государственном секторе.

Правоприменительные акты-документы могут иметь и двухзвенную структуру, так называемые акты разрешения на совершение определенных действий, они содержат в своей структуре вводную и резолютивную части. Ярким примером тому является водительское удостоверение, требования к содержанию и форме которого достаточно подробно урегулированы приказом МВД России от 13 мая 2009 г. № 365 «О введении в действие водительского удостоверения»²; лицензия на осуществление того либо иного вида деятельности, требования к содержанию и форме которой содержатся в постановлении Правительства России от 6 октября 2011 г. № 826 «Об утверждении типовой формы лицензии»³ и другие акты.

23.3. Общеправовые и специфические юридико-технические средства и приемы правоприменительных актов

Акт применения права является одним из основных видов правовых актов. Соответственно с точки зрения средств и приемов юридической техники, используемых при его составлении, данный акт имеет как общее с другими видами правовых актов, так и свои специфические особенности.

Все правоприменительные акты: приказы и распоряжения работодателя, приговоры, решения суда, постановления прокурора, следователя и прочее — имеют прямую зависимость от такого средства юридической техники, как терминология.

К терминам, используемым правоприменителем в актах, предъявляются те же требования, что и к терминологии нормативных актов, однако они имеют и ряд особенностей:

1) соответствие терминологии акта применения терминологии применяемой нормы;

¹ Например, государственный стандарт РФ ГОСТ Р 6.30–2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. М., 2003. (В данном стандарте устанавливается состав реквизитов документов; требования к оформлению реквизитов документов; требования к бланкам документов, включая бланки документов с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации и др.)

² Российская газета. 2009. 21 июля.

³ Собрание законодательства РФ. 2011. № 42, ст. 5924.

2) объем терминов, используемых в тексте акта применения права, несколько шире, чем в применяемой норме, и отвечает требованиям терминологии применяемого нормативного правового акта;

3) необходимое и достаточное использование современных технических терминов.

Таким образом, при подготовке юристов (а это преимущественно будущие правоприменители) следует обращать внимание на те языковые особенности, которые вызывают трудности в употреблении терминов. К таким, в частности, относятся вопросы полисемии, синонимии, омонимии, иностранной лексики.

Синтаксическими особенностями текста правоприменительных актов является повтор. Повтор — это тип логико-грамматической связи между предложениями и строфами, когда в последующем предложении в неизменном или в измененном виде употребляются фрагменты предшествующего предложения.

Ученые описывают следующие виды повторов:

1) лексический повтор — повторение одинаковых или однокоренных слов;

2) местоименный повтор — использование местоимения (часто с существительными предыдущего предложения);

3) семантический повтор — употребление слов, в которых происходит повтор некоторой совокупности смысловых признаков;

4) грамматический (синтаксический) повтор — синтаксическая конструкция высказывания повторяется в следующем высказывании, но с другим лексическим наполнением.

Необходимо также учитывать специфические особенности языка каждого конкретного вида акта применения права, характерные структурные типы предложений, присущие отдельным видам актов, употребление большого числа устойчивых словосочетаний — языковых формул и др.

Так, при изложении текста правоприменительного акта широко используются слова и словосочетания «ввиду изложенного», «поэтому», «следовательно» и др., которые служат для связи структурных частей текста. В отличие от структуры предложений нормативного акта, где основной текст документа всегда представлен в смысловом отношении разделами, имеющими собственную тему, правоприменительный акт имеет одну тему, заявленную в заголовке текста. В соответствии с этим и структурируются предложения.

Если характер предписаний нормативных актов изложен по типу деонтической логики, то в рамках стиля правоприменительных актов широко используются такие способы изложения материала, как описание, повествование, рассуждение, предписание.

В повествовании рассказывается о событиях (фактах, поступках) в той хронологической последовательности, в которой они происхо-

дили в действительности. Таким способом закрепляются показания обвиняемых в текстах обвинительных заключений, подсудимых в текстах приговоров. (В других текстах эта форма не используется.)

В описании явление характеризуется путем перечисления его основных признаков, свойств, особенностей. Подобное изложение можно встретить в любом акте.

При рассуждении логически последовательный ряд определений, суждений и умозаключений раскрывает внутреннюю связь явлений. Здесь сопоставляются факты, события, предметы. Этот способ изложения наиболее распространен при формулировании любых правоприменительных актов. Именно в рассуждении находит свое воплощение такая форма мысли, как доказательство.

Заключительной частью любого акта является предписание, где во властной резолютивной форме делается вывод и выносится решение.

Знание и понимание композиции правоприменительного акта позволяет выработать план его построения, последовательно изложить содержание, сделать его аргументированным и реализуемым на практике.

Кроме указанных средств, при формулировании правоприменительных актов используются специальные юридико-технические приемы.

Для правоприменения, в отличие от правотворчества, не свойственны предположения, проявляющиеся в презумпции и фикции. В практике правоприменения решение никогда не основывается на заранее установленных посылах, аксиомах. Более того, для подтверждения подлинности юридически значимых фактов, необходимых для вынесения решения, требуется доказывание.

Подобная характеристика правоприменения и правоприменительных актов обуславливает наличие такого юридико-технического приема, как аргументация.

Этот прием предопределен требованиями правильности применения, т.е. требованиями законности, обоснованности и целесообразности акта. Принимая правоприменительное решение, правоприменитель обязательно осуществляет анализ всех аргументов, доводов, посылов, на основе которых делается заключение. Аргументация отличается от формального рассуждения именно тем, что она стремится обосновать и подтвердить соответствующие заключения или утверждения с помощью тщательного анализа аргументов, служащих исходной основой рассуждения. При этом следует учесть, что аргументы никогда не бывают окончательными, вполне однозначными и достоверными, а тем более полными. Исходя из этого и решения, принимаемые в практических делах, не могут быть вполне безупречными. Тем не менее их успех зависит от того, насколько тщательно оцениваются и обосновываются аргументы, на которые они опираются¹. Аргументация как юридико-

¹ См.: Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. М., 1997. С. 51.

технический прием используется (хотя и в разной степени) при принятии всех правоприменительных актов, однако в максимальной степени она используется при вынесении обвинительного заключения, ибо используемые здесь аргументы могут быть подвергнуты сомнению либо вообще опровергнуты судом¹.

Для структуризации правоприменительного акта также характерна и унификация. Необходимость унификации возникает в условиях повторяемости действий, событий и фактов, способов документирования, поэтому унифицированный основной текст правоприменительного акта может быть представлен в форме трафарета. Унификация позволяет разрабатывать, заранее изготавливать и использовать при создании акта готовые формы документа. Наряду с реквизитами, в нем фиксируются отдельные фрагменты текста, которые содержат постоянную информацию, повторяющуюся во всех документах одного наименования, и пробелы для внесения переменной информации, отражающей суть конкретного дела. Таким образом, применение различных средств и приемов осуществляется не хаотично, не по личному субъективному усмотрению правоприменителя, а в соответствии с определенными правилами.

Все правила используемые в рамках правоприменительной юридической техники можно разделить:

- 1) на правила русского языка;
- 2) правила логики;
- 3) правила делопроизводства;
- 4) правила юридические.

Некоторые из этих правил разработаны соответствующей наукой, (лингвистика, логика, правоведение), другие вырабатываются юридической практикой.

Для правоприменительного акта характерны правила русского языка, свойственные деловому стилю изложения. Лексические нормы определяют возможности использования терминологии, грамматические — указывают на литературные формы слов, словосочетаний, предложений².

Правоприменитель должен усвоить и использовать в практике законы диалектической, формальной и деонтической логики, правила оперирования понятиями, суждениями, умозаключениями. При формулировании правоприменительного акта необходимо следовать законам тождества, непротиворечия, исключения третьего, достаточного основания.

Определенное место в системе правил юридической техники правоприменительных актов занимают *правила делопроизводства*. Ими

¹ См.: *Шабуров А. С.* Юридическая техника: учебное пособие. Екатеринбург, 2008. С. 75–79.

² Подробнее см.: *Губаева Т. В.* Практический курс русского языка для юристов. Казань, 1986.

регулируются вопросы оформления текста, наличия или отсутствия реквизитов и разработка формуляров¹.

К *юридическим правилам* можно отнести правила квалификации. В частности, описание конкретного состава правонарушения необходимо осуществлять по определенной схеме.

Многие из указанных правил закрепляются нормативно в правовых актах: Уголовно-процессуальном, Гражданско-процессуальном, Налоговом, Арбитражном кодексах и иных нормативных правовых актах. К сожалению, эти правила не всегда изложены достаточно полно и аргументированно.

При этом следует учитывать, что рассматриваемые правила, средства и приемы неодинаково реализуются в различных видах правоприменительных актов (регулятивных и охранительных, распорядительных и процессуальных и т.д.)².

В целях придания правоприменительным актам некоторого единства в рамках одного ведомства особое внимание уделяют реквизитам. Реквизит — это обязательные признаки, установленные законом или распорядительными положениями для отдельных видов документов³, т.е. это данные, которые должны содержаться в акте или ином документе для признания его действительным.

Среди реквизитов правоприменительного акта можно выделить: реквизиты удостоверения (подпись, гриф согласования, утверждения, печать и т.д.); реквизиты авторства — (наименование министерства, ведомства, место составления и др.); идентифицирующие реквизиты (наименование документа, код, дата); справочные реквизиты (отметка о получении, исполнении, направлении в дело). Конкретный набор реквизитов для каждого акта определяется его видом, однако имеются реквизиты, обязательные для каждого правоприменительного акта. Отсутствие таких реквизитов лишает акт юридической силы. Необходимые реквизиты закрепляются в *формуляре* (совокупности расположенных в установленной последовательности реквизитов акта), который определяет общие контуры создаваемого акта применения права.

23.4. Своеобразие правоприменительной техники актов органов внутренних дел

В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации функционирует достаточно большое количество подразделений, занимающихся применением права, например, можно выделить следова-

¹ См.: Андреева В. И. Делопроизводство. М., 1995.

² Подробное см.: Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.

³ См.: Веселов П. В. Аксиомы делового письма: культура общения и официальной переписки. М., 1993. С. 7.

телей и дознавателей, инспекторов ГИБДД, участковых уполномоченных и др. Данные субъекты как специалисты в своей области призваны разрешать спорные правовые ситуации, обеспечивать законные права участников правовых отношений, используя право как инструмент, как универсальный регулятор. Например, за полицией, в рамках деятельности по применению права, в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ закреплены такие обязанности, как (приведем некоторые из них):

- в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, возбуждать уголовные дела, производить дознание по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым необязательно; выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно;
- регулировать дорожное движение; оформлять документы о дорожно-транспортном происшествии; принимать экзамены на право управления автотранспортными средствами, трамваями, троллейбусами и выдавать водительские удостоверения; регистрировать в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, автотранспортные средства и прицепы к ним и выдавать в установленных случаях свидетельства о допуске их к перевозке опасных грузов;
- составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства, применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях;
- останавливать транспортные средства, если это необходимо для выполнения возложенных на полицию обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения и др.

Систематизируя все многообразие юридической деятельности органов внутренних дел в сфере применения права, исходя из характера юридических фактов, порождающих процесс применения права и конкретных последствий, вызываемых правоприменением, можно вести речь о двух формах применения права: оперативно-исполнительной и правоохранительной².

Рассматривая организацию и деятельность органов внутренних дел, можно констатировать, что в рамках организации деятельности данной системы, в основном имеют место акты оперативно-исполнительного характера (если не вести речь о привлечении сотрудника к ответственности). В рамках реализации основных функций следует в основном вести речь об актах, имеющих правоохранительную природу.

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

² См.: Бро Ю. Н. Проблемы применения права: учебное пособие. Иркутск, 1980. С. 27.

Основным актом, имеющим оперативно-исполнительный характер, в системе органов внутренних дел является: приказ и распоряжение руководителя. К сожалению, порядок создания и требования к содержанию данных актов правоприменения не имеет должной нормативной основы. Одним из немногих локальных актов, на который можно опираться, и то с учетом института аналогии, является приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России»¹. Данный акт, несмотря на то, что регламентирует вопросы подготовки нормативных правовых актов, позволяет в ряде случаев использовать его и при подготовке актов правоприменения. Такое становится возможным, например, благодаря п. 212 Приказа, который гласит: «Не подлежат направлению на государственную регистрацию индивидуальные правовые акты: персонального характера (о назначении на должность или освобождении от должности, о поощрении или наложении дисциплинарного взыскания и тому подобные)». Возможно, следовало бы в ходе совершенствования системы нормативно-правового регулирования в МВД России предложить новое название данному приказу, например, «Об утверждении Правил подготовки правовых актов в центральном аппарате МВД России» и дополнить его отдельными положениями по подготовке актов правоприменения.

Также заслуживает внимания приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации»² (далее — приказ МВД России № 615). Здесь, в разделе 3 «Документирование. Правила оформления и подготовки документов», есть ряд принципиальных требований к оформлению документов, но поскольку речь идет обо всех актах-документах, не совсем понятно, что из перечисленного относится к акту применения права.

- Остановимся на отдельных требованиях, имеющих общий характер:
- документ должен быть написан официально-деловым стилем;
 - применяемые термины должны соответствовать терминологии, используемой в законодательных и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и нормативных правовых актах МВД России, и употребляться в одном и том же значении;
 - документ должен быть оформлен в соответствии с существующими государственными стандартами и требованиями Инструкции, утвержденной приказом МВД России № 615, иметь установленный комплекс обязательных реквизитов с соблюдением порядка их расположения.

¹ Документ опубликован не был, см.: СПС «КонсультантПлюс».

² То же.

Они наглядно подтверждают сказанное выше о средствах и приемах правоприменительной юридической техники.

Необходимо акцентировать внимание и на отдельных правилах, содержащихся в данном приказе, несмотря на то что они являются общими для любого правового акта:

- документ не должен противоречить законодательным и иным нормативным правовым актам Российской Федерации и нормативным правовым актам МВД России;
- изложение содержания документа должно быть логичным, кратким и точным, исключающим неоднозначное толкование;
- документ должен основываться на фактах и содержать конкретные и реальные предложения или указания;
- в документе не должно быть помарок и исправлений.

Данные общие правила достаточно значимы, в том числе и для любого акта применения права. Следование сотрудником органа внутренних дел данным правилам обеспечит основы режима законности в ОВД.

Основным актом, имеющим правоохранительную природу, создаваемым сотрудником ОВД, является постановление, принимаемое как по уголовным, так и по административным правонарушениям. Требуют внимания и такие акты применения права, как определение по делу об административном правонарушении; обвинительный акт (обвинительное постановление) и обвинительное заключение в рамках уголовно-процессуального законодательства. Содержание и порядок создания данных актов имеет соответствующую нормативно-правовую основу, что позволяет обеспечить их единообразие и высокое качество.

Виды постановлений по делам об административных правонарушениях определены в ч. 1 ст. 29.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП). По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении может быть вынесено постановление: о назначении административного наказания; о прекращении производства по делу об административном правонарушении. Требования к содержанию постановления по делу об административном правонарушении закреплены в статье 29.10 КоАП. В постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны: должность, фамилия, имя, отчество судьи, должностного лица, наименование и состав коллегиального органа, вынесших постановление, их адрес; дата и место рассмотрения дела; сведения о лице, в отношении которого рассмотрено дело; обстоятельства, установленные при рассмотрении дела; статья КоАП или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за совершение административного правонарушения, либо основания прекращения производства по делу; мотивированное решение по делу; срок и порядок обжалования по-

становления. В случае наложения административного штрафа в постановлении по делу об административном правонарушении должна быть также указана информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы административного штрафа, а также информация о сумме административного штрафа. Также в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы: о размере ущерба, подлежащего возмещению, сроках и порядке его возмещения; об изъятых вещах и документах, о вещах, на которые наложен арест, если в отношении их не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации, а также о внесенном залоге за арестованное судно. Обязательно подпись должностного лица, составившего акт, в том числе с помощью усиленной квалифицированной электронной подписи в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

При производстве предварительного расследования в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, является постановлением. Постановление в рамках уголовного дела может быть: о возбуждении уголовного дела; об отказе возбуждения уголовного дела; о прекращении уголовного дела; о принятии к производству; об удовлетворении ходатайства; о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела и другие.

Останавливаясь на требованиях, предъявляемых к содержанию постановления создаваемого при производстве предварительного расследования, следует обратить внимание на следующие их виды.

Во-первых, постановление о возбуждении уголовного дела. Оно должно отражать следующую информацию: дата, время и место его вынесения; кем оно вынесено; повод и основание для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статья УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело (ст. 146 УПК РФ).

Во-вторых, постановление о привлечении в качестве обвиняемого. При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление, в котором должны быть указаны: дата и место его составления; кем составлено постановление; фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения; описание преступления с указанием времени, места его

совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ; пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление; решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по расследуемому уголовному делу (ст. 171 УПК РФ).

В-третьих, постановление о прекращении уголовного дела, которое содержит: дату и место его вынесения; должность, фамилию, инициалы лица, его вынесшего; обстоятельства, послужившие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статью Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие преступление, по признакам которого было возбуждено уголовное дело; результаты предварительного следствия с указанием данных о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование; применявшиеся меры пресечения; пункт, часть, статью УПК РФ, на основании которых прекращаются уголовное дело и (или) уголовное преследование; решение об отмене меры пресечения, а также наложения ареста на имущество, корреспонденцию, временного отстранения от должности, контроля и записи переговоров; решение о вещественных доказательствах; порядок обжалования данного постановления (ст. 213 УПК РФ).

Аналогичных требований уголовно-процессуальное законодательство в отношении содержания иных постановлений, принимаемых в ходе расследования уголовного дела, по сути, не устанавливает. Возможно, решение отказать от ч. 6 УПК России «Бланки процессуальных документов» было не целесообразным, поскольку требовалась всего лишь корректировка статуса данной части.

Наиболее полно в УПК России прописаны требования, предъявляемые к обвинительному акту дознавателя и обвинительному заключению следователя. Так, ст. 220 УПК РФ определяет, что в обвинительном заключении следователя содержатся: фамилии, имена и отчества обвиняемого или обвиняемых; данные о личности каждого из них; существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ, предусматривающих ответственность за данное преступление; перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания; перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением; данные о гражданском истце и гражданском ответчике. Также обвинительное заключение должно содержать ссылки на тома и листы уголовного дела, быть подписано следователем с указанием места и даты его составления. К обвинитель-

ному заключению прилагается список подлежащих вызову в судебное заседание лиц со стороны обвинения и защиты с указанием их места жительства и (или) места нахождения. К обвинительному заключению также прилагается справка о сроках следствия, об избранных мерах пресечения с указанием времени содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий, вещественных доказательств, гражданском иске, принятых мерах по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества, процессуальных издержках, а при наличии у обвиняемого, потерпевшего иждивенцев — о принятых мерах по обеспечению их прав. В справке должны быть указаны соответствующие листы уголовного дела.

В качестве особенности в вопросах формы и содержания актов применения права, принимаемых ОВД, следует отметить статус протокола. В административном законодательстве протокол в большинстве случаев является актом применения права со всеми вытекающими последствиями, например: ст. 27.4 КоАП — протокол об административном задержании; ст. 27.10 КоАП — протокол об изъятии вещей и документов; ст. 27.12 КоАП — протокол об отстранении от управления транспортным средством; ст. 27.16 КоАП — протокол о временном запрете деятельности и др. Каждый из приведенных выше протоколов является примером акта, содержащего индивидуально-властное предписание в отношении конкретного адресата. Возникает в результате принятия решения по юридическому делу, обеспечивается силой государственного принуждения. Не каждый из данных протоколов является основным актом, возникающим в процессе применения права в ходе рассмотрения юридического дела. В большинстве случаев протокол как акт применения права является актом вспомогательным, обеспечивает полноту и всесторонность процесса применения права.

Остановимся на характеристике протокола об административном задержании. Уполномоченное компетентное лицо может в исключительных случаях применить к правонарушителю (физическому лицу) административное задержание, т.е. кратковременное ограничение свободы, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.3 КоАП). Так, например, административное задержание вправе осуществлять должностные лица ОВД (полиции) при выявлении административных правонарушений, дела о которых в соответствии со ст. 23.3 КоАП рассматривают ОВД (полиции), либо административных правонарушений, по делам о которых в соответствии со ст. 28.3 КоАП ОВД (полиция) составляют протоколы об административных правонарушениях, а также при выявлении любых административных правонарушений в случае обращения к ним долж-

ностных лиц, уполномоченных составлять протоколы о соответствующих административных правонарушениях (п. 1 ч. 1 ст. 27.3 КоАП). Таким образом, должностные лица ОВД (полиции) в исключительных случаях при выявлении соответствующего правонарушения самостоятельно принимают индивидуально-властное решение по конкретному юридическому делу о задержании лица, т.е. кратковременном ограничении свободы, о чем составляют протокол об административном задержании, который является актом применения права, носит вспомогательный характер и необходим для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения конкретного дела об административном правонарушении.

Уголовный закон в свою очередь к актам применения права относит, правда, опосредованно, через ст. 46 УПК РФ, лишь протокол задержания, составленный в соответствии со ст. 92 УПК РФ.

При исследовании вопроса правоприменительных актов, принимаемых в деятельности органов внутренних дел, принципиально важно также обратить внимание на особенности доведения содержания правоприменительных актов до заинтересованных субъектов. Как административно-процессуальное, так и уголовно-процессуальное законодательство обращают на данный вопрос особое внимание, поскольку по своей природе акты применения права, как было уже сказано ранее, предназначены для обеспечения процесса реализации правового предписания индивидуально-определенным субъектом права. Так, на примере завершения производства предварительного расследования обвинительным заключением можно проследить данные особенности в уголовном процессе. Итак, признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное ст. 217 УПК РФ право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, о чем составляется протокол в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ. Следователь также уведомляет об окончании следственных действий защитника, законного представителя обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей (ст. 215 УПК РФ). Непосредственно вопросы доведения содержания правоприменительных актов до заинтересованных субъектов достаточно подробно регламентируются в отдельных статьях УПК РФ:

- ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами уголовного дела (ст. 216 УПК РФ);
- ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ).

И как результат в рамках доведения содержания правоприменительных актов до заинтересованных субъектов составляется протокол ознакомления с материалами уголовного дела, что в свою очередь является актом реализации права на ознакомление с материалами уголовного дела.

Несколько проще техника доведения содержания правоприменительных актов до заинтересованных субъектов в административном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 29.11 КоАП¹ «Копия постановления по делу об административном правонарушении вручается под расписку физическому лицу, или законному представителю физического лица, или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшему по его просьбе либо высылается указанным лицам по почте заказным почтовым отправлением в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления. Копия вынесенного судьей постановления по делу об административном правонарушении направляется должностному лицу, составившему протокол об административном правонарушении, в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления». Аналогичная процедура предусмотрена и в соответствии со ст. 28.6, 28.7 КоАП, отдельные статьи КоАП, такие как 27.2, 27.4, предусматривают вручение задержанному лицу копии протокола по его просьбе.

В данном случае доведение содержания правоприменительных актов до заинтересованных субъектов — это то средство, которое на современном этапе должно дисциплинировать стороны правоприменительного процесса и гарантировать законность содержания акта применения права.

Особого внимания требуют ошибки, что имеют место в правоприменительной деятельности.

Ошибка в правоприменении представляет собой результат властной деятельности уполномоченного компетентного субъекта права, который по своей природе не отражает истинного понимания конкретной ситуации и не позволяет достичь определенной в законе цели. Одно из концептуальных определений понятия «правоприменительная ошибка» было дано Н. Н. Вопленко: «Правоприменительная ошибка есть противоречащий нормам материального или процессуального права и не достигающий истинных целей правового регулирования результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения, который квалифицируется в качестве ошибочного компетентным органом в особом акте»².

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

² *Вопленко Н. Н.* Социалистическая законность и применение права / под ред. профессора М. И. Байтина. Саратов, 1983.

Наиболее распространенное деление ошибок в правоприменении возможно по следующим основаниям: по психологическому механизму формирования можно различать ошибки умышленные и неумышленные; по степени распространенности правоприменительных ошибок можно различать ошибки типичные и нетипичные; в зависимости от вида применяемых норм права правоприменительные ошибки можно делить на ошибки в применении норм материального и процессуального права.

Последствия играют также не последнее значение в классификации ошибок правоприменения. Так, в зависимости от последствий для лиц, интересы которых были затронуты решением сотрудника органов внутренних дел, правоприменительные ошибки можно подразделить на причинившие существенный вред, причинившие незначительный ущерб и не имевшие вредных последствий; в зависимости от последствий для самого правоприменителя — форм его ответственности за ошибку — правоприменительные ошибки можно делить на влекущие юридическую и неюридическую ответственность. Более частное деление — влекущие уголовную, дисциплинарную, материальную, а также различные виды неюридической ответственности.

В зависимости от формы, содержания и характеристики процессов правоприменения ошибки в правоприменительной деятельности классифицируются: в зависимости от формы актов применения права можно говорить об ошибках в письменной, устной или конклюдентной форме; в зависимости от вида, целевого назначения правоприменительной деятельности работников органов внутренних дел можно выделять ошибки при осуществлении оперативно-исполнительного и юрисдикционного правоприменения; исходя из взаимосвязи процессов правоприменения и правовой квалификации, следует выделить познавательные ошибки (выступают в качестве дефектов процесса мышления, связи одной мысли с другой), фактические ошибки (характеризуют недостатки содержательной стороны процессов познания, квалификации и деятельности. Они — следствие недостижения истины в правоприменительном процессе), квалификационные ошибки (обусловлены неправильным установлением и юридическим закреплением соответствия между фактическими обстоятельствами рассматриваемого юридического дела и нормами действующего законодательства).

Анализируя ошибки в правоприменении по отношению к органам внутренних дел, следует констатировать, что в зависимости от уровня органов издания актов применения права можно говорить о правоприменительных ошибках, совершенных сотрудниками министерства внутренних дел России, министерств внутренних дел субъектов федерации, городских и районных органов внутренних дел; по субъектам правоприменительной ошибки можно различать ошибки, совершен-

ные следователями, дознавателями, участковыми и т.д.; по адресатам ошибочных актов применения права можно различать ошибочные акты, адресованные самим сотрудникам органов внутренних дел и адресованные другим лицам.

Не стоит забывать о том, что правоприменительные ошибки можно рассматривать в зависимости от степени познания и устранения — установленные и не установленные (латентные), спорные и бесспорные, подлинные и мнимые.

Анализ всего массива ошибок, допускаемых в правоприменительной деятельности, позволяет сделать вывод, что они возникают на всех стадиях применения права. Причины и условия ошибок в правоприменении также различны, остановимся на тех, которые являются наиболее распространенными и могут быть устранены как непосредственно правоприменителем, так и в ближайшее время усилиями всего общества.

Могут быть следующие причины и условия ошибок в праве.

Во-первых, некачественная юридическая подготовка правоприменителя, т.е. как следствие — отсутствие у сотрудника органов внутренних дел необходимых для профессиональной деятельности познаний и навыков работы. При совершенствовании процесса применения права в рамках данной детерминанты необходимо повышение качества юридического образования, изменение парадигм образования.

Во-вторых, существующие пробелы в нормативно-правовом регулировании общественных отношений требуют качественной работы законодателя по формированию отечественной системы права и ее отражению в системе законодательства. В свою очередь правоприменитель не должен ждать ликвидации пробела законодателем, а в случае столкновения с ним — использовать специальные приемы, такие как аналогия закона и аналогия права. При аналогии закона должны применяться к не урегулированному в конкретной норме спорному отношению нормы права, регулирующей сходные отношения. При аналогии права применяется к не урегулированному в конкретной норме спорному отношению при отсутствии нормы, регулирующей сходные отношения, общих начал и смысла законодательства. Необходимость применения данных приемов заключается в том, что решение по юридическому делу обязательно должно иметь правовое основание. Следует помнить, что использование в правоприменительной деятельности аналогии закона и аналогии права недопустимо при определении мер уголовной или административной ответственности, а также при возложении ряда обязанностей.

В-третьих, коллизии правовых норм, которые не позволяют принять единственно правильное решение. В данном случае правоприменителю необходимо воспользоваться способами преодоления или разрешения коллизий между правовыми нормами: толкование коллидирующих норм; использование коллизионных принципов

и правил, выработанных судебной практикой; использование коллизионных норм; коллизионное право. Приведем некоторые наиболее известные правила преодоления или разрешения коллизий:

- применяется норма права, содержащаяся в нормативном акте наибольшей юридической силы;
- применяется последующий закон по тому же вопросу, который отменяет действие предыдущего;
- специальный закон отменяет действие общего закона.

В-четвертых, сложность процессуальных требований и форм, используемых при совершении отдельных юридических действий, а также загруженность правоприменителя.

В-пятых, профессиональная деформация правоприменителя (обвинительный уклон, спекулятивно-правовой популизм и пр.).

В-шестых, недобросовестное отношение правоприменителя к должностным и служебным обязанностям¹.

23.5. Юридическая техника актов реализации права

Реализация права может быть охарактеризована с объективной и с субъективной стороны. С объективной стороны она представляет собой совершение определенными средствами в известной последовательности, в сроки и в месте, предусмотренных нормами права правомерных действий. С субъективной стороны реализация права характеризуется отношением субъекта к реализуемым правовым требованиям, его установками и волей в момент совершения предписываемых действий². При этом результатом данной деятельности независимо от воли и желания субъекта будет являться акт реализации права.

Акт реализации права — это юридический акт-документ, с помощью которого происходит осуществление субъективных прав и юридических обязанностей³. Он является своеобразным подтверждением того, что субъект осуществил либо осуществляет принадлежащие ему по закону права и обязанности.

Акт реализации права как юридический акт-документ является по своей природе правовым актом, т.е. он издается на основе норм права; имеет письменную, установленную законом форму выражения; содержит индивидуально-конкретные правовые предписания; вызывает возникновение, изменение либо прекращение правоотношений.

К данной разновидности правовых актов можно отнести *доверенность, заявления, претензии, жалобы, ходатайства и все формы юри-*

¹ Подробнее см.: *Каргин К. В.* Юридические документы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 24.

² Теория государства и права: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 2001. С. 284.

³ *Шабуров А. С.* Теория государства и права: учебник. Курган, 2009. С. 191.

дической переписки и пр. Подобных актов-документов существует большое количество, поэтому не представляется возможным их все даже перечислить. Постараемся классифицировать правореализующие акты-документы, существующие в рамках механизма непосредственной реализации прав личности, по ряду признаков:

- по субъектному составу: индивидуальные и коллективные;
- по характеру субъектов-участников правоотношения: с государственными органами и должностными лицами (служебные), с юридическими лицами и с физическими лицами (частные).
- по правовому статусу: правоустанавливающие, обязывающие, запрещающие¹.

Порой мы не придаем им значения, а рассматриваем их составление или получение как вынужденную необходимость. Их природе аналогичен и тот набор инструментов и правил юридической техники, что используется для придания данным актам формы и наполнения их искомым содержанием.

Существенное внимание в вопросе подготовки акта реализации права законодатель уделил лишь теме формализации процесса реализации права, внешняя форма (структура) и содержательное их наполнение, за редким исключением и в зависимости от отрасли права, оставлены на усмотрение субъекта, реализующего право. Наглядным примером является Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»². Современная юридическая литература, наука идет по тому же пути и не уделяет достаточного внимания вопросам инструментария юридической техники, используемого при создании правореализационного акта.

Одним из таких исключений, когда законодатель уделил достаточно серьезное внимание содержательной стороне акта реализации права, является исковое заявление в суд. Гражданско-процессуальное законодательство в гл. 12 ГПК России (далее ГПК РФ) предъявляет весьма конкретные требования к содержанию искового заявления. В ст. 131 ГПК РФ указано, что исковое заявление подается в суд в письменной форме. В исковом заявлении должны быть указаны: наименование суда, в который подается заявление; наименование истца, его место жительства или, если истцом является организация, ее адрес, а также наименование представителя и его адрес, если заявление подается представителем; сведения об ответчике; в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования; обстоятельства, на которых истец основывает свои

¹ См.: *Фирсова К.Д.* Правореализующие акты-документы как элемент механизма непосредственной реализации прав и свобод личности // Вестник ТГУ. 2009. № 11. С. 417–422.

² Собрание законодательства РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства; цена иска, если он подлежит оценке, а также расчет взыскиваемых или оспариваемых денежных сумм; сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это установлено федеральным законом; сведения о предпринятых стороной (сторонами) действиях, направленных на примирение, если такие действия предпринимались; перечень прилагаемых к заявлению документов. Также говорится о том, что в заявлении могут быть указаны номера телефонов, факсов, адреса электронной почты истца, его представителя, ответчика, иные сведения, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, а также изложены ходатайства истца.

Наверно, один из принципиальных моментов состоит в том, что в ГПК РФ установлены не только требования к форме и содержанию акта реализации права, но и закреплены последствия несоблюдения данных требований. Так, в ст. 136¹ сказано: «Судья, установив, что исковое заявление подано в суд без соблюдения требований, установленных в статьях 131 и 132 ГПК РФ, выносит определение об оставлении заявления без движения, о чем извещает лицо, подавшее заявление, и предоставляет ему разумный срок для исправления недостатков».

Наверное, в целом законодательство, в основе которого лежит императивный метод правового регулирования, уделяет больше внимания **процессу реализации права**, поскольку лицо, вступающее в конкретное правоотношение с органом государственной власти, не обладает тем объемом средств (власти), что есть у контрагента. Любое взаимодействие не равных по своей юридической природе субъектов должно получить соответствующую нормативную регламентацию в целях придания данному процессу открытости, а также для обеспечения нормальной реализации правовых норм. Так, гл. 15 УПК РФ детально регламентируют особенности правореализационного процесса. Остановимся на заявлении ходатайства в уголовном процессе: ст. 119 УПК РФ устанавливает субъектный состав данного правоотношения; ст. 120 УПК РФ — основные права заявителя; ст. 121 УПК РФ определяет временные границы рассмотрения ходатайства; ст. 122 УПК РФ закрепляет обязанность второй стороны рассмотреть данное ходатайство и уведомить о решении заявителя. Таким образом, детально, посредством использования такой юридической конструкции, как правоотношение, определяется процесс реализации права в уголовно-процессуальном законодательстве. Административное законодательство в вопросах нормативного закрепления процесса реализации права идет тем же путем.

Несколько по-иному, хотя в рамках того же алгоритма, выстроен процесс реализации права в гражданском законодательстве. Глава 28

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

ГК РФ регламентирует вопросы заключения договора¹. Особенностью в данном случае выступает то, что сторонам достаточно достичь соглашения по всем существенным условиям договора, и он будет считаться заключенным, т.е. законодатель оставляет, конечно, не всегда на усмотрение сторон все вопросы, связанные с содержанием договора, устанавливая лишь общие границы, процесс же достаточно детально урегулирован в данной главе.

Структура актов реализации права может быть представлена двумя элементами, которые по аналогии со структурными элементами правоприменительного акта следует именовать вводная (элементы которой могут располагаться как в начале, так и конце акта) и основная (описательная либо описательно-мотивировочная) части.

Вводная часть представлена тем набором реквизитов, что позволит установить стороны (адресата и адресанта), подлинность акта, время, место и многое другое. Здесь помощь при составлении информационно-справочных документов может оказать ГОСТ Р 7.0.97-2016².

Отраслевое законодательство также устанавливает отдельные требования к содержанию вводной части актов реализации права. Так, ст. 166 УПК РФ определяет, что в протоколе указываются: место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты; должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности. В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии, подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии. Протокол должен также содержать запись о разъяснении участникам следственных действий их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями участников следственных действий, и ряд других принципиальных моментов.

В системе МВД России незаменимым для определения элементов вводной части информационно-справочных документов является приказ МВД России № 615. Статья 18 приказа устанавливает, что в деятельности органов внутренних дел образуются следующие основные виды докумен-

¹ Подробнее вопросы договорной юридической техники изложены в соответствующей лекции.

² Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД). Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (с Изменением № 1). Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2019.

тов, относящихся к исследуемому вопросу, например, справки, доклады, письма, телефонограммы, факсограммы и др. Письмо в системе МВД России, являясь особым способом передачи текста, содержит следующий минимальный набор элементов, относящихся к вводной части (на примере письма МВД России): государственный герб Российской Федерации или геральдический знак — эмблема органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации; наименование органа внутренних дел; справочные данные об органе внутренних дел; дата документа; регистрационный номер документа; ссылка на исходящий регистрационный номер и дату документа адресанта; место составления (издания) документа; адресат; наименование либо аннотация документа; отметка о контроле; отметка о наличии приложения; подпись; отметка об исполнителе.

Основная часть акта реализации права минимально подвержена нормативной регламентации. Если исходить из приведенных выше примеров, то УПК РФ требует от текста протокола следственного действия лишь описания процессуальных действий в том порядке, в каком они производились, закрепления выявленных при их производстве существенных для данного уголовного дела обстоятельств, а также изложения заявлений лиц, участвовавших в следственном действии.

На порядок больше требований предъявляется приказом МВД России № 615 к тексту письма как тексту акта реализации права.

Во-первых, сделан акцент на правила русского языка. Текст письма составляется, как правило, на русском языке как государственном языке Российской Федерации, в нем не должно быть помарок и исправлений.

Во-вторых, обозначены некоторые правила делопроизводства. Если текст содержит несколько логических частей, то его следует разбивать на пункты, которые нумеруют арабскими цифрами.

В-третьих, обращено внимание на правила логики. Текст письма должен отражать его основное смысловое содержание — управленческое действие, решение. Так как текст письма состоит из двух частей, то в первой части указываются причины, основания, цели составления документа, во второй (заключительной) — решения, выводы, просьбы, предложения, рекомендации. Текст может содержать одну заключительную часть (например, приказы — распорядительную часть без констатирующей; письма, заявления — просьбу без пояснения; докладные записки — оценку фактов, выводы), но самое важное изложение содержания документа должно быть логичным, кратким и точным, исключаям неоднозначное толкование. Документ должен основываться на фактах и содержать конкретные и реальные предложения или указания. В письмах следует использовать следующие формы изложения: от первого лица множественного числа («просим направить», «направляем на рассмотрение»); от первого лица единственного числа («считаю необходимым», «прошу выделить»); от третьего лица единственного числа («министерство не возражает», «управление считает возможным»).

Следует отметить, **инструментальные особенности правореализационной юридической техники**, которые во многом определяются тем набором инструментов, что были использованы ранее нормотворцем для урегулирования данной сферы общественных отношений, юридической практикой, особенностями толкования и др. Остановимся на некоторых из них подробнее.

При кажущейся свободе субъекта реализующего правовое предписание в формировании содержания основной части правореализационного акта следует констатировать, что это не так. Да, конечно, он может написать заявление, ходатайство в стихах, прозе, используя соответствующие стили изложения, но не факт, что субъект, которому адресован данный акт-документ, адекватно его воспримет, и лицо в дальнейшем получит искомый результат.

Основным юридическим средством оформления этих актов, так же как и иных правовых актов, является терминология. Прежде всего, это терминология юридическая, но следует учесть, что далеко не все акты реализации оформляются юридически образованными людьми. Их составляют люди разной национальности, имеющие тот или иной уровень образования, ту или иную профессию и т.п. В связи с этим при написании актов реализации используется в большинстве своем бытовая лексика, общеупотребимые термины. Вместе с тем имеется достаточное количество актов-документов, предусмотренных действующим законодательством, оформление которых осуществляется на основе определенных, формально закрепленных правил, которые касаются не только названия, структуры, реквизитов, но и терминологии, юридических конструкций и т.д.

Субъект, который не знает правил юридической техники в данной сфере, тоже может действовать самостоятельно и добиться результата, посредством «копирования» той терминологии, что имеет место в акте, вызвавшем его желание реализовать правовое предписание. В таком случае ему удастся не только использовать терминологию, характерную для данного вида акта-документа, но и обеспечить его соответствие конкретной отрасли права, т.е. отраслевую типизацию, которая также характерна актам реализации права, как и другим правовым документам.

Акт реализации права должен читаться достаточно легко, чтобы обеспечить его доступность для любого субъекта, независимо от его образования, социального положения и статуса, т.е. они должны быть написаны ясным и простым языком, сжато и компактно¹. Отсутствие дефиниций, метафор, фикций, правовых аксиом и тому подобных средств и приемов юридической техники в правореализационных актах обеспечивает легкость его понимания. Этому же способствует использование при составлении текста правового акта простых ослож-

¹ См.: Хазова О. А. Искусство юридического письма. М., 2012. С. 106–112.

ненных предложений с характерной для них спецификой, в частности, использования союзов и предлогов. Хотя при этом не следует забывать о возможности синонимии причастных и деепричастных оборотов придаточных предложений¹ (которой лучше избегать во всех случаях). Предложения должны быть короткими, не следует стремиться вместить в одно предложение как можно больше информации в попытке передать как можно больше информации. Здесь же не следует, в погоне за компактностью изложения, забывать о том, что адресат действует только в пределах обращенного к нему требования².

Изложение материала в акте реализации права должно быть логичным и последовательным. Структура материала должна позволить адресату понять мысль адресанта. При этом мысль должна быть выражена максимально корректно. Клише и штампы являются в том верными помощниками. Формуляры и бланки, используемые субъектом, реализующим право, также обеспечивают логичность и последовательность акта-документа. Этому же служит правило актуального членения предложения на две части. Одна часть — это отправная точка предложения — уже известная адресату информация (либо обеспечивающая его информирование), которая подлежит развитию и является темой или предметом данного предложения. Другая часть — главная — это новая информация, которую адресант сообщает адресату и тем самым определяет его дальнейшее поведение³. Таким образом, «главная» информация всегда остается на виду, что является вполне корректным по отношению к адресату и обеспечивает скорейшее достижение результата.

Знание сотрудником ОВД особенностей правореализационной юридической техники и их использование в процессе взаимодействия с гражданами обеспечит соответствующее место ОВД в современном обществе.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под актом применения права (правоприменительным актом)?
2. Какие виды правоприменительных актов вам известны?
3. Какие акты применения права создаются сотрудником ОВД?
4. Какие приемы и средства юридической техники использует сотрудник ОВД при подготовке правоприменительных актов?
5. Каковы юридико-технические особенности основных правоприменительных актов (приговора, решения суда, обвинительного заключения)?

¹ См.: *Баишева З. В.* Русский язык и культура речи в юриспруденции: учебник. М., 2002. С. 80–81.

² *Шугрина Е. С.* Техника юридического письма: учебно-практическое пособие. М., 2000. С. 22–23.

³ См.: *Хазова О. А.* Искусство юридического письма. М., 2012. С. 158–165.

6. Что такое акт реализации права (правореализационный акт-документ)?
7. Каковы правила создания правореализационных актов-документов?
8. В чем заключается специфика правореализационной юридической техники?

Тестовые задания

- 1) Претворение правовых норм в деятельности субъектов права в результате соблюдения правовых запретов, исполнения юридических обязанностей и использования субъективных прав, называется:
 - a) реализацией права
 - b) правовым поведением
 - c) правосудием
 - d) применением права
- 2) Обязывающие нормы реализуются в форме:
 - a) восстановления
 - b) использования
 - c) исполнения
 - d) соблюдения
- 3) Добровольное и последовательное осуществление субъектами права принадлежащих им субъективных прав, которое происходит в активной или пассивной форме, – это норм права.
- 4) Правовой акт, содержащий индивидуально-властное предписание в отношении конкретного адресата, возникший в результате принятия решения по юридическому делу, обеспеченный силой государственного принуждения, – это акт права.
- 5) Требованиями, предъявляемыми к правоприменительной деятельности и принимаемым решениям, являются (выберите несколько вариантов):
 - a) законность
 - b) перспективность
 - c) обоснованность
 - d) справедливость
 - e) целесообразность
 - f) целостность
- 6) Действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что приговор состоит из (выберите несколько вариантов):
 - a) вводной части
 - b) описательно-мотивировочной части
 - c) описательной части
 - d) мотивировочной части
 - e) резолютивной части
- 7) К правилам, используемым в рамках правоприменительной юридической техники, можно отнести (выберите несколько вариантов):
 - a) правила русского языка
 - b) правила логики

- c) правила философии
 - d) правила делопроизводства
 - e) правила юридические
 - f) правила ведомственные
- 8) Совокупность расположенных в установленной последовательности реквизитов акта, с помощью которых определяются общие контуры создаваемого акта применения права – это
- 9) Юридино-технический прием, который позволяет разрабатывать, заранее изготовлять и использовать при создании акта готовые формы документа, в которых наряду с реквизитами, фиксируются отдельные фрагменты текста, содержащие постоянную информацию, повторяющуюся во всех документах одного наименования, и пробелы для внесения переменной информации, отражающей суть конкретного дела – это
- 10) Многообразие юридической деятельности органов внутренних дел в сфере применения права, исходя из характера юридических фактов, порождающих процесс применения права и конкретных последствий, вызываемых правоприменением, можно разделить на следующие формы применения права (выберите несколько вариантов):
- a) следственная
 - b) обеспечительная
 - c) оперативно-исполнительная
 - d) правоохранительная
 - e) учредительная
- 11) Результат властной деятельности уполномоченного компетентного субъекта права, который по своей природе не отражает истинного понимания конкретной ситуации и не позволяет достичь определенной в законе цели – это в правоприменении.
- 12) Протокол задержания возникает в деятельности органов внутренних дел на основании (выберите несколько вариантов):
- a) уголовно-процессуального законодательства
 - b) уголовного законодательства
 - c) административного законодательства
 - d) гражданско-процессуального законодательства
- 13) Юридический акт-документ, с помощью которого происходит осуществление субъективных прав и юридических обязанностей – это акт права.
- 14) Правореализационные акты-документы, существующие в рамках механизма непосредственной реализации прав личности, по субъектному составу можно классифицировать на:
- a) акты основные и вспомогательные
 - b) акты индивидуальные и коллективные
 - c) акты с государственными органами и должностными лицами (служебные), с юридическими лицами и с физическими лицами (частные)
 - d) акты правоустанавливающие, обязывающие, запрещающие

- 15) В структуре акта реализации права можно выделить следующие части (выберите несколько вариантов):
- а) вводная
 - б) резолютивная
 - в) мотивировочная
 - г) основная

Рекомендуемая литература

1. *Андреева В.И.* Делопроизводство / В.И. Андреева. – М., 1995.
2. *Баишева З.В.* Русский язык и культура речи в юриспруденции: учебник / З.В. Баишева. – М., 2002.
3. *Бро Ю.Н.* Проблемы применения права: учебное пособие / Ю.Н. Бро. – Иркутск, 1980.
4. *Веселов П.В.* Аксиомы делового письма: культура общения и официальной переписки / П.В. Веселов. – М., 1993.
5. *Вопленко Н.Н.* Социалистическая законность и применение права / Н.Н. Вопленко; под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1983.
6. ГОСТ Р 6.30–2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. – М., 2003.
7. Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
8. *Губаева Т.В.* Практический курс русского языка для юристов / Т.В. Губаева. – Казань, 1986.
9. *Губаева Т.В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М., 2007.
10. *Дюрягин И.Я.* Применение норм советского права. Теоретические вопросы / И.Я. Дюрягин. – Свердловск, 1973.
11. *Ивакина Н.Н.* Основы судебного красноречия (риторика для юристов) / Н.Н. Ивакина. – М., 2007.
12. *Каргин К.В.* Юридические документы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.В. Каргин. – Н. Новгород, 2005.
13. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М., 2007.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ч. I. – Ст. 1.
15. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – М., 2010.
16. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
17. *Рузавин Г.И.* Методологические проблемы аргументации / Г.И. Рузавин. – М., 1997.
18. *Тенетко А.А.* Юридическая техника правоприменительных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Тенетко. – Екатеринбург, 1999.

19. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ч. I. — Ст. 4921.
20. *Фалькина Т.Ю.* Формы реализации права и механизм их осуществления: монография / Т.Ю. Фалькина, А.С. Шабуров, В.А. Чашников. — Екатеринбург, 2009.
21. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.
22. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
23. *Фирсова К.Д.* Правореализующие акты-документы как элемент механизма непосредственной реализации прав и свобод личности / К.Д. Фирсова // Вестник ТГУ. — 2009. — № 11. — С. 417–422.
24. *Хазова О.А.* Искусство юридического письма / О.А. Хазова. — М., 2012.
25. *Шабуров А.С.* Юридическая техника: учебное пособие / А.С. Шабуров. — Екатеринбург, 2008.
26. *Шугрина Е.С.* Техника юридического письма: учебно-практическое пособие / Е.С. Шугрина. — М., 2000.

Раздел 24

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ

24.1. Понятие, назначение и виды правового мониторинга

В законодательстве и науке отсутствует терминологическое единство в отношении данного понятия. Используются термины «мониторинг законодательства и правоприменительной практики», «мониторинг правового пространства», «мониторинг нормативных правовых актов», «мониторинг правоприменения». Мы согласны с теми авторами, которые предлагают в целях достижения единства терминологии применять понятие «правовой мониторинг»¹.

В этом качестве он представляет собой специальную деятельность компетентных органов и учреждений, предметом анализа которой является состояние нормативного материала, регулирующего ту или иную сферу общественной жизни, обобщение практики применения нормативных правовых актов и выработка на этой основе предложений по способам и направлениям совершенствования правового регулирования социальной реальности.

В юридической науке читатель может встретить и другие определения, данные рассматриваемому правовому явлению:

- система наблюдений, оценок, прогноза состояния и динамики правовых процессов;
- деятельность по осуществлению сбора, анализа и обобщения информации о состоянии законодательства, практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников законотворческого процесса;
- система информационных наблюдений, дающая возможность анализировать и оценить результаты нормотворческого процесса, качество нормативных правовых актов и эффективность их действия;

¹ См.: Правовой мониторинг : научно-практическое пособие //отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Д. Б. Горохов. М.: Юриспруденция, 2009. С. 15–19.

- методически обоснованная комплексная систематическая деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности;
- информационно-оценочный институт, движущийся по всем стадиям функционирования управления;
- научно и методически обоснованная система комплексной оценки форм, содержания и реализации нормативных актов, осуществляемая с помощью наблюдения, получения разнообразных видов информации, различных тренингов, мониторинговых анализов и прогнозов¹.

Несмотря на различия в определениях, авторы сходятся во мнении, что правовой мониторинг — это:

- современный институт обеспечения качества правового регулирования;
- действенный способ контроля за качеством нормативных правовых актов;
- форма оценки эффективности нормативного правового регулирования;
- канал обратной связи между нормативными правовыми актами и результатами их действия;
- инструмент выработки обоснованных предложений по корректировке законодательства, повышения его качества и эффективности применения.

В результате правового мониторинга становится возможным отследить современное состояние законодательства, увидеть действительную картину его работы, выяснить те причины, по которым тормозится достижение поставленных правовых целей, и на этой основе оценить добротность правовых норм и правового регулирования в целом.

Для субъектов нормотворчества значение правового мониторинга состоит в том, что он позволяет:

- увидеть тенденции и прогнозные потребности правового регулирования определенных общественных отношений;

¹ См.: *Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е.* Правовой мониторинг: концепция и организация // *Материалы по правовым проблемам преодоления коррупции.* М.: ИЗИСП, 2008. С. 235; *Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. Н. Н. Черногора.* М.: Изд-во Международного юридического института, 2010. С. 32; *Герасимов А. В.* Мониторинг правоприменения: поиск понятийного (терминологического единства) // *Мониторинг правоприменения.* 2014. № 4. С. 52–54.

- оценить состав и структуру нормативного правового материала по проблеме;
- определить степень полноты правовой урегулированности соответствующей области общественной жизни, выявить имеющиеся здесь пробелы и «белые пятна»;
- выявить в правовом регулировании имеющиеся коллизии, неясности, неточности, дублирование и другие нормотворческие ошибки и «узкие места»;
- оценить эффективность правовых решений в схожих проблемных ситуациях;
- усилить интеллектуальную составляющую нормотворческой деятельности за счет учета мнения правоприменителей, институтов гражданского общества, граждан.

На основе результатов правового мониторинга в конечном итоге становится возможным сформулировать более обоснованный «нормотворческий замысел», дать аргументированные предложения относительно путей и способов правового регулирования жизненных ситуаций.

Объекты правового мониторинга различны. В зависимости от поставленных целей в качестве них могут выступать: правовое пространство в целом; правовые отрасли и институты, регулирующие соответствующие сферы общественной жизни; комплекс нормативных правовых актов, регулирующих отдельные области общественных отношений; отдельные нормативные правовые акты; конкретные статьи (нормы) нормативного правового акта.

В процессе правового мониторинга анализируются также отношения, связанные с реализацией нормативных правовых актов.

Объектом правового мониторинга со стороны государственных органов чаще всего выступает комплекс нормативных правовых актов, их конкретные виды и отдельные статьи нормативного правового акта, предметом которых выступает сфера их деятельности.

В содержании правового мониторинга можно выделить три относительно самостоятельных направления:

- 1) наблюдение за содержанием действующего нормативного правового регулирования соответствующей сферы общественной жизни;
- 2) анализ данных наблюдения, оценка состояния нормативной основы деятельности, ее эффективности;
- 3) выработка предложений по правовому регулированию общественных отношений.

В процессе *наблюдения* изучается состояние правовой урегулированности общественных отношений. При этом обеспечивается всесторонность исследования. Используются для этого различные методы, в том числе социологические и экспертные. Привлекается правовая, статистическая, экономическая, научно-техническая и иная инфор-

мация. Так, для задач правового мониторинга в сфере внутренних дел важное значение имеют знания о состоянии и динамике преступности, о результатах предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, о силах и средствах, участвующих в охране общественного порядка и противодействии преступности.

Мониторинговый анализ направлен на детальное осмысление всех свойств наблюдаемого объекта. В процессе его оцениваются эффективность норм права, насколько они направлены на достижение социально-полезных результатов, на укрепление правопорядка, снижение уровня правонарушений, создание условий для реализации гражданами и организациями своих прав и законных интересов.

На основе проведенного анализа делаются определенные выводы о состоянии объекта мониторинга и прогнозы правового регулирования. Это позволяет сформулировать *конкретные рекомендации* по уточнению правотворческих и правоприменительных целей, внесению изменений в законодательство, корректировке правоприменительной практики.

В качестве субъектов правового мониторинга выступают органы государственной власти, их должностные лица, а также созданные ими специальные структуры.

В качестве участников правового мониторинга представлены иные организации, включая общественные, которые обладают юридически значимой возможностью участвовать в осуществлении государственного контроля за состоянием законодательства. Так, для органов внутренних дел весьма важны оценки правоприменения, даваемые общественными экспертными и консультативными советами, создаваемыми при них правозащитными организациями.

Правовой мониторинг может быть классифицирован по различным основаниям.

Так, в зависимости от этапа правового регулирования правовой мониторинг подразделяется на предпроектный и на мониторинг правоприменения.

Предпроектный мониторинг осуществляется перед подготовкой проектов нормативных правовых актов, на стадии установления потребностей в правовом регулировании. Он нацелен на исследование общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, инвентаризацию их правовой регламентации.

Мониторинг правоприменения предназначен для оценки эффективности действия уже принятых нормативных правовых актов, для определения степени воплощения государственной воли, выраженной в правовых установлениях, в практическую деятельность участников общественных отношений.

Широта круга объектов правового мониторинга предопределяет выделение таких его видов, как общий, отраслевой и точечный.

Общий мониторинг осуществляется для получения информации о применении законодательства Российской Федерации в целом.

Отраслевой мониторинг преследует цель получить информацию о практике применения нормативных правовых актов в определенной сфере правового регулирования.

Точечный мониторинг направлен на оценку действия конкретного нормативного правового акта или определенных его частей (норм).

Правовой мониторинг может осуществляться в масштабе всей страны, на территории региона, в пределах муниципального образования либо в соответствующей сфере государственного управления.

По своей продолжительности правовой мониторинг может быть *постоянным* (непрерывным), *временным* (осуществляемым в пределах определенного промежутка времени), либо *оперативным* (осуществляемым в течение первого года действия нормативных правовых актов)¹.

Многообразию правового мониторинга предопределено его субъектами. В рамках этого основания может быть выделен мониторинг, осуществляемый федеральными органами исполнительной власти и МВД России в частности.

24.2. Организация и методика мониторинга правоприменения в Российской Федерации

Вопросы организации и проведения мониторинга правоприменения урегулированы Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»² и постановлением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации»³.

В соответствии с данными документами мониторинг правоприменения проводится в целях совершенствования правовой системы Российской Федерации, повышения ее качества. Основными задачами проведения мониторинга правоприменения видятся:

- 1) анализ и обобщение практики применения нормативных правовых актов;
- 2) подготовка доклада Президенту РФ о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации;
- 3) выработка предложений по корректировке законодательства Российской Федерации.

¹ См.: Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М., 2011. С. 5–10.

² Собрание законодательства РФ. 2011. № 21, ст. 2930.

³ Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5081.

Мониторинг правоприменения рассматривается как комплексная и плановая деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов. В частности, такой комплексной оценке подлежат:

а) законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации — в целях выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского суда по правам человека;

б) нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов — в случаях, предусмотренных федеральными законами;

в) нормативные правовые акты Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов — в случаях, предусмотренных актами Президента РФ;

г) нормативные правовые акты Российской Федерации — в случаях, предусмотренных ежегодными посланиями Президента РФ Федеральному Собранию РФ, иными программными документами, поручениями Президента РФ и Правительства Российской Федерации, основными направлениями деятельности Правительства РФ на соответствующий период и программами социально-экономического развития государства;

д) нормативные правовые акты Российской Федерации — в целях реализации антикоррупционной политики и устранения коррупционных факторов;

е) нормативные правовые акты Российской Федерации — в целях устранения противоречий между нормативными правовыми актами равной юридической силы.

Мониторинг проводится в соответствии с планом мониторинга и согласно методике его осуществления.

Федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут осуществлять мониторинг по собственной инициативе.

Проект Плана мониторинга правоприменения ежегодно разрабатывается Министерством юстиции Российской Федерации с учетом:

а) ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ; Указа Президента России от 7 мая 2018 года №204 «О на-

циональных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;

б) решений (предложений) Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, Верховного Суда РФ;

в) предложений Генеральной прокуратуры РФ, уполномоченного по правам человека в РФ, уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, Счетной палаты РФ, Центральной избирательной комиссии РФ, Центрального банка РФ, Общественной палаты РФ, государственных корпораций, фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федерального закона;

г) предложений Следственного комитета РФ, федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

д) национального плана противодействия коррупции, иных программных документов, поручений Президента РФ и Правительства РФ;

е) основных направлений деятельности Правительства РФ на соответствующий период;

ж) программ социально-экономического развития государства;

з) предложений институтов гражданского общества и средств массовой информации.

Федеральные органы исполнительной власти, иные федеральные государственные органы и органы государственной власти субъектов Российской Федерации при подготовке предложений к проекту плана мониторинга учитывают в пределах своей компетенции предложения институтов гражданского общества и средств массовой информации о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмене) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, поступившие в соответствующий орган.

Проект Плана мониторинга правоприменения ежегодно, до 1 августа, вносится Министерством юстиции РФ в Правительство РФ.

План мониторинга правоприменения ежегодно, до 1 сентября, утверждается Правительством РФ.

В плане мониторинга правоприменения на соответствующий год отражаются:

а) отрасль (подотрасль) законодательства либо группа нормативных правовых актов, мониторинг которых планируется осуществить;

б) наименования федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, участвующих в мониторинге;

в) сроки осуществления мониторинга;

г) иные данные.

Так, План проведения мониторинга на 2020 год, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2019 г. № 1951-р, включал 5 сфер, в которых проводится мониторинг правоприменения. Это капитальный ремонт, использование и защита лесов, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, противодействие антиконкурентным соглашениям и таможенное регулирование.

Установлен следующий порядок разработки правительственного плана мониторинга правоприменения.

Федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации ежегодно, до 1 июня, представляют в Министерство юстиции РФ доклады о результатах мониторинга, осуществленного ими в предыдущем году в соответствии с планом мониторинга.

Сведения, полученные в результате мониторинга, осуществленного федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации по собственной инициативе, могут направляться до 1 июня в Министерство юстиции РФ по решению этих органов.

Другие органы и организации могут направлять в Министерство юстиции РФ до 1 июня предложения к проекту доклада Президенту РФ о результатах мониторинга.

Министерство юстиции РФ на основе докладов федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации о результатах мониторинга, осуществленного ими в предыдущем году, и других материалов, поступивших в Министерство, подготавливает проект доклада Президенту РФ о результатах мониторинга и предложениях к плану законопроектной деятельности Правительства РФ.

В проекте доклада Президенту РФ о результатах мониторинга подводятся итоги выполнения плана мониторинга за предыдущий год и вносятся предложения:

- а) о необходимости принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации;
- б) о мерах по совершенствованию законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации;
- в) о мерах по повышению эффективности правоприменения;
- г) о мерах по повышению эффективности противодействия коррупции;
- д) о государственных органах, ответственных за разработку соответствующих законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и за реализацию мер по повышению эффективности правоприменения и противодействия коррупции.

Проект доклада Президенту РФ о результатах мониторинга и предложения к плану законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации ежегодно, до 1 августа, направляются в установленном порядке Министерством юстиции РФ в Правительство РФ для рассмотрения.

Правительство РФ ежегодно, до 1 сентября, представляет Президенту РФ доклад о результатах мониторинга.

Президентом РФ по итогам рассмотрения доклада о результатах мониторинга могут быть даны поручения государственным органам и организациям, а также должностным лицам о разработке законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и принятии иных мер по реализации предложений, содержащихся в указанном докладе.

Доклад о результатах мониторинга после рассмотрения его Президентом РФ подлежит опубликованию Министерством юстиции РФ в средствах массовой информации, а также размещению на официальных сайтах Президента РФ, Правительства РФ и Министерства юстиции РФ в сети Интернет.

Правила и показатели осуществления мониторинга правоприменения федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации определены Методикой осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации¹. В соответствии с Методикой проводятся текущий и оперативный виды мониторинга правоприменения.

Текущий мониторинг осуществляется на регулярной основе в отношении отрасли (подотрасли) законодательства и группы нормативных правовых актов.

Оперативный мониторинг осуществляется в течение первого года действия нормативных правовых актов Российской Федерации, выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека.

При проведении мониторинга федеральные органы исполнительной власти обобщают и оценивают практику применения следующих нормативных правовых актов:

- Конституции РФ;
- федеральных конституционных законов;
- федеральных законов;
- законов РФ, основ законодательства РФ, постановлений Верховного Совета РФ, Съезда народных депутатов РФ, а также постановлений и указов Президиума Верховного Совета РФ;

¹ Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5081.

- указов Президента РФ;
- постановлений Правительства РФ;
- нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, издающих в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные правовые акты;
- нормативных правовых актов СССР и РСФСР, сохраняющих действие на территории Российской Федерации.

В ходе мониторинга правоприменения используется информация следующих видов:

- отраслевая информация федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, их территориальных органов;
- информация, получаемая на основе статистических показателей и дополняемая отраслевой статистикой органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- информация о применении нормативных правовых актов, обобщенная высшими судебными органами, органами прокуратуры, антимонопольными органами, уполномоченным по правам человека в РФ, Счетной палатой РФ, Центральным банком РФ, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления;
- информация общественных, научных, правозащитных и иных организаций;
- социологическая информация, формируемая на основе социологических исследований;
- информация средств массовой информации;
- информация, поступившая от граждан.

При осуществлении мониторинга правоприменения по вопросам выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека обобщается, анализируется и оценивается практика выполнения постановлений и определений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека.

В ходе мониторинга правоприменения для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации обобщается, анализируется и оценивается информация о практике их применения по следующим показателям:

- а) несоблюдение гарантированных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;
- б) наличие нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных госу-

дарственных органов и организаций, а также муниципальных нормативных правовых актов, необходимость принятия (издания) которых предусмотрена актами большей юридической силы;

в) несоблюдение пределов компетенции органа государственной власти, государственных органов и организаций при издании нормативного правового акта;

г) искажение смысла положений федерального закона и (или) актов Президента РФ, Правительства РФ, а также решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека при принятии нормативного правового акта;

д) несоответствие нормативного правового акта Российской Федерации международным обязательствам Российской Федерации;

е) наличие в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов;

ж) неполнота в правовом регулировании общественных отношений;

з) коллизия норм права;

и) наличие ошибок юридико-технического характера;

к) использование положений нормативных правовых актов в качестве оснований совершения юридически значимых действий;

л) искажение смысла положений нормативного правового акта при его применении;

м) неправомерные или необоснованные решения, действия (бездействие) при применении нормативного правового акта;

н) использование норм, позволяющих расширительно толковать компетенцию органов государственной власти и органов местного самоуправления;

о) наличие (отсутствие) единообразной практики применения нормативных правовых актов;

п) количество и содержание заявлений по вопросам разъяснения нормативного правового акта;

р) количество вступивших в законную силу судебных актов об удовлетворении (отказе в удовлетворении) требований заявителей в связи с отношениями, урегулированными нормативным правовым актом, и основания их принятия;

с) количество и содержание удовлетворенных обращений (предложений, заявлений, жалоб), связанных с применением нормативного правового акта, в том числе с имеющимися коллизиями и пробелами в правовом регулировании, искажением смысла положений нормативного правового акта и нарушениями единообразия его применения;

т) количество и характер зафиксированных правонарушений в сфере действия нормативного правового акта, а также количество случаев привлечения виновных лиц к ответственности.

В интересах реализации антикоррупционной политики и устранения коррупциогенных факторов при осуществлении мониторинга правоприменения для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации обобщается, анализируется и оценивается информация о практике их применения по следующим показателям:

а) несоблюдение пределов компетенции органа государственной власти, государственных органов и организаций при издании нормативного правового акта;

б) неправомерные или необоснованные решения, действия (бездействие) при применении нормативного правового акта;

в) наличие в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов;

г) наиболее часто встречающиеся коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах;

д) количество коррупциогенных факторов, выявленных в нормативном правовом акте при проведении антикоррупционной экспертизы уполномоченным органом;

е) количество коррупциогенных факторов, выявленных в нормативном правовом акте при проведении антикоррупционной экспертизы независимыми экспертами;

ж) сроки приведения нормативных правовых актов в соответствие с антикоррупционным законодательством Российской Федерации;

з) количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб) о несоответствии нормативного правового акта антикоррупционному законодательству Российской Федерации, в том числе о наличии в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов;

и) количество и характер зафиксированных правонарушений в сфере действия нормативного правового акта, а также количество случаев привлечения виновных лиц к ответственности.

В целях устранения противоречий между нормативными правовыми актами равной юридической силы при осуществлении мониторинга правоприменения для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации обобщается, анализируется и оценивается информация о практике их применения по следующим показателям:

а) наличие противоречий между нормативными правовыми актами общего характера и нормативными правовыми актами специального характера, регулируемыми однородные отношения;

б) наличие единой понятийно-терминологической системы в нормативных правовых актах;

в) наличие дублирующих норм права в нормативных правовых актах;

г) наличие противоречий в нормативных правовых актах, регулирующих однородные отношения, принятых в разные периоды;

д) наличие ошибок юридико-технического характера в нормативных правовых актах;

е) количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб), в том числе по вопросам понятийно-терминологической системы нормативных правовых актов, наличия в них дублирующих норм и противоречий, а также ошибок юридико-технического характера.

При необходимости мониторинг правоприменения может быть осуществлен по дополнительным показателям, определяемым федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Функции по координации мониторинга правоприменения, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, и его методическому обеспечению возложены на Министерство юстиции РФ.

Кроме того, данное ведомство осуществляет в установленной сфере деятельности мониторинг правоприменения в Российской Федерации в целях выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека, в связи с которыми необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

24.3. Организация правового мониторинга в системе МВД России

Как и правовой мониторинг в целом, мониторинг в системе МВД России представляет собой деятельность по сбору, обобщению и анализу информации о состоянии и практике применения в Российской Федерации нормативных правовых актов, регулирующих сферу внутренних дел, в интересах оценки эффективности их реализации и выработки предложений по совершенствованию.

В качестве конечных целей ведомственного правового мониторинга выступают:

1) выявление пробелов, противоречий, устаревших и недействующих нормативных правовых актов и правовых норм;

2) устранение юридических погрешностей и устаревших норм, регулирующих сферу внутренних дел;

3) создание эффективного механизма нормотворческого процесса, учитывающего потребности в правовом регулировании общественных отношений в сфере внутренних дел;

4) определение эффективности правового регулирования отдельных направлений деятельности;

5) создание постоянно действующей системы обратной связи между субъектами ведомственного нормотворчества и правоприменительной практикой;

6) обобщение и анализ зарубежного опыта развития нормативно-правовой базы в области правоохранительной деятельности с последующей разработкой предложений по его использованию в ведомственной нормотворческой деятельности.

Результаты правового мониторинга выступают основой:

— для совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел;

— информационно-аналитического обеспечения нормотворческого процесса в органах внутренних дел;

— информационной поддержки планирования нормотворческой деятельности на основе автоматизации и интеграции процессов сбора, обобщения и анализа информации о совершенствовании законодательства и правоприменительной практики в сфере внутренних дел;

— унификации информационного взаимодействия между информационными банками данных автоматизированной аналитической информационной системы мониторинга нормативного правового обеспечения деятельности органов внутренних дел.

В системе МВД России мониторинг осуществляется на постоянной основе по всему массиву нормативных правовых актов, регламентирующих сферу внутренних дел, а также по отдельным нормативным правовым актам в соответствии с планом мониторинга, утвержденным Правительством РФ, и планом, утверждаемым Министром внутренних дел РФ.

Мониторинг в системе МВД России проводится в форме:

а) сбора, обобщения, изучения, анализа и оценки состояния нормативных правовых актов;

б) сбора, обобщения, изучения, анализа и оценки правоприменительной практики.

В качестве предмета правового мониторинга может выступать практика применения следующих видов нормативных правовых актов:

1) Конституции РФ;

2) международных договоров, затрагивающих деятельность органов внутренних дел;

3) федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, регламентирующих сферу внутренних дел;

4) нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, касающихся деятельности органов внутренних дел;

5) ведомственных нормативных правовых актов.

Объектом анализа может также выступать практика реализации судебных решений, в том числе решения Европейского Суда по правам человека, по конкретным делам, затрагивающим компетенцию МВД России.

Особенности организации и методики ведомственного мониторинга правоприменения регламентируются Положением о мониторинге правоприменения в системе МВД России, утвержденным приказом МВД России от 25 августа 2017 г.

В соответствии с ним выделяются федеральный и территориальный сегменты мониторинга правоприменения.

Субъектами мониторинга в системе МВД России в федеральном сегменте являются подразделения центрального аппарата МВД России, федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», федеральное казенное учреждение «Главный центр административно-хозяйственного и транспортного обеспечения Министерства внутренних дел Российской Федерации», федеральное казенное учреждение здравоохранения «Центральная медико-санитарная часть Министерства внутренних дел Российской Федерации», федеральное казенное учреждение «Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» Министерства внутренних дел Российской Федерации, федеральное казенное учреждение «Центр метрологического обеспечения» Министерства внутренних дел Российской Федерации, территориальные органы МВД России на межрегиональном уровне (кроме линейных управлений МВД России на транспорте).

В территориальном сегменте субъектами мониторинга выступают территориальные органы МВД России на окружном, региональном и районном уровнях, линейные управления МВД России на транспорте, образовательные учреждения и научно-исследовательские организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России.

Субъекты мониторинга федерального сегмента, руководствуясь целями и задачами мониторинга, выполняют следующие функции:

- определяют направления мониторинга, а также формулируют постановку задач по совершенствованию нормативных правовых актов, разработке проектов нормативных правовых актов Российской Федерации и проектов ведомственных нормативных правовых актов по закрепленным предметам ведения;

- организуют сбор, накопление, обобщение и анализ предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования по закрепленному предмету ведения;
- изучают, обобщают практику применения нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности и на ее основе формулируют предложения по их совершенствованию;
- анализируют поступившие обращения граждан, предложения институтов гражданского общества и средств массовой информации;
- осуществляют рецензирование предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики, которое отражает позицию подразделения по проблематике предложения на предмет актуальности и целесообразности;
- направляют в Договорно-правовой департамент МВД России (ДПД МВД России) предложения в ежегодный план мониторинга с учетом предложений институтов гражданского общества и СМИ;
- участвуют в формировании годовых и перспективных планов правоподготовительных работ МВД России.

Субъекты мониторинга территориального сегмента на окружном и региональном уровнях, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, линейные управления МВД России на транспорте:

- собирают, обобщают и систематизируют данные о состоянии нормативно-правового регулирования в установленных сферах деятельности;
- формулируют предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в указанных сферах деятельности;
- анализируют поступившие обращения граждан, предложения институтов гражданского общества и СМИ;
- направляют в ДПД МВД России предложения в проекты планов мониторинга правоприменения в Российской Федерации и МВД России;
- взаимодействуют по вопросам осуществления мониторинга с субъектами мониторинга федерального сегмента, образовательными учреждениями и научно-исследовательскими организациями системы МВД России;
- осуществляют сопровождение и наполнение АИС «Мониторинг» территориального сегмента.

Территориальные органы МВД России на районном уровне:

- собирают, обобщают и систематизируют данные о состоянии нормативно-правового регулирования по закрепленным направлениям оперативно-служебной деятельности;

- анализируют поступившие обращения граждан, предложения институтов гражданского общества и СМИ;
- готовят предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики и направляют их субъектам мониторинга территориального уровня,

Образовательные учреждения и научно-исследовательские организации системы МВД России выполняют научно-исследовательские и диссертационные исследования по закрепленным направлениям деятельности, посвященные проблемам и перспективам нормативно-правового регулирования сферы внутренних дела также анализируют состояние нормативной правовой базы и правоприменительной практики подразделений системы МВД России, находящихся на одной с ними территории субъекта Российской Федерации.

Кроме того они:

- формируют перечень исследуемых актуальных проблем и электронный банк по тематике выполняемых работ;
- анализируют зарубежное законодательство, регламентирующее деятельность правоохранительных органов;
- разрабатывают концептуальные основы проектов и предложения по изменению нормативных правовых актов в целях совершенствования нормативно-правового регулирования;
- анализируют поступившие обращения граждан, предложения институтов гражданского общества и СМИ;
- формулируют и направляют в ДПД МВД России предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в указанной сфере деятельности;
- осуществляют пополнение формационного фонда мониторинга выносимые на защиту положения диссертаций, авторефератов, монографий, статей, содержащие предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики.

В рамках сбора, обобщения, изучения, анализа и оценки состояния нормативных правовых актов все субъекты мониторинга:

- выявляют недостатки правового регулирования в сфере внутренних дел;
- оценивают текущие и прогнозируют перспективные потребности в нормативном правовом обеспечении, вырабатывают предложения по совершенствованию нормотворческой работы в органах внутренних дел.

В процессе сбора, обобщения, изучения, анализа и оценки правоприменительной практики субъекты мониторинга:

- выявляют проблемные вопросы реализации норм права;
- обобщают и анализируют правоприменительную практику;

- анализируют обращения граждан, предложения институтов гражданского общества и СМИ, поступившие в соответствующий субъект мониторинга;
- формируют предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере внутренних дел, в том числе с учетом поступивших обращений граждан, предложений институтов гражданского общества и СМИ;
- формируют и сопровождают базы данных, связанных с правоприменительной практикой в сфере внутренних дел.

В рамках своей компетенции субъекты мониторинга формируют информационный фонд мониторинга, который содержит:

- предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел;
- выносимые на защиту положения диссертаций, содержащие предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики, выводы и предложения из статей, монографий, публикаций СМИ и иных материалов о совершенствовании нормативно-правового регулирования в сфере внутренних дел;
- обобщенную информацию по анализу обращений граждан.

Субъекты мониторинга по мере сбора предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования и проведения анализа правоприменительной практики представляют в ДПД МВД России:

- 1) не позднее 5 марта текущего года — предложения к проекту плана мониторинга правоприменения, утверждаемого Правительством РФ;
- 2) не позднее 15 сентября текущего года — предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики для включения в проект плана правоприменения МВД России.

Организационным звеном осуществления мониторинга в системе МВД России являются правовые подразделения органов внутренних дел и внутренних войск МВД России. Головным подразделением здесь является ДПД МВД России. В области организации и осуществления мониторинга он выполняет следующие функции:

- осуществляет организационно-методическое обеспечение проведения органами, организациями и подразделениями системы МВД России мониторинга применения законодательства Российской Федерации;
- обеспечивает создание и поддержание в актуальном состоянии информационного фонда мониторинга;
- изучает, обобщает практику применения нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности и на этой основе формулирует предложения по их совершенствованию;

- анализирует поступившие обращения граждан, предложения институтов гражданского общества и СМИ;
- осуществляет рецензирование предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики, которое отражает позицию подразделения по проблематике предложения на предмет актуальности и целесообразности;
- обобщает и направляет в Минюст России предложения МВД России в проект плана мониторинга;
- готовит и направляет в Минюст России доклад о результатах мониторинга, осуществленного в предыдущем году МВД России в соответствии с планом мониторинга, утвержденным Правительством РФ;
- предоставляет для размещения на официальном интернет-сайте МВД России результаты мониторинга, осуществленного в соответствии с планом мониторинга, утвержденным Министром внутренних дел РФ (за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну), за прошедший год;
- анализирует на предмет актуальности и целесообразности включения в проект плана основных организационных мероприятий МВД России поступившие предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики от субъектов мониторинга.

Субъекты мониторинга федерального сегмента осуществляют рассмотрение и рецензирование как направленных ДПД МВД России предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования, так и самостоятельно выбранных предложений по закреплению направлений деятельности.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Академия управления МВД России, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя участвуют в рецензировании предложений, поступивших в федеральный сегмент, по усмотрению экспертов ДПД МВД России.

Правовой мониторинг в системе МВД России проводится в соответствии с ежегодными планами мониторинга правоприменения в Российской Федерации, а также перспективными и текущими планами деятельности МВД России, их территориальных органов.

МВД России, в частности, на постоянной основе осуществляет мониторинг действия Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». По его результатам выявляются проблемы правоприменительной практики, требующие законодательного регулирования, что находит отражение в соответствующих законодательных инициативах.

Так, мониторинг показал, что в обязанности полиции не входит уведомление близких родственников или других близких лиц о пострадавших от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев гражданах, а также лицах, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, которым полиция оказывает первую помощь или направляет их в медицинскую организацию, когда наличествуют сведения о таких родственниках или близких лицах. По данному вопросу поступали многочисленные обращения граждан, на это указывали проведенные социологические исследования. Этот пробел был устранен Федеральным законом от 6 февраля 2020 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»¹.

По результатам мониторинга было выявлено также отсутствие у полиции права по доставлению лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в специализированные учреждения по оказанию помощи данной категории граждан, которые в последнее время стали повсеместно создаваться в регионах вместо ликвидируемых медицинских вытрезвителей органов внутренних дел. Были разработаны изменения в статью 13 Федерального закона «О полиции», которые получили форму закона в 2020 году.

24.4. АИС «Мониторинг»

АИС «Мониторинг» является модулем сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, который предназначен для повышения эффективности нормотворческой деятельности в системе МВД России. Данный модуль представляет собой многоуровневую территориально-распределенную автоматизированную систему коллективного пользования, предназначенную для сбора, обработки, накопления и анализа информации о состоянии нормативного правового регулирования сферы внутренних дел. В МВД России данная система введена в действие с 2008 г.

АИС «Мониторинг» состоит из федерального и территориального сегментов, пользователями которых являются подразделения центрального аппарата МВД России, территориальные органы МВД России, образовательные, научные организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы

¹ Собрание законодательства РФ. 2020. № 6. Ст. 591.

МВД России, а также иные организации и подразделения, осуществляющие мониторинг правоприменения в системе МВД России.

Администрирование федерального сегмента модуля «Мониторинг» осуществляет Договорно-правовой департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Порядок функционирования системы регламентируется Инструкцией по работе с модулем «Мониторинг» сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России, утвержденной приказом МВД России приказу МВД России от 25 августа 2017 г. № 680.

Объектами учета АИС «Мониторинг» являются:

1) предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования правоприменительной практики в сфере внутренних дел;

2) рецензии экспертов ДПД МВД России по результатам рассмотрения предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел;

3) аналитические и иные материалы по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел (справки, протоколы, научно-исследовательские работы, заключения, отзывы на проекты нормативных правовых актов);

4) выводы и предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел, содержащиеся в статьях, монографиях и публикациях средств массовой информации;

5) выносимые на защиту положения диссертационных исследований, содержащие предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел;

6) предложения институтов гражданского общества и средств массовой информации;

7) обращения граждан, связанные с применением нормативных правовых актов.

АИС «Мониторинг» включает в себя два объединенных сегмента — федеральный и региональный.

Федеральный сегмент АИС «Мониторинг» накапливает правовую информацию, поступающую от подразделений центрального аппарата МВД России и подразделений, непосредственно подчиненных Министерству. Сопровождает федеральный сегмент ДПД МВД России.

Региональный сегмент АИС «Мониторинг» ведется территориальными органами МВД России, образовательными и научно-исследовательскими учреждениями министерства.

В содержательном плане АИС «Мониторинг» состоит из пяти основных частей (блоков): «Блок предложений», «Банки данных», «Аналитический блок», «Аналитические отчеты», «Конференция».

«Блок предложений» предназначен для ввода, группировки (агрегирования), поиска и просмотра предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере внутренних дел.

«Блок предложений» АИС «Мониторинг» федерального сегмента формируется из предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования, внесенных субъектами мониторинга в режиме реального времени, а также предложений, поступивших посредством импорта файлов пополнения из АИС «Мониторинг» территориального сегмента.

«Блок предложений» АИС «Мониторинг» территориального сегмента формируется из предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования, поступающих из территориальных органов МВД России на окружном, региональном и районном уровнях, образовательных учреждений, научно-исследовательских организаций системы МВД России, окружных управлений материально-технического снабжения системы МВД России.

Приказом руководителя объекта автоматизации территориального сегмента из числа старших юрисконсультов, юрисконсультов, сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих, работников, на которых возложены обязанности по ведению правовой работы, назначаются ответственные за ведение «Блока предложений» территориального сегмента АИС «Мониторинг» и организацию работы по сбору предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики.

Все внесенные предложения от структурных подразделений объекта автоматизации и (или) территориальных органов МВД России на районном уровне, филиалов образовательных учреждений, научно-исследовательских организаций системы МВД России и баз хранения ресурсов МВД России рассматриваются на предмет актуальности (при необходимости группируются (агрегируются)) пользователями АИС «Мониторинг» территориального сегмента, имеющими соответствующие полномочия.

Перед направлением предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере внутренних дел в АИС «Мониторинг» проводятся совещания-семинары с участием представителей всех структурных подразделений органа внутренних дел, посвященные результатам правового мониторинга, с заслушиванием ответственных руководителей о проделанной работе, а также с коллективным обсуждением наработанных предложений.

Результаты совещаний-семинаров по наиболее актуальным предложениям по совершенствованию законодательства докладываются на оперативных совещаниях при начальнике органа внутренних дел.

Предложения, признанные актуальными, вносятся в режиме реального времени в «Блок предложений» федерального сегмента АИС «Мониторинг».

Данные, поступившие в АИС «Мониторинг» федерального сегмента, рассматриваются в следующем порядке.

Эксперты ДПД МВД России и эксперты федерального сегмента АИС «Мониторинг» рассматривают полученные предложения по существу (дают рецензию). После рецензирования и агрегирования эксперт ДПД МВД России докладывает руководству ДПД МВД России о существующих предложениях для принятия по ним решения на предмет целесообразности их реализации.

Принятое решение эксперт ДПД МВД России вносит в АИС «Мониторинг» федерального сегмента посредством изменения статуса предложения.

Эксперт ДПД МВД России самостоятельно принимает решение об изменении статуса предложения в случаях:

- если нормативный правовой акт, на совершенствование которого направлено предложение, утратил силу;
- если предложение было реализовано в ранее изданном нормативном правовом акте;
- если разработка нормативного правового акта, учитывающая внесенное предложение, уже ведется.

Блок «Банки данных» предназначен для ввода, поиска и просмотра аналитических материалов, публикаций средств массовой информации и положений диссертаций, выносимых на защиту, содержащих предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Блок состоит из раздела «Аналитические материалы» и раздела «Исследования».

Ввод данных в раздел «Аналитические материалы» блока «Банки данных» осуществляется в следующем порядке.

Руководитель объекта автоматизации назначает ответственного за сбор и наполнение блока «Банки данных» аналитическими материалами.

Аналитические материалы, поступающие в объект автоматизации, передаются ответственному за наполнение блока «Банки данных» аналитическими материалами.

Ввод аналитических материалов осуществляется пользователем АИС «Мониторинг» регионального или федерального сегмента, имеющим соответствующие права доступа.

Ввод публикаций средств массовой информации возлагается на управление (отдел, отделение, группу) информации и общественных связей органа внутренних дел.

Ввод в раздел «Исследования» блока «Банки данных» осуществляется в следующем порядке.

Руководитель образовательного или научно-исследовательского учреждения МВД России назначает ответственного за наполнение АИС «Мониторинг» информацией о диссертационных исследованиях и содержащихся в них выводах.

Вводу в систему подлежат сведения о диссертационных исследованиях, прошедших защиту с 1992 г., и положения диссертаций, выносимые на защиту, содержащие предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ввод текста диссертации или автореферата в блок «Банки данных» осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о защите авторских и смежных прав.

Ввод информации о диссертационных исследованиях, а также положений диссертаций, выносимых на защиту и содержащих положения по совершенствованию законодательства, осуществляется пользователем АИС «Мониторинг», имеющим соответствующие права доступа.

Информация, введенная в раздел «Исследования» регионального сегмента АИС «Мониторинг», ежемесячно направляется для пополнения федерального сегмента АИС «Мониторинг».

«Аналитический блок» предназначен для обработки и анализа официальной правовой информации с целью выявления недостатков в правовом регулировании сферы внутренних дел, а также неофициальной правовой информации (аналитические материалы и выводы диссертационных исследований).

В блоке «Аналитические отчеты» концентрируется информация о результатах (отчетах) мониторинга, проведенного соответствующими субъектами.

Технология, заложенная в основу данного раздела АИС «Мониторинг», а также разработанные поисковые алгоритмы позволяют выявлять пробелы, противоречия, устаревшие и недействующие нормы.

Блок «Конференция» предназначен для обсуждения предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики пользователями АИС «Мониторинг», а также для передачи сообщения-запроса от ДПД МВД России к объектам автоматизации для обсуждения и представления предложений по заданной тематике.

Блок «Конференция» предоставляет каждому зарегистрированному пользователю АИС «Мониторинг» возможность вводить комментарии и давать оценку любому предложению, находящемуся в базе данных.

Наиболее актуальные предложения переносятся из блока «Конференция» в «Блок предложений» пользователем АИС «Мониторинг», ответственным за наполнение «Блока предложений».

АИС «Мониторинг» предусматривает возможность осуществления внутреннего мониторинга правоприменения и мониторинга региональной правовой базы и правоприменительной практики в сфере внутренних дел.

Информационную поддержку мониторингу правоприменения обеспечивают сервисы Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, банки данных специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист» («Нормативные правовые акты МВД России», «Судебная практика», «Юридические консультации», «Международные договоры и соглашения»), предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы, аналитические материалы, выводы диссертационных исследований, обзоры публикаций СМИ, обращения граждан и иные материалы по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под правовым мониторингом?
2. Что может выступать в качестве объекта правового мониторинга?
3. Каково содержание правового мониторинга?
4. На какие виды подразделяется правовой мониторинг?
5. Какие задачи стоят перед мониторингом правоприменения?
6. Раскройте методику проведения мониторинга правоприменения.
7. В чем особенности организации мониторинга правоприменения в системе МВД России?

Тестовые задания

- 1) Понятие правового мониторинга (выберите наиболее точное определение):
 - a) система оценки состояния качества законодательства в соответствующей области
 - b) система оценки состояния правоприменительной деятельности
 - c) система оценки правового регулирования соответствующей сферы общественной жизни и выработки мер его совершенствованию
 - d) система оценки нормативного материала, регулирующего соответствующую область жизни, обобщения практики его применения и выработки мер по его совершенствованию
- 2) Орган, который утверждает План мониторинга правоприменения в Российской Федерации:
 - a) Правительство Российской Федерации
 - b) Президент Российской Федерации
 - c) Федеральное Собрание Российской Федерации
 - d) Минюст России
- 3) Блоки (части) АИС «Мониторинг» в системе МВД России:
 - a) «Блок предложений», «Банки данных», «Аналитический блок»
 - b) «Блок предложений», «Банки данных», «Аналитические отчеты», «Конференция»

- с) «Блок предложений», «Банки данных», «Аналитический блок», «Аналитические отчеты», «Конференция»
- д) «Блок предложений», «Банки данных», «Аналитический блок», «Аналитические отчеты», «Конференция», «Правовая экспертиза»

Рекомендуемая литература

1. Арзамасов Ю.Г. *Наконецный Я.Е.* Техника правового мониторинга в нормотворческом процессе. – М.: ПараГраф. – 2012. – 199 с.
2. Мониторинг правоприменения в Российской Федерации: учебное пособие / ред. М.М. Рассолов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2017. – 239 с.
3. Москалькова Т.Н., Черников В.В. *Нормотворчество.* Научно-практическое пособие. 2-е изд. – М.: Проспект. – 2014. – 448 с.
4. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография // под ред. Н.Н. Черногора. – М.: Изд-во Международного юридического института. – 2010. – 450 с.
5. Правовой мониторинг: учебное пособие // под редакцией Ю.А. Тихомирова и Д.Б. Горохова, – М.: Юриспруденция. – 2012. – 416 с.
6. Дюков А.В. Организация системы информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / А.В. Дюков. – М. – 2009.
7. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 (ред. от 25.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 21. – Ст. 2930.
8. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 35. – Ст. 5081.
9. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 (ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
10. Вопросы организации информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 25 августа 2017 г. № 680 (ред. от 28.01.2020) (СПС КонсультантПлюс)

Раздел 25

ДОГОВОРНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

25.1. Договоры как специфический вид правовых актов, их содержание, существенные условия и виды

Не меньшее значение, чем в процессе правотворчества и правоприменения, юридическая техника имеет при оформлении и регламентации договорных отношений.

Договор — весьма важный социальный феномен, имеющий большое значение в процессе урегулирования социальных отношений. Он существовал всегда как средство общения и взаимодействия людей.

Однако его значение и роль повысились в государственно-организованном обществе, где договор получил юридическое содержание и письменную форму. Причем роль договора в социальном правовом регулировании постоянно возрастает.

В современных условиях при расширении и усложнении социальных отношений устные договоренности не утратили своего значения, однако на первое место выступают именно правовые договоры. Ушли в прошлое те времена, когда выполнение устного обещания, данного слова было делом чести и совести любого порядочного человека.

В правовом регулировании роль договоров заключается в следующем:

1) в известной мере договор восполняет недостатки законодательства: общий, абстрактный характер правовых предписаний, пробелы в законодательстве, неясность и неопределенность общенормативных формулировок;

2) договор позволяет учесть обстоятельства, которые трудно однозначно прогнозировать или предвидеть;

3) договор позволяет реализовать интересы конкретных субъектов в конкретных ситуациях.

Как правовой акт, договор представляет собой единство содержания и формы. Для осуществления своих функций он должен быть составлен качественно не только с содержательной, но и с формальной стороны. Успех сделки во многом зависит именно от ее правильного составления и письменного оформления.

Причем, как в свое время указывал Р. Иеринг, техническое несовершенство правовых актов — это не недостаток одной стороны права. Это недостаток, тормозящий право, его развитие, обеспечение его функций¹.

Договор как юридическая категория, правовое явление имеет два значения. Во-первых, договор — это основанное на воле сторон соглашение двух или нескольких лиц для реализации своих интересов, это своего рода сделка, волеизъявление двух или более конкретно определенных лиц (договор-сделка). То есть здесь договор выступает как специфическое правоотношение, возникающее на основе договора². С другой стороны, договор выступает как письменный акт, документ, в который облекаются договорные правоотношения, где изложено содержание прав и обязанностей как результата договоренностей.

При рассмотрении вопросов юридической техники речь идет именно о втором понимании договора.

Кроме того, договор может иметь и нормативное содержание, когда его положения распространяются на широкий круг лиц. Нормативный договор представляет собой разновидность формы права (наряду с нормативными актами, прецедентами и правовыми обычаями). Его содержание составляют правовые нормы, т.е. правила поведения общего характера, распространяющиеся на неопределенный круг лиц. Таков, например, коллективный трудовой договор.

Договору, как и правовому акту, присущи следующие признаки:

- добровольность заключения, т.е. свободное волеизъявление сторон;
- равенство сторон как партнеров;
- согласие сторон по всем существенным условиям договора;
- эквивалентный, чаще всего возмездный характер;
- взаимная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее выполнение принятых обязательств;
- законодательное обеспечение договора, придающее ему юридическую силу.

Хотя договоры заключаются между конкретными субъектами, в них отражается воля договаривающихся сторон, но положения договора носят юридический характер и акты-договоры рассматриваются как правовые акты. Это объясняется тем, что здесь в договорном порядке через волю сторон персонифицируется государственная воля, закрепленная в нормативных актах.

Эта связь прослеживается в следующих положениях:

- закон (или иной нормативный акт) допускает саму возможность правового регулирования посредством договоров;

¹ См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008.

² Дефиниция гражданско-правового договора содержится, например, в ч. 1 ст. 420 ГК РФ: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей».

- в законе закрепляется круг общественных отношений, предполагающих и допускающих договорное регулирование;
- закон устанавливает виды договоров, характерных для определенной сферы общественных отношений;
- именно в законе закреплена процедура заключения договоров, способы обеспечения и защиты интересов партнеров, а также меры ответственности за нарушение договорных обязательств.

Но правовые нормы создают лишь юридическую основу реализации прав и обязанностей, определяют типовые модели, в соответствии с которыми участники договора формируют его условия, отвечающие их интересам. Что же касается организации, содержания деятельности, ее конкретики, то все это должно регулироваться договорными контрагентами с учетом конкретных обстоятельств и в соответствии с их интересами. Причем, как отмечалось в литературе, договорное регулирование «способно проникать в сферы, не затронутые нормативной регламентацией, юридически упорядочивать парные связи и индивидуальные действия, вообще не подлежащие обязательному закреплению общеобязательными правилами»¹, однако вряд ли оправданно и обоснованно придание императивного характера большинству норм, регулирующих договорные отношения. Между тем в литературе указывалось на неоправданно большое количество норм, в императивном порядке регламентирующих такие отношения. Так, по подсчетам М. И. Брагинского, в ГК РФ в состав норм, регулирующих основные виды договоров, входит около 1600 императивных норм и только около 200 диспозитивных².

Императивные нормы могут содержать и запреты на включение каких-либо условий в договор. Например, исполнитель не вправе навязывать заказчику включение в договор оказания услуг дополнительной услуги (п. 1 ст. 731 ГК РФ) либо предписывать определенную форму³. Предписывая письменную форму реализации, закон предусматривает определенные требования к стороне, к субъекту, контрагенту. Велика роль договора и в сфере регулирования трудовых отношений, основанием для возникновения которых выступает трудовой договор. В разд. III ч. III ТК РФ дана четкая регламентация оформления трудовых отношений. Здесь кодекс не только дает общее понятие трудового договора, но и подробно регламентирует порядок его заключения, изменения и прекращения.

¹ Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991. С. 144.

² См.: Брагинский М. И. О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 72.

³ См. ст. 10 (Об основах туристической деятельности Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49, ст. 5491).

Будучи объективными по своему содержанию, договоры, как и любые правовые акты, субъективны по форме, ибо образуются посредством деятельности конкретных субъектов, в данном случае — от деятельности договаривающихся сторон. Следовательно, эффективность правового регулирования во многом определяется тем, насколько полно, правильно и умело в договоре закреплена воля договаривающихся субъектов, насколько технически безупречны договоры. Их техническое совершенство, в свою очередь, зависит от умелого использования субъектами специальных средств и приемов, т.е. юридической техники, которая служит важнейшим фактором оптимизации и эффективности договорного регулирования и правового регулирования в целом.

Под юридической техникой, напомним, понимается совокупность средств, приемов и правил, используемых при выработке, оформлении и систематизации правовых актов¹. В литературе при рассмотрении вопросов юридической техники речь идет преимущественно о законодательной, (правотворческой) технике, используемой при подготовке нормативных правовых актов. Вопросы технического обеспечения договоров рассмотрены слабее².

Договор представляет собой не частноправовое, а универсальное средство правового регулирования. Наряду с другими правовыми средствами (нормативными, правоприменительными, интерпретационными актами), он в той или иной степени применяется во всех сферах общественной жизни, во всех отраслях права, во всех сферах правового регулирования.

Хотя преимущественное значение договор имеет в отраслях, регулирующих частноправовые отношения (гражданско-правовой, семейно-правовой, трудовой), но в последнее время договоры получили распространение и в отраслях публичного права: государственного, административного, уголовного.

Сказанное позволяет классифицировать договоры по отраслевому признаку (по характеру регулируемых им общественных отношений).

Так, в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры являются частью правовой системы России. Согласно п. 3 ст. 11 Конституции РФ разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов осуществляется как Конституцией РФ, так и Федеральным и иными договорами

¹ См.: *Шабуров А. С.* Юридическая техника. Екатеринбург, 2009. С. 14.

² Из наиболее значимых работ можно отметить следующие: *Дуленков В. Б.* Как составлять договор. М., 2006; *Иванов В. В.* Общая теория договора. М., 2006; *Кашанина Т. В.* Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество). М., 2009; *Воробьева О. В.* Составление договора: техника и приемы. М., 2011. Причем и в них речь идет преимущественно о юридической технике гражданско-правовых договоров.

о разграничении предметов ведения и полномочий. В частности, как закреплено в п. 4 ст. 66 Конституции РФ, «отношения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться не только федеральным законом, но и договором между органами государственной власти автономного округа и соответствующими органами государственной власти края или области».

Административное законодательство и практика знают такие виды административных договоров, как государственный контракт, финансовые и налоговые соглашения, договоры о сотрудничестве, концессии, договоры в сфере управления государственной собственностью, договоры о компетенции.

Примером административного договора может служить Соглашение между Государственным комитетом РФ по управлению госимуществом и Российским фондом федерального имущества от 28 октября 1992 г., заключенное на основании Закона РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР»¹. В сфере пенсионного обеспечения основанием для возникновения правоотношений по получению пенсии служит пенсионный договор (договор о негосударственном пенсионном обеспечении), режим которого установлен Федеральным законом от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»². В сфере оплаты налогов таким основанием является договор об инвестиционном налоговом кредите (ст. 67 НК РФ).

Имеют место договоры и в сфере процессуальных отношений. Например, ст. 32 ГПК РФ допускает возможность сторон по соглашению между собой изменять территориальную подсудность данного дела до принятия его судом к своему производству, а ст. 37 Арбитражного процессуального кодекса РФ предписывает, что стороны могут окончить дело мировым соглашением в любой инстанции.

Все указанные виды договоров имеют определенную специфику, нормативно-правовое основание. Но при этом они имеют много общего в сфере технической стороны их формулирования, что позволяет технику их составления и принятия характеризовать как *договорную юридическую технику*.

25.2. Форма, реквизиты и структура договора

Многообразие договоров предполагает наличие определенной их формы. Для одних договоров характерна простая письменная форма, для других — необходима нотариальная форма удостоверения сделки, третьи — требуют государственной регистрации. В от-

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27, ст. 927 (в настоящее время утратил силу).

² См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 19, ст. 2071.

дельных случаях, предусмотренных законодательством, допускается факсимильное либо электронное воспроизводство подписи сторон (например, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»¹). Несоблюдение установленной законом формы влечет за собой недействительность договора или признание его незаключенным.

Для всех форм и видов договоров обязательны также определенные юридико-технические требования, обеспечивающие действительность договора.

Таковыми являются *реквизиты* договора. К ним относятся: наименование договора, его номер, дата, момент и место заключения, текст договора, сведения о сторонах, подписи и печати сторон.

Договор как акт, юридический документ начинается с обозначения его наименования. При этом в наименовании рекомендуется определять не только общее наименование (договор, контракт, соглашение), но и со всей полнотой указать на характер и предмет договора. Например, не ограничиваться выражением «договор поставки», а фиксировать его как «договор поставки товаров для государственных нужд», не «договор аренды», а «договор аренды автомобиля».

Если указанные реквизиты не влияют на законность и действительность договора, то закрепление *даты и времени* является обязательным, ибо имеет юридически важное значение. Именно они определяют момент вступления договора в силу, определяют сроки действия договора.

Важное формально-юридическое значение имеет *структура* договора.

Всякий договор начинается с *преамбулы*, в которой указываются стороны договора, их правовой статус, полномочия, нормативные учредительные документы и др. В преамбуле могут быть отражены и цели, преследуемые сторонами. Правильно и полно оформленная преамбула обеспечивает полную и своевременную реализацию его условий и содержания.

Важным моментом, закрепленным в договоре, являются *условия* и, прежде всего, *существенные условия договора*. Существенные условия — это такие условия, без включения которых в текст договора последний считается недействительным или незаключенным. Во многих случаях существенные условия определенного вида договора закреплены нормативно. В частности, существенными условиями гражданско-правового договора являются условия, закрепленные в ст. 432 ГК РФ. Прежде всего, это касается предмета любого договора. Предмет может быть конкретно-определенным или типовым, но в любом случае он должен быть закреплен точно, полно, не допускающим неопреде-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

ленности в понимании и толковании. Это касается содержания, вида, объема, назначения. Эти положения предмета конкретного договора могут быть закреплены в законе или ином нормативном акте. Кроме того, они могут быть закреплены в конкретном акте по заявлению одной из сторон договора. Это может быть цена и порядок расчетов (для любого возмездного договора), сроки исполнения обязательств, особые условия о форме договора.

Кроме обязательных основных условий, в договоре указываются *дополнительные условия*, такие как ответственность сторон за нарушение договорных обязательств, порядок разрешения споров и др.

Далее в содержании договора определяются права и обязанности сторон — *обязательства* по договору.

Важной составляющей содержания договора является установление мер *ответственности* и иных последствий в случае нарушения договорных обязательств. В большинстве своем эти последствия закрепляются в нормативных актах, регламентирующих данный вид договоров.

Желательно далее предусмотреть возможности и порядок рассмотрения споров между сторонами. Это может быть как досудебный порядок (медиация)¹, так и судебный либо административный.

В *заключительной части* договора фиксируются порядок изменения договора, имеющиеся приложения, реквизиты и подписи сторон.

Для предотвращения недобросовестных действий контрагентов по подмене листов договора или внесения в него изменений и дополнений листы договора должны быть пронумерованы и сшиты, при этом каждый лист договора, в свою очередь, может быть заверен печатями и подписями сторон. Договор не должен содержать непрочерченные пропуски и пустые места, а также неоговоренные исправления, подчистки и приписки.

25.3. Средства и приемы договорной юридической техники

Важным элементом юридической техники, обеспечивающим ясность договора, являются *юридико-технические средства*.

При рассмотрении законодательной (правотворческой) техники были рассмотрены такие средства, как юридическая терминология, юридические конструкции, отраслевая типизация, нормативное изложение.

Поскольку договоры (индивидуальные) не носят общего характера, нормативное изложение, как техническое средство, не используется при их составлении. Остальные же средства имеют место и при со-

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

ставлении договоров. Хотя индивидуальный характер договоров и их многообразие накладывает свой отпечаток на их содержание и форму.

Поскольку правовой договор письменно закреплен, его можно характеризовать как текст. Как и для иных правовых актов, для договора характерен специфический, правовой текст.

В отличие от иных текстов, для правового текста характерны некоторые специфические особенности:

- отсутствие экспрессивности;
- связность и последовательность текста;
- точность и ясность текста;
- простота изложения;
- лаконичность и компактность текста;
- композиционность изложения.

Указанные особенности находят проявление как в содержании, так и в структуре договора.

Отметим, что все средства и приемы имеют отношение к языку как средству идеального выражения мысли, однако в отличие от иных текстуальных произведений язык договора как юридический язык имеет ряд особенностей:

1) официальный характер, документальность языкового выражения, однако в отличие от языка нормативных актов (в котором выражена воля законодателя, официальная воля государственного органа), в договоре путем языковых средств выражена воля конкретных индивидуальных субъектов. Здесь большое значение имеет субъективный момент, воля, желание, интересы субъекта, на которые влияют сфера деятельности, практический опыт, грамотность, место жительства, национальные традиции. Именно они оказывают влияние на характер положений, закрепленных в договоре, в какой-то мере определяют стиль и язык изложения;

2) ясность и простота языка договора. Поскольку положения договора предполагают их практическую реализацию, они должны быть понятны для обеих сторон, а при необходимости — и иным субъектам правового регулирования;

3) максимальная точность языка договора;

4) точность изложения договора сопровождается экономичностью использования в его тексте языковых средств. Так, следует избегать в тексте слов-паразитов, слов и выражений, не несущих смысловой нагрузки.

Важнейшим средством обеспечения указанных особенностей является *юридическая терминология*. При текстуальном оформлении договоров используются различные виды терминов. Прежде всего, это общеупотребительные термины — термины, употребляемые в обычной речи, в художественной и научной литературе. Их использование позволяет сделать речь понятной для широкого круга участников правоотноше-

ний, однако используется и специальная юридическая терминология, закреплённая нормативно. Причём при изложении договора определённой отрасли используется соответствующая отраслевая терминология.

Например, в гражданском законодательстве нет определения такой юридической деятельности, как «услуга». Пункт 2 ст. 779 ГК РФ закрепи́л перечень договоров, которые можно характеризовать как услуги. Но опять же не вполне понятно их содержание, что вызывает возможные споры и противоречия в толковании. В ч. 2 ст. 779 ГК РФ перечислены отдельные услуги (услуги связи, медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные, по образованию, туристическому обслуживанию), а далее указано: «и иные». Также не определены и близкие по содержанию категории «правовые услуги», «юридические услуги», «услуги правового характера».

Юридические термины могут быть как точные, так и оценочные. Но если в нормативных актах оценочные термины неизбежны, то в текстах договоров следует избегать оценочных терминов, таких как «уважительные причины», «незначительный ущерб». При этом лучше не использовать открытое перечисление, выражения «и т.д.», «и др.».

Если нормативная законодательная техника допускает возможность пояснения содержания термина посредством дефинитивных выражений, в тексте договора дефиниции допускаются лишь в исключительных случаях.

В частности, дефиниции в договоре необходимы, когда:

- они обозначают явления и процессы, ранее не упоминавшиеся, новые в действующем законодательстве, по-иному трактующиеся в данной отрасли;
- понятие оформляется с помощью слов, порождающих различные ассоциации;
- понятия по-разному трактуются как наукой, так и практикой;
- в тексте используются специальные научные или технические термины, не имеющие широкого распространения и трудные для обыденного понимания;
- данное понятие редко встречается в юридической практике;
- используются понятия, специфические для данной местности, иностранного происхождения.

Особое внимание в договоре обращается на использование аббревиатур. В тексте договора допустимы те аббревиатуры, которые закреплёны законодательно, однако поскольку субъектами договорных отношений (бывает достаточно большое количество организаций, имеющих сокращённое наименование, названия таких организаций необходимо полностью указать в первой части договора при определении сторон. Так, широкое распространение получила аббревиатура «УК» (не «Уголовный кодекс», а «управляющая компания»), поэтому в тексте договора требуется расшифровка.

Юридический язык — точный, ясный, достоверный, отличный от литературных стандартов. Иногда характер договорного термина закрепляется нормативно. Например, в п. 2 ст. 30 Типового договора о международном лизинге указано, что «термины мужского рода при соответствующей смысловой нагрузке могут быть использованы как термины женского и среднего рода, а слова, зафиксированные в единственном числе, могут употребляться во множественном числе — и наоборот».

Важным юридико-техническим средством формирования договора являются *юридические конструкции*. Это логическая модель будущего правоотношения, отражающая характер взаимоотношений договаривающихся сторон. Базовая юридическая конструкция специфического вида договора соответствующего правоотношения задана в нормативном акте. Роль юридической конструкции как средства договорной юридической техники — конкретизировать права и обязанности субъектов. Она предопределяет и структуру договора соответствующего вида, и характер обязательств, и субъектный состав. Как специфическую конструкцию можно рассматривать образцы договоров соответствующего вида. Юридические конструкции — способы сочетания прав, обязанностей, ответственности в тексте, обеспечительные средства, реализация обязательств.

В договорной практике большое значение имеет и такое техническое средство, как *отраслевая типизация*. Договоры в различных отраслях права порой значительно отличаются, поэтому юридическая практика выработала специфические особенности договора в каждой отрасли. Прежде всего, это касается специфических для каждой отрасли субъектов, участников договора. Например, особенность административного договора определяется, прежде всего, его субъектным составом. Обязательной стороной его является государственно-властный субъект, поэтому его структурная особенность — наличие специальных оговорок об исключительных полномочиях государственной администрации. Они состоят в ее возможности после заключения договора изменять некоторые положения договора без согласия другой стороны, без согласия суда налагать новые обременения или санкции на другую сторону, контролировать выполнение ею договорных обязательств.

Для договора характерны и такие технические (графические) средства, как *бланки, таблицы, схемы*.

Если средства юридической техники — инструментарий юридического выражения содержания договора, то *юридико-технические приемы* — это технологические приемы, которые договаривающиеся субъекты используют для четкого и правильного выражения условий договора.

Для законодательной техники характерны такие приемы, как презумпции, преюдиции, юридические фикции, аксиомы. Для договор-

ной техники подобные приемы не характерны, ибо в договоре должны отражаться конкретно определенные положения.

Договорной технике свойственны иные технические приемы:

- специфический, отличный от нормативного, стиль изложения (для него характерна сжатость, компактность, экономичность использования слов и выражений);
- юридической договорной практикой выработаны специфические для каждого вида договоров особенности, которые предполагают стандартное изложение материала, допускающее примерные образцы, типовые договоры. Достаточно широко при составлении договоров используются клише, словесные штампы (такие например, как «важные условия договора», «в соответствии с действующим законодательством»);
- для договора характерен повествовательный, а не императивный характер изложения. При этом наблюдается тенденция к повторному употреблению слов и отсутствию местоимений, их заменяющих¹.

Для договора соответствующего вида характерна определенная структура, деление текста на разделы, пункты, части, абзацы.

Поскольку юридическую основу договора составляют нормативные правовые акты, в тексте необходимо делать ссылки на использованные статьи соответствующего акта. Широкое распространение при составлении договора получает бланкетный и ссылочный способ изложения.

В необходимых случаях используется такой прием, как приложения, примечания.

При изложении материала допустим перечень отдельных положений (например, смягчающих, отягчающих обстоятельств), однако при этом, как указывалось, нежелателен открытый перечень.

Нормы договорного права должны создавать лишь правовую основу, определять типовые модели, исходные начала в правовой регламентации деятельности хозяйствующих субъектов. Что же касается организации, содержания этой деятельности, ее конкретики, то все это должно регулироваться договорными контрагентами с учетом конкретных обстоятельств и в соответствии с их интересами.

25.4. Договорные юридические технологии

Более широкая категория, тесно связанная с юридической техникой, — *юридическая технология* — это основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования правовых актов, в частности, договоров, в ходе ко-

¹ См.: Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения. М., 2001. С. 34.

торой используются различные необходимые средства, приемы и способы и методы юридической деятельности.

Юридическая технология — более широкая категория, чем юридическая техника. Она включает в себя:

- 1) систему соответствующих средств (юридическая техника);
- 2) систему приемов, средств и способов и методов оптимальной юридической деятельности (тактика);
- 3) научно обоснованные принципы, долгосрочные планы, прогнозы, методы деятельности (юридическая стратегия);
- 4) сами действия при операции по разработке, принятию и обнародованию (опубликованию) правовых актов;
- 5) процессуальные формы деятельности (стадии, производства, режимы);
- 6) показатели, характеризующие качество и эффективность юридической деятельности;
- 7) соответствующие виды, формы, средства и методы контроля и надзора за законностью, качеством и эффективностью принимаемых юридических актов¹.

Договор будет эффективным тогда, когда его подготовка и написание осуществлялись в надлежащем порядке, компетентным субъектом, при осуществлении определенной процедуры. Эти необходимые требования характеризуются понятием «юридическая технология».

Не все требования обеспечивают законность актов, но они непременно оказывают влияние на их эффективность.

Отметим основные этапы подготовки договора.

Прежде всего, необходимо четко определить цели, которых необходимо достичь при реализации условий договора, и выявить позиции сторон.

Далее следует изучить контрагента, другую сторону договора (его полномочия, компетентность, материальные и организационные возможности, опыт работы в соответствующей сфере), получить, возможно, полную информацию об организации, с которой заключается договор. Полученные данные позволяют использовать различный стиль изложения, базовый нормативный материал.

Следующий этап работы заключается в разработке концепции или договорной схемы. Здесь следует составить примерную поэтапную схему работы и продумать, что надо сделать на каждом этапе. Это позволит правильно определить вид договора, оптимально организующего эти связи.

¹ См.: Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 22.

После этого следует осуществить учет собственных производственных и прочих возможностей.

Далее необходим анализ законодательной нормативной базы будущих договорных отношений, наличие образцов, примерных договоров. Оценить, безупречен ли документ с точки зрения материального и процессуального права, с юридико-технической стороны.

Следующей стадией является определение общей структуры договора, определение и формулировка требований, которые следует получить от данного соглашения.

Только после этого осуществляется написание текста договора.

После этого возможно прогнозирование и анализ последствий осуществления условий договора.

В зависимости от результатов следует осуществить окончательное редактирование материала, «шлифовку» содержания с учетом интересов организации.

В заключение необходимо разработать меры ответственности и оперативного вмешательства, создать систему учета выполнения договоров.

В отдельных случаях составляется договор о намерениях — предварительный договор, в котором зафиксированы обоюдные желания и намерения сторон сотрудничать на договорной основе и в последующем заключить конкретный договор.

Только юридически и технически грамотно составленные договоры обеспечивают эффективное достижение субъектами своих целей и задач, защиту законных прав и интересов.

Несколько слов о *«юридических ловушках»* (*«юридических минах»*). Недобросовестная сторона при подготовке договоров нередко закладывает в них положения «ловушек», которые могут оказать влияние на выполнимость условий договора, породить правовые споры, поэтому при выяснении содержания договора следует быть внимательным при уяснении смысла и возможных последствий при реализации условий договора, знать возможные «ловушки». Наиболее типичные из них:

- 1) подписание договора некомпетентным субъектом;
- 2) несоблюдение требований, предъявляемых к содержанию и форме документа;
- 3) ненадлежащее оформление (отсутствие необходимых реквизитов);
- 4) логические «ловушки» (двусмысленность терминологии, неясность, слишком общий характер выражений);
- 5) пробелы в условиях договора;
- 6) коллизии, фактологические ошибки (например, отсылки к несуществующим либо устаревшим, отмененным актам);
- 7) взаимоисключающие или противоречивые положения;

- 8) распространительное (либо, наоборот, ограничительное) толкование там, где это недопустимо;
- 9) подмена понятий (неточная терминология, незнание терминов);
- 10) опечатки, описки, ошибки¹.

Таким образом, юрист, любой субъект, участник договорных отношений должен хорошо знать средства, приемы и правила юридической техники и уметь их использовать в процессе договорного правового регулирования.

25.5. Особенности реализации правил юридической техники в договорной работе полиции

Выше речь шла преимущественно о юридической технике договоров частноправового характера, однако договорные отношения получили распространение и в сфере публичного права. Именно с этой сферой отношений связана деятельность правоохранительных органов и, в частности, полиции. Правовые акты-договоры, регламентирующие отношения в публичной сфере, характеризуются как публично-правовые договоры.

Для этого вида договоров характерны основные признаки, свойственные всякому правовому договору. Сказанное относится и к юридической технике этих договоров, однако в отличие от частноправовых договоров, публично-правовым свойственны отдельные отличительные признаки.

1. Субъектом договора здесь всегда является субъект публично-правовых отношений, обладающий, прежде всего, властными полномочиями. Таковыми являются, например, государство, его органы, должностные лица, органы местного самоуправления.

2. Отличается публично-правовой договор и своим предметом. Это отношения, связанные с осуществлением властных полномочий и с управлением. Причем сфера и субъекты этих отношений определены законодательно. Специфическим характером обладают и обязательства сторон, и способы их обеспечения. Публичный договор имеет специфические признаки, ограничивающие общие принципы договорного гражданско-правового регулирования путем договоров.

3. Возможность заключения публичного договора должна быть нормативно закреплена как элемент компетенции государственного органа.

Подобный договор содержит как гражданско-правовые санкции, так и меры принуждения организационного, дисциплинарного, административного характера.

¹ См.: Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения. М., 2001. С. 156–157.

К таким договорам можно отнести договоры о компенсации, о сотрудничестве, об осуществлении государственных нужд, различные концессии, контракты в сфере государственной службы.

Как указывалось выше, многие вопросы юридико-технического содержания договоров закреплены нормативно.

К сожалению, далеко не всегда нормативно закрепляется структура договора, его содержание, конкретные обязательства сторон. Особенно это касается нормативного закрепления публично-правовых договоров. Примером положительного решения этого вопроса может служить ст. 317³ УПК РФ, которая закрепляет содержание и порядок составления досудебного соглашения о сотрудничестве.

Особого внимания требует анализ договорной работы (следовательно, и деятельности по составлению договоров) в органах МВД, в полиции, ибо основой правового регулирования деятельности органов внутренних дел, полиции является Конституция РФ, федеральные законы и иные нормативные акты, а также принципы и нормы международного права и международные договоры (ст. 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹).

В административной сфере договорные правовые отношения трактуются и как форма полицейской деятельности.

Такovým, например, может быть договор органов внутренних дел и частных охранительных структур о взаимодействии, содействии деятельности.

Согласно ст. 20 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² должности рядового и начальствующего состава органов внутренних дел замещаются в соответствии с действующим законодательством как путем назначения на должность, так и путем заключения индивидуальных контрактов. Содержание таких контрактов закреплено в ст. 23 указанного Закона.

Договорно-правовая работа в системе МВД России осуществляется на основе приказа МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России».

Согласно Указанному акту «договорно-правовая работа в системе МВД России направлена на заключение письменных соглашений об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей», т.е. договоров. Она включает в себя:

1) выявление потребностей в заключении договоров органом (подразделением) на поставку товаров (выполнение работ, оказание услуг);

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

² См.: Российская газета. 2011. 7 декабря.

- 2) разработку проектов конкурсной документации и договоров;
- 3) согласование и заключение договоров в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- 4) контроль исполнения договоров и при необходимости ведение претензионной работы.

Подготовка проекта договора осуществляется в соответствии с общими гражданско-правовыми требованиями, предъявляемыми к форме и содержанию соответствующего вида договоров.

В системе МВД России договорная работа осуществляется подразделением-исполнителем во взаимодействии с финансовым, правовым и иными подразделениями.

Подразделение-исполнитель подготавливает проекты договоров (с имеющимися приложениями и документами, на основе которых осуществлена их разработка) и представляет их на согласование в финансовое и правовое подразделение органа.

Правовое подразделение в свою очередь:

- проводит правовую экспертизу проектов договоров;
- фиксирует результаты проведения правовой экспертизы проекта договора в соответствующем журнале учета проектов договоров, поступивших на экспертизу;
- оказывает консультативную помощь по исполнению обязательств по договору.

Отдельные, специфические виды договоров регламентируются соответствующими нормативными актами МВД России.

В указанных актах четко определена структура договора, его разделы: предмет договора, обязанности сторон, порядок взаиморасчетов, действие договора, заключительные положения, адреса и реквизиты сторон. В соответствующих Положениях о деятельности органов вневедомственной охраны четко прописаны процессуальные и организационные мероприятия по обеспечению выполнения обязательств.

Вопросы для самоконтроля

1. Какое место договор занимает в системе правовых актов современной России?
2. Каковы юридические особенности отдельных видов договоров?
3. Какие средства и приемы юридической техники используются при составлении договора?
4. Каковы правила составления (внесения изменений в содержание) договоров?
5. Каковы особенности реализации правил юридической техники в оформлении договоров в сфере деятельности полиции?
6. Каковы процессуальные особенности заключения договоров в сфере деятельности полиции?

Тестовые задания

- 1) В правовом регулировании роль договоров заключается в следующем (выберите несколько вариантов):
 - a) договор восполняет недостатки законодательства: общий, абстрактный характер правовых предписаний, пробелы в законодательстве, неясность и неопределенность общенормативных формулировок
 - b) договор содержит норму права обязательную к исполнению определенным кругом лиц
 - c) договор позволяет учесть обстоятельства, которые трудно однозначно прогнозировать или предвидеть
 - d) договор позволяет реализовать интересы конкретных субъектов в конкретных ситуациях
- 2) Договор как юридическая категория, правовое явление имеет два значения (выберите несколько вариантов):
 - a) договор – это письменный акт, документ, в который облекаются договорные правоотношения, где изложено содержание прав и обязанностей как результата договоренностей
 - b) договор – это нормативное установление, регулирующее неограниченный круг общественных отношений
 - c) договор – это волеизъявление двух или более конкретно определенных лиц (договор-сделка)
 - d) договор – это выражение воли неопределенного круга лиц
- 3) Договору, как и правовому акту, присущи следующие признаки (выберите несколько вариантов):
 - a) добровольность заключения, т.е. свободное волеизъявление сторон
 - b) отношение субординации между сторонами
 - c) согласие сторон по всем существенным условиям договора
 - d) взаимная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее выполнение принятых обязательств
 - e) законодательное обеспечение договора, придающее ему юридическую силу
- 4) В структуру договора входят (выберите несколько вариантов):
 - a) шапка
 - b) преамбула
 - c) заключительная часть
 - d) меры ответственности
- 5) К реквизитам договора относятся (выберите несколько вариантов):
 - a) наименование договора
 - b) номер договора
 - c) дата и место заключения договора
 - d) меры ответственности по договору
 - e) подписи и печати сторон, заключивших договор
- 6) Существенными условиями договора, в соответствии с действующим гражданским законодательством, являются (выберите несколько вариантов):
 - a) условия о предмете договора
 - b) условия о цене договора

- с) условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида
 - д) условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.
 - е) условия об ответственности сторон договора
- 7) Язык договора как юридический язык имеет ряд особенностей (выберите несколько вариантов):
 - а) официальный характер, документальность языкового выражения
 - б) ясность и простота языка договора
 - в) точность языка договора
 - г) экспрессивность языкового выражения положений договора
 - д) использование идиоматических оборотов в тексте договора
 - е) экономичность использования в тексте договора языковых средств
- 8) Логическая модель будущего правоотношения, отражающая характер взаимоотношений договаривающихся сторон – это
- 9) Договорной технике свойственны следующие юридико-технические приемы (выберите несколько вариантов):
 - а) презумпция
 - б) приложение
 - в) примечание
 - г) фикция
- 10) Этапы подготовки договора (расставьте в требуемой последовательности).
 - а) разработка концепции или договорной схемы
 - б) анализ законодательной нормативной базы будущих договорных отношений
 - в) определение целей
 - г) учет собственных производственных и прочих возможностей
 - д) изучение контрагента
 - е) прогнозирование и анализ последствий осуществления условий договора
 - ж) определение общей структуры договора, определение и формулировка требований, которые следует получить от данного соглашения
 - з) написание текста договора
 - и) окончательное редактирование материала с учетом интересов организации
- 11) Соглашение сторон, в котором зафиксированы обоюдные желания и намерения сторон сотрудничать на договорной основе и в последующем заключить конкретный договор носит название договор.
- 12) Юридическая технология включает в себя (соотнесите понятия):

система юридико-технических средств (1)	юридическая тактика (а)
процессуальные формы деятельности (2)	юридическая стратегия (б)

система приемов и методов оптимальной юридической деятельности (3)	юридическая техника (с)
научно обоснованные принципы, долгосрочные планы, прогнозы, методы деятельности (4)	стадии, производства, режимы (d)

- 13) Правовые акты-договоры, регламентирующие отношения в публичной сфере, характеризуются какдоговоры.
- 14) Публично-правовым договорам свойственны следующие отличительные признаки (выберите несколько вариантов):
- а) субъектом договора является субъект публично-правовых отношений, который обладает властными полномочиями
 - б) предметом публично-правового договора являются отношения, связанные с осуществлением властных полномочий и с управлением
 - с) публично-правовой договор – это выражение воли неопределенного круга лиц
 - д) возможность заключения публичного договора должна быть нормативно закреплена как элемент компетенции государственного органа

Рекомендуемая литература

1. *Богданов Е.В.* Предпринимательские договоры: заключение, расторжение, изменение; особенности купли-продажи; поставка, аренда, подряд / Е.В. Богданов. – М., 2003.
2. *Брагинский М.И.* Договорное право: в 5 кн. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М., 2008.
3. *Воробьева О.В.* Составление договора: техника и приемы / О.В. Воробьева. – М., 2011.
4. *Дуленков В.Б.* Как составить договор / В.Б. Дуленков. – М., 2006.
5. *Завидов Б.Д.* Договор: подготовка, заключение, изменение / Б.Д. Завидов. – М., 1997.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное правотворчество) / Т.В. Кашанина. – М., 2009.
7. *Оптимальный договор: составление, исполнение, расторжение.* – М., 2007.
8. *Сальникова Л.В.* Хозяйственные договоры: порядок заключения и практика применения / Л.В. Сальникова. – М., 2006.
9. *Тихомиров М.Ю.* Коммерческий договор: заключение, исполнение, правила разрешения споров: практические рекомендации / М.Ю. Тихомиров, О.М. Оглоблина. – М., 2004.
10. *Фокс Ч.* Составление договоров: чему не учат студентов: пер. с англ. / Ч. Фокс. – М., 2007.

Раздел 26

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ: СУЩНОСТЬ, ТЕХНИКА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

26.1. Понятие юридической аргументации

В современном мире умение отстаивать собственную позицию является одним из основных способов защиты прав и интересов их обладателя. И важнейшим средством выступает аргументация. В правовой сфере она имеет место в гражданско-правовых, уголовно-правовых, административных, трудовых, гражданско-процессуальных, уголовно-процессуальных и иных правоотношениях. И в силу этого именуется юридической аргументацией.

Исследования в области юридической аргументации характеризуются богатым разнообразием подходов, взглядов, идей. Доминирующим подходом к пониманию юридической аргументации до середины XX в. являлся *логический подход* (Е. Булыгин, У. Клюг, К. Альчуррон). При логическом подходе критерием рациональности юридической аргументации является ее логическая правильность, и при этом в процессе аргументации должны использоваться *логические приемы*.

Своего рода ответом на доминирование логического подхода к изучению юридической аргументации явилась разработка *риторического подхода* (Х. Перельман, С. Тулмин, Т. Вейвег). Правовая аргументация рассматривается как деятельность, имеющая целью убедить конкретную аудиторию в приемлемости определенной правовой позиции, представив ее в наиболее привлекательном для данной аудитории виде. Средством достижения этой цели являются многочисленные *риторические приемы*.

Новым подходом к юридической аргументации является *диалектический, или прагматдиалектический подход* (Р. Алекси, А. Аарнио, М. Атиенза, Э. Фетерис). Правовая аргументация предстает как процедура обсуждения, в ходе которой стороны отстаивают свою позицию, руководствуясь правилами рациональной дискуссии. Недостаток этого подхода в том, что юридическая аргументация может иметь ме-

сто не только в диалоге, но и в монологе, например, при вынесении письменного судебного решения.

Что касается использования термина «юридическая аргументация», он имеет место не только в нормативных правовых и правоприменительных актах, но и в научной литературе. По мнению Т. В. Авакян, *юридическая аргументация* — это логико-коммуникативный процесс, служащий обоснованию определенной точки зрения на происшедший жизненный случай с целью ее восприятия, понимания и (или) принятия индивидуальным либо коллективным субъектом правоприменительной деятельности¹. Данное понимание соответствует *узкому подходу*, так как юридическая аргументация видится как осуществляемая в рамках правоприменительной деятельности.

Понимаемая с позиций широкого подхода юридическая аргументация видится без акцентуации на специфике той или иной юридической деятельности. Каковы же ее признаки?

Во-первых, *юридическая аргументация — это вид аргументации*. Под *аргументацией* понимается интеллектуальная, вербальная, социальная деятельность, состоящая в приведении доводов рационального и (или) эмоционального характера в целях убеждения адресата аргументации в правильности занимаемой субъектом аргументации позиции и (или) неправильности позиции оппонента².

Во-вторых, *юридическая аргументация осуществляется в рамках правовых отношений*. Юридическая аргументация осуществляется только там, где имеют место *общественные отношения, урегулированные нормами права*. Важным признаком правовых отношений является наличие *субъективно-правовой связи между их участниками*; должна иметь место взаимная соотнесенность их поведения. Применительно к юридической аргументации можно предложить следующую формулу субъективно-правовой связи ее участников: субъект аргументации имеет право или обязанность привести довод индивидуализированному адресату, который имеет право и (или) обязанность оценить его, а затем принять на основе внутреннего убеждения определенное правовое решение.

Участники юридической аргументации всегда являются *субъектами правовых отношений*. Например, в рамках уголовно-процессуальных правоотношений государственный обвинитель и защитник выступают перед судьей и приводят доводы для обоснования собственной позиции или для опровержения позиции оппонента.

¹ См.: Авакян Т. В. Юридическое мышление в правоприменительном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 10.

² См.: Каргин К. В. Понятие и элементы юридической аргументации. Н. Новгород, 2011. С. 24.

Правовые отношения характеризуются различными *объектами* — тем, по поводу чего они возникают, существуют и развиваются. Юридическая аргументация тесно связана с объектами правовых отношений. Она может осуществляться по поводу: 1) охраны личных неимущественных благ (жизни, здоровья и др.); 2) охраны материальных благ (имущества, имущественных прав); 3) защиты духовных благ (например, права авторства); 4) поведения человека (трудовой деятельности, правотворческой деятельности); 5) оказания услуг.

В-третьих, *осуществление юридической аргументации имеет место в связи с конкретной юридической ситуацией*. Под *юридической ситуацией* понимается совокупность конкретных обстоятельств, с которыми сталкивается субъект права (потенциальный аргументатор), определяющих необходимость использования определенных правовых средств (правовых аргументов).

В-четвертых, *юридическая аргументация — деятельность, состоящая в приведении правовых доводов*. Осуществление юридической аргументации в рамках правовых отношений и в связи с конкретной юридической ситуацией, конечно же, характеризуют ее правовую сторону, но не указывают на особенность юридической аргументации как специфического вида деятельности.

Специфика юридической аргументации состоит в приведении не просто доводов, а правовых доводов (аргументов).

В-пятых, *юридическая аргументация имеет направленность на адресата — правовую аудиторию*.

Адресатом юридической аргументации может быть как *коллективный*, так и *индивидуальный (единоличный) субъект*. Так, согласно ч. 1 ст. 30 УПК РФ от 18 декабря 2001 г. рассмотрение уголовных дел осуществляется судом коллегиально или судьей единолично.

Адресат юридической аргументации (правовая аудитория) имеет право принять *правовое решение*. Под правовым решением в теории права понимается облеченный в определенную форму и имеющий некоторую степень обязательности вывод о возможности применения правовых средств для решения возникающих проблемных ситуаций правового характера¹. Так, согласно п. 5 ст. 5 УПК РФ решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей, носит название «вердикт». В п. 11¹ ст. 5 заключение суда определено как вывод о наличии или отсутствии в действиях лица признаков преступления.

Адресат аргументации (правовая аудитория) *руководствуется внутренним убеждением* при принятии правового решения. Внутреннее убеждение — это уверенность в достоверности определенного знания,

¹ См.: Иванов А. А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия / авт.-сост. А. А. Иванов. М., 2006. С. 245.

которое получается в результате осмысления полученной субъектом познания информации, применительно к юридической аргументации — в результате оценки правовых аргументов.

Итак, *правовая аудитория* — это коллективный или единоличный субъект, который на основе внутреннего убеждения имеет право принять правовое решение.

Наконец, шестых, необходимо отметить, что *юридическая аргументация осуществляется в целях наступления ожидаемого со стороны аргументатора правового результата*. Через данный признак высвечивается ценность юридической аргументации.

Субъект аргументации выстраивает систему доводов обычно таким образом, чтобы добиться не только формирования убеждения у адресата аргументации, но и вызвать наступление положительных для себя последствий, т.е. речь идет об ожидаемом результате, но это не значит, что результат будет именно таким, как его прогнозирует субъект аргументации. Он может быть обратным. Например, защитник планировал добиться оправдания подзащитного, а результат — обвинительный приговор суда.

Правовой результат — это наступившие вследствие осуществления определенной деятельности правовые последствия, связанные с изменениями в правовом статусе субъекта права, являющегося одновременно (или не являющегося) субъектом правовых отношений.

Под *юридической аргументацией* следует понимать осуществляемую в рамках правовых отношений и в связи с конкретной юридической ситуацией деятельность, состоящую в приведении правовых доводов, которые, будучи оцененными их адресатом — правовой аудиторией, могут породить ожидаемый со стороны аргументатора правовой результат.

Технология юридической аргументации — это совокупность правовых действий, осуществляемых с использованием средств юридической техники, состоящих в формировании, приведении, оценке правовых доводов.

Технология юридической аргументации обычно характеризуется наличием собственных стадий, которые не в полной мере совпадают с этапами ведения правового спора. Кроме того, нужно учитывать, что юридическая аргументация может осуществляться вне правового спора. Можно выделить следующие этапы технологии юридической аргументации:

Первый этап — *определение и выдвижение тезиса юридической аргументации*. Предмет юридической ситуации — понятие более общее, нежели тезис юридической аргументации. Предмет юридической ситуации — это правовой вопрос, по которому возникли разногласия сторон спора. Например, вопрос местожительства детей после развода. Тезис юридической аргументации — собственно отстаиваемая правовая позиция, например, утверждение истца о том, что дети должны проживать с ним.

Второй этап — *формирование аргументационной базы*. Это правовая самоаргументация. Субъект юридической аргументации подбирает правовые доводы на основе анализа норм права, разъяснения юридических норм, на основе изучения юридических фактов и доказательств.

Третий этап — *юридическое аргументирование* — это комплекс правовых действий по изложению правовых аргументов в обоснование собственной правовой позиции для адресата юридической аргументации. Адресатом может быть как оппонент по юридической аргументации, так и лицо, обладающее полномочиями по рассмотрению и разрешению правового спора.

Четвертый этап — *юридическое контраргументирование* — это комплекс правовых действий по изложению правовых доводов, опровергающих уже приведенные правовые доводы противной стороной. Ему соответствует оценка правовых доводов оппонента.

Пятый этап — *формулирование правового вывода*. Вывод формируют либо стороны юридической аргументации на основе достижения правового соглашения, либо субъект, рассматривающий и разрешающий правовой спор.

26.2. Понятие и виды правовых доводов

Содержание юридической аргументации всегда сопряжено с приведением правовых доводов в обоснование занимаемой субъектом юридической аргументации правовой позиции. Что же понимается под правовым доводом?

1. *Правовой довод* это высказывание субъекта юридической аргументации. Оно может быть сделано в форме суждения или умозаключения.

2. *Правовой довод формулируется юридическим языком*. Именно посредством языка формулируется высказывание субъекта юридической аргументации, заключающее в себе его мысли в форме суждения и умозаключения. Но в случае с юридическим доводом, высказывание осуществляется не просто при помощи языка, а юридическим языком, являющимся разновидностью специального языка.

3. *Правовой довод* является следствием правового мышления. Он формулируется высказыванием в виде суждения или умозаключения, а они в свою очередь, выступают формами мышления. Применительно к юридической аргументации они — формы правового мышления.

4. *Правовой довод* становится таковым в связи с наличием юридического основания для формулирования высказывания. То есть, субъект юридической аргументации приводит юридический довод исходя из определенных, относимых к соответствующему случаю, юридических данных. Эти данные выступают основой или основа-

нием для получения юридического довода в результате мыслительных операций. Их можно называть исходными данными для юридического аргумента». Юридическими основаниями правового довода являются нормы права, разъяснения норм права, индивидуальные предписания, юридические доказательства.

5. *Правовой довод всегда несет в себе правовую информацию.*

6. *Правовой довод имеет цель поддержать обосновываемое субъектом юридической аргументации положение или опровергнуть положение, из которого исходит оппонент по аргументации.*

Вышеизложенное позволяет понимать под *правовым доводом* имеющее юридическое основание высказывание субъекта юридической аргументации, сформулированное юридическим языком в виде суждения или умозаключения как формах правового мышления, несущее правовую информацию, сделанное для подтверждения обосновываемого им правового положения (тезиса) или для опровержения правового положения, обосновываемого другим соаргументатором (антитезиса).

Классификация юридических доводов. Все юридические доводы можно распределить на несколько **групп**:

1. *доводы к нормам права.* Так как нормы права фиксируются в различных источниках права, нужно анализировать весь их комплекс и стараться подобрать максимум правовых норм из разных источников. Доводы могут быть к нормам, содержащимся в нормативных правовых актах, правовых обычаях, договорах нормативного содержания и т.д.;

2. *доводы к разъяснению норм права.* Разъяснение правовых норм дается в актах толкования права. Соответственно нередко стороны ссылаются на правоинтерпретационные акты;

3. *доводы к индивидуальным правовым предписаниям.* Они фиксируются в правоприменительных актах, например, приказах. Обращение к таким правовым актам может осуществляться для демонстрации правомерности осуществления правовых действий. Например, сотрудник ГИБДД ссылается на приказ, в соответствии с которым осуществил остановку транспортного средства.

4. *доводы к юридическим доказательствам.* **Доводы к юридическим доказательствам** мы будем рассматривать как высказывания субъекта юридической аргументации, несущие в себе информацию о фактах, служащие для обоснования правильности занимаемой им правовой позиции и убеждения в этом адресата юридической аргументации. Примером такого довода является высказывание о нахождении подзащитного в момент совершения преступления в другом месте с подкреплением высказывания таким доказательством как показания свидетеля, съемка видеокамеры и т.д.

26.3. Участники юридической аргументации

Юридическая аргументация осуществляется субъектами правовых отношений, которые, выступая в качестве деятелей, совершают юридически значимые акты поведения. Вместе с тем в процесс юридической аргументации включаются не только лица, приводящие аргументы-доводы, но и лица, которые оценивают эти доводы, а также лица, своими действиями способствующие формированию доводов. Всех их объединяет то, что они являются участниками процесса юридической аргументации.

Понятие «участник юридической аргументации» шире понятия «субъект юридической аргументации». Под *участником юридической аргументации* следует понимать любое лицо, которое включено в процесс юридической аргументации и своими поведенческими актами вызывает юридически значимый результат или способствует его наступлению.

Ключевым участником юридической аргументации является *субъект аргументации*. Так, К. В. Чуешов понимает под субъектом юридической аргументации того, кто аргументирует — приводит доводы в защиту своей позиции¹. *Субъект юридической аргументации* — это лицо, приводящее аргументы с целью убедить субъекта воздействия в правильности занимаемой позиции и побудить его принять юридически значимое решение в пользу аргументатора или представляемой им стороны. Какими же чертами характеризуется субъект юридической аргументации?

Во-первых, им может быть лишь *человек*, ибо именно он обладает способностью мыслить. В основе приведения юридических аргументов лежит мыслительная деятельность, связанная с имеющейся информацией у субъекта аргументации, формулирования для себя целого ряда выводов.

Во-вторых, субъект юридической аргументации — это *лицо, занимающее определенную правовую позицию*. Применительно к юридической аргументации *правовая позиция* представляет собой мнение субъекта аргументации по определенному правовому вопросу, исходя из которого выстраивается система юридических аргументов.

В соответствии с правовой позицией подбираются или отбрасываются юридические аргументы. Например, защитник в судебном процессе отстаивает позицию о невиновности своего подзащитного. И даже если у защитника отсутствуют оправдательные доводы, свидетельствующие о невиновности подзащитного в предъявленном ему обвинении, это не означает, что его вина будет доказана, так как за-

¹ См.: Чуешов К. В. Аргументация как средство социальной востребованности юристов и ее логико-лингвистические аспекты // Проблемы управления. 2008. № 2 (27). С. 174.

щитник может аргументировать тезис о невиновности через необоснованность тезиса «виновен», в частности, путем критики лежащих в основе обвинения доказательств. Следовательно, выбор пути аргументации будет предопределяться позицией и местом аргументатора в юридическом процессе.

В-третьих, от субъекта юридической аргументации исходит юридически значимая информация в виде совокупности *аргументов-доводов* в подтверждение занимаемой им позиции. Они предназначены для поддержки или критики тезиса аргументации, т.е. такого высказывания, суть которого аргументирующая сторона находит нужным внушить своему диалоговому партнеру сделать это внушение составной частью его убеждений.

В-четвертых, субъект юридической аргументации преследует *определенную цель* — убедить или переубедить субъекта воздействия в правильности своей позиции или неправильности позиции оппонента. Это цель именно субъекта аргументации, а не иных участников юридической аргументации. Целью субъекта воздействия (адресата аргументации), которым, к примеру, будет выступать судья, может являться вынесение законного и справедливого решения по делу. Целью свидетеля — доведение имеющейся у него информации до сведения участвующих в деле сторон.

Адресат юридической аргументации — это субъект воздействия, лицо, на которое направлены доводы субъекта юридической аргументации. Термин «адресат аргументации» прочно укрепился в тезаурусе теории аргументации. Наряду с ним используется и термин «реципиент».

Будучи субъектом воздействия, направленного на него со стороны субъектов аргументации, адресат также является лицом *мыслящим, познающим, воспринимающим информацию*. От адресата юридической аргументации зависит итог самой аргументации — ее результат. Именно он может принять то *юридически значимое решение*, ради которого осуществляется юридическая аргументация. Решить — значит, обдумав, прийти к какому-нибудь выводу, к необходимости совершения каких-нибудь действий. Итоговое решение может как соответствовать интересам субъекта аргументации (полностью или частично), так и расходиться с ними.

Адресат аргументации, также как и субъект, осуществляет деятельность, но его *цели* могут быть иными, нежели цели субъекта аргументации, а могут совпадать. Совпадение целей происходит в ситуации, когда аргументация направлена друг на друга — оба лица, являясь одновременно и субъектами, и адресатами аргументации, преследуют цель убеждения или переубеждения. Если же адресат аргументации выступает своего рода арбитром (судьи, присяжные), то цель иная — принятие справедливого, законного решения.

Адресат аргументации может иметь свою *позицию* или не иметь таковой. В первом случае субъект аргументации стремится изменить позицию адресата, переубедив его (когда позиции не совпадают), или упрочить позицию (когда позиции совпадают), во втором — сформировать позицию и привлечь его на свою сторону.

Кроме субъекта и адресата, в процессе аргументации участвуют *лица*, своими действиями *способствующие юридической аргументации*. Сами они доводы не приводят, но являются передатчиками той информации, которая, будучи преломленной в сознании субъекта юридической аргументации, приобретает форму доводов или контрдоводов. Следовательно, эти лица способствуют формированию аргументов или контраргументов в пользу занимаемой субъектом аргументации позиции.

К субъектам, способствующим юридической аргументации, можно отнести потерпевших, свидетелей, специалистов. Их показания позволяют выстраивать линию аргументации. По сути, они являются носителями юридически значимых сведений — доказательственной информации, но не носителями аргументов.

Круг субъектов правовых отношений может быть шире, чем круг участников юридической аргументации, но никогда не уже. Так, секретарь судебного заседания является участником гражданско-процессуальных правовых отношений, но не является участником юридической аргументации. Этим еще раз подчеркивается факт того, что феномен «правовые отношения» более глобален, нежели юридическая аргументация, осуществляемая именно в рамках правовых отношений.

Следует заметить, что в масштабах одного и того же правового отношения роли участников юридической аргументации могут варьироваться. Адресат аргументации может стать ее субъектом. Например, судья, первоначально являвшийся в гражданском процессе (как, в принципе, и в любом другом юридическом процессе) адресатом аргументации, на определенной стадии после произведенной им оценки представленных доводов становится субъектом аргументации. В вынесенном им решении он аргументирует, почему принял именно такое решение, и то, какие доводы были учтены.

Хотелось бы обратить внимание также на следующий аспект. Субъект и адресат юридической аргументации являются *основными* (неотъемлемыми) *участниками процесса аргументации*. Что же касается деятельности субъектов, способствующих юридической аргументации, то она во многих случаях осуществляется без них. Примером может служить двусторонняя аргументация, при которой субъект и адресат аргументации совпадают. Иных лиц при этом может не быть вовсе. В данной связи субъект, способствующий юридической аргументации, является *факультативным участником процесса аргументации*.

26.4. Цели, правила и приемы юридической аргументации

Целеполагание — ведущий признак рациональной и осознанной человеческой деятельности. Деятельностный процесс рассматривается как цепочка *цель — средство — результат*, где цель — доминирующее звено¹. Целеполагание исключительно важно в юридической аргументации. Субъект юридической аргументации ставит перед собой цель и подчиняет ей свои дальнейшие действия, выбирает под эту цель систему средств ее достижения.

Так, П. Сандевуар пишет: «При аргументации работа юриста заключается уже не в освещении или объяснении, а в убеждении»². В данной связи *основной целью юридической аргументации* является убеждение (переубеждение) адресата юридической аргументации в правильности занимаемой субъектом аргументации правовой позиции и (или) неправильности позиции оппонента и, как следствие, побуждение адресата аргументации к совершению юридически значимых действий.

Например, если целью аргументации защитника при рассмотрении уголовного дела в суде будет являться убеждение судьи в невиновности обвиняемого, то следствием убеждения станет вынесение оправдательного приговора.

Кроме основной цели аргументации у субъекта аргументации могут иметься *локальные цели*:

1) *нейтрализовать аргументы оппонента*. Подчинив линию аргументации данной цели, субъект аргументации через систему специально выбранных доводов указывает на несостоятельность доводов оппонента;

2) *изменить линию аргументации оппонента*. Линия аргументации — это своего рода последовательность доводов субъекта аргументации. Определив линию аргументации противника и выявив ее сильные стороны, лицо может предпринять попытку изменить курс аргументации с тем, чтобы нарушить логические связи в аргументах;

3) *принудить оппонента соглашаться с собственными доводами*. Фактор согласия с аргументами противника деморализует. Особенно это важно в двусторонней аргументации, когда оппонент является адресатом аргументации;

4) *изучить оппонента, его доводы*. Субъект аргументации целенаправленно познает, насколько сильна позиция его оппонента, выявляет, достоверные ли факты лежат в основе его аргументации или же это лишь правдоподобные сведения;

¹ См.: Лешкевич Т. Г. Философия. М., 2003. С. 158, 159.

² Сандевуар П. Юридические процедуры во французском праве. М., 1994. С. 85.

5) *продемонстрировать адресату аргументации и (или) оппоненту неверность позиции оппонента*. В данном случае субъект аргументации преследует цель указать не на слабость позиции оппонента, а на ее неправильность как таковую;

6) *подорвать у адресата аргументации доверие к оппоненту*. Данная цель достигается через уличение в ложности доводов, их прямое опровержение контраргументами;

7) *продемонстрировать надежность собственной позиции*. В качестве локальной цели демонстрация надежности осуществляется через систему умозаключений, основанных на доводах в пользу занимаемой позиции. Демонстрация может осуществляться как в процессе аргументации, так и по ее окончании. Она носит ярко выраженный характер;

8) *вынудить оппонента совершить ошибку в аргументации*. Аргументация — это не просто приведение доводов. Оно основано на умозаключениях, а те, в свою очередь, на суждениях. Совершение ошибки, соответственно, может разрушить всю цепь аргументов;

9) *сблизить позиции свою и оппонента*. Такая цель ставится в случаях, когда от сближения позиций зависит принятие решения оппонентом — адресатом аргументации. Например, при заключении договора аренды обоснование всех выгод от совершения сделки именно с субъектом аргументации (своевременная оплата, бережное отношение к имуществу арендодателя) станет фактором получения согласия со стороны адресата аргументации на его заключение.

Средства юридической аргументации — это все то, что используется субъектом аргументации для достижения поставленной цели. К *средствам юридической аргументации* следует относить: 1) правовые доводы; 2) юридические доказательства; 3) план юридической аргументации; 4) приемы и способы юридической аргументации; 5) правила юридической аргументации; 6) инструментальные средства юридической аргументации. Рассмотрим такие важные средства юридической аргументации как правила и приемы юридической аргументации.

Правила юридической аргументации — это требования к изложению правовых доводов, обусловленные нормативно-правовыми предписаниями и выработанные в юридической практике.

Правилами юридической аргументации являются следующие требования.

1. *Правило использования достоверного правового довода*. Соблюдая данное правило субъект юридической аргументации должен основывать свои доводы на достоверных сведениях, т.е. актуальной, соответствующей действительности информации. Например, построение правового довода исходя из недействующей редакции нормы права, может повлечь неправильную юридическую квалификацию, а изложение довода, основанного на недостоверном юридическом доказательстве, нивелирует такой довод, т.к., например суд может отвергнуть такое доказательство.

2. *Правило проверенности правового довода.* По сути, это требование к самому субъекту юридической аргументации по оценке правового довода на предмет его достоверности. Правовой довод может не быть проверен, но быть достоверным. Проверка же позволяет исключить недостоверные доводы.

3. *Правило допустимости правового довода.* Данное требование отлично от требования допустимости правовых доказательств. Недопустимым является правовой довод к личности соаргументатора, оскорбляющий его. Обращение к личности — это демонстрация слабости правовой позиции, когда убедить более нечем.

4. *Правило относимости правового довода.* Оно предполагает необходимость соответствия правового довода теме юридической аргументации и тезису, который аргументируется. Тема юридической аргументации — это и есть предмет спора, а тезис — обосновываемая или защищаемая правовая позиция.

5. *Правило достаточности правовых доводов.* В.И. Кириллов и А.А. Старченко указывают: «В своей совокупности доводы должны быть такими, чтобы из них по правилам логики в необходимости следовал доказываемый тезис. Достаточность доводов следует расценивать не смысле их количества, а с учетом их весомости. При этом отдельные, изолированные аргументы, как правило, обладают малым весом... Иное дело, если используется ряд доводов, которые взаимосвязаны и подкрепляют друг друга»¹.

6. *Правило обоснованности правового довода.* Необоснованный довод также называют бездоказательным, голословным, неподтвержденным. Требование обоснованности юридического довода представляет собой правило, по которому довод должен формулироваться на основе логического вывода с учетом оснований для этого вывода, которыми являются нормы права, разъяснения норм права, индивидуальные предписания и юридические доказательства.

7. *Правило убедительности доводов.* Оно должно восприниматься через внутреннюю оценку аргументатором довода на предмет того, примет или нет его или совокупность доводов адресат юридической аргументации, на предмет того, убедят ли они его или нет. От неубедительных доводов следует отказываться.

8. *Правило ненадуманности довода.* Недопустимо использовать надуманные или вымышленные правовые доводы. Они являются следствием специальной умышленной интерпретации событий субъектом таким образом, что имеющий место факт преломляется и подстраивается под выгодное для аргументатора решение вопроса и согласуется с его правовой позицией.

¹ Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник. М., 2008. С. 191.

9. *Правило непротиворечивости правовых доводов.* В соответствии с ним субъекту юридической аргументации следует приводить только такие доводы, которые взаимосогласованы друг с другом. Между такими аргументами не должно быть расхождений и противоречий. Несоблюдение этого правила дискредитирует самого субъекта аргументации, а не, например, имеющиеся доказательства в основе аргументации, так как показывает, что он либо не полностью владеет материалом, либо специально пытается ввести в заблуждение адресата аргументации, представляя противоречивую информацию.

10. *Правило последовательного изложения правовых доводов.* Каждый предыдущий довод должен быть связан с последующим. Таким образом, они представляют собой цепь рассуждения или обоснования и, будучи представленными с соответствующей последовательности должны подтверждать тезис аргументации.

Используются и иные правила в юридической аргументации.

От правил следует отличать *приемы юридической аргументации* — это действия субъекта юридической аргументации, состоящие в обосновании занимаемой им правовой позиции или опровержении позиции противника. Можно выделить следующие приемы.

1. *Прием подтверждения* — высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее правовой довод, обосновывающий занимаемую правовую позицию с использованием ссылки на правовое основание. Это может быть ссылка на положения нормативного правового акта, юридическое доказательство и т.д.

2. *Прием опровержения* — это высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее правовой контрдовод, обосновывающий ошибочность ранее приведенного довода с использованием ссылки на правовое основание.

3. *Прием демонстрации противоречий* — это высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее правовой контрдовод, подчеркивающий расхождение между правовыми доводами, приведенными ранее оппонентом по юридической аргументации.

4. *Прием изоляции* — это высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее правовой довод, демонстрирующий непризнание юридического факта, подтвердить который оппонент по аргументации не может.

5. *Прием примирения* — это высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее правовой довод с объяснением приведенного ранее юридического факта. Таким образом, нивелируется (устраняется) опасность юридического довода. Например: «Ответчик не уклонялся от проведения экспертизы проданного им товара, а предложил истцу предоставить товар на экспертизу, что последним сделано не было. Это подтверждается письмом, направленным в адрес истца».

6. *Прием бумеранга* — это высказывание субъекта юридической аргументации, представляющее собой правовой контрдовод, изложенный на основе высказанного оппонентом правового довода путем разворота в свою пользу, приведенных в нем юридических фактов или правовых оснований.

7. *Прием повторения* — это высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее ранее высказанный правовой довод в целях его закрепления в сознании воспринимающего субъекта.

8. *Прием видимой поддержки* — это высказывание субъекта юридической аргументации, которым он соглашается с высказанным правовым доводом оппонента и может даже приводить дополнительные доводы в поддержку позиции противника, но затем разбивает их путем изложения собственного правового контрдовода.

9. *Прием расчленения* — это высказывание субъекта юридической аргументации, содержащее правовой контрдовод с изложением такого юридического факта, который демонстрирует ошибочность одного или нескольких приведенных доводов в цепи аргументации его оппонента, что делает несостоятельной или ненадежной аргументацию противника в целом.

Кроме приемов юридической аргументации субъект аргументации осуществляет и иные действия. Например, может исключить из собственной цепи аргументации правовой довод, который может быть опровергнут противником. Вместе с тем, прием абстрагирования от опасного довода не является приемом аргументации. Иногда к приемам юридической аргументации относят прием игнорирования, как действие по демонстрации безразличного отношения к высказанному субъектом аргументации правовому доводу в случае, если этот довод трудно опровергнуть. Однако игнорирование не состоит в изложении довода как такового. Поэтому относить игнорирование к приемам юридической аргументации вряд ли целесообразно. Прием игнорирования — это прием ведения юридического спора, но не прием юридического аргументирования.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите и охарактеризуйте основные подходы к пониманию юридической аргументации в зарубежной научной мысли.
2. Какие признаки высвечивают правовую природу юридической аргументации?
3. Что представляет собой правовой довод?
4. Кто понимается под субъектом юридической аргументации?
5. Приведите примеры осуществления юридической аргументации сотрудниками полиции.
6. Каковы основная и локальная цели юридической аргументации?
7. Какие средства юридической аргументации вам известны?

8. Назовите правила юридической аргументации. Каково их значение для деятельности сотрудника полиции?
9. Назовите приемы юридической аргументации?
10. На какие группы классифицируются правовые доводы?

Тестовые задания

- 1) Выработка правил ведения рациональной дискуссии, которым должны следовать участники юридической аргументации, характерна для такого подхода к пониманию правовой аргументации, как:
 - a) логический подход
 - b) риторический подход
 - c) прагматодialeктический подход
 - d) лингвистический подход
- 2) Не является признаком юридической аргументации следующий:
 - a) осуществляется в связи с правовым спором
 - b) осуществляется в связи с конкретной правовой ситуацией
 - c) состоит в приведении правовых доводов
 - d) направлена на правовую аудиторию
- 3) Утверждение истца о том, что граница земельного участка самовольно перенесена ответчиком, представляет собой:
 - a) предмет юридической ситуации
 - b) предмет юридического спора
 - c) юридический аргумент (довод)
 - d) тезис юридической аргументации
- 4) Этап технологии юридической аргументации, на котором осуществляется формирование правовых доводов, носит название:
 - a) определение тезиса юридической аргументации
 - b) правовая самоаргументация
 - c) юридическое аргументирование
 - d) юридическое контраргументирование
- 5) Имеющее юридическое основание высказывание субъекта юридической аргументации, сформулированное в виде суждения или умозаключения, сделанное для подтверждения обосновываемого им правового положения (тезиса) или для опровержения правового положения, обосновываемого другим соаргументатором (антитезиса), носит название:
 - a) юридический факт
 - b) юридическое доказательство
 - c) правовой довод
 - d) правовая реплика
- 6) Не является доводом к норме права:
 - a) довод к правовому обычаю
 - b) довод к судебному прецеденту
 - c) довод к положениям нормативного правового акта
 - d) довод к правоприменительному акту

- 7) Довод к показаниям потерпевшего, относится к следующей группе правовых доводов:
- а) доводам к юридическим доказательствам
 - б) доводам к нормам права
 - в) доводам к индивидуальным предписаниям
 - г) доводам к разъяснениям правовых норм
- 8) Мнение субъекта юридической аргументации по определенному правовому вопросу, исходя из которого выстраивается система юридических аргументов, носит название:
- а) суждение субъекта юридической аргументации
 - б) умозаключение субъекта юридической аргументации
 - в) правовая позиция субъекта юридической аргументации
 - г) правовая реплика субъекта юридической аргументации
- 9) Как соотносятся понятия «участник юридической аргументации» и «субъект юридической аргументации»?
- а) эти два понятия тождественны друг другу
 - б) понятие «участник юридической аргументации» шире понятия «субъект юридической аргументации»
 - в) понятие «субъект юридической аргументации» шире понятия «участник юридической аргументации»
 - г) нет правильных ответов
- 10) Какой термин тождествен термину субъект юридической аргументации?
- а) адресат юридической аргументации
 - б) адресант субъект юридической аргументации
 - в) участник юридической аргументации
 - г) правовая аудитория
- 11) Какую из нижеперечисленных целей можно назвать основной целью юридической аргументации?
- а) цель принудить оппонента изменить линию своей аргументации
 - б) цель продемонстрировать адресату аргументации и (или) оппоненту неверность позиции оппонента
 - в) цель принудить оппонента согласиться с правовыми доводами субъекта юридической аргументации
 - г) цель убедить адресата юридической аргументации в правильности занимаемой позиции или неправильности позиции оппонента
- 12) Требования к изложению правовых доводов, обусловленные нормативно-правовыми предписаниями и выработанные в юридической практике, носят название:
- а) правила юридической аргументации
 - б) приемы юридической аргументации
 - в) способы юридической аргументации
 - г) принципы юридической аргументации
- 13) Соблюдение какого требования к юридической аргументации позволяет подтверждать свою правовую позицию опираясь на сведения, соответствующие действительности?

- a) правила достоверности правовых доводов
 - b) правило допустимости правовых доводов
 - c) правило достаточности правового довода
 - d) правила обоснованности правового довода
- 14) Правило юридической аргументации, по которому правовой довод должен формулироваться на основе логического вывода с учетом оснований для этого вывода, которыми являются нормы права, разъяснения норм права, индивидуальные предписания и юридические доказательства, носит название:
- a) правило непротиворечивости правовых доводов
 - b) правило допустимости правовых доводов
 - c) правило обоснованности правового довода
 - d) правило ненадуманности правового довода
- 15) Какой прием юридической аргументации состоит в использовании довода оппонента по аргументации путем поворота, изложенных в нем фактов и правовых оснований в свою пользу:
- a) прием расчленения довода
 - b) прием видимой поддержки
 - c) прием бумеранга
 - d) прием изоляции

Рекомендуемая литература

1. Атиенза М.Р. Евгений Булыгин и теория юридической аргументации / М.Р. Атиенза // Правоведение. — 2008. — № 3.
2. Бертель Ж.-Л. Общая теория права: пер. с фр. / Ж.-Л. Бертель; под общ. ред. В.И. Даниленко. — М., 2000.
3. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. — М., 2004.
4. Зайцев Д.В. Теория и практика аргументации / Д.В. Зайцев. — М., 2010.
5. Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации / Ю.В. Ивлев. — М., 2009.
6. Каргин К.В. Понятие и элементы юридической аргументации / К.В. Каргин. — Н. Новгород, 2011.
7. Каргин К.В. Юридический довод // Государство и право. — 2020. — № 6.
8. Макеева Е.А. Правовая аргументация как объект гносеологического анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Е.А. Макеева. — М., 2003.
9. Михалкин Н.В. Логика и аргументация в судебной практике / Н.В. Михалкин. — СПб., 2004.
10. Тимофеев И.А. Аргументация: теория и практика / И.А. Тимофеев. — СПб., 2005.
11. Чуешов К.В. Аргументация как средство социальной востребованности юристов и ее логико-лингвистические аспекты / К.В. Чуешов // Проблемы управления. — 2008. — № 2 (27).

Раздел 27

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕЕ ТЕХНИКА

27.1. Понятие и виды систематизации законодательства

Систематизация законодательства чаще всего определяется как упорядочение и совершенствование действующего нормативно-правового материала путем его обработки и изложения по определенной системе в виде сборников актов или в форме сводных кодификационных актов¹; объединение отдельных нормативных установлений в единую, внутренне согласованную систему²; целенаправленное упорядочение форм выражения права, осуществляемое с целью устранения несогласованностей между нормами права, очистки правовой системы от устаревших правовых норм и установления новых норм, соответствующих достигнутому уровню развития общества³; упорядочение действующих законов, всех нормативных актов, приведение юридических норм в упорядоченную, согласованную систему⁴. Все определения систематизации, таким образом, похожи друг на друга. Исключение составляет вариант определения систематизации как внешней обработки законодательства, не предполагающей, в отличие от кодификации, изменения содержания правовых актов⁵ (фактически, здесь имеется в виду инкорпорация, что создает сложности в разграничении этих понятий).

Обращает на себя внимание то, что в приведенных определениях в качестве предмета систематизации (упорядочения) указываются,

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1973.

² См.: Основы теории государства и права / под общ. ред. Н. Г. Александрова. М., 1960. С. 399.

³ См.: Общая теория государства и права: в 2 т. / под ред. В. С. Петрова, Л. С. Явича. М., 1974. Т. 2. С. 285.

⁴ См.: *Алексеев С. С.* Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 125.

⁵ См.: Законодательство и законодательная деятельность в СССР. М., 1972. С. 160.

как правило, нормативные правовые акты, однако необходимость в систематизации возникает, если из-за неупорядоченности в массиве нормативных правовых актов становится неудобным пользование правовыми нормами. Даже, если упорядочивается система правовых актов, все равно преследуется цель обеспечить удобство пользования нормами. Отметим, кстати, что в книге «Систематизация законодательства в Российской Федерации» отмечается, что «регулирующая роль и социальная ценность сводов (собраний) станут еще выше, если они в конце концов превратятся в «кодексы кодексов», т.е. в единые источники права, состоящие не из отдельных нормативных актов, а из правовых предписаний»¹. Тем не менее далее по тексту будет употребляться более традиционный термин «систематизация законодательства», под которой понимается *деятельность по приведению нормативных правовых актов и содержащихся в ней правовых норм в целостную согласованную систему*.

В большинстве работ в качестве форм систематизации фигурируют кодификация и инкорпорация.

Кодификация представляет собой такую форму систематизации, с помощью которой «обеспечивается системное нормативное регулирование одного вида общественных отношений путем создания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта, выражающего содержательную и юридическую специфику структуры обособленных подразделений системы права»². Таким образом, кодификация — создание из нескольких нормативных правовых актов одного нормативного правового акта.

В более поздних работах акцентирован еще ряд признаков кодификации: создание крупного и сложного по своей структуре акта, являющегося головным в той или иной отрасли права или законодательства, отличающегося стабильным содержанием³. Думается, что с таким подходом сложно согласиться. Когда из ряда совсем мелких нормативных правовых актов формируется просто средний по объему, причем производится определенное изменение нормативного регулирования, это, безусловно, тоже кодификация.

В науке отмечалось, что важно «бережно» относиться к самому понятию и термину «кодекс»⁴, т.е., чтобы нормативный правовой акт получил статус кодекса, необходимо, чтобы он охватывал несколько правовых институтов, составляющих значительный пласт

¹ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 67.

² См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 254.

³ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 44.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 258.

нормативного регулирования (выделение такого пласта часто очень оценочно), с тем, чтобы охватить кодексом целиком соответствующую сферу правового регулирования. Но результатом кодификации может быть создание не только кодекса, но и акта другой формы.

Так, А. С. Соминский выделял две черты кодификации. Первая черта — внесение тех или иных изменений в регулирование общественных отношений по существу. Вторая черта — в результате кодификации создается сводный акт вместо нескольких. Причем он уточняет: «понятию кодификации соответствует только... создание новых сводных актов»¹. В свою очередь, Д. А. Керимов также указывает как неотъемлемое свойство кодификации то, что в ее ходе «объединяются и укрупняются связанные между собой правовые акты», что она осуществляется «в целях... создания нового объединенного законодательного акта»² (отметим, кстати, что результатом кодификации может быть создание и подзаконного акта, если объединяются, с соответствующей переработкой нормативного массива, несколько подзаконных актов).

Инкорпорация представляет собой внешнее упорядочение действующих нормативных правовых актов без переработки норм права, когда нормативные правовые акты помещаются в единые сборники в хронологическом или тематическом порядке (соответственно хронологическая и тематическая (предметная) инкорпорация³), либо в каком-либо другом порядке. Особенность инкорпорации состоит в том, что в содержание помещаемых в сборники актов какие-либо изменения обычно не вносятся, а, значит, и содержание правового регулирования по существу не меняется. Именно это свойство инкорпорации — сохранение неизменным содержания нормативного регулирования — отличает ее от кодификации⁴.

Инкорпорация может быть официальной (проводимой по поручению уполномоченного правотворческого органа с последующим утверждением им) и неофициальной. Кроме того, некоторые авторы выделяют официозную (полуофициальную) инкорпорацию (проводимую по поручению уполномоченного правотворческого органа, но без последующего утверждения)⁵. Различают также генеральную

¹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. М., 1962. С. 10–12.

² Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 34–35.

³ См.: Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 125.

⁴ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 37.

⁵ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 14–18.

(полную) инкорпорацию, когда в собрание включается или все законодательство страны, или все федеральное законодательство, все нормативные акты того или иного субъекта РФ и т.д., и частичную инкорпорацию, когда составляются собрания и сборники нормативных актов по определенным вопросам, сфере государственной деятельности, определенной отрасли законодательства или правовому институту и другим признакам¹.

Некоторые исследователи признают за инкорпорацией право на переработку нормативного материала. Но это право ограничивают, как правило, внешней переработкой: «из числа нормативных актов исключаются акты и отдельные части актов, формально отмененные, имевшие временный характер, фактически утратившие свое значение...»². Например, А. Ф. Шебанов утверждал, что «... особой, более высокой и сложной формой инкорпорации можно считать такую форму систематизации нормативных материалов, когда... при составлении сборников действующего законодательства идут на то, чтобы... в некоторых случаях заменить действующий акт или несколько актов по одному и тому же вопросу вследствие их противоречивости, устарелости, разрозненности новым нормативным актом»³. Также И. С. Самощенко и Л. С. Явич справедливо отмечали, что инкорпорация «не исключает возможности попутных с инкорпорацией и в связи с ней некоторых изменений формы и содержания законодательства компетентными органами по представлению инкорпоратора»⁴. Д. А. Керимов, правда, возражает, указывая, что здесь имеет место «отождествление инкорпорации с кодификацией»⁵.

Любопытно, что составители Свода законов Российской Империи в 30-х гг. XIX века, даже будучи связаны предписанием поместить в Свод законы «без всякого изменения в существе их», все равно включили в инкорпорированный нормативный массив новые нормы⁶.

¹ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 40–41.

² См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М., 1962. С. 25. См. также: Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 33.

³ См.: Шебанов А. Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией действующего законодательства // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 141.

⁴ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 7.

⁵ См.: Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 30. Он же, например, прямо указывал, что Свод законов является результатом не инкорпорации, а кодификации (Закон в переходный период: опыт современной России («круглый стол» журнала) // Государство и право. 1995. № 10. С. 47).

⁶ См.: Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 36–37.

А. П. И. Стучка при составлении Свода законов СССР прямо призвал перейти к коренной переработке законодательства¹.

Таким образом, тщательно проводимая инкорпорация может влечь не просто механическое объединение нормативных правовых актов в некую единую систему, но и переработку инкорпорируемых актов, их увязку между собой, если речь идет не о составлении единого акта (условно — кодекса), а о создании сборника актов. Однако остается вопрос, рассматривать ли такую переработку актов как составную часть инкорпорации или как сопутствующую ей правотворческую деятельность.

Высшей формой инкорпорации традиционно считается уже упомянутый свод законов. Официальная инкорпорация была осуществлена в России путем издания Полного собрания законов Российской Империи в 1830 г. и Свода законов Российской Империи в 1832 г. При этом во многом Свод законов был близок к кодифицированным актам. Во-первых, систематизации в Своде были подвергнуты нормы, правила, предписания². Фактически, тем самым признавалось, что речь идет не о систематизации законодательства, а о систематизации права. Во-вторых, Свод, по существу, перерос форму инкорпорации, ведь определенная содержательная переработка нормативных предписаний имела место³.

Что касается советского исторического опыта комплексной и межотраслевой систематизации, то реально о нем можно говорить только применительно к составлению Свода законов СССР и РСФСР в конце 1970—1980 гг. Для него характерен ряд безусловно позитивных черт. Во-первых, работу по составлению Свода вела Юридическая комиссия при Совете Министров СССР, т.е. специально созданное и достаточно статусное организационное образование. Во-вторых, необходимо отметить весьма детальную и проработанную схему Свода законов. В-третьих, работа над Сводом законов сопровождалась нормотворческой работой⁴. В то же время существенным недостатком Свода законов был весьма ограниченный состав включаемых в него видов нормативных актов⁵. В результа-

¹ См.: *Стучка П. И. Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 18.* Цит. по: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 60. Заметим, что на самом деле, поскольку речь идет о составлении Свода законов, имеется в виду не кодификация, а инкорпорация.

² См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 279.

³ См. там же. С. 300.

⁴ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 324, 333.

⁵ См. там же. С. 322—323.

те, особенно с учетом сложившегося в СССР соотношения между законодательным и подзаконным регулированием, Свод оказался достаточно полезным для работы органов государственной власти, но мало помогающим прикладной деятельности по практической реализации прав субъектами правоотношений.

6 февраля 1995 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 94 «О подготовке к изданию свода законов Российской Федерации»¹. Он предусматривал ряд мероприятий по созданию этого свода. Во исполнение этого указа достаточно быстро появились две концепции структуры свода (Института законодательства и сравнительного правоведения и Института государства и права). Необходимо, однако, иметь в виду, что в указе предусматривалось создание свода действующих нормативных правовых актов, хотя устанавливалась возможность разработки отдельных укрупненных актов и восполнения пробелов законодательства. 14 февраля 1998 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 170 «О мерах по повышению эффективности работы, связанной с формированием свода законов Российской Федерации»². В целях подготовки свода была проведена определенная работа по инвентаризации законодательства, созданы рабочие группы в федеральных органах исполнительной власти. Был подготовлен и внесен в Государственную Думу проект Федерального закона «О своде законов Российской Федерации». В настоящее время указ 1995 г. полностью отменен, а в указе 1998 г. не осталось положений про свод законов. Само по себе это вряд ли заслуживает негативной оценки. Собственно говоря, свод законов, несмотря на плюсы (в основном, организационно-стимулирующего свойства) имеет определенные минусы, основной из которых состоит в том, что работа закичивается на существующем нормативном массиве, который, на самом деле, нуждается в определенных сферах в существенной «переконфигурации». Ценность свода законов для реального упорядочения нормативного регулирования тем более снижается, если исходить из подхода, согласно которому в свод законов помещаются лишь законодательные акты³. Никаких гарантий от «размывания» законодательного регулирования подзаконным в этом случае нет. Поэтому отсутствие в настоящее время в Российской Федерации свода законов не должно рассматриваться как значимая проблема нормативного правового регулирования.

Спорным является в теории права наличие такой формы систематизации, как *консолидация*. При консолидации несколько нормативных

¹ Российская газета. 1995. 9 февраля.

² Российская газета. 1998. 25 февраля.

³ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 60.

актов объединятся в новый нормативный акт без внутренней переработки и восполнения пробелов. Как считает А. А. Ушаков, консолидация является «таким же самостоятельным видом систематизации, как инкорпорация и кодификация»¹, с чем не согласились Д. А. Керимов² и А. Ф. Шебанов³.

Относят к систематизации и *справочно-информационную работу*, которая включает в себя сбор нормативного материала, его хранение, размещение по рубрикам, составление каталогов, информацию о нормативных актах, выдачу информационных данных, справок⁴. В силу технического характера данной деятельности далее об этой форме в настоящем разделе говорится подробно. Однако нужно иметь в виду, что в современных условиях справочно-информационная работа может осуществляться в электронном формате.

В частности, по своим параметрам под понятие справочно-информационной работы подпадает создание, пополнение, эксплуатация и использование справочных правовых систем (информационно-правовых систем). Они могут быть частными (наиболее известные из них — «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс») и государственными. В Российской Федерации государственной правовой системой является «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Согласно частям первой — третьей статьи 9.1 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»⁵ (с последующими изменениями⁶) «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) является сетевым изданием и входит в государственную систему правовой информации, функционирование которой обеспечивает федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны; на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) размещаются (опубликовываются) федеральные конституционные законы, федеральные законы, международные договоры, вступившие в силу для Российской Федерации, и международные договоры, которые временно применяются Российской Федерацией (за исключени-

¹ См.: Ушаков А. А. О кодификации советского законодательства // Ученые записки Пермского университета. 1959. Т. XI, кн. 4, ч. 1. С. 77–78.

² См.: Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 30.

³ См.: Шебанов А. Ф. Систематизация законодательства — важное условие совершенствования советского права // Право и коммунизм. М., 1965. С. 152.

⁴ См., например: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 254.

⁵ Российская газета. 1994. 15 июня.

⁶ Российская газета. 2011. 24 октября; 2012. 28 декабря; 2017. 4 июля; 2019. 8 мая.

ем договоров межведомственного характера), резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, предусматривающие введение, изменение, приостановление или отмену принудительных мер, акты палат Федерального Собрания, принятые по вопросам, отнесенным к ведению палат частью 1 статьи 102 и частью 1 статьи 103 Конституции Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления Конституционного Суда Российской Федерации, определения Конституционного Суда Российской Федерации о разъяснении постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, а также иные решения Конституционного Суда Российской Федерации, которыми предусмотрен такой порядок размещения (опубликования); на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) могут быть размещены (опубликованы) иные акты палат Федерального Собрания, правовые акты Правительства Российской Федерации, других органов государственной власти Российской Федерации, законы и иные правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты.

27.2. Техника систематизации законодательства

Техника систематизации законодательства — совокупность приемов, способов, методов ее осуществления. Она складывается из двух аспектов. Во-первых, формы систематизированного материала. Во-вторых, порядка действий по созданию этой формы.

Поскольку при кодификации речь идет, по существу, о технике подготовки нормативных актов, ниже рассматривается техника инкорпорации.

Элементами *формы инкорпорированного материала* можно признать порядок расположения в нем нормативных актов, способы и приемы организации взаимосвязи между ними, указатели, облегчающие поиск нужного акта и нужной нормы, реквизиты. Самым принципиальным вопросом является вопрос о структуре инкорпорированного материала.

Мировой опыт показывает, что возможны разные варианты. *Хронологическая инкорпорация* предполагает размещение инкорпорированного материала по времени его вступления в силу. Специалисты в сфере систематизации отмечали, что «хронологические собрания дают сравнительно мало для совершенствования законодательства»¹. Такой результат инкорпорации может иметь два значения.

¹ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 10.

Во-первых, хронологическая инкорпорация позволяет отобрать материал для использования в последующем в других, более рациональных, формах инкорпорации. Например, состоявшаяся в 20-х – 30-х гг. XIX в. комплексная систематизация российского законодательства началась с составления Полного Собрания законов в хронологическом порядке. Отсчет пошел с Соборного уложения 1649 г. Только на основе материалов Собрания в последующем был издан Свод законов Российской Империи¹. Этот исторический пример лишней раз подчеркивает, что проведение хронологической инкорпорации не может восприниматься как должный окончательный результат.

Во-вторых, способом использования хронологической инкорпорации могло бы быть изучение правового регулирования в соответствующей сфере в динамике его развития. Действительно, порой очень полезно проанализировать нормативные акты в динамике изменения правового регулирования общественных отношений в определенной сфере, однако для использования хронологической инкорпорации в этих целях ею было бы полезно охватить утратившие юридическую силу правовые акты. Наличие в официальном инкорпорированном материале утративших силу актов делает ее (инкорпорацию) неудобной для пользователя.

Другим возможным критерием расположения материала является алфавитный (алфавитно-предметный). Так, в Кодексе законов Индии (1955 г.), неофициальном собрании законов Англии акты распределяются в алфавитном порядке по своему содержанию². Такой способ инкорпорации относится к «наименее совершенным, примитивно-утилитарным системам»³, не могущим оказать влияние на усовершенствование законодательства.

Еще одним возможным способом, также, очевидно, относящимся к «примитивно-утилитарным», является так называемая «десятичная» система классификации. Состоит этот способ в выделении заранее строго ограниченного числа главных разделов (десяти) с последующим распределением между этими разделами имеющегося материала. Как свидетельствует мировой опыт, часто эти разделы составляются произвольно. Так, в Собрании Федерального права ФРГ (на 1981 г.) один из разделов именовался «Гражданское и уголовное право»⁴. Делить право по десятичной системе в целях его систематизации вряд ли раз-

¹ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 27, 35.

² См. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 98.

³ См. там же. С. 97.

⁴ См.: Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И. С. Самошенко. М., 1981. С. 125.

умно — это создаст дополнительные сложности как в самом процессе инкорпорации, так и при пользовании ее результатом.

Еще один *возможный критерий построения инкорпорированного материала — ведомственный*. Состоит он в том, что нормативный материал распределяется по разделам, относящимся к соответствующему министерству или иному ведомству. Яркий пример здесь — Кодекс федеральных регуляций США, включающий подзаконные акты федеральных органов власти¹. Основным дефектом такой системы является то, что она идет «от частного (ведомственного) к сумме частных»².

Может, гипотетически, иметь место *еще один вариант размещения материала — иерархический*, т.е. по степени уменьшения юридической силы охваченных инкорпорацией нормативных правовых актов: т.е. сначала Конституция, потом международные договоры и так далее. Но при такой инкорпорации акты, регулирующие очень близкие общественные отношения, могут оказаться отделенными друг от друга. Это было бы неудобно для пользователя инкорпорированным материалом.

Таким образом, *преобладающим должно стать размещение инкорпорированного материала по его содержанию (именуемое предметным, тематическим или систематическим)*. Оно многовариантно. Самый распространенный вариант — размещение нормативного материала строго по предмету правового регулирования, т.е., фактически, по отраслям, а в рамках одной отрасли — по подотраслям и правовым институтам. В принципе, это вполне приемлемый вариант, если, конечно, деление на разделы инкорпорированного материала выполнено четко и правильно, с соблюдением верных методологических принципов. Результатом такой инкорпорации будет удобно пользоваться, однако может возникнуть элемент «конкуренции» между разделами за размещение в них актов. Например, если при инкорпорации конституционного законодательства выделять раздел «Избирательное право» и раздел «Президентская власть», — куда должен попасть Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации»?

Надо признать, что эти недостатки, по большому счету, имеют «технический» характер и могут быть преодолены с помощью кропотливой, обстоятельной работы специалистов при составлении инкорпорированного материала. Например, предлагалось распределять материалы внутри главы систематического собрания таким образом, чтобы «обеспечивалось последовательное развитие темы данной главы»³, но есть

¹ См.: *Запольский С. В.* Система непрерывной кодификации в США: опыт 80-х годов // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. М., 1998. С. 385.

² См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 99.

³ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М., 1962. С. 232.

и принципиальный недостаток такого способа инкорпорации — это оторванность отдельных элементов, составных частей инкорпорированного материала от базового для данной сферы правового регулирования акта.

Чтобы избежать подобного недостатка, можно обратиться к такому способу инкорпорации, как размещение кодекса (или другого закона, являющегося базовым для определенной сферы общественных отношений) с другими актами в виде *«постатейных материалов»*. Обычно этот способ инкорпорации успешно применяется для издания неофициальных собраний нормативных правовых актов. Нет оснований исключать возможность его использования для осуществления официальной инкорпорации.

В основе инкорпорированного таким образом материала лежит нормативный правовой акт, имеющий широкий предмет правового регулирования, отдельные положения которого подлежат конкретизации, развитию другими нормативными правовыми актами, имеющими меньший по объему предмет регулирования в рамках общего предмета. Нормативные правовые акты, конкретизирующие и развивающие этот нормативный правовой акт, располагаются при этом в той же последовательности, что и соответствующие (подлежащие конкретизации, развитию) положения общего для них нормативного акта.

Рассмотрев в целом вопрос о структуре инкорпорированного материала, необходимо продумать, какие элементы формы данного материала будут обеспечивать удобство пользования им. Этой цели, прежде всего, должны служить *указатели*. В чем суть указателя? Это своеобразный поисковый механизм, являющийся «путеводителем»¹ по инкорпорированному материалу. Какие указатели могут использоваться при инкорпорации нормативных правовых актов?

Во-первых, простое *оглавление* — список составляющих инкорпорации в том порядке, в каком они размещены, с указанием страниц, где они опубликованы. Во-вторых, определенный смысл может иметь *указатель по видам актов*: сначала перечень всех международных договоров с указанием соответствующих страниц, потом федеральных конституционных законов, федеральных законов и так далее. Это облегчит поиск акта тем, кто знает его вид, но не знает названия. В-третьих, может применяться *хронологический указатель* — «перечень включенных в Собрание актов, составленный в соответствии с датой принятия актов»². Он может помочь разыскать нормативный правовой акт, исходя из даты его принятия.

¹ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 339.

² См. там же. С. 340.

Наиболее ценным видится использование *алфавитно-предметного указателя*, который «представляет собою перечень в алфавитном порядке используемых в законодательстве понятий с указанием связей, в которых они применяются в нормах права, и координаты тех мест Собрания, где помещены эти нормы»¹. Можно согласиться с мнением о том, что «подготовка хорошего алфавитно-предметного указателя... — дело чрезвычайно трудное»². Безусловно, оно потребует больших усилий от составителей.

Инкорпорированный материал должен быть, разумеется, опубликован. Сейчас, в эпоху широкого распространения компьютерной техники и программного обеспечения, в том числе справочных правовых систем, в опубликовании результата инкорпорации «на бумаге» нет жесткой необходимости, однако такое опубликование придаст работе законченность.

Есть три основных варианта опубликования систематизированного материала на бумаге: брошюрованные тома (книги), свободные (разъемные) листы, тетради³. Использование *брошюрованных томов (книг)* наиболее простой вариант, чреватый издержками при изменении инкорпорированных актов, когда, по сути, том теряет актуальность. Опубликование инкорпорированного материала в виде системы *разъемных листов* позволяет в случае изменения правового регулирования актуализировать результат инкорпорации. *Тетради* являются, по существу, усовершенствованным вариантом разъемных листов (одна тетрадь соответствует одному акту и при изменении акта меняется вся тетрадь).

Отметим, что поскольку в состав инкорпорированного материала входят отдельные акты (на то это и инкорпорация), было бы логично, чтобы, принимая решения, правоприменитель ссылался все-таки именно на конкретный акт, а не на какой-либо порядковый номер в опубликованном систематизированном материале. Инкорпорированные собрания «можно рассматривать лишь как источники актов, т.е. как форму публикации, издания актов»⁴.

¹ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 341.

² См. там же.

³ См.: Об этих формах опубликования инкорпорированного материала см. подробнее: Там же. С. 322–336.

⁴ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 12. Заметим, что, например, в США правовые предписания, вошедшие в Кодекс законов, «обезличиваются», т.е. утрачивают принадлежность к акту, в составе которого были установлены (*Запольский С. В.* Система непрерывной кодификации законодательства США: опыт 80-х годов // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. М., 1998. С. 382).

Если предусматривается официальная инкорпорация, ее форма и порядок осуществления должен быть закреплен в нормативном правовом акте. Собственно говоря, такой *нормативный акт должен стать первым шагом официальной инкорпорации*. При этом в том случае, если инкорпорация будет охватывать законы, акт о ней тоже желательно принимать в форме закона.

Сначала необходимо произвести отбор всех охватываемых инкорпорацией нормативных актов. Сперанский заметил, что недостатки предыдущих попыток систематизации связаны с тем, что «начинали составлять своды без полного их [законов. — В. С.] собрания...»¹.

Технология работы по отбору нормативного материала для систематизации подробно рассмотрена в советской юридической литературе². Надо только учитывать, что данное описание учитывает правовые реалии 60–70-х гг. прошлого века, поэтому остановимся лишь на отдельных аспектах. Самым важным при отборе актов для дальнейшей систематизации является *вычленение нормативных актов*, однако вопрос отбора актов в этом аспекте исследован весьма обстоятельно³, поэтому можно заострить внимание на некоторых других проблемах.

В связи с отбором актов возникает важный вопрос *об устаревших (фактически утративших юридическую силу, но не отмененных официально) актах*. «Многие из этих актов настолько утратили свое значение, что выявление их не представляет большого труда, однако для того, чтобы выявить все такие акты, необходимо тщательно исследовать законодательство...»⁴. Это предполагает принятие комиссионного решения о том, какие акты утрачивают силу. Для оформления утраты актами юридической силы требуется составление перечня фактически утративших юридическую силу актов с направлением на утверждение в соответствующий орган.

Следующий вопрос, связанный с предыдущим, — о возможности включения в инкорпорированный материал актов, *имеющих истори-*

¹ Сперанский М. М. Предположения к окончательному составлению законов // Русская старина. 1876. Т. 15. Цит. по: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 27.

² См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. М., 1962. С. 161–184; Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 124–153.

³ Признаки нормативности правовых предписаний комплексно исследовали, в частности, А. В. Мицкевич (*Мицкевич А. В.* Акты высших органов советского государства. М., 1967. С. 30–57), В. К. Бабаев (*Нормы советского права. Проблемы теории* / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 79–95).

⁴ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 156.

ческое значение. В советский период такими актами считались первые декреты советской власти, важнейшие постановления съездов советов и тому подобное. В наше время таким актом может, например, считаться Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации от 12 июня 1990 г. Раньше, применительно к фактически утратившим силу первым актам советской власти, споры о необходимости включения их в собрание законов основывались на том, что «историческое значение их настолько велико, что не может быть и речи о признании этих актов утратившими силу»¹, однако думается, что такой подход был излишне идеологизирован.

Отдельный вопрос — о включении в инкорпорированный материал *актов временного характера.* К таким актам относятся акты, действие норм которых ограничено определенным периодом: календарным сроком или временем, необходимым для выполнения той или иной конкретной задачи. Большинство специалистов придерживается точки зрения, что такие акты должны включаться в инкорпорированный материал². Но есть и другая точка зрения. Например, Д. А. Керимов полагает, что поскольку собрания создаются на долгие годы, вряд ли туда имеет смысл включать акты временного характера³. Отметим, что отделить акты временного характера от актов постоянного характера не всегда просто. Выделяют особую категорию актов, имеющих однократное действие, но при этом — так называемое «конститутивное значение»⁴, т.е. актов, которыми создаются новые правовые институты, в дальнейшем продолжающие действовать. Как представляется, для включения таких актов в инкорпорированный материал также нет препятствий.

После отбора актов их, в действующей на момент осуществления инкорпорации редакции, размещают в избранном порядке в соответствующем сборнике (собрании).

В науке нередко ставился вопрос о том, что результат *официальной инкорпорации необходимо утверждать в окончательном виде решением органов государственной власти.* Отмечалось: «юридические основания таких собраний складываются либо из двух актов (о начале и завершении составления собрания), либо из одного акта (о завершении составления собрания или просто о составлении собрания)», «необоснованной представляется практика, при которой с самого начала будущему

¹ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. М., 1962. С. 183.

² См., например: *Иодковский А. Н.* О кодификации законодательства СССР // Советское государство и право. 1949. № 4. С. 23.

³ См.: *Керимов Д. А.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 83–84.

⁴ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 140.

собранию придается официальная сила, без санкционирования итогов работы над ним самим законодательным органом»¹.

В качестве разновидности официальной инкорпорации по ее правовым последствиям нередко выделяют *инкорпорацию «негативную»*, т.е. означающую, что не охваченные ею источники права после утверждения результата инкорпорации утрачивают юридическую силу², однако при инкорпорации, не охватывающей всю систему права, а затрагивающей только одну ее отрасль или сферу регулирования, рискованно придавать инкорпорированному материалу такое юридическое значение. Дело в том, что отраслевые и предметные границы размыты. В такой ситуации возможно, что какой-либо правовой акт, который кто-либо из правоприменителей будет относить к определенной отрасли или сфере, на деле таковым не является, поэтому и не подразумевалось, что он утрачивает юридическую силу. Правоприменитель же необоснованно откажется его применить, ссылаясь на то, что его нет в инкорпорированном материале. Например, А. С. Пиголкин прямо пишет, что представляется недопустимым ограничиваться общей формулировкой «отменяются все ранее изданные акты по этому вопросу»³. Той же точки зрения придерживается Д. А. Керимов⁴, поэтому, чтобы избежать путаницы, было бы логично прикладывать к инкорпорированному материалу *перечень отменяемых актов*⁵.

Вопросы для самоконтроля

1. Какой термин – систематизация законодательства или систематизация правовых норм – является более предпочтительным?
2. Перечислите формы систематизации законодательства (правовых норм) и дайте их понятие.
3. Обсудите Свод законов Российской Федерации как возможную форму систематизации. В чем плюсы и минусы этого проявления инкорпорации?
4. Какие указатели могут использоваться в инкорпорированном материале?
5. Что такое «негативная» инкорпорация? В чем ее достоинства и недостатки?

¹ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 17–18.

² См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А. Н. Мишутина. М., 1969. С. 18–19.

³ См.: *Пиголкин А. С.* Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика). М., 1968. С. 79.

⁴ См.: *Керимов Д. А.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 79.

⁵ Методика их составления описана: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М., 1962. С. 194–199.

Тестовые задания

- 1) К формам систематизации законодательства не относится:
 - a) кодификация
 - b) инкорпорация
 - c) оценка регулирующего воздействия
- 2) Необходимой и обязательной чертой кодификации не является следующая:
 - a) в результате кодификации создается сводный нормативный акт вместо нескольких
 - b) в ходе кодификации осуществляется внесение изменений в регулирование общественных отношений
 - c) в результате кодификации возникает нормативный правовой акт, именуемый «кодекс»
- 3) Под официозной инкорпорацией в юридической науке понимают:
 - a) инкорпорацию, проводимую по поручению уполномоченного правотворческого органа с последующим утверждением им
 - b) инкорпорацию, проводимую по поручению уполномоченного правотворческого органа, но без последующего утверждения им
 - c) инкорпорацию, проводимую научной организацией, имеющей организационно-правовую форму государственного учреждения
- 4) Хронологическая инкорпорация предполагает размещение инкорпорированного материала:
 - a) по времени вступления нормативных актов в силу
 - b) по времени предполагающейся утраты нормативными актами силы
 - c) по времени создания органа, принявшего нормативный правовой акт
- 5) Указателем в сборнике нормативных актов в результате инкорпорации не является:
 - a) оглавление
 - b) предметный указатель
 - c) перечень судебных решений Верховного Суда РФ, в которых применен включенный в сборник акт
- 6) Под «негативной инкорпорацией» в науке понимается официальная инкорпорация:
 - a) охватывающая только источники права, утратившие силу на момент начала инкорпорации
 - b) означающая, что не охваченные ею источники права после утверждения результата инкорпорации утрачивают юридическую силу
 - c) охватывающая только источники права, которые утратят силу после завершения инкорпорации

Рекомендуемая литература

1. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника / Д.А. Керимов. – М., 1962.

2. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А.Н. Мишутина. – М., 1969.
3. Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И.С. Самощенко. – М., 1981.
4. *Сивицкий В.А.* Проблема систематизации правовых норм в Российской Федерации / В.А. Сивицкий. – М., 2007.
5. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 2003.
6. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. – М., 1962.

КЛЮЧИ К ТЕСТОВЫМ ЗАДАНИЯМ

Тестовые задания

к разделу 1:

- 1) b
- 2) 1-с, 2-d, 3-f, 4-а, 5-d, 6-е
- 3) 1-b, 2-d, 3-а, 4-с
- 4) 1-а, 2-а, 3-b, 4-b
- 5) f
- 6) а
- 7) е

Тестовые задания

к разделу 2:

- 1) 1-b, 2-b, 3-а, 4-а
- 2) b
- 3) состав
- 4) 1-b, 2-d, 3-е, 4-с, 5-а
- 5) 1-а, 2-с, 3-b, 4-е, 5-b, 6-b
- 6) 1-b, 2-а, 3-b, 4-а
- 7) b
- 8) b, c, d, f
- 9) a, b, e

Тестовые задания

к разделу 3:

- 1) a
- 2) d
- 3) c
- 4) b
- 5) c
- 6) a
- 7) d
- 8) c
- 9) a

10) d

11) c

12) a

13) c

14) d

15) a

Тестовые задания

к разделу 4:

1) c

2) a

3) b

4) c

5) b

6) b

7) a

8) b

9) a

10) a

11) c

Тестовые задания

к разделу 5:

1) a

2) c

3) b

4) c

5) a

6) a

7) a

8) c

9) c

**Тестовые задания
к разделу 6:**

- 1) а
- 2) d
- 3) с

- 6) с
- 7) с
- 8) а
- 9) 1-а, 2-а, 3-в, 4-а, 5-в, 6-в
- 10) d
- 11) а-уяснении, в-воссоздании
- 12) а

**Тестовые задания
к разделу 7:**

- 1) с
- 2) а
- 3) а
- 4) b
- 5) с
- 6) b
- 7) а
- 8) b
- 9) b

**Тестовые задания
к разделу 11:**

- 1) а, d, f
- 2) а
- 3) b
- 4) с
- 5) b
- 6) а, d, е
- 7) аксиомы
- 8) с
- 9) b
- 10) 1-с, 2-а, 3-е, 4-d, 5-d
- 11) 1-а, 2-в, 3-d, 4-в
- 12) 1-в, 2-с, 3-d, 4-а
- 13) b
- 14) с
- 15) b

**Тестовые задания
к разделу 8:**

- 1) с, d
- 2) с
- 3) а, b
- 4) а
- 5) с
- 6) с

**Тестовые задания
к разделу 12:**

- 1) а
- 2) b

**Тестовые задания
к разделу 9:**

- 1) а
- 2) с
- 3) с
- 4) а
- 5) d
- 6) d

**Тестовые задания
к разделу 13:**

- 1) красоты
- 2) а
- 3) d
- 4) b
- 5) а, е
- 6) 1-d, 2-г, 3-а, 4-с, 5-е, 6-f, 7-в

**Тестовые задания
к разделу 10:**

- 1) стиль
- 2) а
- 3) а
- 4) 1-с, 2-d, 3-в, 4-а
- 5) b

**Тестовые задания
к разделу 14:**

- 1) 1-с, 2-d, 3-а, 4-в
- 2) b

- 3) авторства
- 4) а
- 5) с
- 6) b

**Тестовые задания
к разделу 15:**

- 1) b
- 2) d

**Тестовые задания
к разделу 16:**

- 1) b, d
- 2) b

**Тестовые задания
к разделу 17:**

- 1) b
- 2) b
- 3) a

**Тестовые задания
к разделу 18:**

- 1) a
- 2) b
- 3) с

**Тестовые задания
к разделу 19:**

- 1) a, d, f, g, h, i, k, m
- 2) с
- 3) с
- 4) a
- 5) d

**Тестовые задания
к разделу 20:**

- 1) a, b, c, d, f
- 2) с
- 3) b
- 4) d

**Тестовые задания
к разделу 21:**

- 1) b, c, d, e
- 2) a, b, d, e
- 3) a, b, c, e, f
- 4) a, c, d, f
- 5) a, b, c, d, f
- 6) c, d, e
- 7) b, c, f, g
- 8) 1-a, c, e, h, 2-b, d, f, g
- 9) a, c, d, e
- 10) b, c, d, e
- 11) a
- 12) e

**Тестовые задания
к разделу 22:**

- 1) с
- 2) d
- 3) b
- 4) a
- 5) d
- 6) b
- 7) a
- 8) с
- 9) d
- 10) с
- 11) a
- 12) с
- 13) с
- 14) с
- 15) a

**Тестовые задания
к разделу 23:**

- 1) a
- 2) с
- 3) использование
- 4) применения
- 5) a, c, d, e
- 6) a, b, e
- 7) a, b, d, e
- 8) формуляр
- 9) унификация

10) с, d	12) а
11) ошибка	13) а
12) а, с	14) с
13) реализации	15) с
14) b	
15) а, d	

**Тестовые задания
к разделу 24:**

- 1) d
- 2) а
- 3) с

**Тестовые задания
к разделу 25:**

- 1) а, с, d
- 2) а, с
- 3) а, с, d, e
- 4) b, с, d
- 5) а, b, с, e
- 6) а, с, d
- 7) а, b, с, f
- 8) юридическая конструкция
- 9) b, с
- 10) 1-с, 2-е, 3-а, 4-d, 5-b, 6-g,
7-h, 8-f, 9-i
- 11) предварительный
- 12) 1-с, 2-d, 3-а, 4-b
- 13) публично-правовые
- 14) а, b, d

**Тестовые задания
к разделу 26:**

- 1) с
- 2) а
- 3) d
- 4) b
- 5) с
- 6) d
- 7) а
- 8) с
- 9) b
- 10) b
- 11) d

**Тестовые задания
к разделу 27:**

- 1) с
- 2) с
- 3) b
- 4) а
- 5) с
- 6) b

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив.....	5
Введение. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗОВСКОМ ПРАВОВОМ ОБРАЗОВАНИИ	7
Раздел 1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА	
1.1. Предмет науки «Юридическая техника» и история его развития.....	16
1.2. Юридическая техника как учебная дисциплина.....	31
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	<i>35</i>
<i>Тестовые задания</i>	<i>35</i>
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	<i>37</i>
Раздел 2. ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	
2.1. Понятие юридической техники.....	38
2.2. Виды юридической техники	46
2.3. Значение юридической техники.....	53
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	<i>56</i>
<i>Тестовые задания</i>	<i>56</i>
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	<i>58</i>
Раздел 3. ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ	
3.1. Понятие юридического документа	60
3.2. Функции юридических документов.....	64
3.3. Классификация юридических документов.....	67
3.4. Технология работы с юридическими документами	71
3.5. Требования к юридическим документам.....	75

	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	79
	<i>Тестовые задания</i>	79
	<i>Рекомендуемая литература</i>	82
Раздел 4.	ТЕХНИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ	
4.1.	Понятие легализации юридических документов.....	83
4.2.	Виды легализации юридических документов.....	91
4.3.	Приемы легализации юридических документов	99
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	108
	<i>Тестовые задания</i>	108
	<i>Рекомендуемая литература</i>	110
Раздел 5.	ТЕХНИКА ИЕРАРХИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА	
5.1.	Понятие иерархии источников права.....	111
5.2.	Факторный анализ иерархии источников права	117
5.3.	Правовые формы выражения иерархической зависимости источников права.....	121
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	127
	<i>Тестовые задания</i>	127
	<i>Рекомендуемая литература</i>	128
Раздел 6.	ПРЕАМБУЛА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА	
6.1.	Понятие и элементы преамбулы нормативного правового акта	129
6.2.	Преамбулы нормативных правовых актов в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации	142
6.3.	Преамбулы нормативных правовых актов в практике конституционного правосудия Российской Федерации	144
6.4.	Преамбулы нормативных правовых актов в практике международного европейского правосудия	145
6.5.	Преамбулы нормативных правовых актов в практике Международного Суда ООН.....	147
6.6.	Реализация преамбул нормативных правовых актов в конкретных актуальных сферах общественной жизни.....	148

	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	155
	<i>Тестовые задания</i>	155
	<i>Рекомендуемая литература</i>	155
Раздел 7.	ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ	
7.1.	Понятие юридической терминологии.....	156
7.2.	Виды юридической терминологии.....	162
7.3.	Требования к юридической терминологии	170
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	181
	<i>Тестовые задания</i>	182
	<i>Рекомендуемая литература</i>	183
Раздел 8.	ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	
8.1.	Понятие и структура юридической терминологической системы.....	184
8.2.	Способы образования юридических терминов.....	189
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	197
	<i>Тестовые задания</i>	198
	<i>Рекомендуемая литература</i>	199
Раздел 9.	ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ	
9.1.	Законодательные дефиниции: понятие и значение	200
9.2.	Виды законодательных дефиниций	208
9.3.	Требования к законодательным дефинициям	212
9.4.	Принципы законодательных дефиниций.....	218
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	222
	<i>Тестовые задания</i>	223
	<i>Рекомендуемая литература</i>	224
Раздел 10.	ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ	
10.1.	Понятие законодательного стиля	225
10.2.	Общие принципы организации законодательного текста.....	229
10.3.	Основные правила словесного изложения норм права.....	231
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	235
	<i>Тестовые задания</i>	236
	<i>Рекомендуемая литература</i>	238

Раздел 11. ПРАВОВЫЕ СИМВОЛЫ

11.1. Понятие и признаки правового символа	239
11.2. Функции правовых символов	245
11.3. Соотношение правовых символов с другими категориями.....	248
11.4. Классификация правовых символов.....	252
11.5. Техничко-юридические требования к правовым символам	260
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	263
<i>Тестовые задания</i>	263
<i>Рекомендуемая литература</i>	266

Раздел 12. ИДЕЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЗАКОНОПРОЕКТА

12.1. Понятие и значение идеи законопроекта	268
12.2. Сущность, виды и проблемы реализации концепций законопроектов.....	278
12.3. Диалектика функционирования идей и концепций законопроектов.....	285
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	288
<i>Тестовые задания</i>	288
<i>Рекомендуемая литература</i>	289

Раздел 13. ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И ПРАВОВЫЕ АКСИОМЫ

13.1. Юридическая конструкция: сущность, типология, значение.....	290
13.2. Правовая аксиома: природа, виды, ценность.....	299
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	308
<i>Тестовые задания</i>	309
<i>Рекомендуемая литература</i>	310

Раздел 14. ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ И ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ

14.1. Сущность, виды, значение правовых презумпций.....	311
14.2. Юридические фикции: понятие, классификация, проблемы реализации	320
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	330
<i>Тестовые задания</i>	331
<i>Рекомендуемая литература</i>	332

Раздел 15. ПРИМЕЧАНИЯ В ПРАВЕ

- 15.1. Понятие и необходимость примечаний в праве 333
- 15.2. Виды примечаний в действующем праве России 338
- 15.3. Эффективность реализации примечаний
российского права и пути ее повышения 347
- Вопросы для самоконтроля* 351
- Тестовые задания* 351
- Рекомендуемая литература* 352

Раздел 16. ПЕРЕЧЕНЬ В ПРАВОТВОРЧЕСКИХ АКТАХ

- 16.1. Понятие и значение перечня в нормативных
правовых актах 353
- 16.2. Виды нормотворческих перечней 361
- 16.3. Основные пути повышения эффективности
формулирования и реализации перечней
в нормативных правовых актах 366
- Вопросы для самоконтроля* 370
- Тестовые задания* 371
- Рекомендуемая литература* 371

**Раздел 17. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЛОЖЕНИЙ
В ПРАВЕ**

- 17.1. Понятие и назначение приложений к актам
правотворчества 373
- 17.2. Виды приложений к правотворческим актам 376
- Вопросы для самоконтроля* 378
- Тестовые задания* 378
- Рекомендуемая литература* 379

**Раздел 18. ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ТЕХНИКО-
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ**

- 18.1. Понятие и целевое предназначение
исключений в праве 380
- 18.2. Классификация исключений в праве 389
- 18.3. Терминологическое выражение исключений в праве 390
- 18.4. Исключения в праве как прием юридической
техники 394
- 18.5. Исключения в праве и судебная практика:
аспекты взаимосвязи 398

<i>Вопросы для самоконтроля</i>	403
<i>Тестовые задания</i>	403
<i>Рекомендуемая литература</i>	404

Раздел 19. ОФОРМЛЕНИЕ ПРОЕКТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

19.1. Общие требования по оформлению проекта нормативного правового акта	405
19.2. Особенности оформления нормативного приказа	407
19.3. Оформление изменений в нормативные правовые акты, признания их утратившими силу либо приостановления действия	414
19.4. Особенности оформления сносок, ссылок и примечаний	421
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	424
<i>Тестовые задания</i>	424
<i>Рекомендуемая литература</i>	425

Раздел 20. ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

20.1. Задачи, предмет и субъекты правовой экспертизы	427
20.2. Принципы правовой экспертизы.....	431
20.3. Методика правовой экспертизы.....	437
20.4. Виды наиболее типичных нормотворческих ошибок.....	449
20.5. Особенности осуществления антикоррупционной экспертизы	453
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	459
<i>Тестовые задания</i>	459
<i>Рекомендуемая литература</i>	460

Раздел 21. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЭЛЕКТРОННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

21.1. Недостатки технико-юридической формы традиционных «бумажных» нормативных правовых актов.....	463
21.2. Вводная часть электронного нормативного правового акта	467
21.3. Текстовая часть электронного нормативного правового акта	470

21.4.	Паспортная часть электронного нормативного правового акта	472
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	483
	<i>Тестовые задания</i>	483
	<i>Рекомендуемая литература</i>	485
Раздел 22. ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА		
22.1.	Интерпретационная юридическая техника: понятие, признаки, значение.....	486
22.2.	Виды интерпретационной техники.....	494
22.3.	Интерпретационные акты как правовые документы: юридическая природа, техника подготовки и оформления	511
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	517
	<i>Тестовые задания</i>	517
	<i>Рекомендуемая литература</i>	519
Раздел 23. ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННАЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА		
23.1.	Применение как особая юридическая форма обеспечения реализации права	522
23.2.	Правоприменительные акты, их особенности, виды и структура	525
23.3.	Общеправовые и специфические юридико-технические средства и приемы правоприменительных актов	531
23.4.	Своеобразие правоприменительной техники актов органов внутренних дел.....	535
23.5.	Юридическая техника актов реализации права	546
	<i>Вопросы для самоконтроля</i>	552
	<i>Тестовые задания</i>	553
	<i>Рекомендуемая литература</i>	555
Раздел 24. ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ		
24.1.	Понятие, назначение и виды правового мониторинга.....	557
24.2.	Организация и методика мониторинга правоприменения в Российской Федерации	561

24.3. Организация правового мониторинга в системе МВД России	569
24.4. АИС «Мониторинг»	576
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	581
<i>Тестовые задания</i>	581
<i>Рекомендуемая литература</i>	582
Раздел 25. ДОГОВОРНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА	
25.1. Договоры как специфический вид правовых актов, их содержание, существенные условия и виды	583
25.2. Форма, реквизиты и структура договора	587
25.3. Средства и приемы договорной юридической техники	589
25.4. Договорные юридические технологии	593
25.5. Особенности реализации правил юридической техники в договорной работе полиции.....	596
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	598
<i>Тестовые задания</i>	599
<i>Рекомендуемая литература</i>	601
Раздел 26. ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ: СУЩНОСТЬ, ТЕХНИКА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ	
26.1. Понятие юридической аргументации.....	602
26.2. Понятие и виды правовых доводов	606
26.3. Участники юридической аргументации	608
26.4. Цели, правила и приемы юридической аргументации.....	611
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	615
<i>Тестовые задания</i>	616
<i>Рекомендуемая литература</i>	618
Раздел 27. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕЕ ТЕХНИКА	
27.1. Понятие и виды систематизации законодательства.....	619
27.2. Техника систематизации законодательства	626
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	633
<i>Тестовые задания</i>	634
<i>Рекомендуемая литература</i>	634
Ключи к тестовым заданиям	636